Джузеппе Боффа

История Советского Союза

Джузеппе Боффа

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Giuseppe Boffa

STORIA DELL'UNIONE SOVIETICA

Dalla rivoluzione
alla seconda guerra mondiale
Lenin e Stalin
1917-1941

Arnoldo Mondadori Editore

Джузеппе Боффа

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В двух томах

1

От революции
до второй мировой войны
Ленин и Сталин
1917-1941

«Международные отношения»
Москва 1994

ББК 63.3(2)
Б72

Общая редакция
кандидата исторических наук
Е. А. Амбарцумова

Б $\frac{0503020000—037}{003(01) —94}$ Без об'явл.

ISBN 5-7133-0544-9 (т. 1)
ISBN 5-7133-0543-0

Лауре

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Должен признаться, что испытываю глубокое волнение, представляя этот мой труд на суд советских читателей и исследователей. Я ощущаю что-то похожее на то чувство тревоги, какое переживает студент перед экзаменом, и не имеет значения, что возраст мой далеко не студенческий.

Писать историю чужой страны всегда очень трудно. Еще труднее писать о такой стране, как Советский Союз: его история в этом столетии необычна во всех отношениях. Суд читателей —серьезное испытание. Для меня, впрочем, это не внове. В силу ремесла, которым я занимаюсь, я большую часть жизни писал для других: и как журналист, и как историк. Однако по отношению к такой книге, как эта, я не могу воспринимать советского читателя как любого другого. История, о которой здесь рассказывается, это его история. Я стремился изучить ее со всей тщательностью, на какую способен. Он же пережил ее, выстрадал, как говорится, на собственной шкуре или, что то же самое, на личном опыте кого-то из своих близких: неважно — родителей, родственников, друзей. Поскольку я всегда испытывал самые добрые чувства к его земле, к истории его страны, я не могу не ждать его реакции с куда большим интересом и даже тревогой, чем реакции других читателей (хотя и от нее не отмахнешься).

Остается объяснить, как и почему я написал эту книгу. Я довольно долго жил в Советском Союзе. Первый раз я приехал сюда 28 декабря 1953 г. Сталин умер всего несколько месяцев назад. Прошло меньше месяца с того дня, как было объявлено о расстреле Берии. Прибыл я в качестве корреспондента газеты «Унита», и мне предстояло прожить в вашей стране целых пять лет, почти до конца 1958 года. Советский читатель знает, то были годы «вокруг» XX съезда КПСС — события, оказавшего решающее воздействие на меня, как, наверное, и на многих людей моего поколения в СССР. Затем я снова вернулся в Москву, и снова в качестве корреспон-

дента той же газеты, в 1963—1964 годы — советский читатель и на этот раз без труда вспомнит, что речь идет о годах кризиса и конца хрущевского правления. Были у меня, впрочем, возможности и для других, более кратких поездок в СССР: практически ежегодных в 60-е годы, более редких — в последующие десятилетия. Во время моего пребывания в вашей стране я много путешествовал; таким образом, я посетил почти все республики и почти все регионы Советского Союза.

Прибыв в 1953 году, я оказался первым итальянским постоянным корреспондентом в Москве в послевоенное время. Через несколько месяцев стали приезжать и другие. Журналистом я стал в 1946 году, когда поступил на работу в редакцию «Униты». Членом Итальянской коммунистической партии — в 1944 году: вступил в нее двадцатилетним в период Сопротивления, был принят в подпольную парторганизацию в концентрационном лагере Фоссоли, откуда позже мне удалось бежать. В СССР я приехал одолеваемый безмерным любопытством, неотделимым, разумеется, от политического пристрастия.

В ходе долгого знакомства со страной и ее людьми чувства мои делались все более сложными. Да иначе и быть не могло. Одно могу сказать твердо: чувство дружбы, возникшее у меня с самого начала, оставалось всегда неизменным. Скажу больше: СССР, его народ, его история, его проблемы стали неотъемлемой частью моей собственной жизни. Нет ни одной другой темы, которая бы занимала столь большое место в моей работе и, следовательно, в самом моем существовании. Практически я никогда не переставал заниматься вашей страной, даже когда был далеко от нее или когда эти занятия приносили преимущественно разочарования, как в годы, которые вы ныне называете «застойными».

Более сложными же мои чувства становились по многим причинам, в частности потому, что мое знакомство со страной и ее проблемами делалось все более непосредственным. Но был при этом и один, на мой взгляд, важнейший мотив. Уже очень скоро я почувствовал себя не простым зрителем, но участником разворачивавшихся вокруг меня событий, вовлеченным в них, а не отстраненно наблюдающим их течение и исход. Это не могло не повлиять и на мое отношение к отдельным людям. У меня сложились прочные дружеские связи, сохранившиеся и по сей день. Довелось мне испытать и глубокую неприязнь, в частности по отношению к тем, кто выглядел

в моих глазах защитником дурных порядков либо ревнителем неприемлемых для меня убеждений, либо даже просто к людям, чье поведение мне претило. Конечно, такое, думаю, случается с каждым, кому приходится подолгу жить в какой-то стране: сами собой возникают симпатии и антипатии. Но то, что происходило со мной в СССР, затрагивало и постепенно обусловливало мои политические и идейные убеждения, сам образ мыслей, а не только настроения.

Отсюда родилась и моя страсть к изучению советской истории. По правде говоря, побудила меня к этому моя журналистская работа — как я ее понимаю. Я всегда был убежден: если человек работает корреспондентом в какой-то стране, то он не может уклоняться от долга возможно лучше знать также историю народа, о котором он должен писать.

Кое-кто возвел чуть ли не в ранг теории, что журналисту достаточно рассказывать то, что он видит. Нет, это не так. Для того, чтобы понимать, что́ происходит у тебя на глазах, нельзя обойтись без знания предшествующих фактов, причем не только непосредственно предшествующих, но и более отдаленных событий, наложивших сквозь толщу времени свой отпечаток на поведение масс и отдельных личностей. Поэтому, даже четко сознавая, что ремесло журналиста и ремесло историка — это две очень разные вещи, ибо тот и другой движутся к разным целям, следуя разной логике, я всегда полагал, тем не менее, что работа журналиста может создать хорошие предпосылки для исследовательской деятельности историка.

Наряду с этим общим соображением мое стремление к изучению истории Советского Союза мотивировалось еще одним конкретным обстоятельством. Не только как коммунист, но и как человек своего поколения, я не мог не почувствовать в страшные годы второй мировой войны, насколько велико решающее значение этой истории для нас. Бесповоротно, хотя и не до конца еще осознанно, вступив на путь антифашизма, мы с замиранием сердца следили за ходом сражений на линии так называемого русского фронта. Уже тогда у меня сложилось, а в послевоенные годы упрочилось убеждение, что, как бы то ни было, события в Советском Союзе важны для всех нас, людей нашей эпохи, независимо от того, где мы родились и на какой культуре воспитаны. Даже тогда — после первого же соприкосновения с Москвой — я стал замечать, что многое не соответствует моим желаниям и моим идеалам, я стремился понять, откуда

эта страна берет силы для преодоления тех испытаний, через которые ей довелось пройти.

Однако по прибытии в СССР я обнаружил, что мои знания о советской истории, в особенности о том, что происходило после 1917 года, были крайне скудными. Была ли тому виной моя недостаточная подготовленность? Целиком исключить этого я не мог. Но не мог и полностью удовлетвориться таким ответом, поскольку невежество по этой части отличало не только меня. Более того, я еще больше других старался восполнять пробелы в знаниях за счет чтения доступных нам тогда источников (по правде говоря, таких было немного). Те «белые пятна», как много позже назовете их вы сами, были для нас просто гигантскими зияниями, поглотившими весьма протяженные периоды вашей истории. Разумеется, дело, по крайней мере отчасти, объяснялось и скудостью информации, которую можно было получить в Италии во времена фашизма. Но ведь позже мы приложили немало стараний, чтобы заполнить эти лакуны. К тому же лично мне выпала счастливая возможность ознакомиться также с текстами, которые нелегко было найти в Италии, поскольку до приезда в Москву я пять лет проработал корреспондентом в Париже, где уже в те годы имелись куда более обширные материалы.

С первых же месяцев моего московского житья я был поражен тем, насколько плохо мы, иностранцы, пребывающие в СССР, подготовлены для понимания событий, происходящих в стране. И это даже не зависело от политической ориентации, которой придерживался каждый из нас: мы все оказывались равным образом безоружными, безотносительно к тому, кто на какую сторону становился в годы «холодной войны». Вопреки собственным намерениям и критической настроенности, в большей или меньшей степени отличавшей каждого, все мы, как оказалось, питались скорее стереотипами, нежели подлинным знанием. Эти стереотипы могли быть очернительского или восхвалительного толка (поскольку они поддерживались пропагандой с двух противоположных сторон), но при соприкосновении с фактами они оказывались равным образом абстрактными, далекими от подлинной действительности. Нам приходилось, следовательно, самим приниматься за труд первооткрывательства, и вот здесь-то знакомство с историей могло бы помочь делу. Но раздобыть информацию было непросто.

Во многих других странах голод на историческую информацию можно было бы удовлетворить из публикаций на нужную тему.

Но к середине 50-х годов состояние исторической науки в СССР было довольно обескураживающим, что, впрочем, широко признавалось уже в ту пору и о чем официально заявлялось как на самом XX съезде, так и после него. Сам ход этого съезда и созданная им в стране политическая атмосфера усиливали мое желание узнать возможно больше о событиях недавнего прошлого. При отсутствии работ, способных удовлетворить мою любознательность, мне не оставалось, однако, ничего иного, как прибегнуть к тому, что на профессиональном языке историков именуется устной традицией, то есть к рассказам людей, которые эти события пережили и, наконец, решились правдиво поведать об этом своем личном опыте. Так началась моя, если так можно выразиться, кустарная работа по исследованию советской истории.

Последующий ход дел в вашей стране лишь все больше побуждал меня стремиться к тому, чтобы сочетать профессиональный журналистский труд со все более серьезной исследовательской работой историка. Когда я вернулся в Москву на второй период, то сделал это, главным образом, для того, чтобы посвятить себя этой второй цели: более систематическому разысканию необходимых источников, устранению по мере возможности пробелов в документации и более интенсивным контактам с теми советскими историками, которые пользовались моим наибольшим уважением. И хотя эти усилия, уже тогда стоившие мне немалого напряжения, забирали массу времени и энергии, я не думал — ни тогда, ни еще несколько лет спустя, — что примусь за систематическое написание истории Советского Союза. Я был убежден: советские историки справятся с этой задачей куда лучше, чем я. Лишь к концу 60-х годов, когда я вынужден был констатировать, что в брежневском СССР политическая и идеологическая атмосфера вновь сделалась мало благоприятной для опубликования правдивой истории советского периода, я набрался решимости самому взяться за написание того труда, который теперь предлагаю вниманию советского читателя.

Я полагал — и это было для меня главным стимулом, — что такого рода книга необходима итальянскому читателю, особенно молодому, имеющему весьма туманные представления об этой истории и справедливо желающему знать о ней больше. Я принялся за работу, отдавая себе отчет в тех трудностях, с которыми встречусь. Обширность и сложность темы сами по себе внушали ужас. К тому же я знал, насколько полны пробелов те источники, которыми я мог

располагать: ведь бо́льшая часть их оставалась запертой в архивах, куда даже советские исследователи не имели доступа, а уж мне и подавно путь был закрыт. Но я был убежден, что архивы эти все равно откроются еще не скоро. Если я стану ждать, когда они поступят в распоряжение ученых, то скорее всего никогда не смогу выполнить поставленную перед собой задачу. Я решил поэтому, что, как бы то ни было, но попытку эту следует предпринять, используя все те источники, которые удалось собрать мне лично, а также те, которые, по моим сведениям, имелись в разных странах мира. Пусть то будет первая попытка. Позже другие напишут лучше меня.

В Италии эта работа вышла двумя томами, соответственно в начале 1976 и 1979 году. Таким образом, подготовке и написанию книги я посвятил в общей сложности около десяти лет жизни, на протяжении которых именно это было моим главным трудом, требовавшим наибольших затрат времени и умственного напряжения. Когда я писал эти тома, я знал: им не суждено увидеть свет в Советском Союзе. И все же я никогда не терял надежды, что в один прекрасный день это станет возможным. Ныне их публикация в Москве — самое желанное вознаграждение для меня, даже если это и не первая публикация за пределами Италии.

Именно потому, что я отдаю себе отчет в том, насколько ограниченным был исследовательский инструментарий, которым я мог располагать, я не претендую, чтобы эту работу рассматривали как исчерпывающую. Все мы, те, кто издалека пытается объективно исследовать историю СССР, знаем, что плоды наших стараний по необходимости отмечены знаком временности: причем не только в том смысле, что всякое историческое исследование преходяще, но и в том, что нашим изысканиям суждено оказаться преодоленными в тот самый момент, когда свободный доступ к архивам позволит историкам — в первую очередь, советским, но, хочу надеяться, также и представителям других стран — более обстоятельно ознакомиться с прошлым. Я не удивлюсь поэтому, если моя книга окажется предметом критики и оспариваний — особенно если они будут основываться на новых открытиях, неизданных документах, более полной информации. Именно такого типа дискуссии нам дольше всего недоставало, и в ней ощущается наибольшая нужда. Историческое исследование — как и любое другое научное изыскание — может от этого только выиграть. Мое сокровенное желание и сегодня состоит в том, чтобы эти страницы могли послужить отправным

пунктом для дискуссий, которые бы продвинули всех в познании действительности. Если это окажется возможным, я буду считать это подлинной наградой за свой труд.

Прежде чем подписать в печать это издание на русском языке, я задался вопросом, не требуют ли результаты, добытые в ходе возобновившегося исторического поиска — по крайней мере, на протяжении последних двух лет, — чтобы я уже сейчас внес поправки в свою книгу. Разумеется, будь она написана сегодня, с опорой на новый, появившийся, материал, некоторые ее страницы, вероятно, выглядели бы иначе. Некоторые существенные эпизоды могли бы быть изложены подробней. Статистические выкладки могли бы быть более точными. Отдельные моменты, связанные с политической борьбой первой половины 30-х годов, определенными отрезками военного времени, послевоенным возрождением сталинизма и так далее, вплоть до падения Хрущева, могли бы быть дополнены разнообразными, ранее неизвестными подробностями. Очень возможно, что ведущаяся ныне исследовательская работа в будущем продиктует необходимость таких перемен.

Однако в целом я пришел к выводу, что, по крайней мере сейчас, эта работа не нуждается в изменениях. В самом деле, при нынешнем состоянии исторической науки я полагаю, что мог бы снова подписаться как под общей схемой исследования, так и соотношением ее частей по степени значимости, равно как и под оценками и суждениями, относящимися к основным событиям и персонажам. Мне не кажется, иными словами, что уже выявились такие новые обстоятельства, которые бы делали необходимым пересмотр всей книги. Конечно, можно было бы наложить кое-где новые мазки. Однако я счел это ненужным: они лишили бы книгу ее документального значения, которое она может сохранить лишь оставаясь такой, какой была написана многие годы назад. Возможно, это поставят мне в вину, особенно в отношении некоторых частей и разделов. Признаюсь, я сознательно пошел на это с тем, чтобы избавить книгу от конъюнктурных влияний, всегда связанных с неизбежным риском.

В книге не разделяются многие утверждения, оценки и мемуарные суждения, которые появляются ныне и в советской прессе. По этому поводу я хотел бы только, чтобы читатель знал, речь не идет о моем незнании или невнимании к тому, что пишется и печатается. На протяжении всех этих лет я продолжал и более чем когда-либо

продолжаю с максимальным вниманием следить за всем, что выходит в разных странах по тем вопросам, которые составляют предмет этой книги. Если я отвергаю или игнорирую определенные тезисы, то это значит, что такая позиция отражает мой намеренный выбор. Мне хотелось бы, чтобы его воспринимали и оценивали именно как таковой.

Ни события последнего времени, ни события — с противоположным знаком — предшествующих 70-х — начала 80-х годов не могли повлиять на мое глубокое уважение и заинтересованное участие, которое я сегодня — не менее, чем вчера, — испытываю к истории вашей страны и главному действующему лицу этой истории: народу, мужчинам и женщинам СССР. В прошлом я не раз расходился во взглядах и вел споры, подчас резкие, с московскими руководителями. Но и тогда это не меняло моих чувств. Тем более они не могут перемениться сегодня, когда со страстной увлеченностью я слежу за начатым в СССР процессом реформ, от всей души желая, чтобы этот процесс увенчался успехом, в котором, думаю, все мы заинтересованы в высшей степени. Как бы то ни было, позиция историка не может меняться в зависимости от превратностей политики. Эта позиция требует от него другого: чтобы он любил ту материю, которую сделал предметом своего изучения. Я хорошо знаю, сколько трагических страниц скрыто в том прошлом, которому посвящена эта книга. Но в то же время я убежден, что это прошлое содержит многие уроки, которые требуют рассмотрения и, в особенности, запоминания. Что же касается меня, то я давно уже чувствую, что история вашей страны стала частью моей собственной истории и моей собственной культуры.

Джузеппе Боффа

Декабрь 1989 года.

Книга первая

РЕВОЛЮЦИЯ

I. РОССИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Ограниченность развития капитализма

Революция и Россия: десятилетиями эти слова казались нерасторжимыми. Огромные массы людей испытывали на себе их влияние. У многих они вызывали ненависть. Что же представляла собой в первые годы нашего столетия Россия, которую знаменитый теоретик германской социал-демократии Карл Каутский в 1902 г. в своей работе «Славяне и революция» счел возможным назвать новым «революционным центром» мира[1] и в которой всего тремя годами позже вспыхнула первая революция XX в.?

Занимая территорию в 22 млн. кв. *км*, охватывающую значительную часть Европы и Азии, Россия уже тогда была самым большим государством мира. В эпоху империй подобный геополитический рекорд затмевала лишь Великобритания с ее огромными колониальными владениями. Правда, в отличие от Британской империи, эта объединенная царской короной огромная часть Земли была единой территорией. Компактность территории не означала, однако, одинаковой плотности заселения. Накануне первой мировой войны 136 млн. человек примерно из 170 млн. размещались в европейской части страны. В подавляющем большинстве своем это были славяне. Собственно русские, или великороссы, составляли лишь 43 % всех жителей. Население страны состояло из весьма разных народов и этнических групп, находившихся на разных ступенях исторического развития: от поляков и финнов на западной оконечности империи, граничащей с индустриально более развитыми странами Европы, до тюркских народностей Средней Азии и монголоидных групп, если не племен, Восточной Сибири и Севера.

Разные уровни развития остро ощущались и в той обширной части страны, которая носила более выраженный славянский или даже чисто русский характер и которую зачастую принимали за нечто относительно цельное, однородное. Царскую империю раздирали социальные, экономические, политические, национальные, этнические и территориальные противоречия. Уже тогда она составляла важную часть мировой капиталистической экономики, занимая — в силу своей обширности — пятое место в списке главных держав. Было бы, следовательно, неверно рассматривать Россию в целом как слаборазвитую страну. Вместе с тем огромная хозяйственная и культурная отсталость отделяла ее от государств, стоявших в списке впереди нее.

К началу XX в. в России уже утвердился капитализм, но произошло это значительно позже и во многом иначе, чем в крупных странах Запада. В силу различных исторических и географических причин (начиная с отсталости, вызванной изнуряющей борьбой с татаро-монгольским вторжением, удаленности от главных морских путей сообщения и разбросанности далеко не однородного населения на огромной территории и кончая особенностями русского централизованного государства — засильем военно-аристократической верхушки, длительным существованием феодального права и ограниченностью реформы 1861 г., приведшей к освобождению крепостных крестьян) капитализм в России лишь в малой степени выступал в своей классической форме — форме свободной конкуренции. В основном же его развитие шло «сверху» путем властного вмешательства государства и при широком участии иностранного капитала. Его наибольший рост происходил в тот период, когда повсюду в мире капитализм превращался в империализм. В России он также приобрел многие империалистические черты, несмотря на продолжавшееся сосуществование с остатками предшествующих формаций — преимущественно феодальных или полуфеодальных, — которые не были им уничтожены, более того, с которыми он тесно переплелся.

На протяжении предыдущего полувека промышленное развитие России шло очень бурно, но, как и развитие всего мирового капиталистического хозяйства, сопровождалось циклическими колебаниями. Особенно стремительный рост наблюдался в 90-е гг. прошлого века и в пятилетие перед первой мировой войной. Между этими периодами пролегало время кризиса и застоя. Во втором из этих двух периодов отечественный капитал стал играть бо́льшую роль (на предыдущих этапах, как уже указывалось, главенствовало государство, предоставлявшее подряды на строительство железных дорог и военные заказы и проводившее протекционистскую политику), более крупными стали иностранные капиталовложения. Таким образом, после революции 1905 г. капиталистическое развитие России пошло более интенсивно. Однако русский капитализм сохранил при этом свои специфические особенности.

Начнем с того, что, несмотря на значительный экономический рост, Россия была не в состоянии наверстать отставание от главных держав Запада. Темпы роста были более высокими, особенно в некоторых отраслях тяжелой промышленности, например металлургии, но преобладающая часть оборудования по-прежнему ввозилась из-за границы. Транссибирская магистраль производила внушительное впечатление; это была самая длинная железная дорога в мире. Но в целом железнодорожная сеть России, особенно если учесть огромные расстояния и численность населения, была явно недостаточной. По промышленной мощи Россия занимала следующее за Францией место и шла впереди Японии, но в суммарной промышленной продукции главных держав — США, Великобритании, Герма-

нии, Франции и России — доля ее производства составляла лишь 4,2 %. Если же брать соотношение объема производства и численности населения, то страна сразу же оказывалась далеко позади. Предпринятые недавно попытки дать общую оценку обстановки приводят к выводу, что отставание российской экономики от экономики большинства европейских стран скорее увеличивалось, чем сокращалось. «С конца XIX века, — говорится в одном исследовании, — Россия перемещается на последнее место среди стран» Европейского континента[2]. Она оставалась аграрно-индустриальной страной, где 70—75 % населения было занято в сельском хозяйстве, дававшем более половины национального дохода. Развитие промышленности повлекло за собой рост городов, но городское население составляло менее 16 % всей массы жителей.

Характерной особенностью российской промышленности была высокая концентрация, прежде всего территориальная концентрация. Три четверти заводов размещалось в шести регионах: Центрально-промышленном с центром в Москве, Северо-Западном с центром в Петербурге, Прибалтийском, в части Польши, между Варшавой и Лодзью, на юге (Донбасс) и, наконец, на Урале. Далее, российскую промышленность отличала самая высокая в мире технико-производственная концентрация: 54 % рабочих трудилось на предприятиях с числом занятых свыше 500, причем предприятия эти составляли лишь 5 % общего числа заводов и фабрик. Применение новейшей техники и систем организации производства, заимствованных за границей, способствовало дальнейшей концентрации. Тем резче был контраст с другими регионами, остававшимися исключительно сельскохозяйственными, а также с теми 150 тыс. мелких предприятий, где было занято лишь по нескольку рабочих, а технико-производственный уровень оставался крайне низким.

Важные позиции в российской экономике занимал иностранный капитал, поощряемый политикой правительства. Главную роль здесь играли займы, предоставляемые правительству: их общая сумма достигала 6 млрд. рублей, что составляло половину внешнего государственного долга. Большинство займов было предоставлено Францией. На развитие производства они, как правило, не влияли. Гораздо большее влияние оказывали иностранные капиталовложения непосредственно в промышленные предприятия или банки; они составляли более трети всего акционерного капитала в стране. Это тоже были преимущественно франко-бельгийские капиталы, но ненамного от них отставали немецкие и английские инвестиции. Иностранные капиталовложения весьма неравномерно распределялись по отраслям, чем оттенялась их колонизаторская сущность: главным образом они сосредоточивались в горнорудной и металлообрабатывающей промышленности и банковском деле[3]. Зависимость российской экономики от заграницы усугублялась структурой внешней торговли: экспорт состоял почти исключительно из сельскохозяйственных продуктов и сырья, а импорт — из готовых промышленных изделий. В то же

время Россию нельзя рассматривать и как своего рода полуколонию*. Напротив, она сама была империалистической державой. В России, по ленинскому определению, преобладал «военный и феодальный империализм»[4], проявлявший агрессивно-экспансионистские тенденции, присущие царизму не менее, чем другим старым, докапиталистическим империям. Вместе с тем российский империализм носил, пусть в гораздо меньшей степени, «современный» характер монополистического капитализма, утверждавшегося в начале века повсюду в мире.

Действительно, несмотря на всю свою ограниченность, русский капитализм обнаруживал несомненные, хотя и недостаточно зрелые монополистические тенденции. Концентрация производства сопровождалась концентрацией капитала. Более трети всего промышленного капитала было сосредоточено в руках примерно 4 % компаний. Заключались соглашения, создавались тресты, картели, синдикаты, например «Продуголь» в угледобывающей промышленности Донбасса. Аналогичный процесс происходил и в банковском деле. Роль финансового капитала возрастала во всей экономике, включая сельское хозяйство: семь петербургских банков контролировали половину финансовых средств всей промышленности[5]. Продолжалось и вмешательство в хозяйственную жизнь государства: оно непосредственно управляло не только двумя третями железных дорог, но и многочисленными промышленными предприятиями, главным образом оружейными заводами. В этом свете многочисленные связи с иностранным капиталом приобретали более четкий смысл, поскольку втягивали Россию в мировую империалистическую систему. Но если развитие монополий было явлением общим для эволюции всего капитализма, то в России процесс монополизации протекал на фоне незрелого и отсталого капитализма, где уровень производства был ниже, чем на Западе, а доходы от торговли превышали совокупную прибыль промышленников.

У России были свои колонии, более того, едва ли не самые обширные колонии в мире. Правда, очертить их точные границы не так просто, учитывая их положение «по эту сторону» государственных границ (исключение, скорее по форме, чем по существу, составляли эмираты Бухары и Хивы в Средней Азии, игравшие роль внешних вассалов). С колониями обычно отождествлялась неевропейская часть страны, то есть территории за Уралом и Кавказом. Между тем угнетенные нации имелись и в европейской части импе-

---

* Советские историки вели жаркие споры по этому вопросу еще с 20-х гг. Порою тезис о России-«полуколонии» выдвигался с целью преуменьшить ее ответственность за развязывание первой мировой войны. Позже эта идея, поддержанная Сталиным, приобрела характер неопровержимой истины, хотя следует уточнить, что разделяли ее не все исследователи. Широкая дискуссия по этому вопросу возобновилась во второй половине 50-х гг. Сегодня этот тезис сохранил в СССР очень немногих сторонников. Практически его можно считать отвергнутым (см. *Б. Б. Граве.* Была ли царская Россия полуколонией? — «Вопросы истории», 1956, № 6).

рии, но это были районы, экономически более передовые, чем окраинная Россия. Колониальные владения на востоке принадлежали к обоим известным в истории типам колоний. Здесь, в частности в Сибири и Казахстане, земли заселялись переселенцами, почти сплошь славянами — русскими или украинцами. Но были также захваченные и покоренные области, заселенные другими народами, например вся Средняя Азия, именовавшаяся Туркестаном, и Закавказье.

Эксплуатация колоний — одна из тех областей, в которых наиболее рельефно проявлялись незрелость и грубость русского капитализма. Например, колонизация сибирских земель, и прежде редко населенных, благодаря чему их завоевание не встретило сильного сопротивления, осуществлялась малоинтенсивно и крайне скудными средствами — следствие отсталых аграрных отношений в России. Колонизация Сибири поэтому не влекла за собой ускоренного экономического развития, как, скажем, на американском Дальнем Западе. На сибирских просторах редко возникали капиталистические фермы. Как правило, дело ограничивалось хищническим использованием земли вплоть до ее полного истощения. «Внутренние колонии» служили одновременно поставщиками сырья и рынками сбыта промышленных товаров. Так, Туркестан насыщал хлопком часть текстильных фабрик Центральной России, Восточная Сибирь давала золото, Баку — нефть, Казахстан и Закавказье поставляли цветные металлы, почти не имея собственных перерабатывающих предприятий. Отдаленные районы соединялись железными дорогами с центром и вовлекались в сферу капиталистического развития. И все же бóльшая часть российской территории оставалась «слаборазвитой» окраиной. Сохранялись весьма архаичные формы эксплуатации. Главной фигурой был купец-ростовщик, сдиравший три шкуры с населения за свои товары. Взимались налоги и подати, попадавшие зачастую в руки местной знати. Существовал, наконец, бюрократический аппарат, сосавший кровь из местного населения, будь то русские или коренные жители.

Классовая структура

Но чтобы понять главную слабость русского капитализма, нужно обратиться к его прошлому, к его компромиссу с пережитками феодализма, распространенными в русской деревне. Потребовалась революция 1905 г., чтобы крестьяне перестали платить выкуп за свое освобождение в 1861 г. Революция и последующая аграрная реформа Столыпина дали толчок развитию капитализма в сельском хозяйстве. Однако помещичьи владения, которые, кстати, Столыпин и не собирался трогать, сохранили свое прежнее значение. Особенно распространены они были в сердце империи: в Центральночерноземном районе, Поволжье, Правобережной Украине и в Белоруссии. Отчасти — но лишь отчасти — помещичье землевладение подверга-

лось преобразованиям, развиваясь по пути капиталистического предпринимательства, подобно тому как это произошло в Пруссии. Некоторые поместья превращались в наиболее крупные средоточия капитала в деревне. Другие по-прежнему служили лишь источником получения земельной ренты: их владельцы сдавали землю в аренду крестьянам, у которых ее было крайне мало. От торговли зерном, землей, от ростовщичества (в 1915 г. 60 % всех частных земельных владений числились по ипотечным закладным[6]) к помещикам стекались огромные денежные средства. Однако сплошь и рядом эти деньги транжирились на личные нужды.

Столыпинская реформа сокрушила «мир» — старую общину, которая периодически распределяла и перераспределяла наделы между своими членами и в прошлом составляла патриархальную основу царизма, воплощение наивной крестьянской веры в монарха как «защитника» от помещиков. Бурные события первых лет XX в. нанесли этой вере сокрушительные удары. Теперь рушилась и сельская община, разложение которой исподволь шло с начала второй половины XIX в. Столыпин поощрял отделение крестьян от «мира», их окончательное превращение в собственников надела. Часть крестьян воспользовалась реформой, особенно в 1908—1909 гг., но это коснулось лишь 21 % дворов, числившихся в общинах[7]. Другие, обладая слишком малыми наделами или совсем не имея земли, откликнулись на призыв переселяться на восток, в Сибирь. Примерно 4 млн. человек стали переселенцами, но, большей частью брошенные на произвол судьбы, без средств, они в конце концов так и не нашли лучшей доли. Многие — около миллиона человек — вернулись назад, усугубляя своим недовольством и без того сильную социальную напряженность[8].

Столыпинские меры ускорили уже шедший в деревне процесс дифференциации и консолидации слоя «крепких» хозяев, пресловутых «кулаков», «мироедов» (т. е. разрушителей «мира»). Примитивный мелкий капиталист-кулак был скорее ростовщиком, чем предпринимателем. У него было больше земли и больше средств для ее обработки, но именно в силу этого он предпочитал обогащаться за счет других, менее удачливых или менее умелых крестьян, питая в то же время старую злобу к помещику, который между тем удержал девять десятых своих владений, выгодно продав остальное. Капиталистическое преобразование деревни шло вперед, накладывая отпечаток на целые области, например юг России. Развивались товарные отношения, проявлялись зачаточные, но все более определенные тенденции к кооперированию. Все это обостряло социальные противоречия в деревне, не ликвидируя отсталости аграрных отношений, не устраняя феодальных пережитков, не утоляя земельного голода крестьян. На бескрайних просторах России, по некоторым подсчетам, было 20 млн. «лишних людей» — рабочих рук, не находивших себе применения.

Сельское хозяйство, несмотря на огромный удельный вес в

национальной экономике, оставалось слабым. Страна экспортировала зерно, а деревня вечно недоедала[9]. Производство росло главным образом за счет увеличения сбора зерновых, предназначенных на вывоз. Средняя урожайность была крайне низкой. Методы обработки земли оставались столь же примитивными, как и орудия труда. Применялись лишь органические удобрения, но и тех не хватало из-за низкого уровня развития животноводства: продуктивность и здесь была невысокой. Подобное положение существовало не во всех районах, природные и исторические условия которых сильно отличались друг от друга. Были, естественно, и островки прогресса. Однако общая ситуация от этого не менялась.

Попытаемся сделать анализ классовой структуры населения в целом. Следуя схематическому делению, намеченному Лениным, советские историки утверждали, что в 1913 г. 53,2 % жителей принадлежали к пролетариату или полупролетариату. 25,3 — к бедным единоличным хозяевам, 19 — к более зажиточным и 2,5 % — к высшим слоям (крупной буржуазии, помещикам, высокопоставленным чиновникам)[10]. Указанную классификацию можно сопоставить с другой, составленной академиком Немчиновым в 1939 г., учитывая условность и приблизительность такого рода расчетов[11]:

рабочий класс,	—14,8 %
в том числе сельскохозяйственные рабочие	— 3,5 %
крестьяне и ремесленники (без кулаков)	—66,7%
буржуазия и помещики	—16,3 %
в том числе кулаки	—11,4 %
интеллигенция	— 2,2 %

Эти цифры нуждаются в пояснении. Промышленных рабочих вместе с шахтерами было чуть больше 3,5 млн. Кроме того, 1 млн. насчитывали железнодорожники. Остальные, включая 1,5 млн. занятых в строительстве, составляли рабочие низкой квалификации, рассеянные по крошечным предприятиям[12]. В то же время степень концентрации рабочего класса была высокой, особенно в двух городах — Петербурге и Москве, которые являлись и главными центрами политической жизни. Здесь формировалось классовое самосознание, классовое чутье рабочих. В литературе о русском пролетариате постоянно подчеркивается тесная связь рабочих с землей, с деревней, откуда они не так давно вышли. Это утверждение, верное само по себе, нуждается в уточнении. Дело в том, что в первые годы XX в. такая связь быстро ослабевала. Условия жизни и труда рабочих оставались крайне тяжелыми. Они ютились в перенаселенных квартирах, холостые жили в казармах. При всем том рабочие представляли собой относительно просвещенную часть

населения: в стране, где три четверти жителей были неграмотны, двое рабочих из каждых трех умели читать и писать[13].

В преобладающей своей части, однако, Россия оставалась крестьянской. Крестьянство с его более высокой рождаемостью росло если не относительно, то по крайней мере абсолютно. В результате процессов расслоения и дифференциации увеличилась также численность «среднего слоя». Этому слою, весьма многочисленному и прежде, всей совокупностью обстоятельств суждено было прозябать в бедности. В деревнях царила нищета, «власть тьмы», если воспользоваться знаменитыми словами Толстого. Периодически на них обрушивались недороды и голод, эпидемии и хронические болезни.

В России были также и высшие классы, включая тот, который можно назвать правящим. Стало уже почти банальным говорить о слабости русской буржуазии. Она никогда не была революционной по той простой причине, что с момента рождения боялась взрыва народного возмущения. Ее пороки коренились в самом ее формировании, в особенностях развития русского капитализма: сохранении наиболее грубых форм эксплуатации, обширности сферы, оставленной торговому капиталу. Об ограниченности буржуазии свидетельствовало, например, уродливое развитие русских городов. По официальной статистике, статус города имели около тысячи населенных пунктов, но только в 17 из них была канализация и в 35 — трамвай. В основном же они представляли собой хаотичное скопление деревянных домишек без каких-либо урбанических особенностей. Подлинным центром российской предпринимательской буржуазии была Москва, но даже здесь, в месте средоточия своей силы, русская буржуазия не сумела создать вокруг себя того густого переплетения мелких дополнительных, побочных интересов, той социальной ткани, которая послужила бы ей опорой. В некоторых районах буржуазия даже не была русской или преимущественно русской. В Польше она была немецкой или польской, в Прибалтике — родине тех остзейских баронов, которые, несмотря на свое тевтонское происхождение, издавна пользовались огромным влиянием на дела империи, — немецкой и латышской, наконец, в портовых городах юга ее национальный состав был крайне неоднородным. В провинции же она была преимущественно русской, но составляла очень незначительную по удельному весу и почти изолированную группу населения; она занималась предпринимательской деятельностью главным образом в таких отраслях, как транспорт и торговля.

Классом подлинно господствовавшим, по-прежнему определявшим характер империи, причем не только потому, что это был самый старый класс, но и потому, что он сохранил реальную власть, ибо с ним пришлось вступить в союз и самой буржуазии, был класс помещиков. Но и этот класс не мог считаться однородным, поскольку включал землевладельцев разного «калибра»: от небогатых провинциальных обладателей поместий, ставших на капиталистический

путь, до нескольких сотен семей, принадлежавших к аристократии. Породнившаяся с помещиками, но сохранившая при этом известную независимость как сила, непосредственно уполномоченная руководить всей общественной жизнью, существовала могущественная бюрократия Российской империи: тот слой, который и заполнял все звенья государственной машины, от центральной власти до власти в 99 губерниях и 768 уездах. Появлением своим бюрократия обязана Петру Великому, который придал ей строгую иерархическую структуру, подразделив на «14 классов», или «чинов» (слово это во все времена имело огромный вес в русском обществе). Чиновничество все более перемешивалось с буржуазией. Та роль, которую играло в развитии капитализма государство, способствовала этому процессу, особенно в самых верхних слоях общества. Во главе крупных банков стояли могущественные чиновники, вышедшие именно из государственной бюрократии. Таков был, например, Путилов, основатель большого промышленного предприятия. Впоследствии Путиловский завод станет чуть ли не символом революции.

Сейчас мы можем лучше проанализировать, кто стоял во главе этой огромной страны, кто был настоящим «хозяином империи». Власть принадлежала высшей бюрократии, аристократическим семьям, магнатам финансового капитала, высшей прослойке буржуазии, крупным капиталистам иностранного происхождения. Сосуществовали они все вместе в столице империи — Петербурге. В Москве же господствовал русский промышленник. Когда речь идет об олигархии, не следует, однако, думать, что имеется в виду некий хорошо слаженный механизм. Его сотрясало немало конфликтов, связанных с различиями в интересах правящей верхушки, а также с серьезностью проблем, стоявших перед страной, с трудностью управления ею. Но эти конфликты слабо проявлялись вследствие деформированной политической жизни, которая составляла основу компромисса между развивающимся капитализмом и феодальными пережитками и отличалась консервативным, репрессивным, антидемократическим характером.

Узел противоречий эпохи

Внутри блока власти, образованного старыми и новыми правящими классами, имелось одно глубинное противоречие. В то время как в хозяйственной деятельности преобладали пусть незрелые, но, несомненно, капиталистические элементы, в политической надстройке продолжали преобладать традиционные уклады, унаследованные от добуржуазной России. После революции 1905 г. и уступок, на которые пришлось пойти царю, монархия отчасти видоизменилась, но изменения эти нельзя назвать даже половинчатыми. Глава государства продолжал именоваться самодержцем. Обнародованные им в 1906 г. «Основные законы» империи были своего рода подделкой под конституцию, причем весьма противоречивой. Так, наряду

с вновь подтвержденной самодержавной природой высшей власти устанавливалось, что законы не могут издаваться без одобрения двух палат — выборной Думы и Государственного совета. Но тут же этот принцип практически сводился на нет серией ограничительных положений. Сама Дума, избиравшаяся на основании дискриминационных цензовых критериев, никогда не обладала реальной властью и была лишь пародией на парламент. Да и Совет министров никогда не был правительством, подотчетным парламенту. Это было лишь сборище сановников, которые не несли коллегиальной ответственности и сохраняли зависимость от дворцовых клик; каждый из министров рассчитывал прежде всего на то влияние, которым он пользовался при царском дворе. Православие оставалось государственной религией. Хотя начиная с 1905 г. православная церковь уже не была единственно дозволенной церковью, она по-прежнему подчинялась верховной власти царя и являлась частью государственного аппарата.

Положение, существовавшее в центре, в точности воспроизводилось на местах. Выборные, хотя и малопредставительные, органы местного управления — земства и городские думы — действовали еще с конца 60-х гг. предыдущего столетия. Однако власть принадлежала не этим учреждениям, а пирамиде чиновников, образующих государственный аппарат: от губернаторов до мелких уездных чинов, полиции, обладавшей чрезвычайными полномочиями, в известной степени богачам, которые играли решающую роль в экономике. В политике самодержавия не было и следов либерализма. Его мощь опиралась на традиционные орудия власти. В первую очередь на армию, многочисленную и сильную даже в мирное время, оплот империи и гарант нерушимости границ ее обширной территории (потребности ее оснащения и модернизации в огромной степени определяли развитие российской промышленности). Затем на тайную политическую полицию — «охранку», которая накопила значительный опыт борьбы с революционными движениями, да и вообще с любыми оппозиционными течениями.

«Самая реакционная и варварская монархия Европы»[14] — так охарактеризовал русскую монархию Ленин. Это суждение разделяла вся просвещенная общественность, в том числе и за пределами России. Впрочем, это не мешало великим державам заключать с Петербургом союзы и соглашения о сотрудничестве. «Как ни азиатски-дико наше самодержавие, — добавлял Ленин, — как ни много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков, а все же самодержавное правительство есть правительство капиталистической страны, связанной тысячами неразрывных нитей с Европой, с международным рынком, с международным капиталом»[15]. Столь длительная живучесть самодержавия не может быть понята, если не учитывать особенность русской буржуазии, которая видела в нем заслон против революции. Иначе трудно объяснить, почему этот класс ждал до 1905 г., чтобы

создать себе партию либерального типа (конституционно-демократическую, или партию кадетов), почему он с таким опозданием — позже, чем промышленный пролетариат, — обрел собственное политическое лицо и обособился даже от не слишком многочисленной, но все же игравшей довольно важную роль демократической интеллигенции. Добавим, что эта партия так и не стала по-настоящему сильной, ибо сама буржуазия в своих политических действиях предпочитала использовать собственные корпоративные организации.

Такова была Россия, которую смел 1917 год. Спор о причинах, вызвавших взрыв и повлиявших на ход и развитие революции, идет с той самой поры, когда она «потрясла мир». Беглый анализ состояния Российской империи и предреволюционного российского общества позволяет выявить скопление противоречий и проблем, которые ныне хорошо нам знакомы, потому что мы обнаруживаем в них те социально-исторические конфликты, какие на протяжении последующих десятилетий выступали на авансцену и в других районах мира. Но тогда они впервые выступили в концентрированном виде. По-видимому, именно это имеет в виду советский историк, когда пишет, что в России сплелись в «один узел все противоречия империализма»[16].

Позже, когда послереволюционная Россия поставила перед миром дилемму, нередко указывалось, что все это произошло в стране, которая разве только понаслышке знала о самоуправлении городов-коммун, которая не пережила эпохи Возрождения, не участвовала в главных потоках мировой торговли, не прошла через Реформацию, а следовательно, не была знакома ни с основами либеральной мысли, ни с великими демократическими революциями; стране, где даже высочайшая культура XIX в. не оказала глубокого влияния на процессы гражданского обновления общества. Но в этом и состоит одна из особенностей этой страны. Историческая действительность, в которой развивался капитализм в России, в корне отличалась от той действительности, в которой капитализм родился и развился в своих классических формах. Здесь он широко проник в регионы новые для него, но представлявшие собой бóльшую часть земного шара. Россия даже географически находилась между Европой и теми странами, в которых в начале века только начинался процесс освобождения от колониального ига (китайская революция вспыхнула в 1911 г.). В ней переплелись и европейские, и азиатские черты. Здесь крылся корень ее драматических противоречий.

Разумеется, мировая война ускорила взрыв. Она обострила и усугубила все противоречия и проблемы, хотя в первый момент могло возникнуть впечатление, будто война отодвинула их на второй план или даже способна разрешить их. Более острыми стали и противоречия русского капитализма — усилилась тенденция к монополизации, хотя военные нужды требовали еще большего вмешательства в экономику государства. Проникновение иностранного капитала не уменьшилось, а, наоборот, возросло, ибо правительство нуждалось

в новых кредитах. Правда, менялись источники иностранного капитала: немецкий капитал вытеснялся американским. Роковое испытание войной выявило слабость российской экономики: не была решена даже проблема снабжения фронтов и городов. Бездарность бюрократов и высшего военного командования привела к тяжелым поражениям и неудачам в большинстве военных операций. Все это не было новым в истории последних десятилетий царской России. Невыносимыми стали гнет деспотического двора и происки его камарильи. Эти явления уходили корнями в глубокое прошлое. Ко всему война добавила новый и решающий фактор. Миллионы вооруженных крестьян оказались сосредоточенными на фронтах и в гарнизонах городов, где они жили зачастую в ужасающих условиях; война привела их в соприкосновение с недовольными рабочими, оставшимися на заводах и фабриках, и тем самым ознакомила с исподволь набирающей силу революционной агитацией.

II. ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИЗМ

Связь с народничеством

В каждом обществе, после того как выявлены его противоречия, решающую роль играет осознание их людьми, организованными в политические группы. Это особенно верно, когда речь идет о людях и группах, намеревающихся изменить ту социальную среду, в которой им приходится действовать. Даже в рамках основных законов-тенденций исторического развития нет таких противоречий, которые сами по себе — как бы остры они ни были — способны были бы заранее и непосредственно предрешить выход из любого возникающего кризиса. Предреволюционная Россия не исключение. Это и предстояло открыть в борьбе с примитивно детерминистскими теориями ее наиболее проницательным деятелям. Так сформировалась политическая группа людей, которые не только поняли природу русских противоречий, но и осознали их мировое значение.

Они-то и создали большевистскую партию, признанным вождем которой стал Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Согласно известной формулировке ее идейного творца, «большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»[1]. Тем не менее его истоки уходят глубоко в историю революционного движения в России; они — в слиянии с марксизмом, в дебатах, которые на рубеже двух столетий разгорелись между различными течениями марксизма на международной арене, а также в оригинальном развитии марксистского учения на русской почве.

К тому времени, когда большевизм оформился, революционное движение в России уже накопило большой и суровый опыт поисков и поражений. Ведущим направлением революционного движения было народничество. Различные течения народничества объединяла вера или надежда, что Россия сможет максимально сократить буржуазную фазу развития и указать миру новый путь к социалистическому обществу. Потрясение, которое испытали русские революционеры после подавления революции 1848 г. в Европе, осознание несправедливостей капитализма, развивающегося на Западе, лицемерие либеральной мысли только укрепляли их веру. Они были убеждены, что такой путь предопределен самой действительностью крестьянской России с ее общинным землепользованием.

Народничество развивалось в напряженном, нередко драматически остром диалоге с передовой мыслью Запада, в частности с марксизмом (первым переводом «Капитала» на иностранные языки был русский перевод, вышедший в 1872 г.). Маркс и Энгельс в свою очередь были довольно тесно связаны с русскими революци-

онерами; они восхищались их страстью и мужеством, дававшими пищу для размышлений над своеобразием исторического развития России[2].

Вместе с тем с первых же шагов марксизм в России стал утверждаться как антитеза народничества. Уже со времени своего знаменитого первооткрывателя Плеханова русский марксизм считал своей первоочередной задачей радикальную критику теоретических предпосылок и практических действий народничества. Крупный вклад в идейную борьбу с народничеством внес молодой Ленин еще в первых своих статьях. Отвергая народнический путь, марксисты оспаривали утверждение об «исключительности» России, которая-де позволит ей избежать капиталистической фазы развития. В доказательство они указывали, что страна уже вступила в эту фазу, в том числе и деревня, где шло разложение крестьянской общины, и что капиталистическое развитие, помимо всего прочего, выполняло также позитивную функцию. Оно вело к разрушению остатков феодально-патриархального уклада старой России и обусловливало рост нового класса — промышленного пролетариата. Именно в этом классе, а не в крестьянстве видели марксисты силу, способную повести страну к свержению самодержавия.

Вместе с тем русский марксизм в лице некоторых его лидеров, и прежде всего Ленина, воспринял революционный дух от народничества, особенно от той его линии, которая начиналась с Чернышевского и вела к решительным и радикально настроенным конспираторам «Народной воли» 70-х гг. Это побудило значительную часть приверженцев марксизма выступить против осторожного ревизионизма и «легального марксизма». Такие течения утверждались тогда в Германии Бернштейном, а в России находили выражение сначала в виде «легального марксизма» Струве, а затем — течения «экономистов», которые сводили задачу рабочих в основном к стачечной борьбе за улучшение своего материального положения и к защите своих непосредственных интересов.

Эту двоякую связь с народническим опытом — борьбу, с одной стороны, преемственность — с другой, — конечно же, сознавали революционные марксисты, особенно те из них, кто вместе с Лениным стоял у истоков большевизма. Еще до зарождения большевизма, в 1898 г., на узком съезде в Минске, девять участников которого основали Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП), было решено вставить в заключительный абзац «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии» слова о том, что новая партия «продолжает дело и традиции всего предшествующего революционного движения в России», причем делалась ссылка прямо на «Народную волю»[3]. Многие годы спустя, в 1920 г., указывая своим последователям в других странах на сложность пути, пройденного большевиками, Ленин писал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, неви-

данного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»[4].

Таковы были предпосылки*. Но сам по себе большевизм развивался все же как совершенно самобытное идейное и политическое течение по отношению как к марксизму, так и к революционному движению в России вообще. В развитии этого течения сказались богатство и новизна ленинских идей, ценность проделанного лично Лениным исследования российской действительности.

Великолепное знание марксизма, понимание своеобразия российской действительности, неутомимый поиск заключенных в этой действительности общих принципов — вот что привлекает в личности Ленина. Именно этим и объясняются его величие и гениальность, перед которыми вынуждены были склониться в конце концов и вчерашние, и сегодняшние критики или противники. Но одно дело — признание этого факта, и совсем другое — обожествление Ленина, как это зачастую происходило в революционном движении. Смотреть на великую личность как на внеисторическое воплощение абсолютных истин и почитаемых догм — занятие пустое.

Наверняка не такой была собственная позиция Ленина по отношению к великим мыслителям прошлого, начиная с самого Маркса. Сказать, что Ленин применил марксизм к российской действительности, — значит сказать слишком мало. На основе постоянного и скрупулезного изучения того общества, в котором он родился, Ленин открыл перед марксистской мыслью новые горизонты. По сей день не утратила научной ценности его серьезная исследовательская работа «Развитие капитализма в России», в которой он полемизирует с народниками. Да и последующие его

---

* Связь между народничеством и большевизмом остается одной из самых интересных проблем в истории. На протяжении десятилетий вопрос этот был скорее предметом политической полемики, нежели добросовестного исследования. Плеханов и другие меньшевики обвиняли Ленина в чрезмерном пристрастии к народничеству. Этот тезис впоследствии подхватили многие западные историки, которые извлекли из него вывод о том, что позиции Ленина были недостаточно марксистскими (см. *Merle Fainsod.* How Russia is ruled. Cambridge, 1963; *Albert L. Weeks.* Il primo bolscevico. — «Est», 1967, N 4). Несмотря на ленинские указания, которые, казалось бы, должны были способствовать изучению связи между этими двумя крупными идейно-политическими явлениями (в 1912 г. Ленин писал, что русский марксизм уже в 80-е гг. стремился извлечь «из шелухи народнических утопий здоровое и ценное зерно», и призывал историков будущего проследить «связь» между народничеством и «тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX века». См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 121), в СССР сталинского периода начиная с 30-х гг. отвергалось даже предположение о наличии какой бы то ни было идейной связи между большевиками и народниками. Их огульно и безапелляционно называли «героями-неудачниками», а само народничество объявили «врагом марксизма» (История ВКП (б). Краткий курс. М., 1945, с. 16). Позже изучение этих вопросов возобновилось, хотя традиционно недоверчивое к ним отношение отнюдь не исчезло, как это можно видеть на примере очерка *М. Я. Гефтера* «Страница из истории марксизма начала XX века» в сборнике «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., 1969; и полемического ответа на него *В. М. Рыбакова* «О некоторых неоправданных претензиях» в «Вопросах истории КПСС», 1971, № 7.

труды представляют большой интерес для всех, кто изучает Россию первых двух десятилетий нашего века. Именно отталкиваясь от исторической действительности, отнюдь не прямолинейным и легким путем, нередко в борьбе с собой, Ленин шел к открытию более общих закономерностей, к утверждению идей, которым суждено было распространиться далеко за пределами России. Однако он никогда не рассуждал умозрительно: его пытливая мысль неизменно развивалась в спорах, в огне политической борьбы. Еще в начале 20-х гг. не только его критики, но и последователи и поклонники в СССР были склонны видеть в нем «больше практика, чем теоретика»[5].

Как человек, Ленин до самого конца оставался простым в общении с людьми и скромным в быту. Таким его описывают все, кому доводилось встречаться с ним. Нет ни одного автора, который бы изобразил Ленина в позе верховного жреца, вождя волей Провидения, хотя кто-кто, а уж он действительно был наделен «искрой божьей». Раз и навсегда Ленин выбрал свой жизненный путь: безоглядно отдал себя политической борьбе, революции как единственной цели существования. Однако из этого вовсе не следует, что ему были свойственны черствость и педантизм. Напротив, Ленина отличали широта духовных, человеческих интересов, приветливость и обходительность. Разумеется, это не относилось к политической борьбе, к тем драматически острым столкновениям, в которых для него всегда речь шла о вещах жизненно важных. Этот человек, умевший не прерывая слушать интересного собеседника, какого бы скромного звания тот ни был, этот неотразимый оратор, чуждый риторики, в споре становился саркастичным, агрессивным, даже грубым в нападках на противника. Он мог быть беспощадным и по отношению к людям, к которым в иных условиях питал теплые чувства. (Крупская рассказывала, что уже при смерти Ленин вспомнил о Мартове, этом изгнаннике, не своей волей оказавшемся за пределами большевистской России, и с горечью произнес: «Вот и Мартов тоже, говорят, умирает»[6].) Друзьям и товарищам, у которых возникали с ним разногласия, нередко доводилось испытывать на себе тяжесть его язвительных, иногда неоправданно резких замечаний. Но Ленин не был бы подлинным вождем, если бы по окончании спора не спешил вновь завоевать на свою сторону того, кто только что был его противником. Примеров тому множество, причем в подобных случаях он первым готов был забыть о личных обидах, нанесенных и полученных в схватке.

Партия как авангард

Ленин родился 10 (22) апреля 1870 г. в Симбирске (ныне Ульяновск) на Волге. Уже на первых этапах революционной деятельности он познакомился с тюрьмой и ссылкой. Когда в начале XX в. — а Ленину было чуть больше тридцати лет — он

принялся за главное дело своей жизни, русское революционное движение находилось на подъеме.

Под свинцовым колпаком царизма политическая оппозиция, действовавшая в подполье, еще не оформилась в партию. Существовали лишь зародыши будущих партий. Сама РСДРП в результате последовавшего за учредительным съездом ареста всех его участников не смогла приобрести ни численной мощи, ни реального единства. В январе 1902 г. группы социалистов-революционеров, более или менее сохранивших верность идеям и методам борьбы народников, также объединились в партию. Но и в этом случае речь шла, скорее, о формальном объединении: у партии не было ни программы, ни устава. Внутри революционного движения пока не произошло четкой дифференциации по политическим направлениям. В некоторых организациях совместно действовали социал-демократы и социалисты-революционеры. Другие не определили собственной ориентации, и в них сосуществовали люди, которые вскоре избрали совершенно различные пути[7]. Еще труднее организовывалась в партии либеральная буржуазия. Лишь с революционными битвами 1905 г., когда политическая жизнь стала открытой, русские партии размежевались окончательно.

Между тем уже более двух десятилетий в стране развивалось рабочее движение. Еще слабое и раздробленное, оно тем не менее отличалось большой самобытностью. Уже самые первые рабочие организации, возникшие в России в 70-е гг. под влиянием народников, были в большей степени политическими, чем профессионально-экономическими[8]. Эта тенденция не исчезла и в более позднее время. Ее подталкивал сам запрет на собрания и ассоциации в сочетании с отсутствием корпоративных традиций. В России не существовало профсоюзов. Первыми объединениями подобного рода — если их можно так назвать — были рабочие кружки, организованные в начале века царской полицией для того, чтобы не выпускать из-под контроля стачки и волнения. На самом деле забастовочное движение, хотя его и подавляли, развивалось уже на протяжении нескольких лет.

Как правило, забастовки носили экономический характер, но нередко в ходе них выдвигались и политические лозунги: от требований демократических свобод, или конституции, до призывов к свержению самодержавия. Удельный вес политических забастовок под влиянием революционной агитации возрастал по мере усиления борьбы. На рубеже двух столетий доля таких забастовок постоянно увеличивалась: в 1898 г. — 8 %, в 1899-м — 12, в 1900-м — 20, в 1901-м — 22, в 1902-м — 20, в 1903 г. — 53 %[9]. Таким образом, процент политических забастовок был весьма высоким. Особенно значительным он был в 1905 г., когда забастовочное движение приобрело масштабы, невиданные в мировой истории. В ходе социальных битв рабочие выбирали из своей среды делегатов для руководства и ведения переговоров. Так зарождались будущие

Советы, впервые возникшие в революционной атмосфере 1905 г. как объединения фабрично-заводских делегатов города для координации боевых выступлений, выходивших за рамки отдельных предприятий. В том же 1905 г. образовались и подлинные профсоюзы. Но как только наступил период реакции, их существование вновь сделалось проблематичным, сопряженным с бесчисленными трудностями. Профсоюзы так и не стали пользоваться большим влиянием; рабочие не ощущали в них такой же настоятельной нужды, как в Советах.

В 1905 г. русское рабочее движение уже имело другого выразителя своих интересов, причем более последовательного и необходимого с классовой точки зрения, — партию. Она несла на себе отпечаток воли и мысли Ленина, который со свойственной ему проницательностью уловил потребность в такой форме организации. Он начал строительство этой партии с основания в 1900 году газеты «Искра», печатавшейся за границей. Газета стала играть роль катализатора, которого не хватало РСДРП. Ленин сделал еще больше: он выступил с собственной концепцией партии, которую обобщил в работе «Что делать?», и затем отстоял в знаменитой дискуссии по поводу первого параграфа Устава на II съезде РСДРП, созванном партией в эмиграции (сначала в Брюсселе, затем в Лондоне).

Партия, считал Ленин, являлась той силой, которая была призвана безраздельно посвятить себя не только политической и экономической борьбе, но и «борьбе теоретической», отстаивать революционный марксизм в полемике как с русскими противниками, так и на международной арене. Иначе говоря, партия выступала как сила, способная сформировать политическое сознание рабочего класса, более глубокое видение собственных целей и задач, какого сам по себе пролетариат не смог бы достичь только на основе борьбы за свои экономические интересы (этому обстоятельству суждено будет стать одним из главных мотивов спора вокруг ленинского теоретического наследия). Партия представляла собой не весь пролетариат, но лишь его «авангард». В то же время, чтобы возродить и выдвинуть на первый план в марксизме революционное действие, партия должна была быть боевой, сплоченной организацией, подготовленной для ведения различных битв с использованием самых разнообразных политических средств: легальных и нелегальных. Партия должна была состоять, следовательно, не просто из «записавшихся», но из активных бойцов, или, точнее, «профессиональных революционеров», которые посвятили бы революции «не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь»[10].

В этом ленинская концепция — исходя, правда, из совсем иных идейных посылок — перекликалась со взглядами революционеров XIX в., борцов с царским самодержавием; эта связь вместе с тем была совершенно не похожа на ту, которую устанавливали с предшественниками социалисты-революционеры, повторявшие лишь заимствованную у них «крестьянскую» теорию и в первые годы нового

столетия подражавшие их методам индивидуального террора — то, что Ленин, напротив, отвергал. Один из советских историков напишет, что с Лениным рабочей партии суждено было стать «той искомой *антиабсолютистской революционной партией*, к созданию которой самый крупный шаг в прошлом сделало народовольчество, но создать которую оно не смогло и не могло»[11].

От предыдущего революционного движения партия, сложившаяся под ленинским руководством, восприняла дух безграничной преданности «делу», верность собственному моральному кодексу. Не ограничиваясь, в отличие от своих предшественников, подпольной деятельностью — что было шагом вперед, — эта партия использовала их опыт конспирации: налаживание связей, явок, шифрованную переписку, тайные сношения с арестованными и ссыльными, устройство собственной разведслужбы, «экспроприации» для добывания финансовых средств, организацию нелегальных типографий и библиотек. В силу этих многообразных отличий партия Ленина выступала действительно как «партия нового типа» не только для России, где, как мы видели, партий вообще не существовало, но для всего международного рабочего движения, где преобладали, напротив, политические организации, связанные, скорее, с опытом парламентской и профсоюзной борьбы.

Именно представление о партии явилось в 1903 г. причиной размежевания российских социал-демократов на два течения: большевиков во главе с Лениным и меньшевиков, в рядах которых объединились остальные наиболее известные руководители, не согласные с жесткой ленинской позицией по организационным вопросам. В последующих перипетиях политической борьбы эти два течения в конечном счете приобрели черты двух различных партий. Напомним, что это был короткий, но чрезвычайно насыщенный драматическими событиями период. Начался он революцией 1905 г., которая в основном завершилась неудачей. Затем последовал непродолжительный период полупарламентских, полуконституционных заигрываний со стороны правительства, который сменился периодом репрессий. Все это в конечном счете привело Россию к участию в мировой войне. На протяжении этого времени партия подвергалась жестоким испытаниям, возникали моменты, когда ее охватывал кризис. Но большевики накопили такой богатый и разнообразный опыт, прошли такую историю, какая, как позже с гордостью подчеркивал Ленин, «не имеет себе равной в свете»[12].

В ходе революции 1905 г. выкристаллизовалось также основное «стратегическое» расхождение большевиков и меньшевиков. Что касается последних, то из Марксова анализа общественного развития и общепризнанного факта отсталости России они делали вывод: революция может носить лишь буржуазно-демократический характер, то есть она должна дать власть буржуазии в рамках капиталистического общества, в котором количественно и политически вырастал бы пролетариат, открыто осуществляя свою функцию оппозиции.

Этой ортодоксальной схеме развития Ленин противопоставил куда более тесную, практически «непрерывную» связь между буржуазно-демократической революцией и революцией социалистической. Первая не принесет коренных изменений, пока руководить ею будет буржуазия, которая ради спасения «порядка» пойдет на самые осторожные компромиссы. Классом-гегемоном, опорой нового якобинства, может стать только пролетариат — единственная сила, способная до конца поддержать крайний «демократизм» крестьянских требований. Победа революции, следовательно, возможна только как «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» — первый шаг к социалистической революции, которая, в свою очередь, приведет к «диктатуре пролетариата», поддержанной уже не всем крестьянством, а только «крестьянской беднотой» (то, что это должно быть пусть временным, но неизбежным результатом социалистической революции, в соответствии с предвидениями Маркса, не вызывало тогда ни малейших сомнений у меньшевиков).

Еще более обобщенное представление о переходе от демократической к социалистической революции выдвигалось в тот момент другим крупным деятелем русской социал-демократии — Львом Давидовичем Троцким (Бронштейном). Несмотря на молодость, он станет председателем Петербургского Совета в 1905 г. Выступая тогда заодно с меньшевиками, Троцкий продемонстрировал ту оригинальность мысли, которая затем на продолжении длительного времени определит его независимую позицию. Его тезис о «перманентной революции», впоследствии вызвавший столько яростных столкновений, гласил, что русская революция должна быть социалистической с самого начала. Иначе говоря, она не может даже ненадолго задержаться на полпути. Правда, в определенный момент она потеряет поддержку крестьянства, но новый источник силы она найдет в пролетариате наиболее развитых стран, который совершит свою собственную революцию, вдохновленный российским примером. По своим теоретическим позициям Троцкий был близок к Ленину. Однако он расходился с ним тогда по другим вопросам, в том числе по вопросу о партии.

Революционный опыт 1905 г. привел к новому развитию и обогащению ленинской мысли. Начиная с 1902 г. в России после долгого перерыва возобновились крестьянские бунты. Движение это особенно усилилось в 1905 г., хотя и не было связано с рабочими выступлениями в городах. Требования установить общественную собственность на землю и обеспечить ее справедливое, уравнительное распределение, которые на протяжении предыдущих десятилетий выдвигали интеллигенты-народники, теперь вновь выступили на первый план как идеал многомиллионных масс, выражение их радикальных демократических чаяний. Мало того, поскольку крестьянство было одним из наиболее восприимчивых к конституционным обещаниям слоев населения, эти требования в той же радикальной форме

прозвучали и в первых думах. Их принесли туда депутаты-трудовики (в числе их было и несколько эсеров), которых крестьяне сумели избрать, невзирая на дискриминационные меры. Именно в этом и заключалась одна из главных причин, помешавших царизму, напуганному подобными запросами, приспособиться к парламентским методам правления.

Ленин понял, что в таких исключительных условиях программа социал-демократов — а в ней делался упор преимущественно на критику утопического характера крестьянских идеалов — при всей своей теоретической правоте политически несостоятельна. Шаг за шагом в статьях и выступлениях он развивает новое направление своего идейно-теоретического анализа. Национализация земли путем конфискации владений царского дома, церкви и помещиков в глазах крестьянства лишь первый шаг. За ним должно последовать уравнительное ее перераспределение. Социал-демократы не могли разделить этой эгалитарной утопии. Но, если они хотели довести демократическую революцию под руководством рабочего класса до полного завершения, то есть до окончательной победы над старой, феодальной Россией, они должны были поддержать требования крестьян, сохранив в то же время свободу рук для последующей критики их[13]. Ленин развил идею: он предложил, чтобы осуществлением подобных мер занялись «крестьянские комитеты», то есть сами крестьяне взялись за свое освобождение от помещиков и чиновников со всем необходимым пылом «плебейского» демократизма[14]. Так проявилась еще одна важнейшая черта Ленина как вождя победоносной революции: его способность перешагивать через политические формулы, сколь бы важны они ни были, видеть за ними глубинные движения общественных сил, народных масс. Плеханов, ставший к тому времени меньшевиком, бросил в адрес этих ленинских идей обвинение в «китайщине»[15]. По прошествии многих лет идеи Ленина нашли отклик и развитие во многих странах, где крестьянский вопрос стоял не менее остро, чем в России (и, как мы знаем, не в последнюю очередь в Китае).

Анализ империализма

В первые годы столетия деятельность большевиков, как и всех российских социал-демократов, была тесно связана с международным движением, движением всей европейской социал-демократии, из которой они черпали, с одной стороны, ценную помощь и поддержку, а с другой — темы дискуссий, переплетавшиеся с их собственными. Явление это усугублялось самой многонациональной структурой царской империи, где возникшие первоначально на национальной основе социал-демократические организации — еврейская и польско-литовская — в некоторые моменты даже превосходили по численности русскую. Все это подтолкнуло Ленина к более широкому осмыслению той роли, которую противоречия царской империи

играли в общественном развитии, а следовательно, и к более глубокому изучению их природы.

В том, что касается внутреннего строения партии, Ленин всегда отстаивал идеалы интернационализма. Ведя полемику, в частности, с Бундом, он выступал против каких бы то ни было федеративных принципов, против какого бы то ни было разделения партийных организаций по национальному признаку (отсюда и большой удельный вес нерусских деятелей в большевистской партии на протяжении многих лет после революции). По отношению же к национальным требованиям нерусских народов империи его мысль, напротив, следовала путем, в известной мере аналогичным тому, который был прослежен в вопросе о требованиях крестьянства. Доходя до открытой полемики с такими близкими ему польскими революционерами, как Роза Люксембург или Дзержинский, Ленин отстаивал демократическое право на самоопределение вплоть до государственного отделения.

Однако за границей, где по многим причинам больше склонялись к доводам меньшевиков, в первую очередь находили отклик те русские споры, которые касались революционного понимания марксизма и вытекающих из него практических задач (хотя споры эти не всегда были понятны во всей своей глубине). В рядах II Интернационала Ленин, таким образом, занял место на левом фланге. Весть о крахе этой международной организации в связи с подготовкой и началом первой мировой войны он встретил с глубоким возмущением.

Трагические потрясения войны не только породили призыв Ленина к превращению «империалистической войны» в войну «гражданскую», но и способствовали развитию учения об империализме как «высшей и последней стадии капитализма». Этой теории суждено было стать одной из главных основ ленинской мысли и ленинского политического действия. Ленин исходил из особенностей эпохи империализма: концентрации и возникновения монополий в наиболее развитых странах, новой роли банков и финансового капитала, неравномерного развития капитализма в разных странах, окончательного раздела мира между отдельными державами и союзами соперничающих государств. Но он не ограничился критикой и разоблачением империализма, или определением империалистического характера войны, охватившей весь мир. Его конечный вывод был иным.

Империализм, по Ленину, особая «стадия» капитализма: более передовая и в то же время более насыщенная противоречиями, усугубляющая «паразитические» черты капитализма. Сам «оппортунизм», с которым вот уже столько лет велись битвы в рядах социал-демократов и который привел к более или менее пассивному согласию с войной, рассматривался как побочный продукт империализма в рабочем движении, как следствие подачек, получаемых частью трудящихся метрополий благодаря империалистическим прибылям.

«Империализм, — говорил Ленин, — есть канун социальной революции», когда пролетариат обретает нового союзника в лице колониальных народов, угнетенных, но уже готовых пробудиться к борьбе. Русской революции было уготовано сыграть собственную, своеобразную роль, скорее мировую, нежели европейскую, а следовательно, куда более сложную, чем та, которую могли предвидеть или на которую могли уповать революционеры XIX в.

Таков идейно-теоретический и политический путь Ленина и большевиков к великим событиям 1917 г. Путь этот пролегал через непрерывные политические битвы в кругах самих противников царизма и капитализма. Участвуя в борьбе, большевики обретали все более четкий облик и характерные черты. Многие ленинские концепции, начиная с концепции партии, подвергались в этих боях жесткой критике. Некоторые критические суждения в какой-то степени оказались пророческими, если учесть то, что произошло в России гораздо позже, многие годы спустя после завоевания власти и смерти Ленина. Таково было, например, опасение Троцкого, высказанное в момент острых разногласий с Лениным в 1904 г. насчет того, что в «партии, какой он (Ленин. — *Ред.*) ее хочет, партийная организация подменяет партию в целом; затем Центральный Комитет подменяет собой организацию, и, наконец, единственный «диктатор» подменяет собой Центральный Комитет...»[16].

Сейчас, по прошествии многих лет, со всей отчетливостью видно, что ленинская концепция партии заключала в себе опасные моменты (впрочем, о риске, сопряженном с некоторыми из этих принципов, говорили еще народники). Трудно, однако, утверждать, что такое развитие было фатально предопределено, если вообще в истории когда-либо существовали фатально неизбежные последствия далеких предпосылок. Для того чтобы известные негативные результаты проявили себя в такой тяжелой форме, потребовалось не только время, но и стечение многих обстоятельств. Сам Троцкий, примкнув к большевикам в 1917 г., отказался от своих мрачных предсказаний и принял ленинскую концепцию. Ленинская партия к этому времени доказала жизнеспособность в условиях подполья, особенно в моменты самой жестокой политической реакции. Принципы, заложенные в ней Лениным, позже привели эту партию к победе.

III. 1917 ГОД: ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ

Шел 31-й месяц первой мировой войны, когда восставший Петроград в считанные дни сверг царское самодержавие. После трех столетий господства династия Романовых была столь стремительно выставлена за дверь, что сразу исчезла с исторической сцены[1].

В рабочих кварталах столицы нарастало недовольство, выливавшееся в забастовки. Однако к взрыву они не приводили. Так продолжалось вплоть до 23 февраля*, когда демонстрации работниц и рабочих Путиловского завода на целый день взбудоражили город. В последующие дни забастовка разрасталась как снежный ком. Ширились уличные шествия и демонстрации. Недооценив размах движения, карательный аппарат затем принялся действовать, но уже был не в силах пресечь его. Власти считали своей опорой Петроградский гарнизон (170 тыс. штыков в городе и еще 152 тыс. в окрестностях[2]). Однако солдаты отказались повиноваться правительству и в ночь на 27 февраля начали присоединяться к рабочим. Это породило вторую волну восстания, которая и обусловила его победу. После попытки вызвать войска с фронта, провалившейся из-за отказа железнодорожников и солдат выполнять приказы, царские власти были вынуждены оставить город восставшим. Они не оказывали сопротивления и за пределами столицы. Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила. Однако последний не испытывал желания сесть на разваливающийся трон и отказался от этой сомнительной чести. Таким образом, вторая русская революция (первая была подавлена в 1905 г.) победила с ошеломляющей легкостью.

Буржуазия и Советы

Февральское восстание называют обычно стихийным. Это определение верно в том смысле, что ни одна политическая партия не осуществляла полного контроля над событиями и сами эти события развивались не по какому-то заранее разработанному плану. Даже после начала движения никто не был в состоянии предвидеть, каков будет его исход. В то же время нельзя сказать, чтобы восстание было неподготовленным. Вышедший на улицы пролетариат и присоединившиеся к рабочим солдаты находились под влиянием революционной пропаганды, которая в предыдущие годы велась подпольно, несмотря на преграды, созданные жесткими репрессиями

* В дальнейшем вплоть до 1 (14) февраля 1918 г. даты указываются по старому стилю.

военного времени. Восставшие требовали не только хлеба — хотя причиной первых волнений в столице послужила именно нехватка продовольствия, — они требовали также свободы, мира и ликвидации царизма. Агитаторы, преимущественно из числа большевиков, вели активную работу в бедных кварталах и казармах. Они сыграли решающую роль в придании движению все большего размаха. В то же время организации революционных партий, не исключая и большевистской, были не в состоянии — не в последнюю очередь из-за массовых арестов — провести какой-то стратегический план или полностью осуществить политическое руководство борьбой. Так сложилась ситуация, которую Троцкий позже назвал «парадоксом» Февральской революции: восстание, опрокинувшее царизм, было делом рук рабочих и солдат, но вырванная у монархии власть временно перешла к буржуазии и ее политическим организациям[3].

Буржуазия действительно была наиболее подготовлена для того, чтобы взять на себя управление государством. Она контролировала бóльшую часть экономики (требовала контроля над всей), а следовательно, и кадры, обладавшие опытом управления. Закономерно усиленное войной значение техники повысило роль буржуазии в административном аппарате: сам царизм вынужден был обращаться к ее «общественным» организациям. Ее политические организации окрепли благодаря легальному положению. Оставаясь в оппозиции, они образовали первую политическую коалицию — «Прогрессивный блок», объединивший кадетов с более консервативными октябристами. Их основным требованием было образование «ответственного министерства», а главными мотивами — неспособность правительства к эффективным действиям ради победы русского оружия и опасение, как бы его бездарность не привела к революции[4]. Поэтому руководители «Прогрессивного блока» участвовали в интригах определенных придворных кругов с целью организации дворцового переворота. При выработке политических решений они могли рассчитывать на солидарность правящих классов союзных держав: хозяйственные связи с этими странами только окрепли в результате совместных усилий в ходе войны. Кроме того, русская буржуазия была убеждена — а в убеждении этом ее поддерживали, в частности, меньшевики, — что раз революция в данной исторической фазе может носить лишь буржуазный характер, значит, именно буржуазии, и только ей одной, надлежит взять на себя управление страной; всякое иное решение отбросило бы ее в стан царизма и тем самым изменило бы исход борьбы[5].

В то же время русская буржуазия вовсе не желала революции и не участвовала в ней. Более того, она всегда опасалась революции и пыталась предотвратить ее, не видя в ней ничего, кроме ужасающего взрыва «анархии». После победы восстания в Петрограде ее наиболее видные политические лидеры — кадет Милюков и октябрист Гучков — все еще пытались спасти монархию как оплот «законности», но это было уже не в их власти. Тогда они встали на

сторону восставших и постарались направить восстание по менее кровопролитному пути, надеясь привлечь восставших на свою сторону и удержать власть. С этого момента началась их тщетная погоня за ушедшими вперед событиями, чтобы вернуть себе контроль над ними. По крайней мере одним средством для этого они располагали. 2 марта было сформировано Временное правительство — по существу, слегка видоизмененный Временный комитет Думы, который также не играл никакой роли в ходе восстания. Председателем был назначен князь Львов, вокруг него группировались остальные члены кабинета — все представители «Прогрессивного блока».

Однако для создания правительства требовалось содействие и согласие Петроградского Совета. Этот орган образовался 27 февраля по инициативе группы социалистов, большей частью из числа интеллигенции, продолживших линию, намеченную опытом 1905 г. и стихийными выступлениями народных масс. Его формирование проходило в бурной, хаотичной обстановке. В руководители Совета сразу же выдвинулись те лидеры левого лагеря — Чхеидзе, Скобелев, Керенский, — которые пользовались большой известностью благодаря своей деятельности в рядах легальной оппозиции. Для понимания сути явления куда важнее обстоятельств его возникновения успех, завоеванный Советами как центром организации делегатов, выбранных восставшими рабочими и солдатами: они почувствовали, что Советы — их опора, на которую можно положиться. Рожденные революцией, Советы становились органом реальной власти. Сюда стекались делегаты, здесь они встречались, обменивались опытом. Здесь солдаты сами составили знаменитый Приказ № 1, которым упразднялась старая субординация в армии. Без одобрения Советов буржуазное правительство не смогло бы сформироваться. Очень скоро стало ясно, что без их поддержки оно не смогло бы и функционировать. Так определился знаменитый дуализм власти — двоевластие — главный результат и главное противоречие Февральской революции.

Жизненность Советов проявилась в другом. Самым важным с первого же дня стал Петроградский Совет, который сохранил первостепенное значение на протяжении всего 1917 г. Вместе с тем по всей стране быстро возникали Советы, повсюду противопоставлявшиеся старым органам власти, унаследованным Временным правительством от прежнего строя, или даже местным органам самоуправления — городским думам, которые в новой, «буржуазной» атмосфере обрели более широкие функции. Советский историк Минц подсчитал, что только за один месяц март образовалось не менее шестисот Советов, главным образом городских[6]. Этот процесс не подчинялся никакой единой схеме. Создавались Советы рабочих и солдатские Советы, объединенные Советы тех и других (позже появились крестьянские Советы) с разными нормами представительства, с разным и часто менявшимся составом, в разной степени обладавшие реальной властью. К Советам, как к магниту, тянулись поли-

тически активные, пробужденные к сознательной жизни февральской победой людские массы. Вскоре проявилось стремление к координации движения: уже 29 марта в Петрограде состоялась первая конференция Советов.

С самого начала выявилась также двоякая природа новых органов: это была самобытная, более широкая, чем в партии, форма организации и политического руководства широкими народными массами и в то же время представительный институт нового типа, инструмент бурлящей демократии, орган «революционной диктатуры», черпающий свою правомочность не в законе, а в самой инициативе восставшего народа.

Февральская революция повлекла за собой взрыв чересчур долго подавлявшейся свободы: нескончаемый поток речей, митингов, резолюций, листовок, прокламаций, программ. Миллионы людей внезапно приобрели небывалый политический опыт. Исчезли бесчисленные ограничения, и они слушали и говорили сами, размышляли, выбирали ориентацию, выступали со своей инициативой. Исследователи проанализировали требования, содержавшиеся в резолюциях, письмах, обращениях первых недель после Февраля, когда политическая борьба еще не успела приобрести четких очертаний. Один парижский историк сравнивает эти требования с требованиями, выдвигавшимися Французской революцией 1789 г. Пока они еще умеренные, но уже совершенно определенные. Рабочие требовали прежде всего (даже прежде повышения зарплаты) восьмичасового рабочего дня и человеческих условий труда. В их запросах только-только начинала вырисовываться идея «контроля» над администрацией, да и то главным образом с целью проверить, насколько оправданны были отказы на их требования. Солдаты требовали установления человеческих отношений в армии. Крестьянство, которое пришло в движение в марте, — конфискации земельных владений[7]. Таким образом, в рамках общего потока, слившегося из многих течений, постепенно уточнялись мотивы революции. Кто возьмет на себя руководство им? В этом заключалась коренная проблема, которую Февраль оставил открытой.

Все политические партии получили возможность действовать легально. В конце марта свой первый съезд провела партия кадетов. После того как революция отбросила или вовсе смела наиболее консервативные политические организации, эта партия оказалась не только главной партией буржуазии, но и правой партией. Неудобство такой позиции она пыталась компенсировать тактикой левого блока, то есть союзом с партиями, преобладавшими в Советах. Из конституционно-монархической ее программа превратилась в парламентарно-республиканскую, буржуазную на западный манер. Но главное ее стремление в этот период сводилось к тому, чтобы «восстановить порядок» и добиться победы в войне, а также вернуться к единовластию. Иначе говоря, терпеть Советы, пока это неизбежно, в качестве простых организаций, защищающих рабочие интересы. Что касается крупных общественных вопросов, то партия кадетов

предлагала передать их на рассмотрение Учредительного собрания — будущего высшего органа государственной власти[8].

Более неопределенным было положение в партиях, пользовавшихся влиянием в Советах, то есть тех, которые боролись с царизмом преимущественно в условиях подполья. Менялись даже исторически сложившиеся линии их размежевания. Наиболее опытные или известные вожди этих партий только возвращались из ссылки или эмиграции. Из замкнутых конспиративных организаций они превратились в партии со своими сторонниками и сочувствующими. Именно такую трансформацию претерпели социалисты-революционеры (эсеры). В силу народнических и крестьянских традиций они стали самой многочисленной партией (особенно много там было солдат), но в то же время и самой бесформенной, ибо в нее потоком шли те, кто, не слишком долго размышляя, приветствовал восторженную атмосферу марта[9].

Отношения между двумя крыльями социал-демократии — большевиками и меньшевиками — отличались после Февраля неопределенностью. Нередки были случаи перехода из одного лагеря в другой. Позиции эсеров и меньшевиков, провозглашенные с самого начала их лидерами в Петроградском Совете, сводились в общем и целом к следующему: поддержка на определенных условиях Временного правительства в сочетании с давлением на него и контролем за его действиями; призыв к «демократическому миру» без аннексий и контрибуций (обе партии имели своих представителей на Циммервальдской конференции в 1915 г.), что в то же время не исключало лозунга защиты «революционного отечества». Вместе с тем по этим пунктам и по каждой из более конкретных проблем, стоящих перед русским обществом, в позициях двух партий и внутри них имелись различия. Как бы то ни было, указанные программные положения позволили меньшевикам и эсерам образовать в Советах и их Исполнительных комитетах тот единый блок «революционной демократии», который существовал на протяжении всего 1917 г.

«Апрельские тезисы»

Совершенно новый элемент был внесен в дискуссию между российскими политическими партиями Лениным, сумевшим наконец в первых числах апреля после путешествия в знаменитом пломбированном вагоне через враждебную Германию вернуться на родину из Швейцарии, где он был в изгнании. Дело в том, что перед во многом не предусмотренными обстоятельствами большевики тоже проявили немало колебаний. Их партия переживала период свободной организации и неограниченного роста. В условиях стремительного развития событий сама грань, отделявшая большевиков от меньшевиков, стала более расплывчатой: некоторые организации, особенно на периферии, вернулись к легальному существованию в качестве единой партии[10]. Дискуссия о возможном, хотя и подозрительном в глазах

многих, воссоединении докатилась до центра[11]. Хотя с самого начала большевики находились в оппозиции к Временному правительству, позже они — главным образом под влиянием двух таких авторитетных руководителей, как Каменев и Сталин, — не исключали возможности простого «контроля» над деятельностью правительства, с тем чтобы побудить его к «энергичной борьбе» с остатками прежнего режима[12].

Ленин уже из эмиграции советовал занять более твердую позицию. Еще в январе, когда никто — и он в том числе — не смог бы предугадать столь близкую победу восстания в России, Ленин, выступая перед молодежной аудиторией в Швейцарии, говорил о Европе, придавленной войной, но «чреватой революцией», и привлекал внимание слушателей к важности революции в России — стране на границе Европы и Азии[13]. Опираясь на эти предпосылки, он сразу же по возвращении в Петроград придал всей дискуссии новое направление, сформулировав положения, которым суждено было стать знаменитыми «Апрельскими тезисами».

Ленин призывал своих товарищей не оставаться «старыми большевиками», не отставать от революции, то есть не останавливаться на идейно-политических рубежах 1905 г., когда российская революция представлялась им лишь революцией буржуазно-демократической[14]. Эта революция уже осуществилась. «Своеобразие» ситуации в России состояло в *«переходе... ко второму* ее (революции. — *Ред.*) этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Следовательно, никакой поддержки Временному правительству. Никаких уступок «революционному оборончеству», ибо при капиталистах, остающихся у власти, война продолжала быть империалистической и могла стать революционной только со свержением власти капитала. Никакого воссоединения, кроме как с наиболее непреклонными интернационалистами. Для более четкого размежевания Ленин предлагал изменить само название партии и приступить не медля к созданию нового Интернационала. Что касается крестьян, то требовалась конфискация без выкупа помещичьих владений и национализация всех земель. Коренным вопросом всякой революции, добавлял Ленин, является вопрос о власти: в государстве не может долго сохраняться двоевластие. Вся власть поэтому должна перейти к Советам: бороться следовало не за «парламентскую республику», а за «республику Советов»[15]. Вопрос мира и войны, объяснял позже Зиновьев, который вернулся вместе с Лениным из Швейцарии, был «вопросом всех вопросов», ибо большевики должны были держать курс на «мировую пролетарскую революцию»[16].

Ленинские тезисы встретили ожесточенное сопротивление блока «революционной демократии». На VII Всероссийской конференции РСДРП(б) 24—29 апреля, они, напротив, нашли одобрение, хотя и здесь не обошлось без борьбы. Ленин признавал, что пока его позиция является позицией меньшинства в Советах. «Революционное обо-

рончество» еще было сильно среди масс. Призыв к немедленному и насильственному свержению правительства не был бы понят. В отношении самих крестьян, приходивших уже в движение, трудно было сказать, не пойдут ли они в массе своей за буржуазией. Ленин пока требовал, чтобы максимальное внимание уделялось беднейшим слоям крестьянства. Иными словами, он указывал стратегический курс, а не назначал точные сроки будущих действий. Пока он предвидел период «мирного развития» революции, на протяжении которого партии предстояло бороться за завоевание большинства в Советах путем широкого ознакомления масс со своими революционными предложениями[17].

Каменев, который на Апрельской конференции возглавлял оппозицию тезисам Ленина, упрекал его как раз за то, что он не предлагал ничего, кроме программы агитации[18]. Но наиболее существенным для Ленина было именно это: определить и утвердить «пролетарскую линию», отмежеваться от расплывчатой «революционной демократии», в которой он видел политическое выражение интересов мелкой буржуазии, преобладающей в России, но колеблющейся и не способной осуществить собственную гегемонию. Он был убежден, что противоположные классовые интересы — прежде всего в связи с войной — не замедлят прийти в жестокое столкновение, несмотря на видимую гармонию и риторику первых недель нового режима. Несколько месяцев спустя он писал, что «за время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни»[19]. События 1917 г. подкрепляли это его убеждение.

Начиная с марта русская революция переживала во все ускоряющемся темпе смену быстротечных и драматически острых ситуаций. Политические столкновения приобрели такую напряженность и четкость характерных особенностей, что сделались своего рода символом конфликтов, которые в последующие десятилетия классовой борьбы будут возникать в самых различных частях мира. В апреле, как раз когда большевики обсуждали ленинские тезисы, февральский режим пережил свой первый глубокий кризис. Его причиной на этот раз была именно война. В ноте министра иностранных дел Милюкова союзникам подтверждались общие цели ведения войны и было вновь повторено, что конечной ее целью должна быть победа над Германией. Эта нота вызвала столкновение с Советами, уличные манифестации и беспорядки, первую вспышку негодования рабочих и солдат, которые в то время еще были «добросовестными оборонцами», по ленинскому выражению, но именно в силу этого считали мир возможным и близким. Лишь Советы смогли вернуть их к спокойствию. Установившееся в марте равновесие между этими органами и правительством было, таким образом, нарушено и с трудом смогло быть восстановлено лишь ценой изменения политической базы коалиционного правительства. Возглавлял его по-прежнему Львов, но в него вошли также меньшевистские и эсеровские вожди Советов.

Весенние месяцы были временем наивысшего влияния двух партий «революционной демократии». Их представители вошли в правительство, что пробудило много надежд и одновременно вызвало немало опасений. Обе они в мае провели свои ассамблеи: конференцию — меньшевики, съезд — эсеры. На первых муниципальных выборах, проводившихся на основе всеобщего избирательного права, они намного опередили все другие партии. Решительно преобладающим было их влияние на состоявшемся в июне I съезде Советов и в избранном на нем Исполнительном комитете.

В обеих партиях господствующей была идея, что революция не может выйти за определенные пределы. Так думали — в силу своих теоретических положений и тактических установок — меньшевики, которые видели в Советах организацию трудящихся, способную оказывать влияние, может быть, даже навязывать некоторые решения, но не орган власти. Однако они опасались, что чрезмерные социальные притязания могут изолировать рабочий класс или ввергнуть страну в гражданскую войну. Аналогичная позиция эсеров опиралась не столько на теоретические рассуждения, сколько на соображения непосредственной целесообразности. Самым насущным для них, учитывая характер их партии и ее сторонников, был вопрос о земле, «коренной вопрос нашей революции», как они заявляли[20]. Программа эсеров предусматривала радикальное перераспределение земли на основе эгалитарных принципов. Но и эсеры предпочитали выжидать — их предложения наталкивались на сопротивление справа — и откладывать решение до Учредительного собрания, где они рассчитывали получить большинство. Наконец, обе партии, как и раньше, объединяло общее, «оборонческое» отношение к войне.

Эти позиции вели к тому, что политика правительства, по видимости исходившая из весьма передовых программ, на практике оказывалась противоречивой и нерешительной. К тому же не было единодушия даже в самих этих двух партиях: в каждой из них сосуществовали по меньшей мере три тенденции. У меньшевиков линии размежевания проходили так же, как и во всей тогдашней международной социал-демократии. Имелось левое крыло действительно непримиримых к войне «интернационалистов», которых возглавляли Мартов и Мартынов. Был «центр», в котором находились все главные деятели партии (Церетели, Чхеидзе, Дан), и решительно «оборонческое» правое крыло во главе с Либером и Потресовым (Плеханов со своей группой «Единство», давно уже перешедшей на патриотические позиции, оставался вне партии). Еще более резким в силу самой неоднородности социального состава было размежевание среди эсеров. Наряду с правыми и центристскими течениями, во главе которых были Керенский, Гоц и аграрный идеолог Чернов, сложилось довольно сильное и боевитое левое крыло, руководителями которого были Камков, Спиридонова, старый народник Натансон. Нарастающее давление снизу придавало противоречиям и конфликтам еще большую остроту.

Керенский и Корнилов

Весенние месяцы были также временем, когда ожидания, надежды и иллюзии первых восторженных дней марта развеялись во все более ожесточенной борьбе классов, их противоборствующих стремлений. Апрель обнаружил непримиримую враждебность тех, кто разглагольствовал о «демократическом мире», чтобы продолжать войну, и тех, кто увидел в этом искреннее обещание положить конец кровопролитию. В обстановке упадка дисциплины в армии, где выборные комитеты обладали большей властью, чем офицеры, буржуазия оказалась перед роковой дилеммой: для того, чтобы выиграть войну, она должна была сохранить народ вооруженным; для того, чтобы обеспечить сохранение собственной власти, ей следовало разоружить его. Ленин в это время требовал, чтобы пролетариат вооружался и в тылу: в Москве и Петрограде уже возникли первые отряды красногвардейцев[21]. В деревне после первых, еще редких мартовских вспышек нетерпение крестьян проявлялось в растущем числе покушений на помещичью собственность. Их участники все меньше заботились о том, чтобы придать вид «законности» своим действиям. К лету движение стало шириться, как река в половодье (по сравнению с 17 революционными выступлениями в марте, в апреле их было 204, в мае — 259, в июне — 577, в июле — 1122[22]), причем правительство, в котором министром земледелия был эсер Чернов, ничем не могло ответить на нажим деревни. На заводах и фабриках социальные конфликты нарастали и обострялись не только из-за того, что росло число забастовок и как ответ на них — хозяйских локаутов, но и потому, что среди рабочих усиливалась тенденция не считаться с неприкосновенными правами собственности и оспаривать полномочия самой заводской администрации. Родилось новое движение «фабрично-заводских комитетов»: это были первые выборные органы, в которых большевики оказались в большинстве. Мир, земля, рабочий контроль становились, таким образом, главными темами революции.

Конфликты обострились в самых различных областях. Уже в июне большевистские лозунги — и в первую очередь лозунг «Вся власть Советам!» — получили, особенно в крупных городах, распространение, какого не ожидали их противники. Правые все настойчивее искали «сильную личность», способную покончить с «анархией», и в своих расчетах делали ставку на расстройство экономики. Расколотое коалиционное правительство не могло решить самых неотложных задач, таких, например, как организация снабжения продовольствием и предметами первой необходимости. Раскол углубился не только между большевиками и «революционной демократией», противоречия обострились и в рядах самих промежуточных партий. Июньское наступление на фронте, предпринятое под аккомпанемент критики и обличений оппозиции, обернулось провалом, и это резко ускорило развитие революционного движения в армии. В июле вооруженная демонстрация солдат и рабочих, которую большевики, колебавшиеся

до последнего момента, все же решились возглавить, была подавлена в Петрограде с помощью некоторых частей самого Петроградского гарнизона. Это послужило началом кампании против партии Ленина. Его публично обвинили в том, что он является «германским шпионом». Перед угрозой ареста Ленин был вынужден скрыться в подполье за пределами столицы. Сложившееся ранее равновесие нарушилось окончательно.

После затяжного правительственного кризиса был сформирован новый коалиционный кабинет, на этот раз во главе с Керенским. Так начался краткий период, на протяжении которого этот адвокат-радикал, подозреваемый в бонапартистских намерениях[23], единственный из политических деятелей, еще в марте вступивших в правительство в качестве представителей Совета, оказался у кормила правления Россией. Деятельность этого человека, промелькнувшего как метеор на авансцене истории, является хрестоматийным примером превращения трагедии в фарс.

Июльский поворот явился прелюдией к операции, направленной на то, чтобы покончить с Советами. Эта попытка была предпринята в августе высшими военными кругами, скрепя сердце мирившимися с новым режимом. Руководил операцией новый верховный главнокомандующий генерал Корнилов, пользовавшийся симпатией у буржуазии. Наступление Корнилова на Петроград было остановлено массовыми выступлениями рабочих и солдат. В его организации главная роль принадлежала большевикам. Это был последний случай, когда они действовали заодно с промежуточными партиями, как в феврале, но уже преследуя свои собственные, совершенно особые цели.

В самом деле, после провала выступления Корнилова вопрос о власти вновь, как никогда остро, встал на повестку дня. Соотношение сил в корне изменилось. Правительство Керенского — а он сам был отчасти замешан в заговоре — не пользовалось авторитетом ни у правых, ни у левых. Развитие революции, за которое ратовали большевики, теперь отождествлялось в глазах масс с защитой от контрреволюции. В сентябре большинство в Советах перешло к большевикам. Армия выходила из-под контроля военачальников и все меньше поддавалась влиянию лидеров «революционной демократии». Крестьянские выступления становились все более ожесточенными и приобретали характер открытого мятежа; участились случаи разграбления или поджога помещичьих имений[24].

Два главных города — Петроград и Москва — играли решающую роль на протяжении всех событий 1917 г. Вместе с тем сама активизация политической жизни и революционной деятельности, ослабление центральной власти, растущая инициатива на местах, многообразие ситуаций равновесия или неравновесия сил в разных частях страны — все это создавало в России крайне неоднородную обстановку. Условия борьбы менялись от губернии к губернии, нередко от одного населенного пункта к другому. Беря на себя под нажимом самих масс решение все более широкого круга вопросов, Советы в

некоторых районах уже осуществляли власть, в то время как в других были совершенно отстранены от нее[25]. Промышленные районы шли в авангарде. Разнообразие ситуаций усиливалось подъемом национального движения в районах с преобладанием нерусского населения, особенно в Финляндии, на Украине и в мусульманских районах европейской части страны. Недооценка требований этого движения Временным правительством и входившими в него партиями лишь углубляла кризис.

Сторонники и противники пролетарского восстания

Бывают исторические ситуации, когда классово-политический конфликт не оставляет места ни для каких промежуточных решений. Обстановка в России летом и осенью 1917 г. не была, разумеется, уникальной с этой точки зрения. Однако впервые в нашу эпоху Россия оказалась перед столь категорической дилеммой. Ленин уловил это уже в начале июля: «*Либо*... поворот к контрреволюции... *Либо*... — „якобинство“». Дух своей партии он отождествлял (призвав помнить о положении России «на границе Европы и Азии») с духом якобинцев, наиболее радикального крыла Французской революции[26]. Об этом он говорил вплоть до Октября. Июльский поворот Ленин и его соратники расценили как конец «мирного развития революции». С этого момента спасти от «военной диктатуры», по его мнению, должно было вооруженное восстание, которое привело бы к победе пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством[27]. Сами Советы в тот момент представлялись большевикам органами, переживающими «мучительную агонию». Партия даже вынуждена была временно снять свой лозунг «Вся власть Советам!»[28].

Таковы были новые, по сравнению с весной, установки, выдвинутые VI съездом РСДРП(б). На съезде в ее ряды официально влились «межрайонцы» — группа социал-демократов, которые ранее не были связаны ни с большевиками, ни с меньшевиками. Хотя и не слишком многочисленная, эта группа была весьма активной и влиятельной; не случайно из ее рядов вышло впоследствии немало руководителей партии. Наиболее авторитетный среди них, Троцкий, уже выступал решительно заодно с Лениным и в июльские дни сразу же выдвинулся как один из вождей большевиков. Кстати, Ленин тогда еще не ставил непосредственной целью вооруженное восстание. Сама мысль о нем отсутствует в резолюциях съезда: обжегшись на июльском опыте, делегаты призывали избегать «преждевременного боя»[29].

Предложение о восстании Ленин выдвинул из своего подполья в середине сентября. После разгрома Корнилова большевики несколько раз предлагали промежуточным партиям компромисс — немедленно образовать целиком Советское правительство, то есть правительство, ответственное перед Советами и включающее только те политические течения, которые представлены в Советах. По правде говоря, это предложение выдвигалось Лениным не без скептицизма[30]. Оно не бы-

ло принято. Партии, которым оно было адресовано, еще раз предпочли соглашение с буржуазией и кадетами, хотя рост внутренних разногласий и вызвал в них политический и организационный кризис. В конце сентября было сформировано еще одно, последнее, коалиционное правительство под председательством все того же Керенского. Распространялись слухи о новых контрреволюционных заговорах, о бесчисленных замыслах восстановления единой власти. Однако шансы подобных планов на успех были невелики. Большевики в этих условиях снова выдвинули лозунг «Вся власть Советам!». Только на этот раз Советы должны были взять власть силой. В такой политической обстановке и сложился ленинский план восстания.

В первый момент часть членов Центрального Комитета встретили этот план с немалым недоумением. Растущее не по дням, а по часам влияние большевиков давало основание думать, что достичь успеха можно «легальным» путем. Опасались, что ложный шаг приведет к новому, более тяжелому поражению, чем в июле. По мнению Ленина, это были пустые конституционные иллюзии, да к тому же в условиях, когда не было ни конституции, ни вообще каких-либо законов. Назрел новый кризис, новая революция. Восстание было бы авантюрой, если бы оно не сопровождалось подъемом народного движения. Между тем такой подъем был налицо. Уже ни слова, ни резолюции не могли удовлетворить массы; сделать это могли только решительные действия. Таким образом, перед партией стояла возможность использовать решающий шанс. Если она упустит его, говорил Ленин, она поставит под угрозу свое будущее. Напротив, если она возьмет власть, то сможет сразу укрепить свою победу, немедленно предложив мир, дав землю крестьянам и применив жесткие экономические меры против буржуазии. Именно это и имело решающее значение.

На протяжении второй половины сентября и первых чисел октября Ленин все настойчивее призывал к тщательной и быстрой подготовке восстания. Ему стоило немало труда преодолеть сопротивление многих своих товарищей. Он не останавливался перед угрозой обратиться через их голову прямо к партии и массам. Поддержку внушительного большинства он получил наконец на заседании Центрального Комитета 10 октября, где 10 голосами против 2 было одобрено историческое решение о восстании[31].

Главными противниками восстания среди большевистских руководителей были Каменев и Зиновьев. Партия отвергла их точку зрения, а позже ее опроверг и сам ход событий. Тем не менее жаркие споры по поводу решающего выбора, разгоревшиеся в сентябре — октябре и захватившие также период, непосредственно последовавший за победой, споры, в ходе которых дело едва не доходило до личного разрыва между их участниками, относились к числу наиболее важных и ответственных во всей истории партии большевиков. Два противника Ленина исходили не столько из слабой убежденности в возможности успеха, сколько из опасения, что мелкая буржуазия, составлявшая подавляющее большинство населения крестьян-

ской России, отнесется враждебно к чересчур решительным действиям пролетариата. Пролетариат, следовательно, окажется в изоляции, а его партия, да и сама революция будут поставлены под угрозу. Зиновьев и Каменев предлагали иную стратегию: не восстание, а длительное пребывание в оппозиции, комбинированные действия в Советах и Учредительном собрании[32]. В этом они были близки к левому крылу меньшевиков.

Сторонники восстания, напротив, убеждали в абсолютной невероятности подобного «мирного» развития: в условиях, когда уже в деревне дело дошло до жакерии, стоило большевикам промедлить — и нетерпение народных масс обратилось бы против них. Кроме того, сторонники восстания уповали на то, что революция распространится на другие страны. «Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции»[33], — писал Ленин, а Сталин в дискуссии на заседании Центрального Комитета добавил, что большинство держит курс «на победу революции и опирается на Европу»[34]. Как справедливо заметил Исаак Дойчер, рассматривая эти события с позиций историка, меньшинство чересчур пессимистично смотрело на перспективы внутриполитического развития международной ситуации[35]. Если же отвлечься от подобных соображений, эта дискуссия свидетельствует о том, насколько руководители большевиков в тот самый момент, когда они принимали решение не упустить исторический шанс, сознавали те трудности, с которыми социалистическая революция может столкнуться в России.

Победа большевиков в Петрограде

Легальное «прикрытие» восстания обеспечил Петроградский Совет. Его председателем с сентября был Троцкий — в глазах большинства в то время главный трибун большевиков. В руководстве событиями в решающий момент он играл такую же важную роль, как и Ленин. Перед угрозой правительства удалить из столицы вышедшие из повиновения войска нетрудно было образовать при Петроградском Совете Военно-революционный комитет, который взял на себя реальное командование гарнизоном и в тесной связи с большевистскими организациями стал штабом восстания. Оно началось 24 октября. Участвовали все те же солдаты, рабочие (на этот раз вооруженные: в городе насчитывалось около 20 тыс. красногвардейцев), которые поднялись в феврале. К ним присоединились матросы Балтийского флота, вызванные из Кронштадта. Отличие состояло в степени их ожесточенности, порожденной несбывшимися ожиданиями предыдущих месяцев, и главным образом в присутствии сознательного, ясно мыслящего руководства, направляющего их действия ради конечной цели — завоевания власти во имя социализма.

Для того чтобы свергнуть правительство Керенского, понадобилось лишь два дня — два знаменитых дня. Впоследствии о них столько рассказывали главные участники событий. Успех был относитель-

но легким, потому что увенчивал политическую победу, уже практически «накопленную» в предыдущие месяцы. На протяжении этих месяцев революционные массы были окончательно оторваны от вождей, выдвинувшихся после Февраля, и теперь достаточно было, как предвидел Ленин, своевременно и хорошо подготовленного «военного» выступления, чтобы повести эти массы на заключительный акт революции. В 10 часов утра 25 октября Ленин мог уже написать знаменитое воззвание, в котором сообщалось о низложении Временного правительства и взятии власти Военно-революционным комитетом[36]. Вечером восставшие рабочие, матросы, солдаты штурмом взяли резиденцию Временного правительства — Зимний дворец — и арестовали министров. Керенский к этому времени уже покинул город.

Победа большевиков была не только и не столько военно-повстанческой, сколько политической. Это подтвердил II съезд Советов, собравшийся вечером 25 октября, то есть в те самые часы, когда шел штурм дворца. Завоеванная днем власть ночью была передана съезду, актом формальной передачи явилась речь Луначарского. Вопрос о съезде долгое время был предметом разногласий между большевиками, добивавшимися его созыва, и промежуточными партиями, стремившимися его отсрочить. Затем среди самих победителей разгорелись жаркие споры относительно того, какой должна быть взаимосвязь между восстанием и съездом: атаковать, когда съезд уже будет заседать, и брать власть только от его имени или восстать против правительства, невзирая ни на что, и задним числом передать власть съезду? Ленин был против какого бы то ни было «легального» оправдания. Лишь его прибытие в ночь с 24 на 25 октября в Смольный, который с февраля служил помещением для всех революционных организаций, ускорило выбор в пользу второго решения. Съезд провозгласил себя обладателем власти уже после победного исхода восстания, хотя практически эти два события совпали по времени.

Главное же состояло в том, что больше половины делегатов съезда — 338 из 648 — были большевики, в то время как на I съезде, в июне, их было лишь 105 из 822. Другие делегаты стояли на позициях, близких к позициям большевиков. Показательна расстановка сил при голосовании по главному, решающему политическому вопросу: три четверти были за формулу «Вся власть Советам», лишь 13 % — за власть «демократии» и 12 % — за сохранение старой коалиции[37].

С этого начинается установление нового, революционного порядка с целью создания нового общества, нового, Советского государства на земле Российской империи.

IV. СОВЕТЫ И ВЛАСТЬ

Октябрьские декреты

25 октября 1917 г. съезд провозгласил: «Вся власть Советам!»[1]. Возглавляемое большевиками победоносное «наступление» народных масс Петрограда, как часто говорили в те дни, стало лишь началом беспощадной политической борьбы, войны, ведущейся не по правилам, в ходе которой классы, партии, нации, армии, государства вынуждены будут сражаться с неукротимой яростью. И здесь сами понятия здравого смысла, «обычных мерок» — как скажет позднее Троцкий — окажутся негодными как нормы «повседневного опыта привычной и мирной жизни»[2].

Восставшие добивались жизненно насущных вещей: мира, земли, хлеба, свободы. Но руководившие ими вожди сознавали: ставка в этой исторической борьбе куда выше. Они не сомневались, что привели в движение процесс всемирного значения. В те часы, когда восстание распространилось на Москву, некоторые из них писали: «Решается судьба революции, решается судьба нашей страны, а вместе с тем на долгое время решается и судьба человечества»[3].

Поэтому не выдерживает критики версия, распространенная в западной историографии, о том, что Октябрьская революция — это всего лишь «переворот», удачно совершенный большевиками. С помощью «переворота», «путча» можно овладеть государственной машиной, техническим аппаратом, с тем чтобы поставить его себе на службу, но нельзя совершить революцию. Старая государственная машина в России была настолько малоэффективна, что не позволяла даже Временному правительству управлять страной. Будучи революционерами-марксистами, большевики считали своим долгом уничтожить ее. Но, даже если бы они не сделали этого, со стороны государственного аппарата их ждал тотальный бойкот: аппарат этот и после Февраля остался таким же, что и во времена царской администрации. Использовать его можно было лишь в минимальной степени.

Завоевание власти в Петрограде было только началом. Когда II съезд Советов утвердил состав правительства — Совет народных комиссаров под председательством Ленина, в который вошли одни большевики, — это отнюдь не означало, что исход битвы решен окончательно. Все силы, представлявшие «вчерашний день» России, находились еще в городе. Под арестом были даже не все министры: некоторые из них вместе со своими заместителями были на свободе; других скоро выпустили (вплоть до 16 ноября в Петрограде действовало даже своего рода «подпольное» правительство[4]). Керенский добрался до штаба Северного фронта и пытался двинуться с войсками на столицу. Хотя силы его были невелики, он достиг окрестнос-

тей города. Здесь наскоро сформированные части восставших остановили его и отбросили назад. Собранные Керенским войска отказались ему повиноваться[5]. Несколько дней судьба революции висела на волоске, завися от исхода этой авантюры. При городской думе деятели только что свергнутого режима образовали «комитет спасения родины и революции».

К тому же Петроград не был единственным центром власти в тогдашней России. Была «вторая столица» — Москва. Здесь восстание, начавшееся, когда в Петрограде уже была одержана победа, натолкнулось на более сильное сопротивление. Уличные бои затянулись до 2 ноября. Имелся и третий, не менее важный центр — Ставка верховного главнокомандующего, помещавшаяся в Могилеве. Там деятели, бежавшие из столицы, намеревались создать новое правительство во главе с эсером Черновым. Ставка всячески пыталась послать войска в два главных города. Это ей не удалось. Даже те части, которые согласились выступить, затем так или иначе отказались от каких бы то ни было карательных операций.

Каково было соотношение сил в тот решающий момент? Когда и как революция изменила его? 12 ноября начались выборы в Учредительное собрание, назначенные после многих уверток еще Временным правительством. Поскольку голосование происходило как раз в период, когда по всей стране две разные власти вели друг с другом борьбу и исход ее был различен в разных районах, о достоверности его результатов высказывались самые противоречивые суждения. Как бы то ни было, по ним можно довольно точно судить о соотношении сил. В выборах участвовало менее половины избирателей. Большевики получили 25 % голосов, кадеты — 13, эсеры — 58 и меньшевики — 4 % (последние две цифры показывают, как прав был Троцкий, когда указывал, что в блоке этих двух партий первые составляли массовую базу, а вторые привносили идеи и осуществляли руководство)[6].

Было бы неверно, однако, рассматривать эти результаты как показатель устойчивых связей между указанными партиями и массами. Здесь требуется дифференцированный анализ. Если взять результаты голосования в городах, то число голосов, поданных за большевиков, повышается до 36,5 %, а за эсеров — понижается до 14,5 %. В армии большевики получили 41 %, эсеры — 40, а кадеты только 2 %. В гарнизонах и частях, размещенных близ крупнейших центров страны, сторонники Ленина составляли подавляющее большинство: 61 % — на Северном фронте, 67 — на Западном, 57,5 % — на Балтийском флоте. Большинство принадлежало им в обеих столицах[7]. Преобладающая часть российского промышленного пролетариата пошла за большевиками. С безбрежной крестьянской массой, которую они завоевали лишь отчасти (правда, это была решающе важная часть — солдаты), им предстояло еще сомкнуться. Для крестьян не было ничего важнее земли, а перспективу ее получения они связывали с эсерами.

Большевики знали: у них нет численного превосходства в стране[8]. Но расчет Ленина заключался в том, что его партия завоюет большинство, безоговорочно признав основные радикальные требования масс в момент взятия власти. Именно это он и сделал 26 октября, когда II съезд Советов одобрил его знаменитые Декрет о мире и Декрет о земле. В первом из них всем воюющим странам предлагалось «начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире»; на время ведения их должно было быть объявлено перемирие сроком не менее трех месяцев. Декрет денонсировал тайные договоры, заключенные предыдущими правительствами России[9]. Вторым декретом объявлялось, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», и устанавливались критерии уравнительной аграрной реформы, разработанные организациями эсеровского толка на основе радикальных требований самих крестьян в том виде, в каком они были изложены в наказах их местных собраний[10]. Эти два декрета, а также восстание в Петрограде изменили все политические отношения в стране. По всей России развернулась битва под лозунгом «Вся власть Советам!».

Борьба за пределами столиц

Борьба это не была ни краткой, ни простой. Слишком долго при изучении Октябрьской революции внимание сосредоточивалось на событиях в Петрограде, самое большее — в двух столицах. Сколь бы решающими ни были эти события, борьба не исчерпывается ими и они не дают полного представления о том потрясении, которое пережила страна. Уже в Москве борьба развивалась иначе, чем в Петрограде. Восстание здесь было куда менее подготовленным, и силы восставших росли в ходе самих боев[11]. После колебаний большевистского руководства и надежд на быстрое и «мирное» решение, обернувшихся серьезнейшими вооруженными столкновениями, борьба переросла в постепенное наступление пролетарских окраин с расположенными там солдатскими казармами, к которым присоединились революционные отряды, прибывшие из соседних местностей, против буржуазных сил, засевших в центре.

Еще большее многообразие форм борьбы наблюдалось в остальных регионах страны[12]. Учитывая уровень организации общества и политических сил, единого плана восстания не было и не могло быть. Имелось, напротив, чрезвычайное разнообразие инициатив в разных, подчас даже недалеко отстоящих друг от друга районах. Все решало соотношение сил на местах, степень организованности и влияния большевиков, наличие или отсутствие гарнизонов. Впрочем, именно на такую самостоятельность тактической импровизации и рассчитывали Ленин и его сподвижники. «*Ваши* Советы, — писал Ленин 5 ноября, — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы... Беритесь сами за дело снизу, никого не дожи-

даясь»[13]. Совнарком добавлял: «Не ожидайте, товарищи, указаний сверху, не ждите предписаний и сами на практике осуществляйте эту власть»[14].

Как отмечалось в литературе, русская революция первой использовала современные средства связи[15]. Правда, это не означает, что она была совершена «по телеграфу». Действительно, повсюду захват почты, телефона, железнодорожных станций представлял собой важный акт восстания. Однако понадобилось время, чтобы восставшие реально овладели ими, в частности потому, что профсоюзы в этих отраслях относились к ним враждебно. Связь между центром и периферией была налажена плохо[16]. Само известие о восстании в Петрограде приходило в провинцию разными путями[17]. Из столиц в те или иные области и районы посылались многочисленные «эмиссары», «комиссары», агитаторы. Советы завоевывали власть не менее трех-четырех месяцев, завоевывали нелегко. Они натолкнулись на резко враждебную реакцию со стороны мелкой и средней буржуазии, не говоря уже о наиболее привилегированных слоях, что придало событиям в некоторых районах черты «гражданской войны». Сегодня, во всяком случае, многие советские историки отказались от приукрашенного толкования ленинского выражения «триумфальное шествие Советской власти». Выражение это Ленин полемически употребил в марте 1918 г., чтобы подчеркнуть ту относительную легкость, с какой в этой борьбе были одержаны первые крупные победы[18].

В процессе стремительного распространения революции вширь следует различать две категории одинаково важных событий. Одна охватывает фронт, другая — российскую «глубинку». В действующей армии, представлявшей собой силу, потенциально способную решить участь страны, революция побеждала постепенно, с севера на юг. Сначала на Северном и Западном фронтах (учитывая их близость к самым крупным центрам страны, они были наиболее важными для судеб внутриполитической борьбы), где большевистское влияние было преобладающим. Затем, со все большими трудностями, на Юго-Западном фронте, Румынском и, наконец, Кавказском фронтах, где Советы одержали победу после острой борьбы, когда развал армии уже шел полным ходом.

Наряду с командованием в частях и соединениях после Февраля были созданы выборные комитеты, все еще находившиеся под контролем промежуточных партий. Ненависть к командирам сочеталась с недоверием к этим партиям, стяжавшим себе славу противников мира. Войска не хотели больше воевать. Возмущение поднималось снизу, от полков к дивизиям и дальше, и выражалось в смещении командующих на все более высоких уровнях и избрании новых комитетов. Происходило это на съездах солдатских депутатов. Политическая борьба все чаще переплеталась с попытками и инициативами заключения перемирий, что после Декрета о мире было доверено самим солдатам. Множились случаи «братания» с противником.

Кульминационным эпизодом стал захват Ставки революционными частями: некоторые из этих частей были посланы из Петрограда, другие сформированы на месте. Главнокомандующий Духонин за нежелание выполнять приказы нового правительства был смещен Лениным и заменен большевиком Крыленко. После ареста Духонин, несмотря на противодействие Крыленко, был убит солдатами, как только они узнали, что Корнилову и другим генералам — участникам августовского заговора, находившимся при Ставке под домашним арестом, была дана возможность бежать[19].

Труднее дать стройное описание того, как власть завоевывалась в целом по стране[20]. Можно выделить лишь общие тенденции, но с оговоркой. Речь идет не об абсолютных правилах, а о тенденциях со множеством исключений. Завоевание власти Советами шло быстрее и решительнее в промышленных районах или зонах, расположенных поблизости от них и испытывавших на себе их влияние, то есть прежде всего в Центральном районе и на Урале. Более сложным, но столь же решительным оно выглядело в Поволжье, где преобладало крестьянское население, в то время как в Центральночерноземном районе (Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская губернии), где сильнее было влияние эсеров, этот процесс проходил более драматично и занял больше времени. Борьба в западных областях переплеталась с борьбой в действующей армии, и эти два процесса взаимно обусловливали друг друга. Поэтому победа быстрее пришла к Советам в районах, прилегающих к северному и западному секторам фронта. Как правило, революция утверждалась сначала в городах, в главных центрах, а потом в сельской местности. Но и здесь были исключения.

Чрезвычайно разнообразными были способы и формы завоевания власти. Проще все было там, где Советы — да еще с большевистским большинством — уже обладали реальными функциями управления. В других местах создавались военно-революционные комитеты, как в Петрограде, образовывались временные коалиции местных партий или же происходило переизбрание Советов. Во многих районах в ответ на захват власти Советами возникали под разными вывесками «комитеты общественного спасения», образованные промежуточными партиями, отстраненными от кормила правления. Не всюду победа далась сразу. Например, в Ростове, Оренбурге, Челябинске, Житомире власть Советов была вначале провозглашена, затем свергнута и наконец завоевана снова. В зависимости от соотношения сил борьба носила вооруженный или невооруженный характер. Всегда острая, она все же чаще была невооруженной; лишь в 15 крупных городах из 84 в ход было пущено оружие[21]. Руководство обычно брали на себя большевики. Однако в выступлениях участвовали не они одни: бок о бок с ними вели борьбу члены других партий, прежде всего эсеры.

Провозглашение власти Советов не всюду означало, что Советы действительно приступили к осуществлению власти. Нередко в одном

и том же или близко расположенных населенных пунктах продолжали существовать соперничающие центры власти.

В центре России, на территории с однородным русским населением, новая власть победила легче, чем на окраинах. Там она встретилась с двумя препятствиями. Первое состояло в переплетении национальных и классовых мотивов борьбы нерусских народностей. Впрочем, и здесь картина не была одинаковой. Быстро удалось одержать победу на землях, заселенных эстонцами, латышами, белорусами, которые находились в непосредственной близости к фронту. Весьма различная ситуация создалась в двух частях Украины: земледельческом и сплошь украинском Правобережье и более индустриальном Левобережье (здесь находятся такие промышленные центры, как Харьков и Донбасс) с его крупными включениями русского населения. В Левобережье советская власть установилась гораздо быстрее. Не удалось выступление в Закавказье, за исключением рабочего и мусульманского Баку, где Совет сразу одержал победу. Советская власть была провозглашена и в городах Средней Азии, но, по существу, это было делом рук русских рабочих и солдат.

Другим препятствием явилось казачество. Еще раньше Ленин и другие революционеры предвещали, что районы, населенные казаками, могут оказаться «русской Вандеей»[22]. Казаки составляли особый слой населения, насчитывавший около 4,5 млн. человек[23]. Вначале это были вольные крестьяне, бежавшие в степи и позже организованные на военный лад в «войска» (всего насчитывалось 11 таких «войск») для защиты границ империи от Дона до Сибири. Они владели землей, из их среды выходило много офицеров, они дорожили своими традициями и известной автономией. Сразу же после восстания в Петрограде некоторые казачьи атаманы провозгласили собственную власть. Наиболее сильными и опасными из них были Каледин на Дону и Дутов на Южном Урале. Каледин представлял не только самую многочисленную группировку казачества — у него нашли приют бежавшие с севера контрреволюционные генералы, — он установил контакт с кадетами и представителями иностранных государств, образовав таким образом один из первых центров организованной военной контрреволюции. Однако в тылу у обоих атаманов вспыхнули восстания. Несмотря на свою малочисленность, революционные войска, солдаты и красногвардейцы, направленные из центра, сумели в январе — феврале 1918 г. разгромить и того и другого. (Каледин застрелился.)

Советская власть, таким образом, относительно легко одержала победу. Советы установились пускай порой непрочно, но повсюду, включая малонаселенные восточные области — Сибирь и Казахстан (или по крайней мере их города). Решающую роль здесь сыграло отсутствие единого политического центра у противника. Если мы вернемся к рассмотрению хода политической борьбы в центре страны, то станет ясно, что это было не случайно.

Союз с левыми эсерами

С первого же заседания II съезд Советов покинули «демократические» партии, господствовавшие на I съезде: меньшевики и эсеры. Акт этот имел роковые последствия. Он усугубил происшедший в июле разрыв, сделал непримиримыми те силы, которые лишь несколько месяцев назад были разными течениями одного и того же революционного движения. Ушли, однако, не все. Назревавший в течение нескольких месяцев кризис двух партий внезапно вышел наружу. От меньшевиков, правда, осталась маленькая группа интернационалистов, объединившихся вокруг Мартова. В то же время в работе съезда продолжала участвовать весьма внушительная группа эсеров. Самая многочисленная из российских партий раскололась окончательно. Родилась новая партия — «левых социалистов-революционеров». Ее руководители были избраны в новый состав ЦК, но пока не в правительство. При завершении съезда предполагалось, впрочем, что оба эти органа будут расширены. Но как?

Мартов предложил создать «однородное социалистическое» правительство, которое включало бы все партии, так или иначе признающие своей целью социализм. Предложение это поддерживал профсоюз железнодорожников, угрожавший в случае неприятия его остановить движение поездов (на практике потом обнаружилось, что сил для выполнения этой угрозы у него не было). Переговоры начались в тот момент, когда в Москве шли бои, а Керенский наступал на Петроград. В этих условиях, когда сила решала все, и старые лидеры промежуточных партий, и Ленин с его сторонниками рассматривали подобные переговоры как тактическую уловку с целью выиграть время до окончательного выяснения, чем закончится авантюра Керенского.

Так думали, впрочем, не все даже среди большевиков. Разногласия в их рядах накануне восстания усилились. Зиновьев, Каменев, Рыков, некоторые другие члены Центрального Комитета и только что образованного Совнаркома стремились к компромиссу с другими партиями, что представлялось им альтернативой целиком большевистскому правительству, держащемуся «на терроре»[24]. На несколько дней сложился единый фронт в поддержку этого предложения: от Мартова до левых эсеров и части самих большевиков. В партии Ленина вопрос стоял особенно остро: ленинское большинство предъявило ультиматум меньшинству в Центральном Комитете, те в ответ подали в отставку со всех занимаемых ими постов. В более широком политическом плане соглашение оказалось невозможным из-за чрезмерных притязаний промежуточных партий. Практически они требовали, чтобы большевики отказались от всего, чего они добились в результате восстания: в частности, они требовали ухода из правительства Ленина и Троцкого, главных руководителей новой революции.

Ленин и сам понимал необходимость расширения политической

опоры новой власти. Однако он стремился «не к коалиции партий», опасаясь, как бы она не оказалась теперь объединением генералов без армии, а к «коалиции масс»[25]. Единственным лагерем, в котором еще оставались массы, был лагерь социалистов-революционеров; отсюда важность роли, которую могло сыграть их левое крыло хотя бы в силу его реального влияния в бунтующем крестьянском мире, ибо связи большевиков с этим миром были недостаточны. Образование новой партии — кульминационный момент в драматической и мучительной истории наследников русского народничества. В Петрограде в нее влилась практически вся масса эсеров, но и здесь они колебались перед вступлением в союз с большевиками; в остальных же районах страны левоэсеровские группы стихийно включались в борьбу за утверждение Советов, и их вклад в победу нередко имел определяющее значение*. Именно один из левоэсеровских лидеров, Карелин, сказал, что они пошли с большевиками, потому что с их судьбой связана судьба всей революции, «их гибель будет гибелью революции»[26].

Конец колебаниям положили съезды Советов крестьянских депутатов. Первый, чрезвычайный, начался 11 ноября, а 26 ноября был продолжен как очередной. Вокруг созыва и проведения съездов разгорелась острая политическая борьба. Советы крестьянских депутатов весьма отличались от Советов рабочих и солдатских депутатов. По своей природе Советы — типично городское явление. В октябре они существовали в 593 русских городах из 829[27]. Куда более редко их создавали в деревне, да и то не в самом селе и даже не в волости, а чаще в уездном или губернском городе. Тем не менее через Советы осуществлялась связь с крестьянскими массами, здесь эсеры чувствовали себя, как в крепости. Большинство они сохранили и на ноябрьских съездах. Но теперь их партия раскололась: преобладание было на стороне левых эсеров. Именно это левое крыло социалистов-революционеров сообща с большевиками сорвало попытку правого крыла противопоставить крестьянскую Россию России рабочей. Съезды постановили поддержать Октябрьский переворот и объединить избранный ими Исполнительный комитет с ЦИК, избранным II съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Так возник Всероссийский центральный исполнительный комитет — ВЦИК. Левые эсеры решили также войти и в правительство. Образовалась коалиция,

* На протяжении многих лет, во время и после сталинского периода, советская историография игнорировала или сильно искажала значение той роли, которую левые эсеры сыграли в Октябрьской революции, и смысл их союза с большевиками. Еще в 1957 г. их партию характеризовали как «скрытого, замаскировавшегося врага пролетарской революции». Позже благодаря появлению нескольких более тщательных исследований подобные оценки постепенно стали подвергаться критике и пересмотру. Наиболее интересное выражение тенденция к углубленным оценкам нашла в статье П. А. Голуба «О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября» в журнале «Вопросы истории КПСС», 1971 г., № 9. В статье содержится также анализ советской историографии по этому вопросу.

которой при всей ее недолговечности суждено было сыграть весьма значительную роль в начальном развитии социалистической революции.

Разгон Учредительного собрания

Тем самым была создана предпосылка для еще одного перехода Рубикона. Успехи Советов вступали в противоречие с результатами выборов в Учредительное собрание. Большинство в собрании принадлежало не сторонникам Октябрьской победы, а сторонникам промежуточных партий, и произошло это благодаря успеху эсеров. Справедливости ради следует сказать, что результаты выборов отражали скорее вчерашний, чем сегодняшний день революции; скорее ее прошлое, нежели ее бурное становление. Тем не менее у многочисленных противников Октября появилась возможность взять реванш. Естественно, что в противовес лозунгу «Вся власть Советам!» они выдвинули лозунг «Вся власть Учредительному собранию!», причем поддерживался он всеми имевшимися в их распоряжении средствами — от уличных манифестаций до попыток применить оружие. Требование это могло получить немалую популярность, и не потому, что созыв Учредительного собрания с марта 1917 года преподносился всеми партиями, в том числе и большевиками, как высшее завоевание революции, а совсем по другой причине. От Учредительного собрания крестьяне с самого начала ждали права на землю (на это, кстати, ссылался и большевистский Декрет о земле[28]), ибо веками накопившаяся недоверчивость побуждала их при любых обстоятельствах добиваться законного оформления желанного завоевания. Тем не менее эти же самые крестьяне решились пойти дальше: законное оформление было получено ими от Советов. Таким образом, в условиях уже поднимающейся в стране гражданской войны Учредительное собрание (выдвигалось даже предложение созвать его на юге, у Каледина[29]) выступало как простое орудие одной группировки, направленное против другой. Вот почему Ленин ответил, что мы «ни за что на свете Советской власти не отдадим!»[30].

Опираясь на поддержку левых эсеров, большевики сразу же после открытия Учредительного собрания, 5 января, поставили его перед выбором: либо ратифицировать власть Советов и все декреты, изданные новым правительством, либо разойтись. Отказавшись сделать это, обе партии одна за другой покинули собрание, которое затем было распущено простым росчерком пера председателя ВЦИК большевика Свердлова. Впрочем, на протяжении тех немногих часов, что оно заседало под председательством Чернова, оно не сумело сделать ничего иного, кроме имитации мер, уже принятых большевиками. Так, Учредительное собрание приняло — фактически уже принятые — закон о земле и предложение о мире, которые теперь значили не больше, чем простой клочок бумаги. Тщетным было немедленное обращение правых эсеров к крестьянству. Оно не поднялось на за-

щиту Учредительного собрания; тем не менее требование о созыве Учредительного собрания оставалось одним из самых действенных лозунгов антисоветской агитации еще на протяжении нескольких месяцев. С роспуском Учредительного собрания исторический разрыв между двумя революциями — Февральской и Октябрьской — совершился окончательно и бесповоротно.

Распущенной «учредилке» был противопоставлен III съезд Советов, открывшийся 10 января 1918 г. Он начал работу как съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, а через три дня объединился с Всероссийским крестьянским съездом. Это слияние с последующим избранием единого ВЦИК положило начало процессу объединения рабочих и крестьянских Советов по всей стране — процессу, который затянулся на несколько месяцев[31]. Союз большевиков и левых эсеров достиг кульминационной точки. Именно по этому случаю Свердлов говорил о «теснейшем союзе пролетариата с трудовым крестьянством, истинными представителями которого, по нашему глубокому убеждению, являются левые эсеры»[32]. III съезд утвердил сразу несколько законодательных актов, исключительно важных для новой власти, и в первую очередь ту самую Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая была отвергнута Учредительным собранием. Россия в ней определялась как «Республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Новая власть провозглашала своей «основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах»[33].

Однако подлинное Советское государство еще только зарождалось. Идея образования государства, идея о том, что необходимо будет вдохнуть в него жизнь и силу, лежала в основе большевистской теории. Это глубоко отличало ее от учения анархистов. «Нам нужно... *государство*», — писал Ленин еще из Цюриха в марте 1917 г.[34] Он повторял это в апрельских спорах и затем неоднократно на протяжении всего года. Оказавшись в подполье после июльского кризиса, он написал по этому вопросу работу, которой суждено было войти в число наиболее знаменитых его произведений: «Государство и революция». Опубликована она была лишь весной 1918 г. Проанализировав воззрения Маркса и Энгельса на данную проблему, Ленин утверждал, что революция не может ограничиться разрушением старой государственной машины, но нуждается в создании новой, своего собственного «аппарата принуждения», образец которого дала Парижская коммуна. Таким новым государством является «диктатура пролетариата», необходимая для того, чтобы разбить сопротивление эксплуататоров, капиталистов. Его аппарат есть «организация вооруженных масс», то есть Советы. Его суть заключается в «громадном расширении демократии», то есть «демократии для громадного большинства народа и подавлении силой... угнетателей народа». После

подавления эксплуататоров и после того, как «все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научатся управлять государством», функции которого мало-помалу сведутся к самым простым задачам «контроля над производством и распределением», утверждал Ленин, необходимость в государстве исчезнет, и оно начнет отмирать. «Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих.., тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство»[35].

Пока же революция должна была разрешить проблемы куда более простые. Весь старый аппарат власти целиком отказывался признавать новое правительство. Несколько недель Совнарком в полном составе теснился в двух небольших комнатах Смольного. Народным комиссарам не удавалось проникнуть в свои министерства, где чиновники, за исключением небольшой их части, преимущественно низшего ранга, полностью саботировали новую власть. Правительство не могло получить денег из касс казначейства, между тем как они использовались для финансирования активного и пассивного сопротивления Советам и большевикам. В те дни именно этот, один из самых безжалостных видов борьбы порождал наиболее трагические последствия. Ведь саботаж парализовал не только административный аппарат, срывая решение даже самых неотложных вопросов; в условиях военного времени он препятствовал удовлетворению самых элементарных жизненно важных потребностей населения, таких как снабжение продовольствием городов и фронта или обеспечение производства на предприятиях. Происходило это к тому же в столице, где плелись нити заговоров с целью прогнать победителей Октября, тем более что, по всеобщему убеждению, больше нескольких недель им было не продержаться[36].

Единственным подлинным орудием власти на протяжении больше месяца оставался Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, руководивший восстанием и пользовавшийся большим авторитетом у масс. Благодаря этому авторитету он смог, в частности, пресечь безудержные пьяные оргии, которым после бесконечных лишений прошлого предались довольно многочисленные группы участников восстания, в момент всеобщего ликования по поводу победы штурмом овладевшие винными складами (на разграбление их побежденные вскоре стали делать ставку). Военно-революционный комитет сразу занялся подавлением контрреволюционной деятельности и осуществил несколько энергичных акций, к которым прибегло в борьбе большевистское правительство[37]. 26 октября были закрыты многие буржуазные газеты. Право применять санкции против печати, призывающей к неподчинению новой власти, было затем подтверждено — хотя и как «временная» мера — специальным декретом. В конце ноября партия кадетов была объявлена «партией врагов народа», а ее руководители — подлежащими аресту.

Хотя большевики, как, впрочем, и все русские революционеры, были убеждены, что для своей защиты революция не должна отка-

зываться и от самых беспощадных мер, в первые месяцы они, как правило, проявляли снисходительность: арестованных выпускали под честное слово, разоблаченные заговорщики отделывались мягкими приговорами. Между тем они не отказывались от борьбы с Советами. Отпущенный под честное слово генерал Краснов бежал на Дон, чтобы продолжить дело Каледина и вновь разжечь пламя гражданской войны. В городах кадеты продолжали вести полулегальную деятельность. Но все равно надежда на то, что революция сможет утвердиться мирными средствами, изживалась с трудом. Какими бы ограниченными ни были первые репрессивные меры, они вызывали ожесточенные дискуссии среди союзников большевиков, среди сочувствующих им и отчасти среди них самих.

Борьба с саботажем в аппарате министерств принимала драматический оборот. К концу ноября народные комиссариаты с помощью наскоро назначенных людей кое-как начали функционировать. Однако массовое неповиновение старого чиновничества удалось победить лишь в первые месяцы 1918 г. Государственную машину, таким образом, пришлось разрушить в гораздо большей мере, чем это намечалось вначале. В то же время, сломив сопротивление чиновничества, Советское государство получило возможность использовать под собственным контролем ту, преимущественно техническую, часть административно-бюрократического аппарата, которой ему пришлось затем пользоваться долгое время.

Эта битва велась также и при образовании органа, которому в последующие десятилетия суждено было сыграть чрезвычайно важную роль, далеко выходящую за рамки планов его создателей. С помощью серии декретов революционное правительство пыталось одним махом преобразовать весь унаследованный от прошлого арсенал средств подавления. Упразднив старую судебную систему, оно создало на выборных началах народные суды и революционные трибуналы. Милиция, сменившая после Февраля царскую полицию, в свою очередь перестраивалась с целью изменения ее состава и подчинения власти Советов. Однако подобные радикальные преобразования были еще только в начальной стадии; путь к ним лежал через дискуссии, поиски, импровизации, эксперименты[38]. Никто даже не предвидел, что такой орган понадобится[39]. Необходимость немедленного его создания была продиктована угрозой всеобщей и длительной забастовки служащих правительственных учреждений в первых числах декабря.

Военно-революционный комитет, а он в эти самые дни был распущен, уступал место постоянным правительственным органам. Так родилась Чрезвычайная комиссия — ЧК, которой поручалось «преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили»[40]. В первое время в ЧК вошли и левые эсеры, тщетно пытавшиеся оспорить у большевиков контроль над нею. Именно в силу чрезвычайного характера ЧК изначально представ-

лялась ее творцам как своего рода образцовый орган пролетарской диктатуры, оружие неподкупного правосудия, безжалостное к врагам, сильное благодаря безоговорочному доверию народа. Именно так понимал ее роль польский революционер Дзержинский, которому было поручено руководство ею[41].

Первая Конституция

Ликвидация старых и создание новых органов власти, включая ЧК, были бы невозможны без существования Советов. В их деятельности принимали участие миллионы людей, и из их числа выдвинулось немало таких, которые в дальнейшем были призваны на работу в рождающуюся государственную машину. Без Советов не было бы революции. Но и без дерзкой смелости большевистского наступления, давшего им власть, Советы 1917 г. никогда не поднялись бы на такую историческую высоту и, по всей вероятности, захирели бы. Да и государства в точном смысле этого слова еще не существовало. На протяжении многих месяцев полномочия новой власти на местах оспаривались административными органами предыдущего периода: думами — в городах, земством — в деревне. Они уступали место не так легко, как центральные органы власти, ибо, обновленные на выборах после Февраля, они пользовались большим сочувствием населения. Если в Москве и Петрограде их ликвидация была частью борьбы за центральную власть, то на остальной территории страны процесс проходил далеко не так просто и продолжался многие месяцы, причем в разных местах по-своему. Упразднение этих органов и поглощение их функций Советами затянулось до июня 1918 г.[42] Но в тот самый момент, когда Советы брали на себя власть и должны были решать самые разнообразные административные задачи, эти в высшей степени действенные органы революции, в которых участвовала наиболее активная часть народных масс, с их «митинговой демократией», в свою очередь вступали на путь радикальной перестройки.

Важной предпосылкой такого развития явилась унификация Советов в рамках единой структуры, без которой они не сделались бы государством. Неизбежным следствием мощного развития местной инициативы было усиление раздробленности общественной жизни. Очень часто лозунг «Вся власть Советам!» понимался в том смысле, что никакой другой власти, кроме местного Совета, признавать не следует. «В первый период революции, — говорилось в докладе Народного комиссариата внутренних дел, — вся Советская Россия рассыпалась на целый ряд как бы независимых друг от друга... республик»[43]. Действительно, они так и назывались: «республика» Калуги или Казани, Саратова или Твери или целых областей и краев, например Сибири или Алтая. Местные «правительства» называли себя «совнаркомами». Возникали независимые «трудовые

коммуны», и Россия будущего рисовалась в виде простой федерации таких коммун. Подобную тенденцию поощряла сама «Правда», официальный орган большевистской партии[44]. На местах вводились налоги, реквизировались здания, обобществлялись предприятия и — что особенно опасно — перехватывались эшелоны с товарами и продовольствием, предназначавшимися для других районов страны[45].

Разумеется, подобные явления вызывались не любовью к произволу ради произвола: финансовые средства Советов были крайне скудны, а население нужно было кормить. Действия Советов — элементарная реакция на требования грубой действительности. В тогдашнем стремлении к сепаратизму, отмечал Ленин, было «много здорового, доброго, в смысле стремления к созиданию»[46]; в нем отражались «величайшая ненависть и недоверие масс ко всему государственному», оставшиеся в наследство от старого строя[47]. Однако, когда всей стране угрожали голод и хаос анархии и когда сама буржуазная реакция спекулировала на сепаратистских стремлениях, используя их для противодействия советской власти, эта тенденция несла в себе смертельную опасность, хотя и служила убедительнейшим доказательством того, как глубоко революция захватила все российское общество.

«Немало пришлось затратить советскому центру усилий, — писал один из руководителей тогдашнего Народного комиссариата внутренних дел, — чтобы путем разъяснения, посылки специальных инструкторов, а подчас и репрессий подчинить общесоветской воле и направить в русло единой могучей советской работы работу всех этих разбросанных по безграничной русской равнине разрозненных рабочих и крестьянских Советов»[48]. Для того чтобы правительственные постановления признавались и выполнялись по всей стране, необходимо было придать Советам одинаковую структуру, ликвидировать произвольное присвоение полномочий и званий (повсюду появилось великое множество «комиссаров»), установить определенную субординацию между центральной властью и периферийными Советами. Рождался новый централизм, но, как подчеркивалось, централизм «демократический», противостоящий старому «бюрократическому». В тогдашних условиях казалось, что уже сама по себе формула содержит ключ к необходимому равновесию. Практическое осуществление этой задачи началось в первой половине лета 1918 г.; примечательно, что первой реакцией на распыление сил была реакция «снизу», с самой периферии[49]. Тем не менее унификация делала первые шаги. «Советская Россия постепенно начинает собираться» — вот фраза того времени, метко передающая суть положения[50].

Другим аспектом преобразований было рождение или создание Советов там, где прежде их не существовало. В июле 1918 г. их насчитывалось около 12 тыс.[51] (на II съезде в октябре 1917 г. были представлены 402 Совета, по тогдашним оценкам — «громадное их большинство»[52]). Столь стремительный рост объясняется главным

образом их распространением за пределы городов, в деревнях и мелких административных подразделениях: в октябре в Центральнопромышленном районе, по праву считавшемся одним из наиболее развитых, Советы имелись лишь в 1,6 % волостей; к апрелю 1918 г. этот показатель вырос до 96,4 %[53]. Кроме того, практическая административная деятельность заставляла Советы, первоначально представлявшие собой многолюдные ассамблеи — порой в них участвовало несколько сот человек, — принимать определенную организационную структуру: создавать более узкие исполнительные комитеты, специализированные рабочие отделы — зародыш аппарата. Это были первые шаги на пути превращения Советов в государственные органы, действующие в соответствии с общими правилами и постепенно приобретающие все большее единообразие, что законодательно закрепила первая Советская Конституция, принятая 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов.

В ходе дебатов, которые предшествовали принятию этого документа, были отвергнуты федералистские тенденции, коренившиеся в бакунинской ветви русского народничества и отстаивавшиеся в основном левыми эсерами (кое-какой поддержкой они пользовались и в рядах большевиков). С точки зрения левых эсеров, государство должно было представлять собой ассоциацию групп производителей, причем считалось даже необязательным устанавливать для них точные территориальные рамки[54]. Единственной областью, где сохранялся федералистский принцип, был национальный вопрос. Это в точности соответствовало тому, что Ленин, следуя марксистской традиции, утверждал в «Государстве и революции»[55].

Согласно Конституции, а в нее целиком была включена Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, власть объявлялась принадлежащей «всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах»[56]. Уточнялась территориальная база новых органов власти: они должны были создаваться не только в городах, но и в деревнях. Суверенная власть Советов на высших уровнях осуществлялась съездом, а в промежутках между съездами Исполнительным комитетом, избранным на съезде. В полном соответствии с классовой постановкой вопроса закон не только лишал права голоса представителей слоев, признанных эксплуататорскими, — предпринимателей, использующих наемный труд, получателей ренты, торговцев, священнослужителей, бывших полицейских, — но и устанавливал разные нормы представительства для городского и сельского населения: один депутат на Всероссийский съезд Советов избирался соответственно от 25 тыс. и 125 тыс. избирателей. Избранный на съезде ВЦИК представлял собой высший орган власти. Это был единственный орган, наделенный законодательными полномочиями. Конституция тем не менее предусматривала некоторые исключения в пользу Совета народных комиссаров[57]. Дело в том, что если юридически функции этих двух органов были четко разграничены, то практически многие факторы затушевывали

это разграничение. Объяснялось это не только присущим марксистскому учению принципиальным отказом от теории разделения властей, но прежде всего безотлагательностью требующих решения практических вопросов. Таким образом, формальные правила по необходимости приходилось обходить. За первый год существования советской власти Совнаркомом было издано 480 декретов по сравнению с 68 декретами ВЦИК[58].

Впрочем, когда принималась Конституция, советская власть подвергалась тяжелейшим испытаниям: само существование этой власти не раз ставилось под вопрос. В результате ее облик изменится куда больше, чем устанавливала Конституция.

V. ЗЕМЛЯ И ФАБРИКИ

Аграрная революция

Идеалы, которыми руководствовались большевики, заставляли их чувствовать себя наследниками всего самого передового, что было рождено человеческой мыслью. В первые месяцы после победы они часто ссылались на такие великие исторические прецеденты, как Французская революция и Парижская коммуна. Первые правительственные акты не ограничивались радикальными социальными преобразованиями, намеченными в большевистской программе. Большевики отменили все сословия и сословные деления, привилегии и ограничения, всякие звания, титулы, гражданские чины и объявили всех просто гражданами Российской Республики[1]. Они провозгласили полное равноправие женщин и мужчин, «брачных» и «внебрачных» детей; само слово «внебрачные» было упразднено. Они упростили процедуру развода и бракосочетания, превратив их в чисто гражданские акты[2]. Они провозгласили полное отделение церкви от государства, лишив религиозные общества и монастыри права собственности[3]. Конечно, эти мероприятия не характеризовали новую революцию, однако они в огромной степени определяли атмосферу той эпохи. Потребуется еще немало времени, прежде чем новые законы сметут прочь все наслоения вековых предрассудков. Большевики считали своим долгом вести борьбу с «остатками средневековья». У Ленина были основания гордиться тем, что они вели ее еще смелее и решительнее, чем французские революционеры[4].

И все же главными для большевиков были другие задачи. Новое правительство лихорадочно занималось законодательной деятельностью. За первые 20 дней оно приняло 60 декретов, за два с половиной месяца — 250 («эпидемия», как выразился один левоэсеровский критик). По словам самих их авторов, это были скорее *«инструкции, зовущие к массовому практическому делу»*[5], нежели свод юридических предписаний. Сколько-нибудь полное их осуществление было тогда невозможно, и понять, как это происходило, тоже невозможно, если не принять во внимание те самодеятельные, зачастую противоречивые, а то и вовсе хаотичные начинания, с помощью которых декреты проводились в жизнь в разных концах страны. Уже спустя несколько месяцев после Октября Секретариат партии в письме периферийным организациям напоминал, что они не должны ждать «циркуляров» с детальными предписаниями по практическому осуществлению основных указаний, содержащихся в декретах[6].

В особенности это относилось к земле. Практическое применение октябрьского декрета поручалось, помимо еще немногочисленных Советов, земельным комитетам — органам, созданным в свое время

Временным правительством для подготовки аграрной реформы. Главенствующую роль в них играли эсеры, но в то же время на них, особенно на низовые комитеты на местах, могли влиять и крестьяне. Комитеты эти становились ареной социально-политической борьбы и постепенно превращались в простые отделы Советов. Народный комиссариат земледелия, которым в течение нескольких месяцев руководил левый эсер, не скоро смог обновить свой аппарат, поэтому его влияние на ход дел было незначительным. Чтобы узнать, как им следует поступать, крестьяне писали в Петроград или присылали своих ходоков. Тысячи, а вслед и миллионы демобилизованных солдат возвращались в родные села; они были полны решимости, выстраданной в окопах. Именно в такой атмосфере проводились конфискация и затем раздел поместий, отличавшиеся огромным разнообразием форм, которые нередко менялись от района к району. В последние месяцы 1917 г. имущество крупных помещиков зачастую просто разграблялось: чаще это происходило там, где сильнее чувствовалось сопротивление старого аппарата. В дальнейшем экспроприация стала проводиться более упорядоченно, в соответствии с предписаниями новой, советской власти. В разграблении крупной собственности участвовали все, в том числе и зажиточные крестьяне, «кулаки». Более того, насколько можно судить, именно они и были наиболее активны при грабеже хотя бы уже по той причине, что, имея лошадей и другие транспортные средства, могли вывезти больше[7].

Хотя конфискация земель сопровождалась острой борьбой, в основном она была завершена к весне 1918 г. — по крайней мере на территории Центральной России, находившейся под более надежным контролем Советов (в других местах, начиная с Украины, перипетии гражданской войны задержат осуществление реформы). Сложнее обстояло дело с разделом земли.

Вековые чаяния русского крестьянства отличались глубинным эгалитаризмом отчасти мистического происхождения, находившим выражение, например, в словах: «Земля — ничья, земля — божья». Или, как говорил один крестьянский делегат на съезде в 1917 г.: «Бог дал землю всем одинаково, для нас земля — поилица и кормилица»[8]. Отсюда и радикализм наказов, которые вобрал в себя ленинский декрет. В конце января этот декрет был заменен Основным законом о социализации земли — плод правительственного сотрудничества большевиков с левыми эсерами. Хотя большевики и ввели в проект, выработанный их союзниками, некоторые поправки, по характеру своему этот документ, начиная с названия, сохранил преимущественно народнический подход. Сама «национализация» земли провозглашалась в нем косвенно, в той мере, в какой «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы» объявлялась навсегда отмененной. Народническим был и подход к наделению землей, поскольку каждый должен был получать по «потребительно-трудовой норме», то есть в соответствии с тем,

сколько земли ему нужно, чтобы прокормиться, и сколько он в силах обработать[9].

На деле преобладал раздел «по едокам». Порой за основу брался чисто арифметический расчет, в соответствии с которым имеющуюся землю делили между семьями по количеству «ртов». Однако зачастую раздел считался временным, действительным лишь на один год. Подобные операции проводились и в последующие годы. Процесс этот приобрел завершенные формы лишь в начале 20-х гг. В иных местах за критерий раздела бралось число работников, то есть учитывались лишь трудоспособные. Хотя в тексте закона большевикам удалось спасти принцип коллективного ведения наиболее развитых и насыщенных передовой техникой хозяйств, в дальнейшем такие хозяйства прекратили существование: обычно и они подвергались переделу, если не разграблению[10]. В тех местах, где пахотной земли было меньше, например в некоторых районах Поволжья или Центральночерноземном районе, раздел или ограничение коснулись также собственности кулаков и «столыпинцев», то есть крестьян, воспользовавшихся столыпинской реформой. Так было, однако, не везде. Мало того, в ту пору во многих районах более зажиточные крестьяне — а они традиционно были и более активными в деревне — пользовались немалым влиянием в Советах и с большой выгодой для себя участвовали в разделе помещичьих владений.

Аграрная революция явилась, таким образом, длительным процессом, результатом которого стал переворот в деревне. Эта революция отличалась крайним радикализмом. Сама по себе она не разрешила, да и не могла разрешить всех проблем русского крестьянства. Нередко получалось так, что у крестьянина лишь немного увеличивался надел. В других случаях прирост был более ощутимым. Но не в этом одном было дело. Исчез целый класс — класс помещиков, обладавший столь большим весом на протяжении всей предыдущей русской истории. Были аннулированы все долги и закладные крестьян. Отчасти, хотя и не везде, был осуществлен тот «черный передел» (т. е. самый решительный и полный), о котором страстно мечтали массы наиболее бедного люда. Именно в этот период Советы, а вместе с ними и партийные организации начали понемногу укореняться на селе: еще весной 1918 г., и не где-нибудь, а в Центральной России, в 83 % волостей, не говоря уже о более мелких территориальных единицах, не было никаких организаций, принадлежащих к какой-либо политической партии[11].

Рабочий контроль

Аграрные преобразования (народнических критериев большевики, как известно, не разделяли и соглашались с ними исключительно исходя из требований стратегии классовых союзов) были пока частью демократических задач, которые ставила перед собой партия Ленина, то есть задач, не решенных русской буржуазией, так и не

набравшейся смелости последовать в области аграрных отношений примеру буржуазии Запада.

Однако новая революция провозгласила себя социалистической, и не только потому, что новые органы представляли собой организованное воплощение власти трудящихся классов, рабочих и крестьян, но также потому, что она неизбежно должна была пойти дальше, как утверждал Ленин накануне Октября, делать «шаги к социализму»[12]. Такими шагами не могли быть лишь меры по улучшению условий труда и социального обеспечения, которые принимало новое правительство и которые вместе с тем, учитывая трагическую нехватку даже самого необходимого, не могли оказать немедленного воздействия на положение масс.

Подлинным шагом к социализму должен был стать рабочий контроль на промышленных предприятиях. Это был не просто один из главных пунктов большевистской агитации в период между весной и осенью 1917 г., за это боролись рабочие на заводах, особенно перед попытками хозяев урезать зарплату, прибегнуть к массовым увольнениям или локаутам. Рабочий контроль уже представлял собой реальное проявление «диктатуры пролетариата».

Тем не менее при выработке проекта соответствующего декрета — а вместе с декретами о мире и о земле он должен был образовать триаду великих революционных деклараций Октября — столкнулись два различных подхода. Это нашло свое отражение и в окончательном, законодательно утвержденном 14 ноября тексте, сохранившем во всех своих существенных частях изначальную ленинскую постановку вопроса[13]. Из двух противостоящих тенденций одна склонялась к ограничению контроля задачами наблюдения и получения информации; ее поддерживали главным образом профсоюзные круги — там сильным было влияние меньшевиков. Другая, более радикальная тенденция предусматривала наделение органов рабочего контроля более широкими полномочиями, в частности правом вмешательства в управление предприятием и правом принятия решений; она была распространена среди фабзавкомов (в то время их иногда называли Советами), которые декрет и наделял правами контроля и в которых сильнее чувствовалось влияние большевиков. Однако и среди самих большевиков не было единогласия.

Само понятие «рабочий контроль» содержало в себе некоторые глубокие противоречия. Как бы то ни было, принятый декрет отражал более радикальную тенденцию. В нем предусматривалось, что рабочие должны получить доступ ко всем документам, относящимся к жизни предприятия, и могут — в лице своих делегатов — принимать решения, носящие обязательный характер для администрации. Однако и после принятия законодательного акта издавались инструкции, устанавливающие иные критерии контроля, так что декрет в разных случаях применялся по-разному, в различных формах и с различными ограничениями[14].

Но если на практике внедрение рабочего контроля проходило

с крайними трудностями, то объяснялось это не столько противоречиями, о которых уже упоминалось, сколько той ожесточеннейшей классовой борьбой, в условиях которой оно осуществлялось. Если еще до Октября русские промышленники стремились обуздать радикализм масс, делая ставку на «худшее», то есть на хозяйственную разруху, то теперь, когда им силой навязывался рабочий контроль и когда власть перешла к крайнему крылу революции, бойкот с их стороны приобрел всеобщий и ожесточенный характер. Его организацией в широких масштабах занялись сами ассоциации промышленников, отнюдь не исчезнувшие сразу же после переворота.

В первую очередь рабочий контроль был введен на более крупных предприятиях промышленных районов: Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Урала, названного одним из советских историков «настоящей лабораторией рабочего контроля»[15]. Изучение документов эпохи свидетельствует о том, что органы рабочего контроля приступили к деятельности главным образом в период между октябрем и мартом, в основном на предприятиях с числом работающих свыше 200 человек и в особенности на предприятиях с числом работающих свыше 1 тыс. человек. Деятельность их повсюду была затруднена, хотя в некоторых случаях — примерно на четверти упомянутых предприятий — рабочим удалось заручиться помощью отдельных специалистов[16].

У хозяев зачастую не было возможности закрыть фабрику или завод, потому что рабочие могли воспрепятствовать этому. Но у фабрикантов оставалось много других средств блокировать деятельность предприятий. Контроль порождал на заводах двоевластие, создававшее тем более сложную обстановку, что российская буржуазия в тот момент была убеждена: все это «безумие» вот-вот закончится. При отказе промышленников от сотрудничества фабзавкомы или специально образованные ими органы вынуждены были брать на себя управление предприятиями. Стихийный переход к прямому рабочему управлению становился весьма распространенным явлением[17]. Но при этом рабочие постоянно наталкивались на объективные трудности. В документах той поры рассказывается, например, о том, как рабочие такого крупного текстильного центра, как Иваново-Вознесенск, внезапно оказались без денег, без топлива и без сырья. К тому же нити управления предприятиями, как это неизбежно бывает в условиях промышленной экономики, уходили далеко от кабинетов дирекции в финансовые центры Москвы и Петрограда, если не прямо за границу. Рабочим приходилось посылать своих ходатаев в учреждения то одной, то другой столицы[18].

Подобные явления носили общий характер. К ним прибавлялись другие серьезные трудности, вызванные уже не только саботажем промышленников, но и грубым, часто даже неосознанным анархо-синдикализмом самих рабочих. На многих предприятиях появлялась тенденция истолковывать рабочий контроль как исключительное право собственности на данную фабрику или завод, то есть по

своему усмотрению распоряжаться произведенной продукцией, нарушать общие установления, отстаивать интересы лишь собственной группы или — самое большее — собственного города или собственной отрасли, резко разрывая установившиеся производственные связи.

Советские историки в полемике с западными исследователями защищают трудный и путаный опыт рабочего контроля со всей его наивностью и противоречиями, ибо он спас многие заводы от уничтожения, которым явно грозила ожесточенная классовая борьба, уже начинавшая перерастать в гражданскую войну. Этот опыт также выявил и привел в движение человеческую энергию, сыгравшую огромную роль на последующих этапах советской истории[19]. Доводы эти правильны в том смысле, что их можно распространить на все, что происходило в эти первые месяцы революции с их необычайным зарядом свободолюбия, влекущим за собой и неизбежные издержки.

Дезорганизация — вот упрек, который противники новой революции, не исключая и таких левых, как меньшевики-мартовцы, бросали большевикам, обвиняя их в способности лишь к разрушению, а не к созиданию. Если попытаться охватить взглядом всю совокупность событий тех бурных месяцев — не только то, что происходило на заводах, и не только процесс распространения Советов, но также преобразования в деревне, в армии и т. д., — нельзя не поразиться глубине и радикальности переворота, за столь краткое время совершившегося в стране. Под натиском, как говорил Ленин, «“красногвардейской” атаки на капитал»[20] не только рассыпались целые классы, еще несколько месяцев назад обладавшие богатством и могуществом. Все общество в целом, вплоть до самых низов, было потрясено настолько сильно, что практически никто не мог оставаться безучастным к переменам. Тогда-то и выступили в своем трагическом обличье тягчайшие проблемы, многих из которых большевики предпочли бы избежать. Но то были те самые проблемы, связанные с великим преобразованием общества, с которыми будут сталкиваться и из-за которых будут сражаться люди практически во всех уголках Земли на протяжении всего XX в.

Государственный капитализм и национализация

В числе этих проблем были и проблемы, связанные с рабочим контролем. В том виде, в каком он воплощался на практике, он зачастую становился препятствием на пути к «планомерному урегулированию народного хозяйства»[21] — главной цели рабочего контроля. По правде говоря, фраза о «планомерном регулировании» отсутствовала в первоначальном ленинском проекте, но не потому, что такая идея была ему чужда — отнюдь нет: скорее потому, что движение в этом направлении — что само по себе не могло не выглядеть чересчур смелым в ту пору — осуществлялось с помощью экспериментов, попыток воспользоваться иными инструментами. Через месяц после того, как декретом о контроле была упразднена коммерческая

тайна, банки были национализированы и слиты с Государственным банком, которому принадлежала отныне монополия в области кредита. Однако понадобилось еще несколько месяцев, прежде чем советская власть реально овладела ими. Не менее важным актом было образование Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), правительственного органа, наделенного обширными полномочиями в вопросах управления экономикой. Преодолевая тысячи конфликтов, ВСНХ пытался справиться с поставленной задачей, используя хоть какую-то часть технического аппарата и специалистов монополистических или государственно-монополистических объединений, уже существовавших в России (наиболее известными из них были «Продамет» и «Кровля» — синдикаты, господствовавшие на рынке металлоизделий).

В январе 1918 г. состоялся первый всеобщий съезд профсоюзов. Большинство делегатов (273 из 416) принадлежало теперь к большевикам. Хотя с точки зрения численности профсоюзы за короткий срок добились немалых успехов, их роль в событиях 1917 г. в целом была второстепенной по сравнению с ролью других рабочих организаций, вроде уже упоминавшихся фабзавкомов (которые на съезде слились с профсоюзами). В послеоктябрьских дискуссиях профсоюзы, поддерживая, в частности, доводы меньшевиков против наделения широкими полномочиями органов рабочего контроля, выражали озабоченность общей организацией производства. Так же они повели себя и на съезде. Выразителями этого направления были большевики Лозовский и Рязанов, в тот период занимавшие позиции, близкие к позициям левых меньшевиков.

Они отстаивали также тезис о «независимости» профсоюзов, который, однако, был отвергнут как Зиновьевым на съезде, так и вообще большевиками, и особенно Лениным. «Профессиональные союзы... должны стать государственными организациями...»[22], — писал он. Предложение о независимости было, таким образом, отброшено. Утвердилась, напротив, идея о взятии профсоюзами на себя определенной ответственности за производство. Это был важный шаг. Обретая унифицированную структуру, профсоюзы одновременно признавали своим делом «организационные» программы молодого пролетарского государства. Вскоре именно профсоюзы представили на рассмотрение ВСНХ проект закона «О трудовой дисциплине»[23].

Организация и дисциплина — «самодисциплина», как часто говорили тогда, — сделались весной абсолютно неотложными требованиями. Перед народным хозяйством стояли проблемы, которые показались бы колоссальными даже в нормальных условиях: нехватка хлеба, перевод промышленности на мирные рельсы, демобилизация, стремительный рост безработицы, разлагающе действовавшей на рабочие массы. Весной 1918 г. число работающих в крупной промышленности сократилось вдвое[24]. Беспощадная борьба, разворачивавшаяся в стране, катастрофически усугубляла эти проблемы.

Сигнал опасности прозвучал в момент столкновения с немцами,

перед заключением мира в Брест-Литовске. Это был также момент, когда на гребне великой революционной волны всплыли бандитизм, спекуляция, уголовщина — то, что сопутствует всякому радикальному перевороту. Оказавшись перед множеством внешних врагов, революция рисковала погибнуть из-за собственных недугов. В стране мог взять верх анархический индивидуализм, стремление нажиться на обстоятельствах, «урвать» для себя сколько можно. Впервые после Октября восставшая Россия переживала трагедию одиночества, изоляции, а следовательно, ей предстояло самой, без посторонней помощи справиться с собственной отсталостью, той отсталостью, которая, по словам Ленина, делала русского человека «плохим работником по сравнению с передовыми нациями»[25], а по убеждению меньшевистских критиков, делала социалистическую революцию невозможной. Поэтому, утверждал Ленин, диктатура в лице нового государства должна быть «беспощадной в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов», причем и в том и в другом случае ей надлежит быть «железной», в то время как пока она «больше похожа на кисель, чем на железо»[26].

Именно в этот период Ленин и с ним большинство руководителей большевиков увидели спасительный «шаг к социализму» в организации государственного капитализма под властью Советов. Это предложение Ленин развил в ряде полемических выступлений. Они по сей день остаются наиболее существенными документами для понимания его идей. Ленин использовал два аргумента: один — теоретический, второй — практический. В политической области, то есть для завоевания власти, революция нашла уже готовыми необходимые формы — Советы. В области экономики она — в отличие от революции буржуазной — таких готовых форм не получила даже в зародышевом состоянии, «если не брать самых развитых форм капитализма», которые в России охватили лишь «небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие»[27]. Второй довод состоял в том, что государственный капитализм представлял собой зачаток «организации» хозяйственной жизни и деятельности миллионов людей; той организации, которая была необходима революции для того, чтобы выжить. Центр тяжести борьбы за социализм теперь перемещается, говорил Ленин, на вопросы «всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов»[28], на усилия по повышению производительности труда — задача, на решение которой понадобятся многие годы. Это было нечто такое, чего новая власть еще не умела делать, но чему она могла и должна была выучиться у наиболее передовых капиталистических стран (в качестве примера приводилась государственно-монополистическая организация Германии).

Не было недостатка и в конкретных попытках осуществить эту задачу. Ленин даже отказался от дорогой его сердцу идеи, что никто не должен получать зарплату выше заработка квалифицированного рабочего ради того, чтобы добиться высоких окладов

для специалистов, готовых вновь приступить к работе. Первые соглашения, заключенные с некоторыми кооперативными обществами, по мнению Ленина, также соответствовали курсу на развитие государственного капитализма. При Советском правительстве это в любом случае означало бы для России шаг в сторону социализма. Велись также переговоры об организации крупного смешанного частно-государственного треста машиностроительной и металлургической промышленности. Но так же, как и другие аналогичные начинания, они закончились провалом из-за чрезмерных политических и экономических притязаний тех капиталистических групп, с которыми эти переговоры велись[29].

Борьба на заводах и сопротивление их владельцев вызывали ответные меры центрального правительства и местных Советов: заводы конфисковывались и национализировались. В целом, однако, придя к власти, большевики на протяжении нескольких месяцев не стремились форсировать события. Национализировать легко, говорил Ленин, обращаясь к рабочим, но «вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что́ вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком?»[30]. Точные и всеохватывающие цифровые показатели, характеризующие это явление, вывести невозможно. Сами советские исследователи приводят зачастую противоречивые данные. Наиболее тщательные подсчеты последнего времени говорят о 836 предприятиях, экспроприированных до марта, и 1222 — до июня 1918 г., не считая Урала и Донбасса, где процесс протекал быстрее, но вскоре был прерван гражданской войной. В июне 1918 г. контроль ВСНХ распространялся лишь на 500 предприятий. Примечательно, что экспроприации подвергались преимущественно крупные предприятия тяжелой промышленности, где в дело вмешивалась центральная власть, и мелкие предприятия пищевой промышленности, поскольку они служили местным Советам для удовлетворения неотложных нужд населения[31].

Невозможность достигнуть компромисса хотя бы с частью представителей капитала, угроза массовой продажи предприятий иностранцам (т. е. немцам) и, наконец, новая вспышка гражданской войны летом 1918 г. вынудили Советское правительство ускорить темпы национализации. В первую очередь национализации подлежали даже не заводы, а внешняя торговля и торговый флот, в том числе и речной. Весной впервые стали национализировать целые отрасли: вначале сахарные заводы (сахароварение в России всегда отличалось ярко выраженной монополистической структурой) и нефтяные промыслы (Баку угрожали как турки, так и англичане). Наконец, 28 июня был издан декрет о национализации всех сколько-нибудь важных промышленных предприятий. Для его выполнения потребовалось, однако, некоторое время. Осенью того же года лишь 35 % заводов и фабрик реально перешло к государству, в то время как многие другие предприятия еще немало месяцев оставались собственностью их прежних владельцев[32].

Трудные поиски промышленной политики весной 1918 г. сопровождались политической борьбой. Большевикам противостояли уже не только их противники времен Октября, от кадетов до меньшевиков, но и их союзники, левые эсеры (они тем временем вышли из правительства, но остались в других органах советской власти). Эта борьба порождала противоречия и в рядах самих ленинцев. Отчасти она была следствием разногласий, вызванных тягостным миром, заключенным с немцами в Брест-Литовске. Но эту борьбу порождали также и суровые организационные меры, в защиту которых энергично выступал Ленин.

Меньшевики были убеждены, что происходящие события являются доказательством банкротства большевиков. На противоположном фланге, в рядах самой правящей партии образовалась тогда первая организованная фракция — «левые коммунисты», — в течение нескольких месяцев издававшая в Москве собственный орган печати, со страниц которого в адрес большинства раздавались обвинения в «правобольшевистском уклоне» и который Ленин упрекал в чрезмерном увлечении звонкой революционной фразой. Образование фракции было тревожным сигналом. В ней сгруппировались партийные руководители из числа самых активных участников революции: Бухарин, Радек, Преображенский, Ломов, Осинский, Бубнов, Сафаров. Их шаг был своего рода инстинктивным бунтом в ответ на железные ограничения и объективные трудности, на которые наталкивалась революция, а следовательно, компромиссы и отступления, на которые ей приходилось идти. Тогда впервые прозвучали голоса, выражавшие опасения насчет «отхода» от идеалов Октября.

Война за хлеб

Исход этих споров и самих поисков политического пути для партии Ленина был предрешен самой элементарной проблемой: проблемой голода. Его «костлявая рука», как выражались тогда на митингах, вселяла ужас в большевиков и надежду в их противников. И Петроград и Москва почти сразу после Октябрьской революции остались без продовольственных запасов. Посланные на поиски хлеба красногвардейцы все же сумели найти муку на разных государственных и частных складах. В других городах поступали так же, как в столицах. На какое-то время удалось, хотя и с трудом, обеспечить выдачу урезанного пайка населению городов и кормить армию до ее демобилизации. Положение вновь обострилось весной, и не только потому, что начинался извечно критический период, когда нужно было перебиться от «старого» хлеба до «нового». Хлебные губернии, где имелись излишки зерна, то есть Украина и области казачества, были отрезаны либо в результате Брестского мира, либо из-за военных действий, происходивших во всех окраинных районах страны. Некоторое количество зерна удалось получить из Сибири, но в мае и она была отрезана от центра пожаром всеобщей граж-

данской войны. Правда, оставались достаточные излишки продовольствия в южных районах Центральной России. Но их использованию мешали полная дезорганизация транспорта и нежелание крестьян продавать хлеб по твердым ценам, установленным государственной монополией, в то время как кругом бушевала спекуляция. К этому добавлялись несогласованность и разнобой в действиях местных властей. В Петрограде дневной рацион уже составлял всего 50 граммов хлеба в день, да и те выдавались не всегда[33]. Голод стал самой большой угрозой для новой власти.

Жестокость первых «якобинских» мер против «врагов народа» в лице спекулянтов восходит именно к этому периоду. Хлеб стал для большевиков вопросом «войны». Советское правительство заявляло: «Проиграть эту войну — значит проиграть революцию»[34]. Ленин предложил, чтобы реквизицией зерна занимался Военный комиссариат, который должен был превратиться в «Военно-продовольственный комиссариат»[35]. Идея эта не была осуществлена, но на поиски хлеба в деревню направлялись специально сформированные отряды вооруженных рабочих — продовольственно-реквизиционная армия (продармия). Эти продотряды использовались затем в военных операциях, и если в начальный момент в них было не больше 3000 человек, то уже в декабре они насчитывали 41 505 бойцов[36].

Борьба за хлеб повлекла за собой новые повороты в развитии революции на селе. Продармия несла нешуточные потери: нападениям нередко подвергались целые отряды. Хлеб надлежало брать у каждого, кто его имел. «Взять хлеб у сытых, — как говорили тогда, — дать хлеб голодным»[37]. Между тем, наибольшими запасами зерна обладали богатейшие крестьяне, кулаки, которые и раньше поставляли основную часть зерна на рынок. В борьбе против них большевистская партия в соответствии со своими традиционными политическими установками попыталась заручиться поддержкой в самой деревне. Начиная с июня в деревнях начали создаваться комбеды, комитеты беднейших крестьян с ничтожно малыми наделами и еще более скудными средствами ведения хозяйства. Они-то и должны были направить острие своей классовой борьбы против богатеев. В первый момент в большинстве сельских Советов (73—75 %[38]) возобладала тенденция к единообразному обложению крестьянских дворов: столько-то хлеба с гектара. Хлебные реквизиции внесли в это дело иные критерии, утвердили тенденцию к созданию более благоприятных условий для беднейшего крестьянства.

Правда, уже тогда выявились трудности, и заключались они в невозможности провести четкое классовое различие внутри аморфной крестьянской массы, особенно там, где признаки зажиточности или бедности затушевывались и смешивались в том трудноопределимом слое, который назвали «середняцким». Уже тогда того, кто не сдавал излишков, отождествляли с кулаком. Много лет спустя эта проблема вновь заявит о себе. Пока же, в 1918 г., она вызвала новый, еще более жестокий взрыв гражданской войны.

VI. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОСТРОВ

Право на самоопределение

Призывая отказаться от каких бы то ни было аннексий, ленинский Декрет о мире отнюдь не предлагал установить некое соглашение о соблюдении международного статус-кво. Напротив, само содержавшееся в нем определение «аннексии» придавало четкий и всеобщий характер принципу самоопределения народов. «Если какая бы то ни было нация, — говорилось в нем, — удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или в возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, то есть захватом и насилием». Тем самым дорогая европейской демократии идея возрождалась во всемирном масштабе (декрет уточнял, что принцип самоопределения должен быть равно действенным, «независимо... от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»), звала на борьбу уже не только против старых империй, но и против современного империалистического капитализма[1].

Велось немало споров по поводу того, следует ли рассматривать этот декрет как акт внешней политики или как манифест революционной агитации: ведь его текст действительно обращен не только к правительствам, но и к народам, и «в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии»[2]. На самом деле декрет представлял собой нечто большее. Трудно было бы попытаться отделить один его аспект от другого: все они слиты воедино, объединены глубоко интернационалистской идеей, традиционной для социалистического движения. Эта идея не останавливалась у порога «классических» дипломатических представлений о международных отношениях, но шла дальше, побуждала видеть весь мир как арену противоборства враждующих политических, классовых в сущности своей группировок, границы которых вовсе не совпадали с границами государств, даже если речь шла о государствах национальных. Идея эта оставалась господствующей и при рассмотрении вопроса об установлении самых широких национальных прав народов: по своему мировоззрению и

политическому опыту большевики были решительными интернационалистами.

За первым декретом Октября на протяжении первого же месяца после победы последовали другие, не менее революционные акты, адресованные как всему миру, так и народам, населявшим Российскую империю. Едва большевики взяли в свои руки министерство иностранных дел — руководить этим покинутым профессиональными дипломатами министерством был назначен Троцкий — и завладели ключами от сейфов, как начали публикацию тайных договоров, в которых указывались истинные цели великих держав в мировой войне. Всего было обнародовано 130 документов[3].

К населению бывшей империи была обращена Декларация прав народов России, указывавшая путь к их «честному и прочному союзу». Она провозгласила принципы равенства и суверенности каждого народа, «отмену всех и всяких национальных... привилегий и ограничений», «свободное развитие национальных меньшинств», «право... на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»[4]. Наконец, специфическое положение России на границе между Европой и Азией породило первое обращение за подписями Ленина и Сталина, занимавшего тогда пост народного комиссара по делам национальностей, «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Обращаясь к первым, документ призывал их «устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно», вторых звал «свергать хищников и поработителей ваших стран»[5].

Этим столь решительно провозглашенным принципам суждено было стать одной из стержневых, ведущих идей столетия. Оказали они и немедленное воздействие, вынудив, например, американского президента Вильсона объявить целями США в ведущейся войне те «Четырнадцать пунктов», с которыми по сей день связаны его репутация безнадежного идеалиста.

Однако даже в рамках бывшей Российской империи практическое применение принципов самоопределения оказалось совсем не простым делом. Один из этих принципов — принцип отделения — особенно долго был предметом споров в рядах российской социал-демократии. Дискуссия по этому вопросу продолжалась и на Апрельской конференции 1917 г. Противники принципа отделения — Пятаков, Дзержинский, Махарадзе — делали упор в первую очередь на требование «уничтожения границ», подчеркивали утопический характер предположения о формировании национальных государств в эпоху империализма, отстаивали необходимость их объединения в интернационалистские революционные структуры. Чутко воспринимая эти доводы, сторонники «права на отделение» — Ленин, Сталин, Зиновьев (за ними пошло большинство) — все же усматривали в такого рода аргументах возможность увековечения мотивов, которыми извечно питался великорусский шовинизм (как и любой другой великодержавный шовинизм), предлогов, оправдывающих уг-

нетение малых народов, а следовательно — почвы, на которой постоянно могли бы возрождаться национальное недоверие и неприязнь. Они отнюдь не стремились к отделению нерусских наций от России — напротив. Однако они считали, что у таких наций должно быть право на это[6].

После октября 1917 г. борьба Советов за власть зачастую шла труднее в областях с преобладанием нерусского населения именно потому, что Советам здесь противостояли националистические, сепаратистские тенденции. Исключение составляли Эстония и Латвия (те их районы, которые не были оккупированы немцами); в Латвии сказалось наличие довольно многочисленного и организованного пролетариата. В Закавказье же власть перешла в руки Секретариата во главе с меньшевиками, который при поддержке различных партий местных националистов провозгласил в апреле 1918 г. независимость Закавказской федерации. В Киеве движение украинских националистов в лице Центральной рады провозгласило самостоятельность и попыталось установить контроль над украинскими воинскими частями, в том числе и дислоцированными на фронте. Отношение большевистского правительства к подобным тенденциям не было предвзято негативным. Оно, в частности, признало независимость Финляндии, страны, которая уже пользовалась относительной самостоятельностью, особенно после того, как ее отделение от России было поддержано в обращении к Ленину самими финскими социал-демократами[7]. В первое время большевики пытались наладить контакты и с Украинской радой.

Вместе с тем было бы неверно видеть в сепаратистских тенденциях 1917—1918 гг. лишь простое проявление воли к самоопределению. Сказать, что националистические течения, отражавшие в основном политические устремления буржуазной интеллигенции, представляли собой течения меньшинства, тоже было бы недостаточно: Советы в этих районах не имели еще поддержки большинства. И те и другие вели политическую борьбу за упрочение своей базы, причем исход этой битвы был еще не ясен. Трудность скорее состояла в том, чтобы установить, в какой степени требования отделения действительно служили выражением национального чувства и в какой представляли собой простое прикрытие буржуазной реакции против пролетарской революции в России. Центральная рада искала союза с казаками Каледина и нашедшими у него приют генералами-монархистами, прекрасно зная, что в их лице она имеет дело с непримиримыми ревнителями «единой и неделимой» Российской империи. Разрыв с большевистским правительством произошел именно по этим мотивам. Советы, с самого начала располагавшие прочной базой на Левобережной Украине и, хотя и немногочисленными, революционными войсками, посланными Лениным на юг, перешли в контрнаступление. Они вновь заняли Киев, провозгласили Украину народной республикой и еще до истечения января ликвидировали власть Центральной рады.

6 Зак. № 380

Брест-Литовск и развал армии

На более серьезные препятствия принцип самоопределения натолкнулся, когда Республика Советов оказалась лицом к лицу с германским империализмом. Содержавшиеся в Декрете о мире предложения о заключении перемирия и начале переговоров были обращены ко всем странам, участвующим в войне. Но несмотря на неоднократные напоминания, союзные державы игнорировали их. Поэтому Советское правительство само повело с центральными державами переговоры, результатом которых явилось заключенное в первых числах декабря в Брест-Литовске перемирие.

Мировая война длилась уже три с половиной года. Обе коалиции серьезно обескровили друг друга. На протяжении 1917 г. был предпринят не один зондаж с целью заключения мира, но все попытки оказались бесплодными. Германо-австрийский блок имел в активе некоторые успехи, вроде разгрома итальянских войск под Капоретто, помогал ему и кризис в России. В то же время он начинал ощущать тяжесть таких ударов, как вступление в войну Америки, и все меньшую эффективность действий германских подводных лодок против транспортов Антанты. Вот почему центральные державы согласились на переговоры. Однако после формального одобрения великодушных советских предложений Германия под влиянием своих военных кругов быстро перешла к грубому навязыванию собственных условий мира. Она прибегла к циничному, чтобы не сказать издевательскому, переиначиванию самих советских принципов. Раз речь идет о самоопределении, пускай русские откажутся от целого ряда территорий: их государственную участь решат местные политические группы, в прогерманских настроениях которых немцы не сомневались.

Находившееся в изоляции Советское правительство не могло противопоставить притязаниям противника почти ничего, кроме идей. Армия расползалась. Ее распад начался еще до Октября. Под ружьем еще числилось 10 млн. человек, из которых 6 млн. были на различных фронтах в составе действующей армии[8]. Но в подавляющем большинстве своем эти люди не желали больше ни участвовать в войне, ни оставаться в рядах армии. Они сыграли решающую роль в победе Советов, но рассчитывать на них в деле обороны страны было нельзя. Теперь, когда защищать приходилось новую революцию, а не обязательства царизма и российской буржуазии, большевики, как скажет Ленин, сделались «оборонцами». Но солдаты ими еще не сделались. К тому же и сами большевики считали необходимым разрушить старую военную машину; это орудие феодально-буржуазного государства подлежало уничтожению. За исключением отдельных частей, таких как отряды балтийских матросов, латышских стрелков и еще несколько полков, старая армия не годилась для использования ни на фронте, ни в гражданской войне[9].

Советская власть приняла меры к демократизации армии. Были

отменены чины и установлена выборность командиров самими солдатами. Но все эти меры способствовали скорее разрушению старого, нежели созданию нового. Большевики решили ускорить демобилизацию, начав со старших по возрасту контингентов, чтобы придать ей хоть сколько-нибудь упорядоченный характер. Решить эту задачу им удалось лишь частично. Декрет о демобилизации последних контингентов был подписан в апреле, когда старая армия уже совершенно распалась[10]. Лишь в октябре — ноябре 1917 г. личный состав дивизий на Северном и Западном фронтах сократился на 26 %[11]. Измотанные тремя с лишним годами войны и окопной жизни, солдаты уходили с позиций, не дожидаясь приказов. Оголенными оставались целые участки фронта. Многие военнослужащие присваивали себе имущество, в том числе и деньги, собственных частей. Другие прихватывали с собой оружие. Иной раз дело доходило до продажи оружия немцам. Солдат неудержимо тянуло домой, в деревню, где в это время шел раздел земли. Беспорядочный поток, хлынувший в глубь страны, резко усугублял всеобщую дезорганизацию[12].

В то время как старая армия таяла, «как снег под лучами солнца», большевики пытались начать создание новых вооруженных сил на базе добровольческих частей типа Красной гвардии. Ленин даже думал, что они успеют создать достаточно внушительные силы — порядка 300 тыс. человек, — способные прикрыть оголившиеся участки фронта[13]. Эти проекты были еще на бумаге, когда Германия предъявила Советскому правительству свои требования. Их удовлетворение сулило мир, но, конечно, это был не «демократический мир», а жестокий и унизительный «мир».

Дебаты о мире

Неумолимо надвигающаяся угроза неизбежного поражения породила в рядах большевистской партии драматически острый кризис. Следует иметь в виду, что на протяжении политических битв 1917 г. большевики даже вопроса не ставили о сепаратном мире. Сейчас это может казаться наивностью. Но вера в то, что смелая и благородная мирная инициатива, честное соглашение повсюду ускорят революционный процесс, который приведет к миру и началу социализма, — эта вера была весьма распространена и живуча. С империализмом нужно сражаться, а не заключать мир — такова была предпосылка, из которой исходили все. И вдруг они оказались перед отнюдь не простой дилеммой. Зарницы революции вспыхивали в Германии, Австрии, Италии. Сами члены австрийской и германской делегаций в Бресте испытывали тревогу, видя, как русские события отражаются на их собственном «внутреннем фронте». Но дальше этого дело не пошло. Дискуссия, развернувшаяся между руководителями большевиков, имела огромное значение, причем не только из-за ее непосредственных результатов. В ней впервые откры-

то столкнулись все те выдающиеся в политическом и интеллектуальном отношении деятели, которым предстояло в последующее десятилетие играть первые роли в верхах советского общества.

Дебаты большевистских вождей вокруг вопроса о Брестском мире, как его стали потом называть, относятся к числу наиболее изученных глав советской истории, поскольку все основные документы дискуссии давно обнародованы[14]. Борьба развернулась вокруг трех тезисов. Первый — его выдвинули Бухарин и группа «левых коммунистов» — одобрял идею революционной войны: нужно продолжать воевать, отступая в случае необходимости до Урала и прибегая даже к приемам партизанской борьбы. Организация сил будет происходить в ходе самого сопротивления, вплоть до того момента, когда на выручку к русским рабочим придет революция на Западе. В этой схватке нужно поставить на карту саму власть Советов, ибо в противном случае, при капитуляции на внешнем фронте, эта власть все равно рискует утратить смысл своего существования и стать чисто формальной.

Второй тезис выдвигался, по существу, Троцким и сближался с бухаринским в смысле отказа от принятия империалистического мира. В согласии с немецкими условиями сторонники этой линии видели опасность отрыва от революционного движения на Западе и угрозу возобновления обвинений большевиков в том, что они являются немецкими агентами. В то же время Троцкий видел выход в одностороннем отказе от продолжения военных действий. Советское правительство, по его мысли, должно было односторонне объявить об окончании войны. Немецкие генералы не смогут тогда возобновить военные операции из-за противодействия внутренней оппозиции. Обобщенным выражением этой позиции служила формула «ни мира, ни войны».

Третье предложение исходило от Ленина и группы меньшинства среди партийных руководителей. Они отстаивали необходимость мира любой ценой, ибо у страны не было армии, способной к сопротивлению, а народные массы были изнурены. Конечно, революция на Западе — а она, несомненно, произойдет — принесет спасение, хотя никто не может с точностью предсказать, когда именно это будет. В ожидании же этого момента, всемерно способствуя его приближению, не следовало забывать, что Россия пока единственная страна, где революция уже победила. Эта страна должна была обеспечить себе хотя бы «короткую передышку», необходимую для внутренней организации и создания армии. Иначе погибнет и советская власть.

Размежевание не ограничивалось верхушкой партии: расколотыми оказались и сами ее ряды. Большинство было против мира. В особенности против него были настроены партийные организации рабочих центров и областей: Петрограда, Москвы, Урала, Донбасса, Иваново-Вознесенска, Харькова — те самые, которые составляли авангард революции. Они продолжали выступать против принятия германского диктата вплоть до апреля — мая 1918 г., когда мир уже был заклю-

чен[15]. Проведенный в самый драматический момент переговоров опрос по телеграфу наиболее крупных Советов выявил такое же размежевание: 262 были за мир, 233 — против; среди первых преобладали Советы сельских районов, среди вторых — городские[16]. Сами по себе эти цифры, впрочем, не давали исчерпывающей картины, ибо под воздействием событий и в ходе дискуссии многие партийные организации и многие Советы переменили точку зрения.

Против мира прежде всего были партия и ее наиболее активные деятели. Иначе были настроены массы. В анкете для делегатов VII экстренного съезда партии, созванного в марте для одобрения Брест-Литовского мирного договора, один из членов московской делегации писал: «Большинство сознательных активных работников на месте за войну... Массы несознательные... за мир во что бы то ни стало». Другие ответы в основном совпадали с этим[17]. Ленин окончательно уточнил свою позицию после опроса делегатов съезда по демобилизации армии в конце декабря; на вопрос о войне солдаты отвечали, что не будут больше сражаться. Примечательно, что почти все военные организации партии были за мир. «Смерть не страшна! Будь что будет», — писали большевики Донбасса[18]. Крестьянские же резолюции куда более прозаически и горестно высказывались «за заключение хотя и позорного, но необходимого в настоящий момент мира»[19]. В этом и состояло подлинное противоречие.

История брестских переговоров широко известна[20]. Позиция Троцкого позволяла сохранять компромисс между различными позициями советских руководителей — большевиков и левых эсеров (последние были целиком против заключения мира) — до тех пор, пока можно было тянуть время на переговорах. В ораторских поединках за столом переговоров в Бресте блистательный глава советской дипломатии успешно противостоял главе немецкой стороны Кюльману, умело используя заседания в качестве трибуны революционной пропаганды. Однако, подписав сепаратный договор с Центральной радой, кстати сказать, уже изгнанной к этому времени из Киева, центральные державы в огромной степени усилили свою позицию на переговорах. Именно тогда, 9 февраля*, немцы ультимативно потребовали подписания мира на поставленных ими условиях.

Днем позже Троцкий ответил знаменитым заявлением о том, что советская власть отвергает диктат, но в то же время не будет больше воевать и продолжит демобилизацию армии. Растерянность противника была недолгой. 18 февраля немцы возобновили наступление на фронте, опрокидывая слабые заслоны русских. Уцелевшие от старой армии части обращались в бегство или отступали, не оказывая сопротивления. Предпринимались на ходу попытки организовать оборону с помощью первых добровольческих отрядов, но это не могло существенно повлиять на ход военных действий. В обстановке гнетущей тревоги собралось заседание Центрального Комитета

* По новому стилю. В дальнейшем даты указываются по новому стилю.

партии, на котором Ленин, угрожая отставкой, добился санкции на подписание мира.

Новые условия, навязанные немцами, были намного тяжелее прежних. Помимо утраты оккупированных территорий Россия должна была отказаться от Эстонии и Латвии, вывести войска с Украины и из Финляндии, заключить с Украиной сепаратный мир, уступить туркам некоторые районы Закавказья, принять тягостные экономические условия. Унизительный договор был подписан 3 марта делегацией во главе с другим членом ЦК, Сокольниковым, который заявил, что подчиняется необходимости, «не имея возможности выбора». Этот акт был одобрен VII съездом партии, состоявшимся 6—8 марта, а затем ратифицирован 15 марта IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов.

Все это происходило в момент, когда судьба советской власти зависела от дальнейших намерений немцев, которые теперь могли занять Петроград со дня на день. 12 марта Советское правительство переехало в Москву; прежде чем обосноваться в Кремле, оно размещалось в гостинице «Националь». Смена столицы, как постановил съезд Советов, должна была быть «временной»[21]. Но что, в сущности, могло считаться окончательным в те дни трагической неопределенности?

Федеративная республика

В Бресте Страна Советов оказалась в одиночестве. Помощь, на которую она надеялась — революция в Европе, — так и не пришла. На протяжении 1917 г. и первых месяцев 1918 г. в воюющих странах состоялось больше забастовок, чем за все предыдущие годы войны, вместе взятые. Поэтому вера в скорый взрыв не умирала. «До свидания, товарищи, на одном из ближайших съездов Советов — Всероссийском, а может быть, и всемирном!» — говорили на IV съезде Советов делегаты Украины, оставленной немцам[22]. Но вместе с тем вставала и угроза возможной изоляции.

В ходе последовавшей за подписанием мира дискуссии об организации экономики один из «левых коммунистов», Радек, писал: «В одной стране, к тому же стране отсталой, нельзя проводить в жизнь социализма»[23]. Это мнение было тогда общераспространенным, но делалась попытка представить дело так, будто подобная точка зрения вообще не должна приниматься в расчет. Ленин тоже утверждал: «Наше спасение от всех этих трудностей — повторяю — во всеевропейской революции». Правда, уже тогда он отказывался делать из этой «совершенно абстрактной истины» чересчур категорические выводы, чтобы сохранить все возможности действий, маневра и даже отступления (каковым как раз и был Брестский мир). Мало того, он предупреждал, что необходимо учитывать трудности, на которые натолкнется революция на Западе, где ей предстояло расшатать и свергнуть режимы куда более прочные, чем

тот, что существовал в «России — стране Николая и Распутина». Но и он не закрывал глаза на то, в каком тяжелом положении окажется революционная Россия в случае изоляции. Именно здесь, то есть в этом переходе «от нашей революции, как узконациональной, к мировой», и заключалась, по его мнению, «величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема»[24].

С «империалистическим миром» рушилась надежда народов на самоопределение. Украину оккупировала немецкая армия, а с ней вернулись и главари Рады. Впрочем, они вскоре были отстранены от власти. Оккупанты посадили на их место откровенно контрреволюционное правительство во главе с марионеткой Скоропадским. Это «правительство» служило захватчикам ширмой, под прикрытием которой вывозились украинский хлеб и украинское сырье. В то же время оно ознаменовало переход к политике реставрации, которая оживила не только на Украине, но и за ее пределами надежды потерпевших поражение российских правых.

В Финляндии до Брестского мира образовалось социал-демократическое правительство, с которым Советская Россия даже заключила первый из своих международных договоров[25]. Однако немцы поспешили послать войска в эту страну, чтобы поддержать белую контрреволюцию и помочь ей завладеть властью. Победители проводили беспощадный террор: именно здесь произошли первые массовые казни в истории русской революции. В Латвии и Эстонии после изгнания Советов были созданы правительства из деятелей, отобранных немцами. Бессарабия была присоединена к Румынии. В Закавказье за провозглашением независимости последовали столкновения между грузинским, армянским и мусульманским населением. Турки поспешили продвинуться на запад и на восток, тогда как немцы выступили как покровители Грузии, где к власти пришло независимое меньшевистское правительство.

Еще в январе 1918 г., когда уже обрисовались те внутренние и внешние силы, добивавшиеся распада и дележа между собой Российской империи, III съезд Советов уточнил, по предложению Сталина, что право на самоопределение следует понимать «в духе самоопределения трудовых масс всех народностей России»[26]. На этом же съезде был утвержден федеративный принцип структуры государства как единственно способный реализовать «добровольный союз народов России»[27]. Этот принцип входил затем во все главные законы вплоть до Конституции, принятой в июле 1918 г., где Российская Республика провозглашалась «федерацией советских национальных республик»[28]. Отсюда и ее название: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). Но этот документ не мог даже с точностью указать, о каких именно национальных республиках идет речь, потому что бóльшая часть нерусских территорий была отторгнута от страны, и, по замечанию Ленина, «от России ничего не осталось, кроме Великороссии»[29].

Рождение новой дипломатии

Жестокий урок Бреста побудил эту Россию, возглавляемую Советами и урезанную до нескольких чисто русских в национальном отношении губерний, приняться за многотрудное дело создания собственной армии, новой дисциплины, своего государства. В качестве необходимого инструмента защиты она начала создавать и свою дипломатию, но не ту открытую дипломатию без тайных договоров, о которой мечталось в дни революции, а дипломатию более «классического» образца, хотя и отличавшуюся крайней скудостью средств. Во время дебатов о Брестском мире в Центральном Комитете большевики поднимали не только вопросы текущего момента, но и принципиальные проблемы более общего порядка: допустимы ли мирные договоры и даже экономические соглашения между социалистическим государством и государствами империалистическими? Ответ и в том и в другом случае был утвердительным. Так оформились первые директивы в области внешней политики, то есть нечто выходившее за рамки простой веры в распространение революционного процесса на Европу и весь мир[30].

Врагом только что родившейся Республики Советов была не только коалиция центральных держав. В последние годы многие западные историографы пытались преуменьшить ответственность правительств Антанты, «союзников» России, или оправдать их поведение в ходе первых контактов с советской революцией. Они ссылались на противоречивость политики правительств Антанты в начальный период, изображали эту политику как обусловленную исключительно потребностями дальнейшего ведения войны[31]. Не подлежит сомнению, что соображения, связанные с войной, существенно влияли на их решения, точно так же, как и соображения, вытекавшие из факта размещения в России внушительных капиталовложений и решения советской власти отказаться от выплаты всех внешних займов, полученных предыдущими правительствами. Верно также и то, что при попытке осуществить свои первоначальные планы интервенции правительства Англии, Франции, Соединенных Штатов и Японии натолкнулись на серьезные трудности. Правы, однако, советские историки, когда они отвергают подобные оправдания. Подчеркнуто выраженная враждебность существовала с самого начала. С Советским правительством не было установлено никаких контактов, если не считать неофициальных. Напротив, правительства главных держав Запада и их представители на месте с головой окунулись во всевозможные контрреволюционные интриги и с самого начала делали ставку на сепаратистские силы, действовавшие по окраинам бывшей империи — от Украинской рады до атамана Семенова на Дальнем Востоке. В декабре 1917 г. Лондон и Париж пришли к соглашению о разделении сфер влияния на юге России[32].

На VII съезде партии Ленин, прибегнув к выражению, которое потом часто повторялось его преемниками, заметил, что Октябрь-

ская революция смогла победить единственно в силу того, что империалистическим государствам, не только расколотым, но и занятым войной друг с другом, «было не до нас»[33]. В дни немецкого наступления, когда «социалистическое отечество» было объявлено в опасности, руководители большевиков даже зондировали у правительств Антанты — Ленин с бо́льшим скептицизмом, Троцкий с бо́льшими надеждами, — нельзя ли получить у них некоторую помощь, ответы не оставляли ни малейших иллюзий.

Между тем немцы не утихомирились и после подписания Брестского мира. Мало того, они вторглись в Крым и потребовали передачи им Черноморского флота, что не предусматривалось условиями договора. Именно тогда большинство кораблей черноморской эскадры было потоплено по приказу Ленина их собственными экипажами на рейде Новороссийска. Советское правительство жило под угрозой нового генерального наступления с целью уничтожения власти Советов и создания пронемецкого правительства. Действительно, германский посол Мирбах предусматривал возможность такого поворота событий[34]. В подобных условиях не только среди групп, близких к большевикам, но и в их собственных рядах находились деятели, например Сокольников, которые высказывались в пользу союза с Антантой[35]. Но «союзные» правительства сами пользовались любой возможностью или предлогом, чтобы вторгнуться в Россию. 5 апреля японцы высадились во Владивостоке, 23 июня англичане оккупировали Мурманск.

Советскую Россию можно было уподобить острову, на который со всех сторон обрушивались волны, грозя совсем затопить его. Ленин отверг идею о том, что спастись можно, получив поддержку одного империалистического блока против другого. Следовало, скорее, лавировать между ними, прибегая ко всем ухищрениям дипломатии[36]. Именно это и пыталось делать Советское правительство на протяжении нескольких месяцев, не исключая даже попыток заручиться немецкой поддержкой, когда усилилась опасность со стороны «союзников», но не упуская в то же время возможности ведения революционной пропаганды первым советским посольством в Берлине.

Иностранную интервенцию торопили, причем идя на самые большие унижения, социальные силы, свергнутые революцией. Отдельные представители российской буржуазии высказывали такое пожелание еще до Октября. С еще большей настойчивостью они домогались этого после революции. В свою очередь все потерпевшие поражение политические группы — от монархистов и корниловских генералов до правых эсеров — искали в иностранной поддержке, в помощи той или иной группы держав свои шансы на реванш. Одно из донесений в Берлин Мирбах начинает следующими словами: «Многочисленные праздношатающиеся личности, носители древних фамилий и бывших титулов, владельцы крупных фирм или латифундий, ежедневно появляются здесь. Они клянутся в своих

германофильских чувствах и вымаливают помощь против большевиков, стараясь при этом добиться для себя обещания о занятии поста в правительстве великорусского Скоропадского, которое мы будем здесь устанавливать»[37]. Так сложился международный классовый альянс, который будет сражаться с большевиками в гражданской войне.

Разрыв с левыми эсерами

Следствием Брестского мира был также разрыв между большевиками и левыми социалистами-революционерами — противниками договора. Когда IV съезд Советов ратифицировал его, левые эсеры вышли из правительства, обещав ему в то же время «содействие и поддержку» в той мере, в какой «Совет Народных Комиссаров будет проводить в жизнь программу Октябрьской революции»[38]. Они остались, таким образом, не только в Советах и ВЦИК, но и в целом ряде других государственных органов. Решение об уходе из правительства не было единодушным; некоторые из главных руководителей партии (Спиридонова, Колегаев, Трутовский) критиковали его, опасаясь — и не без оснований, — что «революция пройдет мимо нас»[39]. Однако раскол по многим причинам усугублялся все больше.

Первая заключалась в самом Брестском мире, в тяжести его условий, в вызванном им недовольстве, в уязвленном патриотическом чувстве, в ощущении, что страна вот-вот развалится под градом ударов. Для большевиков открывался новый период неслыханных трудностей, вызванных, как скажет позже Ленин, необходимостью пройти фазис самого категорического разрыва с патриотизмом[40]. Даже среди крестьян, живущих не только на оккупированных территориях, но и в соседних с ними районах, над которыми тоже нависла угроза вторжения захватчиков, теперь находились такие, кто желал сражаться ради собственной защиты. Левые эсеры не ограничивались критикой договора: они хотели, чтобы каждый Совет, каждая воинская часть самостоятельно решали, соглашаться на этот мир или нет, продолжать сражаться или нет[41]. Такие нарушения субординации могли в любой момент спровоцировать новое немецкое наступление, поэтому они энергично подавлялись большевиками.

Второй основной причиной разрыва была политика хлебных реквизиций, продиктованная голодом в городах. В крестьянских Советах влияние левых эсеров было по-прежнему значительным[42]. В некоторых случаях оно даже усиливалось: их представительство на V съезде Советов в июле 1918 г. было более многочисленным, чем на IV съезде. Кроме того, они рассчитывали на раскол среди большевиков и уповали на союз с «левыми коммунистами».

Учитывая эти предпосылки, левые эсеры попытались совершить переворот с целью возобновить войну и опрокинуть политику Ленина. 6 июля два члена левоэсеровской партии убили германского посла Мирбаха. Одновременно эта партия в ходе продолжавшейся работы

V съезда возглавила в Москве мятеж нескольких воинских частей и одного отряда ЧК. Мятежники захватили в плен Дзержинского и несколько его сотрудников, а затем заняли телеграф. Большевики действовали решительно. Мятеж был подавлен в 24 часа. Съездовскую фракцию левых эсеров арестовали. Несколько дней спустя в Симбирске было подавлено аналогичное выступление, возглавленное левым эсером Муравьевым, одним из первых советских военачальников.

Организованное под лозунгами усиления роли Советов и осуждения империализма, выступление 6 июля было лишь слабым подобием Октябрьской революции. Правда, в этой попытке, предпринятой некоторыми ведущими деятелями революции, как бы отразилось ее естественное дальнейшее развитие. Выступление и его провал ознаменовали закат партии эсеров. Такова была «лебединая песнь» русского народничества как революционного движения. Большевики остались в одиночестве. Но их краткий союз с наследниками народников не пропал впустую. Об одном из них (Прошьяне, который был одним из руководителей заговора и несколько месяцев спустя умер в подполье) Ленин написал в декабре 1918 г. некролог, где говорилось: «А все же таки Прошьяну довелось до июля 1918 года больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для ее подрыва»[43]. Оценку эту можно распространить и на всю партию левых эсеров в целом.

VII. КРАСНАЯ АРМИЯ И БЕЛЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

Гражданская война

23 апреля 1918 г. Ленин заявил: «Гражданская война в основном закончена»[1]. Через два с небольшим месяца она вновь полыхала по всей стране, и казалось, что установленная Октябрем власть находится на волосок от гибели. Это мнение, кстати, разделяли и немногие остававшиеся в России иностранные наблюдатели. Летом того года большевистское правительство, лишившееся своих единственных политических союзников, оказалось в трагическом положении.

Такое резкое ухудшение обстановки обусловили два фактора. Первый и решающий — внешнего порядка — состоял в том, что июньское выступление хорошо вооруженного корпуса чехословацких пленных, все еще находившихся в России, дало военной интервенции Антанты ту ударную силу, которой ей недоставало в предыдущие месяцы. Тем самым менялся характер войны, она снова становилась как бы международной. Под воздействием этой перемены вновь разгоралось пламя гражданской войны. В то же время был и второй, не менее важный фактор: хлебные реквизиции породили кризис, почти разрыв между городом и деревней, то есть между двумя главными силами, обеспечившими победу Октября, — рабочими и крестьянами. Происходило это к тому же в момент, когда голод и хозяйственная разруха сотрясали опоры новой власти в самом рабочем классе.

Мятеж чехословацких войск был отчасти порожден многими недоразумениями, зачастую искусственно раздутыми. Войска размещались вдоль Транссибирской магистрали и готовились к отправке во Владивосток. Там им предстояло погрузиться на суда и отплыть в Европу, где они изъявили желание продолжать войну против центральных держав на западных фронтах. Правомерен вопрос: можно ли было избежать мятежа чехословаков, проявив по отношению к ним бóльшую осмотрительность, если бы, например, после инцидентов, возникших у них с местными Советами, не был отдан приказ разоружить их? Вопрос этот задавали себе в те трагические месяцы и руководители большевиков. Однако и по сей день, похоже, на него нет иного, кроме, по сути дела, отрицательного, ответа, который они дали тогда[2]. Агенты союзников подстрекали чехословаков к восстанию, распространяя всякого рода слухи; к ним добавились к тому же противоречивые приказы из Парижа.

Отсутствие на местах боеспособных вооруженных сил и полнейшая российская неразбериха превращали чехословацкий корпус, насчитывавший 60 тыс. хорошо обученных и организованных солдат, во внушительную военную силу[3]. Он легко взял верх над многими Советами Сибири и Урала. Его выступление сделало реальными пла-

ны вторжения в Сибирь, уже несколько месяцев обсуждавшиеся дипломатией Антанты. Оно дало относительно благовидный, чтобы не сказать «приличный», предлог западным лидерам, и в первую очередь американскому президенту Вильсону, официально одобрить решение о военной интервенции в России. Сложившееся соотношение сил вдохнуло новую жизнь в сопротивление казачьей Вандеи и в контрреволюционный мятеж на юге, где положение белогвардейцев уже упрочилось благодаря поставкам немецкого оружия генералу Краснову.

Так обрисовались главные фронты гражданской войны, сохранившиеся в основном до самого ее конца: Восточный — к востоку от Волги, и Южный — по границе степей. В разные периоды к ним прибавлялись другие, в том числе Северный, где высаживались англичане и американцы. Вскоре фронты сомкнулись кольцом вокруг центрального ядра из трех десятков однородно русских губерний, которые составляли самую существенную и неколебимую часть осажденной советской крепости.

Впрочем, линия фронта сложилась не сразу, а на некоторых участках так никогда и не стала сплошной. Это характерно для всякой гражданской войны, но особенно рельефно проявлялось на бескрайних русских просторах, открывавших возможность для маневра. Если не считать обширных территорий, оккупированных немцами, то первыми советская власть потеряла те обширные и, как правило, слаборазвитые в промышленном отношении районы, где аграрный вопрос в силу отсутствия помещиков не стоял так остро, как в других местах. В первую очередь это была Сибирь, которая не знала крупных поместий и где главным образом были распространены хозяйства зажиточных или богатых крестьян-собственников, нередко объединенных в кооперативы с преобладающим влиянием эсеров. Это были также земли казачества, где борьба, ко всему прочему, осложнялась сектантством, отличавшим их поведение как на первом, так и на последующих этапах гражданской войны[4]. Несмотря на тщательное различие, которое большевики стремились проводить между бедными и богатыми для привлечения первых на свою сторону, в революционном лагере росло убеждение, что казаки представляют собой сплошную реакционную массу и бороться с ней нужно беспощадно. Хотя часть казаков сражалась против белых, подавляющее большинство их — и это была трагедия для самого казачества — осталось на стороне контрреволюции.

Летом 1918 г. деревня, в том числе и сельские районы, которые больше всего всколыхнула аграрная революция, стала ареной новых схваток. Почти повсюду вспыхивали мятежи против новой власти, против большевиков, против местных руководителей. Особенно серьезный характер они имели в Поволжье, где влияние эсеров было — и отчасти оставалось — более сильным. Мы говорим здесь не только о вооруженных выступлениях в начале июля (которые совпали по времени, но которые, насколько можно судить по нынешним исто-

рическим данным, не были организационно связаны с восстанием левых эсеров) в таких городах, как Ярославль, Муром и Рыбинск. Этими попытками переворота руководили заговорщики, возглавляемые лидером эсеров — Савинковым, а вдохновляли их французские агенты, рассчитывавшие таким образом облегчить соединение англо-американских интервенционистских войск, высадившихся на севере, с чехословацким корпусом. Ослабленной Советской власти с трудом удавалось подавлять эти мятежи: понадобились две недели вооруженной борьбы с применением артиллерии. Куда более серьезной была политическая проблема, поставленная крестьянскими бунтами.

Позже советские историки назовут эти бунты «кулацкими мятежами». Но в ту пору определения были менее категоричными. Возможно, их инициаторами действительно являлись более зажиточные крестьяне, возможно, они даже осуществляли политическое руководство восстаниями. Но главная опасность состояла как раз в той массовой поддержке, которую они находили среди самых широких слоев сельского населения. Зачастую инициатива шла от сельских сходов. С этого момента отношения с крестьянством — и прежде всего с крестьянами-середняками — сделались решающей политической проблемой гражданской войны. Мятежи в деревне продолжались вплоть до ее окончания. Но наиболее напряженной была обстановка в период между июнем и августом 1918 г.: только в 20 губерниях зарегистрировано 245 случаев мятежа[5]. Между Уралом и Волгой они смыкались с наступлением чехословацкого корпуса. В двух случаях рабочие перешли на сторону белогвардейцев: восстания в Воткинске и Ижевске. Даже в Москве ораторы-большевики с трудом добивались, чтобы их выслушивали на заводах[6]. Лето 1918 г. было периодом наибольшей слабости революции.

Террор и военные сражения

У гражданской войны свои беспощадные законы, которые придают своеобразную окраску и самим политическим проблемам. Прежде всего это действительно война, и вести ее приходится по-военному. «Весь вопрос российской социалистической революции, — сказал Ленин в конце июля, — свелся к вопросу военному... Хотим мы этого или нет, но вопрос так поставлен: мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны»[7]. Исход же не оставлял широких возможностей для выбора. «Смерть или победа!» — провозгласили в этих условиях руководящие советские органы[8]. Когда подобные фразы читаешь в книгах, они не производят большого впечатления, но в то время этот лозунг выражал единственно реальную альтернативу. Вот почему на протяжении двух с лишним лет он пронизывал всю большевистскую агитацию. «Все для войны!», «Все для победы!» — таковы были два постоянно повторяющихся лозунга[9].

Лишь тогда революция ожесточилась. Разумеется, она и раньше

сопровождалась насилием и вооруженной борьбой. Правы, однако, те — и в первую очередь советские историки, — кто утверждает, что вплоть до этого момента революция проводила довольно мягкую политику по отношению к своим противникам. Отныне с мягкостью было покончено. Да и враги ее не отличались мягкосердечием. 21 июня 1918 г. была восстановлена отмененная в октябре смертная казнь. С самого начала гражданская война была отмечена эпизодами зверств белых, жестокого истребления красных как на юге, так и на территориях, оккупированных чехословаками. То же самое произошло и в Ярославле. Правда, не менее жестокими были здесь и ответные репрессии: 350 расстрелянных. На нападение русская революция отвечала решительно. Ее вождей вдохновлял великий пример Французской революции. В середине июля в Екатеринбурге, на Урале (позже переименован в Свердловск), при приближении чехословацкого корпуса был расстрелян бывший царь Николай вместе со всей императорской семьей. Советская версия, по которой этот акт был совершен якобы по местной инициативе, оспаривается некоторыми историками[10]. Как бы то ни было, смысл решения ясен: вырвать у сил реставрации символ, вокруг которого она могла бы сплотиться.

Впрочем, скоро стало уже не до символов. Деятели партии эсеров вернулись к своим террористическим традициям, стали организовывать покушения на жизнь руководителей большевиков. Были убиты Володарский, один из наиболее популярных петроградских вождей, и Урицкий, занимавший командный пост в ЧК. 30 августа тяжело ранили Ленина в момент, когда он выходил из одного московского завода, где только что перед тем воскликнул: «Победа или смерть!». На эти террористические акты Советское правительство ответило провозглашением «красного террора», систематического и организованного в массовом масштабе. «Нет невинных, — писала одна из петроградских газет. — Каждая капля крови Ленина должна стоить буржуям и белогвардейцам сотен мертвых»[11]. В Петрограде расстреляли 500 человек, столько же в Кронштадте. Были взяты заложники из рядов старых имущих классов и политических противников. Самая жестокая полоса террора продлилась до ноября, после чего наиболее буйные и самодеятельные его проявления были ограничены.

Тем не менее изначально непримиримая жестокость конфликта, развивавшегося подобно трагической спирали, ни на одном витке которой не достигалось «равновесия насилия», продолжала требовать жертв, причем не только на полях сражений. В условиях гражданской войны эффективна лишь смертная казнь: это знали организаторы контрреволюции, но теперь это было известно и руководителям большевиков[12]. Невозможно подсчитать, сколько человек погибло с той и с другой стороны. И все же в заявлениях, которыми вожди революции — будь то Ленин, Троцкий или новый министр иностранных дел Чичерин — отвечали на протесты из-за границы (особенно когда протесты эти исходили от тех, кто сам поддерживал войну), слышались жестокие мотивы исторической правды. Так, в одной из

первых дипломатических нот Советского правительства после напоминания о миллионах безоружных людей, убитых в мировой войне, при подавлении угнетенных народов, в районах, где свирепствовал «белый террор» (причем никто и не думал выражать негодование по этому поводу), говорилось: «Мы заявляем перед лицсм пролетариата всего мира, что никакие лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимает оружие против рабочих и беднейших крестьян России, кто их хочет заморить голодом, кто их хочет погнать на новые войны во имя интересов капитала»[13].

7 августа на Восточном фронте пала Казань: там находился государственный золотой запас. Наряду с утратой Урала это был один из жесточайших ударов для большевиков. В свою очередь, возвращение Казани 10 сентября — золота, правда, там уже не оказалось — было первой по-настоящему значительной победой молодых частей Красной Армии, воодушевленных Троцким. Эта победа ознаменовала также переход от разрозненных стычек с участием отрядов, порой весьма походивших на банды, к серьезной маневренной войне.

Остальные главные операции, развертывавшиеся на протяжении последующих полутора лет войны, проходили следующим образом. Осенью 1918 г. между противниками еще не произошло четкого и окончательного территориального раздела, ибо как на востоке, так и на юге вооруженные столкновения происходили и за линией фронта. Пополнение регулярных частей осуществлялось в ходе самих сражений. После Казани наступление красных на восток продолжалось. Противник был оттеснен к Волге. Зимой советские войска продвинулись к подножию Урала (Уфа), а также в направлении Туркестана. Однако севернее, у Перми, они потерпели поражение. На юге контрреволюционные армии заняли Донбасс и развивали наступление, но были остановлены под Царицыном (городом, который позже переименуют в Сталинград). Окончание мировой войны и поражение центральных держав позволили советской власти вернуть себе бóльшую часть территорий, утраченных с Брестским миром. Однако и здесь ей пришлось столкнуться со старыми и новыми противниками, занявшими место немцев. Война, выступавшая в тысячах обличий, захлестнула всю страну: были районы, где бои велись более или менее интенсивно, но не было ни одного оазиса мира.

Самым ужасным годом войны, годом, когда разыгрались решающие битвы, был 1919-й. С той и с другой стороны сражались теперь настоящие регулярные армии. Определились и их полководцы: у белых — адмирал Колчак на востоке и генерал Деникин на юге. Маневренная война началась в марте наступлением Колчака. Нацеленное на Волгу, а точнее — на города Казань и Симбирск, и далее с целью соединения с войсками Антанты на севере, это наступление увенчалось вначале некоторыми крупными успехами. Советское контрнаступление развернулось в конце апреля; в июне оно ознаменовалось наибольшими успехами, а в июле был освобожден весь

Урал. Но тем временем перешли в наступление войска Деникина. Они захватили Украину и нацелились на Москву. Главное наступление они развернули летом, когда оставили далеко позади рубеж, достигнутый в 1918 г. Предпринятое в августе советское контрнаступление, ослабленное из-за разногласий по стратегическим вопросам между руководителями армии и партии, не принесло успеха. В октябре Деникин захватил Воронеж, Курск и дошел до Орла, отстоящего от Москвы на каких-нибудь 400 *км*. Его продвижение на этот раз сочеталось с наступлением на северо-западном направлении другой армии, организованной непосредственно Антантой и отданной под командование генерала Юденича. Этой армии удалось подойти к пригородам Петрограда.

Если летом 1918 г. большевики проявили наибольшую политическую слабость, то осенью 1919 г. неминуемой казалась военная катастрофа. На случай поражения Ленин предусматривал даже возврат в подполье: были подготовлены фальшивые паспорта и крупные суммы денег[14]. Но и тогда большевики не пали духом. Более того, именно в это время руководимые ими Советы одержали решающие победы. Петроградский пролетариат напряг все силы, и Юденич был отброшен. Деникин в свою очередь был разбит, а после попытки закрепиться в цитаделях казачества окончательно разгромлен в первые месяцы 1920 г. Одновременно продолжалось преследование уцелевших колчаковских войск в Сибири, пока наконец сам адмирал не был захвачен в плен, судим и расстрелян в Иркутске.

Троцкий и вооруженные силы

Сколь бы существенна ни была история военных операций, все же это только одна сторона гражданской войны, и ее нельзя понять в отрыве от другой. В первую очередь война потребовала создания вооруженных сил. Мало того, это стало решающим испытанием для новой власти: ей пришлось поступиться некоторыми из своих принципов. Первоначально предусматривалось создание не регулярной и постоянной армии, а милиции — то есть вооружение народа, всех прежде угнетавшихся классов. Именно такими концепциями вдохновлялись создатели Декрета об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принятого 15(28) января 1918 г.[15]

Однако от декрета к действительности вел долгий и нелегкий путь. В качестве исходной базы для строительства новых вооруженных сил были взяты скорее отряды Красной гвардии, нежели сохранившиеся части старой армии. Вначале, в драматические недели брестских переговоров, ставка делалась на запись добровольцев и обязательное военное обучение всех трудящихся (всевобуч). Требования дисциплины вынудили вскоре отказаться от принципа выборности командиров. Противоборство с такой хорошо организованной силой, как чехословацкий корпус, заставило пойти еще дальше по этому пути. В июне 1918 г. впервые был осуществлен обязательный призыв в

армию. Сначала он распространялся в соответствии с классовым принципом лишь на рабочих и крестьян-бедняков и только в Москве, Петрограде и еще нескольких губерниях. Затем, в сентябре, перешли к призыву целых возрастных контингентов и, наконец, в апреле 1919 г. — к всеобщей мобилизации.

Этот переход совершался одновременно с определением структуры регулярной армии, со своим командованием, штабами, округами, оперативными соединениями. Отсутствие военного опыта побудило обратиться за помощью к офицерам — унтер-офицерам прежнего режима. Добровольно или под угрозой им было предложено отдать свои знания новому строю. А для того, чтобы они не были предоставлены самим себе, создавалась совершенно новая, типичная для Красной Армии фигура — политический комиссар, представитель революционной власти, призванный контролировать действия «спецов» из числа старых офицеров и в то же время воодушевлять и политически воспитывать войска, которым предстояло сражаться за революцию.

Формирование Красной Армии — один из самых трудных и мучительных процессов того периода. Потребовались месяцы, прежде чем первые недисциплинированные и незнакомые с принципом единоначалия отряды, подчас способные на невиданный героизм, но легко поддающиеся панике, превратились в организованную силу, подразделенную на армии и дивизии. Оба критерия, лежавшие в основе преобразования, — регулярная, а не «партизанская», армия и использование старых офицеров — встретили резкое сопротивление в большевистской партии. Для многих большевиков это означало чуть ли не подрыв самих основ их мировоззрения. В Центральном Комитете велись бесконечные споры[16]. На VIII съезде партии в марте 1919 г. разногласия обострились до крайности. «Тезисы» Троцкого, который при поддержке Ленина был главным проводником нового курса, с трудом собрали необходимое большинство и были одобрены как временные, вынужденные меры[17]. А тем временем рождалась армия.

В конце 1918 г. на службе числилось уже 22 тыс. бывших офицеров и генералов и 128 тыс. бывших унтер-офицеров. Они составляли, разумеется, лишь малую часть командного состава старой армии, но в то же время это было не такое уж ничтожное меньшинство[18]. Их путь не назовешь легким. Все или почти все они находились под подозрением: кто-то оказался изменником, кто-то колебался, не слишком веря в дело, ради которого сражался. Впрочем, в конечном счете многие честно выполнили то, что от них требовалось, а то и превратились в убежденных сторонников новой системы. Конечно, несравненно большее мобилизующее воздействие на войска оказывали политические комиссары, но их было мало: около 6 тыс. во второй половине 1919 г.[19] Что касается рядового состава, то его боеспособность определялась тем, что в каждом подразделении должно было быть ядро из рабочих и коммунистов, способных влиять на других силой примера и зрелого классового сознания. Их одних, однако, было недостаточно для формирования армии. Нужно было мобили-

зовать более многочисленные массы. Советские источники свидетельствуют, что в Республике Советов находилось под ружьем 378 тыс. человек в середине 1918 г., 1700 тыс. — к его концу, 4400 тыс. — к концу 1919 г. и, наконец, 5300 тыс. — в 1920 г. Цифры эти не следует принимать буквально, ибо в каждый конкретный период численность действительно боеспособных войск была значительно меньше[20]. Тем не менее не подлежит сомнению, что в конце концов была создана весьма многочисленная армия. В большей части своей она состояла из крестьян, организованных вокруг более стойкого революционного ядра.

У Красной Армии были и свои прославленные вожди. Среди политических деятелей ее главным, хотя и не единственным, был Троцкий. Во время войны его назначили председателем Реввоенсовета — органа, созданного осенью 1918 г. для руководства вооруженными силами. Такова была его официальная функция. В действительности он играл гораздо бóльшую роль. Троцкий использовал большевиков для распространения в армии политической сознательности; для того, чтобы вдохнуть в нее якобинскую, пролетарскую душу, он сделал больше, чем любой другой из вождей большевиков. Выдающийся агитатор масс, он составлял на различных этапах войны пламенные воззвания, достойные занять место в идеальной антологии воинствующей партийной литературы. Если уже в 1917 г. он был рядом с Лениным как один из главных творцов Октября, то теперь, в годы войны, он все более выступает как второй по значению деятель революции. Он обладал необычайной способностью пробуждать в людях энергию. Всегда готовый примчаться на своем знаменитом бронепоезде туда, где всего труднее, он по меньшей мере в двух критических ситуациях — в Казани в сентябре 1918 г. и под Петроградом годом позже — лично добился перелома в безнадежных, казалось бы, условиях. На каждом шагу он подчеркивал важность дисциплины и профессиональной компетентности. Случалось, он ошибался в своих стратегических расчетах. Но он обладал не только выдающимся умом, но также железной хваткой и властностью, в которых нашел свое выражение новый, суровый и решительный облик революции. Тем не менее его методы вызывали озлобление и враждебное к нему отношение как в рядах партии, так и в армии, куда было направлено немало крупных руководителей и выдающихся партийных деятелей.

В ходе сражений выдвинулись также новые военачальники, способные вопреки всем ожиданиям одерживать верх над профессиональными военными. Это были люди самого разного происхождения: бывшие офицеры, уже дослужившиеся в старой армии до высоких чинов, вроде первых двух главнокомандующих, Вацетиса и Каменева (не путать с однофамильцем, известным партийным руководителем); обер-офицеры, внезапно взлетевшие на самые высокие командные посты, вроде Тухачевского и Блюхера (первого орденоносца в Красной Армии); профессиональные революционеры вроде Фрунзе,

Склянского и Ворошилова; партизанские командиры, с трудом приобретавшие навыки и опыт командования, наподобие Буденного и Чапаева (героя, погибшего в 1919 г.).

Банкротство «демократической контрреволюции»

Однако прежде, чем одержать военную победу, требовалось завоевать победу политическую. Летом 1918 г., когда большевикам приходилось отражать главным образом наступление чехословацкого корпуса и крестьянские мятежи, противостоявший им полюс борьбы на краткое время обрел облик «демократической контрреволюции», как его назовут позже[21]. В различных окраинных районах образовались самозваные правительства, или квазиправительства: в некоторые моменты их насчитывалось до 18. Самым представительным или, во всяком случае, самым «левым» среди них был так называемый Комуч (лето — осень 1918 г.) — Комитет членов Учредительного собрания в Самаре, на Волге, составленный в основном из эсеров — депутатов «учредилки» и считавший себя законным преемником распущенного Учредительного собрания. В период своего недолгого правления он распространил власть на довольно обширную территорию, пытаясь внедрить на ней, проводя в то же время кровавые антибольшевистские репрессии, демократические порядки со свободой печати, профсоюзов и даже Советов. Комуч пользовался при этом революционными лозунгами годичной давности и раздавал красные кокарды. В действительности, однако, он не правил; ему не удалось ни уменьшить хаоса, ни — что еще важнее — сколотить сколько-нибудь действенную вооруженную силу. Поэтому стоило ему вступить в контакт с другими политическими группами, комитетами или «министерствами» Сибири, Урала, Севера, как он начал приносить в жертву одну за другой свои программные позиции. Целью контактов было образование правительства, которое смогло бы реально противостоять большевистскому в качестве единого российского правительства.

Такое правительство, возникшее в результате бурного совещания в сентябре 1918 г. в Уфе, получило отнюдь не демократическую форму директории из пяти человек[22]. Но и в таком виде оно просуществовало лишь несколько недель, а затем было свергнуто и заменено единоличной диктатурой Колчака. Не многим отличалось развитие событий в других окраинных районах, также вырванных из-под контроля большевиков. Аналогичное положение сложилось на севере, в Архангельске и Мурманске, оккупированных англичанами и американцами. Что касается юга, то там с самого начала правление было в руках военных и откровенно правых сил.

Основное ядро антисоветских армий с начала и до конца составляли бывшие офицеры, которых разбросало по стране после развала старой армии. Именно эти люди верили, что достаточно будет удачного военного переворота, чтобы вернуть все утерянное ими в Октябре, и именно они принимали участие в замышлявшихся с первых же месяцев бесчисленных заговорах против власти Советов. Первые кол-

чаковские части были сформированы целиком из офицеров; офицеры и впоследствии составляли в них значительную часть личного состава[23]. Высоким был их удельный вес также в добровольческой армии Деникина. Отсюда подчеркнуто белогвардейский характер этих формирований. Многие офицеры были откровенными монархистами. Другие уже летом 1917 г. с симпатией относились к идее военной диктатуры. Зачастую они ненавидели эсеров и меньшевиков не меньше, чем большевиков. Поэтому вокруг них группировались неприкрытые сторонники буржуазной и помещичьей реставрации. Там, куда они приходили, возвращались также — хотя это и не было прямо зафиксировано в их программах — старые хозяева, помещики или фабриканты, старые порядки, старые городовые. Всех их обуревало желание отомстить и раз и навсегда проучить тех, кто посмел поднять голову. В занятых ими городах и селениях проводились жестокие репрессии и массовые казни.

Однако для образования достаточно крупных армий одних офицеров было мало. Белые вынуждены были, в свою очередь, призывать крестьян, объявляя всеобщую мобилизацию. Но ее приходилось осуществлять силой, поскольку они не гарантировали крестьянам собственность на землю; мало того, они сами отбирали ее у них. Кадеты, остававшиеся в московском подполье, сочли нужным обратиться в 1918 г. к своим друзьям в Сибири с просьбой уточнить позицию белогвардейского правительства по аграрному вопросу[24]. Ответа они не получили, да и не могли получить, если принять во внимание, какие социальные силы группировались вокруг Колчака. Лидеры белых в конечном счете восстановили против себя крестьян даже в тех районах, например в Сибири, где крестьяне на первых порах соблюдали нейтралитет по отношению к ним.

Еще прежде, чем это произошло, обнаружилось другое, более важное явление. Оно проявилось сначала в прифронтовых или переходивших из рук в руки районах, где крестьяне, только что почувствовавшие себя обладателями земли, осознали, что белые стремятся к реставрации прежних аграрных отношений. Сельские массы, пресловутые «крестьяне-середняки», силой обстоятельств вновь сблизились с рабочими и большевиками, то есть вернулись к первоначальному союзу Октября. Разумеется, поворот произошел не внезапно. Это был сложный и противоречивый процесс.

Важное значение имело то, что процесс этот воздействовал в особенности на промежуточные партии, на их отношения с большевиками. С известной точностью начало его можно датировать осенью 1918 г. Но это не было водоразделом. Крестьянские восстания против большевиков происходили и после этого: в частности, на территориях между Волгой и Уралом в марте 1919 г. в сочетании с наступлением Колчака. И все же именно в это время обозначилась перемена, которую тотчас же уловил Ленин, быстро выздоравливавший после покушения[25]. Для большевиков она означала первую передышку после тягчайшего летнего кризиса.

Крестьяне: солдаты или партизаны?

В известном смысле история Красной Армии и ее победы в гражданской войне есть история этого процесса. Сами большевики с осени внесли изменения в свою политику в деревне[26]. Но как бы они ни изменяли ее, они были не в силах удовлетворить все крестьянские запросы. Они могли предложить им лишь защиту полученной земли. В этом была сила их позиции, и она в конечном счете одержала верх. Крестьяне, впрочем, склонны были толковать тезис о защите земли буквально. Они готовы были сражаться с белыми на месте, в собственной деревне или волости, но не вступать в армию, которая могла привести их на поля сражений, весьма далекие от родного дома. К тому же они по-прежнему готовы были воспротивиться мерам большевиков, когда эти меры не позволяли им свободно распоряжаться плодами собственного труда или самой землей. Многие из них не являлись по повесткам призывных комиссий, другие дезертировали при первой возможности. Для их рекрутирования требовались как политическая агитация, так и принуждение, порядок, жестко навязанный рождающимся государством. Ради превращения этой армии, сформированной преимущественно из крестьян, в регулярную, боеспособную и маневренную вооруженную силу оказалась необходимой «дисциплина железа.., дисциплина, осуществляемая, между прочим, пролетариатом над средним крестьянством...»[27].

Стихийным выражением поведения крестьянской массы в целом в ходе гражданской войны явилось партизанское движение — партизанщина, как тогда говорили. Партизаны не в силах были самостоятельно сопротивляться белым армиям, однако им принадлежала немаловажная роль в их разгроме. Особенно широкий размах движение получило в Сибири и на Украине.

На Украине партизанское движение родилось при немецкой оккупации как выражение стихийного сопротивления деревни; большевики действовали главным образом в крупных городах. Революция на Украине не успела произвести того переворота в аграрных и индустриальных структурах и учреждениях, какой после Октября произошел в России. С уходом немцев образовался вакуум, который заполнили различные силы; их столкновения, вооруженная борьба захватили все и вся на протяжении двух с лишним лет. Гражданская война здесь носила иной, чем в других местах, характер: более беспорядочный и ужасный. С юга наступали новые оккупанты — французы, высадившиеся на берегах Черного моря. Украинский национализм, находивший выражение в прежней Раде, теперь доверился руководству нового вождя и полководца — Петлюры. Позже, в ходе наступления на север в середине 1919 г., бóльшую часть Украины заняли белые войска Деникина. Но еще до этого большевики предприняли наступление с целью восстановить здесь советскую власть. В довольно обширных районах им это удалось благодаря тому, что партизанское движение — пока в основном революцион-

ное — оказалось для них ценным союзником, обеспечившим многие их победы.

Классовая дифференциация в украинской деревне была более резко выражена, чем в русской. Кулаки здесь были сильнее, что накладывало свой отпечаток на действия многочисленных вооруженных групп крестьянства. Складывавшиеся в схватках отряды приобретали самую разнообразную и крайне переменчивую политическую окраску. Даже те из них, которые по своим позициям были ближе к большевикам, приносили с собой в армию — когда их удавалось в нее включить — недисциплинированность, нежелание подчиняться приказам, легкомысленное отношение к порученному делу, неожиданное проявление крайней жестокости, не оправданное с точки зрения главных целей войны. Некоторые партизанские вожаки, например Григорьев, сначала сотрудничали с большевиками, а потом восставали против них и поворачивали фронт на 180 градусов. Очень часто такие отряды представляли собой лишь местные банды, ненавидевшие Советы и находившиеся под командой самозваных главарей, называвших себя по-старинному «атаманами». Их призванием был неприкрытый бандитизм, а их грубый национализм приобретал чаще всего антисемитскую направленность. Атаман Петлюра, например, вместе со своими приспешниками был, наряду с белыми Деникина, виновен в десятках варварских еврейских погромов. Неопределенность исхода военного противоборства способствовала дроблению войны на множество частных конфликтов: к декабрю 1919 г. Киев уже 13 раз переходил из рук в руки, а Екатеринослав (ныне Днепропетровск) — 17 раз[28]. Происходила «мексиканская смена власти».

Вместе с тем в украинском партизанском движении имелось и более самобытное крестьянское течение, которое возглавил Махно. Его линия не была ни националистической, ни антисемитской. Опорой ему служила Левобережная Украина, то есть ее более развитая часть. Его политическая линия носила расплывчато анархистский характер, а его политические убеждения оставались в рудиментарно-неоформленном виде. Махно был наделен незаурядным военным талантом. Его армия обладала большой мобильностью; его отряды совершали сокрушительные набеги. В период наивысшего успеха он командовал десятками тысяч людей и контролировал обширную территорию. Во время боев за освобождение Украины в конце 1918 г. и годом позже при разгроме Деникина махновцы были ценными союзниками Красной Армии. Однако они тоже вполне подпадали под формулировку, которой большевик Раковский характеризовал все повстанческое движение на Украине: «полупартизанство, полубандитизм»[29]. Включить себя в Красную Армию махновцы так и не позволили. За каждым их соглашением с большевиками следовало столкновение. После разгрома белых Махно продолжал воевать с советской властью на свой страх и риск; ликвидирована махновщина была в 1921 г.[30]

В Сибири партизанское движение началось позже, в 1919 г., и носило характер нарастающего крестьянского восстания (какого здесь не было во время борьбы за землю в деревне в 1917—1918 гг.) против белых и интервентов. По некоторым данным, в нем участвовало 140 тыс. человек[31], но большевики руководили им лишь отчасти. Не исчезло оно и после разгрома Колчака.

Именно в силу своей крестьянской природы партизанщина нашла свое место в военных действиях. Отдельные части Красной Армии, вступая в соприкосновение с партизанскими отрядами, порой превращались в банды. Партизанщина, скажет позже Троцкий, была «военным выражением глубинных крестьянских слоев революции» и «находила отклик даже в рядах партии». Борьба против нее была «борьбой за пролетарскую государственность против разъедающей ее мелкобуржуазной анархической стихии»[32]. Истоки этого явления восходили к самому героическому началу Красной Армии, к тем наскоро сколоченным отрядам, которые отражали первые вылазки контрреволюции, со своими выборными командирами без различия чинов и званий. Подобная организация оказалась несостоятельной, когда дело дошло до столкновения с подлинно профессиональными армиями. Однако партизанщина продолжала держаться на почве колоссального распада, порожденного во всех социальных слоях неслыханными бедствиями гражданской войны. Тогда большевистская партия противопоставила ей свою организацию и волю к победе. Правда, сама партия пришла к пониманию новых военных задач путем мучительной внутренней переоценки. Дискуссия на VIII съезде о дисциплине, военспецах, единоначалии или коллегиальном командовании представляла собой кульминационный пункт этой внутрипартийной борьбы.

Хотя в этих спорах верх взяла линия на максимум организации и централизации, Красная Армия сохранила многие черты, отражающие ее революционное происхождение: от упразднения старых званий до ликвидации внешних знаков различия. Помимо того, наряду с единым оперативным командованием в ней имелись такие коллективные органы, как реввоенсоветы. Наконец, она нашла четко выраженный политический характер, ей был свойствен классовый, якобинский дух, привитый ей партией и ее комиссарами.

Гражданская война представляла собой сложнейшее переплетение, головокружительный круговорот множества глубинных течений, вырвавшихся из недр российского общества, потрясенного до самых основ. Она добавилась к без малого четырем годам мировой войны, которая не только истощила Россию, но и выбила из колеи куда более могущественные государства как из числа победителей, так и из числа побежденных. Война, неслыханная по жестокости и кипению страстей, велась в условиях голода, эпидемий, отсутствия всего самого необходимого, что, казалось, приведет к уничтожению самих основ какого бы то ни было упорядоченного существования. Несмотря на

иностранную помощь войсками и средствами, белые генералы потерпели поражение. Они так и не нашли сколько-нибудь длительной поддержки ни у одной массовой силы. При наступлении их тылы выходили из повиновения. Даже казаки не желали идти с ними, ради них отрываться от родных мест. Вместе с генералами были окончательно сокрушены старые господствующие классы России: вместе с остатками белогвардейских войск, отброшенных к морю, эмигрировало 2 млн. человек[33].

Большевикам приходилось завоевывать победу в крайне трудных условиях. Красная Армия была тем орудием, с помощью которого они добились успеха, объединив под своим твердым руководством противоречивую коалицию обездоленных классов. Коалиция эта не могла быть такой же широкой, как та, что пошла за ними в Октябре, хотя именно оттуда и шли ее корни. Исход противоборства не раз был настолько неопределенным, что казалось, все безвозвратно утеряно. Война велась на фронтах, общая протяженность которых достигала 8 тыс. *км*[34]. Когда она начиналась на востоке, линии обороны не существовало: ее пришлось сооружать из редкого, как сито, заслона, спешно перебрасывая еще только формировавшиеся части с запада, где они были оставлены на случай постоянной немецкой угрозы. В дальнейшем большевики почти всегда испытывали крайний недостаток в резервах, с помощью которых можно было бы ликвидировать опасность, возникавшую то на одном, то на другом конце страны. В этом смысле обширность российских просторов, смягчавшая тяжесть и стремительность ударов и дававшая возможность маневра, была одним из факторов победы. Отсюда значение и драматическая ответственность стратегических решений сосредоточить главные силы то на юге, то на востоке, то на одном направлении, то на другом. Подлинного превосходства в силах, необходимого для окончательного успеха, удалось достичь лишь в 1919 г., когда была воссоздана коалиция с середняком, пускай даже возвращавшимся к ней с неохотой. История этого пути, пути к победе, и цены, которую за нее пришлось заплатить, требует анализа некоторых других аспектов.

VIII. СХВАТКА С ИМПЕРИАЛИЗМОМ

Иностранная военная интервенция

Конфликт между революцией, с ее провозглашенными целями, и международным империализмом вылился в России в гражданскую войну, войну, как скажет Ленин, «против всемирного капитала»[1]. Именно это с течением времени определило ее характер как всемирного столкновения двух эпох и двух мировоззрений. В известной степени политическая теория большевиков подготовила их к этому испытанию. Но то, что прежде выступало чисто теоретическим предвидением, большевикам пришлось воплощать — и к тому же в условиях куда более трудных, нежели они предполагали, — в детально разработанные меры борьбы с совершенно определенным противником в лице держав, армий, флотов, дипломатий, органов пропаганды — одним словом, против целой разветвленной общественной и международной структуры. Уже схватка с германским милитаризмом чуть не сломила их. Начиная со второй половины 1918 г., по мере того как мировая война близилась к завершению, вперед выступил другой, не менее грозный противник.

Вооруженное вмешательство держав Антанты в дела России нарастало постепенно. Вопрос о нем встал на повестку дня сразу после Октября. После Брест-Литовска замысел уточнился и наконец обрел в чехословацком корпусе свою главную военную силу. Интервенция носила разные формы. Летом 1918 г. наиболее внушительный десант высадился на севере, где был создан обширный опорный оперативный район англо-франко-американских войск, простиравшийся от Мурманска до Архангельска, и в Сибири, где выгрузились многочисленные японские войска и некоторые американские части. Правда, тогда, да и в дальнейшем, численность английских, американских, французских и итальянских войск была невелика, во всяком случае, недостаточна для проведения каких-либо широкомасштабных операций и куда менее внушительна, чем те цифры, которые конфиденциально доводились до сведения белых генералов и других антибольшевистских деятелей. Подобная внутренняя слабость интервенции была обусловлена глубокими причинами. Однако она компенсировалась расширением технической, экономической и политической помощи. Державы Антанты взяли на себя снабжение контрреволюционных армий военным снаряжением, разместили при их штабах своих офицеров и непосредственно занялись организацией в единый лагерь всевозможных антисоветских течений.

В первых числах ноября 1918 г. мировая война завершилась поражением центральных держав, что привело к возникновению нового фактора. Германия капитулировала, успев, правда, последним дипломатическим актом разорвать отношения с Советской Россией. Оконча-

ние войны имело для большевистского правительства и положительные, и отрицательные последствия. В военном отношении обстановка изменилась не намного, ибо остававшиеся на западных рубежах советские войска были весьма немногочисленны. Если что-то и вызвало энтузиазм в осажденной молодой республике, то не сам по себе исход войны, а первые восторженные сообщения о революции, вспыхнувшей тем временем в Германии. Мрачные опасения тех месяцев мгновенно сменились радужными надеждами. В первых телеграммах из Германии говорилось о возникновении там Советов восставших рабочих и солдат[2]. 13 ноября Советское правительство аннулировало Брестский договор, а вместе с ним и не менее тяжкое дополнительное соглашение, подписанное в Берлине в августе. В одно мгновение большевики избавились от ярлыка антипатриотизма, так сильно вредившего им на протяжении предыдущух месяцев. Их гипотеза о русской революции, которая может привести к социализму, включившись в более широкий, всемирный поток, с минуты на минуту должна была подтвердиться. Это сказалось и на промежуточных партиях, меньшевиках и эсерах: именно с этого времени они почувствовали на себе первые удары белых. Таков был второй важный фактор, который наряду с первыми военными успехами и вскоре начавшимся переходом крестьян на сторону большевиков укрепил их положение в период жесточайшего летнего кризиса.

Но окончание войны имело и отрицательные последствия для Советской России. Не связанная больше военными действиями на Западном фронте, Антанта могла теперь осуществить более широкую интервенцию. Ее флот вошел в Черное море. Французы оккупировали города Херсон, Николаев и Одессу. В начале 1919 г. около 130 тыс. военнослужащих Антанты находились в Сибири и 23 тыс. — на севере. Англичане захватили плацдармы по обоим берегам Каспийского моря. «Русский вопрос» сделался одной из главных тем на Парижской мирной конференции. Большевистское правительство было постепенно поставлено в условия полной международной изоляции. Из России отозвали сначала послов, потом и всех других дипломатов. Путем нажима на правительства нейтральных стран (Швеции, Дании) их также вынудили отозвать своих послов, все еще остававшихся на месте, хотя и без официального статуса. Были лишены прав и вынуждены вернуться в Россию те немногие, также не пользовавшиеся официальным признанием делегаты: Литвинов — в Лондоне, Воровский — в Стокгольме, Суриц — в Копенгагене, позже Мартенс — в США. Был наложен секвестр на советские суда, с помощью которых осуществлялись первые весьма скромные операции товарообмена с заграницей. Экономическая блокада сомкнулась вокруг страны, остро нуждавшейся во всем — от продовольствия до медикаментов.

Начиная с осени 1918 г. развернулась интервенция, обнажившая враждебность, которую руководящие круги Антанты питали к новой, революционной власти в России. «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, — говорилось в запис-

ке Генерального штаба главного командования армиями Антанты, — она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами»[3]. При практическом проведении этого курса возникали разногласия, но цели его оставались одни и те же. Основным мотивом интервенции был страх, что из России революция распространится на всю измученную войной Европу. «Фанатичные революционеры, мечтающие о завоевании всего мира силой оружия» — так охарактеризовал большевиков английский премьер-министр Ллойд Джордж[4], а ведь он был одним из политиков, наиболее осторожно настроенных по отношению к новой авантюре. Выражаясь современным журналистским языком, можно сказать, что тогда тоже были «ястребы» и «голуби», в равной мере исполненные решимости ликвидировать большевиков. Самыми неистовыми были французские деятели во главе с Клемансо. У англичан недоверчивая осторожность Ллойд Джорджа уравновешивалась воинственностью тогдашнего военного министра Черчилля, который неизменно призывал к самым энергичным действиям. В то же время противоположность интересов сталкивала между собой ведущие державы, особенно Соединенные Штаты и Японию, причем большевики искусно использовали эти конфликты[5]. Но все это не мешало координировать усилия (другое дело, что координация эта плохо удавалась) для удушения Советской России. Тяжелая ответственность лежала на всех участниках интервенции. Итальянское правительство поддерживало оголтелую позицию французских лидеров. Англия, как уже тогда отмечал Чичерин, душа и стержень коалиции, стремилась примирить противоположные интересы Вашингтона и Парижа[6].

Аналогии с военным нажимом, который в свое время пришлось испытать Французской революции, проводились тогда так часто, что регулярные ссылки на этот прецедент мы находим в отчетах о заседаниях британского кабинета и в речах премьер-министра[7]. Более интересным, с нашей точки зрения, представляется иное: для интервенции в России были характерны особые отличительные черты, сближающие ее с некоторыми последующими конфликтами такого рода в нашем столетии, и не в последнюю очередь с войной во Вьетнаме. Прежде всего это была необъявленная война, что позволяло участвовавшим в ней странам обходить конституционные процедуры, необходимые для развязывания вооруженного конфликта. Слово «война» вообще не произносилось вслух; сам Черчилль позже иронизировал по этому поводу. Отрицалось даже, что речь идет о вмешательстве. Самое большее — это была «помощь», необходимая как для «установления демократического правительства», так и для того, чтобы дать местным правительствам время «выстоять против большевиков».

Впоследствии и политики, и историки стран, участвовавших в интервенции, весьма пренебрежительно отзывались о лидерах российских антибольшевистских организаций, называя их бездарностями,

не способными объединиться и сплотить силы, достаточные для победоносного наступления. Это были, действительно, посредственные политики. Но это была не только их вина. Убеждаясь в малой эффективности их проектов, «союзники» начинали принимать собственные меры: они рекомендовали или навязывали политические решения, действуя в стране, которую не знали, в условиях революции, о которой им было известно еще меньше. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют документы той поры. Если на совещании в сентябре 1918 г. в Уфе они осуществляли нажим преимущественно закулисно, то на аналогичном совещании, состоявшемся два месяца спустя в румынском городе Яссы (все с той же целью придать белым видимость широкой политической представительности), их генералы выступали уже «от первого лица»[8]. Направляя действия Юденича на северо-западе, они пытались сами формировать правительство[9]. Эфемерное возвышение Колчака поддерживалось и поощрялось ими настолько, что он — единственный среди белых вождей — пользовался почти официальным дипломатическим признанием: еще в 1917 г. многие представители «союзников» были убеждены, что России нужна сильная рука диктатора. Однако созданию единой коалиции мешали их собственные противоречия. Тот же Колчак так и не смог распространить свою власть на всю Сибирь, потому что на Дальнем Востоке японцы поддерживали и содержали собственных атаманов — самым известным среди них был Семенов.

Не менее серьезными были внутренние факторы, определявшие слабость держав Антанты. Иначе невозможно объяснить, почему, обладая таким превосходством в силах, они не смогли победить. Доставленные в Россию солдаты так и не поняли, с какой целью их посылают в такую даль после того, как война уже закончилась. Во французских частях на юге и на кораблях французского флота в Черном море вспыхнули бунты, и оккупационные войска уже через несколько месяцев пришлось выводить оттуда. На севере тоже назревали мятежи[10]. Если в войсках интервентов вначале и жила иллюзорная вера, будто они прибыли как «освободители», то при первом же соприкосновении с действительностью она рассыпалась в прах.

Во всех оккупированных городах смело действовало сильное большевистское подполье; не считаясь с риском и жертвами, оно сумело развернуть действенную пропаганду в иностранных войсках. И в городе, и в деревне интервенты были непопулярны. Главные контингенты высаженных войск лишь изредка могли использоваться по назначению, то есть в боевых операциях. Исключение составляли чехословаки, повернувшие оружие против большевиков, считая, что тем самым они способствуют победе над немцами, рождению чехословацкого государства и скорейшему возвращению на родину. Но по мере того, как солдаты более ясно видели, что их используют совсем для иных целей, в их рядах также усиливалось разложение, а это ускорило и поражение Колчака.

В самих «союзных» странах отношение к интервенции было мало-благожелательным, а то и откровенно неприязненным. В этом отдавали себе отчет даже сами послы старой России, еще продолжавшие сидеть на своих прежних местах и всеми средствами добивавшиеся активизации вмешательства в дела Советской России[11]. Несмотря на пропагандистскую кампанию, изображавшую «большевистскую гидру» в самом гнусном обличье, общественное мнение не было единым по этому вопросу. А ведь дело доходило, например, в конгрессе США до серьезной дискуссии, действительно ли большевики, эти чудовища, вчера описывавшиеся как немецкие агенты, а сегодня представленные на французских плакатах как «люди с ножом в зубах», намерены осуществить на практике «социализацию женщин»! В 1919 г. родилось и в 1920 г. достигло максимального размаха движение против интервенции под лозунгом «Руки прочь от России!». Родившийся в социалистических и леворадикальных кругах, открыто сочувствовавших революции, этот лозунг быстро стал популярным в широких слоях интеллигенции, среди избирателей массовых партий. Демократическая идеология таких партий приходила в непримиримое противоречие с самой природой этой войны.

Угроза расчленения страны

Лишенные возможности широко и непосредственно использовать свои войска, правительства Антанты сделали ставку на разного рода националистические движения, а также на маленькие государства, которые образовались или могли образоваться вдоль окраин прежней России после краха старых империй: габсбургской, царской, оттоманской. При этом неважно было, идет ли речь о целых нациях, этнических группах или просто группах сепаратистов, как в случае с казачеством или некоторыми группировками в Сибири. Антанта не прекращала попыток заставить сражаться против большевиков не только белых, но также финнов, прибалтов, поляков, румын, украинцев, народы Закавказья и т. д. Тем самым ее вмешательство приобретало более четко выраженный антирусский характер, являясь попыткой рассечь страну на части, отторгнуть от нее наиболее богатые районы, искусственно стимулировать формирование крошечных государственных образований, над которыми неизбежно был бы установлен иностранный контроль (не случайно вслух обсуждались варианты провозглашения протектората)[12].

Это повлекло за собой серьезные последствия. С одной стороны, борьба, которую возглавляли большевики, по крайней мере отчасти, стала окрашиваться в общенациональные тона. С другой — усилила кризис и в без того слабом блоке белых. Ведь не имея возможности в силу своей социальной разнородности вести войну под простым лозунгом реставрации, этот блок вынужден был взывать по крайней мере к России, мало того, «к единой, великой и неделимой» России, как провозглашал Деникин. Большинство западных историков пола-

гают, что это была главная ошибка генерала. В самом деле, его глухота к национальным чаяниям любых нерусских народностей порождала в тылу его армии на юге конфликты и восстания, ускорявшие его собственное поражение. Возникавшие мелкие государства, даже выступая против большевиков и объявляя им войну, не испытывали никакого желания воевать всерьез из опасения способствовать восстановлению старой Российской империи. Впрочем, никем пока не доказано, что коалиция, подобная существовавшей в воображении западных правительств, была бы хоть на каплю более жизнеспособной, окажись во главе ее другой генерал, не похожий на Деникина.

При крайней скудости имевшихся у большевиков средств, они все же сумели воспрепятствовать укреплению этой коалиции. Для этого они использовали, в частности, только что народившуюся дипломатию, формирование которой началось в Брест-Литовске. Одно имя в особенности связано с ней — имя Чичерина, практически первого народного комиссара по иностранным делам Советской России, остававшегося на этом посту в течение целого десятилетия. Выходец из знатной дворянской семьи, образованнейший человек, аскет и толстовец, потом меньшевик и, наконец, большевик, он был неутомимым тружеником, способным без остатка отдавать себя одному делу. Он не принадлежал к кругу высших партийных руководителей, но советская дипломатия многим обязана ему. Его политика действительно была «ленинской политикой», как говорили тогда и как он сам писал в своих воспоминаниях[13].

Для проведения дипломатических акций Ленин и Чичерин использовали лишь самые скудные средства: ноты протеста, обращения к народам, предложения мира — все это просто передавалось по радио, причем не было даже возможности узнать, достигли ли они тех, к кому были обращены, и как были восприняты[14]. Иностранные газеты и те приходили в Москву от случая к случаю. Реакцией на интервенцию были вначале негодующие и обличительные послания. (Типичный образец — наполненная сарказмом нота, направленная в октябре 1918 г. президенту Вильсону. «Какой именно дани требуют от русского народа» правительства стран «союзников», говорилось в ней презрительным тоном, каким подвергнувшийся бандитскому нападению человек предлагает грабителю забрать кошелек и оставить его в покое[15].) В дальнейшем определились две линии действия. Первая заключалась в стремлении использовать любые противоречия, какие только могли возникнуть между многочисленными противниками. Вторая — играть на экономических интересах других держав. Им предлагались даже значительные выгоды ради того только, чтобы ослабить внешнее давление, которое в любой момент могло оказаться роковым. Им предлагали поставлять сырье, говорили о возможностях размещения капиталов, концессиях на разработку определенных видов природных богатств. Весной 1918 г., когда Ленин еще надеялся найти выход в организации

государственного капитализма, подобные идеи лежали в основе предложений, адресованных как Америке, так и Германии[16]. Ленин и Чичерин вновь выдвинули их в период самой глухой изоляции, когда их предложения могли показаться чуть ли не пустословием. Пойдя на частичный пересмотр собственных позиций, они соглашались даже обсудить вопрос о возможности уплаты дореволюционных займов, уже объявленных аннулированными.

Это была горькая дипломатия. Особенно долго большевики надеялись на меньшую враждебность со стороны Соединенных Штатов. Потом пришлось расстаться и с этой надеждой. Шанс на мир с Антантой обрисовался было в период между концом января и первой половиной марта 1919 г. В разгар Парижской мирной конференции президент Вильсон высказал рекомендацию, переданную затем Советскому правительству, созвать на принадлежащих Турции Принцевых островах встречу с участием всех правительств и всех вооруженных сил, сражавшихся в России. Вторично вопрос этот был затронут в связи с миссией молодого американского дипломата Буллита, который приехал в Москву примерно с теми же предложениями. Ленин тогда продемонстрировал готовность принять еще более обременительные условия, нежели те, что были подписаны на переговорах с немцами в Бресте. При заключении мира должна была получить признание фактическая власть всех возникших на территории бывшей Российской империи правительств на те земли, которые оказались под их контролем. Большевикам, следовательно, оставалось немного. И все же, хотя и на этот раз в партии высказывались возражения и недоумения, таких яростных споров, какие вызвал Брест, не было [17]. Впрочем, в это время Колчак перешел в наступление, и Вильсон и Ллойд Джордж утратили всякий интерес к этой инициативе, убежденные, что теперь-то уж большевики будут ликвидированы.

Но и такая тягостная дипломатия не была бесполезной. Во второй половине 1919 г. Ленин и Чичерин сосредоточили внимание на маленьких государствах, образовавшихся к западу от их рубежей. Первой на ведение переговоров о мире согласилась в декабре Эстония: договор подписали 2 февраля 1920 г. Брешь была пробита: на протяжении года последовали договоры с Литвой, Латвией и Финляндией. Советская дипломатия одержала свой первый успех.

Третий Интернационал

Эта внешняя политика, не вышедшая еще из младенческого возраста, развивалась вместе с тем в кругу концепций, далеких от традиционных основ дипломатии. Партия большевиков всегда рассматривала собственную революционную борьбу в международном контексте. Даже в Декрете об организации Красной Армии говорилось, что она «послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе»[18]. И именно в условиях трагической изоляции гражданской

войны такой взгляд приобретал свою непосредственную — и неповторимую — конкретность, обусловленную самим характером интервенции. Мы, говорил Ленин в конце 1919 г., всегда рассматривали себя «только как один из отрядов международной армии пролетариата, причем такой отряд, который выдвинулся вперед вовсе не в меру своего развития и своей подготовки, а в меру исключительных условий России...»[19]. Он говорил об этом и во времена Бреста, но теперь у его слушателей уже не было иллюзий брестской поры.

Оставались, однако, по-прежнему трудности, обусловленные запаздыванием европейской революции. 1919 г. — год быстрой смены восторгов и разочарований. Развитие революционной борьбы в Германии не оправдало первых ожиданий. Советские призывы к новому братскому согласию между двумя странами были холодно встречены социал-демократическими лидерами, пришедшими к власти в Берлине и озабоченными главным образом тем, чтобы не вызвать чрезмерной враждебности со стороны держав-победительниц. Убийство вождей-спартаковцев Карла Либкнехта и Розы Люксембург, только что перед тем основавших в Германии коммунистическую партию, вызвало ярость в рядах большевиков. Но и тогда они не поддались отчаянию. В марте советская революция победила в Венгрии. Ленин помышлял даже о таком планировании военных операций на Украине, при котором можно было бы наладить скорейший контакт с венграми[20]. В апреле Советская республика была провозглашена в Баварии, но вскоре подавлена. В Венгрии советский строй продержался лишь 133 дня: затем он пал под ударами румынской армии, поддержанной Антантой. Однако рабочее движение со своими требованиями и забастовками приобрело в Европе доселе невиданный размах. Русская революция притягательно действовала на массы, ощущавшие на себе бремя войны и ее последствия. Идея Советов распространялась все больше. «Сделать, как в России», — говорили итальянские рабочие.

Но исход схватки оставался по-прежнему неясным, особенно в Германии. Его неопределенность большевики приписывали оппортунизму и предательству социал-демократических вождей. Подобные обвинения из уст большевиков уже были привычными: опыт предыдущих лет убеждал их, что речь идет о бессилии социалистических партий. Отношения этих партий с большевиками несколько улучшились после известий о ноябрьской революции в Германии, но затем резко ухудшились, когда выяснилось, что германские социал-демократы остаются, по существу, на позициях, враждебных Советскому правительству Москвы и наиболее радикальным требованиям самих немецких рабочих. Но этим дело не ограничилось. Среди большевиков тогда возникла тенденция, которой не остался чужд даже Ленин: рассматривать развитие революции в Германии на основе российского опыта и даже в соответствии с теми же календарными сроками[21].

Представления о своей борьбе как борьбе, выходящей за рамки государственных границ Советской России, нашли практическое отраже-

ние в двух областях: собственно международной деятельности и национальной политики в пределах бывшей Российской империи. Тогда эти две области почти не различались; в этом-то и состоит одна из наиболее существенных отличительных черт этого периода. Однако мы все же рассмотрим их по отдельности. Это важно как с точки зрения преимуществ анализа, так и для прослеживания их различного развития в будущем.

Идея создания нового, III Интернационала после краха II обсуждалась большевиками еще с начала войны. Ленин вновь настойчиво выдвигал ее в 1917 г. в «Апрельских тезисах». Этот процесс был ускорен в конце 1918 г., когда по окончании войны на Западе стали предприниматься первые попытки оживить II Интернационал. Ядро новой организации уже существовало в лице русских большевиков и германского «Союза Спартака». Вокруг них требовалось сгруппировать все левое крыло всемирного социалистического движения. 1 марта 1919 г. в Москве состоялась конференция, на которой, несмотря на колебания немцев, было объявлено о рождении новой организации — Коммунистического Интернационала (коммунистической начиная с VII съезда стала называть себя и партия Ленина, оставившая в скобках свое прежнее название «большевиков»).

Учредительный конгресс в Москве не ограничился лишь актом образования III Интернационала, который должен был вдохнуть жизнь в международное коммунистическое движение. На конгрессе был также одобрен тезис о «диктатуре пролетариата» (в его ленинском толковании «новой, пролетарской демократии», противостоящей «буржуазному парламентаризму») как отличительной черте подлинно революционной стратегии, которая должна привести к ниспровержению и разрушению старого государственного аппарата[22], подобно тому как это произошло в России. В тот момент именно в этом заключалась одна из главных задач Ленина, именно по этому вопросу он полемизировал с Каутским. Ленин опасался, что в революционной ситуации, с неизбежностью обусловленной войной (в том, что эта революционная ситуация назрела, никто не сомневался), не окажется достаточно сознательной и решительной политической силы для руководства революцией.

Во многих исследованиях указывается на тот факт, что 52 участника I конгресса обладали недостаточной международной представительностью. Это правда: многие делегаты не смогли приехать в Москву; другие добрались с большим трудом[23]. Многие из присутствовавших были представителями нерусских наций, входивших в старую царскую империю: эти люди либо уже состояли в большевистской партии, либо были близки к ней. Подобное обстоятельство не могло, однако, остановить русских коммунистов. Ведь они и самих себя рассматривали как «партию международного пролетариата». Очень пестрым был национальный состав их главных руководителей. В боях революции и гражданской войны они не поколебались вооружить иностранцев, неважно, были ли те военнопленными или рабочими-

эмигрантами, китайцами или австрийцами, хорватами или курдами — все они были наделены полнотой гражданских прав[24]. В партии образовалась федерация иностранных групп, которая имела свои подразделения в Красной Армии и активно вела пропаганду среди солдат оккупационных войск. Столь же активно она участвовала в подготовке нового Интернационала.

Из этих же предпосылок исходили большевики и в национальной политике. Обсуждение этой политики составило один из пунктов дискуссии по партийной программе на VIII съезде РКП(б), который открылся в Москве через несколько дней после основания Коминтерна. Ленинский тезис о самоопределении вплоть до отделения оспаривался на съезде самим докладчиком — Бухариным. Он соглашался признать требования государственного отделения только в тех случаях, когда они исходили от трудящихся определенной нации или колониальных народов Азии и Африки, где пролетариат еще не сложился как класс. Требования же, выдвигаемые буржуазией, Бухарин отвергал. Ленин в ответ заметил, что в действительности различия между классами не так просты, как может показаться[25].

Вместе с тем теоретический спор теперь сочетался с практикой, которая во многих отношениях осложняла и опережала его. Российская империя развалилась, но борьба ее народов уже сливалась с борьбой народов далеких от нее стран. В марте 1919 г. Ленин утверждал, что «основание III, Коммунистического Интернационала есть преддверие интернациональной республики Советов...»[26], а в мае добавил, что «новое, третье, «Международное общество рабочих» стало *уже теперь совпадать,* в известной мере *с Союзом Советских Социалистических Республик*»[27]. Страна билась еще в тисках гражданской войны, но в это же время Венгрия и Бавария провозглашали себя советскими республиками.

Другие советские республики рождались на территории старой империи. В конце 1918 — начале 1919 г. была возрождена Украинская Советская Республика («народная республика», провозглашенная большевиками в конце 1917 г., прекратила существование по Брестскому миру) со своим «временным рабоче-крестьянским правительством» и начиная с марта 1919 г. со своей собственной Конституцией. Советские республики были образованы также в Эстонии (точнее, Эстляндии, как ее называли первое время), Латвии, Литве и Белоруссии (две последние объединились в феврале 1919 г.). Правительство в Москве признало за каждой из них независимость. Советская автономная республика существовала с весны 1918 г. в Туркестане, но ее сношения с Москвой осуществлялись нерегулярно из-за переменчивой обстановки на Восточном фронте. В марте 1919 г. была признана Башкирская Автономная Республика, включившая мусульманское население восточной части Поволжья, за которое в то время боролись колчаковцы и большевики.

Все западные районы бывшей империи (о перипетиях борьбы в восточных частях страны мы скажем позже) раздирались конфлик-

том между интернационалистским социализмом большевиков и антисоциалистическим национализмом местной буржуазии. В одних районах преобладало одно течение, в других — другое. Первое, например, было сильнее в Латвии и слабее в Эстонии. Национализм был более выражен на Украине, или по крайней мере в ее западной части, нежели в Белоруссии. Но участь их решалась не мирной процедурой самоопределения и даже не на основе местного соотношения сил: все зависело от исхода войны, которая была международной в такой же мере, как гражданской, и которая — как по концепции большевиков, так и по масштабам интервенции — уже вышла за пределы бывшей Российской империи.

В Прибалтийских странах правительства национальной буржуазии насаждались немцами. По окончании первой мировой войны поддержку, которую раньше им оказывал Берлин, теперь стал оказывать Лондон, опиравшийся на британский флот и экспедиционный корпус интервентов. Эстония стала для русского генерала Юденича базой военных операций, нацеленных на Петроград и Москву. В Латвии, где и прежде было сильным влияние крупнопоместной немецкой знати, Антанта ради победы над большевиками обратилась за помощью к войскам самоуверенного прусского генерала фон дер Гольца. Эстонское и латышское Советские правительства опирались в своем наступлении не только на сочувствие местного населения, но также на содействие Красной Армии, в рядах которой сражались их национальные части. Куда более сложным было положение на Украине. Но и здесь чувствующие свою слабость местные националисты, прежде опиравшиеся на Германию, начали заискивать перед Францией и добились (на очень обременительных условиях) ее поддержки. Когда и эта опора зашаталась, они обратились к Польше. Едва обретя независимость, эта страна двинула свои еще слабые войска в Белоруссию.

Война, по сути, была одна, но имела различный облик. Советские республики, хотя и провозгласили независимость, в мае 1919 г. решили по инициативе Центрального Комитета большевистской партии перейти к «строжайшей централизации в распоряжении всеми силами и ресурсами». На практике это означало введение единой армии и единого командования, единых органов управления хозяйством, единых финансов, единых железных дорог и единых «комиссариатов по труду»[28] — необходимость, навязанная войной в не меньшей мере, чем необходимость искоренения «проклятой памяти партизанщины»[29]. Но была здесь и оборотная сторона, питавшая и усиливавшая местный национализм, особенно там, где у него имелась более серьезная база или внушительная поддержка извне. Это было тем более опасно в тот момент, когда Антанта стремилась сплотить все силы в коалицию против осажденного в Москве Советского правительства. В самом деле, разве мало было тогда людей, которые видели в Красной Армии простое орудие возвращения к великой России?

Война с Польшей

К концу 1919 г. Ленин с его, по словам Чичерина, «бесподобной гибкостью и политическим реализмом» пришел к выводу, что «надо считаться с фактом окончательного образования рядом с нами буржуазных национальных республик». «Это был снова, — продолжал Чичерин, — поворотный пункт нашей внешней политики», второй после Бреста[30]. Утверждение, что и в этом случае речь шла о самоопределении, выглядело в глазах большевиков, учитывая к тому же их недавние дебаты, весьма спорным. Тем не менее столкновений на этот раз, видимо, не было. Ленин предусмотрительно указал в декрете, что право на «отделение» должно признаваться без ограничительных условий. А это значило также согласие с тем, чтобы оно осуществлялось враждебной политической силой, причем и в том случае, когда она опиралась на внешнюю помощь. Таков, например, был, если отвлечься от политико-дипломатических формул, смысл мира, заключенного с буржуазной Эстонией.

Однако уже в скором времени обнаружилось, что подобное решение не было ни самым легким, ни наиболее созвучным стремлениям большевиков. Интриги Антанты с целью заставить воевать против Советской России государства-лимитрофы весной 1920 г. привели к затягиванию войны еще на год. Главным действующим лицом выступила на этот раз Польша, опиравшаяся на поддержку Франции. Едва родившись, польское государство обнаружило огромные территориальные притязания: оно стремилось не к восстановлению национально-этнических границ, но к захвату тех куда более обширных пространств, которые находились под контролем Польши в моменты ее наибольшего могущества. Варшавское правительство, не считаясь даже с тем, что по данному пункту его не поощряют западные державы, сделало ставку на утверждение собственной гегемонии в группировке государств, которая должна была включать также Украину и Литву и бороться против большевизма[31]. С этой целью оно заключило соглашение с украинским националистическим движением Петлюры. Для самого Петлюры это означало политическую смерть, ибо польских помещиков на Украине настолько ненавидели, что в прошлом местный национализм носил скорее антипольский, нежели антирусский характер. Для новых правителей в Варшаве это был лишь дополнительный козырь в дипломатической игре. Они отвергли предложения о мире, выдвинутые Советским правительством, и в апреле развернули наступление. В результате их войска захватили Киев.

Польское наступление вновь разожгло уже угасавшую гражданскую войну. Белые были еще активны в различных окраинных районах страны. Самую внушительную силу представляли собой остатки армии Деникина, укрепившиеся в Крыму под командованием прибалтийского барона генерала Врангеля. Врангелевские части перешли в наступление на Южной Украине в надежде на соединение с бело-

гвардейскими войсками, рассеянными на Дону и Кубани. Над Советской Россией вновь нависла опасность. Но несмотря на безграничную усталость населения, обстановка была уже не та, что годом раньше. Теперь имелась многочисленная и достаточно организованная армия. К тому же польская агрессия вызвала новый прилив патриотических чувств, а это было на руку большевикам. Самым сенсационным выражением этого порыва явилось предложение им услуг со стороны нескольких известных царских генералов.

Красная Армия успешно отразила наступление польских войск, и они были вынуждены отступить. Отступление приобрело характер общего бегства. Английская дипломатия, взяв на себя инициативу, предложила «этническую» границу между двумя странами (знаменитая «линия Керзона», по имени тогдашнего британского министра иностранных дел). Но большевиков интересовала революционная борьба, а не урегулирование границ. Когда дебатировался вопрос, преследовать ли поляков по ту сторону «линии Керзона», то между партийными руководителями не возникло принципиальных разногласий. Были лишь расхождения в оценке зрелости революционного движения в Польше и «за нею», в Европе. Некоторые деятели, в частности Троцкий и Радек, высказывались против продолжения наступления только потому, что скептически смотрели на его политические последствия[32]. Был образован Польревком — зародыш правительства, в состав которого вошли большевики польского происхождения. Вначале советское наступление развивалось легко и проникло далеко в глубь страны. Но и в момент максимального успеха в мирных условиях московского правительства содержались требования не территориальных приращений, а образования в Польше вооруженной рабочей милиции[33]. В знаменитом обращении Троцкого к войскам был отдан приказ взять Варшаву: по ту сторону польской столицы большевикам уже виделось соединение с немецкими революционерами.

Однако именно в этот момент Красная Армия была отброшена: она отступала столь же стремительно, сколь и стремительно наступала. «Катастрофа», как назвали это отступление, была отчасти обусловлена военными ошибками (позже они стали предметом долгих споров между историками). Она явилась также причиной первого публичного столкновения между Троцким и Сталиным, которого считали виновником некоторых из этих ошибок. Тем не менее главной причиной неудачи был политический просчет. Ни польские рабочие, ни польские крестьяне не поднялись на восстание. Правда, некоторые из них симпатизировали красным, но фактором, сыгравшим решающую роль, было пробуждение национального духа. Некоммунистические польские партии объединили свои усилия, навербовали волонтеров в армию и сумели провести мобилизацию. Тем временем из Франции прибыло оружие. Национализм одержал явную победу.

Надвигалась осень, и руководители большевиков опасались еще одной военной зимы. Было принято правильное решение сосредото-

чить усилия Красной Армии против Врангеля. Стремительное наступление, не остановившееся перед естественными преградами, закрывавшими доступ в Крым, опрокинуло врангелевские части. В ноябре белогвардейских войск больше не существовало: последние остатки их были либо рассеяны, либо в панике бежали на последних судах из портов Черного моря. Польша тем временем пошла на заключение перемирия. В марте 1921 года был заключен договор о мире, по которому новая граница к выгоде для Польши прошла к востоку от «линии Керзона». К польским землям были присоединены обширные украинские и белорусские районы.

Революция и остальной мир

Гражданская война, по существу, окончилась. Прекратилась также интервенция. Советская Россия ценой неслыханных страданий приобрела право на существование. Великие державы — победительницы в мировой войне — не смогли поставить ее на колени. С точки зрения своих главных целей интервенция окончилась поражением. Однако ей удалось блокировать наступление социализма в Европе. В задачи работы не входит анализ причин, по которым революционный процесс не пошел дальше. Во всяком случае, интервенция в России — одна из главнейших.

1920 г. был также годом, когда антивоенное движение достигло максимального размаха и в Европе, и в Америке. Международная солидарность в значительной степени способствовала советской победе. Природа ее, однако, была двойственной: одни вдохновлялись революционными идеалами, другие исходили из пацифистских и гуманных целей. Многие участники этой кампании в первую очередь подчеркивали те ужасные условия, в которые была ввергнута Россия.

Движение, родившееся в 1917 г., замкнулось в свои начальные пределы, свелось к масштабам национального явления. Вдоль всей западной границы Советской России был создан «санитарный кордон» — цепь государств, которые долго еще будут нести на себе националистический и антисоциалистический отпечаток. Этот кордон составлял существенную часть «версальской системы» — нового международного уклада в Европе, названного по городу, где был подписан мирный договор с Германией.

Между тем во всемирном масштабе начатый Октябрем процесс вовсе не прекратился. В разгар наступления Красной Армии на Варшаву в Петрограде, а затем в Москве заседал II конгресс Коминтерна. По числу и составу участников — 217 делегатов от 67 организаций из 37 стран[34] — он знаменовал подлинный качественный скачок в жизни этой организации, фактически ее подлинное рождение. С этого момента Коминтерн смог образовать и настоящий международный аппарат.

Накануне конгресса Ленин уже задавался вопросом о том, какие черты русской революции имели международное значение. И отве-

чал: лишь «некоторые основные черты», которые к тому же следовало приспосабливать, применять «к национальным и национально-государственным различиям»[35]. Ленин подчеркивал это обстоятельство в первую очередь для того, чтобы опровергнуть самые экстремистские, левацкие толкования революционного опыта, которые уже распространились за границей и которым была посвящена его знаменитая работа «Детская болезнь“левизны” в коммунизме». Тем не менее многие большевики, да и их гости, в Москве склонны были считать практически верным для каждого и, следовательно, подлежащим непосредственному усвоению почти все то, что проделано в России. Их вполне можно понять: престиж российской революции, сумевшей выстоять перед чудовищной коалицией империалистов и сохранить верность знамени радикального преобразования общества, был чрезвычайно высок в рабочем движении.

Восстановление II Интернационала продвигалось с трудом. Коминтерн становился «до известной степени модой»[36]. К Москве обращались чуть ли не все социалистические партии. Главная забота большевиков состояла поэтому в том, чтобы закрыть в него доступ реформистам и центристам, то есть нереволюционному крылу движения, а также придать самому движению характер единой всемирной партии со своим сильным центром[37]. Отсюда знаменитое «21 условие» принятия партий в новый Интернационал. Иностранные делегаты сформулировали эти условия еще жестче, чем большевики. Между тем уже в их первой редакции чувствовалось большое влияние русского опыта. Достаточно обратить внимание на строки, в которых говорилось, что «классовая борьба почти во всех странах Европы и Америки входит в полосу гражданской войны» и что в каждой партии должна «господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной...»[38].

Эти же самые факторы обусловливали идейную и организационную гегемонию большевиков в Коминтерне. То, что представляло собой смелое развитие марксизма в совершенно оригинальной социальной и национальной обстановке и к чему с недоверием относились наиболее догматично настроенные марксисты за границей, постепенно превращалось в новую ортодоксию. Наряду с этим недостатком (он тогда практически не осознавался) имелась и огромная выгода. Идеи, созревшие во время советского революционного опыта, получили широкое распространение. А поскольку эти идеи действительно несли в себе богатство теории и действия не только местного значения, они раскрывали перед рабочим движением всего мира новые горизонты, придавая ему масштабность мышления. Навсегда ушли в прошлое времена, когда на международных конференциях российский социалист, как, например, Плеханов, мог услышать обращенный к нему вопрос, правда ли, что в городах его страны «медведи ходят по улицам»[39]. II конгресс Коминтерна обсудил также «аграрный вопрос» и «национально-колониальный вопрос» — темы, которым предыдущий Интернационал никогда не

уделял сколько-нибудь серьезного внимания. В силу географических и исторических условий и благодаря ленинскому анализу империализма русская революция объединила Восток и Запад, хотя вплоть до этого момента ей приходилось обращать взоры преимущественно во втором направлении.

Отношения с Востоком

Во время гражданской войны и интервенции Советская Россия оказалась изолированной от Азии и Ближнего Востока не меньше, чем от Европы и Америки. Ее первые революционные послания за границу наталкивались на бесчисленные преграды. Известно, что английские власти в Индии позаботились о том, чтобы организовать перехват и не допустить распространения «крайне опасной прокламации» — уже упоминавшегося обращения 1917 г. к трудящимся мусульманам России и Востока[40]. В контакт с Россией не вступили даже такие страны, как Персия и Китай, хотя Советское правительство сразу заявило об отказе от «неравноправных договоров», навязанных им царизмом. Персию целиком оккупировали англичане, которые стремились установить там безраздельное господство. Когда Москва предприняла попытку послать туда своего первого представителя, молодого дипломата Коломийцева, белогвардейцы захватили и убили его[41].

В Китае милитаристское и прояпонское правительство Пекина поддерживало интервенцию. Еще весной 1920 г. оно не пожелало придать официальный характер миссии своего представителя генерала Чжан Цзолиня, прибывшего в Москву. Письма Чичерина вождю революции 1911 г. Сунь Ятсену, находившемуся в Кантоне, доходили с огромным опозданием[42]. Только на послание, отправленное из Москвы летом 1919 г. одновременно правительствам Пекина и Кантона, пришел, да и то не сразу, ответ с благодарностью от второго[43]. Именно под влиянием русской революции в Китае в 1918—1919 гг. возникли первые марксистские группы. Вместе с тем движение «Четвертого мая» (1919) в Пекине, которое уже несло на себе отпечаток этого влияния и позже стало рассматриваться как начало новой фазы китайской революции, не смогло найти значительного отклика в Москве, переживавшей тогда период самой глухой изоляции и войны[44].

Первой и единственной в то время страной, с которой Советская Россия установила дипломатические отношения, был Афганистан. Новый шах этой страны, враждовавший с англичанами, обратился к Ленину с посланием, величая его «Его Величество Президент Великого Российского государства»[45]. Фактически первые контакты с соседними странами Востока устанавливались главным образом изолированной Туркестанской Советской Республикой. В Азии и на Ближнем Востоке мировая война вызвала новую сильную волну национально-освободительного и антиколониального движения. Рус-

ская революция шла навстречу ему. Но подлинный контакт между ними еще не установился. Первой попыткой наладить его был съезд народов Востока. Большевики организовали его 1—8 сентября в Баку. Съезд этот был продолжением II конгресса Коминтерна. В Закавказье большевики вновь брали верх. В апреле Баку воссоединился с Советской Россией. На съезде присутствовал 1891 делегат, из которых 1273 были коммунистами. Из главных большевистских руководителей на съезде присутствовали председатель Коминтерна Зиновьев и Радек, а также вождь разгромленной венгерской революции Бела Кун. Крестьянам Востока они предлагали оружие для борьбы и Советы как политическую организацию для всех угнетенных[46]. На съездс, однако, не обсуждались собственно стратегические проблемы национально-освободительного движения в колониальных или промышленно не развитых странах. Преобладала скорее агитация в защиту главной идеи: слияния борьбы западного пролетариата и борьбы народов Востока в единое всемирное революционное движение против общего противника — империализма, в первую очередь английского. Проблемы эти были поставлены на II конгрессе Коминтерна, где завязалась дискуссия о роли «национальной буржуазии» в угнетенных странах и о целях крестьянских движений. В Баку же обозначилось, пожалуй, лишь возможное противоречие между чисто националистическими движениями и движениями с более прогрессивной платформой. Но все это были новые для социалистической мысли вопросы: им еще предстояло пройти испытание практикой.

IX. ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Выражением «военный коммунизм» большевики стали критически обозначать совокупность всех социальных и экономических мероприятий периода гражданской войны. Впервые этот термин употребил Ленин в одной из статей в апреле 1921 г.[1] Историки до сих пор спорят, в какой степени военный коммунизм был порожден потребностями войны и в какой, напротив, результатом целенаправленной программы ускоренного преобразования общества[2]. Ответ не может быть однозначным. Ясно тем не менее, что внешние обстоятельства играли решающую роль.

Если рассмотреть два основных решения, ознаменовавших начало военного коммунизма, — о реквизиции зерна в деревне и широкой национализации промышленности, — мы увидим, что по времени (май — июнь 1918 г.) они совпадают с чехословацким мятежом, то есть со вспышкой гражданской войны и интервенции. Трагическое отсутствие самого необходимого и требования, предъявляемые схваткой не на жизнь, а на смерть, ускорили этот процесс. Советская Россия была изолирована не только от внешнего мира и главных хлебных губерний, но и от источников топлива и большинства промышленных районов. Многие установки, принятые в этих условиях, еще весной 1918 г. не предусматривались ни Лениным, ни левой оппозицией.

Вместе с тем война была для большевиков прежде всего столкновением классов. Те или иные их шаги диктовались как необходимостью обеспечить оружием и боеприпасами армию, так и стремлением полностью подавить сопротивление буржуазии — и городской, и сельской. В этом смысле они не были ни простым продуктом обстоятельств, ни плодом импровизации, хотя в иных условиях, вероятно, могли быть избраны другие методы. Но и сами большевики полностью не осознавали тогда, где кончаются меры, вызванные чрезвычайными обстоятельствами, и где начинается планомерная работа по строительству нового общества.

Соглашения и конфликты с крестьянством

Важной составной частью гражданской войны была социальная и политическая борьба в деревне. Лето 1918 г. — период бурного роста комбедов и драматических конфликтов, которые они вызвали на селе. Комитеты эти были невелики — как правило, не более 3—5 человек. Советские историки определяют их численность в 100 с лишним тысяч[3]. Однако по происхождению своему они были скорее городскими, чем сельскими, ибо формированию их

способствовали отряды продармии; зачастую в них можно было встретить рабочих, вернувшихся в деревню. С появлением комбедов в деревне впервые возникли политические органы отчетливо большевистской ориентации. В большинстве своем они состояли либо из членов партии Ленина, либо из сочувствующих ей[4]. Таким образом, партия к концу 1918 г. могла рассчитывать на широкую, хотя и не слишком прочную, сеть сельских организаций, какой прежде она не имела. Комбеды были орудием ломки аграрных отношений в деревне. Относительному единству, сложившемуся здесь в 1917 г. при разделе помещичьих земель, все равно не суждена была долгая жизнь. По мысли Ленина, только теперь и начиналась истинная пролетарская революция в деревне. Таким началом нельзя было считать простой раздел крупной земельной собственности, осуществленный в других странах в результате буржуазно-демократических революций[5]. Однако эта ломка в деревне вызвала такое размежевание, которое могло оказаться роковым для новой власти.

Не то чтобы на селе не было кулаков, против которых комбеды призваны были развернуть наступление. Это были крестьяне, имевшие не только больше земли, но и больше скота и сельскохозяйственных орудий, хозяева, отделившиеся от деревни по столыпинской реформе, мелкие сельские капиталисты, мельники, торговцы, попы. Наступление на них усилило эгалитарный и уравнительный характер русской аграрной революции. Но комбеды должны были также выискивать хлеб, доносить на того, кто его прятал, независимо от того, кулак он или нет. В этих условиях средний крестьянин (за пределами России он считался бы мелким) готов был воспринять призыв к мятежу, исходивший от кулака или попа; не случайно в те месяцы церкви и монастыри часто превращались в активные центры гражданской войны[6]. Ленин ранее подсчитал, что из 15 млн. крестьянских дворов примерно 10 млн. относились к бедняцким, 3 млн. — к середняцким и 2 млн. — к кулацким[7]. Но революция смешала все карты, потому что самый нищий из крестьян, едва получив землю, превращался, если не экономически, то психологически, в середняка. Комбеды — органы власти с более узкой социальной и политической базой — в силу возложенных на них полномочий имели тенденцию вытеснять Советы, более представительные органы всего сельского населения. Необходимость устранения «двоевластия» в деревне, противоречащего только что (в июне) принятой Конституции, и заставила в ноябре 1918 г. ликвидировать эти комитеты, введя их в Советы[8]. Вместе с тем одновременно было рекомендовано провести перевыборы Советов, чтобы придать им более четкий классовый облик.

Ликвидация комбедов — часть сложного процесса политической переориентации большевистской партии. Новый курс четко определил Ленин в знаменитой формуле: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту...»[9]. По сути, ставилась

цель сделать середняцкую массу своим пусть колеблющимся, но союзником. Другого способа победить в гражданской войне не было. Но на какие уступки середняку можно было пойти? Оставить ему хлеб, как он хотел, не было возможности. В начале 1919 г. ввели продразверстку — установление твердых объемов заготовок для каждого уезда. Практически же все оставалось по-прежнему, ибо от крестьянина продолжали требовать максимум возможного. Намечалось компенсировать реквизиции поставками промышленных товаров. Но имевшиеся в наличии товары для деревни не составляли и сотой доли того, что требовалось. Нельзя было устранить и другую причину недовольства: отказаться от мобилизации крестьян в армию. Единственно, что можно было сделать, — ослабить репрессии, уменьшить произвол, незаконные поборы, реквизицию инвентаря, лошадей или другого скота — все то, что широко практиковалось летом 1918 г. В особенности это касалось «чрезвычайного революционного налога», введенного в октябре 1918 г. и представлявшего собой отчаянную попытку наскрести денег в государственную казну. Критерии обложения носили ярко выраженный классовый характер, но в деревне взимание такого налога не могло не вызывать бесконечных нареканий, которые прекратились лишь с его отменой. Упраздняя комбеды, можно было вернуть середнякам больший вес в Советах; это и сделали. Также амнистировали участников мятежей. Но истинным мотивом союза с крестьянством по-прежнему оставалась защита приобретенной земли: в жертву этому условию большевики вновь принесли свои программные установки, точно так же как в случае с формированием армии.

Их не могло удовлетворить раздробленное мелкокрестьянское хозяйство, к тому же преимущественно натуральное. Оно не устраивало большевиков, так как противоречило их теоретическим предпосылкам и было малопроизводительным и устаревшим. В 1917 г. им пришлось пойти на эту уступку крестьянству и левым эсерам. Тогда не удалось даже сохранить наиболее современные и лучше оснащенные сельскохозяйственные предприятия. Декрет от 1 октября 1918 г. предусматривал, что по крайней мере наиболее важные из таких хозяйств — питомники, плантации, образцовые фермы — должны управляться непосредственно государством[10]. Это начинание знаменовало новую тенденцию в практике (что касается теории, то большевики всегда придерживались таких взглядов): расширять общественные формы ведения хозяйства. Летнее наступление на кулаков дало толчок движению в этом направлении. Высшим его выражением явился принятый в феврале 1919 г. новый аграрный закон: он в известном смысле заменил собой закон 1918 г. о «социализации» земли. На этот раз уточнялось, что земля национализирована, поскольку стала «единым государственным фондом». Кроме того, провозглашался переход от индивидуальных форм ведения хозяйства как «преходящих и отживающих» к формам «товарищеским». В законе перечислялись такие формы: государственные (советские) хозяй-

ства — совхозы, производительные коммуны и другие товарищества по совместной обработке земли[11].

Всего месяц спустя после принятия закона на VIII съезде партии, где обсуждался главным образом вопрос о союзе с середняком, многие выступающие отметили, что одной из причин недовольства в деревне была как раз попытка форсировать образование «коммун» и других коллективных хозяйств. В глазах крестьянина это был просто новый способ отнять у него землю. Этим объяснялась его готовность взяться за винтовку как против белых, так и против красных. На совхозы и коммуны совершались вооруженные нападения[12]. Само новое название партии — «коммунистическая» — вызывало подозрения. Крестьянин провозглашал: «Да здравствует Советская власть, но *долой коммунию*!»[13]. На VIII съезде Ленин произнес одну из своих самых убедительных речей о вреде, который спешка и принуждение неизбежно порождают в таком сложном деле, как эволюция деревни от мелкособственнического к коллективному хозяйствованию. Именно тогда он сказал: «*Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина*»[14]. Таким образом, курс, намеченный февральским законом, был достаточно быстро изменен, хотя это и не могло не породить замешательство в местных партийных организациях.

Особенно наглядно это проявилось в тех районах, которые в конце 1918 г. были освобождены от немецкой оккупации, и в первую очередь на Украине. Здесь, как и в Прибалтийских странах, где капитализм в деревне получил большее развитие, пытались избежать чрезмерного дробления земельной собственности и уничтожения крупных, на современный лад организованных, хозяйств, как, например, плантаций сахарной свеклы. Другими словами, большевики стремились проводить здесь политику осени 1918 г., а не осени 1917 г. и Декрета о земле. Но крестьянство такую политику не принимало. В Прибалтийских странах, например, в этом заключался один из факторов слабости большевиков; позже местные буржуазные правительства смогли укрепить свою социальную опору как раз проведением некоторых аграрных преобразований[15].

На Украине, как подчеркивали на VIII партийной конференции в декабре 1919 г. многие делегаты, неполностью проведенный раздел земли усугубил тяжесть гражданской войны; он не только облегчил наступление Деникина, но и способствовал возникновению многочисленных крестьянских вооруженных банд, крайне осложнив тем самым условия политической борьбы. Можно ли утверждать, как это часто делала советская историография, что вина лежит на украинских коммунистах?[16] Они лишь пытались смягчить общий продовольственный кризис и отрицательные экономические последствия, которые — наряду с положительными политическими последствиями — повлекли за собой «черный передел» в России. Кстати, именно этот довод многие из них приводили в защиту на VIII конференции[17]. Ленин возражал, что для упрочения блока с крестьянством на

Украине все еще «нужна... такая же политика, какая нужна была в конце 1917 года...»[18]. И такая политика действительно стала проводиться, как только Украину отвоевали. Земли делились даже тогда, когда они принадлежали наиболее разумно организованным хозяйствам. Число совхозов, ненавистных крестьянам, в частности, потому, что во главе их зачастую поневоле приходилось оставлять прежних управляющих, уменьшилось на треть. От 2 млн. десятин, в первое время приписанных сахарным заводам, осталось 200 тыс., остальное было поделено[19].

При подведении итогов революции в деревне нельзя не поразиться тому обстоятельству, что уравнительная тенденция в конечном счете одерживала верх. Первая мощная волна раздела земель последовала сразу за Октябрем и затронула в основном собственно Россию. Но раздел продолжался и в дальнейшем, на протяжении всей гражданской войны, особенно там, где кипели самые ожесточенные бои, и оба аспекта борьбы смешивались воедино. Так было и в районах казачества, где обстоятельства вынуждали большевиков в борьбе с коренным ядром местного населения заручаться поддержкой либо его беднейшей части, либо «иногородних», то есть пришлых, «чужаков», давно враждовавших с потомственными казаками.

Результат — всеобщее и ярко выраженное уравнение земельной собственности в деревне. К концу войны на селе было гораздо меньше бедняков и гораздо меньше кулаков (которые к тому же стали менее богатыми). Движение это привело также к полному поглощению «столыпинцев», то есть хуторских хозяйств, выделившихся из общины[20]. Крестьянство стало по преимуществу «середняцким». Но произошло это в обстановке общего обнищания села. Война и реквизиции привели к резкому сокращению посевных площадей. Было основано известное число государственных и коллективных хозяйств (ибо, несмотря ни на что, партия целиком не отказывалась от своих намерений): более 5 тыс. совхозов с 3,5 млн. *га* земли и около 6 тыс. коммун или других коллективных хозяйств[21]. Но совхозы были слабыми, а коллективные предприятия мелкими и бедными.

Распад рабочего класса

Результатом интервенции, блокады были не просто голод, нищета, острая нехватка всего; политика «военного коммунизма» проводилась в условиях катастрофического упадка всего хозяйства. Город переживал еще большие лишения, чем деревня. Какими бы жестокими ни были реквизиции на селе, они обеспечивали лишь малую часть потребности в продовольствии, да и та поглощалась главным образом армией. Голод был самым страшным бичом, но не единственным. Не хватало не только хлеба, но и топлива. С исчезновением угля и нефти (и то и другое находилось в руках врага) оставались торф

и дрова. Дрова в 1919 г. составляли 90 % всех источников тепла и энергии[22]. Иностранные делегаты на II конгрессе Коминтерна рассказывали, как редкие, еще ходившие поезда останавливались на полпути и кочегары отправлялись в лес за дровами для паровоза[23]. В городах жгли деревянные тротуары, потом принялись за ветхие дома и другие деревянные сооружения. В одной только Москве исчезло 7500 строений[24]. Несмотря на это, в домах топилась от силы одна маленькая чугунная печурка. У промышленных предприятий тоже не было иного топлива. Война, голод и холод были причинами страшных эпидемий. Третьим национальным бедствием был тиф. Люди гибли не только, да и не столько от свинца. *«Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!»* — воскликнул Ленин в декабре 1919 г., когда в стране бушевал сыпной тиф[25]. Разумеется, вся Европа страдала тогда от последствий войны; насколько же бесконечно более жестокими были эти страдания в России, где война еще продолжалась и была к тому же более, чем когда-либо, безжалостной!

Все это тяжело отражалось на промышленности и на рабочих. Если в первой половине 1918 г. — отчасти благодаря Брестскому миру — начал было совершаться переход к мирному строительству, то с начала второго полугодия пришлось поспешно изменить курс на 180 градусов. Положение особенно ухудшилось в 1919 г., когда подошли к концу запасы военного снаряжения, оставшиеся от старой армии. Все имевшиеся ресурсы, все действующие заводы должны были обеспечивать фронт оружием, боеприпасами, обмундированием и продовольствием для солдат. Удовлетворить хотя бы в основном даже военные потребности было невероятно трудно. В этом свете и следует рассматривать те преобразования, которые произошли в промышленности.

Национализация наиболее крупных предприятий проводилась по июньскому декрету 1918 г. К концу этого года 3338 предприятий были переданы в ведение ВСНХ. В конце 1920 г. их число составляло уже 4547 из 6908 предприятий на всей территории, освобожденной к этому времени от белых. На протяжении двух предыдущих лет, несмотря на запрет, установленный одним из декретов, продолжалась также национализация средних и мелких предприятий. Осуществлялась она зачастую по решению местных властей. Согласно промышленной переписи 1920 г., 37 226 предприятий уже принадлежали государству, причем многие из них были мельчайшими или даже ремесленными мастерскими[26].

Однако главным результатом требований войны был жесткий вертикальный централизм, при котором предприятия управлялись — естественно, в тех случаях, когда они действительно управлялись, — непосредственно ВСНХ или различными главками, на которые он подразделялся. Оттуда из центра исходили распоряжения (почти всегда по вопросам военного производства); уполномоченные главков должны были осуществлять их на местах. Практически оказались

лишены полномочий совнархозы, призванные в рамках Советов координировать производственную деятельность округов и губерний. Такая система не исправляла недостатки, а целиком опрокидывала первоначальную тенденцию к автономии. Это вызывало бесчисленные нарекания и ожесточенную критику, тем более понятные, что такой порядок вещей был малоэффективен и порождал на местах конфликты, путаницу, напрасную трату сил. Беда была в том, что никакой более действенной системы не существовало. Речь шла о жесткой, «на ходу придуманной» системе военной экономики.

Борьба не на жизнь, а на смерть, которую вела советская власть, влекла за собой, таким образом, серьезные последствия: национализацию, вышедшую далеко за рамки какого бы то ни было продуманного замысла или первоначального проекта, и крайнюю степень централизации («главкизм»). Централизованные указания спускались на заводы; во имя неотложных требований производства Ленин и многие другие руководители большевиков со всей энергией боролись теперь за «единоначалие», или «единоличную власть». На заводах, как и в армии, при любой возможности к делу привлекались старые специалисты. Органы рабочего контроля и рабочего управления отодвигались в сторону, хотя они и оказывали новому курсу довольно серьезное сопротивление. В этом заключалась еще одна причина конфликта. В 1920 г. в фабрично-заводских дирекциях две трети составляли рабочие и одну треть — технические специалисты (под это определение подходили и бывшие владельцы-капиталисты); в главках пропорция менялась и составляла уже примерно половину на половину (если включить в число рабочих представителей профсоюза)[27].

Явление это может оказаться непонятным, если забыть, что рабочий класс жил в те годы под угрозой нависшей катастрофы. Он был вынужден бороться за свое существование. Это была также единственная цель, которую в тех условиях могла поставить перед собой его партия. В численном отношении промышленный пролетариат сократился наполовину. При этом особенно пострадали его наиболее крупные и боевые отряды: в 1918 г. число рабочих-металлистов в Петрограде уменьшилось на 78 %. Около полумиллиона из них были призваны в армию. Многие ушли работать в Советы или другие политические и административные органы: таких, как считают, было 120—150 тыс.[28] Но еще больше было безработных — в 1919 г. больше миллиона, — потому что заводы останавливались. Зачастую рабочие возвращались в деревню в надежде спастись от голода, свирепствовавшего в городах, либо искали случайные источники заработка. Десятки тысяч погибли на фронте или во время эпидемий[29].

Первые дискуссии и эксперименты с заработной платой, тарифными ставками, сдельными расценками, экономическими стимулами — все это вскоре было опрокинуто безудержной инфляцией. У Советского правительства не было времени на создание собствен-

ного бюджета и собственного казначейства. Первые попытки введения налогов окончились провалом: поступления были малы, а само налогообложение вызывало острое недовольство. Не оставалось ничего иного, как печатать бумажные деньги, которые ежедневно обесценивались. Цены удваивались каждые три месяца. Уже осенью 1917 г. бумажный рубль был девальвирован в 15 раз по сравнению с 1913 г.; к концу 1920 г. речь шла уже о девальвации в 20 тыс. раз! На свою номинальную зарплату рабочий не мог купить уже ничего: несмотря на увеличение, ее покупательная способность сократилась в 50 раз[30]! Чтобы обеспечить существование рабочих, пытались компенсировать зарплату «натурой», то есть выдачей минимума продуктов питания (паек и питание в столовой) и предоставлением услуг по твердым ценам, а позже и вовсе бесплатно. Квартплата была сведена к ничтожной сумме. Многих рабочих переселили в квартиры богатых, что, правда, не ликвидировало тесноты. Доля «натуры» в зарплате стала со временем преобладающей: в 1918 г. она была меньше половины, в 1919 г. составляла почти 80 %, в 1920 г. — свыше 90 %. Отсюда всеобщая, практически не знающая исключений уравниловка в оплате труда, как ни пытались ее избежать[31]. По размерам своим зарплата — вместе с включенной в нее натуральной частью — достигала лишь 27—28 % довоенной. Пайковый рацион был сведен к минимуму и выдавался лишь рабочим, занятым на самых необходимых работах, но и им он выдавался нерегулярно, в любом случае его было недостаточно, чтобы прожить. Остальных рабочих обстоятельства вынуждали добывать пропитание «незаконным» путем: мастерить на заводе что-нибудь из здесь же найденных материалов для последующего обмена на «черном рынке». Если вспомнить, что и при этом их «доход» по сделанным позже подсчетам составлял лишь немногим больше трети довоенного, который уже был нищенским, то станет понятно, почему на подобного рода явления смотрели сквозь пальцы, а то и вовсе закрывали глаза. С точки зрения рабочих, такой обмен не был незаконным[32]. Ради чего же иначе они «сделали революцию»? И разве то, что они меняли на базаре, не было плодом их труда?

В заключение коснемся еще одного аспекта военного коммунизма. Острая нехватка всего побудила Советское правительство запретить или по крайней мере до предела ограничить частную торговлю. Начало было положено весной 1918 г. запретом на торговлю хлебом. Затем запрет распространился на все другие товары широкого потребления. Для распределения (за отсутствием всякой другой сети) использовались кооперативы. Они были практически, хотя и не формально, огосударствлены. Произошло это не без упорного сопротивления с их стороны, потому что руководили старыми кооперативами не столько большевики, сколько меньшевики или эсеры. Но в обход всех правил торговля все равно продолжалась. Это была подпольная, нелегальная торговля. Считают, что крестьяне в 1920 г. скрыли от заготовок около трети урожая, то есть по меньшей мере

столько же, сколько сдали. То, что удавалось распределять государству, колебалось в пределах от 30 до 45 % реального потребления[33]. Хлеб теперь сделался главной меновой ценностью. «Черный рынок», или «Сухаревка», как его называли по имени московской площади, где торг шел каждодневно и открыто, функционировал непрерывно. Условия на «черном рынке» диктовал мешочник, то есть тот, кто привозил в мешке нечто годное для продажи и пускал с рук. Это он заламывал астрономические цены. Военный коммунизм еще мог кое-как обеспечить военные потребности; в остальном же он был неэффективен и лишь прикрывал собой деградацию экономики, да и всей общественной жизни. Не случайно единственное, что осталось от тех лет в памяти людей, не участвовавших активно в политической борьбе, — это отчаяние, страх, смерть, потеря человеческих ценностей. Как характерный пример вспомним хотя бы трагические образы героев романа Пастернака «Доктор Живаго».

Милитаризация труда

Ни сами большевики, ни бóльшая часть их сторонников не могли ясно осознать все это. Естественно, они хорошо понимали, до какого ужасного состояния доведена страна. Но они знали также, что разруху принесла война — сначала мировая, потом гражданская и походы Антанты. К тому же меры, которые большевики принимали, даже если им не удавалось их практически осуществить, как это случилось с коллективными хозяйствами в деревне, были направлены на достижение большего обобществления, коммунизма (или по крайней мере их видимости). В результате столкновения старую буржуазию уничтожили; ее лишили орудий производства и всякого другого источника богатства, разбили в военном и политическом отношении. Рассеянная и выброшенная на задворки истории, она продолжала существовать лишь в лице самых скромных своих представителей — специалистов, интеллигенции, безграмотных спекулянтов-мешочников или кулаков. От простых «шагов к социализму», о которых Ленин говорил в 1917—1918 гг., Россия пришла к некоему коммунизму, нищенскому, но зато всеобщему и, во всяком случае, завоеванному в борьбе.

Легко понять, как в таких условиях могла создаться иллюзия, что по окончании войны достаточно будет продолжать движение в том же направлении и все пойдет наилучшим образом. В целом большевики довольно скептически относились к такой перспективе, в особенности Ленин, который предупреждал в конце 1919 г., что «если в теперешнем строе России и есть что-либо коммунистическое, то это только субботники»[34]. Однако другие, и в первую очередь такие экономисты, как Ларин, Преображенский, Бухарин, усматривали в девальвации рубля чуть ли не преддверие «отмирания» и исчезновения денег, а в уравнительной оплате «натурой» — завоевание равенства. В отличие от современных советских историков,

которые с вершины накопленного опыта смотрят на военный коммунизм лишь как на «вынужденный шаг», их предшественники в 20-е гг. еще рассматривали его как своего рода забегание в будущее[35] и героический штурм небес. Этим можно объяснить, почему наиболее радикальные меры этой политики были приняты в 1920 г., причем порой даже в самые последние месяцы года, когда гражданская война уже затухала и давление чисто военных потребностей ощущалось значительно меньше. В самом деле, именно в этот период обсуждался вопрос об отмене денег. 29 ноября было принято решение о национализации всех промышленных предприятий, даже самых мелких (до 5—10 рабочих). С 1 января 1921 г. было введено бесплатное предоставление товаров и услуг рабочим и крестьянам. Эти меры даже не начали применяться, ибо уже через считанные месяцы Советское правительство было вынуждено изменить политику.

Самым типичным, вызвавшим наибольшие споры и в то же время самым важным проявлением военного коммунизма в его последней вспышке была попытка осуществить всеобщую милитаризацию труда. У этого мероприятия своя история, связанная с превратностями гражданской войны и борьбы с интервенцией. Труд, «обязательный для всех» и, следовательно, понимаемый как всеобщая трудовая повинность, существующая наряду с воинской повинностью, был для большевиков принципиальным вопросом. Они рассматривали его как средство, обращенное против буржуазии и всех других паразитических слоев в соответствии со старым лозунгом социалистического движения «Кто не работает, тот не ест». Не случайно положение это было записано в ст. I Кодекса законов о труде, принятого в конце 1918 г.[36] В обстановке чрезвычайного положения принцип обязательности труда служил основой для принуждения представителей прежних эксплуататорских классов к выполнению определенных, в том числе тяжелых физических, работ. Он же использовался при создании для них первых «лагерей принудительного труда» в 1919 г. Этот принцип применялся в декретах о мобилизации определенных групп или категорий трудящихся с использованием их независимо от какого бы то ни было экономического расчета. Но в 1920 г. было задумано нечто куда более грандиозное и далеко идущее.

Сам факт рождения этой идеи и ее серьезного обсуждения не может быть верно оценен вне трагических обстоятельств того времени. Главнейшие успехи советской власти, бесспорно, связывались с Красной Армией и ее победами, имевшими наряду с военным не меньшее политическое значение. Насущные хозяйственные задачи требовали еще более тяжелых, отчаянно героических усилий, чем те, что требовались от солдат на полях сражений. Когда в начале 1920 г. после поражения Деникина и еще до начала нападения Польши страна получила вторую после Бреста краткую передышку, поиски решения этих проблем начались прежде всего с учетом того

положительного опыта, который уже был накоплен. В первую очередь этот поиск нашел отражение в самой терминологии. Говоря о необходимости перенести в мирное строительство опыт, приобретенный в «нашей военной деятельности», Ленин заявил: «Перед нами теперь очень сложная задача: победив на кровавом фронте, победить на фронте бескровном. Это война более трудная. Этот фронт самый тяжелый»[37]. Подобные выражения, часто встречающиеся в его речах того периода, были обиходными также в низовых партийных организациях[38]. От метафорических оборотов до программы практических действий был один шаг.

Знаменосцем и теоретиком милитаризации труда стал Троцкий, который более, чем любой другой, мог считаться творцом и руководителем всей сложной работы по созданию Красной Армии. Разумеется, дело было не в одной его личной заслуге. Он пользовался полной поддержкой Ленина, больше интересовавшегося проблемой установления новой дисциплины труда, нежели самой формулой милитаризации труда. К тезисам, подготовленным Троцким к IX съезду партии (март — апрель 1920 г.), где обсуждалась эта проблема, Ленин добавил свои поправки. Интересные прежде всего тем, что они были направлены на обеспечение более широкого участия народных масс в выработке будущих проектов, эти поправки тем не менее ничего не меняли в принципиальной линии тезисов[39]. В своем докладе на съезде Троцкий исходил из того, что в обстановке изоляции и разрухи тот единственный капитал, которым обладает страна, состоит в рабочей силе. Ее следует организовать. Здесь-то и выступает на первый план опыт армии, который нужно освоить не только в его принудительном аспекте, но и в аспекте политическом, то есть с точки зрения руководящей роли партии в вооруженных силах. Милитаризации, следовательно, подлежали все: не только крестьяне, но и рабочие, прежде всего квалифицированные рабочие; в их среде также встречались дезертиры, и с ними следовало поступать именно как с дезертирами. Осуществить эту задачу надлежало профсоюзам. Троцкий отвергал идею «свободы труда»: каждое общество имеет свой «принудительный труд», и он совсем не обязательно является менее производительным. Хозяйственные задачи советского общества должны рассматриваться, следовательно, как задачи военные[40].

Рассуждение Троцкого осталось бы неполным, если не сказать о второй его части. Милитаризация должна была рассматриваться как часть «единого хозяйственного плана, который охватывал бы всю страну и все отрасли». Она позволила бы в централизованном порядке перемещать рабочую силу «в соответствии с единым замыслом», подобно тому как перебрасываются армии на войне. Троцкий намечал также первоочередные цели подобного плана, подразделяемого на четыре этапа: сначала — восстановление транспорта и основных запасов необходимых товаров и сырья, затем — производство оборудования для тяжелой индустрии, производство оборудования

для промышленности средств потребления и, наконец, для производства самих потребительских товаров. Это не означает, что именно Троцкий изобрел планирование. Требование руководства экономикой в соответствии с единым государственным планом было программным требованием социалистов, и особенно большевиков, выдвинувших его сразу после Октября. Более того, идея единого плана даже не упоминалась в первоначальном проекте тезисов Троцкого, хотя она уже содержалась в статьях и брошюрах других авторов. На IX съезде тезисы Троцкого подверглись критике главных руководителей советского хозяйства — Рыкова и Милютина, тогда работавшего в ВСНХ, за расплывчатость и абстрактность. Тем не менее это был первый случай, когда подобная концепция излагалась как непосредственная задача столь определенно и в столь авторитетной инстанции большевистской партии. Троцкий при этом выдвинул идеи — впоследствии они приобрели огромное значение — социалистического соревнования, при котором лучшие должны поощряться как морально, так и материально (тогда речь могла идти только о выдачах «натурой»), а также создания бригад ударников из работников, пользующихся наилучшими условиями, для выполнения особо срочных заданий[41].

Милитаризация экономики и труда была господствующей концепцией на протяжении 1920 г. Новая вспышка войны, вылазка Врангеля и польское вторжение, похоже, все больше оправдывали ее. В январе был издан Декрет о всеобщей трудовой повинности. Для выполнения определенных работ призывались рабочие и крестьяне. Для выполнения неквалифицированных, но срочных работ использовались некоторые подразделения Красной Армии; они получили название трудармий. Но тогда на первый план действительно выступили драматически узкие места, как сказали бы мы сегодня, которые могли сделать то, чего не удалось ни Колчаку, ни Деникину, ни державам Антанты: окончательно удушить Советскую Россию. Такими узкими местами были: топливный кризис, эпидемии, паралич транспорта. Неумолимые расчеты показывали: поезда вскоре совсем перестанут ходить[42]; война велась в основном вдоль железных дорог, а они большей частью были разрушены. Отнюдь не риторически звучали слова о том, что от транспорта зависит «судьба революции». IX съезд постановил мобилизовать на транспорт 10 % самих делегатов съезда[43]. Решение транспортного кризиса было поручено Троцкому, причем с применением военных методов. Это означало введение на железных дорогах военного положения, военной дисциплины и военных трибуналов, но одновременно, как это было сделано в Красной Армии, также внедрение политической сознательности, развертывание пропагандистской работы в массах, ударный труд и личный пример мобилизованных коммунистов. Действительно, на транспорте наметилось некоторое улучшение.

Дискуссия на IX съезде была острой, но шла она в основном не по вопросу о милитаризации труда в том виде, как он был

поставлен Троцким, Лениным и большинством партийного руководства. Именно по этому пункту многие делегаты пусть даже формально, но выражали свое согласие. В повестке дня стояли объективные проблемы, для которых не существовало легких решений. С применением методов военного времени производительность труда упала до одной пятой — одной шестой довоенной, но и на таком уровне она рассматривалась как проявление героических усилий. Почти парализованные железные дороги имели кадры, на 50 % превосходящие кадры в 1913 г.[44] Необходимо было найти новые стимулы для повышения труда, и в этих условиях возникла мысль использовать стимулы, зарекомендовавшие себя на полях сражений. На IX съезде обсуждение этого вопроса натолкнулось на растущее сопротивление, и скоро спор сместился в другую плоскость: о единоначалии и коллегиальном руководстве.

В этом смысле дискуссия ознаменовала начало процесса, имевшего серьезные последствия. Она способствовала также пока не выраженному отчетливо настороженному отношению к Троцкому. Казалось, будто он выдвигает свою кандидатуру на роль верховного руководителя народным хозяйством в мирное время, подобно тому как возглавлял армию во время войны, и к тому же с намерением осуществлять это руководство теми же методами, которые уже породили критику и подозрения в отношении его самого. Спор, однако, только начинался, его драматическое развитие было еще впереди.

X. ПАРТИЯ

Большевики и другие партии

Гражданская война, как и революция, была испытанием для всех политических сил России. В результате смертельной схватки, завершившейся победой большевиков, возглавивших Советы, в России возникла новая, однопартийная политическая система[1]. Среди западных историков широко распространен тезис, согласно которому большевики с самого начала были исполнены решимости уничтожить все и всякие соперничающие партии[2]. Это малоубедительное объяснение. Разумеется, Ленин, Троцкий и их соратники не были либералами. Против сил, враждебных их революционному замыслу, они применяли решительные меры, не исключающие и насилия. И все же ни в одной статье или выступлении большевиков того периода не говорилось о стремлении установить однопартийную систему.

Но даже больше, чем субъективные намерения того или иного из руководителей, об этом свидетельствует факт, что в трагической, беспощадной борьбе тех лет, исход которой был еще не ясен, каждая партия имела свои козыри и делала свои ставки. Власть Советов — и в еще большей степени власть большевиков как партии, составлявшей лишь одну, пусть руководящую, но все же одну часть Советов, — была сильна стихийной народной поддержкой. Однако у нее не было всех тех орудий и средств, которые способна обеспечить лишь консолидированная государственная организация. Как бы ни были ослаблены Октябрьским переворотом другие партии, они продолжали оставаться политической силой. Противники большевиков, вместе взятые, зачастую контролировали территории, по меньшей мере столь же обширные, что у коммунистов, и к тому же располагали поддержкой заграницы, которой у тех не было.

Жестокие законы гражданской войны, усугубленной к тому же иностранной интервенцией, явились отражением не менее суровой политической реальности. Если гипотеза межпартийного компромисса рассыпалась в прах уже в 1917 г., то еще меньше можно было ожидать ее возрождения в кровавой борьбе последующих лет. В эти годы Ленин много раз говорил об отсутствии среднего пути, подчеркивал, что «на деле создались только две силы: диктатура буржуазии и диктатура пролетариата», «...либо Советская власть, либо полное удушение революции...»[3]. Повторяя эту мысль, он формулировал, конечно, не закономерность, верную для любых условий (как кое-кто станет думать в более позднее время), но очень трезво оценивал обстановку в России. Трудно представить себе, как современный историк мог бы прийти к иному выводу. Победить должны были либо красные, либо белые.

И поскольку ни одна партия не была в силах изменить эти

обстоятельства, всем им приходилось маневрировать внутри очерченных этими обстоятельствами рамок. Естественно, что тем самым проблемы не ликвидировались и не разрешались. Отношения с другими политическими группами не были простым вопросом и для Ленина с его соратниками: из произведенных подсчетов явствует, что в 1918—1919 гг. этот вопрос обсуждался в руководящих органах партии 70 раз![4] Тактика большевиков в этой области менялась и после их разрыва с левыми эсерами. 14 июня 1918 г., в самый разгар «демократической контрреволюции», они изгнали из Советов меньшевиков и правых эсеров. Но на рубеже 1918—1919 гг., в момент первого перелома в ходе гражданской войны, они вновь признали законность участия в Советах сначала первых, а потом и вторых, осторожно пытаясь расширить собственную политическую опору[5]. Борьба тем не менее продолжалась жесточайшая, и участвующие в ней стороны не выбирали средств. Но и тогда, когда другие партии разваливались, коммунисты продолжали практиковать дифференцированный подход к различным политическим группам.

Политические силы трех лагерей

Здесь нужно вкратце сказать о той эволюции, которую претерпели различные политические партии и группы трех основных лагерей, обрисовавшихся в 1917 г. Кадеты — партия, наиболее решительно поддерживавшая белогвардейцев; в белом движении участвовала бóльшая часть их деятелей. Вместе с тем они никогда не играли в стане белой гвардии руководящей роли, поскольку она принадлежала военным. Кадеты активно сколачивали антибольшевистские коалиции («Национальный центр», «Союз возрождения России»), но большого успеха не добились. Они выступали за «государство», против «анархии», а следовательно, выражали готовность поддержать и военную диктатуру. Их партия осталась верной союзу с державами Антанты, хотя в 1918 г. меньшинство, в том числе и сам Милюков, заняло прогерманские позиции. Рассеченная фронтами кадетская организация оказалась расколотой на три основные группировки: в подполье в Москве, в Сибири и на юге. Довольно различными были и их позиции, причем на крайне правом фланге поместилась южная группа. Политическое влияние кадетов снизилось не только в массах, но и среди самой буржуазии. В ее среде до известной степени вновь усилилось влияние монархистов: в ноябре 1918 г. они провели свой съезд в Ростове. Разгром белых явился сокрушительным ударом для тех и других.

Отсутствие третьего пути драматически отразилось на участи партий, занимавших промежуточные позиции в 1917 г. В особенности это относится к социалистам-революционерам, наиболее убежденным сторонникам такого пути. Раскол их партии уже в 1917 г. был следствием развития революции. После потери своего левого крыла партия эсеров не пошла дальше борьбы за демократию

и созыв Учредительного собрания. Основным противником, против которого следует направить главный удар, по ее мнению, были большевики. Лидеры партии эсеров входили во все правительства, возникшие в 1918 г., особенно в восточных районах страны. Наиболее удачный шанс представился правым эсерам в период крестьянских мятежей в июне — августе 1918 г., когда они могли рассчитывать и на содействие чехословаков. Тогда они имели возможность на всем пространстве между Волгой и Уралом осуществить свою демократическую программу и практически применить свой закон о земле, аннулируя большевистские меры по национализации[6]. Реальной народной поддержки они не добились и были сметены белыми еще прежде, чем большевиками. При режиме Колчака деятелей их партии арестовывали и казнили.

С этого момента начался все более быстрый процесс дробления партии. Довольно значительная группа, прошедшая через этот опыт, — уфимская группа во главе с председателем Комуча Вольским — занялась поисками и отчасти добилась соглашения с большевиками. Крайне правое крыло осталось на непримиримо антибольшевистских позициях. Центристское ядро руководства во главе с Черновым продолжало предлагать третий путь: отказ от вооруженной борьбы и блокирование с белогвардейской буржуазией, но в то же время абсолютную враждебность к большевикам[7]. Однако после стольких расколов партия свелась уже к немногочисленной группе людей. Хотя идейное наследие народничества некоторое время еще продолжало ощущаться, эсеры находили все меньше понимания у крестьянства — их извечной опоры, — представлявшего собой основную массу участников конфликта.

По иному пути пошли после Октября меньшевики. Как показали выборы в Учредительное собрание, в отличие от эсеров это была партия интеллигенции, сохранившая еще определенное влияние среди рабочих: в мае 1918 г. она насчитывала около 60 тыс. человек[8]. Послеоктябрьское поражение привело к сдвигу партии влево; Мартов при поддержке центристов пришел к ее руководству, оттеснив правое крыло Либера. Как свидетельствуют источники, меньшевики никогда не одобряли вооруженной борьбы с большевиками и интервенции, хотя отдельные деятели их партии и участвовали в этой борьбе. Партия же в целом пыталась, скорее, стать на путь простой оппозиции. В декабре 1918 г. она пришла к признанию советского строя как «фактической действительности, но не как принципа» и к взгляду на Октябрьское восстание как на движение с «глубокими корнями» в толще народа. Позже они отказались и от требования созыва Учредительного собрания. С мая 1919 г. партия даже дала указание своим членам сражаться против белых в рядах Красной Армии[9].

Все это позволяет понять, почему один из советских историков 20-х гг. (ныне, правда, подвергнутый критике, и не без оснований) рассматривал позицию меньшевиков в тот момент как «полуболь-

шевистскую»[10]. На самом же деле они оставались откровенно враждебными большевикам, а следовательно, находились в стороне от основного потока революции. Они требовали политических свобод, отмены смертной казни, прекращения репрессий и ликвидации органов, созданных для их осуществления, изменения экономической политики. Они были организаторами некоторых забастовок; особенно затяжными и серьезными по своим последствиям были забастовки на тульских оружейных заводах в марте — апреле 1919 г., в разгар колчаковского наступления. Советская Россия представляла собой в тот момент военный лагерь на осадном положении. Не удивительно, что суровые меры применялись и против меньшевиков, хотя их и не считали серьезными противниками. Сохранилось письмо группы меньшевиков, направленное в 1919 г. Ленину, с протестом против преследований. Среди прочих под письмом стоит подпись того самого Вышинского, которого много лет спустя мы встретим в роли прокурора на сталинских процессах[11]. Под гнетом собственных противоречий и в результате этих ударов меньшевизм, а он, в сущности, никогда не выступал в роли главной силы широких массовых движений, тоже клонился к упадку. Но все же его позиция и первоначальное родство с большевиками не прошли бесследно. Сколь бы мало подходящими в условиях гражданской войны в России ни были его лозунги, они выражали потребности, которые не могут вечно игнорироваться строем, называющим себя демократическим. Некоторые экономические предложения меньшевиков оказали влияние на решения, принятые в 1921 г. Думается, можно утверждать, что идейное наследие меньшевизма надолго сохранится и в рядах коммунистов, оказывая на них свое скрытое воздействие.

Остается лагерь непосредственных участников Октябрьского восстания. Левые социалисты-революционеры раскололись после попытки антибольшевистского мятежа в июле 1918 г. Партия была захвачена врасплох этой авантюрой. Тем не менее изгнать эсеров из Советов оказалось нелегко, особенно там, где они составляли большинство. Большевикам пришлось применять силу. Легче эта операция прошла в тех, куда более многочисленных, случаях, когда левые эсеры были в меньшинстве. Нередко рядовые члены партии отмежевывались от своих руководителей. Из рядов эсеров возникли две маленькие группы: «народников-коммунистов» и «коммунистов-революционеров»; в разные периоды они слились с большевиками. Другие члены левоэсеровской партии разбились на группки активистов, в некоторых случаях весьма близкие к анархистам, с ними их отчасти роднил идейный багаж.

Истинных анархистов было не так уж много: около тысячи в Москве, по нескольку сотен в Петрограде и некоторых городах юга, несколько десятков в других районах[12]. Тем не менее о них следует сказать: в те годы им принадлежала достаточно заметная роль. Если в октябре 1917 г. их клубы существовали лишь в 21 горо-

де, то уже несколько месяцев спустя они имелись в 73 центрах[13]. В эти месяцы в их движении присутствовал элемент стихийного свободолюбия, причем настолько сильный, что в глазах многочисленных противников анархисты и большевики были почти неразличимы. Особенно большое развитие это течение получило среди матросов и солдат. Но как и партизанщина, оно столкнулось с властными требованиями обороны и организации, совершенно чуждых анархистам. За ними тянулись разного рода уголовники, те «отбросы», которые примешиваются к революционному взрыву. Советское правительство вынуждено было немедленно приступить к подавлению преступности, в первые месяцы прикрывавшейся знаменем анархизма. Но не в этом состояла слабость анархистов (не следует, кстати, и преувеличивать связь анархизма с преступностью). Она коренилась в их собственных позициях. Идейные различия разделяли анархистов на множество групп. Ни одна из них не завоевала реального политического влияния. Один из наиболее авторитетных лидеров анархистов Волин (Эйхенбаум) пытался идейно вооружить отряды Махно. Значение этого идейного влияния сильно преувеличивается в мемуарах анархистов, опубликованных за границей[14]. Махновское движение, пожалуй, ближе к массовым крестьянским восстаниям прошлого (например, Пугачева), в нем меньше сознательных анархистских убеждений. Не случайно оно терпело крах всякий раз, когда пыталось закрепиться в городах.

Среди анархистов, точно так же как среди большевиков и всех тех, кто сражался с белогвардейцами и интервентами на фронтах гражданской войны, было немало героев. Анархистом был матрос Железняков, который в январе 1918 г. предложил членам распущенного Учредительного собрания очистить зал заседаний, заявив, что «караул устал ждать»; позже он погиб на Южном фронте, командуя бронепоездом. Но анархистом был и его брат, павший безымянным мятежником в бою с большевиками в рядах одной из украинских банд. Основой разногласий анархистов с партией Ленина всегда оставался коренной вопрос: о необходимости государства. Практически же среди них были и те, кто ненавидел большевиков и отрицал Советы, и те, кто хотел «свободных Советов без власти», и, наконец, те, кто стал на службу новому государственному советскому аппарату и сотрудничал с коммунистами.

«Против огня и меча нельзя воевать лишь логикой и справедливостью собственных идеалов», — сказал один из представителей этого последнего направления, подводя итог опыту борьбы с белыми[15]. Деятели, не приемлющие большевиков, не останавливались перед крайними средствами. Если Махно воевал, как говорится, в чистом поле, то другие (речь идет о группе анархистов и левых эсеров) в страшном сентябре 1919 г. бросили бомбу в здание Московского комитета партии. От взрыва погибли 12 и получили ранения 55 человек, в том числе многие партийные руководители. В конечном счете и против анархистов Советское правительство

повело борьбу в соответствии с условиями военного времени: арестами и репрессиями. В пору революции анархизм был выражением протеста, душевного состояния, а не политической линией: его все время раздирали противоречия между целью борьбы и ее средствами. К концу гражданской войны у одного из его деятелей были все основания говорить о «катастрофе русского анархизма»[16]. Вернувшийся в Россию в 1917 г., но не принимавший участия в событиях, прославленный пророк анархизма Кропоткин умер в начале 1921 г. врагом большевиков, признавая, однако, что в России происходит самая глубокая революция в истории человечества.

Демократический централизм

В ходе организации и защиты этой революции (революция, которая не умеет защитить себя, ничего не стоит, говорил Ленин) коммунистическая партия, уже сыгравшая роль вдохновителя и руководителя Октябрьского восстания, утвердилась не только как единственная партия, но и как единственная действенная политическая сила в России. Законность ее прихода к власти определялась тем, что она была штабом победы. Секрет «чуда», как называл его Ленин, состоял в том, что партия эта оказалась способной так или иначе организовать миллионы трудящихся в стране, менее всего воспитанной в духе организации[17]. Преодолевая бесчисленные трудности и ошибки, она сумела создать новое государство, ставшее центром объединения большинства страны, раздираемой множеством противоборствующих сил. Этим государством была диктатура пролетариата. То, что она приобрела характер диктатуры одной-единственной партии, не было в глазах большевиков таким уж отрицательным обстоятельством. Любое государство, на их взгляд, так или иначе было диктатурой, независимо от более или менее парламентарных форм, в которые она могла быть облечена и на которые большевики, особенно в тот момент, не обращали внимания. К тому же в сложившихся обстоятельствах вряд ли можно было принять иное решение. Мало того, эти обстоятельства подтолкнули большевиков как в области политики, так и в области экономики пойти значительно дальше. Речь идет не об одной только организации государства — в суровых, победно преодоленных испытаниях претерпела глубокие преобразования сама партия.

Резко выросла ее численность. С нескольких тысяч преследуемых революционеров в начале 1917 г. она увеличилась до 200 с лишним тыс. человек летом того же года, до более чем 300 тыс. — на рубеже 1918 — 1919 гг., свыше 700 тыс. — в конце 1920 г.[18] Так же быстро росло число низовых организаций: с 8 тыс. в конце 1918 г. до 20 тыс. в конце 1920 г. Рост, однако, не был таким равномерным и постоянным. Процесс этот протекал весьма бурно. В первые месяцы после Октябрьского восстания партия почти растворилась в Советах и других революционных органах власти, куда целиком перенесли

свою деятельность многие ее активисты. Дело доходило до того, что кое-кто начинал утверждать: раз у власти теперь Советы, в партии больше нет необходимости. К большевикам в это время шло множество людей, вообще поддерживавших революцию, — подобное произошло с эсерами после Февраля[19]. Потом, после Бреста и летнего кризиса, прилив сменился отливом.

Май 1918 г. для партии большевиков — не только период обострения борьбы с внешним противником, но и поворотный момент во внутрипартийной политике. Ответом на трудности был призыв к жесткости, сплоченности, к старым славным традициям партии. На необходимость укрепления партии как наиболее надежного оплота революции указывалось в двух документах, опубликованных в этом месяце. «Необходимо понять, — говорилось в одном из них, — что без крепко сплоченной, действующей как один человек партии мы не справимся с трудными задачами, стоящими перед нами»[20]. Летом с организацией комбедов партия проникла в деревню. 1919 г. — год наиболее болезненного развития партии. Была проведена перерегистрация членов партии. Мобилизация коммунистов в армию и первая чистка с целью избавления от примазавшихся уменьшили вдвое численный состав территориальных организаций (т. е. без учета коммунистов в вооруженных силах). Численность была восполнена при проведении партийных недель: шла усиленная вербовка в партию, особенно рабочих, солдат и крестьян. Именно в самый тяжелый период, осенью, когда белые угрожали Москве и Петрограду и когда вступление в партию было равносильно тому, чтобы записаться «кандидатом на деникинскую виселицу»[21], в ее ряды влилось 270 тыс. человек, то есть почти столько же, сколько в ней насчитывалось в то время.

Огромный численный рост происходил не потому, что партия сознательно делала упор на количественное расширение; наоборот, прежде всего ставилась цель улучшить качество партийных рядов. На VIII съезде, в марте 1919 г., утвердилось новое понятие — «партийное строительство», то есть регулируемое развитие партии, когда уделялось постоянное внимание социальному составу, идейной подготовке членов и их соответствию стоящим на повестке дня политическим задачам[22]. С численным ростом на протяжении гражданской войны переплелись другие не менее важные процессы, которые способствовали формированию нового облика большевизма.

На VIII съезде партия приняла новую программу. Этот документ — плод подготовительной работы и обсуждений, длившихся с 1917 г., — обобщал все основные принципиальные положения большевистской теории и меньше других нес на себе отпечаток тяжких превратностей текущего момента. Господствующая в нем идея сводилась к тому, что партия находится в начале всемирной социалистической революции. Буржуазной демократии противопоставлялась высшая, «пролетарская, или советская, демократия», ограничивающая политические права и свободы лишь настолько,

насколько это необходимо для подавления сопротивления прежних эксплуататоров и попыток воскресить их привилегии. Борьбу с зарождающимся бюрократизмом следовало вести путем постепенного привлечения всего трудящегося населения к управлению государством. Программа предусматривала равноправие наций, создание классовой армии, организованной на современный лад, всеобщее обязательное обучение до 17 лет, планирование экономики, социалистическое, технически передовое сельское хозяйство, распределение продуктов через единую сеть потребительских кооперативов, реальное равноправие женщин и их раскрепощение от тяжелого домашнего труда, в высшей степени прогрессивную политику в области социального обеспечения и здравоохранения[23].

Однако другие факторы больше, чем программа, способствовали формированию нового облика партии. Смотря с сегодняшних позиций на события 1918 г., почти невозможно поверить, насколько скудной и примитивной была в то время организационная структура партии. В центре все держалось на маленьком секретариате, с огромным трудом обеспечивавшем связь с периферией, и на исключительных качествах одного человека — Свердлова, который был также председателем ВЦИК. Свердлов как «наиболее отчеканенный тип профессионального революционера»[24] — выражение Ленина — в тот период играл первостепенную роль. Этот небольшого роста, энергичный, подвижный как ртуть человек, убежденный большевик, очень близкий к Ленину, сумел заставить работать едва зарождающийся государственный и партийный механизм с помощью быстрых решений благодаря свойственной ему политической страстности и гибкой памяти, сочетавшейся с отличным знанием людей. В самый канун VIII съезда, в марте 1919 г., он умер от «испанки», страшного гриппа, свирепствовавшего в послевоенной Европе. Но и при его жизни требовался уже более обширный организационный аппарат как в центре, так и на местах; отсутствие его вызывало частые жалобы. VIII съезд решил: отныне Центральный Комитет не будет больше единственным руководящим органом партии: из своего состава он должен выделить политическое бюро (Политбюро) и организационное бюро (Оргбюро) — каждое не более 5 человек плюс секретариат. Начал создаваться и функциональный аппарат, в нем все больше ощущалась потребность. Нечто аналогичное происходило и на местах. Там председатели и секретари партийных комитетов были освобождены от всякой другой должности или работы.

Новая организационная структура, обрисовывавшаяся на протяжении 1919 г., нашла свое формальное закрепление в Уставе, принятом в декабре на VIII партконференции. Этот Устав отличался большей жесткостью по сравнению с Уставом, утвержденным VI съездом в августе 1917 г. Первичные организации были сгруппированы на основе единообразных территориальных критериев под руководством выборных комитетов. Группы сочувствующих, созданные в 1918 г. с целью наилучшим образом обеспечить влияние партий

на беспартийных, в соответствии с новым порядком приема упразднялись. Теперь каждый вступающий должен был пройти испытательный срок: его продолжительность изменялась в зависимости от того, был ли он рабочим, крестьянином или выходцем из иных социальных слоев. Во время войны партия вновь обрела резко централизованный характер, который отличал ее в подполье. Но эта особенность, распространенная теперь на гораздо более многочисленную партию, к тому же находящуюся у власти, приобретала качественно новое значение. Демократический централизм стал руководящим принципом во всей организационной структуре, а это означало, что сама структура комитетов строилась по типу иерархической лестницы, вверху которой стояли «вышестоящие» территориальные органы[25]. В ходе самой дискуссии на VIII конференции «централизаторские» черты нового Устава были еще больше усилены по сравнению с первоначальным проектом. Это не удивляет: тема дисциплины, более того — военной дисциплины, настойчиво проводилась во внутренней жизни партии, причем настолько, что сейчас трудно различить, что́ в этой эволюции было обусловлено большевистской традицией, а что́ — требованиями войны.

Сыграли роль оба фактора, но второй, конечно, доминировал: новая структура формировалась в такое время, когда партия «военизировалась», то есть ставила перед собой задачи ведения войны, а следовательно, приобретала военные черты, организационные особенности, стиль жизни. Начиная с 1918 г. для всех членов партии было введено обязательное начальное военное образование. Непрерывные мобилизации в связи с угрозой вражеского наступления привели к тому, что около половины ее состава (121 тыс. в октябре 1919 г., 278 тыс. в августе 1920 г.[26]) оказалось в армии, где коммунисты представляли собой наиболее надежный и решительный слой: 50 тыс. их погибло в бою[27]. Бои шли не только на фронте. В тылу вспыхивали мятежи, то в одном, то в другом городе возникали заговоры. Поэтому задачи вооруженной борьбы приходилось решать и немобилизованным коммунистам. Из их числа начали организовываться — с апреля 1919 г. в систематическом порядке — «части особого назначения» (ЧОН): они поднимались по первому сигналу тревоги и могли использоваться против вражеских вылазок на местах[28].

Партийные силы распределялись централизованно: это была основная функция Оргбюро. Коммунисты обязывались отправляться по назначению, «куда зовет партия». Они были солдатами революции. Военная терминология получила тогда повсеместное распространение в партийном обиходе. Милитаризация продвинула и централизацию дальше тех пределов, которые были зафиксированы в самих уставных нормах. Вместо выборных комитетов стали преобладать узкие оперативные органы или даже отдельные руководители, зачастую назначенные центром: руководство осуществлялось посредством приказов, подлежащих выполнению. В партийных организациях

армии — а это означало почти половину всей партии — вообще не было выборных комитетов. Их роль выполняли назначаемые руководящие органы, политотделы, подчиняющиеся единому Политическому управлению в центре. Когда позже, в 1920 г., был поставлен вопрос о милитаризации труда, эту систему перенесли и в другие области, прежде всего в жизненно важные отрасли хозяйства: на железнодорожный и водный транспорт — Троцким, в Донбасс — Сталиным[29].

Военно-пролетарская диктатура

Милитаризация и централизация были отличительными чертами не только партии, но и всей новой организации государства, начиная с Советов. Уточним: дисциплина, диктатура, железный революционный порядок — все эти требования выдвигались Лениным и до того, как последовала новая вспышка войны. Но когда дилемма приобрела отчетливо военный характер, осуществление этих требований пошло значительно дальше первоначальных намерений и, что особенно существенно, встретило куда более слабое сопротивление. Диктатура пролетариата превратилась в «чрезвычайную военно-пролетарскую диктатуру»[30].

После перемен, которые произошли в Советах с превращением их в органы власти, они претерпели новые преобразования. Их исполнительные органы полностью взяли верх над более широкими инстанциями — собраниями депутатов. Это произошло как в верхах, в отношениях между Совнаркомом и ВЦИК, так и на нижних ступенях административной лестницы. Реальная власть ускользнула от Советов и сконцентрировалась в их исполкомах. Для этих последних, как и для партийных организаций, была создана на VII съезде Советов (декабрь 1919 г.) вертикальная система субординации: подчинение нижестоящих исполкомов исполкомам более высоких административных уровней[31]. Были распущены последние губернские союзы Советов, олицетворявшие первоначальные федералистские тенденции. И наконец, в Москве самые важные решения через голову правительства принимались чрезвычайными органами, какие вообще не были предусмотрены новой Конституцией: Реввоенсоветом под председательством Троцкого — по военным делам и Советом обороны (преобразованным в 1920 г., в период милитаризации экономики, в Совет труда и обороны — СТО) под председательством Ленина — по вопросам мобилизации ресурсов для военных целей, то есть практически по всем вопросам.

Добавим, что во многих частях страны место Советов заняли другие органы. Если их вытеснение комбедами на селе в центральных губерниях явилось временным эпизодом, то в других местах происходили куда более глубокие перемены. В районах, где шли бои, в только что освобожденных губерниях, где Советы были уничтожены, власть по мере продвижения армии сосредоточивалась в руках

ревкомов, то есть органов, которые не выбирались, а назначались для руководства борьбой. Это явление распространялось на огромные пространства: всю Украину, Сибирь, юг, окраины с преобладанием нерусского населения[32]. Позже произошло постепенное возрождение Советов, которые, однако, выступали уже как детище самих ревкомов.

Особые отношения установились между коммунистической партией и Советами. Большевики оказались единственной советской партией значительно раньше, чем стали единственной политической партией в стране. Это произошло после изгнания левых эсеров, которое, в свою очередь, последовало за периодом тяжкого летнего кризиса 1918 г., выразившегося, в частности, и в сокращении численности большевиков в Советах. Впрочем, еще в 1920 г. и даже в 1921 г. большевики не имели абсолютного большинства в Советах, по крайней мере в деревне. Эта пропорция, однако, менялась от нижних ступеней к верхним и от периферии к центру, то есть от Советов к исполкомам, от уездных съездов к губернским или всероссийским: на верхних уровнях процент большевиков значительно увеличивался[33].

Однако это объяснялось только стремлением к власти, из чего большевики, кстати, не делали секрета и что является нормальным для любой политической партии. Коммунисты открыто ставили себе задачей «завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся», добиться «проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы»[34]. Но это явление имело также более глубокие корни. После того как большевики зарекомендовали себя единственной партией, желавшей становления советской демократии, они явились и единственной партией, которая эту демократию защищала с оружием в руках. Она вдохновляла на сопротивление и на войну, поэтому в силу объективной тенденции, в силу собственной руководящей роли она пыталась главенствовать над Советами. Выступая по поводу шедших тогда споров, кто «выше» — партия или Советы, — Зиновьев отвечал, что «такая постановка вопроса неправильна»[35]. Было установлено, что в Советах, как и во всех массовых организациях, коммунисты образуют фракции, подчиняющиеся соответствующим партийным комитетам с тем, чтобы легче было проводить коммунистическую политику. В то же время утверждалось, что партия не должна подменять Советы, не должна навязывать им своей опеки. Тем не менее вопрос об отношениях между партией и Советами, партией и государством оставался более, чем когда-либо, неясным, причем на практике в еще большей степени, нежели в теории.

Очень выросло значение всех центральных учреждений, как военных, так и хозяйственных. Среди них был один орган, игравший во время войны особо важную роль. Рожденная для защиты республики от контрреволюции, ЧК приобрела исключительные размах,

власть и влияние, равные, пожалуй, лишь масштабам возложенной на нее задачи. Ее личный состав подбирался с большей политической тщательностью, нежели для армии. Это не означает, что в ней работали только безупречные революционеры. Требовались решительные люди. Среди них попадались и перерожденцы, и разложившиеся: дело доходило до того, что некоторых из них пришлось расстрелять в назидание их товарищам. Полномочия и функции ЧК быстро разрослись. Она осуществляла красный террор, подавляла мятежи, следила за другими партиями и вела с ними борьбу. Она занималась ликвидацией мятежных банд на Украине и в других районах. Она имела свои внутренние войска (ВОХР): в середине 1919 г. в них насчитывалось 40 батальонов[36] и с ними сотрудничали коммунистические ЧОН. В армии у нее были свои особые отделы. ЧК выполняла одновременно функции полиции и контрразведки. Несмотря на неоднократное осуждение этой практики, она в течение длительного времени не только вела следствие, но и выносила приговоры. Она организовала первые концентрационные лагеря, задуманные тогда как «школы труда» для буржуазии, тунеядцев и спекулянтов[37], но фактически скоро сделавшиеся местами заключения.

Роль, которую стала играть эта организация, придала ее руководителю, Дзержинскому, вес и влияние одного из главных творцов революции. Возглавляемая им ЧК действительно была одним из наиболее эффективно действующих советских учреждений, но, естественно, совсем не образцовым, как он писал в некоторых своих статьях. Мало того, оно было очень опасным оружием. Дзержинский использовал его со скрупулезной добросовестностью, в соответствии с теми критериями, которые он сам и его сотрудники считали критериями революционного действия, и главное — никогда не превращал его в орудие личной власти. В этом его заслуга. Он сам боролся против злоупотреблений ЧК. Ненавидимый противником, он пользовался уважением, даже любовью своих сотрудников и редко подвергался критике с их стороны[38]. Лучше всего представление о его личности дают следующие строки из его письма к жене в мае 1918 г.: «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и о себе... Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше... Мысль моя заставляет меня быть беспощадным, и во мне твердая воля идти за мыслью до конца...»[39].

Победа Ленина и порожденные ею противоречия

От внимания большевиков не ускользала опасность, заключавшаяся в подобной военной и централизаторской эволюции диктатуры и партии. Эта эволюция встречала сопротивление. На съездах и конференциях 1919 и 1920 гг. дело доходило до образования оппо-

зиции, состоявшей большей частью из бывших «левых коммунистов». Эта оппозиция, однако, могла предложить лишь частичные поправки к генеральной линии, а не реальную альтернативу. Это видно хотя бы из того обстоятельства, что она именовала себя группой «демократического централизма» (сокращенно «децистов»), то есть выступала за принципы, которые должны были разделяться всеми. Критика ее была обоснованна, но ведь большинство было с ней согласно. В подобных условиях нелегко было найти противоядие.

Дискуссия обострилась в 1920 г., когда наметился переход от войны к миру. В отличие от своих критиков-«децистов», Ленин ничуть не тосковал по тем временам первого периода после революции на рубеже 1917—1918 гг., когда, по его словам, «царил хаос и энтузиазм», но в то же время и «бессилие», и партия «плыла по течению»[40]. Для него, как и для других руководителей большевиков, этот этап кончился навсегда. Проблема тем не менее существовала и находила выражение в растущей неудовлетворенности партии. Протестовали не одни только «децисты». Спорили главным образом о том, каков должен быть принцип управления на разных уровнях и в разных областях, особенно в хозяйственной, — коллегиальность или единоначалие (единоличие)? Ленин и идущее за ним большинство отстаивали принцип единоначалия, причем прежде всего применительно к производственной деятельности. Дискуссия затем распространилась и на вопрос о том, какие функции в жизни страны должны выполнять профсоюзы. Во время гражданской войны численность их значительно увеличилась, поскольку вступление в профсоюз стало обязательным для каждого работающего, а сами профсоюзы перешли под руководство большевиков. К тому же профсоюзы приобрели большой вес в структуре Советского государства. И наконец, оппозиция нападала на чрезвычайные органы (например, политотделы), не предусмотренные ни законами, ни уставом.

По всем этим пунктам одержали верх установки большинства. Но споры еще более обострились, и на IX конференции (сентябрь 1920 г.) приобрели масштабы настоящего партийного кризиса. Уладить этот спор не удалось, даже приняв резолюции, дающие больший простор внутрипартийной демократии в организациях большевиков и Советах[41].

Таким образом, коммунистическая партия подходила к концу гражданской войны с двойственными итогами. Она победила своих бесчисленных врагов. Завоеванная победа была ее триумфом. Она совершила много ошибок, но, как правильно писала газета, «одной ошибки она не совершила: не отдала власть буржуазии»[42]. Всего за несколько лет эта партия накопила многогранный опыт: государственной работы и военной борьбы — в одних районах, подпольной и партизанской борьбы — в других; этот опыт носил одновременно многонациональный и интернациональный характер. Красной нитью через весь этот опыт проходила одна особенность: беспрецедентная жестокость борьбы. Из нелегальной партии рабочих цитаделей она стала партией

масс, проникнувшей и в российскую деревню. Она сумела в основном сохранить поддержку рабочих, причем добилась этого лишь силой политического убеждения, ибо не могла обеспечить им ни лучших условий жизни, ни рационального управления. Она повела за собой миллионы людей, причем не на простую борьбу с помощью избирательных бюллютеней, но на более суровое испытание, испытание войной, — это в стране, настолько уставшей от войны, что ее армия отказалась воевать. Это была единственная российская партия, поднявшаяся на гребне революционной волны. Все другие обанкротились, и не потому, что негодными оказались их кадры, напротив, некоторые из них возглавлялись людьми незаурядными, а потому, что не сумели правильно понять и придать форму смелых решений чаяниям и глубинным сдвигам, происходившим в недрах народных масс. Их банкротство, по сути дела, было банкротством русской интеллигенции, которая в подавляющем большинстве своем была против большевиков. Революция подтвердила, что в политической борьбе мало иметь хорошие или даже возвышенные идеи: нужно, чтобы эти идеи стали достоянием миллионов людей, организованных и готовых идти за них в бой.

Ради защиты революции, провозгласившей великие и простые лозунги, народные массы вынесли неслыханные мучения и проявили подлинный героизм. На протяжении всей революционной борьбы партия, которая руководила ею, продолжала неизменно черпать свои силы из низов, из самых придавленных и обездоленных слоев общества. Это можно проследить на ее собственном составе. Из некоторых опросов, проведенных в те годы: 67 % членов партии были рабочего и крестьянского происхождения, 90 % было в возрасте моложе 40 лет и 58 — моложе 30 лет, 80 % вступили в партию после Октября и лишь 8 % — до февраля 1917 г.[43] Мы видели, насколько жесткой была ее внутренняя структура. Следует, однако, сказать — главным образом для того, чтобы можно было сопоставить с последующими периодами, — что и тогда в партии в известных пределах проводились принципы демократизма. Продолжали проводиться дискуссии, собрания, съезды. И это касалось не только партии, но и всей страны в целом. Митинговая лихорадка, с непрерывным чередованием собраний и съездов, характерная для периода, предшествовавшего разгару гражданской войны, поутихла. И все же, как удалось подсчитать, за три года состоялось около 1300 уездных и губернских съездов одних только Советов[44].

Откуда же тогда проистекал кризис партии? На IX партконференции Ленин с полным основанием говорил о «переутомлении, доходившем до истеричности...»[45]. Никто не может отрицать, что такой фактор действительно был и оказывал свое воздействие. Но главные мотивы лежали глубже. Партия сгибалась под бременем чудовищного противоречия. Она победила, но оказалась во главе страны, отсталость которой усугублялась еще и всеобщей разрухой. Она победила, но была не в состоянии практически осуществить бóльшую часть своей про-

граммы. Она руководила революцией, но смогла лишь в минимальной степени реализовать те цели, во имя которых эта революция совершалась. Поход Антанты не смог раздавить ее, но ограничил ее деятельность до жестких пределов. Из этого основного противоречия проистекали другие. Большевики ввели прогрессивное социальное законодательство, предусматривавшее пособия по болезни, оплаченные отпуска, декретные отпуска для женщин. Но какой смысл имели все эти обязательства в момент, когда не было даже черного хлеба? На своем IX съезде, том самом, где была выдвинута программа милитаризации труда, партия приступила также к выработке самой демократичной реформы армии, предусматривавшей постепенный возврат к принципу всенародной милиции. Оба предложения были выдвинуты одним и тем же партийным руководителем — Троцким. Противоречия, коренившиеся в действительности, находили, таким образом, выражение в позициях вождей. Здесь-то и был источник кризиса.

Книга вторая

ГОДЫ НЭПА

I. ТЯЖЕЛЫЙ КРИЗИС 1921 г.

Мятежи от Тамбова до Кронштадта

«Ни одна страна мира на протяжении истории нового времени не подвергалась до этого такому опустошению», говорит о России конца гражданской войны и интервенции советский историк[1]. Эта оценка совпадает с теми, которые высказывались современниками. «История не знала еще такой грандиозной катастрофы», — сказал английский писатель Герберт Уэллс, одним из первых посетивший Россию[2]. За семь лет войны из-за людских потерь и утраты многих земель население России сократилось до неполных 137 млн. человек. В стране насчитывалось 4,5 млн. инвалидов войны. Было уничтожено свыше четверти национального богатства. Города обезлюдели. Население Петрограда уменьшилось с 2 млн. до 700 тыс. жителей. Выпуск промышленной продукции составлял седьмую часть довоенной. Без движения стояли затопленные или разрушенные шахты Донбасса, нефтяные промыслы Кавказа. Бóльшая часть промышленности была парализована[3].

Гражданская война в основном закончилась, но сказать, что она полностью завершилась, было еще нельзя. С окончанием главных военных операций обозначился провал планов милитаризации, намеченных в марте 1920 г. Этот год отмечен глубоким кризисом: экономическим, социальным, политическим. Ленин охарактеризовал его как «самый большой... внутренний политический кризис Советской России». Зиновьев говорил об «общем кризисе», о «некоем кризисе революции»[4].

Экономический крах обозначился на рубеже 1920 — 1921 гг. Конец войны, освобождение от белых оккупированных ими областей, богатых природными ресурсами, некоторое оживление на транспорте — все это породило надежды на быстрый подъем. Но оказалось, что имевшиеся скудные средства распределены неверно, в соответствии с чересчур широкими планами. В первые недели нового года вновь обнаружилась нехватка топлива. Пришлось закрыть многие предприятия из числа тех, что до этого момента работали. То же самое произошло с транспортом, и ухудшилась доставка хлеба. В отношении продовольственного снабжения надежды возлагались на только что возвращенные хлебные районы: Сибирь, Северный Кавказ, Украину. Но железные дороги бездействовали, и сообщение было ненадежным. Основная тяжесть легла на районы Центральной России. Между тем эти губернии собрали в 1920 г. весьма скудный урожай,

что и определило катастрофу, которая грянула годом позже. Планировалось собрать по разверстке 420 млн. пудов зерна; с большим трудом удалось собрать 284 млн.[5] Подвоз зерна резко сократился в январе 1921 г.; в Москве и Петрограде и без того мизерные нормы выдачи продуктов были урезаны еще больше; в течение нескольких дней хлеба вообще не выдавали. Положение в деревне становилось невыносимым: недоставало элементарных орудий труда, даже гвоздей, земля оставалась невозделанной. И без того низкие урожаи снизились еще больше.

Теперь, после окончания войны, недовольство реквизициями и малопроизводительным принудительным трудом выливалось открыто, без страха сыграть на руку врагу. На одном из съездов Советов крестьянский делегат говорил: «Крестьяне всегда будут работать, сыновей своих не жалеют, крови не желают, и сами идем, и в Германии были, и на Урале были, и Колчака били, и Деникина били, и еще будем бить. Они бежали. Мы еще их будем гнать, если они придут, но все-таки хочется того, чтобы нас зря не мучили... Труд должен быть свободный...»[6].

Зимой кризис власти в деревне вновь приобрел тяжелые формы. Партизанская война или просто бандитизм охватили почти все губернии. В отряды приходили демобилизованные из Красной Армии и дезертиры, которые отправлялись домой пешком, так как транспорт не работал. В некоторых частях страны подобные явления носили массовый характер. На Украине еще действовали отряды Махно вперемежку с другими бандами. Мятежи начались в Западной Сибири. Обширные зоны партизанской войны образовались на Северном Кавказе и вдоль Волги, особенно в Саратовской губернии.

Самый серьезный мятеж разразился в Тамбовской губернии. Он грозил распространиться, подобно масляному пятну на воде. Начавшись летом 1920 г., он длился весь последующий год. В феврале 1921 г. число мятежников определялось в 30 тыс. На протяжении нескольких месяцев против них пришлось применять крупные войсковые части — общим числом до 53 тыс. человек — под командованием одного из самых знаменитых командиров гражданской войны Тухачевского[7]. Опасность, впрочем, нависла и в тех местах, где дело не доходило до этого. Внушительные вооруженные формирования продолжали действовать вдоль границ; другие нашли укрытие по ту сторону границы. В Нижнем Новгороде в самый последний момент удалось предотвратить восстание многочисленного гарнизона (50 тыс. человек), вызванное отчаянными условиями, в которых он находился. Аналогичные случаи отмечались в Смоленской губернии, где к тому же был широко распространен бандитизм[8]. Недавно опубликовано исследование писем и петиций, поступавших тогда в Москву; нередко их подписывали целые деревни и доставляли специально выделенные ходоки. Это исследование позволяет проследить, как нарастало недовольство на селе к концу 1920 г. В нем описываются невыносимые условия тогдашней деревенской жизни. К тому же значитель-

ная часть посланий поступала из тех самых центральных губерний, которые стойко продержались всю войну. «Если до весны никаких решительных шагов... не предпримем, — говорилось в одном из донесений из Вологды, — то можем оказаться перед попыткой крестьянского реванша»[9].

Кризис также ослабил прочность новой рабочей власти в городах среди рабочих. Закрытие заводов и сокращение хлебного пайка повлекли за собой забастовки в Москве и Петрограде; особенно серьезный характер приобрели они в Петрограде, где было вновь введено осадное положение. Теперь большевикам предъявляли их собственные программные требования, которые они в данную минуту не могли удовлетворить. В первых числах февраля конференция рабочих-металлистов Москвы и Московской губернии потребовала положить конец реквизициям в деревне[10]. Вся совокупность кризиса в конечном счете слилась в одном слове: Кронштадт. Но то было лишь кульминацией длительной драмы.

Восстание в знаменитой морской крепости — одной из главных очагов революции в 1917 г. — началось 1 марта 1921 г. в связи с забастовками в Петрограде. Восставшие овладели военными кораблями, в том числе двумя крейсерами. Они выдвинули лозунг «Власть Советам, а не партиям!», мечтали о «третьей революции», провозглашали: «Долой правую и левую контрреволюцию!». Главной мишенью были большевики, которым предлагалось отказаться от власти. В крепости насчитывалось 20 тыс. матросов и солдат и несколько тысяч рабочих. Сама партийная организация Кронштадта оказалась расколотой на три группы: одна была заодно с мятежниками, другая занимала нейтральную позицию, третья — против них[11]. Первая попытка захватить остров атакой с материка, предпринятая 8 марта, провалилась. В конечном счете восстание было подавлено в результате наступления, начавшегося в ночь с 16 на 17 марта под командованием Троцкого и Тухачевского. И осажденные, и идущие на штурм сражались с отчаянной отвагой: наступающим пришлось продвигаться по открытому льду залива, в лоб атаковать крепость с ее фортами и батареями. Восемь тысяч мятежников сумели укрыться в Финляндии. Эта смертельная схватка между людьми, которые только что сражались плечом к плечу во имя одной и той же революции, была самым тревожным симптомом возможного краха власти, родившейся в октябре 1917 г.[12]

В полемике того времени, как и в более поздних работах советских историков, организацию мятежей неизменно приписывают старым побежденным партиям, в особенности меньшевикам и эсерам. Некоторые из их пропагандистских лозунгов действительно выставлялись различными движениями протеста, сотрясавшими страну. Остатки этих партий обрели известную жизнеспособность. Но в целом более убедительным выглядит то описание противоборствующих сил, которое дано в воспоминаниях Микояна (посвященных событиям того времени в Нижнем Новгороде) и в документах Смоленского

архива*. В этих описаниях меньшевистские и эсеровские группы характеризуются как активные, но, по существу, неспособные на какое-либо выступление во главе масс[13]. Если бы они еще обладали политическим весом, положение большевиков стало бы отчаянным. На самом деле ни восставшие в Кронштадте, ни мятежники из крестьянских банд не шли на поводу этих партий. Коммунисты чувствовали, что могут потерять власть, но эта угроза исходила не от меньшевиков или эсеров. Она была страшнее, но одновременно и более расплывчатой. Речь шла о неудержимой стихии крестьянской анархии, причем не анархии официальных последователей Кропоткина, которые, как признается в их мемуарах, оказывали очень малое влияние на события в Кронштадте[14], а той, которую Ленин называл «мелкобуржуазной стихией», поясняя, что она «недаром называется стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное...». Эта стихия, как мы знаем, была немаловажным компонентом революционного порыва, но теперь, подчеркивал в своем анализе Ленин, «она скинет рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие»[15].

Борьба между большевиками

Политический кризис поразил и коммунистическую партию. Потрясены были самые основы ее власти. Вождь социалистической революции, партия оказалась во главе страны, изолированной от остального мира, в которой, как указывал Ленин, «экономических основ для действительного социалистического общества еще нет», а «культурный уровень крестьян и рабочей массы не соответствовал задаче» перехода к такому обществу. Перед «огромным большинством крестьянства» было «не только меньшинство, но и значительное меньшинство пролетариата», который к тому же подвергся и продолжал подвергаться «такому сверхчеловеческому напряжению», «таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории»[16]. Сила, призванная быть гегемоном, сама раскалывалась.

В этих условиях в партийных организациях на самых различных уровнях происходили столкновения по самым различным вопросам, как чисто внутренним, так и связанным с проблемой подчиненности в партии. Шла полемика между верхами и низами, то есть руководителями и руководимыми. Наконец, кризис охватил и саму партийную верхушку. В испытаниях гражданской войны ее центральное ядро

* Речь идет об обширном собрании документов смоленской организации Коммунистической партии Советского Союза. Немцы завладели архивом во время летнего наступления 1941 г. в России. Затем он попал к американцам и в качестве военного трофея был увезен в США, где в настоящее время хранится в библиотеке Гарвардского университета.

оставалось, по существу, сплоченным, причем даже более сплоченным, чем в первые месяцы революции, омраченные последствиями споров в Октябре и затем брестскими разногласиями. Под давлением обстоятельств в нем вновь вспыхнула внутренняя борьба.

Начало конфликту положила резкая реакция партии на политику милитаризации, избранную IX съездом. Эта линия, как мы видели, встретила оппозицию (пусть даже и не в открытой форме) не только со стороны «децистов» — они и до того критиковали тенденцию к преобладанию военных, «бюрократических», недемократических методов, — но также со стороны руководителей профсоюзов. В ноябре 1920 г. на пленуме ВЦСПС разногласия вылились в столкновение между двумя членами большевистского ЦК: председателем ВЦСПС Томским и Троцким. Троцкий, которому было поручено руководство всем транспортом, стал повсеместно, в том числе и в профсоюзных и партийных организациях транспортников, насаждать формы и методы, принятые в армии. Встречая в своем стремлении последовательно проводить в жизнь курс на милитаризацию труда растущее сопротивление на местах, Троцкий пригрозил распространить аналогичные приемы на все профсоюзы в целом. Возник конфликт. Но при обсуждении его в высшем партийном органе Троцкий не только не нашел поддержки, но и встретил сильную оппозицию, к которой принадлежал на этот раз и Ленин. Разногласия усугубились до такой степени, что приняли форму общепартийной дискуссии. Инициатива исходила от Троцкого. К нему присоединились другие видные руководители. После безуспешной примирительской попытки его поддержал Бухарин. Подготовка к X съезду партии велась на основе раздельных платформ.

Борьба шла между тремя основными тенденциями. Принятая в 1919 г. партийная программа устанавливала, что «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством»[17]. В ходе гражданской войны профсоюзы уже взяли на себя выполнение некоторых функций организации экономики, тем не менее их положение в обществе со многих точек зрения оставалось двусмысленным и неопределенным. Троцкий утверждал, что им следует усиливать скорее их «производственный», чем профессиональный аспект и развиваться в сторону «планомерного превращения... в аппараты рабочего государства, то есть к постепенному сращению профсоюзных и советских органов». Это был тезис «огосударствления» профсоюзов. Он был расценен как наиболее авторитарный, хотя Бухарин, напротив, отстаивал его как возможный вариант «производственной демократии».

На противоположном полюсе образовалась новая группа — «рабочая оппозиция», — состоящая в большинстве своем из профсоюзных работников. Наиболее видным ее руководителем был председатель профсоюза металлистов Шляпников. Оппозиционеры требовали, чтобы профсоюзы осуществляли управление хозяйством на всех уровнях, начиная с отдельных предприятий, где на профсоюзных собра-

ниях должны избираться люди, осуществляющие техническое руководство производством, вплоть до самого верха, где «всероссийский съезд производителей» должен выбирать центральный орган, управляющий всем народным хозяйством. Третья позиция, избранная другими профсоюзными деятелями и затем поддержанная Лениным и большинством Политбюро, предусматривала более осторожный подход к производственным задачам профсоюзов. Профсоюзы рассматривались представителями этой платформы — в соответствии со знаменитой формулой — скорее как «школа» управления, «школа коммунизма», чем как органы, способные взять на себя управление экономикой. Но именно в силу этого они призваны были функционировать более нормальным, демократическим образом, чем это предусматривалось методами военного коммунизма и курсом на милитаризацию[18].

Когда сквозь призму времени рассматриваешь эту дискуссию, некоторые ее аспекты могут показаться чуть ли не оторванными от действительности. На самом же деле в ней были поставлены важнейшие для социалистического общества вопросы. Не случайно конфликт этот по сей день остается предметом споров и размышлений. Но ведь страна тогда стояла перед куда более примитивными проблемами: главной задачей было выжить. В дискуссии как бы нащупывалась необходимость политического поворота, но впечатление было такое, что еще не определились пока его отправные точки, которые, кстати говоря, не могли ограничиваться лишь промышленностью и рабочим классом. Вместе с тем дискуссия не была просто спором: то была открытая политическая борьба с неизбежными в такой борьбе резкостями. Пример — обвинения в адрес Троцкого, выдвинутые петроградской партийной организацией, которой руководил Зиновьев. Троцкий, говорилось в них, жесткостью своих тезисов грозит вызвать раскол между партией и профсоюзами[19]. В провинции столкновения носили еще более острый характер: кое-кто призывал голосовать «за Ленина» или «против Ленина»[20].

Каждая позиция, как часто бывает в таких случаях, выходила за рамки конкретных платформ. Троцкий, отталкиваясь от военного опыта, стремился достичь высшей эффективности в производстве военными же средствами. «Рабочая оппозиция», довольно сильная в некоторых промышленных центрах, отражала недовольство городского пролетариата, причем в ней чувствовался стачечно-экономический, «увриеристский» акцент, носивший не только антибюрократическую, но, пожалуй, и антиинтеллигентскую окраску. Эта оппозиция была единственной, которая предлагала немедленные меры по повышению жизненного уровня рабочих, но в тех условиях предложения эти носили утопический, если не просто демагогический характер. Она была ближе к революционным чаяниям и программе партии, но ближе в тех пунктах, которые в тот момент были совершенно неосуществимы. Позиция Ленина, чрезвычайно недовольного этим публичным столкновением, была направлена на поиски равновесия. Тактиче-

ски его удары вначале были направлены против Троцкого, а затем против «рабочей оппозиции», в которой Ленин подозревал зерно анархизма. Платформа, поддержанная его авторитетом, завоевала внушительное большинство, но, как и две другие (это предвидел Троцкий[21]), почти сразу же оказалась оттесненной в прошлое развитием событий.

X съезд

Проходивший в декабре 1920 г. VIII съезд Советов еще был всецело пронизан установками политики военного коммунизма. Посев и правильная обработка полей еще рассматривались на нем как «государственная обязанность»[22]. Между тем побуждаемый тревожными сигналами, поступавшими из разных районов страны, и ощущением, что с весной может прийти катастрофа, Ленин искал выход из кризиса. Плоды его размышлений выкристаллизовались в конечном счете в предложение о замене реквизиций зерна (продразверстки) продовольственным налогом. Этот налог, не только менее обременительный, но и заранее доведенный до сведения крестьянина, давал ему возможность свободно распоряжаться тем количеством зерна и других продуктов, которое оставалось у него сверх точно и заблаговременно установленного предела.

Сама по себе идея была не нова: ее уже выдвигали меньшевики, а среди большевиков — годом раньше — Троцкий. Ленин, однако, рассматривал ее в более широком контексте, что придало ей более глубокий смысл, значение радикального поворота. Вопрос этот был для него прежде всего политическим, ибо, по существу, речь шла об отношениях между рабочими и крестьянами, то есть между двумя главными классами. Отношения эти следовало «подвергнуть новому или.., пожалуй, более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру». Судьбы революции зависели от того, будет ли между этими двумя социальными силами борьба или соглашение: «Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»[23]. Ленин говорил теперь о крестьянстве вообще, не делая больше различия между бедняками и богатыми, признавая факт общего усреднения их жизненных условий. Таково было огромное новшество, предложенное X съезду; оно прошло, почти не встретив противодействия.

X съезд партии заседал в марте 1921 г., после дискуссии о профсоюзах и в момент мятежа в Кронштадте; многие делегаты выехали из Москвы, чтобы участвовать в его подавлении. Это был один из самых напряженных и драматических съездов в истории партии большевиков, хотя драм в ее истории всегда было предостаточно. Замена разверстки продналогом — не единственный политический поворот, совершенный съездом. Форум партии, оказавшейся под угрозой поражения на следующий день после труднейшей победы,

выработал своего рода чрезвычайный курс. Правда, пока он походил больше на инстинктивные акты самозащиты, чем на обдуманный комплекс политических мер. Эти акты выглядели противоречиво, но все же уже позволяли проследить новую ориентацию. Если полемика с Троцким и Бухариным заключала в себе прежде всего опасность раскола верхов, то споры с «рабочей оппозицией» обнаружили риск разрыва и с партийной массой. Критика на съезде обрушилась в особенности на Шляпникова и его сторонников. Два других течения по этому пункту выступили заодно. В выступлениях против оппозиции была вновь подтверждена старая большевистская идея: партия — «авангард» пролетариата, единственная сила, способная «объединить, воспитать, организовать» рабочий класс и массы трудящихся, «противостоять» их «колебаниям» и «предрассудкам». Эта роль должна выполняться партией и после установления «диктатуры пролетариата»; более того, одно «немыслимо» без другого[24]. Политика партии была приравнена к «непоколебимой железной линии», от которой нельзя было отойти без того, чтобы не сыграть на руку ее врагам[25]. Именно из-за недооценки этого теоретического положения группа Шляпникова была обвинена в «уклоне» к анархо-синдикализму*.

За формулировками последовали организационные меры. Самая далеко идущая была выдвинута и отстаивалась Лениным как крайняя мера, продиктованная сознанием опасности. Речь шла о шаге, далеко не соответствующем правилам большевистского демократического централизма, да и самой военной дисциплине времен гражданской войны. Резолюцией «О единстве партии» были запрещены организованные фракции, причем последним, не подлежащим разглашению пунктом этой резолюции высшие партийные инстанции — Центральный Комитет и Центральная контрольная комиссия — были уполномочены исключать избранных съездом руководителей в случае нарушения ими этого запрета. Решение об исключении должно было приниматься большинством в две трети голосов на совместном заседании ЦК и ЦКК. Нововведение могло стать источником опасных последствий, и все же в напряженной атмосфере того момента за него проголосовали и те, кого, подобно Радеку, обуревали наихудшие опасения[26].

Центральная контрольная комиссия была органом, учрежденным в сентябре 1920 г. IX партконференцией, в тот именно момент, когда кризис партии обнаружился во всей своей остроте. Официально ее

* Слову «уклон» суждено было позже приобрести широкую известность и войти в международный политический лексикон. Это произошло в тот период, когда при руководстве Сталина ему был придан резко отрицательный, пожалуй, даже преступный смысл и оно стало всюду переводиться как «deviazione» («отклонение», «впадение во грех» — *итал.*). Нам представляется необходимым подчеркнуть, что наш перевод — «propensione» («склонность», «наклонность к чему-либо» — *итал.*) — более соответствует тому смыслу, в каком употребил его Ленин на X съезде. Он специально уточнял, что выбрал это слово, чтобы не придавать своей критике слишком ожесточенного характера, и что готов заменить его на более мягкое, если оно будет кем-нибудь подсказано (см. Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 537).

впервые избрали на X съезде. Она должна была представлять собой своего рода высшую моральную инстанцию, облеченную полномочиями по разрешению личных конфликтов и разбору многочисленных жалоб. Ее задумали, иначе говоря, для обеспечения здоровых норм партийной жизни, как гарантию от произвола и злоупотреблений. X съезд принял также резолюцию по организационному вопросу, в которой выражалось пожелание, чтобы «внутрипартийная рабочая демократия» утверждалась все шире вместо «милитаризации», возобладавшей в партии в предыдущие годы. Резолюция требовала поэтому регулярного проведения выборов и перевыборов, свободы дискуссии и т. п. Между этими требованиями и драконовскими условиями, введенными резолюцией «О единстве партии», было очевидное противоречие. Его воздействие не замедлила испытать на себе сама ЦКК, внимание которой оказалось сосредоточенным на чисто дисциплинарных вопросах. К чести большевиков, следует сказать, что это противоречие ими сознавалось. «Сама эпоха носит противоречивый характер», — говорили они о своем времени. Они пытались уйти от противоречия, но это было нелегко[27].

Голод

Переход к продналогу, решение о котором было принято так, чтобы успеть оповестить об этом крестьян до начала весеннего сева, представлял собой лишь первый шаг в новом направлении политики. Взвесить его последствия у съезда не было времени. Этим последствиям между тем суждено было выявиться на фоне нарастающих трудностей. В первый момент предполагалось, что у крестьян удастся получить также излишки, то есть то, что должно остаться после сдачи налога и удовлетворения личных потребностей. Достичь этого думали путем организованного обмена крестьянской продукции на промышленные товары. Проект, однако, оказался несостоятельным уже в первые месяцы: товаров, подлежащих обмену, оказалось слишком мало, не было и организации, способной взять на себя реализацию такого товарообмена[28]. Необходимо было разрешить свободную торговлю. Для Ленина, как и для всех большевиков, это влекло за собой глубокий пересмотр собственных идей: свобода торговли — никогда! — утверждал он в предшествующий период. Уже в мае, то есть всего через два месяца после съезда, оказалось необходимым созвать чрезвычайную партконференцию (X) для обсуждения нового курса и тех бесчисленных сомнений, которые он порождал: теперь было ясно, дело идет к новой экономической политике — нэпу. Этот курс, уточнял Ленин, был взят «всерьез и надолго». Публичной критике в этой связи им был подвергнут военный коммунизм как навязанный обстоятельствами. Ленин перекидывал здесь мостик к своим мыслям весны 1918 г., когда он указывал, что государственный капитализм был бы прогрессом в условиях России. Он вновь заговорил о «первых шагах к социализму» и обратил

внимание на необходимость прибегнуть к «реформистскому» методу действий в вопросах хозяйственных [29]. Не он один занимался пересмотром прежних утверждений. В печати критиковалась только что вышедшая насыщенная идеями военного коммунизма книга Бухарина «Экономика переходного периода». Объективные экономические категории, отмечалось в критическом разборе книги, вновь подтверждают свою действенность и не оставляют места для мифа о всеспасительном «внеэкономическом принуждении», преклонением перед которым была пронизана книга.

Проведение в жизнь новой политики было затруднено катастрофой, обрушившейся на страну в весенне-летний период. После сокращения посевных площадей и падения урожайности в военные годы одной из периодически поражающих русские равнины засух оказалось достаточно, чтобы вызвать губительный недород на обширнейших территориях Поволжья и Приуралья, части Северного Кавказа, Украины и Крыма. Двадцать две губернии с населением 23 млн. человек были обречены на муки голодной смерти. Население, охваченное бедствием, было еще многочисленней: свыше 33 млн. человек. Микоян утверждает, что погибло около 3 млн. По всей вероятности, эту цифру следовало бы увеличить, но произвести сколько-нибудь достоверный подсчет никому не удавалось. Массы людей пытались спастись бегством из районов недорода: из-за разрухи на транспорте многие погибли в пути. Уже вследствие гражданской войны в стране было множество беспризорников; теперь это явление приобрело устрашающие размеры: в 1922 г. насчитывалось 5,5 млн. оставшихся на произвол судьбы детей[30]. Самарский делегат на X съезде Советов (декабрь 1922 г.) взывал: «Положение поистине ужасное... Поддержите нас. Мы три года вас поддерживали, три года отдавали все силы Республике, отдавали наш хлеб... У нас дело дошло до того, что люди едят трупы людей». Многочисленные другие свидетельства подтверждают, что действительность была именно такой [31]. Крайне тяжелая обстановка сохранялась и в городах, и за пределами районов, пораженных неурожаем. «Более всего впечатляет облик этих человеческих существ, — писал приехавший из Франции коммунист. — На лицах, как и на исхудавших телах, лежит отпечаток физического истощения, длительного недоедания... Зачастую задаешься вопросом, как им удается удерживаться на ногах, не рухнут ли они навзничь с минуты на минуту»[32]. В подобных обстоятельствах продналог не мог дать даже половины тех 240 млн. пудов, на которые надеялись.

Положение оставалось почти безнадежным на протяжении целого года, то есть вплоть до лета 1922 г., когда новый, к счастью, хороший урожай позволил советской власти перевести дыхание. Год нэпа способствовал постепенному примирению с селом, а тем самым и усилиям по подъему всей экономики. Тот факт, что, несмотря ни на что, при самой скромной помощи из-за границы удалось все же ценой крайнего упорства обеспечить соглашение с селом, а

следовательно, и минимум продовольствия, то есть победу в войне с голодом, был для нового строя доказательством крепости и силы духа. Но одновременно это был для него крайне тягостный переход к новым условиям существования, в некоторых отношениях даже более тяжелый, чем гражданская война, потому что не стало того героического порыва, который был характерен для вооруженной борьбы. Как реальный хозяйственный курс нэп постепенно обрел форму во второй половине 1921 г. Свобода торговли означала — и большевики знали это — определенное оживление капитализма. Таким образом, они вступили в систему смешанной экономики, очертаний которой ясно не видели сами. Впрочем, они вообще мало знали о проблемах управления экономикой. Во всех отраслях хозяйства и во всех действовавших до того установках произошли перемены. Первые замыслы в области планирования привели к рождению плана электрификации России (ГОЭЛРО); он был утвержден в декабре 1920 г. VIII съездом Советов. На базе этого первого опыта родилась плановая комиссия (Госплан), укомплектованная преимущественно учеными и экспертами-некоммунистами. Некоторые большевистские руководители, и в том числе сам Троцкий, выступали за более широкое развитие планирования, но встретили оппозицию Ленина, с недоверием относившегося к чересчур общим и честолюбивым проектам, которые рисковали остаться на бумаге. Он учил партию овладевать самыми простыми формами хозяйствования, требовал, чтобы коммунисты «научились торговать». Он был инициатором правительственного документа — знаменитого «Наказа от СТО (Совета труда и обороны) местным советским учреждениям», — который требовал от них научиться регистрировать, распознавать, истолковывать явления экономики и на этой основе проявлять собственную хозяйственную инициативу[33].

Процесс национализации был приостановлен. Было решено, что даже предприятия, уже перешедшие в собственность государства, могут быть отданы в аренду или концессию русским или иностранным капиталистам при соблюдении некоторых гарантий. Учитывая оживление рынка, национализированная промышленность отныне также должна была сообразовываться с законами товарного производства, исходить из соотношения издержек и прибылей (хозрасчет). Производство надлежало сосредоточить на предприятиях, способных работать в таких условиях. Началась, таким образом, структурная перестройка промышленности: главки постепенно были упразднены (за двумя исключениями — для металлургии и электроэнергетики), а рентабельные предприятия стали группироваться в самостоятельные тресты либо по производственному признаку, либо по географическому. Бо́льшая часть их перешла под контроль местных совнархозов. Активное возвращение частников произошло главным образом в торговле. Большие надежды возлагались на кооперативы, которым вновь разрешалось проявлять хозяйственную инициативу и производить операции на рынке.

Сколь ни скудны были продовольственные ресурсы в распоряжении государства, они ускорили отмену карточной системы. Зарплата вновь стала выдаваться преимущественно деньгами, а не натурой. И если процесс этот все же протекал не так быстро, то происходило это потому, что инфляция продолжала развиваться стремительными темпами, вздувая цены до астрономического уровня. Непрерывная девальвация рубля на свой лад способствовала экспроприации буржуазии. Но теперь дело дошло до того, что потребительские цены исчислялись в миллионах. Просто отменить натуральную форму зарплаты было невозможно, ибо это лишило бы рабочего возможности выжить. С возобновлением рыночных отношений вновь вставал вопрос о необходимости твердой денежной единицы. Требовалось, следовательно, восстановить государственные финансы, найти источники пополнения государственной казны, установить новую финансовую дисциплину, рассчитать бюджет и способы постепенного преодоления его дефицита. XI съезд партии в марте 1922 г. был первым съездом, вниманию которого был представлен доклад на эти темы, подготовленный наркомом финансов Сокольниковым. Изложенные им соображения отныне заняли господствующее положение во всей хозяйственной деятельности правительства большевиков.

Переход к новой экономической политике

Начатый в стране, где люди умирали с голоду, нэп представлял собой радикальный поворот в политике, акт колоссальной смелости. Но переход на новые рельсы заставил советский строй на протяжении года с лишним балансировать на краю пропасти, он мог рухнуть в нее в любой момент. После победы в массах, которые во время войны шли за большевиками, исподволь нарастало разочарование. Для партии Ленина нэп был «отступлением», «концом иллюзий»[34]. В глазах противников — символом признания большевиками собственного банкротства и отказа от своих проектов. Ходили слухи, что заводы будут возвращены прежним владельцам. Капитуляция большевиков еще долго рассматривалась — особенно за границей — как вполне вероятный факт. Летом 1921 г., когда надвинулся голод, в Москве по настоянию Максима Горького был образован комитет помощи голодающим. В него вошли, помимо большевиков, видные деятели культуры и кое-кто из уцелевших руководителей других партий, включая кадетов. Надеялись, что тем самым будет облегчено поступление помощи из-за границы. Но инициатива эта была истолкована как шаг к образованию коалиционного правительства. Получилось так, что часть комитета как бы получила полномочия представлять Россию в отношениях со всеми теми, кто не признавал законности большевистской власти. Поэтому комитет, просуществовав лишь месяц, был ликвидирован, а некоторые его руководители арестованы [35].

Крестьяне на селе продолжали испытывать недоверие к власти. Партия с трудом изыскивала методы работы, отличные от тех, что применялись во время военного коммунизма. В городах рабочие, условия жизни которых оставались из рук вон плохими, требовали, чтобы эти условия хоть как-то были улучшены. Открыто орудовали спекулянты, обогащавшиеся на перекупке товаров, о которых основная масса населения не смела даже мечтать: это порождало ощущение, что воевали впустую. Привилегии, установленные для специалистов, согласившихся работать на советскую власть, усугубляли горечь. Враждебные партии, хотя они были разбиты и развенчаны, в подобных условиях могли найти благоприятную почву для реванша, в частности возрождения против большевиков революционных лозунгов Октября, верность которым партия Ленина была не в состоянии сохранить. Эти партии, как отмечалось в одном из большевистских документов, получали тем самым возможность изображать себя «как единственные в нынешний момент организации, готовые бороться за реальное проведение требований, выдвинутых массами в годы высочайшего подъема пролетарской революции»[36]. Зато сближались с большевиками вчерашние враги, теперь хвалившие их за отказ от некоторых утопий, — обстоятельство, усиливавшее разочарование тех, кто боролся во имя совсем других идеалов.

Историки упрекали Ленина в том, что он не попытался в этих условиях создать более широкую коалицию, не добился, пусть даже «ценою отказа от монополии на власть», большей «политической гармонии»[37]. Но имелись ли реальные предпосылки для подобного решения? Нет никаких указаний на то, что большевики хотя бы раз задумались о такой возможности, не говоря уже об обсуждении ее. Власть, завоеванная ценой гражданской войны, которая к тому же была единственной гарантией того, что, когда бедствия останутся в прошлом, цели революции все равно будут осуществлены, — такую власть не уступают перед трудностями, какими бы трагическими они ни были. Пропасть, вырытую четырьмя годами борьбы, уже нельзя было перейти. Разбитые и дискредитированные остальные политические группы не только не предлагали, но и не могли предложить большевикам никакой настоящей поддержки: они лишь обвиняли, упрекали в выборе «ошибочного пути» и говорили о реванше. Они не могли ссылаться даже на право победителя, которого оправдывает история: на такое право могла претендовать лишь партия Ленина. Альтернативой власти коммунистов был еще больший беспорядок, а следовательно, возобновление гражданской войны. Большевики отстояли свое завоевание. Но больше года их власть в голодной стране висела на волоске — безоговорочной решимости тончайшего слоя революционеров, рассматривавших диктатуру пролетариата и в мирное время как «самую ожесточенную, самую упорную, самую отчаянную войну классов»[38].

Переход к нэпу пусть медленно, но укреплял их позиции. Одним из первых результатов его было постепенное затухание очагов мяте-

жа, вспыхнувших годом раньше. Побуждая крестьян, получивших право свободно распоряжаться частью собственной продукции, вернуться к земле, новая политика выбила социальную опору из-под бандитизма и крестьянской партизанской войны.

В августе 1921 г. Махно укрылся в Румынии, а его подручные рассеялись или сдались к концу года. Летом 1922 г. в стычке был убит Антонов; к этому времени он превратился лишь в затравленного главаря без войск, над которым ежеминутно висела угроза ареста. В течение 1922 г. была в основном ликвидирована и партизанщина на Северном Кавказе, ранее также получившая большой размах. Нэп имел решающее значение для упрочения власти на селе, но он представлял собой лишь одну сторону описываемого явления. Другой — были репрессии, вооруженная борьба, как всегда в таких случаях затяжная и жестокая, с расстрелами, арестами, ссылками и т. д. Проведение этих репрессий зачастую возлагалось на чрезвычайные органы, не предусмотренные никаким законом или регламентом, — на тройки, которым поручалось возглавлять проведение энергичных карательных мер. Впервые появившись в тот момент, они исчезли, когда выполнили свою чрезвычайную миссию[39].

Именно в тот период был закреплен факт существования одной-единственной партии в Советской России. Об этом указывалось в документах XI съезда РКП(б), заседавшего в Москве в конце марта — первых числах апреля 1922 г. «Российская коммунистическая партия, — говорилось в одной из его резолюций, — осталась единственной легальной политической партией в стране»[40]. Многим уцелевшим деятелям других политических организаций было разрешено эмигрировать. Другие были высланы насильственно. С теми же, кто, оставшись, продолжал пропаганду и агитацию, по-прежнему вели борьбу. Сохранилось немало ленинских писем этого периода, в которых он требует усилить репрессии, особенно против меньшевиков[41]. Летом 1922 г. в Москве состоялся процесс над некоторыми руководителями партии эсеров. Их обвиняли в преступлениях, совершенных во время гражданской войны начиная с летних покушений 1918 г., одной из жертв которых был Ленин. Процесс был открытым и вызвал резонанс за границей. Было вынесено несколько смертных приговоров, однако они не были приведены в исполнение. Мало того, ВЦИК постановил, что они вообще не будут приведены в исполнение, если эсеровская партия прекратит всякую террористическую деятельность. (Позже многие из осужденных были выпущены на свободу и работали в различных советских учреждениях.) В 1922 г. обострился также конфликт с православной церковью, которая уже в ходе гражданской войны находилась по другую сторону баррикад. Решение изъять золотые и серебряные украшения в церквах для оплаты закупленного за границей зерна вызвало во многих местах столкновения (а следовательно, и аресты) не только с духовенством, но и с верующими, чаще всего с крестьянами.

Трудные поиски «законности»

Однако, если бы мы не увидели в событиях этого периода ничего, кроме борьбы с большевиками, упорно отстаивавшими свою власть, мы упустили бы из виду всю сложность трудного перехода к нэпу. Ведь нэп был первым мирным, невоенным политическим курсом, который революция оказалась в состоянии осуществить. Победивший строй принял меры по установлению собственной юридической регламентации, по созданию собственной законности. Необходимо было покончить с «морем беззакония», в которое оказалась ввергнута страна. Утверждение революционного «правопорядка» в особенности поощрялось Лениным; он видел в этом эквивалент той «культурности», которой еще не хватало стране[42]. Речь шла о гарантии, в первую очередь ее следовало дать крестьянству. 1922 г. — год интенсивной законодательной деятельности. Размах ее не может не впечатлять, если вспомнить, в каких условиях она протекала. На протяжении года были подготовлены и приняты уголовный и гражданский кодексы, новый земельный и новый трудовой кодексы. Их принятие сопровождалось реформой судов, которые были объединены в стройную трехзвенную систему: народный суд — губернский суд — Верховный суд Республики. Упразднены были ревтрибуналы и административное судопроизводство, то есть практически единственные судебные органы, действовавшие на протяжении гражданской войны[43]. Была учреждена государственная прокуратура; на нее возлагалась задача осуществлять надзор за исполнением законов и в то же время поддерживать государственное обвинение. Наконец, получила признание и была регламентирована система адвокатуры.

Несмотря на эту колоссальную работу, утверждение революционной законности наталкивалось на серьезные трудности. Главное препятствие — все та же острота политической борьбы, как внутренней, так и международной. Сам Ленин, выступая в процессе разработки новых кодексов, потребовал «расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)», распространив это на лиц, участвующих в деятельности других партий. Он заявил также, что было бы «обманом» обещать ликвидацию «террора», и выразил пожелание, чтобы соответствующие политические преступления были юридически сформулированы «как можно шире», предоставляя «революционному правосознанию» решать вопрос, в каких пределах применять установленные меры[44]. Так возникла дилемма между правопорядком и правосознанием, в тисках которой долго будет биться советская юридическая мысль[45].

Такая постановка вопроса находила свое отражение и в превращении чрезвычайных революционных органов в постоянные институты. В феврале 1922 г. ВЧК была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел. И в данном случае ставилась цель перейти от чрезвычайных методов

к нормальной системе законности. На деле же ЧК сохранила все свои полномочия и весьма активно использовала их как в борьбе с бандами, так и против возможного возрождения других партий. И это действительно, по-видимому, было одно из немногих успешно функционирующих учреждений, судя по тому, что к ЧК пришлось обратиться и по такому поводу, как выселение жильцов, незаконно занявших здание, предназначавшееся Коминтерну[46]. Ведомство, задуманное вначале как временное и чрезвычайное, сделалось таким образом постоянным и институционально закрепленным. То же самое произошло с цензурой. В июне 1922 г. было образовано Главное управление по делам издательств и публикаций (Главлит) с задачей надзора за всеми публикациями, особенно частных издательств, вновь нарождавшихся при нэпе[47].

Мучительный переход к нэпу отразился, наконец, и на самой коммунистической партии. Ее отождествление с государством продвинулось еще дальше. В эти месяцы многократно утверждалось — об этом говорил, в частности, и Ленин, — что функции партии и государства не должны смешиваться; практически же для того, чтобы разграничить их, начиная с самого верха, было сделано очень мало. Наиболее значительные решения принимались в высших руководящих органах партии, причем не столько в Центральном Комитете (который вырос тем временем до 27 членов и 19 кандидатов и собирался на пленарные заседания лишь раз в два месяца), сколько в его более узких органах. Подлинным руководящим центром страны сделалось Политбюро: здесь разбирались все крупные политические вопросы и принимались главные решения. Нечто сходное происходило в масштабах губерний.

Партия оставалась хранителем великой социалистической перспективы, открытой революцией, но вместе с тем она представляла собой единственную силу, которая была в состоянии не просто руководить, но и административно управлять несоциалистической страной, обнищавшей и голодной. Она должна была брать на себя задачи, к которым совершенно не имела навыка. Ей пришлось поставить своих активистов на наиболее ответственные посты в самых различных областях общественной жизни. Многие из них обладали военным опытом: в армии, сокращенной до 1,6 млн. человек, оставалось 80 тыс. коммунистов, меньше трети того, что было раньше[48]. Для защиты от карьеристов партия прошлась по своим рядам гребнем чистки. Решение о ней было принято весной 1921 г. Цель состояла в удалении социально чуждых элементов, то есть примазавшихся к власти, развращенных ею, преследующих собственную выгоду. Около четверти партийного состава (24,1 %) было исключено; в рядах РКП(б) оставалось не более полумиллиона человек[49]. При вступлении в партию были введены гораздо более строгие правила: требовалось больше рекомендаций от других коммунистов, длительный кандидатский стаж, утверждение вышестоящим партийным комитетом[50]. Нормы были менее суровыми для рабочих, более

строгими для крестьян и еще более жесткими для всех прочих. И все же Ленин хотел, чтобы они были еще более строгими.

На внутрипартийной жизни в свою очередь сказались решения X съезда, причем его антифракционистская резолюция даже в большей степени, чем резолюция о «рабочей оппозиции». Главная опасность состояла в возможности раскола пролетарского авангарда: внутри партии начинали отражаться противоречия и всего общества в целом. Среди групп, столкнувшихся на X съезде, «рабочая оппозиция» отличалась наибольшим упорством: 22 входивших в нее деятеля апеллировали к Коминтерну, который, однако, не принял их жалобы. Ленин дважды требовал исключения Шляпникова из партии, но оба раза его требования были отвергнуты. Зато был исключен известный партийный деятель из Перми, Мясников. Он отделился от «рабочей оппозиции» и еще более ожесточенно критиковал нэп, представлявший, на его взгляд, возврат к капитализму. В то же время он добивался свободы печати для всех, «от монархиста до анархиста»[51]. Увриеристские, синдикалистские тенденции, выражавшиеся Мясниковым и подпольной группой, которую он попытался сколотить в начале 1923 г., также представляли собой отражение противоречий и разочарований, вызванных новой политикой.

В те месяцы важнее были не дискуссии, а конкретные требования момента, оперативность решений, быстрое и правильное их выполнение, правильный подбор людей. Преобладание организационного момента над другими придало особое значение партийному органу, прежде игравшему довольно второстепенную роль, — секретариату. Сразу после XI съезда только что учрежденную должность генерального секретаря предложили Иосифу Сталину. Похоже, впрочем, никто, кроме него самого, не осознал, какое значение мог приобрести новый партийный орган: нет никаких данных, что это решение сопровождалось какой-либо дискуссией.

Каждая из таких перемен была чревата опасностями в будущем. Главная опасность, а она уже тогда прослеживалась в тенденции взаимопроникновения партии и государства, состояла в засилье бюрократизма. Уже со времени гражданской войны оппозиционные группы сигнализировали о такой опасности; она же в свою очередь была связана с другой: постепенным вырождением демократии во внутрипартийной жизни. И если эти группы даже в тот период не добились большего влияния, то объяснялось это не только строгими правилами, установленными X съездом, но и другими причинами. Первая состояла в отчаянно трудном положении страны. Вторая — в том, что демократическая жизнь в партии продолжалась даже в этих новых условиях. Обсуждение политических вопросов в печати не прекратилось. Несмотря на сохранявшуюся напряженность, XI съезд все еще являл картину свободной дискуссии. До принятия дисциплинарных мер против Мясникова Ленин вел с ним откровенный спор, будучи убежден: следует воспринимать все здоровое, что содержит в себе каждое оппозиционное выступление[52]. Даже на

X съезде он хотел, чтобы и при «радикальных разногласиях» была сохранена возможность противоборства разных платформ на самой съездовской трибуне.

Пожалуй, самый типичный пример этих противоречий — эволюция профсоюзов, организаций, которые более других страдали от двойственности своей природы: выразителей интересов государства и в то же время защитников интересов самых широких масс трудящихся. После X съезда, в мае 1921 г., возник серьезный конфликт между Центральным Комитетом партии и некоторыми его членами — деятелями профсоюзов. Коммунистическая фракция IV съезда профсоюзов по предложению члена ЦК Рязанова приняла резолюцию, в которой в довольно осторожных выражениях высказывалось пожелание большей независимости профсоюзов от партии. ЦК принял энергичные меры для изменения резолюции. Рязанову запретили заниматься профсоюзной деятельностью, а Томского сместили с поста председателя ВЦПС за недостаточно решительное выступление против инициативы Рязанова[53]. Но меньше чем через год после X съезда его постановления по профсоюзным вопросам уже полностью обнаружили свою недолговечность в связи с переходом к нэпу.

В самом деле, XI съезд принял документ, заметно отличавшийся от прежнего. Появление частных предприятий поставило перед профсоюзами новые задачи, аналогичные традиционно стоявшим перед этими организациями при капитализме. Они должны были заниматься «защитой интересов трудящихся масс», причем защитой как от отдельных предпринимателей, так и от «бюрократических извращений» нового государства. Участие профсоюзов в управлении экономикой по-прежнему поощрялось, когда речь шла об обсуждении планов и выдвижении кандидатур на различные административные посты, но исключалось в форме прямого вмешательства в управление производством. Зато устанавливались области специфически профсоюзной компетенции: вопросы тарификации, коллективные договоры, охрана труда. Не исключались и забастовки, но лишь как крайнее проявление кризисной ситуации: в обязанность профсоюзам вменялось «содействовать наиболее быстрому и безболезненному улаживанию конфликтов»[54]. Томский вновь возглавил ВЦСПС. Вместе с тем больше коммунистов, чем раньше, было направлено на руководящую работу в отдельные отраслевые профсоюзы[55].

Противоречивыми в некоторых отношениях были ленинские определения нэпа, высказанные в разные моменты и по разным поводам. Он говорил о нэпе как об «отступлении» и на XI съезде сказал, что его нужно остановить. Отсюда его уподобление партии отступающей армии, в которой главной опасностью является паника — ее угроза вынуждает даже расстреливать тех, кто бросается бежать (этими сравнениями он оправдывал необходимость строгой дисциплины). Но нэп был, с его точки зрения, также ареной борьбы, в которой суждено решиться, кто кого одолеет: социализм или

капитализм? Борьба эта уже не носила характера борьбы просто военно-политической, но представляла собой экономическое соревнование на почве удовлетворения через рынок многомиллионного крестьянства[56]. Новые задачи, вставшие перед партией, носили, стало быть, экономический характер, ибо нэп был и оставался, в особенности для Ленина, обновленным союзом рабочего класса и крестьянства, союзом, реализованным через смычку (слово, которое будет часто употребляться в спорах последующих лет) рождающейся — или готовящейся родиться — социалистической экономики с крестьянским хозяйством. От этого, говорил он, зависит «судьба нэпа и судьба коммунистической власти в России». Эти высказывания могут быть осмыслены во всем своем значении лишь с учетом других аспектов того пересмотра, которому Ленин подвергал тогда свою концепцию. Этим мы займемся в дальнейших главах[57].

II. ОБРАЗОВАНИЕ СССР

Война в нерусских районах России

В 1921—1922 гг. постепенно были потушены почти все очаги гражданской войны, остававшиеся на окраинах страны. Борьба на нерусских территориях бывшей империи имела и общие, и специфические черты. Мы уже видели некоторые из таких характерных черт на примере западных районов, где вследствие превратностей войны внутри самого советского лагеря возникли два национальных государства: Украинская и Белорусская Советские Социалистические Республики. Обе они обрели свои внешние границы в результате договора с Польшей.

Остается рассмотреть ход событий на огромных просторах восточных регионов России, на территориях, где жили народы, во многом отличающиеся от народов западных окраин, менее развитые как в экономическом, так и в культурном отношении и, следовательно, принадлежащие к Азии и колониальному миру — а не к Европе — не только в силу своего географического положения. Регионы эти отличались этнической неоднородностью, поскольку исконные жители вели кочевой образ жизни и в результате тысячелетних миграций по равнинам и степям смешивались с другими национальными группами[1].

Гражданская война в этих регионах также характеризовалась переплетением классовых и национальных мотивов; но их соотношение и формы менялись от одного района к другому. Главные проблемы, возникавшие здесь, лишь отчасти могли быть сведены — подобно тому как это сделал большевистский деятель Раковский на XII съезде партии — к общему вопросу об отношениях с крестьянскими массами[2]. Вставала и собственно национальная проблема, хотя лишь у некоторых из этих народов — а они, как правило, находились на докапиталистической стадии общественной организации, если не на уровне кочевых или полукочевых племен, — начинало пробуждаться национальное самосознание. Мировая война, а затем революция способствовали его подъему. Большевикам, таким образом, повсюду пришлось иметь дело с националистическими тенденциями, либо только что наметившимися, либо более развитыми, но которым повсюду следовало противопоставить правильную партийную политику[3]. Чтобы лучше понять, как развивалась эта политика, рассмотрим отдельно три главных региона: Кавказ, Среднюю Азию и обширные пространства Заволжья. Начнем с последнего, послужившего также театром военных действий, на котором развернулись некоторые решающие фазы гражданской войны.

Заволжье было населено преимущественно тюркскими народами

мусульманского вероисповедания: татарами, башкирами, казахами (тогда ошибочно именовавшимися киргизами), которые жили вперемешку с русскими. Все вместе они оказались на линии одного из главных фронтов войны — борьбы с Колчаком. Большевики сталкивались здесь с двумя проблемами. Одна, политическая, коренилась в сильном влиянии ислама и местного мусульманского духовенства: сам нарождающийся национализм выражался здесь через пантюркистские или панисламистские тенденции. Вторая проблема носила социальный характер: это был конфликт между местным населением и русскими крестьянами-колонистами, выступавшими в глазах местных жителей узурпаторами земель и пастбищ. Свою политическую и организационную работу среди этих народов коммунистическая партия развернула с помощью двух органов: правительственного — Наркомата по делам национальностей под руководством Сталина, и партийного — специальной секции, подчинявшейся практически ему же.

В 1918 г. в период «демократической контрреволюции» националистические группы, вообще говоря, не пользовавшиеся большим влиянием в массах, как правило, примкнули к антисоветским коалициям. Участь, постигшая их здесь, была еще более тяжелой, чем участь промежуточных партий: в рядах белогвардейцев царил махровый великорусский шовинизм. Поэтому часть националистов перешла к большевикам (например, башкирская группа Валидова), в то время как другая часть, например казахская организация "Алаш-орда", стала дробиться и распадаться; остатки ее групп были смяты и рассеяны во время разгрома белых.

Не просто обстояло дело и с представителями национальных меньшинств, выступившими на стороне большевиков. На протяжении нескольких месяцев в 1918 г. существовала Российская мусульманская коммунистическая партия (большевиков), вскоре преобразованная в мусульманские организации РКП(б) во главе со своим Центральным бюро[4]. Наилучшие результаты были достигнуты среди татар. Куда более сложный и даже трагический оборот приняли события в Башкирии. Здесь конфликты между русскими крестьянами и башкирами, между башкирами и татарами приобрели крайне ожесточенный характер и в 1920 г. даже вылились в кровавые столкновения. Местные Советы в этой борьбе оказались преимущественно на стороне русских и татар, а не башкир: группа Валидова порвала с большевиками и укрылась в Туркестане. Напряженность возникала и в отношениях с казахами, хотя до крупных столкновений дело не доходило.

В 1920 г., когда фронт продвинулся дальше на восток, началась работа по формированию государственных структур для народностей Заволжья в рамках РСФСР. Общей характеристики этих народов как тюркских или мусульманских было недостаточно. Башкирская автономная республика сохранилась и после столкновения между разными частями местного населения; она занимала юго-западный

район Урала. В районе слияния Волги и Камы была создана Татарская автономная республика. На широких степных просторах между Уралом, Алтаем и Средней Азией, там, где ныне раскинулся Казахстан, образовалась Киргизская автономная республика. Принцип автономии, естественно, распространялся не только на эти районы и эти народности. После изгнания Врангеля автономная республика была создана в Крыму, с его сильным татарским меньшинством и конгломератом других национальностей и народов. В Поволжье первыми (1918) автономию, правда не в форме республики, а в форме коммуны, получили колонии немцев, поселившихся здесь, на широте Саратова, еще со времен Екатерины II. Такая же форма была использована и применительно к карелам на границе с Финляндией. Автономные области были образованы для коми к северу от Волги, а также вниз по течению великой реки для удмуртов, марийцев, чувашей и калмыков. Тем самым народности, по имени которых получали названия эти автономные единицы, возвышались до уровня наций. Коренное население соответствующих территорий составляло неодинаковый процент, во всяком случае, оно далеко не всегда преобладало[5]. Бо́льшая часть этих областей, особенно Башкирия, Казахстан, Калмыкия, пострадали от засухи 1921 г., они еще долго испытывали на себе ее последствия.

В Средней Азии большевики столкнулись с пантюркистскими и панисламистскими тенденциями. Перипетии борьбы в Туркестане составляют особую главу в истории гражданской войны. Власть здесь была взята Советами в 1917 г. благодаря выступлениям русских рабочих, главным образом железнодорожников, и солдат, а затем защищена в непрерывных боях, в частности, с помощью многочисленных военнопленных, примкнувших к революции (половина всех иностранцев, сражавшихся в рядах большевиков, находилась здесь)[6]. В январе 1918 г. силой оружия было подавлено контрреволюционное сепаратистское выступление местной мусульманской знати, пытавшейся создать «Кокандскую автономию». В апреле состоялось провозглашение Туркестанской автономной республики и признание ее Москвой. Со второй половины 1918 г. и на протяжении почти всего последующего года республика была практически изолирована от центра России. В начале 1919 г. некоторые из ее руководителей попытались осуществить государственный переворот. Оккупировав восточный берег Каспийского моря, англичане, традиционно проводившие здесь антирусскую политику, действовали через своих агентов с целью установления местного правительства под эгидой эсеров[7].

Туркестанская республика развернула дипломатическую деятельность, установив контакты с Афганистаном и приграничными провинциями Китая. Но не все соседи отнеслись к ней благожелательно: и потому, что она была слишком русской, и потому, что была революционной, в особенности это относилось к реакционным феодальным правителям Бухары и Хивы, в прошлом под-

чинявшихся царской власти, но сохранявших формальную независимость. Главная слабость республики была обусловлена ее преимущественно русским характером и неумением ее руководителей установить с местным населением «братские отношения», способные доказать всему Востоку, как говорил Ленин, «искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского»[8]. Поэтому, как только сообщение было восстановлено, из Москвы в Ташкент выехала специальная комиссия из влиятельных большевистских деятелей (Турккомиссия) во главе с Фрунзе для исправления первоначальных тенденций, направленных на сохранение превосходства русских.

Комиссия сыграла очень важную роль. В союзе с местными националистическими группами — младобухарцев и младохивинцев — она сумела, используя недовольство народных масс, вызвать к жизни революционное движение в соседних эмиратах. И Бухара, и Хива, которой возвратили историческое название Хорезм, были провозглашены советскими народными республиками. Коммунисты теперь в значительно большей степени, чем прежде, старались усилить классовую борьбу в среде местного населения, поддерживая беднейших крестьян (дехкан) в их выступлениях не только против местных правящих классов — мусульманского духовенства, баев, владельцев земель и стад, но также против зажиточных русских колонистов — местных кулаков (их поселение на землях, отнятых у кочевников-казахов, стало в 1916 г. причиной народного восстания; после его жестокого подавления многие казахи вынуждены были искать убежища в Китае). И все же отношения с местным населением налаживались с трудом. Этому препятствовали различные факторы: пренебрежительное отношение к местным жителям в начальный период, неуважение их традиций, особенно религиозных, стремление форсировать революционный процесс (т. е. осуществить Октябрь в условиях общества, по существу находившегося на докапиталистической стадии развития), политика военного коммунизма, быстро наступивший разрыв с националистическими партиями Бухары и Хорезма, экспансионистские происки соседних государств, особенно Афганистана, не говоря уже об интригах англичан.

В результате большевики столкнулись с широким движением мятежников — басмачеством. Басмачи[9], банды которых еще до революции действовали между границей и Ферганской долиной, выступали под подчеркнуто религиозно-политическими лозунгами. Сфера их действий распространялась на обширную территорию. Внутри их собственного движения сталкивались и враждовали противоположные течения: здесь имелись группы, воодушевленные идеей борьбы мусульман против неверных, были и пантюркистские группы (одним из таких течений руководил бывший турецкий сановник Энвер-паша, сначала придерживавшийся прогерманской ориентации, потом сблизившийся с большевиками и, нако-

нец, выступивший против них в роли одного из главарей басмачества; то же можно сказать и о Валидове, порвавшем с большевиками и с Башкирией). Подлинная сила движения заключалась в его крестьянской базе. Переход к нэпу помог местным коммунистам исправить их главные экстремистские ошибки. Наряду с советскими учреждениями признание получили мусульманские школы и суды. Только что начатая аграрная реформа была приостановлена и видоизменена так, чтобы не оказались затронуты земли вакуфов, то есть религиозных общин, управляемых духовенством. Тем самым были подорваны корни движения. Басмачи, которые в 1922 г. были еще сильны, в 1923 г. потерпели тяжелые поражения. Тем не менее вооруженная борьба за ликвидацию очагов их сопротивления затянулась вплоть до 1926 г.

Совсем иначе развивались события на Кавказе. В обширном регионе, носящем это название, следует различать две составные части. Одна, охватывающая горную систему Большого Кавказа с его северными отрогами, вдоль которых протекает Терек, во время гражданской войны представляла собой постоянную угрозу для Деникина и белоказаков. Добровольческой армии так и не удалось подавить сопротивление местного нерусского населения, в среде которого действовали также и большевистские лидеры. После победы коммунистов в 1920 г. родились две автономные республики: Дагестанская (в восточной части) и Горская. Первая оказалась жизнеспособной, чего нельзя сказать о второй. В ней были объединены различные, причем весьма воинственные, народы. Там сразу же возобновилась партизанская война, в том числе и против большевиков. Тянулась она до 1922—1923 гг., то есть до тех пор, пока каждая из основных национальных групп не добилась образования собственной автономной области: сначала кабардинцы и балкарцы, потом карачаевцы и черкесы, затем чеченцы и ингуши и, наконец, осетины[10]. Однако это был длительный и сложный процесс со многими кровавыми эпизодами, ибо участвовавшие в нем народности нередко разделяла многовековая вражда.

Другая часть, Закавказье, представляла собой тот регион российского Востока, который дальше других продвинулся по пути экономического и культурного развития и где больше сказалось влияние капитализма. Это был также единственный регион, где в процессе формирования национальных республик в 1918 г. местные националисты взяли верх над большевиками. В Азербайджане, с его мусульманским населением тюркского происхождения, установилась власть мусаватистского правительства, образованного буржуазной мусульманской партией. В Армении пришло к власти правительство под руководством националистов-дашнаков. В Грузии образовалось меньшевистское правительство, однако местные меньшевики, скорее националисты, нежели социал-демократы, сразу же вошли в столкновение со своими русскими

коллегами именно из-за сепаратистских устремлений. Провозглашенная независимость носила формальный характер, ибо в Закавказье вторглись сперва турки и немцы, а потом англичане, которые установили куда более эффективную власть, чем местные правители. Союзные державы, победившие в войне, обсуждали планы установления мандатного управления или протектората над всей этой территорией. Главная слабость трех государств определялась, однако, внутриполитическим характером. Во всех этих трех республиках, каждая из которых имела население около 2 млн. человек, была слаба национальная сплоченность, их сотрясали непрерывные социальные возмущения, они враждовали, чтобы не сказать находились в состоянии войны друг с другом. После окончания военной иностранной интервенции в России с установлением новых отношений между РСФСР и Турцией и постепенным уходом англичан их положение становилось все более трудным.

Весной 1920 г. в Баку, который всегда был опорным пунктом большевиков, коммунисты смогли поднять победоносное вооруженное восстание, немедленно поддержанное Красной Армией. Местное правительство отдало власть почти без сопротивления. В Армении, напротив, восстание потерпело поражение, но вспыхнувшая война с турками, которых армяне ненавидели после учиненной ими в 1915 г. резни, создала благоприятные условия для вступления в конце 1920 г. Красной Армии и установления большевистского правительства. Правда, власть его распространялась лишь на часть Армении, ибо остальную территорию дашнаки уступили захватчикам. Оставалась Грузия. По сравнению с правительствами двух других стран меньшевистское правительство Грузии отличалось относительно большей устойчивостью, а его националистическая направленность поддерживалась более широкими слоями. Местные большевики настаивали на том, чтобы и сюда вступила Красная Армия для поддержки подготовленного ими восстания. После польского опыта Ленин и Троцкий долго колебались. Наконец в феврале 1921 г., главным образом по настоянию руководителей кавказских большевиков, попытка была предпринята, хотя в Грузии сопротивление оказалось очень слабым, а военные действия по подавлению сопротивления носили более жестокий характер, чем ожидалось.

Это побудило Ленина забить тревогу. Три закавказских государства также были провозглашены советскими социалистическими республиками. Приветствуя это преобразование, вождь большевиков вместе с тем обратился ко всем коммунистам Кавказа с призывом к осмотрительности, в котором прозвучали новые ноты, не чуждые самокритичной оценке российского опыта вообще. Введение в Армении порядков военного коммунизма с разверсткой и реквизициями вызвало мятеж, который пришлось подавлять Красной Армии. В России в это же время совершался

переход к нэпу. От кавказских коммунистов Ленин требовал, чтобы они «поняли *своеобразие* их положения, положения их республик», «поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий» на месте, учитывая, что они имеют дело со «странами, еще более крестьянскими, чем Россия». Ленин советовал поэтому: «Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству», «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму»[11]. Грузинам он рекомендовал также искать соглашения с самым известным из меньшевистских лидеров, Жорданией[12]; но было уже слишком поздно.

Центробежные тенденции и объединительные импульсы

Таким образом, система Советов распространилась почти на всю территорию бывшей царской империи, за исключением западных частей, утраченных в связи с рождением отдельных буржуазных республик (в следующей главе мы рассмотрим ход событий на Дальнем Востоке). Но разные территории пришли к советской власти разными путями, пройдя через противоречивый опыт, усугубивший их изначальные различия. Сложились разные государственные структуры. Наряду с РСФСР имелись другие независимые социалистические республики, например уже упомянутые республики Закавказья, не говоря уже об Украине и Белоруссии. Имелись республики, которые называли себя народными, например Бухарская и Хорезмская. Внутри самой РСФСР существовали различные автономные единицы: республики, области, коммуны. Еще большей разнородностью отличались социальные структуры, особенно в деревне. В Грузии не было военного коммунизма; не было здесь и крестьянской революции. На бескрайних просторах Туркестана и Казахстана еще только предстояло провести аграрную реформу, причем это требовалось сделать по-иному, чем в России. На Украине начинался нэп и в то же время еще продолжали существовать комитеты крестьянской бедноты, занятые борьбой с кулаками. Различным был даже путь, ведущий к самим Советам. Скажем, в Туркестане они никогда не прекращали существования, хотя им и были свойственны уже упоминавшиеся недостатки. В то же время в Баку они дважды меняли политическую окраску, прежде чем снова стать большевистскими. Во всех или почти во всех освобожденных землях они создавались с некоторым замедлением и выступали как новые органы руководства и администрации, образованные ревкомами. Иначе говоря, они возникли в результате усилий по возврату к конституционной упорядоченности после периода военно-революционного чрезвычайного положения, связанного с приходом Красной Армии, вдохнувшей жизнь в органы новой власти.

Объединению особенно способствовала интернационалистская

идеология партии. Во время войны в крупных республиках возникли национальные компартии. Первая из них возникла в 1918 г. на Украине, хотя она еще находилась под немецкой оккупацией и хотя не все украинские коммунисты были убеждены в необходимости такой инициативы. Обсуждался вопрос, должна ли украинская партия вступать в Коминтерн отдельно от РКП(б), но эта идея была отвергнута.

Большевики никогда не высказывались в пользу федерального принципа в организации партии. Идея эта была окончательно отвергнута в 1919 г. на VIII съезде, где вновь получила одобрение твердая объединительная позиция и центральные комитеты национальных компартий были приравнены к простым областным комитетам РКП(б)[13]. Растущий централизм усилил эту тенденцию. Когда в 1920—1921 гг. образовались азербайджанская, армянская и грузинская компартии, то они были поставлены в подчинение не только Центральному Комитету в Москве, но, кроме того, и его региональному бюро для Кавказа — Кавбюро, которым руководил тогда Орджоникидзе. Весной 1920 г. ЦК украинской компартии — выбранный, правда, лишь незначительным большинством голосов IV конференции КП(б)У после острого внутрипартийного конфликта — был распущен московским центром[14].

Централизм еще не означал единообразия. У национальных коммунистических организаций был за плечами разный опыт — политический и военный, легальной и нелегальной работы. Им пришлось пройти через различные фазы борьбы или сотрудничества с другими партиями, не похожими на партии, с которыми приходилось иметь дело в России. На Украине, например, в 1919 г. еще действовал союз с боротьбистами — местной партией, родственной по духу левым эсерам; он распался в 1920 г. из-за упорства, с каким эта партия добивалась организации сепаратных украинских вооруженных сил. Часть боротьбистов после этого влилась в ряды коммунистов.

Еще более сложную эволюцию проделали партийные организации в Туркестане. Размежевание с меньшевиками произошло лишь в 1918 г., а сотрудничество с левыми эсерами длилось дольше, чем где бы то ни было. Партия здесь была одновременно и продуктом, и творцом революции. Текучесть в ее рядах была здесь куда сильнее, чем в России, где, как известно, она также была довольно значительной. На первых порах в ее рядах можно было встретить как рабочего, так и русского кулака или чиновника, ищущего в нарождающейся государственной власти защиту от мусульман. Не удивительны поэтому резкие колебания численности: от первоначальных 2 тыс. человек до 57 тыс. к концу 1919 г., затем сокращение почти наполовину и снова рост до 42 тыс., потом еще сокращение в результате последующей чистки на 10 тыс. Компартии возникли также в Бухаре и Хорезме, но, сформированные первоначально местными националистами, они вскоре распались и лишь потом с трудом и

постепенно были восстановлены в виде немногочисленных организаций[15].

Таким образом, на окраинах в еще большей степени, чем в России, ряды коммунистов вобрали в себя группы с различными политическими оттенками. Битва против Советов зачастую была одновременно борьбой против России; для того чтобы победить, большевики должны были покончить с этой тенденцией, особенно там, где она использовалась буржуазными группами или старыми феодальными или племенными религиозными кастами как предлог для установления своего политического влияния в массах. Если верно то, что, оставшись единственной политической силой, коммунистическая партия теперь поневоле отражала в себе разного рода противоречия всего общества в целом, то тем более справедливо это выглядело применительно к национальному вопросу: национальные требования, чаяния, а то и просто предрассудки находили отзвук в ее организациях.

С того момента, как советская власть оказалась изолированной на территории прежней России, сразу же остро встал вопрос об отношениях между различными государственными образованиями, возникшими в ее пределах. Между различными республиками существовали как противоречия сепаратистского характера, так и объединительные тенденции. Последние шли не только от партии. Их порождала сама изоляция, необходимость совместной обороны от внешнего мира. Вновь заявляли о себе старые хозяйственные связи между разными частями бывшей империи. Их требовалось видоизменить, особенно имея в виду перспективу проведения плановой политики, но нельзя было разорвать. Уголь Донбасса, нефть Баку, древесина севера, хлеб юга были необходимы всем, хотя и размещались на территориях разных республик. Уже с 1919 г. были объединены вооруженные силы и ресурсы, необходимые для ведения войны. Но это было временное решение.

Отношения между автономными государственными образованиями внутри РСФСР могли в какой-то степени регулироваться в существующих юридических рамках. Более сложно обстояло дело с независимыми республиками. Вначале их взаимоотношения регулировались договорами, которые предусматривали наличие ряда общих ведомств, начиная с ВСНХ[16]. Подобная система способствовала созданию сети объединенных государственных институтов, но сразу же породила множество конфликтов, в особенности между Украиной и Москвой. Там, где речь шла об объединенных наркоматах РСФСР, московское начальство держало в соответствующих органах республик своих «уполномоченных». Эти последние, зачастую не знающие даже местного языка, склонны были рассматривать себя самовластными правителями. Отсюда возникали конфликты и трения. Попытки наладить единую экономическую политику встречали на своем пути различные препятствия, особенно в области финансов, которые приобретали все большую важность. В 1922 г. новые кодексы

РСФСР были приняты с некоторыми изменениями также остальными республиками. Требование ввести сотрудничество между ними в более прочные и конкретные институциональные рамки звучало теперь с большой силой. Инициативу проявили украинцы.

Столкновение между Лениным и Сталиным

Поиски решения были непростым делом. Свидетельством тому был пример Закавказья, где Кавбюро под руководством Орджоникидзе попыталось объединить на федеративных началах Грузию, Армению и Азербайджан. Федерация этих трех стран была провозглашена в 1918 г. местными буржуазными правительствами, но сразу же вслед за тем распалась. Проект, однако, был не лишен смысла. В пользу его говорили серьезные политические и экономические доводы: с одной стороны, соседство многих различных народов, с другой — необходимость дать им всем выход к транспортным коммуникациям — портам и железным дорогам. Поэтому он отстаивался не только Орджоникидзе, но также Сталиным, Лениным и всем руководящим центром большевиков. На местах же — со стороны грузинской партии и одной азербайджанской фракции — он встретил сильное сопротивление[17]. Ленин рекомендовал Сталину осмотрительность и советовал путем широкой разъяснительно-пропагандистской кампании добиться того, чтобы это решение созрело «снизу»[18]. Наконец в марте 1922 г. три республики заключили договор, устанавливавший простой союз на федеративной основе. В собственно федеративную республику союз был преобразован лишь в декабре того же года[19]. В промежутке между двумя этими датами дискуссия переросла в конфликт. Полемика с грузинскими коммунистами обострилась до того, что Центральный Комитет их партии подал в отставку и был в административном порядке заменен другими людьми по решению московского Оргбюро и Кавбюро.

Политический конфликт недолго ограничивался пределами Грузии. Он имел такое большое значение, что охватил и московские руководящие сферы. Здесь друг против друга выступили главным образом Ленин и Сталин. 10 августа 1922 г. (Ленин был болен и не присутствовал на заседании) Политбюро образовало комиссию под председательством Сталина с заданием подготовить проект о принципах новой системы отношений между республиками. В комиссию входили некоторые всероссийские руководители, а также представители национальных республик. Как в центре, так и на местах выдвигались различные предложения. Развившиеся с войной централизаторские устремления были весьма сильны. Сталин был самым решительным их выразителем. Он сейчас же высказался за «единый хозяйственный организм на объединенной территории советских республик с руководящим центром в Москве», а следовательно, и за распространение «компетенций» центральных правительственных

органов РСФСР на все другие советские республики[20]. По разработанному им проекту, они должны были вступить в РСФСР на правах уже существующих автономных республик[21]. План поэтому был назван планом автономизации. В ночь с 23 на 24 сентября он был утвержден комиссией, несмотря на возражения грузин и украинцев (у Центрального Комитета украинской компартии не было даже времени высказаться по поводу этих предложений)[22].

Ленин оставался в стороне от дискуссии, но, едва узнав о решении комиссии, выступил против него. В нем он увидел плохо замаскированное выражение старого «великорусского шовинизма», которому решил дать «бой не на жизнь, а на смерть». Он предложил поэтому иной проект: все республики, включая РСФСР, должны были вступить в новый «союз» на основе принципа федерации и полного равноправия; федеральной должна была стать также структура общих правительственных органов[23]. Хотя спор по-прежнему был ограничен в основном руководящими кругами, он приобрел крайне резкие формы. Ленин обвинил Сталина в ненужной «торопливости»; Сталин иронически говорил о «национальном либерализме» Ленина[24]. Во всяком случае, вмешательство Ленина заставило Политбюро одобрить линию, отличную от той, что была утверждена комиссией Сталина. Сталин, в свою очередь, согласился на некоторые компромиссы. Возобладал, таким образом, федеративный план, воплотивший принципиальные указания Ленина.

В ноябре — декабре создание Союза Советских Социалистических Республик подготавливалось работой других комиссий, партийных собраний, разъяснительно-политической кампанией в окраинных республиках, наконец, республиканскими съездами Советов, на которых утверждалось предложение приступить к объединению на федеративных началах. В конце декабря 1922 г. в Москве состоялся X Всероссийский съезд Советов, за которым вскоре последовал I съезд Советов СССР. И в том и в другом случае новый проект был представлен Сталиным. Актом учреждения Союза Советских Социалистических Республик был договор, заключенный между четырьмя республиками: РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской федерацией (грузинские предложения об отдельном вступлении Армении, Грузии и Азербайджана не были приняты). Вместе они образовали новое государство: Союз Советских Социалистических Республик. Договор устанавливал разграничение компетенции между новыми правительственными органами Союза ССР и органами, призванными руководить жизнью республик. Тем самым определялись конституционные принципы нового государства. Подписанный 27 декабря документ был одобрен тремя днями позже I съездом Советов СССР вместе с особой декларацией. Был избран новый ВЦИК, который — по предложению Ленина — должен был иметь четырех председателей — Калинин, Нариманов, Петровский и Черняков — по одному от каждой республики. Председатели должны были выполнять функции по очереди[25]. ВЦИК предстояло затем

сформировать новое правительство. Так родился Союз Советских Социалистических Республик.

Тем не менее Ленин, который был лишен возможности участвовать в этих важных событиях, не испытывал удовлетворения. Из-за непрерывных конфликтов среди самих грузинских коммунистов грузинский вопрос приобрел тревожные формы. Во время одного из бесчисленных инцидентов Орджоникидзе дошел до рукоприкладства, в результате пострадал один из местных руководящих деятелей. На место для расследования была послана комиссия во главе с Дзержинским. Она представила доклад, который Ленин счел неудовлетворительным, ибо в нем пытались оправдать если не грубость, то вспыльчивость Орджоникидзе. 30 декабря, то есть в тот самый день, когда был создан Союз ССР, Ленин начал диктовать заметки по национальному вопросу.

Тон их был резко критический. Ленин обвинял лично Сталина. «Право свободного выхода из Союза», которое республики зафиксировали в последней статье договора[26], представлялось Ленину чисто формальной гарантией, «пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев» от шовинизма русского бюрократа. Меры по более действенной их защите не были приняты, хотя к тому имелась возможность. Неверно осуждать национализм вообще: «Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой». Вследствие этого нужно не только формальное равенство: нужно было возместить угнетенным нациям обиды, нанесенные им в прошлом. Практически Ленин не переставал защищать Союз, который следовало «оставить и укрепить», но не исключал, что в близком будущем окажется необходимым вернуться к прежнему положению и оставить за центральным правительством полномочия лишь в военной области и во внешней политике, а во всем остальном предоставить республикам «полную самостоятельность». Он рекомендовал, помимо того, «ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках»[27].

Из примечаний к трудам и свидетельств секретарей мы знаем, что на протяжении последних недель своей деятельности Ленин, уже тяжело больной, испытывал гнетущую тревогу в связи с «грузинским вопросом»[28]. В последнем оставленном им письме от 6 марта 1923 г. он одобрял «оппозиционеров»: Мдивани, Махарадзе и их сторонников. Приближался XII съезд партии, и, опасаясь, что он не сможет на нем присутствовать, Ленин попросил Троцкого «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии»[29]. Хотя мы до сих пор не знаем, каков был ответ Троцкого (Троцкий отказался, см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., примечания к т. 54. — *Ред.*), факт тот, что на съезде он ничего не предпринял. У Ленина же не было времени развить свою мысль по этому пункту.

Здесь мы могли бы задаться вопросом, который уже ставил с

трибуны XII съезда Бухарин: значило ли это, что Ленин не считал грузин (Мдивани в большей, Махарадзе и других в меньшей степени) местными шовинистами, то есть выразителями национализма окраин внутри партии? Бухарин отвечал на этот вопрос отрицательно, да и вряд ли мог бы ответить иначе по той простой причине, что и сам Ленин на протяжении 1922 г. неоднократно полемизировал с ними и критиковал их позиции. Придя к власти, грузинские коммунисты приняли ряд националистических мер, которые трудно оправдать: они, например, издали декрет о лишении грузинского гражданства лиц, вступающих в брак с жителями других республик, и ввели ограничения на проживание в своей столице, Тбилиси (тогда еще Тифлисе), для негрузин, хотя именно эти последние и составляли большинство населения города. Почему же Ленин защищал их? Он делал это, говорил Бухарин, — и в этом, пожалуй, был прав — потому, что считал нужным нанести удар более серьезному шовинизму, великорусскому, тому, из которого выросли другие разновидности шовинизма и который замедлил достижение победы в гражданской войне на окраинах страны[30]. Как свидетельствуют предыдущие дискуссии большевиков, не все они — и в том числе Бухарин — в равной мере учитывали эту опасность. И все же остается впечатление, что Лениным в тот момент владела более серьезная озабоченность. В последних своих заметках по национальному вопросу он употребил против Сталина очень жесткие выражения, называя его «грубым великорусским держимордой». Он обвинял его в имперском «шовинизме». И не только в этом. Мы увидим это, когда в следующих главах вернемся к их конфликту.

Образование Союза

На XII съезде партии, проходившем во второй половине апреля 1923 г., вокруг национального вопроса развернулась наиболее ожесточенная дискуссия. В отсутствие Ленина на первый план в дебатах выдвинулся Сталин, а сам спор сосредоточился преимущественно на грузинских разногласиях, причем до такой степени, что порой все это выглядело как семейная ссора между коммунистами-грузинами. Широкого отклика не получили другие критические выступления, в частности украинских делегатов: Раковского, Гринько, Скрыпника (речь последнего внесла тревожную ноту уже на предыдущем съезде). Наиболее верно в духе последних заметок Ленина выступил Бухарин, но без большого успеха. Грузинские диссиденты оказались под градом обвинений: против них обильно использовались выражения «уклон», «уклонисты», осторожно введенные в обиход X съездом.

Тон прениям был с самого начала задан очень ловко построенным докладом Сталина. Он избегал атаковать в лоб позиции Ленина, заметки которого не были опубликованы, но конфиденциально распространены среди делегатов; многие из них, в особенности оппозиционеры, ссылались на них. Более того, в один из наиболее

трудных для себя моментов Сталин со смиренным видом назвал Ленина «учитель мой»[31]. Хотя опасность национализма на три четверти проистекает из великорусского шовинизма и лишь на четверть — от шовинизма малых наций, по-соломоновски рассудил он, весь его доклад представлял собой образец аккуратного балансирования между обличением того и другого; один из делегатов назвал его «безупречным». Сама резолюция, завершившая дебаты, была уравновешенна и отвечала правильным установкам в аналитической части, хотя в ней почти не нашли отражения требования грузинских или украинских критиков[32]. Впрочем, они выступали не столько против принципиальной постановки вопроса, сколько против его конкретного решения на практике.

Таким образом, Сталин сумел ловко сманеврировать в трудной дискуссии. Но это было не единственное, чего ему удалось добиться на съезде. Здесь он выдвинул некоторые собственные идеи. В позднейших работах историков утверждалось, что его предложения об автономизации, столь резко раскритикованные Лениным, ограничивались лишь легализацией уже существующего положения, ибо уже в силу условий своего создания национальные республики были не независимы, а самое большее — автономны от Москвы[33]. Уже в 1920 г. Сталин, по существу возражая Ленину, заявлял, что практически «нет различий» в реальном положении на Украине и в Башкирии. В этом смысле его тезисы 1922 г. могут рассматриваться как простое следствие той «централистской инерции», на которую жаловался на XII съезде один украинский делегат. На самом же деле все эти юридические формы, на взгляд Сталина, не заслуживали большого внимания: тем, кто задавался вопросом, останутся ли «независимыми» республики после их вступления в Союз, он ответил, что это «чисто схоластический вопрос»[34]. В противоположность этому Сталин на первый план энергично выдвигал необходимость стимулировать, не считаясь с границами формального равенства, экономический и культурный рост наиболее отсталых наций. Выполнение этой задачи, подчеркивал он, потребует многих лет, а также помощи центра окраинам, русского пролетариата — крестьянским массам слабых наций. Однако мысль Сталина в целом может быть понята лишь в свете других его взглядов: к этой теме нам также придется вернуться позже.

Дискуссия продолжалась на протяжении всего времени разработки Конституции СССР, которая была принята второй сессией новоизбранного ВЦИК 6 июля 1923 г. и окончательно утверждена II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. В специальных комиссиях и других органах, занятых подготовкой нового документа, сталкивались противоположные позиции по вопросам полномочий союзных и республиканских ведомств, компетенции центральных наркоматов (наркоматы РСФСР немедленно обнаружили тенденцию рассматривать себя как всесоюзные наркоматы), целесообразности установления единого советского гражданства. Украинцы настаивали на том,

чтобы за каждой отдельной республикой были признаны более широкие суверенные права. Некоторые татарские коммунисты требовали, чтобы автономные республики были тоже возвышены до ранга федеральных, или, как теперь стали говорить, союзных. Грузины вернулись к своему требованию, чтобы три Закавказские республики вступили в СССР каждая отдельно, а не в виде Закавказской федерации[35]. Сталин в свою очередь стал сторонником идеи, родившейся в окраинных республиках (до этого он резко отвергал предложения такого рода): создать во ВЦИК не одну, а две палаты с разными критериями представительности, которые способны были бы лучше реализовать равенство наций[36].

Сохранив верховную власть за съездом Советов, Конституция СССР провозгласила создание двухпалатного ВЦИК в составе Совета Союза и Совета Национальностей. В первом каждая из республик получила представительство пропорционально численности своего населения; во втором — все республики, как союзные, так и автономные, были представлены пятью депутатами каждая, а автономные области — одним. Постоянным органом ВЦИК стал Президиум с одним председателем — вместо прежних четырех, — которым стал Калинин. Был ликвидирован Наркомат по делам национальностей, которым с октября 1917 г. неизменно руководил Сталин, поскольку было признано, что он завершил свою основную деятельность[37]. Гражданство стало единым. Союзных республик, как и вначале, было четыре. Центральная власть наделялась весьма обширными прерогативами. Пять наркоматов были только союзными: иностранных дел, обороны, внешней торговли, путей сообщения и связи. Другие пять обладали союзно-республиканским статусом, то есть имелись как в центре, так и в каждой из республик: ВСНХ, наркоматы продовольствия, труда, финансов, рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Остальные наркоматы — внутренних дел, сельского хозяйства, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения — носили исключительно республиканский характер. В центральном подчинении осталось ГПУ, которому в новой конституции был посвящен целый раздел. Избирательная система оставалась той же, что в 1918 г., — многоступенчатой, при разных нормах представительства для рабочих и крестьян[38].

Кульминационным моментом всей деятельности по подготовке конституции явилось совещание в ЦК партии с участием «ответственных работников национальных республик и областей». На совещании снова задавал тон Сталин. Примечательной чертой этой встречи, помимо того что на ней были окончательно уточнены конституционные проблемы, был разбор так называемого «дела Султан-Галиева». Речь шла о руководителе татарских большевиков, активно работавшем с 1918 г. на довольно высокой должности в Наркомате по делам национальностей. Среди коммунистов Татарии, как и других национальных республик, можно было выделить две тенденции: одну — более точно отражавшую национальные запросы, если не прямо национальную

(ее лидером и был Султан-Галиев), и вторую — интерпретировавшую интернационализм как фактический отказ вообще от всяких национальных чаяний (это течение возглавлял Саид-Галиев). На основании перехваченных ГПУ писем Султан-Галиева обвинили в попытках установления контактов с туркестанскими басмачами, а также с Ираном и Турцией. Недовольный тем, как решался национальный вопрос, он, как утверждалось, пытался сколотить среди самих коммунистов советского Востока движение пантюркистского характера. Султан-Галиева исключили из партии и арестовали. Трудно установить, в какой степени выдвинутые против него обвинения соответствовали действительности, ибо это был один из первых случаев, в отношении которого соответствующая документация отсутствует. Насколько можно судить, факты были установлены. Оставалось дать им политическое толкование. Многие коммунисты восточных областей, участвовавшие в совещании, довольно неприязненно отнеслись к осуждению Султан-Галиева. По сути дела, его случай также был проявлением тех же самых трудностей, на которые так настойчиво указывал Ленин. Между тем вынесенный ему политический приговор был направлен на то, чтобы нанести еще один удар так называемому местному националистическому уклону[39].

По всеобщему, включая Сталина, признанию, именно на Востоке, в Туркестане, продолжала сохраняться наиболее тревожная ситуация, далеко не получившая своего разрешения. Туркестан по-прежнему был автономной республикой РСФСР, несмотря на явно нерусский характер его населения. Бухара и Хорезм формально оставались вне СССР. Басмачи не исчезали. Для решения всех этих проблем понадобилась длительная политическая и административная, не говоря уже о военной, работа, продолжавшаяся и после образования СССР. Стимулом и подспорьем ей служило более тщательное изучение местных этнических групп, предпринятое Советским правительством начиная с 1920 г. Приблизительное определение живших здесь народностей как тюркских уже не могло считаться достаточным. Не имевшие никакой однородной этнической базы отдельные государства, Бухара и Хорезм, были ликвидированы. Были образованы два национальных государства, две советские социалистические республики, а стало быть, и полноправные члены Союза: Узбекская — для главной народности, населявшей оазис к востоку от Амударьи, и Туркменская — для населения пустынного района между Амударьей и Каспийским морем. Автономной стала республика таджиков, народа, родственного в языковом отношении персам; автономными областями — земли каракалпаков у побережья Аральского моря и собственно киргизов в горных районах вдоль границы с Китаем. Семиречье было присоединено к автономной республике, которая теперь получила правильное официальное название — Казахская — вместо прежнего Киргизская. Вся эта структурная перестройка была весьма непростым делом и завершилась лишь в 1924—1925 гг.

Сколь бы многотрудным и противоречивым ни был процесс формирования Союза, он представлял собой великое политическое начинание. В результате в эпоху, когда само распространение капитализма на весь земной шар, с сопутствующими ему явлениями интернационализации хозяйственной жизни, вызывало кризис, а то и развал старых империй, но одновременно ставило на повестку дня образование новых многонациональных формаций, — именно в такую эпоху родилось обширное наднациональное государство. Советизация окраинных земель [термин был пущен в ход на XII съезде РКП(б)] внедряла элементы современной классовой борьбы и ломки в мышление и образ жизни масс, застывших чуть ли не на первобытном уровне развития. Разные в этническом отношении, по степени национального сознания народы обрели собственную государственность Пределы полномочий этих государств были, разумеется, ограниченными, а их суверенитет — еще «школьным», но все равно это был огромный прогресс (пусть даже весьма различный по степени для украинцев и, скажем, казахов), ибо сложились новые и более прочные предпосылки для экономического и культурного развития этих народов.

Сказанное вовсе не означает, что было найдено наилучшее из всех возможных решений. Национальные проблемы России не были разрешены раз и навсегда. В свете реальных фактов вряд ли можно отстаивать тезис, господствующий в советской историографии, по которому все якобы делалось в соответствии с революционными лозунгами или планами и рекомендациями Ленина. Еще менее достоверен — однако весьма распространенный среди американских историков — тезис, по которому образование СССР будто бы представляло собой простой возврат к господству русского империализма на тех землях, которые раньше принадлежали царям[40]. Правда, и среди большевиков порой оживало — подчас, быть может, даже под интернационалистским предлогом — старое «имперское» стремление к «единой и неделимой России». Явление это часто осуждалось в дебатах той поры. Но дело ограничивалось именно дебатами, а порой и ожесточенными политическими стычками. И если верно, что эта старая тенденция отнюдь не была искоренена, то верно также и то, что она наталкивалась на очень сильное сопротивление, поддержанное, в частности, авторитетом Ленина. Неправильно было бы утверждать, что Сталину удалось безраздельно утвердить свои тезисы. Его воззрения, разумеется, оказали решающее влияние в ходе последующего развития Союза, но это произошло тогда, когда власть его сделалась настолько неоспоримой, что сам Советский Союз стал гораздо более походить на государство, предусмотренное проектом автономизации, нежели на то, какое указывал в своих рекомендациях Ленин. Но в 1923 г. до этого все еще было далеко. Образование Союза ССР явилось результатом столкновения различных тенденций, столкновения, которое произошло в эпоху, когда еще можно было мериться силами в открытой дискуссии в компартии.

III. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Одна из резолюций, принятых X съездом РКП(б), была озаглавлена: «Советская республика в капиталистическом окружении»[1]. Даже после отражения военной интервенции отношения между Россией и остальными странами нельзя было охарактеризовать как мирные. Минувшая мировая война и ряд порожденных ею локальных войн оставили человечеству в наследство один из наиболее серьезных источников новых конфликтов — постоянную напряженность. Версальская система была от рождения поражена тяжким недугом. Большевикам, исключенным из нее, нетрудно было уловить это. Вскоре из нее вышла быстро набирающая силы великая держава — США, одна из главных ее творцов. Империализм наглядно показал, что не способен создать прочную систему, которая гарантировала бы мир на земном шаре. Державы-победительницы грызлись из-за добычи, полученной благодаря одержанной победе. С их антагонистическими противоречиями переплетались обиды побежденных. Оттоманская империя была поделена на части, Австро-Венгерская — расчленена на несколько национальных государств, попавших в сильную зависимость от держав-победительниц. Но и у этих последних в свою очередь имелись проблемы. В Ирландии, Египте, Индии и других частях британской колониальной империи пробуждалось национальное самосознание угнетенных народов. И все же подписание мира позволило правящим классам держав-победительниц укрепить свои внутриполитические позиции. Мощная революционная волна 1919 г. распалась на отдельные выступления — в Германии, Италии, Чехословакии, Англии, — в ходе которых рабочее движение потерпело поражение.

С трудом выжившая, опасная только как источник «заразных идей» Россия в этих международных условиях была изолированной и обнищавшей страной, чуть ли не чумным лазаретом. Вокруг нее был установлен «санитарный кордон». И все же благодаря двум факторам — своей протяженности и небывалой смелости избранного ею революционного пути — она, даже при крайней скудости имевшихся у нее средств, могла говорить на совершенно новом языке со всеми основными силами, противоборствовавшими в послевоенном мире. Искусство ее руководителей и научная теория, давшая анализ империализма, позволяли ей улавливать даже те возможности, которые существовали пока только в зародыше, и устанавливать с наиболее динамичными из этих сил разнообразные отношения сотрудничества. В мире намечались новые направления противоречий и борьбы, и главное преимущество новой России состояло в том, что ее опыт, сколь бы трагическим он ни был, был настолько богат, что ни одно из этих направлений не было ему чуждо.

Генуя и Рапалло

В своих дипломатических отношениях с капиталистическими державами Запада большевики продолжали руководствоваться двумя мотивами, которые, кстати, постоянно повторяются в тот период у Ленина. Первым по-прежнему была необходимость использовать любые расхождения между могущественными противниками, недавно еще пытавшимися задушить в колыбели Советскую Республику. Вторым — убеждение (быть может, немного механистическое), что единство мировой экономики, обусловленное империализмом и разрушенное войной, рано или поздно заставит считаться с объективными потребностями. Это убеждение выражалось в уверенности: без природных богатств России Европе все равно не подняться на ноги. Интервенция была попыткой решить эту задачу путем низведения России до положения побежденной страны[2]. Именно потому, что она не удалась, теперь можно было ожидать иных решений. На такой двоякой основе и утвердилась снова идея концессий.

Идея эта обсуждалась даже в годы гражданской войны. В 1920 г. Советское правительство вернулось к ней благодаря напоминаниям Красина[3], инженера по профессии, обладавшего в силу профессионального опыта большей, чем у других большевиков, деловитостью; ему было поручено руководство внешнеэкономическими связями с заграницей.

Исходный замысел состоял в том, чтобы под контролем советской власти привлечь в Россию технологию, оборудование и капиталы из передовых капиталистических стран, гарантировав им право эксплуатировать определенные национальные ресурсы и получать достаточно высокую прибыль, но, естественно, не право нарушать общественные и политические порядки, установленные правительством Советов. В подобном предложении вчерашним врагам большевики не усматривали ничего необычного и не считали, что просят об одолжении. Более того, они были убеждены: под оболочкой такого сотрудничества будут неотвратимо развиваться антагонистические противоречия. Тем не менее они полагали, что ради блага собственной экономики деловым кругам капиталистических держав не остается ничего иного, как пойти в этом направлении. Рассуждая абстрактно, они, пожалуй, были правы. Но в данной конкретной ситуации они ошибались, и именно это было самым главным.

Концессии сделались одной из ударных идей Ленина к концу 1920 г., когда со стороны западных дельцов, казалось, можно было ожидать внушительных заявок на разработку природных богатств Дальнего Востока, кавказской нефти и архангельских лесов. Эта перспектива оказала влияние на эволюцию его мысли от военного коммунизма к нэпу[4]. Как и вся новая экономическая политика, идея концессий встретила довольно сильное сопротивление. «Совсем простые крестьяне из отдаленнейших мест приходили к нам и говорили: „Как? Наших капиталистов, которые говорят по-русски, прогнали,

а теперь придут к нам иностранные капиталисты?“»[5]. Потребовалось немало споров, чтобы она была принята.

Куда более трудным предприятие с концессиями выглядело за границей. В начале 1920 г. экономическая блокада официально была снята, но это не означало, что торговые связи возобновились: за пределами России советское золото (часть запаса была отвоевана после победы над Колчаком) рисковало оказаться под секвестром, как, впрочем, и любой другой товар, экспортированный из этой страны. Первая брешь была пробита в марте 1921 г. подписанием в Лондоне англо-советского торгового соглашения. Заключенное после тяжелых переговоров, оно предполагало признание де-факто московского правительства. Некоторые экономические круги Запада выступали за возобновление торговли с Россией. Помимо Англии, подобные выступления были весьма сильны в Германии, побежденной и вынужденной примириться со всеми ограничениями, которые были наложены на нее в Версале. Что касается Германии, то здесь не только торговцы, но и военные стремились к связям с Россией. Их старания увенчались успехом, и тайное сотрудничество с Красной Армией дало им возможность проводить те испытания, которые были им запрещены мирным договором[6]. И все же практический эффект от этих стремлений и успехов, достигнутых на первых порах, был весьма невелик.

Несколько иная ситуация начала складываться, когда неурожай и переход к нэпу создали на Западе впечатление, что большевистская революция терпит крах. Лишь тогда державы Антанты отреагировали на советское предложение созвать международную конференцию для урегулирования экономических отношений между Россией и другими государствами. Эта инициатива вылилась весной 1922 г. в организацию всеевропейской конференции в Генуе по вопросу оздоровления экономического положения на континенте. Москву пригласили на нее на определенных условиях, причем некоторые из них были далеко не выигрышными. Советское правительство ухватилось в особенности за первый из пяти предъявленных ему пунктов: тот, в котором за каждой страной признавалось право выбирать систему собственности и принципы экономической организации [7]. Социальные принципы революции тем самым до известной степени как бы узаконивались. То была первая международная встреча, в которой смогла участвовать новая Россия, и Москва лихорадочно принялась за подготовку к ней.

В Генуе советская дипломатия дебютировала 10 апреля 1922 г., представив пацифистскую программу, стержнем которой служило предложение о разоружении и которая, как заранее знали ее авторы, была осуждена на неуспех. В своей речи Чичерин провозгласил необходимость «экономического сотрудничества между государствами, представляющими... две системы собственности»[8]. Но сенсацией Генуэзской конференции стало совсем другое. 16 апреля, то есть пока шли заседания в Генуе, Советская Россия и Германия заклю-

чили договор в Рапалло, курортном городке на Ривьере. Среди немцев были очень сильны сомнения относительно целесообразности подобного шага; советские представители сумели искусно вынудить их к подписанию заранее подготовленного документа, сыграв на опасениях собеседников остаться в полной изоляции.

Договор практически ликвидировал все прошлые взаимные экономические претензии, вновь устанавливал нормальные дипломатические отношения между двумя государствами и предусматривал статус «наиболее благоприятствуемой нации» в торговых связях между ними. Свидетельствуя о согласии между двумя наиболее ущемленными Версальской системой государствами, этот договор сделался в глазах Запада символом возможного и длительного русско-германского союза. Как бы то ни было, его рассматривали как первый большой успех молодой советской дипломатии. И действительно, это был успех, причем не только для Советов, но и для Германии: теперь обе страны могли с большей уверенностью маневрировать в международной ситуации, в которой и та и другая имели слишком много врагов. Но дальше этого значение Рапалло не шло. Впрочем, оно и так наложило неизгладимый отпечаток на целое десятилетие советской внешней политики.

В то же время Генуэзская конференция оказалась безрезультатной. Западные ее участники исходили из предположения, что они смогут диктовать России, переживавшей тогда самые тяжелые последствия неурожая, собственные условия, не слишком отличающиеся от тех, которые приняты в обращении с полуколониальными странами (планировалось подписание чего-то вроде «капитуляции»[9]). Большевикам предлагалось вновь «завоевать доверие». Для этого, а также если они хотели соглашений, они должны были пойти на удовлетворение старых претензий: уплатить царские долги и военные кредиты и возместить стоимость национализированной собственности. Советская сторона соглашалась на переговоры. На каждое требование советские представители выставляли встречные запросы или предложения. Условием уплаты военных долгов они выставляли возмещение колоссального ущерба, нанесенного интервенцией. Они соглашались возвратить царские займы, но при условии, что им будут предоставлены новые кредиты. Что касается экспроприированного имущества, то они категорически отвергали даже предположение о том, что может быть поставлено под сомнение их право на национализацию, но в то же время шли на то, чтобы конфискованная собственность была отдана в концессию, в том числе и прежним ее владельцам[10]. Глубоко продуманная линия поведения в Генуе стала постоянной линией советской дипломатии. Соглашение оказалось невозможным ни в Генуе, ни на последующей конференции экспертов, проведенной летом 1922 г. в Гааге. Положение не изменилось, даже когда советская сторона выразила готовность пойти еще дальше по пути компромиссов. Прежнее единство мировой экономической системы не было воссоздано, ибо его нельзя было реконструировать

в соответствии со старой картой довоенного империализма. Россию оставили в одиночестве, как в гетто. Политические мотивы взяли верх над экономическими расчетами.

Соединенные Штаты официально не присутствовали ни в Генуе, ни в Гааге, но их нажим извне немало способствовал провалу той и другой конференции; в обоих случаях большую роль сыграло стремление крупных американских компаний не допустить, чтобы их английские конкуренты обеспечили себе контроль над бакинской нефтью. Так Советы столкнулись с враждебностью той из западных держав, на которую они возлагали наибольшие надежды. Соединенные Штаты пошли на поставки зерна голодающим Поволжья, причем отчасти в кредит, способствуя тем самым спасению немалого числа человеческих жизней. Тем не менее советская благодарность была сдержанной, ибо имелись весьма серьезные сомнения — и нельзя сказать, чтобы совсем безосновательные, — насчет бескорыстия этого жеста, который позволял американским производителям зерна избавиться от излишков, не находящих сбыта. Американское правительство со своей стороны было единственным, открыто объявившим устами своих министров Хьюза и Гувера о невозможности развивать отношения с СССР, пока у власти в этой стране будут находиться большевики. Правительство США было также единственным, выдвинувшим требование «бойкота их экономической системы»[11]. В меру своих возможностей американские руководители препятствовали тому, чтобы другие державы пошли по иному пути.

Их враждебность с течением времени приобрела настолько упорный характер, что невольно встает вопрос о ее причинах. Одна заключалась в том, что твердолобая оппозиция развитию связей с СССР исходила в США — в отличие от других стран — от профсоюзного движения, официально представленного Американской федерацией труда (АФТ) и ее лидерами. Этой оппозиции, с другой стороны, не противостоял достаточно энергичный нажим деловых кругов: здесь он был слабее, чем в Европе, ибо накануне революции американский капитал только начинал проникать в Россию[12].

Безрезультатность переговоров с Западом положила предел развитию концессий. Наиболее крупная из готовившихся сделок с англичанином Урквартом, который намеревался вернуться к горнорудным разработкам, уже контролировавшимся им до революции, была по настоянию Ленина аннулирована Москвой в конце 1922 г. на том основании, что не предусматривала никаких существенных выгод: ни экономических, ни политических. По вопросу о возможных пределах компромиссов в эти месяцы не раз завязывалась дискуссия между руководителями большевиков. Никто из них, однако, — и Ленин меньше, чем кто-либо другой, — ни разу не говорил, что соглашение должно оплачиваться политической ценой, особенно если речь шла о сохранении политического строя. В начале 1922 г. Ленин очень жестко отверг рекомендацию Чичерина, направленную на то, чтобы

ввести некоторые изменения в установленную конституцией избирательную систему «в угоду американцам»[13].

По одному пункту Ленин оказался в конфликте с большинством своих товарищей в эти последние месяцы своей деятельности — по вопросу о государственной монополии на внешнюю торговлю. Стимулы к ее ослаблению исходили в 1922 г. не только от иностранных партнеров по переговорам, но и изнутри самой России, из развивающегося вместе с нэпом процесса децентрализации экономической деятельности. Среди большевистских руководителей тогда обрисовались две тенденции. Первая, в пользу большей свободы торговли, возглавлялась наркомом финансов Сокольниковым. Вторая, возглавляемая Красиным, отстаивала полную монополию. Ленин поддержал вторую тенденцию, но оказался почти в изоляции в высших органах партии. Это было время, когда он, будучи уже больным, одновременно вел битву по вопросу о равноправии советских республик. Поддержка Троцкого позволила ему легко одержать верх[14]. Следует, впрочем, заметить, что нажим извне в этом споре объективно был скорее доводом в пользу его тезисов, нежели в пользу более либеральных позиций, отрицавших необходимость самого жесткого советского протекционизма. «Торговать свободно мы не можем: это гибель России»[15], — говорил Ленин. Оборонительные рефлексы у большевиков были развиты очень сильно.

Между Европой и Азией

Взгляды СССР были обращены не только на Запад. Окончание гражданской войны и выход к старым границам вновь открыли ему путь к связям со все более неспокойным Востоком. Три страны к югу от России дали Москве возможность развернуть дипломатическую инициативу в этом направлении. Об Афганистане мы уже говорили. С Персией отношения развивались более медленным, сложным, но, по сути, аналогичным образом. После 1917 г. эта страна оказалась под безраздельным контролем англичан. Однако отказ Советского правительства от старых царских привилегий — та великая антиимпериалистическая хартия, с которой Октябрьская революция явилась перед всем Востоком вместе с взрывом местного национализма против британского господства (движение возглавлял Реза-хан, позже объявивший себя шахом), — привел в конечном счете к соглашению, закрепленному договором в марте 1921 г. Этот документ обеспечивал урегулирование отношений между двумя странами на основе равенства прав и представлял собой как бы манифест, адресованный всем другим народам колониального мира. Наконец, враждебные отношения с Турцией, столь острые в 1918 г., отошли в прошлое, когда эта страна оказалась в числе побежденных. Революционно-националистическое движение Кемаля Ататюрка обратилось за помощью к России, и эту помощь, необходимую для отражения нападения Греции, ему предоставили: в Турцию был послан Фрунзе. Результатом стал договор, уладивший многочисленные территориальные претензии и

открывший в истории русско-турецких отношений этап интенсивного политического сотрудничества. Третий договор был заключен в 1921 г. — вновь с Афганистаном.

Все три правительства в странах к югу от СССР были националистическими и выражали интересы слабой местной буржуазии, которая желала отстоять собственные права перед иностранцами, но была всецело враждебна коммунистическим идеям. Подписание трех договоров ознаменовало начало сотрудничества СССР с этой важной политической силой Востока, сотрудничества, которому на протяжении истории советской внешней политики суждено будет испытать множество превратностей. Проблемы и затруднения стали возникать очень скоро. Как в Персии, так и в Турции людей преследовали за коммунистические убеждения. Через границу Афганистан оказывал помощь басмачам в Туркестане. Когда в 1922—1923 гг. в Лозанне была проведена в два приема международная конференция по урегулированию мирных отношений с Турцией, советские представители смогли участвовать лишь в ее первой части и лишь по вопросу о проливах (в Лозанне был убит Воровский, один из наиболее активных советских дипломатов первого поколения). Советский Союз поддержал все просьбы Турции, но турки держались по отношению к Москве чрезвычайно сдержанно. Конвенция о проливах в конечном счете оказалась направленной против советских интересов: она оставляла открытым доступ в Черное море для военных кораблей не только в мирное время, но и во время войны.

Основой, на которой базировались соглашения СССР и этих стран, с самого начала была их общая оппозиция западному империализму, в первую очередь британскому. Но если исключить этот мотив, то сразу же обнаруживалось немало факторов, которые отталкивали их друг от друга. Националистическая буржуазия с подозрением относилась к советскому влиянию, опасаясь его усиления, причем не только и не столько потому, что речь шла о влиянии русском, то есть иностранном, но главным образом потому, что оно несло с собой классовые, социалистические идеи. В новой ситуации перед национальной буржуазией открывались возможности менее бесправного сотрудничества с западным капиталом, и она не намерена была терять от выигрыша, который еще могла получить. Да и поддержка, оказываемая ей Москвой, была не без оговорок. После дискуссий на II конгрессе Коминтерна документы коммунистического движения указывали на необходимость «временных соглашений» или «союзов» с местными националистами, но таких, которые не затрагивали «самостоятельности пролетарского движения» в этих странах[16]. Между тем реальность межгосударственных отношений не всегда отвечала этим формулам.

Более замедленным, но во многих отношениях более важным было развитие событий на Дальнем Востоке. Оно было более замедленным потому, что уже после того, как главные западные державы отказались от прямого военного вмешательства, японцы продолжали

оккупировать Тихоокеанское побережье России. Эти действия входили составной частью в их стратегию установления собственного контроля над Азиатским континентом. Отдавая максимум сил борьбе на Западе, большевики применили в этой части страны одну их своих самых удачных дипломатических уловок. В 1920 г., после разгрома и пленения Колчака, они пошли на создание к востоку от озера Байкал «буферного государства» под названием Дальневосточной республики. Управляемая большевиками, эта республика в то же время не была советской: ей была присуща не только своя парламентская структура, но и несоциалистический характер собственности. Однако ее армией с 1921 г. командовал Блюхер, один из лучших советских полководцев. Будучи как бы последним отголоском сепаратистских поползновений Сибири и потому принятая в штыки многими местными большевиками[17], эта республика позволила московскому правительству на протяжении двух с лишним лет маневрировать, лавируя между сталкивающимися американскими, японскими и китайскими интересами и играя в особенности на соперничестве между Вашингтоном и Токио. Так продолжалось до тех пор, пока японцы, недостаточно сильные, чтобы рисковать открытым столкновением с Соединенными Штатами, вынуждены были наконец вывести свои войска. Тогда «буферное государство», для отдельного существования которого даже в плане национальной автономии уже не было оснований, вернулось в состав РСФСР. Лишь с этого момента (ноябрь 1922 г.) Россия вновь обрела свои земли на берегу Тихого океана. На новой территории были созданы две автономные республики: бурятов и якутов. Обе эти народности только-только начинали обретать собственное национальное сознание.

На Дальнем Востоке гражданская война затянулась намного дольше, чем в других местах: вплоть до второй половины 1922 г. Вооруженные столкновения и партизанские действия на территории «буферной» республики продолжались до весны этого года. В 1921 г. на различных участках протяженной азиатской границы России шли бои с многочисленными бандами, состоявшими на службе у японцев. Наиболее острая борьба разыгралась во Внешней Монголии, где обосновался один из последних белогвардейских генералов, барон Унгерн, одержимый честолюбивыми имперскими замыслами. Предмет давнего русско-китайского спора, Монголия притягивала к себе алчные взоры японцев — покровителей Унгерна. Но и здесь, вызванное самим духом эпохи, возникло левое национально-освободительное движение во главе с двумя местными вождями — Сухэ-Батором и Чойбалсаном. Для разгрома Унгерна и оказания помощи этому революционному движению Красная Армия вошла в Монголию. Тем самым было положено начало политической борьбе внутри монгольских племен. Борьба увенчалась в 1924 г. рождением Монгольской Народной Республики, развивающейся с той поры под сильным советским идейно-политическим влиянием.

Самым важным результатом возвращения Советов на Дальний Вос-

ток было восстановление отношений с Китаем. Восстановление это, правда, носило сложный и длительный характер. Китай тогда был рассечен на несколько частей, в каждой из которых властвовал свой военно-феодальный правитель. Пекинское правительство было слабым и легко поддавалось на шантаж многочисленных держав, уже укоренившихся или намеревавшихся укорениться в Китае. В тот момент они с особым ожесточением оспаривали друг у друга Маньчжурскую железную дорогу, в прошлом находившуюся под русским контролем. Восстановление дипломатических отношений с СССР произошло лишь в мае 1924 г. после неоднократного прекращения и возобновления переговоров, заключения и аннулирования соглашений.

Тем временем произошли другие события, все значение которых выявилось лишь впоследствии: был установлен контакт, а потом завязалось и сотрудничество между Советами и Сунь Ятсеном и его националистической партией гоминьдан. Первые связи проложил Коминтерн, решающими же сделались переговоры Сунь Ятсена с Иоффе, со времен Бреста зарекомендовавшим себя одним из лучших советских дипломатов. Собеседники согласились, что «коммунистическая система и система Советов не могут быть введены в Китае»[18]. С другой стороны, Сунь Ятсен видел в революционной России и отчасти Германии союзников Китая в деле его национального освобождения. Так в 1923 г. открылась новая фаза союза СССР с национально-освободительными движениями Азии. На помощь кантонскому правительству, руководимому Сунь Ятсеном, были направлены советские военные и политические советники, которых возглавлял знаменитый Бородин. Гоминьдан был реорганизован и принял в свои ряды китайских коммунистов, немногим более года назад основавших свою партию.

Единый фронт рабочих

Вместе с тем коммунистам России пришлось отказаться от надежды на то, что они считали главным условием сохранения социалистического характера своей революции: на аналогичный переворот в европейских странах развитого капитализма. Утверждают, что они осознали это лишь после неудачных попыток революционных переворотов в Германии и Болгарии, но такое утверждение неточно. В тот период их разочарование лишь сделалось более осознанным и гнетущим. Но уже на X съезде Ленин говорил, что большевики просто были бы «сумасшедшими», если бы еще рассчитывали на получение в короткий срок с Запада «помощи... в виде прочной пролетарской революции»[19]. С этого момента его взоры обратились главным образом на Восток, к «трудящимся массам колониальных и полуколониальных стран, составляющим огромное большинство населения Земли». Он считал, что их движение с неизбежностью «обратится против капитализма и империализма» и станет тем самым главным союзником социалистической революции[20]. В полемике со Ста-

линым по национальному вопросу Ленин отстаивал именно эту точку зрения. СССР по его первоначальному предложению должен был называться «Союзом Советских Республик Европы и Азии»[21]. Бухарин позже следующим образом пересказал мысли, высказанные Лениным по этому поводу: «Советская Россия и географически, и политически лежит между двумя гигантскими мирами: еще сильным, к сожалению, капиталистическим империалистическим миром Запада и колоссальным количеством населения Востока, которое сейчас находится в процессе возрастающего революционного брожения. И Советская республика балансирует между этими двумя огромными силами, которые в значительной степени уравновешивают друг друга»[22].

В 1920—1921 гг. в большей части стран Запада, а также в нескольких странах Востока возникли коммунистические партии. В момент наибольшего революционного накала некоторые из них (во Франции, Чехословакии, Югославии, Румынии) повели за собой основную массу членов старых социалистических партий. В других же странах (Италия, Англия) за ними пошло лишь меньшинство. Но ни вторые, ни даже первые не сумели сохранить свои изначальные силы. Слабые молодые партии легко становились жертвами жестоких репрессий во многих странах. Ни одна из них не вела за собой большинства рабочего класса, не говоря уже об огромной массе трудящихся. Первый сигнал тревоги прозвучал в 1920 г., когда Зиновьев вынужден был констатировать, что II Интернационал в основном удержал свою профсоюзную базу[23]. Все же выражалась надежда, что речь идет о скоропреходящем явлении. Между тем именно на этой базе старые социалистические партии восстановили свои силы. Как показали подсчеты, в 1921 г. Коминтерн насчитывал за пределами России от 1 до 1,5 млн. сторонников, между тем как социалистические партии имели 8 млн. членов, а Амстердамский интернационал профсоюзов — 22 млн.[24] Даже переживая кризис, реформизм обнаруживал бóльшую жизнеспособность и более глубокие корни, чем утверждалось в ленинском анализе. Он проявил бессилие перед войной и революционным кризисом, но этого было мало для уничтожения его как массового движения. Особенно наглядно это демонстрировала Германия. Таким образом, вырисовывалось новое историческое обстоятельство: раскол рабочего движения на родине европейского капитализма.

Летом 1921 г. собрался III конгресс Коминтерна. Центральное место в его работе заняла полемика руководителей большевиков, и прежде всего Ленина и Троцкого, против выявившихся в рождающемся коммунистическом движении крайне левых течений с их «теорией наступления». На этом же конгрессе Ленин объяснил иностранным коммунистам трудный переход своей партии к нэпу. Видя трагическое положение России, некоторые из них, сказал Зиновьев, «расплакались, как дети»[25]. Ни одна из их партий, даже в Германии, где коммунисты были сильнее всего, но где всего острее были споры между разными течениями по вопросу о выработке политического

курса, «не взяла еще в свои руки фактического руководства рабочими массами в их действительно революционной борьбе». Возникшие в вихре надежды, рожденной революцией, эти партии теперь оказывались перед совсем иной перспективой: не единовременного освобождающего взрыва, но «длительной эпохи социальной революции». Речь шла к тому же не о «развивающемся по прямой линии процессе», но о таком развитии, в котором «периоды хронического разложения капитализма и повседневной, революционной разрушительной работы временами обостряются и превращаются в острые кризисы»[26].

Резолюции III конгресса призывали коммунистов не замыкаться в узких рамках сектантства, но более активно и разносторонне включаться в работу среди масс трудящихся, и в том числе в борьбу за их «конкретные», «частичные» требования. Это был первый шаг к тому, что позже получит название «единого фронта», то есть к политике сотрудничества с социал-демократическими организациями и реформистскими профсоюзами. Ленин требовал, чтобы коммунисты учились завоевывать «не только большинство рабочего класса.., но и большинство эксплуатируемых и трудящихся сельского населения»[27]. Новая тактика вызвала в Коминтерне, только что родившемся в результате разрыва с социал-демократией, больше трений и конфликтов, нежели нэп в РКП(б). Понадобилось много труда, чтобы новая тактика стала осознанным курсом Интернационала[28].

Годы спустя в одной из самых известных своих тюремных записей Грамши обобщенно определил новый курс 1921 г. как «превращение маневренной войны... в войну позиционную, которая была единственно возможной на Западе», и выразил сожаление, что Ленин «не имел времени, чтобы углубить свою формулу». За пределами России, на Западе, эта формула требовала «разведки территории и выявления тех элементов гражданского общества, роль которых можно уподобить роли траншей и крепостей и т. д.». Она требовала, иначе говоря, развития революционного процесса, который соответствовал бы условиям, весьма отличным от русских[29]. Можно, однако, утверждать, что Ленин интуитивно предугадывал эту задачу. На III конгрессе Коминтерна он говорил, что «необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах»[30]. Он много раз призывал учитывать крайнюю сложность пути, пройденного большевиками в России. В ноябре 1922 г., в речи на IV конгрессе Коминтерна, его последней речи перед иностранной аудиторией, он критиковал резолюцию предыдущего конгресса, в которой организационные нормы большевиков были распространены на все партии Интернационала. Он критиковал ее за то, что она «слишком русская», «насквозь проникнута русским духом»[31]. Коммунисты других стран «должны воспринять часть русского опыта». Может быть, добавлял он, итальянским товарищам помогут в этом деле фашисты (всего несколькими днями раньше Муссолини совершил свой «поход на Рим») и тот суровый урок, который они должны извлечь из их прихода к власти[32]. Эти идеи не слишком отличались от тех, что Ленин внушал комму-

нистам Кавказа. Это не означало отказа от тезиса о всемирном характере революции: Ленин указывал только на своеобразие форм и конкретных проявлений ее распространения на другие страны.

От ленинской интуиции до практических установок всего коммунистического движения в целом лежала дистанция огромного размера. Впрочем, что касается политики единого фронта, то со стороны Коминтерна все же имела место попытка коллективного проведения ее в жизнь. Социал-демократические партии предприняли после войны усилия по возрождению своего II Интернационала с центром в Лондоне. Одновременно старое центристское течение основало в Вене еще одно объединение, оставшееся известным под названием «двухсполовинного» Интернационала. В апреле 1922 г., незадолго до созыва Генуэзской конференции, в Берлине состоялась встреча делегатов трех Интернационалов, организованная с целью способствовать их сближению с учетом возможных совместных действий ради осуществления конкретных и частичных задач. На встрече коммунисты предложили провести «всемирный рабочий конгресс». Но из их инициативы ничего не вышло. Делегаты трех Интернационалов вели друг с другом резкую полемику. Слишком еще свежи были воспоминания, как сказал большевик Радек, о тех «морях крови», «горах трупов», «всемирном разорении», которые война и революция нагромоздили между двумя сторонами рабочего движения[33]. Социал-демократические делегаты осуждали репрессии против эсеров и меньшевиков в России и Грузии. Коммунисты вспоминали своих товарищей, убитых или арестованных на Западе. Исключительно благодаря усилиям коминтерновских делегатов, стремившихся не допустить разрыва, было заключено временное соглашение о проведении нескольких общих манифестаций. Но из этой договоренности ничего не вышло. В рядах самих коммунистов имелись противники такой инициативы. Многие из тех, кто не был ее противником, видели в ней лишь маневр, чтобы подчеркнуть, в какое болото предательства скатились вожди социал-демократов. Эти последние в свою очередь все еще не верили, что в голодной России может возникнуть что-нибудь жизнеспособное. Год спустя два социал-демократических интернационала слились на основе общей враждебности к Советской России.

Идейное влияние

Между тем Советская Россия вызывала повсюду в мире интерес и кипение страстей, и не только в рядах коммунистического движения. Среди самих социал-демократов было тогда — да и сохранилось в дальнейшем — различное отношение к СССР; некоторые из них не исключали определенной симпатии. Широкое развитие получило движение помощи голодающей России. Некоторыми его участниками, например квакерами, двигало простое человеческое сочувствие. Советские люди по сей день с благодарностью вспоминают деятельность, развернутую прославленным полярным исследователем Нансеном. В Берлине возник тогда по инициативе немецкого коммуниста Мюнценберга ко-

митет международной рабочей помощи. Получивший известность под названием Межрабпом, он на протяжении многих лет проводил чрезвычайно важную работу по организации различных связей и укреплению международной солидарности с СССР. Это была одна из многочисленных вспомогательных организаций, образовавшихся вокруг Коминтерна. Другими наиболее существенными были Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), Крестьянский интернационал (Крестинтерн), Коммунистический интернационал молодежи (КИМ).

Одним из наиболее характерных проявлений солидарности явилось переселение в Россию целых групп рабочих из других стран. Речь идет не только о коммунистах или сочувствующих, преследуемых на родине за политические убеждения и ищущих укрытия от репрессий. Таких было, конечно, немало. Но были и другие. Из различных стран мира — Германии, Скандинавии, Чехословакии — группы рабочих присылали запросы о разрешении приехать в Россию, чтобы строить вместе с другими социализм — общество своих идеалов. Много было среди них и русских из Америки, выражавших пожелание вернуться на родину. Некоторые переезжали прямо группами, уже объединенные в кооперативы, с современной техникой, приобретенной на свои скудные средства. Искренний, хотя и осторожный сторонник этого начинания, Ленин в мечтах позволял себе думать о том времени, когда «в каждом уезде мы сможем иметь хотя бы одно показательное сельское хозяйство с американской техникой»[34]. В действительности же перемещение этих энтузиастов в чуждую для них среду, в нищету и разруху послереволюционной России не увенчалось успехом. Построение идеального общества оказалось куда более трудным и долгим делом, чем они предполагали. И все же это движение осталось не только эпизодом, ярко свидетельствующим о революционном порыве тех лет. Оно принесло с собой в некоторых случаях и экономический эффект. Благодаря ему в сельских районах возникли коммуны, основанные иностранными рабочими. В промышленности главным таким предприятием была «Автономная индустриальная колония» (АИК) Кузбасса, организованная в 1922 г. американскими рабочими под руководством голландского коммуниста Рутгерса. С нее началось создание «второй промышленной базы» СССР[35].

Советский Союз стал в эти годы гораздо более важным фактором мировой политики, чем можно было предположить, судя по его реальной мощи, и происходило это только потому, что он был центром множества самых противоречивых стремлений. Именно это, а не его пока не существующее могущество (несмотря на уважение, которое сумела внушить к себе Красная Армия) порождало главные опасения его противников. Прежде чем подписать те или иные соглашения даже ограниченного характера, они требовали от СССР отказа от «пропаганды», обязывая его тем самым публично проводить различие — столь же безупречное в юридическом отношении, сколь бессмысленное в политическом — между ответственностью Коминтерна и ответственностью Советского правительства. Это, впрочем, не избавляло его от дипломатических осложнений.

Полоса дипломатических признаний

С точки зрения международной обстановки 1923 г. был очень трудным для СССР. Европа переживала кризис в связи с французской оккупацией Рура, которая на какое-то время побудила Коминтерн добиваться столь же маловероятного, сколь противоестественного союза с крайними фракциями германского националистического движения. Основной линией советской политики по отношению к Германии продолжала оставаться линия Рапалло, которая объединяла обе страны в их оппозиции державам-победительницам. Однако в советско-германских отношениях стали возникать новые трудности. В 1923 г. во главе правительства в Берлине оказался Штреземан, тот самый деятель, который позже в роли министра иностранных дел придаст немецкой политике прозападную ориентацию. В мае СССР был предъявлен так называемый ультиматум Керзона: английское правительство грозило разрывом всех и всяких отношений в случае, если не будет удовлетворен целый ряд его требований, в том числе и пресловутое требование «прекращения пропаганды», вокруг которых искусственно нагнеталась напряженная атмосфера. Дипломатический конфликт, воскресивший призрак интервенции, был в конце концов улажен благодаря позиции, занятой советской стороной: она выражала готовность к примирению, не проявляя в то же время чрезмерной уступчивости и смирения[36].

Наиболее тяжелыми для Коминтерна были последствия обострения социально-экономической напряженности в Германии в результате оккупации Рура. Обстановка в Германии вновь побудила руководителей большевиков, пользовавшихся в Коминтерне наибольшим авторитетом, сделать ставку на немецкую революцию, то есть на вооруженное восстание рабочего класса, которое представлялось, в особенности Троцкому и Зиновьеву, во многом сходным с российским Октябрем. Дело кончилось полной неудачей. Провал, правда, не изменил сколько-нибудь существенно международного положения СССР, ибо его изоляция началась значительно раньше, но все же способствовал еще большей его изоляции. Подавление выступления в Германии совпало с рядом других поражений рабочего движения — в Болгарии и Польше. В Болгарии, связанной с Россией множеством исторических нитей, утвердился крайне правый режим. Эти серьезные неудачи вызвали в России споры по поводу причин и виновников этих провалов. Полемика усугубила процесс раскола старого руководящего ядра большевистской партии.

Что же касается Советского государства, то оно, напротив, почти сразу вслед за этим смогло занести в свой актив несколько очков. Первые недели 1924 г. открыли полосу дипломатических признаний правительства Москвы. 1 февраля его признала Англия, чуть позже Италия. Чтобы сделать этот шаг, Англии потребовалась смена правительства; был сформирован первый лейбористский кабинет. Так же обстояло дело и во Франции, стране, которая на протяжении

всех этих лет придерживалась самой жесткой антисоветской позиции: состоявшееся в октябре дипломатическое признание и обмен послами были осуществлены правительством Эррио, пришедшего к власти в результате победы на выборах «картеля левых». В 1924 г. дипломатические отношения были восстановлены и с официальным китайским правительством в Пекине, а в январе 1925 г. — с Японией. Всего за этот период Советский Союз признали 13 государств. Это был крупный успех. Из главных стран в стороне оставалась только Америка. Все глубже укоренялось убеждение, что игнорировать СССР невозможно, а раз так, то лучше иметь своих представителей в Москве. Советская экономика набирала силы. Советский строй не был подорван болезнью, а затем смертью Ленина, как этого все ожидали. В 1924—1925 гг. понемногу стала продвигаться вперед и политика концессий.

Хотя вражда капиталистического мира к СССР нисколько не смягчилась, Советское правительство сумело обеспечить себе определенный простор для маневра на международной арене. Контакты и переговоры, даже когда практические результаты их оказывались скудными, все же отдаляли угрозу новой войны и интервенции, которых всегда опасались руководители большевиков. Дипломатия Москвы завоевывала признание в трудной борьбе, можно сказать, на поле боя. Говоря о советском правительственном аппарате, Ленин приводил Наркоминдел как пример единственного ведомства, где весь персонал был обновлен сверху донизу. С того самого момента, как Чичерин предстал в Генуе перед враждебно настроенными, но сгорающими от любопытства наблюдателями, этот советский министр, отдыхающий за фортепиано, играя Моцарта, завоевал уважение своей культурой, свободным владением всеми главными европейскими языками, своим искусством ведения переговоров. Вместе с ним на авансцену вышла целая когорта блестящих дипломатов: Литвинов, Красин, Иоффе, Карахан. На выполнение разных миссий за границей направлялись и некоторые политические лидеры, вступившие в конфликт с большинством, как, например, Крестинский и Раковский. В окружающем мире Советский Союз был представлен на высоком интеллектуальном уровне.

Эти успехи порождали вместе с тем еще одну проблему: каковы должны и могли быть отношения между дипломатией молодого государства и Коминтерном, этим орудием всемирной революции, задуманным первоначально как орган, стоящий над самими русскими коммунистами? Возможное и полезное с формальной точки зрения, это разграничение делалось более туманным, когда речь шла о его практическом применении в области дипломатии, и, наконец, становилось почти неуловимым с точки зрения революционной политики и революционной этики. Разумеется, формы деятельности, ответственность и задачи Наркоминдела и Коминтерна были весьма различны. Но и тот и другой возглавлялись по большей части одними и теми же людьми: руководителями большевиков. Поэтому порой

происходило смешение применяемых ими средств и методов. Всемирная революция имела в лице СССР свою главную точку опоры; в то же время для СССР всемирная революция продолжала служить главной надеждой на будущее. И все же и с той и с другой стороны возникали трудности. Известно, что Чичерин не всегда одобрял деятельность Коминтерна[37]. С другой стороны, у иностранных коммунистов, особенно когда они сталкивались по тем или иным вопросам с русскими товарищами, не раз возникало подозрение, что советские деятели готовы пожертвовать некоторыми конкретными интересами революционного движения ради потребностей своей государственной политики. Обвинение это исподволь высказывалось уже с 1921 г.; год спустя, на IV конгрессе Коминтерна, Зиновьев все еще считал необходимым доказывать его абстрактный характер [38]. Противоречие, однако, коренилось в самих фактах. Когда в 1923 г., в разгар проведения своей линии Рапалло, советские руководители поощряли восстание в Германии, они, без сомнения, повредили своей политике. Напротив, подчеркивание хороших отношений с Муссолини в 1924 г., в момент максимального накала «кризиса Маттеотти», хотя и было объяснимо с точки зрения необходимости неукоснительного проведения принятой в тот период дипломатической линии, несомненно, не облегчало деятельности итальянских коммунистов[39].

Если проблема не приобрела тогда большей остроты, то объяснялось это тем, что, с одной стороны, коммунистические партии были еще слабыми, а с другой — что дипломатические успехи Советского государства были ограничены весьма узкими пределами. Слабость компартий, переживавших трудный этап становления, заставляла иностранных коммунистов видеть в СССР центр помощи, который нужно было хранить и защищать как залог их собственных будущих успехов. Что же касается советской дипломатии, то за волной признаний не последовало других соответствующих шагов в области развития отношений с другими государствами. В Англии лейбористское правительство было опрокинуто очередными выборами после скандала с так называемым письмом Зиновьева, якобы содержавшим инструкции по ведению подрывной работы, адресованные английским коммунистам (подлинность этого письма так и не была доказана). Уже заключенные между СССР и Великобританией экономические соглашения так и не были ратифицированы. Предоставление Европе американских кредитов по «плану Дауэса» ознаменовало переход к новому сближению между западными державами и Германией, что существенно снижало значение Рапалльского договора. Процесс этот увенчался в 1925 г. заключением Локарнских договоров, которые призваны были гарантировать стабильность новых границ в Западной Европе. СССР был исключен из этих соглашений, что обрекало его на еще большую международную изоляцию. Таким образом, невзирая на достигнутые успехи, советский народ в середине 20-х гг. более, чем когда бы то ни было, чувствовал себя замкнутым во враждебном кольце капиталистического окружения.

IV. ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Цезаризм

Можно ли было избежать прихода вождя-кумира, то есть одной из разновидностей цезаризма, в изолированной и истерзанной революционной России? Вопрос этот ставился не раз[1]. В 1931 г. Грамши, не ссылаясь, правда, на ситуацию в СССР, дал следующее определение цезаризма. Этот феномен, писал он, «является отражением такой ситуации, когда борющиеся между собой силы находятся в состоянии катастрофического равновесия, при котором продолжение борьбы может иметь лишь один исход: взаимное уничтожение борющихся сил». Это такое положение, уточняет Грамши, когда две противоборствующие силы, «не добившись победы, взаимно истощат друг друга, а извне вторгнется третья сила.., которая подчинит себе» обе соперничающие стороны. Цезаризм в этом случае принимает форму «арбитража», то есть решения, доверенного великой личности и способного предотвратить такое равновесие сил, которое грозит завершиться катастрофой. «Начальную ступень цезаризма» Грамши видел уже во «всяком коалиционном правительстве»[2].

Нетрудно установить, что подобное равновесие обрисовалось в России в начале 20-х гг. в отношениях между теми двумя классами — рабочих и крестьян, — которые в революции и в гражданской войне выступали одновременно и как союзники, и как противоборствующие силы. Следовательно, в условиях того глубинного компромисса, каким был для этих сил нэп, в позиции РКП(б) уже был определенный цезаризм. Пролетарская партия, классовая основа которой была к тому же ослаблена, оказалась лицом к лицу с необъятной крестьянской Россией. Ее социалистические намерения по меньшей мере дважды приходили в столкновение с этой крестьянской массой: в 1918 и 1920 гг. Новое столкновение грозило увенчаться распадом страны на отдельные части (она уже была недавно близка к этому), установлением над нею почти колониального типа господства иностранного империализма.

Говоря это, мы желаем обратить внимание не только на тот факт, что РКП(б) была единственной легальной партией в стране. Интерес представляет, скорее, социальная природа этой партии и возглавляемого ею общественного строя. Последние статьи Ленина содержат очень точные суждения на этот счет: «наша партия опирается на два класса», и дальше — наш «социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и "нэпманы", т. е. буржуазия»[3]. Вместе с тем Ленин и его соратники никогда не переставали говорить о диктатуре пролетариата. В 20-е гг., правда, этот термин был пред-

метом разногласий между большевиками, ощущавшими известное противоречие этого пункта. Но даже если мы отвлечемся от этих споров, несомненным остается тот факт, что сама диктатура была частью компромисса, осуществленного в ходе поворота 1921 г. Политическое руководство блоком двух общественных сил оставалось в руках партии рабочего класса, но при условии, что хозяйственная жизнь будет развиваться на базе критериев — свобода торговли и частнособственническое производство, — продиктованных, по существу, крестьянством.

Два этих класса, очевидно, не могли рассматриваться как союзники с точки зрения сходства их общественной природы или совпадения интересов. Начнем с того, что в теоретических построениях самих руководителей большевиков такое совпадение рассматривалось как временное, ограниченное четкими историческими пределами, что и было подтверждено опытом революции и гражданской войны. Мы знаем, как эволюционировали взгляды Ленина по этому вопросу. Что касается Троцкого, то в 1922 г. он издал сборник своих старых статей о первой русской революции под названием «1905 год». На его страницах он с еще большей ясностью излагал свои идеи насчет «перманентной революции», а следовательно, и неизбежности столкновения социалистических стремлений пролетариата с крестьянским миром, то есть тех самых идей, которые вскоре навлекли на него обвинение в «недооценке роли крестьянства»[4]. Но недоверие к деревне было свойственно не одному только Троцкому, если в 1919 г. Сталин мог заявлять, что «крестьяне не будут добровольно драться за социализм» и что их, следовательно, нужно «заставить» воевать[5]. По своей идеологии и политике большевики были продуктом города, городского пролетариата. Разумеется, после поворота 1921 г. создание блока двух классов стало их первоочередной заботой. Но ведь сам этот блок должен был реализоваться через посредство их партии. В их рядах, правда, обсуждалась идея образования «крестьянского союза», то есть организации, выражающей взгляды одного только класса — крестьянства; но она была отвергнута именно из опасения, что подобное объединение преобразуется в конкурирующую политическую организацию, способную усилиться настолько, чтобы взять верх[6].

Недостаточно, однако, просто констатировать наличие известной «ступени цезаризма» в партии. Грамши предупреждает, что эта формула не может служить «каноном исторической интерпретации», что цезаризм в каждом отдельном случае следует изучать в его конкретной направленности, прогрессивной или реакционной и т. д. Необходимо поэтому более детально рассмотреть, что же происходило в партии, этой, по словам Ленина, «маленькой группе людей по сравнению со всем населением страны»; в этом «зернышке», которое «поставило себе задачей переделать все» и все переделывает[7].

Следует отметить два явления. Даже после чистки 1921—1922 гг. партия представляла собой как бы сумму двух типов исторического

опыта, весьма неодинаково отразившихся на ее составе. Слой большевиков с дореволюционным стажем, сложившийся в испытаниях подполья и спорах старого европейского социалистического движения, представлял собой предельно малую часть (около 10 тыс., с беспокойством отмечалось на XII съезде)[8] в море более молодых коммунистов, политически сформировавшихся в жестоких боях гражданской войны либо — самое большее — в битвах 1917 г. Это помогает понять, почему такую тревогу вызывала сама возможность проникновения в партийные ряды большого числа выходцев из других партий. Таких было совсем немного (22 тыс. по партийной переписи 1922 г.[9]), но они зачастую имели более длительный и богатый политический опыт, нежели тот, которым в среднем обладала партия.

Иным по своей природе было второе явление. Назначение Сталина генеральным секретарем ускорило введение ряда новшеств, частично закрепленных новым уставом в августе 1922 г., частично же просто утвердившихся на практике. Они не исчерпывались лишь ужесточением правил приема в партию. Целый ряд партийных организаций окраинных губерний был создан под руководством региональных бюро ЦК, назначаемых непосредственно из Москвы. Насколько велико было их значение, можно судить по роли, которую сыграло в грузинских делах Кавбюро, возглавляемое Орджоникидзе. Структура партийных комитетов на разных уровнях была унифицирована. Во главе их стояли освобожденные секретари, призванные заниматься исключительно партийной работой. Секретари должны были обладать определенным партийным стажем и подлежали утверждению сверху. Таким образом, и по отношению к ним критерий назначения на практике вытеснил критерий выборности. Секретари обкомов регулярно вызывались московским секретариатом и обязаны были периодически представлять доклады, устные или письменные. Возникла новая фигура: инструктор, выполняющий поручения, — в частности, в первичные организации он передавал предписания из центра[10]. Мотивированные необходимостью повышения действенности партийных рядов, подобные нововведения придали партии более строгое кадровое строение (редко употреблявшееся Лениным слово «кадры» в значении «руководители», напротив, при Сталине входит в частое употребление). Речь шла о централизованной и вертикальной структуре, которую ее критики вскоре назовут «иерархия секретарей».

Последние ленинские размышления

Если в положении самой партии и можно было усмотреть черты цезаризма (в понимании Грамши), то цезаристская личность, как таковая, во главе партийной верхушки отсутствовала. Ленин не был такой личностью. Но он был вынужден оставить работу, когда результаты его труда только-только начинали претворяться в жизнь.

В конце 1921 г. (страна тогда переживала самые ужасные послед-

ствия неурожая) подорванное испытаниями предыдущих лет здоровье Ленина — ему было тогда 52 года — ухудшилось до такой степени, что для него пришлось установить периодические перерывы в работе. В апреле 1922 г. ему сделали операцию по извлечению пули, остававшейся после покушения 1918 г. В мае он перенес первое кровоизлияние в мозг с последовавшим частичным параличом, это выключило его из работы вплоть до второй половины сентября. В декабре ему стало хуже, вновь потребовались лечение и отдых вне Москвы: то было предвестие следующего инсульта, который в середине марта 1923 г. положил конец его политической деятельности. Есть нечто одновременно горестное и эпическое в том сосредоточенном упорстве, с каким он боролся с болезнью, с головой уходя в работу при каждом хотя бы ничтожном улучшении состояния, возвращаясь к делам государства и партии при малейшей возможности. Именно в этот период, когда его активная деятельность перемежалась с вынужденным отходом от дел, в развитии политической мысли Ленина наступила одна из наиболее интересных стадий. Речь идет о последних произведениях — публичных статьях или секретных заметках, — продиктованных за время с декабря 1922 г. по март 1923 г., его последней воли в области политических идей. Произведения эти поражают своей проницательностью (хотя сам Ленин жаловался, что «нет уже прежней свежести мысли»)[11], причем настолько, что позже некоторые исследователи даже сочтут их «самым сильным, что вышло из-под его пера»[12].

Остро полемизируя со старыми противниками, Ленин еще раз вернулся к размышлению о революции, ее сути. Некоторые предпосылки, казавшиеся фундаментально важными, решающими в Октябре 1917 г., на поверку не оказались таковыми. Великий европейский пожар не вспыхнул. В изолированной России еще не существовало «основ социалистического уклада», к их «экономическому строительству» еще только предстояло приступить. Значит, все было ошибкой? Нет, отвечал Ленин, в любом случае «мировой перелом совершился»: перед человечеством открылась историческая альтернатива, был произведен революционный выход из империалистической войны, родилось новое государство[13]. Ленин формулировал далее положение, которое на многие десятилетия останется сильнейшим теоретическим аргументом в пользу Советского Союза как символа иного возможного пути. Он признавал, что в 1917 г. большевики уловили наличие совершенно самобытной и выигрышной для себя революционной конъюнктуры. Он даже вспоминал по этому поводу совет, который давал Наполеон относительно крупных сражений: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». В сущности, именно это и сделала его партия. «Иначе, — добавлял Ленин, — вообще не могут делаться революции». Неколебимым было его убеждение, столь характерное для его мышления, что, как бы то ни было, большевики находились в стержневом русле истории, на стыке надвигающихся революций Запада и Востока. Все остальное, от Бреста до

нэпа, было «деталями развития», путевыми неполадками. Хотя он не мог предвидеть, до какой степени сложными еще окажутся эти «детали» для его страны, он предугадывал вместе с тем, насколько «больше своеобразия» они приобретут со вступлением в то же историческое русло огромных масс населения Востока. Порядок событий, в том виде как он рисовался большинству марксистов, в России оказался перевернутым: сначала победоносная революция, завоевание власти, а потом «предпосылки» и достижение более высокого уровня цивилизованности, движение к социализму[14].

От Ленина не ускользало, насколько труден такой путь. В одном из набросков он пишет: «Какое "звено цепи"?.. *разрыв* (пропасть) между необъятностью задач и нищетой материальной и нищетой культурной»[15]. После потрясения первых послеоктябрьских месяцев государственный аппарат оказался, в сущности, заимствованным от прошлого строя, старым «до невозможности, до неприличия», из рук вон плохим, бюрократическим, «только чуть подмазанным советским миром».

Требовалась гигантская работа, чтобы страна могла «достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы»[16]. Ленин был весьма критичен и по отношению к собственной партии, озабочен тем, чтобы она сознавала свои недостатки. Его доклад на XI съезде, последний его доклад на высшем форуме коммунистов, драматичен по своей суровости: коммунисты одержали победу и тем не менее рисковали оказаться подчиненными культуре побежденных[17], подобно тому, как не раз происходило с варварами, которые завоевывали страны с более высоким уровнем цивилизации. Поглощенная заботами управления, партия теперь была недостаточно пролетарской. К этому наблюдению Ленин добавляет: «Пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»[18].

Как же подойти в этих условиях к социализму? «Не иначе как через *нэп*», — отвечал Ленин[19]. Такое движение будет медленным? Он принимает такую перспективу. «Надо, — говорит он, — проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. ...Вреднее всего здесь было бы спешить»[20]. Эти формулировки позволяют увидеть, что переход — если воспользоваться грамшианской терминологией — от «маневренной войны» к «позиционной войне» был очерчен ленинской мыслью не только применительно к битвам международного пролетариата, но также и по отношению к внутреннему развитию страны.

В любом случае, однако, речь шла о войне. Ленин, например, даже не допускал мысли о том, чтобы просто смириться с диктатом рынка, возрожденного нэпом. Доказательством тому служит его

14 Зак. № 380

борьба в защиту государственной монополии на внешнюю торговлю. Это правда, что он с недоверием относился к чересчур широковещательным, на его взгляд, предложениям о расширении планового начала, которые в кругах руководителей большевиков отстаивались Троцким и Преображенским (одним из молодых теоретиков партии). Тем не менее в конце 1922 г. он потребовал «пойти навстречу тов. Троцкому» и расширить права Госплана, придав этому органу также «известную независимость и самостоятельность»[21]. Стержнем нэпа для него неизменно оставалось сознательное использование новой властью «командных высот» в экономике, то есть тех решающих и обширных секторов — от банковской системы до предприятий тяжелой промышленности, — которые остались в руках государства. Для этого, однако же, требовалась культура, культура и еще раз культура: обыкновенная современная культура, хозяйственная, техническая и даже просто культура общежития. Эта идея настолько часто повторяется в разных выражениях в последних статьях Ленина, что может показаться навязчивой.

Кульминационным пунктом этих размышлений, причем настолько новаторским, что вся партия была ошеломлена, явилась статья «О кооперации». Не в первый раз Ленин обращался мыслью к этой теме. Но на этот раз его постановка вопроса была иной, чем в прошлом. Та самая кооперация, которую большевики всегда третировали как простое проявление буржуазного реформизма, теперь в новых условиях выступала в глазах Ленина как столбовая дорога России — и особенно российской деревни — к социализму. Исходная посылка заключалась в констатации того факта, что «нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню... пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма... будет, можно сказать... гибельно для коммунизма»[22]. Кооперация же (Ленин не проводил различия между разными формами ее, ибо в ту пору все они, и в том числе уцелевшие коллективные хозяйства, были включены в более широкий кооперативный союз[23]) будет «более *простым, легким и доступным для крестьянина*» путем. Этот путь позволит крестьянину совершить огромный шаг вперед: от торговли «по-азиатски» к тому, чтобы научиться «торговать по-европейски». Задача, по Ленину, состояла в «кооперировании населения», то есть организации движения, «в котором *действительно участвуют действительные массы населения*», причем участвуют активно, а не пассивно. Здесь лежал ключ к строительству социализма. Но и для этого также требовалась «целая историческая эпоха»[24] культурного развития.

В этом свете легче угадывается смысл самого неожиданного из последних предложений Ленина, направленного на осуществление полной, хотя и постепенной реформы государственного аппарата. Ленин в этом случае отбросил всякую заботу, подчеркивавшуюся им в прошлом, об отделении правительственных органов от партийных и рекомендовал, напротив, слить один из наркоматов (Рабоче-крестьянскую инспекцию, сокращенно Рабкрин, которая, несмотря на много-

обещающее название, была, по существу, простым продолжением старого «государственного контроля» дореволюционных времен[25]) с Центральной контрольной комиссией партии. ЦКК к этому времени еще не нашла своего окончательного места среди руководящих органов партии и в период после X съезда практически также занималась преимущественно разбором дисциплинарных дел. Ленин мечтал создать хотя бы одно образцовое министерство. Выполняя свою щепетильную миссию по-новому, с помощью обновленного персонала, с минимумом бюрократии, путем освоения новейшей техники организации и управления, оно стало бы переделывать на основе этого первого опыта и другие государственные учреждения. Речь идет о том, говорил Ленин в одной из заметок, в которой слышится последний отзвук работы «Государство и революция», чтобы выполнить наши «обязанности воспользоваться пребыванием у власти, чтобы научить лучшие элементы трудящихся масс всем деталям управления»[26].

Реформа должна была отразиться и на партии. В самом деле, Ленин дополнял свою идею предложением об увеличении числа членов Центрального Комитета до 50 и даже 100 человек путем введения в него рабочих, но «не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу», то есть давно уже занимались осуществлением правительственных функций[27]. Ленина заботила борьба с бюрократией не только в государственных учреждениях, но и в тех партийных органах, где она проявлялась. Мало того. Будущую ЦКК Ленин хотел наделить правом инспектировать деятельность самого Политбюро, причем таким образом, «чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК» не мог помешать ей добиться безусловной осведомленности обо всем и проверить строжайшую правильность ведения дел. Именно в этих последних документах, продиктованных под угрозой неотступно надвигающейся болезни и вопреки возражениям врачей, Ленин обнаруживает все большую озабоченность по поводу структуры центральных органов власти и недостатков осуществляющих эту власть людей. Цель его тревожных поисков — отладить новое равновесие в верхушке и в то же время найти новые пути участия масс в деле управления страной.

В эти же дни было написано то самое «Письмо к съезду», которому суждено было стать своего рода завещанием Ленина. Ленин видел, что возникает угроза раскола партии. Он считал его неизбежным в случае разрыва союза рабочего класса и крестьянства. Но такой поворот событий казался ему маловероятным и, во всяком случае, принадлежащим слишком отдаленному будущему. По его мнению, имелась куда более близкая опасность и заключалась она в «серьезнейших разногласиях», проявлявшихся в высшем партийном руководстве. При этом, добавлял Ленин с проницательностью, поразившей историков[28], бóльшую половину опасности составляют отношения между Сталиным и Троцким, «двумя выдающимися вождями современного ЦК». Поэтому он давал оценку им обоим, а также че-

тырем другим руководящим деятелям. Эти оценки широко известны и, несмотря на лаконичность, исчерпывающе точны. Стоит отметить, что к трем из них (Сталину, Троцкому и Пятакову) относится с теми или иными оттенками один и тот же упрек в администрировании. Трудно произносимое для иностранца, это слово переводят обычно как «метод управления», но, на мой взгляд, — и употребление его в русском языке это вполне оправдывает — его следует переводить как «авторитаризм». Это дает представление о том значении, которое Ленин придавал данной опасности. В остальном Сталин уже «сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, — писал Ленин, — сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Троцкий «лично... пожалуй, самый способный человек», однако он «отличается не только выдающимися способностями», но также чрезмерной самоуверенностью. Молодой Бухарин — «ценнейший и крупнейший теоретик партии... любимец всей партии», но «в нем есть нечто схоластическое», он «никогда не понимал вполне диалектики». Что касается Зиновьева и Каменева, то Ленин ограничивался констатацией того, что их поведение в октябре 1917 г. не было случайностью, однако призывал не ставить им это в вину, как и «небольшевизм» — Троцкому[29].

Огонь ленинской критики в конечном счете сосредоточился на Сталине. Несколькими днями позже он прибавил к «завещанию» не менее знаменитую приписку, в которой требовал выбрать другого генерального секретаря, потому что Сталин «слишком груб»; «этот недостаток... становится нетерпимым», когда речь идет о человеке, занимающем такой пост: на его место следовало поставить кого-нибудь другого, который был бы «более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.». Усугубление оценки совпало с обострением спора между Лениным и Сталиным по национальному вопросу. Трудно, однако, сказать, была ли эта причина единственной. В своих последних заметках Ленин, говоря о Сталине, уже не употребляет выражение «генеральный секретарь», которого, как мы знаем, и не существовало вплоть до прихода Сталина на эту должность, а пользуется более скромным и, разумеется, не случайно выбранным «секретарь»[30]. В одной из его записок от 6 марта 1923 г. (последний день деятельности), адресованной Сталину, содержится угроза разрыва личных отношений: причиной, как указывается, послужило оскорбление, нанесенное Сталиным жене Владимира Ильича Н. К. Крупской[31]. Однако мотивы конфликта носили отчетливо политический, а не личный характер, как решил кое-кто, основываясь на этом эпизоде[32]. Все подтверждает заявление, сделанное Троцкому одним из секретарей Ленина, о том, что Владимир Ильич собирался на ближайшем съезде дать жестокий бой Сталину[33].

Анализ всего комплекса предсмертных рекомендаций Ленина партии и стране приводит к выводу о том, что вряд ли можно утверждать — подобно тому как это широко делается в современной совет-

ской историографии, — будто в этих своих последних работах он «изложил в обобщенном виде программу социалистического преобразования России»[34]. В них недостает той органической цельности, какую предполагает подобное определение. Можно говорить, скорее, не о цельном плане, а о напряженнейшем поиске, в котором присутствует сознание проблем и опасностей, но нет еще безоговорочных решений; о поиске, которому сами окружающие обстоятельства придавали столько драматизма. Ленин был далек от того, чтобы исчерпать — да иначе и быть не могло — те проблемы, которые стояли перед российскими коммунистами. Ленинский анализ убеждает, предложения — не всегда. Не понятно, например, как более суровый отбор при приеме в партию мог уберечь ее от внешних влияний,— между тем Ленин до самого конца верил в это. Да и сама его программа реформы государства и партии представляется с сегодняшней точки зрения не соответствующей серьезности тех конфликтов, которым вот-вот предстояло взорваться.

Это объясняет отчасти — но только отчасти, — почему он натолкнулся на известную глухоту своих товарищей. В своем поиске накануне смерти Ленин выглядит почти изолированным. Само по себе это не удивительно. Множество раз по другим поводам, когда он предлагал партии новые идеи или переход на новые позиции (апрель и октябрь 1917 г., Брестский мир, поворот к нэпу), ему приходилось в одиночку идти впереди других и заставлять их идти за собой с помощью политической борьбы. В этот последний раз у него не хватило времени и сил для такой битвы.

Ответ XII съезда

Некоторые заметки Ленина были встречены холодно. Но в этом случае речь шла, по-видимому, не только о замешательстве перед новым. Сначала решили не публиковать его заметок о Рабкрине. Первая из них подверглась цензуре: из нее были изъяты как раз те несколько драгоценных слов, которые гласили, что «ни генсек, ни кто-либо из других членов ЦК» не должны быть в силах помешать контролю за их деятельностью*. Когда Зиновьев и Каменев комментировали эти статьи, то вывод, к которому они приходили, заключался в том, что нет никакой нужды в ревизии ленинизма. И это в такой

* Эта фраза — а она отсутствовала в тексте, напечатанном в «Правде» 25 января 1923 г., не появилась она и ни в одном из последующих собраний сочинений Ленина — была восстановлена по оригинальному, рукописному тексту лишь в пятом издании Полного собрания сочинений, вышедшего в свет в 1970 г. (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 387). Отсутствует она и в итальянском переводе статьи «Как реорганизовать Рабкрин» в т. 42 Полного собрания сочинений, выпущенного издательством «Эдитори риунити», которое готовилось по четвертому русскому изданию.

Последние заметки Ленина за исключением крупных статей долгое время держались в тайне, а на протяжении длительного периода сталинской диктатуры даже вовсе считались несуществующими и были опубликованы лишь после XX съезда КПСС (1956). В первую очередь такая участь постигла — несмотря на прямо противоположное реше-

момент, когда, как отмечалось уже в то время, сам Ленин, верный своему методу, развивал и, следовательно, частично пересматривал собственную мысль[35]. На XII съезде также очень мало говорилось о последних ленинских заметках (исключение составляли оппозиционеры по национальному вопросу): единственный делегат, который вспомнил о них, сказал, что они явились «чем-то вроде разорвавшейся бомбы»[36]. Правда, главные ленинские предложения были утверждены съездом: численность Центрального Комитета была увеличена до 40 членов и 17 кандидатов, а Рабкрин слит с Центральной контрольной комиссией, также значительно увеличенной в своем составе. Однако бóльшая часть сокровенного ленинского замысла была утрачена; в частности, вновь избранные члены ЦК вовсе не были теми рабочими, не побывавшими на руководящих постах, которым отдавал предпочтение Ленин. Наконец, съезд так и не узнал «завещания», хотя оно и было адресовано ему. В этом случае, однако, недоразумение, похоже, объясняется ленинской щепетильностью в оберегании тайны: вскрыть конверт без его согласия он просил только в случае смерти. Хотя подобное объяснение убеждает не всех советских историков, у нас нет данных, на основе которых его можно было бы поставить под сомнение[37].

Сталин, таким образом, остался генеральным секретарем. Характерной чертой XII съезда, а большинство его делегатов было уже из числа работников организационного аппарата партии[38], стало первое публичное проявление цезаризма, который уже был различим в объективном положении партии. Но указание, прозвучавшее как ответ на обеспокоенность по поводу возможности раскола (а такую обеспокоенность испытывал, разумеется, не один Ленин), весьма отличалось от только что подсказанного Лениным: требовалось меньше критики и больше триумфальности. Главный докладчик, Зиновьев, сказал: «Всякая критика партийной линии, хотя бы так называемая «левая», является ныне объективно меньшевистской критикой»[39]. Сталин, докладчик не только по национальному вопросу, но и по вопросам партийной организации, по-своему закамуфлировал проблему: хорошо зная о напряженных отношениях в партийной верхушке, он отрицал наличие какого бы то ни было раскола в Центральном Комитете. Он не исключал раскола в перспективе, но торжествующе провозгласил, что не видел такого спаянного, одушевленного одной идеей съезда[40]. Как Зиновьев, так и Сталин впервые утверждали, что на вершине партии необходимо присутствие некоего «руководящего ядра», представляющего собой как бы самостоятельную величину.

ние, принятое в 1927 г., — «Письмо к съезду», или «завещание», которое тем временем стараниями людей, сочувствующих троцкистам, появилось за границей (*Roy A. Medvedev*. Lo stalinismo. Milano, 1972, p. 47—48). Два других документа, необходимых для анализа ленинских идей последнего периода, увидели свет лишь после 1956 г. См. *Л. А. Фотиева*. Из воспоминаний о В. И. Ленине. — «Вопросы истории КПСС», 1957, № 4; Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 2.

XII съезд был также первым съездом, на котором полтора заседания заняли приветствия делегаций трудящихся, заверяющих в своей преданности партии как вождю рабочих и трудового люда.

Драма Троцкого

Вождем в этих приветствиях называли и отсутствующего Ленина. Вождем Красной Армии реже, но довольно часто именовался Троцкий. С отдалением первого позиция второго приобретала большее значение. Партия вовсе не была единой, как изображал дело Сталин. Напряженность, оставшаяся после конфликтов 1921 г., отнюдь не угасла, хотя ее всегда сдерживал авторитет Ленина. Его вынужденный отход от дел вновь обострил трения. Популярность Троцкого была огромной, уступая лишь популярности Ленина. Вместе с тем его подозревали в бонапартизме, и подозрения эти подкреплялись, в частности, его неосторожными выступлениями в дискуссии о профсоюзах 1921 г. (возможно, раздувавшимися нарочно)[41]. Нелегко установить, какое воздействие эти обстоятельства оказали на его решения. Поведение Троцкого в 1923 г. всегда было загадкой для историков, занимавшихся этим вопросом, и даже привело в недоумение автора его превосходной биографии. Сам Троцкий в своих воспоминаниях уклоняется от каких-либо объяснений.

В надежде, что ему удастся дать свое политическое сражение, Ленин, уловив всю серьезность противоречий между Сталиным и Троцким, искал в последнем союзника. В стремлении добиться иного равновесия в партийной верхушке он предлагал ему занять пост заместителя председателя Совнаркома (и биограф Троцкого, Дойчер, выражает полную убежденность в том, что Ленин хотел тем самым обеспечить ему позицию своего прямого преемника). Однако Троцкий отказался, чем воспользовался Сталин, чтобы поставить его в затруднительное положение на XII съезде[42]. На съезде Троцкий предпочел не давать бой, используя рекомендации и доводы, которыми снабдил его Ленин. Как мы знаем, он не стал выступать ни по национальному вопросу, ни по другим темам последних ленинских работ. Он избрал иные вопросы и тем самым ослабил свою позицию. Таким образом, наиболее убедительное объяснение состоит в том, что и Троцкий тоже не разделял предсмертных идей Ленина.

В феврале 1923 г. он сам представил некоторые рекомендации по реформе центральных органов партии. Его стремления и предложения по многим пунктам совпадали с ленинскими. По некоторым другим расходились. Троцкий, по сути, предлагал образование более узкого, нежели существовавший, Центрального Комитета. Но наряду с ним должна была существовать более многочисленная Центральная контрольная комиссия (75 человек), которую он хотел наделить ролью, сходной с ролью парламента по отношению к правительству; впрочем, по крайней мере на первых порах, она должна была обладать лишь консультативными функциями[43]. По этому пункту

Троцкий получил поддержку лишь со стороны Рыкова, тогда заместителя председателя Совнаркома. Но на съезде, во всяком случае, он не поднимал этого вопроса и предпочел ограничиться докладом о промышленности, хотя именно этим восстановил против себя всех остальных членов Политбюро, включая Рыкова[44].

Его доклад был блестящим программным выступлением, в котором он более развернуто, чем в 1920 г., изложил проблемы индустриализации и, следовательно, перехода к плановому руководсту экономикой как постепенному преодолению нэпа. Он заключил речь горячим призывом к «первоначальному социалистическому накоплению» или, иными словами, — поскольку этот термин из-за аналогии с «первоначальным капиталистическим накоплением» Маркса всегда давал пищу многочисленным превратным толкованиям — к упорному труду во имя создания коллективного богатства. Это богатство — базу будущей тяжелой индустрии — нужно было накапливать путем самого напряженного труда и жесткой экономии, что могло потребовать от пролетариата не меньшего, пожалуй, героизма, чем битвы минувшего периода. В прениях по докладу, которые в целом оставляют впечатление оторванности от поставленных проблем, прозвучали многочисленные оговорки, в том числе и из уст ораторов, занятых непосредственно в руководстве экономикой и не имевших каких-либо оснований питать вражду к Троцкому, например Смилги или Красина. В глазах многих этот доклад как бы вызвал на мгновение призрак возврата к военному коммунизму. Он, следовательно, не укрепил позиции Троцкого, и причем в такой момент, когда противники готовились обвинить его только в стремлении быть «вождем нашей индустриальной жизни» и удержать «практически неограниченные полномочия в сферах промышленности и военных дел»[45].

По-видимому, именно в этом коренилась личная драма человека, которому столь многим была обязана русская революция. Его изоляция в руководящих органах в 1923 г. была результатом не одних лишь маневров Сталина и коалиции, заключенной против него тремя деятелями из числа наиболее крупных руководителей: знаменитого триумвирата, включавшего, помимо самого Сталина, также Зиновьева и Каменева. Этот фактор имел, конечно, немалое значение: то было важное оружие в приближавшемся политическом столкновении. Достаточно было, например, чтобы осенью предыдущего года наметилась угроза блока Ленина и Троцкого — и тройка молниеносно переменила свою позицию по вопросу о внешней торговле[46]. Сверстник Сталина (они оба родились в 1879 г.), Троцкий был тогда в расцвете интеллектуальных сил. Способность к проницательному анализу, необычайная живость мысли, солидная европейская культура и плюс ко всему неукротимая энергия бойца, убедительный стиль письма и зажигательная ораторская манера — таковы были качества, обеспечившие ему выдвижение в момент максимального подъема великих революционных битв. Вместе с тем его отличали высокомерие, интеллектуальная заносчивость, авторитарная

хватка. Поэтому он часто недооценивал своих противников. Для того чтобы быть политическим вождем, ему не хватало терпения и умения маневрировать, то есть того, что дает возможность заключать выгодные и продуманные союзы, создавать фракцию, партию, движение[47]. В 1923 г. не существовало никаких особых причин, по которым все другие главные руководители большевиков обязательно должны были выступить против него, даже если вспомнить о его былом «меньшевизме». Несмотря на несомненный организаторский талант, подтверждением которому было создание Красной Армии, несмотря на длительный политический опыт, Троцкий всякий раз, когда ему случалось оставаться в изоляции или в меньшинстве, неизменно оказывался неспособным сколотить сколько-нибудь внушительную группу сторонников. Он был, по известному определению своего биографа, «безоружным пророком», причем не раз он оказывался им именно из-за неспособности выковать себе необходимое политическое оружие, особенно в периоды отлива революционной волны.

Дискуссия о «новом курсе»

В конце 1923 г. раскол, которого опасался Ленин, обрисовался с большей отчетливостью. Этот год, хотя и был менее драматичным, чем предыдущие, подверг советский строй нелегким испытаниям. Восстановление экономики уже началось, но осуществлялось противоречиво. Несбалансированность цен (явление «ножниц») и кризис промышленного производства вызвали увеличение безработицы и значительную задержку в выдаче зарплаты. Летом на заводах вспыхнули забастовки. В партии образовались подпольные оппозиционные группы: «Рабочая правда» и «Рабочая группа». Это было наиболее яркое проявление растущего недовольства. Обсуждался вопрос, можно ли передать ГПУ на расследование вопрос о поведении тех или иных коммунистов. 1922 г. был годом образования СССР, со всеми теми национальными противоречиями, которые его сопровождали. Наконец, это был период суровых международных испытаний: от ультиматума Керзона до потери последней надежды на то, что восстание в Германии нарушит революционную изоляцию страны. С неудачей восстания в Саксонии в октябре совпал по времени очередной кризис партии. Причины его, однако, были внутреннего свойства.

Атаку начал Троцкий, направив письмо в Центральный Комитет. Мотивы этого письма вскоре же были использованы в другом документе, подписанном 46 видными партийными деятелями. Среди них можно было обнаружить многих прежних критиков, главным образом «децистов», наряду с работниками, которые либо давно не выражали оппозиционных взглядов, либо вовсе никогда не участвовали в оппозиции. Обвинения, сформулированные «46-ю», основывались на пессимистическом анализе экономического положения и требовании

более широкого применения планирования, но затем сосредоточивались преимущественно на вопросах внутрипартийного режима. Этот режим описывался как «диктатура одной фракции»; диктатура, которая, будучи дисциплинированно принята на X съезде как «временная» и чрезвычайная мера, ныне обнаруживала свои отрицательные стороны. Во имя заботы о единстве были созданы условия для роста той «иерархии секретарей», которая руководит партией «односторонними» методами и столь же фракционно ведет «индивидуальную вербовку», то есть склоняет на свою сторону отдельных руководителей. Она «вербует участников конференций и съездов», которые превращаются, таким образом, в «исполнительные ассамблеи иерархии». «Свободная дискуссия в партии, — говорилось в документе «46-ти», — практически ичезла, а партийное общественное мнение задушено»[48].

На первых порах большинство ответило на атаку формальным осуждением. На Пленуме ЦК с участием 10 важнейших областных организаций (созыв такого совещания был безотлагательным из-за требований «46-ти») инициатива оппозиционеров была квалифицирована как «фракционно-раскольническая». Письмо Троцкого расценено как «глубокая политическая ошибка»[49]. Резолюция пока не публиковалась. Ликвидировать конфликт с помощью такого приговора было невозможно. Невозможно было и продолжать удерживать в тайне дискуссию — ее первые этапы также не предавались гласности, — ибо документы оппозиции уже циркулировали в партии.

Была предпринята попытка найти компромисс. В начале декабря она приняла форму резолюции Политбюро, в составлении которой участвовал Троцкий: несмотря на многочисленные двусмысленности текста, идеи оппозиционеров нашли в ней довольно широкое отражение. В ней вновь употреблялся термин «рабочая демократия», уже бывший в ходу на X съезде, понимаемый прежде всего как демократия в партии. Она означала «свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни... выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху». Ограничения внутрипартийной демократии, введенные X съездом и после него, подлежали, по крайней мере отчасти, проверке, чтобы установить, целесообразно ли их сохранение. В особенности это касалось утверждения секретарей сверху, оно в любом случае не должно было превращаться в фактическое их назначение, особенно в первичных организациях или ячейках. Руководящие партийные органы не должны были «считать всякую критику проявлением фракционности», вынуждая тем самым членов партии, выдвигающих возражения, действительно замыкаться в отдельные фракции. Далее следовала серия указаний, призванных обеспечить претворение этих норм на практике. Весь дух резолюции был пронизан стремлением к более широкой демократии: в тексте содержались также указания на желательность более интенсивного «диалога» с массами «беспартийных»[50].

По сей день мы обладаем чрезвычайно скудной информацией, которая не позволяет с точностью судить, какие именно факторы, какие опасения обусловили переход от осуждения к компромиссу, а затем от компромисса к открытой борьбе. В своем первом публичном комментарии Троцкий расценил резолюцию Политбюро как начало смены курса, как новый курс. По-видимому, именно это и вызвало взрыв. Беглый огонь ответных полемических речей обрушился с этого момента на оппозицию со страниц печати и трибун партийных собраний, на которых разворачивалась подготовка к XIII партийной конференции.

Троцкий собрал в одном томе свои статьи того периода, которые отвечали полемикой на полемику. Заглавие было по-прежнему тем же: «Новый курс». Он выдвинул несколько новаторских в сравнении с опытом предшествующих лет предложений. И отстаивал мысль, что в условиях монопольного обладания властью (сам по себе этот факт был незыблем и для него) партия силой самих вещей приходит к тому, что сталкивается внутри своих собственных рядов с отражением противоречий, разногласий, «различных оттенков» и «различных точек зрения», существующих в обществе. Отсюда опасность фракционности, ее нельзя предотвратить «принципиальными осуждениями и формальными запретами»: фракции просто существуют подпольно, начиная с фракции, находящейся у власти и являющейся выражением наступающего бюрократизма. Решение, которое предлагал Троцкий, состояло в свободной дискуссии, в «более стабильном режиме демократии» в партии. Среди источников «бюрократизации» Троцкий указывал прежде всего на тот факт, что бóльшая часть членов партии — и к тому же наиболее опытных — «поглощены выполнением различных функций в государственном аппарате, аппарате кооперативов, профсоюзов и партии». Он предлагал вербовать в партию «возможно большее число рабочих, которые действительно трудятся на заводах», но не тешил себя иллюзией, что это сможет быстро переменить существующее положение дел. Спасение он видел, скорее, в «живой и активной внутрипартийной демократии», а также в ускоренном развитии промышленности[51].

Дискуссия была резкой по тону, жесткой в выборе аргументов. Уже вскоре она оказалась отягощенной личными обвинениями, попытками судить за намерения, намеками на прошлое. Если ограничиться результатами голосования на партийных собраниях в целом, напрашивается вывод, что оппозиция повела за собой ничтожно малое число сторонников. Впрочем, сами по себе цифры способны дать лишь искаженное представление о масштабах и остроте схватки. Дело в том, что она развернулась прежде всего в Москве, где оппозиция получила наибольшую поддержку в двух одинаково важных и ответственных сферах: вузовских ячейках и военных парторганизациях. В числе «46-ти» были начальник ПУР Красной Армии Антонов-Овсеенко, захвативший Зимний дворец

в 1917 г. (14 января 1924 г. он был снят с этой должности), и командующий Московским военным округом Муралов. Еще один из подписавших этот документ, Смирнов, занимал крупный пост в Реввоенсовете. Помимо столицы, где исход борьбы выглядел, таким образом, неясным, оппозиция сумела добиться успеха кое-где в провинции, например в Пензе, Симбирске, в Крыму[52]. Свою политическую борьбу она сопровождала требованием о переизбрании руководящих органов на разных уровнях. Позже Зиновьев описывал весь конфликт в весьма драматических тонах и говорил, что «вопрос о “недоверии” к ЦК партии в Москве... был злободневным вопросом чуть ли не в каждой ячейке, в каждой военной ячейке»[53]. Споры в конечном счете охватили всю политику партии, от вопросов экономики до международных вопросов. Но едва ли не самым красноречивым признаком серьезности конфликта было то, что большинство вело борьбу и победило лишь во имя той самой унитарной резолюции от 5 декабря, которая давала широкое удовлетворение требованиям оппозиции и тем самым, по-видимому, делала ненужными какие бы то ни было выражения недовольства с ее стороны.

В результате борьбы текст этой резолюции фактически был отчасти выхолощен, хотя формально и принят большинством голосов на XIII партконференции. Продолжавшаяся три дня (16—18 января 1924 г.) конференция завершилась поражением оппозиции (Троцкий отсутствовал). В ходе столкновения фигура Сталина приобрела бóльшую значимость. Позиция его становилась все более непримиримой по мере того, как атака оппозиционеров выдыхалась. Именно он выступал на конференции по решающим вопросам — об очередных задачах партийного строительства. Возможности внутрипартийной демократии он вновь вернул в «рамки, очерченные X, XI и XII съездами». В поддержку этого решения он привел многочисленные доводы: слабость рабочего класса, внешнюю угрозу, давление государственного аппарата на партийный, пережитки военного периода в сознании людей, низкий культурный уровень. Лишь немногие из большевистских лидеров могли не откликнуться на такого рода мотивировку. Сталин защищал аппарат и резко нападал на Троцкого. Но самое существенное заключалось в том, что он намечал некоторые новые отличительные черты партии. Все сражение велось преимущественно во имя утверждения принципа, объявляющего фракции недопустимыми. Партия, заключал Сталин, не может быть «союзом групп и фракций, между собой договаривающихся и устраивающих временные объединения и соглашения». Напротив, добавил он, — и фразе этой со временем суждено было приобрести значение абсолютной истины — партия должна стать «монолитной организацией, высеченной из одного куска», то есть «не только единой, не только сплоченной, но и настоящей стальной партией». Исходя из этого, он потребовал, чтобы был предан гласности секретный пункт 7-й резолюции X съезда «О единстве партии», санкционирующий исключение из партии членов

Центрального Комитета, виновных во «фракционности»[54]. Так, мера, введенная в 1921 г. как чрезвычайная, обусловленная трагическими обстоятельствами (вероятно, Ленин не случайно даже не вспомнил о ней, когда выражал в предсмертном письме опасения насчет раскола), сделалась с этого момента абсолютным законом партии.

В попытках объяснить причины, вызвавшие поражение Троцкого и оппозиции, историки выдвинули много тонких и проницательных объяснений. В том, что речь шла именно о поражении, сомневаться не приходится, точно так же как нельзя допустить мысль, будто зависело оно исключительно от мощи наступления, развернутого против них. Ведь это они сами выбрали момент и поле боя. В качестве наиболее важных факторов указывают поэтому на такие, как «победа сталинского аппарата» (Даниельс); слабость пролетариата в условиях изменившегося после гражданской войны соотношения классовых сил (Карр), неотвратимость исторической роли «большевистской бюрократии» как «единственной организованной и политически активной силы в обществе» (Дойчер). Каждое из этих объяснений по-своему обоснованно, но ни одно, по-видимому, не может быть признано вполне удовлетворительным. Сталинский аппарат, например, еще только складывался и был весьма далек от обладания тем могуществом, какое он приобрел позже. Слабость пролетариата не исключала наличия таящейся в его недрах энергии, которая вскоре так ярко обнаружила себя. К тому же все перечисленные факторы носили объективный характер, и сам Троцкий первым учитывал их существование. Исаак Дойчер поэтому дополнил свое объяснение весьма проницательным анализом противоречий, заключавшихся в самой позиции Троцкого и широко использованных его противниками. В сущности, эти противоречия могут быть сведены к несовместимости между требованием более широкой демократии внутри партии, которое, впрочем, даже Троцкий не решался довести до требования свободы фракций, и им же самим подчеркиваемой невозможностью обеспечить ту же демократию в обществе.

На мой взгляд, можно утверждать, что в своих последних размышлениях, пускай даже отмеченных фрагментарностью, Ленин пытался уйти именно от этого противоречия; именно в эту сторону была направлена его мысль, когда он отстаивал свои поразительные по новизне предложения, внешне более умеренные, чем те, что выдвигал Троцкий, и подчеркивал, сколько еще потребуется «дьявольской настойчивости» и «чертовски неблагодарной» работы, чтобы создать «республику, действительно достойную названия советской, социалистической и пр., и пр., и т. п.»[55]. Вел ли, действительно, к спасению едва намеченный им путь — это вопрос, открытый для разных толкований, для ответа на который у историка слишком мало данных. Троцкий тоже пытался на свой лад уйти от этого противоречия, выход он надеялся найти в ускоренном развитии промышленности и пролетариата. Отсюда та страсть, с какой он

сражался за свою экономическую программу. Но условия для ее осуществления еще не созрели.

В то же время враждебное отношение к Троцкому в высшем слое партийного руководства со стороны таких деятелей, как Зиновьев и Каменев, облегчило Сталину достижение той победы, которой опасался Ленин. Это была, правда, отнюдь не полная победа. Несмотря на формальные запреты, дискуссия 1923—1924 гг. положила начало существованию в большевистских рядах более или менее открытой оппозиции (в зависимости от времени). Зародившемуся конфликту суждено было на протяжении четырех лет заполнять собой советскую политическую жизнь, а затем привести к длительным и трагическим последствиям, растянувшимся на гораздо более долгий период последующего развития. Тревога Ленина, как видно, была оправданной, но нельзя сказать, чтобы она повлекла за собой сколько-нибудь ощутимые результаты.

Смерть Ленина

Через несколько дней после XIII партконференции, вечером 21 января, Ленин умер под Москвой, в Горках, где провел последние месяцы своей жизни. После марта 1923 г. в состоянии его здоровья наступало порой легкое улучшение; ни разу, однако, оно не достигало такой степени, чтобы позволить ему заниматься какой бы то ни было политической деятельностью. Жена обычно читала ему газеты. Именно во время чтения документов конференции, 19 января, Ленин пришел в сильное волнение. Чтобы успокоить его, Крупская вынуждена была сказать, будто эти тексты приняты единогласно (что не соответствовало истине: по основной резолюции было подано три голоса против). 21 января внезапно последовал роковой удар[56].

Смерть Ленина глубоко потрясла страну и все мировое коммунистическое движение. Скорбь выражалась не только в официальных траурных церемониях. Повсюду можно было наблюдать волнующие проявления народного горя — свидетельство того, что долгая революционная борьба пустила глубокие корни не только в умах, но и в сердцах людей. В жестокий мороз нескончаемые массы людей долгие часы ожидали в очереди, чтобы увидеть гроб с телом, выставленный в Колонном зале Дома союзов (бывшем доме Благородного собрания). Подсчитано, что за четыре дня перед гробом прошло около 900 тыс. человек. «Москва, та, что, согласно поговорке, не верит слезам, — писал позже писатель, которого не раз обвиняли в цинизме, — плакала навзрыд... Горе народа было большим, неподдельным»[57].

Смерть Ленина явилась в то же время еще одним поводом для проявления тех черт цезаризма, которые имелись в партии. В те дни впервые нашел выражение тот культ усопшего вождя, который по самой своей природе был столь чужд характеру Ленина, хотя его как будто вполне оправдывала эмоциональная атмосфера момента.

Было решено сохранить тело и, набальзамировав его, выставить для публичного обозрения в специально построенном для этой цели Мавзолее у стен Кремля. Петроград переменил свое название на Ленинград. Перемена не была единственной. Со временем это стало обычаем. Именами вождей называли другие города. Сначала это практиковалось только по отношению к умершим — так, Екатеринбург на Урале стал Свердловском. Потом стали давать и имена живых: Царицын превратился в Сталинград в 1925 г., Елизаветград переименовали в Зиновьевск. Тем самым было положено начало обычаю присваивать имена руководителей заводам, школам, институтам, не говоря уже о более или менее крупных местностях и населенных пунктах[58].

Наконец на траурном заседании съезда Советов 26 января Сталин произнес необычную, почти обрядовую по своему тону речь, которая на протяжении всех лет его правления упоминалась как знаменитая «клятва». Стиль ее был чрезвычайно далек от ленинского, и в ней не было той озабоченности, которую Ленин выразил в своих последних статьях. Выступление начиналось словами: «Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии... Не всякому дано быть членом такой партии». Затем следовала череда политических императивов, перечисляемых как заповеди, которые «завещал» Ленин. После каждой из них произносился ответ: «Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»[59].

V. ЭКОНОМИКА: ПОДЪЕМ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Восстановление производительных сил

Наряду с центральной темой — внутрипартийной демократии — наиболее резкие расхождения в ходе дискуссии 1923 г. вызывались также экономическими проблемами.

Подъем экономики начался лишь в последние месяцы 1922 г. Еще продолжали сказываться последствия катастрофы предыдущего года, когда резко снизились многие хозяйственные показатели, шла ли речь о размерах посевных площадей или занятости рабочих, о продукции металлургической промышленности или масштабах обесценения денег. Впрочем, не все показатели свидетельствовали об ухудшении. В известной мере дальнейшее падение производства было уже результатом сознательно принятых мер. Нэп возродил определенное товарообращение. Прежняя тенденция начинала сменяться прямо противоположной, о чем говорил Зиновьев на XII съезде партии. С этого момента подъем пошел быстро и обнадеживающе, хотя не раз небо над советской экономикой затягивало тучами и наступали критические моменты. Как бы то ни было, в общем и целом это был крупный успех.

Выпуск продукции тяжелой индустрии, не превышавший и 13 % довоенного объема (1913), в 1924 г. достиг 50 % этого уровня и превзошел его в 1927 г. Годами наиболее интенсивного роста были 1923 г., а затем 1925 и 1926 гг. Оживление происходило и на железнодорожном транспорте, почти парализованном в 1920—1921 гг. В 1927 г. людей и грузов перевозилось больше, чем до войны. Темпы промышленного роста были различными в разных отраслях. В легкой промышленности они были выше, чем в тяжелой; в производстве энергии и добыче топлива, нехватка которого как раз и грозила парализовать страну, дело шло более споро, нежели в выплавке металла (металлургическая промышленность вышла на довоенные показатели лишь в 1929 г.)[1]. Подъем был обусловлен сперва просто необходимостью привести в движение остановившийся было механизм народного хозяйства, а затем запросами рынка — по преимуществу крестьянского, — на котором ощущалась нехватка самых элементарных товаров.

Восстановление промышленности повлекло за собой возрождение рабочего класса. В августе 1922 г. его численность едва превышала миллион человек. Деклассирование городского пролетариата было тем социальным явлением, которое более всего ослабляло основы нового строя. Теперь в городах наступало оживление. К концу 1927 г. число рабочих, занятых в крупной промышленности, вновь достигло 2,5 млн.; советские исследователи считают, что с учетом

утраченных территорий этот показатель равноценен довоенному[2]. Наибольший рост наблюдался в 1925 и 1926 гг.

В 1927 г. довоенного уровня достигла также зарплата, хотя между различными отраслями существовали довольно значительные перепады[3]. В первое время рост зарплаты превышал рост производительности труда, что вызывало тревогу в 1924 г. Сам по себе, однако, такой процесс был неизбежен, так как оплату труда, упавшую до трагически низкого уровня во время военного коммунизма, необходимо было повысить хотя бы до минимальных размеров, дающих возможность просуществовать. Впрочем, с переходом к нэпу зарплата пережила немало превратностей: вначале — когда была резко сокращена, а потом и вовсе упразднена натуральная оплата, и позже — когда скудные запасы ликвидных средств у предприятий привели в 1923 г. к большим задержкам в выдаче зарплаты. На первых порах оживление работы предприятий было делом рук рабочих, уже трудившихся на заводах до войны (70 %); остальные зачастую были их детьми[4]. На этой первой стадии приток новых сил был незначительным: более ощутимым он стал лишь в 1925—1926 гг.

Первым признаком выхода из кризиса был хороший урожай 1922 г. Сельское хозяйство пострадало от войны сравнительно меньше, чем промышленность. И все же его продукция в 1921 г. составляла в стоимостном выражении лишь чуть больше половины продукции 1913 г.: 60 % по советским статистическим данным[5]. Подъем сельского хозяйства вначале шел быстрее, чем в промышленности. В 1922 г. было засеяно лишь 77,7 млн. *га* против 105 млн. в 1913 г., но уже в 1925 г. для возделывания была отвоевана почти вся пустовавшая земля. Наиболее интенсивное восстановление утраченного происходило в 1923 г. К наилучшим годам в сельском хозяйстве относились также 1925 и 1926 гг. Набирало силу возделывание технических культур, сильнее всего пострадавшее от гражданской войны и раздела земли (сбор хлопка в Средней Азии и сахарной свеклы на Украине упал соответственно до 6 и 4 % по сравнению с 1913 г.). Что касается животноводства, менее пострадавшего, но и менее развитого до революции, то оно уже в 1925 г. достигло довоенного уровня. Исключение составляло только коневодство. В целом сельское хозяйство в 1927 г. производило больше продукции, чем до войны[6].

Денежная реформа

В результате хозяйственного подъема, достигнутого без займов и без какой бы то ни было помощи из-за границы, жизнедеятельность страны полностью восстановилась, хотя, по мнению многих иностранных экспертов, она не способна была стать на ноги. То был признак необыкновенной живучести общества, прошедшего жестокие испытания революции и гражданской войны, и способности новой

власти к упрочению своих основ. Тем не менее тут-то и начинались подлинные проблемы.

Дело в том, что выход из кризиса не был таким уж гладким. В 1923 г., когда подъем только-только начал набирать силу, более быстрое восстановление на селе в сочетании с медленно преодолеваемой дезорганизацией рынка привело к падению цен на сельскохозяйственную продукцию при одновременном резком повышении цен на промышленные товары. То был «кризис ножниц цен», как его стали называть по знаменитой диаграмме, которую Троцкий, первый заговоривший об этом явлении, показал делегатам XII съезда РКП(б). К осени кризис приобрел такие масштабы, что угрожал парализовать товарообмен между городом и деревней, а следовательно, подорвать едва начавшееся восстановление и вызвать неизбежную депрессию. Причины его были, конечно, более сложными, чем те, на которые указывали критики из оппозиции, сводившие все к отставанию промышленности и отсутствию плана. Анализ его причин явился, таким образом, исходным пунктом диспута между противостоящими тенденциями в экономической теории — диспута, получившего развитие в последующие годы[7]. Между тем уже в 1924 г. напомнил о себе второй отрицательный фактор. Новая серьезная засуха обрушилась на зерносеющие районы юга и юго-восточной части Европейской России, которые еще не полностью оправились от трагических последствий недорода 1921 г. Тем самым обнаружилась непрочность подъема сельского хозяйства. Последствия на этот раз были не столь катастрофическими: население пострадавших областей насчитывало 8 млн. человек. И все же они ощущались еще и три года спустя[8].

В эти годы была осуществлена денежная реформа. Тщательно продуманная, она была терпеливо и заблаговременно подготовлена постепенным введением в обращение в 1923 г. новой денежной единицы с золотым обеспечением — червонца. В первом квартале 1924 г. был произведен обмен старых обесцененных денег, находившихся в обращении, на новые банкноты и монеты новой чеканки, также обеспеченные золотом и потому стабильные. Обмен производился из расчета один новый рубль на каждые 50 тыс. «совзнаков», каждый из которых в свою очередь равнялся миллиону рублей времен гражданской войны. Реформа была представлена стране как «поворотный пункт... экономического и политического развития»[9]. Она явилась актом огромной важности, ибо служила показателем большей степени овладения механизмами экономики, наконец достигнутой правительством. Продолжением реформы стала финансовая политика, которую историки называют «ортодоксальной»: сбалансированный бюджет, опирающийся на гарантированные доходы и твердые налоговые поступления; осторожная политика расходов и капиталовложений, активный внешнеторговый баланс[10]. Троцкий критиковал эту политику как «диктатуру наркомфина», то есть Сокольникова и его экспертов: слишком осторожную, чтобы обеспечить

достаточно быстрое развитие промышленности (именно в этом смысле он противопоставлял ей требование «диктатуры промышленности»)[11].

Проведенная как раз в то время, которое совпало с первой полосой дипломатических признаний Советского государства, денежная реформа возродила надежды на широкое экономическое сотрудничество с капиталистическими державами Запада. Более обильные урожаи вновь приоткрыли перспективу возобновления вывоза хлеба, который играл столь важную роль для экономики царской России. Был такой период в 1923—1924 гг., когда все или почти все руководители РКП(б), независимо от принадлежности к большинству или оппозиции, были убеждены в абсолютной необходимости иностранных кредитов для развития страны. Лучше всех это убеждение выразил Красин в своем выступлении на XII съезде партии[12]. Но займы, за некоторыми ничтожными исключениями, так и не поступили. Многие надежды развеялись как дым. 1925 г. — год максимального развития концессий. Были заключены наиболее крупные контракты на разработку минеральных ресурсов: добычу марганца в Грузии — с американцем Гарриманом и освоение обширных золотоносных площадей в Сибири — с английской компанией «Лена голдфилдс». В 1926 г. было зарегистрировано наибольшее число действующих соглашений с иностранными фирмами — 113. Из них лишь 31 — в промышленности. Их удельный вес в советской экономике, хотя его и нельзя назвать нулевым, был все же предельно мал: эти предприятия не выпускали и одного процента совокупной промышленной продукции[13]. Наконец, объем внешней торговли достиг только 40 % довоенного[14]. С одной стороны, ощущалась нехватка товарного зерна, с другой — политические преграды мешали более широкому развитию товарообмена с заграницей. Во многих странах советские товары еще рассматривались как своего рода краденое добро, отнятое у прежних законных владельцев и потому подпадающее под многообразные юридические санкции.

Сколь ни блестящи были успехи в экономике, ее подъем ограничивался жесткими пределами. Достигнуть довоенного уровня было нелегко, но и это означало новое столкновение с отсталостью вчерашней России, сейчас уже изолированной и окруженной враждебным ей миром. Мало того, наиболее могущественные и богатые капиталистические державы вновь начинали укрепляться (эта тема — так называемой «относительной стабилизации» капитализма — в середине 20-х гг. служила предметом ожесточенных споров в Коминтерне и среди русских коммунистов). Американские экономисты подсчитали, что национальный доход на душу населения к концу 20-х гг. составлял в СССР менее 19 % американского[15].

Жизнеспособность страны находила выражение в бурном демографическом росте. В 1926 г. численность населения увеличилась до 147 млн. человек, на 13 млн. больше, чем в 1923 г., что означало неслыханные темпы среднегодового прироста — более 2 %. Как и до

революции, лишь 18 % жило в городах, а 82 % — в деревне. Уже заметна была, однако, тенденция к ускоренному росту городского населения: число жителей городов возрастало на 5 % в год[16]. Деревня вновь страдала от перенаселенности: по подсчетам экономиста Струмилина, на селе имелся «излишек» порядка 8—9 млн. пар рабочих рук. Этот «излишек» начинал притекать в города, обостряя проблему безработицы до тревожных размеров. В 1923 г. число безработных превысило миллион человек, а в 1927—1929 гг. переваливало за полуторамиллионную отметку; особенно сильна была безработица среди молодежи. В 1924 г. она послужила источником опасных политических брожений[17].

Восстановление производства и стабильность денежной единицы были оплачены дорогой ценой: экономией даже на самом существенном. В стране, где культура рассматривалась как первая национальная необходимость, приходилось урезывать даже расходы на школу. По-прежнему тяжким оставалось положение с беспризорными: миллионы детей, брошенных на произвол судьбы, являли собой печальное зрелище. В то же время была восстановлена государственная монополия на водку — немаловажная статья дохода в государственном бюджете, в прошлом осуждавшаяся революционерами как «аморальная». Правда, таким путем надеялись организовать более эффективную борьбу с частным производством алкоголя — губительным самогоном. На практике же пьянство разрасталось[18].

В подобных условиях коммунисты, стоявшие у власти, не могли удовлетвориться только восстановлением страны. Вся их деятельность велась, разумеется, не во имя простого возврата к производственным уровням довоенной и дореволюционной России; оправдать эту деятельность могла лишь куда более высокая цель: социализм.

Уравнивание в деревне

Несмотря на возрождение рабочего класса, Россия оставалась крестьянской страной. Сельское население насчитывало почти 121 млн. человек и было рассеяно по 613 587 населенным пунктам[19], размеры которых варьировались в чрезвычайно широких пределах. Это могли быть крошечные селения всего из нескольких изб с десятком-другим жителей (распространены они были преимущественно в лесных и болотистых районах северо-запада), а могли быть и крупные поселки или казацкие станицы на сельскохозяйственном юге, в степях или Сибири, с населением до нескольких тысяч человек. Русская деревня и после революции отличалась огромным разнообразием местных условий; да иначе и быть не могло в стране, которая в силу своей протяженности охватывала самые различные с географической точки зрения районы, районы со своими историческими особенностями и традициями. Это обстоятельство следует постоянно иметь в виду, в частности чтобы понять события, которые последова-

ли позже. Всякое описание деревни «вообще» страдало бы, таким образом, условностью. Имелись вместе с тем некоторые черты, общие для деревни на всем бескрайнем протяжении СССР. Одной из них — и, конечно, главной — продолжала оставаться техническая и культурная отсталость. Орудия труда были самые примитивные. В 1924 г. еще около половины хозяйств пахало сохой, а не плугом. Правда, в последующие годы распространение плугов и других металлических орудий труда пошло очень быстро. Однако в подавляющем большинстве случаев крестьяне продолжали сеять вручную, жать хлеб серпом и молотить его цепами. Машин, даже самых простых, было крайне мало. В земледелии господствовала трехпольная система, при которой один из участков оставался под парами раз в три года. Преимущественно ручной сельский труд был малопродуктивен. Если взять за основу расчета тот факт, что земледелием занимались примерно 72 млн. человек (включая подростков), то получается, что в целом по стране каждый крестьянин кормил, помимо себя самого, лишь еще одного своего соотечественника[20].

Разумеется, не все крестьяне были одинаковы. Однако произведенное революцией великое уравнивание оставалось характерной чертой русской деревни на протяжении всех 20-х гг. Следствием этого явилось одно поразительное явление: возрождение старой общины, к уничтожению которой вел до революции капитализм. Мы знаем, что община не исчезла и после сокрушительного удара, нанесенного ей реформами Столыпина. Великий земельный передел 1917—1920 гг. вдохнул в нее новую жизнь. Земельный кодекс 1922 г. предоставил крестьянам право выбирать ту форму хозяйственного устройства, которую они предпочитают: индивидуальную, коллективную или общественную, то есть основанную как раз на общине. Именно общинное землепользование и стало абсолютно преобладающим: на его долю приходилось до 98—99 % всех крестьянских земель в Центральной и Южной России, несколько меньше, но также преобладающая часть — на Украине и в Сибири, то есть там, где и раньше действовали более сильные стимулы к разложению общины[21].

Община, которую советский кодекс называл «земельным обществом», представляла собой территориальную ассоциацию частных производителей-земледельцев, не лишенную своеобразного крестьянского демократизма. В общем пользовании находилась лишь часть земли: выгоны, пустоши, леса. Пашня же, составлявшая в среднем 70—80 % всей земельной площади, нарезалась посемейно — по дворам, причем каждая семья обрабатывала надел своими силами. Все общественные вопросы разрешались на собрании членов общины — сходе, который выбирал определенное руководство. По традиции в сходе должны были участвовать лишь главы семей. Советский же закон требовал, чтобы на сходе присутствовали все труженики, включая молодежь и женщин. Однако принцип этот, насколько можно судить по имеющимся в распоряжении исследователей

данным о посещаемости сходов, далеко нельзя было считать утвердившимся на практике.

Это был, впрочем, не единственный пункт, по которому возникали трения между традиционными представлениями крестьянской общины и курсом новой, советской политики. Начиная с 1922 г. законом были установлены сроки — как правило, девять лет — для периодического перераспределения земли, которое в предшествующий период гражданской войны производилось ежегодно. Сделано это было для того, чтобы не лишать крестьянина стимулов к проведению мелиоративных работ на своем наделе. Но и это установление выполнялось далеко не всегда[22]. Причины, по которым это происходило, становятся более понятными, если обратить внимание на тот факт, что община в деревне обладала куда более реальной властью, нежели Совет. В стране имелось 319 тыс. сельских общин и только 73 584 сельских Совета, ибо сплошь и рядом распространение Советов не шло дальше административного уровня волости[23]. Помимо этого, Совет, как правило, не располагал собственными источниками финансирования, в то время как община обеспечивала их себе путем самообложения, и не мог вмешиваться в вопросы землепользования.

Однако не стоит идеализировать общину. Ей был свойствен консерватизм, особенно в том, что касалось агротехнических методов (севооборота и т. д.); она тормозила всякую индивидуальную инициативу, глушила предприимчивость крестьян. С другой стороны, даже выражая тенденции к солидарности и коллективизму, община отнюдь не умаляла ни силы крестьянского индивидуализма, опиравшегося на прямую связь крестьянина с обрабатываемой землей, ни прочности патриархальных устоев, связанных с сохранением двора как первичной ячейки, в которой господствующим оставалось влияние старейшего, главы семьи. Но с точки зрения производственной главным ее пороком оставалась по-прежнему чересполосица: нарезание земли лоскутами. Принцип, которым руководствовалась община, требовал, чтобы всем дворам были предоставлены равноценные наделы. На практике это означало, что каждый получал весь надел в виде множества маленьких участков (порой до 10—20, а то и до 40—50 в зависимости от района)[24], зачастую отстоящих друг от друга на большом расстоянии. Затраты времени и труда в результате резко возрастали, а это отрицательно сказывалось на производительности.

С восстановлением экономики и оживлением рыночных отношений в деревне снова начал развиваться медленный процесс социального расслоения. Определение его точных масштабов — задача наитруднейшая. Источники того времени, как правило, не являются достоверными с точки зрения точности именно потому, что вопрос об определении масштабов явления и составлял предмет острейших разногласий, питавших политическую борьбу, развернувшуюся в те годы в рядах коммунистов. Оппозиция кричала об опасности

возрождения сельского капитализма, явно преувеличивая размеры явления. Большинство в свою очередь невольно стремилось к его преуменьшению. Позже картина протекавших процессов была искажена с целью оправдания сталинских методов коллективизации. Но задача затруднена не только искажениями по политическим мотивам.

Советские историки неизменно придерживались ленинской классификации социального состава деревни, по которой крестьянство подразделялось на бедняков, середняков и богатых, или кулаков. Однако сам Ленин, исходя из констатации происшедшего уравнивания, в последние годы уже не прибегал к этой классификации. Ее восстановили его преемники. Между тем в послереволюционной деревне установить классовые различия между теми или другими слоями крестьян было крайне трудно: критерии менялись от района к району[25]. Имелось около 25 млн. первичных производственных единиц, дворов, состоявших в среднем из 5 человек. Получалось, что у одних земли больше, чем у других: как считают, около 350 тыс. семей засевали участки размером больше 16 *га*, а 3,3 млн. семей — меньше 1 *га*[26]. Но первые жили преимущественно на юге или в степных восточных районах, где земли было вдоволь. Сопоставления эти, следовательно, мало о чем говорят. Куда более важным различительным критерием служила собственность на средства производства. Поскольку единственным существовавшим тягловым средством было животное, владение лошадью становилось решающим условием (к концу 20-х гг. конское поголовье в СССР составляло около 35 млн.). Те, у кого лошади не было, брали ее взаймы и, как правило, на очень тяжелых условиях. С 1922 по 1927 г. процент безлошадных крестьян в РСФСР сократился с 37,1 до 28,3 %[27].

Когда более богатый крестьянин давал более бедному в долг семена или что-нибудь из орудий труда, то взамен он требовал отработку долга либо часть урожая. Другим различительным признаком являлась способность арендовать землю или нанимать работников; но и тот и другой критерий могут ввести в заблуждение, поскольку речь идет об операциях, к которым прибегал — пускай даже в меньшей мере, чем другие, — также середняк и даже бедняк. Все это свидетельствует о том, что общественная жизнь в деревне отнюдь не походила на идиллию. Однако рудиментарный характер этих явлений — которые к тому же сами крестьяне склонны были считать обычными, если не просто естественными[28], — говорит о том, насколько трудно в этом случае установить собственно классовые различия между теми или другими слоями крестьян.

Чтобы дать читателю представление о порядке величин, о которых идет речь, приведем одну из статистических таблиц, составленных советскими историками — специалистами по аграрному вопросу по источникам того времени (оговариваясь все же, что цифры носят приблизительный, чисто ориентировочный характер).

Социальный состав деревни в 1924/1925—1926/1927 гг.[29]

Группа населения	Число лиц самодеятельного населения (тыс. дворов)			Удельный вес, %		
	1924—1925 гг.	1925—1926 гг.	1926—1927 гг.	1924—1925 гг.	1925—1926 гг.	1926—1927 гг.
Пролетариат	2 184	2 454	2 560	9,7	10,9	11,3
Бедняки	5 803	5 317	5 037	25,9	23,7	22,1
Середняки	13 678	13 822	14 280	61,1	61,7	62,7
Кулаки	728	816	896	3,3	3,7	3,9
	22 393	22 409	22 773	100	100	100

Эти цифры показывают, что на селе оставался довольно многочисленный — около 2,5 млн. семей — слой сельскохозяйственных рабочих и батраков. Следует иметь в виду, однако, что в это число включены также рабочие совхозов. В остальном цифры свидетельствуют о том, что применительно к другим социальным группам можно говорить о некоем общем прогрессе. Классовые различия существовали, но не это обстоятельство было самым примечательным. Да это и не удивительно, если вспомнить, что тенденция к расслоению наталкивалась на серьезные препятствия не только в виде общины, но и самой государственной политики, которая во всех своих аспектах — от налогообложения до предоставления кредитов — стремилась содействовать самым бедным слоям крестьянства. Наиболее примечательным процессом было не расслоение крестьянства, а то, что советские историки называют его «осередняччиванием», то есть колоссальное расширение слоя мелких земледельцев (средняя величина надела в европейской части России составляла 13,2 *га* против 10 *га* до революции[30]) с одной лошадью и одной, иногда двумя коровами. Таково не только заключение нынешних историков, но и мнение, преобладавшее среди наблюдателей той поры[31].

Разумеется, эти данные не исчерпывают анализа положения дел в советской деревне того времени. Не все крестьяне — особенно в некоторых губерниях — состояли в общине. Некоторые выходили из нее, чтобы стать полностью независимыми: их наделы назывались хуторами или отрубами, смотря по тому, прилегали ли они к жилью или находились вдали от него. Среди таких хозяев кулаков было больше. Как правило, это были более предприимчивые и зажиточные крестьяне. Продуктивность их хозяйств, насколько можно судить по скудным данным тех лет, была более высокой. Но они не меняли общей картины села. Точно так же не меняли ее сохранившиеся зародыши коллективного земледелия: колхозы и совхозы. Число последних уменьшалось вплоть до 1925 г., а затем немного увеличилось в течение двух последующих лет. В 1927 г. существовало 4987 государственных хозяйств с 3,5 млн. *га* пашни и 600 тыс. работ-

ников, включая не только постоянных, но и сезонных. Им недоставало, однако, опытных руководителей, они сталкивались с серьезными организационными трудностями и в подавляющем большинстве своем были убыточными. Колхозов было больше (14 832 в 1927 г.), но они были мелкими и состояли почти исключительно из бедняков. Всего ими было охвачено менее 200 тыс. дворов, то есть меньше 1 %. Зачастую они подчинялись общине, и их коллективный характер ограничивался лишь совместной обработкой земли, а все остальное оставалось индивидуальным. В целом годы нэпа, по крайней мере его первая фаза, представляли собой период кризиса коллективного хозяйствования в деревне[32]. Распространение, напротив, получило кооперативное движение, которое с 1924 г. под воздействием последних ленинских статей весьма активно стимулировалось Советским правительством.

Нарисованная картина отражает положение русских, украинских, белорусских крестьян или крестьян других национальных групп, живших в европейской части страны. Она не отражает, однако, положения тех 15—18 млн. нерусских крестьян, которые проживали в восточных республиках, особенно в таких почти целиком сельскохозяйственных зонах, как Средняя Азия и Казахстан (не говоря уже о народностях, рассеянных по просторам Крайнего Севера и насчитывавших около 250 тыс. человек). Здесь также революция прошла через превратности гражданской войны, но она не привела к ломке социальных отношений среди сельского населения. Аграрные реформы не затронули эти районы. Здесь, по определению советских исследователей, сохранился феодально-патриархальный уклад: скорее феодальный, чем патриархальный, в Узбекистане, где оазисное земледелие представляло собой главный вид деятельности, а широкое внедрение хлопководства уже создало первые предпосылки для капиталистических связей с русским рынком; скорее патриархальный, чем феодальный, в Казахстане, Киргизии, Туркмении, среди бурят и монголов, где население занималось кочевым или полукочевым скотоводством.

Хотя старая крестьянская община у узбеков сохранила свое значение, особенно в вопросах распределения воды по ирригационным системам, существовали весьма сильные различия в имущественном положении традиционных вождей, располагавших большими земельными угодьями, и огромным большинством дехкан, бедных крестьян, у которых было совсем мало земли. У кочевников или полукочевых народностей основным социальным ядром за отсутствием традиционной деревни служил аул, образованный одной большой патриархальной семьей или семейными группами. Советов здесь практически не существовало. Господствовали патриархальные и племенные институты и обычаи. Однако различия с точки зрения обладания скотом — будь то верблюды, лошади, овцы, свиньи или другие животные — были весьма значительны[33].

Аграрные преобразования в этих регионах начались лишь

в 1926—1927 гг. В земледельческих районах они включали, помимо перераспределения земли, также изменение режима пользования водой для полива. У кочевых народностей они предварялись усилиями по советизации аулов и были направлены на перераспределение поголовья скота. Лишь в некоторых областях Средней Азии эти реформы были доведены до конца, вызвав определенное выравнивание социальных условий. В других местах они — еще до того, как были завершены, — оказались «перекрыты» и поглощены в конце десятилетия волной коллективизации.

Абсолютное преобладание середняка привело к тому, что из продавца своей продукции деревня стала превращаться в ее потребителя. Революция избавила земледельца от пут рабства, от долгов и т. п.; теперь он пользовался этим, чтобы жить лучше. Но общая отсталость деревни не позволяла ему развивать свое производство так, как это было бы необходимо. Урожайность оставалась чрезвычайно низкой и во многом зависела от капризов погоды В 1926 г. сбор зерновых составил почти 77 млн. *т*. Государство, которое после денежной реформы перешло от натурального налога к денежному обложению, смогло заготовить 11,6 млн. *т* (между тем до войны при меньших урожаях на рынке заготавливалось около 17 млн. *т*[34]). Цифры 1926 г. показали, таким образом, предел, потолок: в последующие годы его ни разу не удалось достичь. Отсюда и ограниченность экспортных возможностей.

Нэпман

У города тем временем тоже появились новые запросы. По мере того как хозяйственная разруха уходила в прошлое, все больше давали знать о себе чаяния, пробужденные революцией. Восстановленная до своего довоенного уровня промышленность была слишком слабо развита, чтобы удовлетворить растущие потребности деревни и города. Промышленная продукция имела тенденцию оседать в городах. Подсчитано, что менее половины произведенных промышленностью потребительских товаров достигало сельских районов, где их хватало от силы на покрытие одной трети спроса[35]. В конце 1925 — начале 1926 г. начал сказываться, пользуясь выражением советских авторов, «товарный голод», которому при всей его серьезности суждено будет постоянно сопровождать развитие советского общества. Несмотря на все использованные государством средства контроля, вновь возникли «ножницы цен», ликвидированные было в 1924—1925 гг.[36] Экономическая смычка города с деревней — главная цель нэпа — оказывалась, таким образом, противоречиво реализуемой задачей.

Свобода торговли в дозволенных и контролируемых пределах является одной из основ нэпа, сказал Зиновьев на XIII съезде РКП(б)[37]. Торговля была также областью, в которой частный капитал нашел наибольший простор для своего применения. Нэпман —

двусмысленная фигура капиталиста в стране, которая поскорее хотела стать социалистической, — был прежде всего торговцем. В промышленности, где он ограничивался обычно арендой у государства того или иного предприятия, его удельный вес был минимальным: меньше 2 % выпускаемой продукции. Правда, этот показатель вырастал до 24 % с учетом ремесленников и владельцев совсем крошечных фабрик. Другое дело торговля. Товарообмен был возрожден после 1921 г. главным образом силами частников. Их роль была господствующей особенно в розничной торговле и таковой оставалась до середины 20-х гг., когда государственная и кооперативная торговая сеть начала брать верх. В 1924 г. после кризиса предыдущего года был образован Народный комиссариат торговли. К 1926—1927 гг. частники осуществляли в этой области уже не более 37 % всех операций, хотя в абсолютных цифрах их оборот по-прежнему продолжал расти[38]. Тем не менее недостаток товаров, слабый товарооборот между городом и деревней оставляли вопрос открытым. Руководствуясь логикой спекулянтской предприимчивости, нэпман пролезал во все «щели» хозяйственного механизма, которые общественный сектор — государственный или кооперативный — оставлял неприкрытыми. Такова была констатация руководящих органов. В СССР 20-х гг. речь к тому же шла не просто о «щелях», но о широчайших пределах неудовлетворенных потребностей. Отсюда и опасность, которую с гнетущей тревогой ощущали коммунисты, стоящие у власти: надвигающийся риск возрождения капитализма, пускай даже вытесненного пока на обочину общества.

Преображенский и Бухарин

Как только экономическая жизнь была возрождена, советское общество оказалось перед решающей проблемой отсталости и развития. Тридцать лет спустя эта же проблема неотвратимо возникнет перед большей частью человечества и станет одной из основных тем мировой политики и мировой экономики. Но революция привела к тому, что советским людям пришлось столкнуться с ней раньше других и притом в категорической форме вопроса жизни или смерти. Стоявшие у власти коммунисты были убеждены, как убежден был и сам Ленин, что для выхода из плена отсталости и для придания большей прочности основам нового строя ставку нужно делать на развитие крупной современной промышленности. Но как? Быстрый подъем основывался на приведении в действие старых предприятий со старым оборудованием; после исчерпания этого резерва нужно было приступать к строительству новых. Вокруг этих главнейших потребностей и завязались великие экономические дебаты 20-х гг. Главными героями спора выступали два выдающихся в интеллектуальном отношении большевистских деятеля: Бухарин и Преображенский.

Почти сверстники (в 1924 г. Бухарину было 36, а Преображен-

скому 38 лет), оба они обладали большим партийным стажем; оба были «левыми коммунистами» в 1918 г., правда, один в Москве, а второй на Урале. Вместе они написали в 1919 г. «Азбуку Коммунизма» — популярное изложение большевистских идей, — ставшую одним из самых распространенных произведений политической литературы. С 1923 г. они оказались по разные стороны баррикады. Преображенский — возможно, главный автор платформы «46-ти» — стал одним из главных лидеров троцкистской оппозиции, ее наиболее видным экономистом. Бухарин — главный редактор «Правды» — стал одним из самых блестящих лидеров большинства. Экономическая дискуссия, понятно, не ограничивалась столкновением этих двух выдающихся деятелей. Чрезвычайно важный вклад в нее — в теоретическом и практическом отношении — внесли также другие видные экономисты, работавшие в советских учреждениях. С тех пор как центральная тема этих споров приобрела столь большое значение для современного мира, ученые всех стран вернулись к изучению тех идейных схваток и отдали дань уважения их «первопроходческому» значению для современной экономической науки. «Политэкономия развития, — написал один из них, — родилась в те годы»[39].

Великая заслуга Преображенского состояла в том, что он первым привлек внимание к потребностям накопления и выразил их в разработанной форме, придав своим размышлениям облик теории и даже сформулировав их как «законы» политэкономии. Свои идеи он изложил в 1924—1925 гг. в нескольких теоретических очерках, позже объединенных в одном томе. Одна проблема с особой властностью вставала перед Советским государством по мере того, как старая экономическая база вновь вводилась в строй: где взять ресурсы для новых капиталовложений, призванных создать условия для развития новой и более мощной, общественной, социалистической индустрии? Ни одно другое государство никогда не ставило перед собой подобной проблемы. Неизменный (с перехода к нэпу) глашатай тезиса о приоритете развития промышленности, Преображенский построил свою теорию, исходя из Марксова анализа «первоначального капиталистического накопления». Оно создавалось за счет эксплуатации как колониальных ресурсов, так и докапиталистических форм производства. Первый из этих двух путей был закрыт для советского общества. Весьма ограниченными были также возможности «самоограничения», которые мог наложить на свое потребление рабочий класс — главная сила новой общественной системы. Таким образом, возможность экономии и накопления внутри самой социалистической промышленности была весьма скудной, по крайней мере в начальный период. Оставался только путь эксплуатации досоциалистических форм производства, существовавших в стране; их роль могла быть уподоблена роли «внутренних колоний». Сделать это следовало с помощью различных инструментов экономической политики; Преображенский высказывался за такую «политику цен,

которая сознательно ставила бы своей целью эксплуатацию частного хозяйства во всех его формах». В сущности, необходимо было осуществить неэквивалентный обмен между государственным и несоциалистическим секторами. Ради концентрации в своих руках накопленных таким образом ресурсов первый из них должен был действовать как единый комплекс, то есть при максимуме планирования. Сформулированный Преображенским закон гласил, что потребность эксплуатации одного сектора другим носит по неизбежности тем более выраженный характер, чем более отсталой является страна, которая начинает движение к социализму[40].

Основной частью негосударственного сектора экономики в СССР было сельское хозяйство. Не удивительно поэтому, что тезисы Преображенского были расценены как пагубные для существования рабоче-крестьянского блока. Именно отсюда, из энергичной защиты этого блока, то есть из политического мотива, исходил Бухарин не только в опровержении доводов противника, но и в построении собственной теоретической концепции подхода к социализму. И он, как и все большевики, хотел развития промышленности, но не считал возможным делать это в отрыве от крестьянского мира. Индустрия не могла существовать вне связей с крестьянским рынком: она была призвана удовлетворять его запросы, расти вместе с ним. Важно, чтобы этот рынок расширялся, ибо его расширение давало импульс и для развития индустрии. Индустриализация и строительство социализма, говорил Бухарин, осуществляются через обращение товаров, которое должно быть ускорено. Накопление в промышленности не может произойти «без накопления в крестьянском хозяйстве»: более того, оно будет «тем более быстрым» в одном секторе, чем скорее пойдет во втором. Не следует страшиться того, что у крестьянина появятся накопления, что он обогатится (отсюда его знаменитый тезис «обогащайтесь», который в 1925 г. вызвал самую яростную полемику), ибо и его средства послужат государственной индустриализации через посредство каналов торговли, налогообложения, банковской системы. Столбовым путем развития деревни является кооперация. «Таким образом, растет и становится все более организованной система крестьянских хозяйств, которые превращаются... в организованную совокупность... (потом) сливаются... в одно целое, в еще более огромный комплекс с государственной индустрией. Вот этот-то тип экономической цепи, организованной во всех своих звеньях, и есть, по сути дела, социализм»[41]. Пока страна была далека от такого положения, Бухарин не скрывал ни от себя самого, ни от других, что указанный им путь «еще очень долог» и что строительство нового общества будет идти медленно, «черепашьим шагом». Он с недоверием относился к спешке.

Дискуссия проходила в атмосфере, весьма отличавшейся от академического обсуждения. Она началась с политического столкновения в конце 1923 г. и следовала за всеми зигзагами последующей внутрипартийной борьбы, становясь все более прямой и резкой.

Предметами споров были выбор ориентиров, интересы общественных сил и классов, принятие конкретных решений в области экономической политики под давлением неотступных и неотвратимых событий. Все это обусловливало ход дискуссии. С сегодняшних позиций никто не может отказать тезисам Преображенского в проницательности и дальнозоркости. Но когда он вещал о планировании в бедственных условиях 1921—1922 гг., когда новая власть только-только начинала разбираться с первоочередными потребностями экономики, становится понятно, почему Ленин усматривал в его рекомендациях опасность «бюрократической утопии». Точно так же, когда в 1923 г. Преображенский принялся защищать высокие цены на промышленные товары, в то время как цены на сельскохозяйственные резко упали и вопреки требованию оздоровить финансы, которое лежало в основе денежной реформы, не удивительно, что ему отвечали: без стабильного рубля нет необходимой предпосылки для какого бы то ни было планирования. Потом фракционная предубежденность взяла верх над рациональностью доводов. И все же, даже не выходя за рамки обостряющейся групповой нетерпимости, эта дискуссия имела огромное значение. Хотя оппозиция потерпела поражение, ее тезисы в конечном счете заметно повлияли на политический курс партии: это подчеркивалось руководителями оппозиции — Троцким и Преображенским — уже на XIII съезде[42]. В ходе идейного столкновения изменились позиции и самих оппонентов. В 1926 г. Бухарин признавал, что у деревни следует кое-что изъять, но задавался вопросами: сколько, как, какими методами, в каких пределах. Аналогичное мнение высказывал Рыков, его союзник, ставший после смерти Ленина председателем Совнаркома. В свою очередь Преображенский стал более внимателен к тому политическому риску, который способны вызвать его теории[43].

Подступы к планированию

Если сопоставить конкретные решения и многочисленные документы, принятые в 1924—1927 гг. по вопросам экономической политики, нетрудно прийти к общему выводу. Указанные документы — постановления съездов, конференций, а также, начиная с этого времени, и пленумов ЦК, резолюции которых неукоснительно публиковались, — отражают разные, подчас противоречивые требования различных отраслей экономики, но в то же время акценты в них постепенно смещаются на новые задачи развития.

Так, на XIII партконференции, которая подвела итоги декабрьской дискуссии 1923 г., а также на последующем XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г. господствующими были темы союза рабочего класса с крестьянством, торговли, финансовой стабильности. Вместе с тем признание получила также идея необходимости «усилить плановое начало»[44].

Недород 1924 г. и последовавший за ним неспокойный период

на селе явились стимулом к тому, что вплоть до 1925 г. в политике партии наступила «более крестьянская» фаза, когда партия, по выражению Зиновьева, должна была повернуться «лицом к деревне». Именно тогда были предприняты наиболее радикальные меры в поддержку крестьянства. Они были направлены на то, чтобы побудить крестьян, не особенно считаясь с их социальным расслоением, развивать свое индивидуальное хозяйство. Для этого был продлен срок земельной аренды с 6 до 12 лет, облегчены условия найма работников и т. д. при одновременной борьбе с излишне частым перераспределением земли, типичным для общины. Тогда же началась широкая поддержка самых разнообразных форм кооперации: торговой, кредитной, сельскохозяйственной. В кооперации могли равноправно участвовать все: крестьяне и ремесленники, зажиточные и бедные. Роль кооперативного движения на селе уподоблялась роли профсоюзов среди рабочих[45].

Уже в 1925 г. появились новые ноты, порожденные рядом насущных потребностей. Период простого «восстановления» хозяйства подходил к концу и готов был уступить место периоду «реконструкции» (родившееся в спорах тех лет, это терминологическое различие сделалось позже традиционным для советских историков и экономистов). Для технического перевооружения заводов, да и сельского хозяйства требовались современные машины и средства производства. В апреле 1925 г. начали составляться программы более быстрого восстановления производства металлов. В конце того же года XIV съезд РКП(б) предложил «взять курс на индустриализацию». Великий лозунг был наконец произнесен. Указание было еще нечетким, но это не помешало советским историкам с некоторым насилием над фактами объявить XIV съезд «съездом индустриализации». Правда, всего несколько месяцев спустя Пленум ЦК в апреле 1926 г. уже расценил индустриализацию как «решающую задачу»[46]. Интерес смещался в сторону промышленности, и в особенности в сторону тяжелой промышленности.

Речь шла не просто о политических лозунгах. Документы формулировались все более и более четко. В каждом отдельном случае надлежало определить не только источник финансирования первых программ развития, но и способ расходования этих пока еще очень скромных средств, а также точную сферу капиталовложения. Каждая отрасль производства выдвигала весомые доводы в поддержку своих собственных запросов. Начало нэпа показало, что новое государство было почти не в состоянии контролировать экономику. Но само проведение новой экономической политики привело к тому, что по мере восстановления хозяйства государство все более становилось хозяином тех рычагов управления, которые оно сохранило в своих руках. ВСНХ, руководить которым с 1924 г. стал Дзержинский, продолжал выполнять регулирующие функции, обычно принадлежащие министерству промышленности[47]. В то же время реорганизация финансов придала соответствующему наркомату и государственной

банковской системе значительный вес и внушительную силу. Власть непосредственно устанавливала многие цены и отчасти контролировала остальные. Теперь она была в состоянии оперировать крупными суммами, выражавшимися уже не в грудах обесцененных бумажных знаков.

Вслед за публикацией последних статей Ленина и после споров с оппозицией о плане и экономической политике больший авторитет и влияние стал приобретать также Госплан. Политические успехи создали условия для прихода во все органы хозяйственного управления немалого числа специалистов, преимущественно некоммунистов. В Госплан их пришло, пожалуй, больше, чем в любое другое учреждение. Его руководителем был назначен большевик Кржижановский, но в целом коммунисты составляли там меньшинство: в 1924 г. на 527 сотрудников их было лишь 49, причем 23 принадлежали к неквалифицированному, техническому персоналу[48]. Разработка плана развития всей страны в целом представляла собой задачу, которую никогда прежде не пытался осуществить никто из советских деятелей. Первым был план ГОЭЛРО, составленный в 1920 г. В середине 20-х гг. Госплан начал впервые применять методы общего планирования, то есть планирования, уже не ограниченного рамками отдельных отраслей, подобно плану ГОЭЛРО, ставшие с той поры достоянием истории теории и практики планирования. Разработка и экспериментальное опробование этих методов связаны с именами некоторых знаменитых экономистов не только большевиков (Струмилин), но и меньшевиков (Громан, Базаров)[49]. Первым шагом в этом направлении явилась разработка «контрольных цифр» для каждого года. В ходе этой работы противоборствовали разные теоретические школы. Сторонники «целевого» планирования, то есть планирования, призванного обеспечить первоочередное выполнение задач, «сознательно» поставленных перед национальной экономикой, сталкивались с ревнителями «генетического» курса, которые склонны были больше внимания уделять выявлению тенденций, объективно складывающихся в ходе развития данной экономики. На самом деле эти две концепции не были столь несовместимы, как могло показаться, ибо каждая из них выражала, в сущности, одну из двух взаимодополняющих потребностей. Столкновение между ними приобрело особую ожесточенность, когда выявился их разный подход к практическому решению вопроса об определении темпов индустриализации.

В конце 1927 г., в десятую годовщину революции, сначала ЦК, а затем съезд партии решили дать директивы по составлению пятилетнего плана развития всего народного хозяйства. По поводу этой впервые предпринятой инициативы и первых конкретных формулировок, в которые она была облечена, вполне можно утверждать, что все это было результатом жарких споров и сопоставлений различных позиций, споров и сопоставлений, которые еще могли состояться в обстановке «значительной интеллектуальной свободы»[50]. Несмотря

на растущую ожесточенность, сама политическая борьба скорее стимулировала, чем тормозила такого рода работу. Заметим, правда, и то, что эти первые директивы по планированию пока обходили наиболее острые проблемы и рекомендовали добиваться максимума пропорциональности и сбалансированности между различными отраслями и потребностями народного хозяйства: накоплением и потреблением, промышленностью и сельским хозяйством, тяжелой промышленностью и легкой и т. д.[51] Это нисколько не умаляет того факта, что именно борьба и сопоставление противоположных мнений сделали возможным закладку фундамента той плановой работы, которая обеспечила в дальнейшем рост СССР. Результатом, однако, не стало смягчение разногласий; более того, практически планирование осуществлялось как раз тогда, когда политическая борьба вышла за рамки разрешимых конфликтов между группами.

VI. ВЕЛИКОЕ ВЫДВИЖЕНИЕ

Ленинский призыв

Требование расширить пролетарскую базу партии не встречало возражений в ходе дискуссии 1923 г. Существовала опасность, что партия постепенно выродится в замкнутую группу активистов, почти целиком поглощенных задачами управления на разных уровнях, а следовательно, в некую бюрократическую организацию, изолированную от остальной страны (лишь 17 % членов РКП(б) продолжали работать на заводах[1]) и раздираемую внутренними конфликтами. Опасность эта была довольно серьезной, во всяком случае настолько серьезной, что побудила всех руководителей — независимо от их принадлежности к большинству или оппозиции — отбросить старую ленинскую установку на ограничение численности партии. Предпочтение отдавалось установке на «вербовку членов партии из числа рабочих от станка», то есть рабочих, продолжавших трудиться на производстве, а не просто людей пролетарского происхождения, уже занявших те или иные руководящие должности. XIII партконференция указала также минимальную цифру: 100 тыс.[2] Несколько дней спустя смерть Ленина и вызванное ею глубокое потрясение побудили Центральный Комитет придать начинанию характер коллективного порыва, призванного заполнить пустоту, оставшуюся после ухода вождя.

Советские историки отмечают, что в те дни движение за вступление в партию носило стихийный характер. Успех кампании по приему в партию, получившей название ленинского призыва, превзошел ожидания. За первые пять недель было подано свыше 200 тыс. заявлений, порой от целых групп. В мае Сталин мог уже объявить на XIII съезде, что в партию принято 128 тыс. рабочих. К концу года из 350 тыс. заявлений о приеме было удовлетворено 241 600. Поскольку до призыва число советских коммунистов сократилось до 472 тыс., это значит, что за 12 месяцев численность партии совершила настоящий скачок: РКП(б) «обновилась» более чем на треть[3].

Ленинский призыв ознаменовал поворотный пункт в создании партии. После его успешного проведения тенденция к ограничению численного роста партийных рядов была отброшена и уступила место систематической политике вербовки новых членов партии. Она утратила, правда, характер чрезвычайной «кампании», который имела в 1924 г. XIV партконференция (апрель 1925 г.) исключила всякую возможность «массового приема» и вновь подтвердила принцип индивидуального отбора; инициатива Московского комитета партии по проведению второго ленинского призыва не получила одобрения[4]. Но вербовка продолжалась. Причем дело не ограничи-

валось уже одними только рабочими, хотя установка состояла в том, чтобы бóльшая часть новых коммунистов поступала именно из этого социального слоя. В тот период, когда партия «повернулась лицом к деревне», преимущество при приеме распространялось и на крестьян: в 1925—1927 гг. было принято 137 тыс. сельских тружеников, то есть 35 % числа вступивших в партию в то время[5]. Рост численности шел теперь непрерывно. В 1926 г. РКП(б) насчитывала уже свыше миллиона человек (если считать членов партии и кандидатов), то есть выросла в два с лишним раза за два года.

Чтобы получить представление о масштабах этого обновления, следует обратиться к некоторым цифрам партийной переписи 1927 г. Старое поколение коммунистов-подпольщиков составляло теперь лишь 1 % членов партии. Даже само поколение Октября и гражданской войны, которое в 1923 г. было основным костяком партии, теперь сократилось до одной трети всей партийной массы. Около 60 % коммунистов принадлежало к категории вновь вступивших. Менее 1 % их имело законченное высшее образование, около 63 % имели за плечами в лучшем случае начальную школу; остальные значились самоучками (26 %)[6].

Значение перемен было огромным. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что партия черпала новые силы из глубинных народных слоев, и в первую очередь из только что восстановленного слоя промышленных рабочих. Состав партийных организаций вновь стал более пролетарским. Дело, правда, так и не дошло до осуществления цели, поставленной XIII съездом: иметь в партии 50 % фабрично-заводских рабочих; однако доля их в рядах партии превысила 40 % и несколько лет сохранялась на этом уровне. Большинство вновь принятых коммунистов, если верить статистическим данным, составляли квалифицированные рабочие[7]. Их политическая культура, однако, была более чем элементарной.

Явление это не было новым для российских коммунистов. Со времен гражданской войны вступление в партию было гражданским долгом, проявлением воли к действию, выражением стремления к преобразованию общества, которым сопутствовало весьма приблизительное представление о большевистской и вообще социалистической политической теории. Уже на X съезде РКП(б) выражалась озабоченность по этому поводу, чем объясняется стремление организовывать внутри самой партии школы, курсы, проводить циклы лекций по повышению идеологического уровня коммунистов. Достигнутые частичные результаты были, однако, захлестнуты волной массового наплыва в партию: уже в 1924 г., в разгар ленинского призыва, Сталин утверждал, что годом раньше в парторганизациях Центральной России имелось «60 % политнеграмотных» и что с приходом нового «набора» процент этот становится еще выше[8].

Термин «политнеграмотные» звучит в этом случае по меньшей мере несправедливо: ведь сам по себе простой акт вступления в партию уже представлял собой шаг за грань политической «неграмот-

ности». Вместе с тем этот термин помогает понять, каким путем заполнялся пробел в образовании. Было постановлено, что всем необходимо овладеть политграмотой, то есть «букварем» политики. На рубеже 1924—1925 гг. практически впервые была создана целая сеть партийных курсов ускоренного обучения, призванных выполнить эту задачу за несколько уроков. Вся сложная теория Маркса и Ленина, вся история самого большевистского движения спрессовывались в немногих простых и категорических утверждениях[9]. Бóльшая часть вновь вступивших прошла ускоренное обучение и таким образом приблизилась к марксизму-ленинизму. Эта двучленная формула становилась определением утверждавшейся в качестве официальной идеологии партии и государства; идеологии, уже отмеченной категоричностью формулировок, получивших хождение во время той борьбы, которая вспыхнула внутри «старой гвардии» большевиков.

Выдвижение

Ленинский призыв сыграл важную роль и в другом отношении. Партии, взявшейся управлять необъятной страной, всеми ее многообразными сферами деятельности, нужны были свои люди во всех областях. В этом заключалась одна из причин, способствовавших новому направлению в политике приема в партию. На XIII съезде РКП(б) Сталин прибег к любопытному выражению, сказав, что приток новой массы пролетариев придает партии «выборный» характер, превратил ее, по сути дела, в «выборный» орган рабочего класса, направившего в ее ряды своих лучших представителей. Троцкий со своей стороны согласился с этим[10]. Процесс тем не менее был куда более сложным, чем можно было бы предположить, если руководствоваться этим определением. Уже на XIII партконференции, когда возникла идея проведения широкой кампании вербовки новых членов партии, подчеркивалась необходимость выдвигать новых людей, особенно рабочих, на ответственные посты. Ту же идею Сталин развивал в своем докладе по организационному вопросу на XIII съезде. Съезд утвердил ее в одной из своих резолюций: многих из вновь вступивших следовало немедленно «выдвигать... на ответственные посты» как в самой партии, так и в обществе в целом. При этом не следовало откладывать на неопределенное будущее их участие в «практической государственной работе», недостаточная подготовленность, в частности, не должна была служить препятствием к такого рода выдвижению[11]. Предложения эти не остались на бумаге: уже к концу 1924 г. от 60 до 90 % партийных «новобранцев» занимали разные должности в профсоюзах, кооперативах, политических органах и т. д.; в составе комитетов первичных партийных организаций они составляли очень значительный процент — до половины[12].

С этого времени глагол «выдвигать» и многочисленные производные от него начинают все чаще употребляться во всех документах по

вопросам государственного и партийного строительства, и особенно там, где речь шла об отборе руководящих работников. Политика «выдвижения» на многие годы стала для советских коммунистов постоянным элементом их курса. Выдвиженцами были те, кто, вооружившись скорее доброй волей, нежели политическими или техническими знаниями, брался за выполнение ответственных функций на промежуточных государственных и общественных ступенях. Из этого не следует делать поспешного вывода, будто вступающие в партию были сплошь карьеристами. Попадались и такие, потому что всякое движение такого рода неизбежно вовлекает разные элементы. Как бы то ни было, случаи аморального поведения среди вновь вступивших были более часты, чем среди старых членов партии[13]. Но взять на себя политическую ответственность в ту пору означало прежде всего взвалить на свои плечи бремя тяжкой, изнурительной работы, скромно оплачиваемой и не ограниченной временем. Та степень физического переутомления, до которой доходили многие из людей, выполнявших эти функции в те годы, была слишком очевидна, чтобы привлечь любителей легкой жизни[14].

Размах массового выдвижения, начатого в 1924 г., не может быть измерен лишь цифрами приема в партию. Нечто аналогичное, но в еще более широких масштабах произошло и с комсомолом. Молодежная коммунистическая организация возникла во время гражданской войны и в первое время проявляла известную склонность провозгласить свою автономию от партии. Эта склонность очень скоро была устранена[15]. Всегда обладая более широкой базой для роста, чем партия, комсомол вместе с тем рассматривался как ее молодежный резерв, как школа подготовки к большевизму. Вплоть до 1923 г. численность комсомола оставалась довольно скромной. Ленинский призыв распахнул двери этой организации значительно шире, чем партии. Условия приема в комсомол были менее строгими. Организация гигантски выросла и в кратчайший срок приобрела характер массовой: в 1923 г. насчитывалось чуть больше 300 тыс. комсомольцев; только за счет ленинского призыва число их возросло на 400 тыс. и в 1926 г. достигло уже 1750 тыс.[16]. Членство в комсомоле не давало тех же прав и не было связано с такой же ответственностью, как в партии. Однако комсомол также был с самого начала вовлечен в жестокие политические сражения середины 20-х гг. У Троцкого было немало сторонников среди учащейся молодежи. Активная комсомольская работа превратилась в своего рода испытательный срок для вступления в партию (по достижении соответствующего возраста). Тем самым расширение рядов молодежной организации также превращалось в фактор — пусть более косвенный — политического продвижения.

То же самое можно сказать о Советах. Сразу после ленинского призыва в той же самой резолюции, которая подводила первый итог этой операции, XIII съезд РКП(б) постановил провести широкую кампанию «оживления» Советов[17]. В сущности, это было продолжение и расширение того же движения, каким был для партии ленинс-

кий призыв. Выхолощенные в своем существе в ходе гражданской войны, Советы так и не смогли восстановить собственную жизнеспособность в первый период нэпа, в условиях общей депрессии, не изжитых еще последствий кризиса 1921 г. После окончания периода ревкомов с 1922 г. постепенно была восстановлена (на собраниях по месту работы и съездах делегатов) практика многоступенчатых выборов этих органов, которые формально оставались органами власти. Однако интерес масс к их деятельности намного уменьшился. Слабость Советов была особенно очевидна в сельской местности, где они зачастую выглядели в глазах сельского населения лишь фискальными органами государства[18]. Поэтому их «оживление» представляло собой прежде всего проявление растущего внимания партии к деревне. В 1925 г. новые выборы Советов были назначены во всех тех местах, где участие имеющих право голоса в предыдущем голосовании было ниже 35 %. В среднем явка на выборы превысила 40 % как в городе, так и на селе[19]. Директивы из центра требовали также более смелого выдвижения кандидатов-некоммунистов, в особенности из сельской местности. Там коммунистов было очень мало: даже после ленинского призыва сельских ячеек было лишь 13,5 тыс., причем в каждой состояло несколько человек. Только к концу 1927 г. число их превысило 20 тыс.[20]

«Оживление» Советов, а оно продолжалось на основе тех же критериев и в последующие годы, дало определенные результаты. Советы вновь обретали свое значение. Понятно, что от Советов первых послереволюционных лет у них не осталось почти ничего, кроме названия. Тем не менее они были полезны с точки зрения расширения базы власти, вовлечения в активную политическую и государственную деятельность новых слоев: женщин, молодежи, крестьянства, граждан-некоммунистов. Советы стимулировали общественную активность этих слоев, которая становилась еще одним средством отбора и выдвижения тех, кто был способен обеспечивать партии все новые и новые отряды «новобранцев» и руководителей среднего звена. Из этих неофитов Советы формировали комиссии, занимающиеся различными проблемами общественной жизни. Перед каждым, кто на деле доказывал свое рвение и упорство в достижении цели, открывалось немало путей.

Интеллигенция

«Великое выдвижение» было результатом общего восстановления страны и представляло собой также — и прежде всего — смелый и сознательный политический выбор. Его природа становится более понятной, если взглянуть на советское общество времен нэпа. Даже после кризиса жизнь по-прежнему была нелегкой. Капитализм — тот незначительный капитализм, который возродился и который терпели власти, — существовал благодаря не столько предприимчивости, сколько уловкам. Он не был, да и не мог быть уверен в собственном

будущем. Он мало накапливал и еще меньше вкладывал в производство, больше стремясь к тому, чтобы сразу же тратить то, что удавалось приобрести легкими путями, не исключая коррупции. «Грань между дозволенной наживой и наказуемой спекуляцией была тонкой», — говорит один из современников. Его контраст с обширными зонами беспросветной нищеты был кричащим. Для многих нэп означал крах всех идеалов, во имя которых совершалась революция. Приобретенная за долгие годы войны привычка к насилию не могла исчезнуть в один день. Социальная напряженность была по-прежнему велика, хотя линии классовых конфликтов стали намного запутаннее. Та самая власть, которая санкционировала операции нэпманов, потом была вынуждена судить или отправлять их в ссылку, когда их деятельность приобретала чересчур скандальный, с точки зрения общественности, характер. Можно понять, почему Эренбург, современник, на свидетельство которого мы только что ссылались, даже признавая важность нэпа, сравнивал его со «зловещей гримасой» и говорил о годах его наибольшего оживления как о времени «душной, звериной жизни»[21].

Другой писатель позже назвал нэп «самым двусмысленным и лживым из всех советских периодов»[22]. Суждение это высказано в полемике и потому искажено. Нас побуждает это сказать как раз позиция, занятая интеллигенцией. Русская интеллигенция в целом враждебно встретила Октябрьское восстание. Для революции это был фактор слабости, для интеллигенции — трагедия. Это не означает, естественно, что среди большевиков не было интеллигентов. Интеллигентами были многие большевистские руководители. Широкой известностью пользовались имена тех представителей культуры, которые сразу же стали на сторону большевиков: поэт Маяковский, режиссер Мейерхольд, биолог Тимирязев. В большинстве своем интеллигенция была и не за белых, хотя немало ее видных представителей последовало за их армиями сначала в районы, занятые ими, а потом в эмиграцию. В массе своей интеллигенция была за Февраль, за демократию, за Учредительное собрание. Она чутко реагировала на призывы и колебания промежуточных партий, большевиков она рассматривала как узурпаторов.

Немало интеллигентов стали жертвами (порой безвинными, порой не вполне) той кровавой жестокости, с какой велись сражения гражданской войны. Но это не помешало многим из них продолжить свою трудную, в некоторых случаях героическую работу. Это относится к учителям, которые не переставали учить детей, даже когда отсутствовали самые элементарные условия для занятий, или к врачам, сражавшимся с ужасающими эпидемиями 1919—1920 гг. несмотря на то, что смертность среди них в четыре раза была выше, чем среди населения в целом[23]. Ученые и исследователи не прекратили своих экспериментов даже в условиях голода и холода. Мало того, создавались новые лаборатории, причем со стороны Советского правительства, которое само в это время вело борьбу за выживание; ученые

получали полнейшую поддержку. Очень скудная в материальном отношении, она была чрезвычайно предусмотрительной с точки зрения перспективы. Предпосылки некоторых великих научных завоеваний, как это ни странно, были заложены именно в годы гражданской войны и голода.

Часть интеллигенции согласилась сотрудничать с большевиками. Некоторые — по собственному желанию, немалое число — по принуждению, большинство — в силу непонятного равнодушия. На службу к советской власти пошли многие военные специалисты, инженеры, экономисты; без их содействия не смогли бы выжить ни Красная Армия, ни государственный аппарат, ни та часть промышленности, которая продолжала функционировать. Этот процесс расширился особенно после 1920 г., когда позиции нового правительства упрочились.

В июле 1921 г. в Праге вышел небольшой сборник, его шесть статей были написаны эмигрировавшими интеллигентами кадетской ориентации, в прошлом весьма активными деятелями лагеря белых. Название сборника — «Смена вех» — перекликалось с названием другого — «Вехи», вышедшего после революции 1905 г. Наиболее сильное впечатление оставлял содержавшийся в статьях призыв осознать собственные ошибки и начать сотрудничать с советской властью, или, как выразился один из авторов, «пойти в Каноссу». Весьма примечательной была также аргументация. В сборнике признавался и даже превозносился глубоко русский характер новой революции, которая расценивалась как зверский и кровавый, но по-своему славный эпизод национальной истории, эпизод, окончательно завершенный. «Кончился долгий революционный период русской истории, — писал Ключников, главный идеолог сборника. — ...Открывается период быстрого и мощного эволюционного процесса». Авторы то и дело ссылались на Блока (умершего в 1921 г.), который сочувствовал левым социалистам-революционерам и первым в 1918 г. принял и почти вызывающе воспел глубинный, стихийный, «азиатский» характер революционного движения. Они считали большевиков силой, олицетворяющей прекращение этой анархической фазы. «В настоящий момент, — добавлял Устрялов, наиболее крупный политик из шести авторов, — чаяния советской власти и жизненные интересы Российского государства совпадают». По воле «роковой иронии истории» большевики сделались хранителями «русского национального дела». Часто писали, что авторы сборника желали и считали неизбежным перерастание нэпа в капитализм. Такой вывод поспешен. Разумеется, авторы «Смены вех» не разделяли большевистских идей, считая их просто утопией, но они были убеждены, что с ними расправится, более того, уже расправляется сама история[24].

Этот эпизод, возможно, и не заслуживал бы такого внимания, потому что идеи, изложенные в сборнике и сильно окрашенные в славянофильские тона, не блистали особой оригинальностью, а авто-

ры в дальнейшем не играли никакой решающей роли в советской истории. Интерес заключается в другом: в том явлении — «сменовеховстве», — которому сборник дал имя и выражением которого явился. Речь идет о тенденции, зародившейся скорее в России, чем в эмиграции, тенденции, которая в пражском сборнике просто нашла свою наиболее законченную политико-теоретическую формулу. То была более или менее смутная и расплывчатая идеология, руководствуясь которой многие специалисты, чиновники, профессора после русско-польской войны и по мере того как советский строй отвоевывал старые границы прежней империи соглашались на разные формы и степени сотрудничества, полагая, что идут служить стране, а не режиму. «Я верил и верю в Россию, я верил и верю в гиганта, который... спал», — писал в это время юрист, академик Кони[25]; он знаменит тем, что возглавлял в 1878 г. суд присяжных, оправдавших террористку Веру Засулич. Патриотизм, привязанность к родной земле и своей работе удержали многих интеллигентов от эмиграции. Верно и то, что в силу своей изолированности в мире, где господствовали могущественные державы, Советское правительство поневоле вынуждено было брать на себя защиту традиционных интересов Российского государства. В условиях пугающего одиночества 1921 г. оно склонно было приветствовать как позитивный факт позицию, занятую «сменовеховцами»[26].

Публикации, духовно восходящие к этому течению, выходили как за границей (например, ежедневная газета «Накануне»: она печаталась в Берлине и играла роль подспорья советской дипломатии в период Генуэзской конференции), так и внутри страны. В 1922—1926 гг. в Ленинграде издавался журнал «Россия» такой же ориентации. Идеи «сменовеховства» на протяжении многих лет питали процесс перехода на сторону советской власти и возвращения из эмиграции на родину. Этому способствовали и концепции самого Милюкова (напомним, что он был не только вождем кадетов, но и историком), который рассматривал всю русскую историю как извечную борьбу между тенденцией к анархии и принципом государственности. Как исследования того времени, так и новейшие работы советских авторов свидетельствуют о том, что в 20-е гг. такого рода взгляды господствовали в широких кругах интеллигенции и служащих государственного аппарата[27]. Не удивительно поэтому, что они оказывали влияние и на самих коммунистов, в том числе даже на партийные верхи: Сталин констатировал это на XII съезде РКП(б)[28]. Это правда, что вокруг идеологии «сменовеховства», или по крайней мере вокруг того специфически буржуазного элемента, который она заключала в себе, вплоть до 1927 г. велась полемика; но речь идет об одном из тех случаев, когда от самого предмета полемики кое-что в конечном счете остается.

Как бы то ни было, при всей распространенности этих взглядов было бы ошибкой отождествлять их со взглядами всех тех групп интеллигенции или отдельных интеллигентов, которые с самыми

различными оттенками настроений — от скептицизма до растущей заинтересованности — вносили свой вклад и трудились ради развития СССР в годы нэпа. Усилия, предпринимавшиеся правительством, чтобы наладить то, что сегодня мы назвали бы «диалогом» с интеллигенцией — из-за невозможности установить над ней в те времена подлинную гегемонию, — создавали условия для звучания многих и разных голосов. Среди работников культуры, особенно в группах авангардистов, были случаи искреннего, а то и вовсе сектантского «ухода в революцию» с ее обещаниями радикального обновления образа жизни и всей цивилизации.

Партия не отказывалась от защиты собственных идей в области культуры, но одновременно стремилась «всемерно искоренять попытки административного, произвольного и некомпетентного вмешательства». Были отвергнуты честолюбивые притязания некоторых групп деятелей искусства, вроде «рабочих поэтов» или «пролетарских писателей», добиться своего рода монополии на выражение коммунистических идей в искусстве и соответственно какого-то официального признания. Права гражданства, напротив, получило творчество тех, кого, по удачному выражению Троцкого, стали называть «попутчиками»: художников, которые также были на свой лад порождением революции в том смысле, что стремились передать в искусстве действительность, вызванную ею к жизни, но которые «не охватывали всей сути» революции и ощущали как «чуждую... коммунистическую цель»[29]. Старые и прославленные художественные школы — особенно театральные — поддерживались и поощрялись. Судорожное стремление выжить, напряженность и конфликты 20-х гг. служили фоном для разнообразного и плодотворного художественного творчества. Во многих областях искусства — в кино, литературе, изобразительном искусстве — оно надолго оставило след и стало частью духовной сокровищницы нашего века. То же относится и к науке.

Но и в этот период налаживание отношений между новой властью и интеллигенцией было далеко не легким делом. Незаурядные заслуги в этой области принадлежат знаменитому наркому просвещения Луначарскому, его терпеливой и блестящей работе по установлению связей с самыми различными деятелями культуры, искусства, науки, образования. Этот революционер, бывший на заре большевизма одним из самых близких соратников Ленина, а затем отдалившийся от него из-за философских и политических споров, занимал министерский пост вплоть до 1929 г., внося в свое дело необыкновенную эрудицию и такт истинного интеллигента. Товарищи по партии подозревали его в недостаточной твердости, но те, кто адресовал ему этот упрек, признавали за ним незаменимый талант по налаживанию контактов с интеллигенцией[30]. Блестящий оратор и плодовитый литератор, он тем не менее не оставил самостоятельных теоретических работ. Его место в истории культуры определяется, впрочем, не этим: истинным и крупнейшим его произведением стал тот мост, который он сумел перекинуть между революцией и миром русской интеллигенции.

Политические конфликты

Интеллигенция — это не только работники литературы, искусства, науки. Трудными были отношения и в других областях. На многих заводах и во многих административных учреждениях, пусть даже под руководством ответственных работников-коммунистов, оставалось еще немало технических специалистов буржуазной формации. После гражданской войны выступления против «спецов» смягчились в партийных рядах, но полностью не прекратились, хотя постоянно отрицались верхами. Случай с Ольденбергером, инженером московского водопровода, который покончил жизнь самоубийством из-за возведенных на него несправедливых обвинений, побудил Ленина в 1922 г. энергично выступить против чрезмерного недоверия к техническим специалистам. Они, однако, продолжали ощущать на себе последствия трений как с рабочими, так и с руководящими профсоюзными или политическими работниками. В напряженности этих отношений находили отражение старые конфликты, привилегированное положение многих специалистов, различие культурного уровня, наконец, сама противоположность требований, выражавшихся теми и другими в процессе производства. В некоторых других областях имели место столкновения с правящей партией, более непосредственно обусловленные различием политического мировоззрения. Самым острым из них, по оценке Луначарского[31], была «профессорская забастовка» в крупнейших вузах в поддержку требования о введении университетской автономии — она завершилась временным компромиссом. Противоречия аналогичного характера обнаруживались в отношениях с учителями, врачами, инженерами, юристами, когда эти категории специалистов попытались вновь объединиться и воссоздать свои ассоциации. Коммунисты смогли установить свой шаткий контроль над соответствующими организациями лишь ценой огромного труда и многократного нажима.

В стране сложилась не такая уж простая обстановка, которую можно было бы представить, исходя из одного лишь факта существования единственной легальной партии — коммунистической. Революция и гражданская война вызвали самую массовую волну политической эмиграции, какую знает история. Участь уехавших была нелегкой, и с течением времени это способствовало многим переоценкам. Но на протяжении 20-х гг. в главных городах европейского Запада — особенно Берлине и Париже — эмигрантские колонии были внушительными, настолько внушительными, что могли издавать многочисленные газеты и журналы на русском языке: лишь в столице Германии в 1922 г. выходили три ежедневные газеты, пять еженедельных журналов и печатались книги 17 издательств [32]. Впечатляющие цифры; впрочем, это еще не все. Среди эмигрантов было много политических лидеров, штабы разгромленных армий в полном составе, немало крупных деятелей науки и искусства. Эмиграция к тому же пользовалась широкой и разнообразной международной

поддержкой, обладала крупными финансовыми средствами, имела разветвленную организацию со своими центрами, своими партиями, группировками.

Да и неправильно было бы утверждать, что все мосты, связывающие эмигрантов с Россией, были сожжены. Многие из тех, кто остался в СССР, по крайней мере из числа деятелей искусства и культуры, в ту пору могли ездить за границу. Контакты, следовательно, до известной степени сохранялись. Меньшевистский «Социалистический вестник», выходивший в Берлине до 1933 г., обнаруживал немалую осведомленность не только о том, что происходит в стране, но и о дискуссиях в самых узких большевистских кругах[33]. На съездах РКП(б) в те годы часто велась полемика с эмигрантской прессой: в особенности любил прибегать к ней Зиновьев. Политическое влияние старых партий в массах было равно почти нулю; но того же нельзя было сказать об их идеях, которые имели по-прежнему довольно широкое хождение.

Генеральный курс РКП(б) как правящей партии по отношению к тому, что оставалось от старых партий, был сформулирован в одной из резолюций XII партконференции (август 1922 г.). Она предусматривала сохранение репрессий. И они, действительно, продолжались против любой формы организованной политической оппозиции. На XV съезде РКП(б) Молотов публично выразил признательность ГПУ за борьбу с остаточным влиянием разгромленных партий[34]. В новом Уголовном кодексе 1926 г. политические преступления были сформулированы настолько расплывчато, что оставался простор для самых широких толкований: если что-то и ограничивало этот простор, то, скорее, сама политическая обстановка. В самом деле, та же самая резолюция 1922 г. предупреждала партию, что репрессии сами по себе могут дать скудные результаты, если они не будут сопровождаться настойчивой работой по привлечению на свою сторону всех тех, кто проявляет лояльность к советской власти. Резолюция требовала поэтому умения «серьезным, деловым образом подойти к каждой группе, прежде враждебной советской власти и ныне обнаружившей хотя бы малейшее искреннее желание действительно помочь рабочему классу и крестьянству в деле восстановления хозяйства, поднятия культурного уровня населения и т. п.»[35]. Меньшевики-экономисты в Госплане или народники из Наркомзема и кооперативов не были исключением: немало людей, прежде принадлежавших к другим партиям, работали в различных советских учреждениях.

Одно из главных препятствий для установления большей свободы заключалось по-прежнему в трудности изменить подчиненное политическое положение деревни, хотя крестьянство составляло большинство населения страны и сохраняло способность в решающей степени обусловливать ее экономику. Хотя село и было в основном завоевано компромиссом в форме нэпа, оно, как мы видели, лишь в минимальной мере находилось под влиянием коммунистов. Но в то же время оно и не было совсем политически инертным. Отмечался,

например, рост числа случаев открытой агитации в пользу «крестьянского союза» (в этот термин вкладывались зачастую различные понятия, но все они так или иначе сводились к требованию увеличения политического веса деревни): 139 случаев в 1924 г., 543 — в 1925-м, 1662—в 1926-м, 1565 — за первые восемь месяцев 1927 г.[36] В 1924 г. в ряде сельских районов Грузии вспыхнуло, но было быстро подавлено восстание националистически-крестьянского характера; между крестьянским и национальным вопросами, как известно, существует весьма тесное переплетение, о чем вновь напоминал Бухарин в полемике с Преображенским[37]. 1924 г. вообще был годом повсеместной напряженности в деревнях: с политическими убийствами, волнениями среди призывников и т. д. Эпизодические конфликты отмечались, впрочем, и в более поздние годы.

Состояние дел в деревне в большей степени обусловливало конфликт с православной церковью и другими организованными религиозными течениями. Придя к власти, большевики впервые провозгласили свободу пропаганды атеизма наряду со свободой вероисповедания. Борьбу с религиозным мракобесием они рассматривали как часть своего просветительского долга. Но главным мотивом столкновения было не это. В той всеобщей битве, которая началась в России с революцией, весьма трудно было четко разграничить идейную полемику от политической борьбы. Да и сама партия, выросшая в боях гражданской войны, не слишком годилась для выявления тонких различий. В дореволюционной России православная церковь значительно больше, чем церкви Запада, была подчинена самодержавию, являлась его прямым орудием и в силу этого совершенно окостенела с точки зрения идей и с точки зрения обрядов. Ее патриарх сразу же выступил с публичными призывами против Советов. Столкновение было поэтому неизбежно; примечательно вместе с тем, что наибольшую остроту оно приобретало именно в моменты обострения трудностей в деревне, где сильнее чувствовалось религиозное влияние.

Мы уже не раз отмечали драматически напряженные моменты конфликта с церковью, причем обычно они были периодами трагического напряжения для новой власти. Центр партии, как правило, рекомендовал не оскорблять религиозные чувства верующих. На местах, однако, сплошь и рядом достаточно было, чтобы обнаружилась контрреволюционная деятельность какого-нибудь попа или группы монахов либо, напротив, проявилась грубость Совета или присланного комиссара,— и от благих намерений сохранять осмотрительность ничего не оставалось. Как и другие составные части прежнего общества, православная церковь была сокрушена революционной бурей: многие храмы были закрыты, немалое число священников арестовано. После конфликтов 1922 г. Советское государство стало было поддерживать раскольническое течение в церкви, склонявшееся к соглашению с новым советским строем, но результаты оказались скудными. Последовало частичное соглашение с патриаршеством[38]. Политика Советского правительства в этой области основы-

валась тем не менее на поощрении воинствующего атеизма; он получил тогда свои печатные органы и возможность выступать публично, но культурный уровень его зачастую оставался весьма средним.

Зачатки плюрализма

Вряд ли можно было найти в стране человека, которого лично не затронули испытания гражданской войны, революции и хозяйственной разрухи. Едва наметилось оживление экономики, дало знать о себе такое характерное следствие социального переворота, как взрыв жажды знаний. Распространение образования было для большевиков одной из основных обязанностей. Как известно, стержнем всех последних политических размышлений Ленина был вопрос о распространении культуры: он высказывал мысль о подлинной «культурной революции». Даже в самые трудные годы новые руководители пытались не оставлять без внимания эту задачу, свидетельством тому служат речи Крупской. Но сделано было мало. Начиная с 1923 г. борьба с неграмотностью была поставлена на повестку дня как одно из самых властных требований жизни. При самых различных учебных заведениях возникли «пункты ликбеза», где учили читать и писать взрослых людей. Результаты были еще не достаточны, но все же их нельзя назвать ничтожными: по переписи 1926 г., неграмотной была только половина населения (49 % против 68 % в 1920 г.)[39].

В те же годы, несмотря на отсутствие необходимых финансовых средств, была заложена новая советская система народного просвещения, основанная на едином для всех типе общеобразовательной школы. Начальная и средняя школа составляла в общей сложности девять лет и давала право дальнейшего поступления в вуз. Главным считалось максимально широкое распространение образования, пусть даже за счет сокращения сроков и упрощения обучения. Начальная школа должна была быть четырехлетней, но там, где не хватало средств, продолжительность учебы сокращали. Будущие рабочие учились в простых ремесленных школах при фабриках и заводах, но здесь же они получали и общее образование. Хотя развитие народного просвещения шло медленно, а зарплата учителей составляла лишь половину довоенной, к концу 20-х гг. учащихся в школах насчитывалось вдвое больше, чем до революции[40].

Именно из-за слабости своих политических позиций среди интеллигенции партия стремилась образовать свою собственную интеллигенцию, свои собственные кадры специалистов. При вузах возникли рабфаки — курсы ускоренного обучения, на которых молодежь пролетарского происхождения за несколько лет приобретала достаточное образование для перехода в высшую школу. Это было частью политики, облегчавшей доступ в университеты сыновьям и дочерям рабочих и крестьян. Расширялась сеть «техникумов» — учебных заведений, призванных спешно готовить специалистов средней квалификации. К концу 1925 г. в стране было больше студентов вузов,

чем в 1914 г.: 167 тыс. против 112 тыс.[41] Сверх того были образованы собственно коммунистические университеты: Институт красной профессуры, Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, Промакадемия. Массовое выдвижение новых сил на руководящие посты со временем приобретет растущее значение.

Для тех, кто проходил по тем или иным каналам «выдвижения», открывалось широчайшее поле деятельности. И объяснялось это не только сложностью политической обстановки. Несмотря на существование одной-единственной партии, социальный плюрализм нэпа заключал в себе известный плюрализм общественных организаций. Правда, требовалось, чтобы во главе каждой из них стоял член партии, но это не мешало таким крупным организациям, как профсоюзы или кооперативы, выполнять свои специфические задачи при относительной автономии своей внутренней жизни. Хотя членство в профсоюзах опять стало добровольным, численность их вновь стала быстро расти после резкого сокращения в первый период нэпа: в 1926 г. она превышала 9 млн. человек, в 1927-м — 10 млн., в 1928 г. — 11 млн. человек. Профсоюзы, иначе говоря, объединяли не только рабочих, но и трудящихся всех отраслей[42]. Причастные к задачам роста производства, профсоюзы оказывали влияние на выбор направления хозяйственной политики. Особенно сильным, по крайней мере в верхах, было их влияние на определение размеров зарплаты. Они стремились предотвратить забастовки, особенно на государственных предприятиях, но иногда работа стихийно прекращалась. Для разрешения конфликтов использовалась преимущественно система арбитража, но позиции профсоюза в любом случае значили немало.

Восстановление экономики сопровождалось возрождением того социального законодательства, которое в годы военного коммунизма оставляло желать лучшего. Именно теперь закладывалась советская система социального обеспечения, которая, несмотря на всю свою скромность, включала выплату пособий по временной нетрудоспособности, пенсий по инвалидности, а потом и по старости, пособий по безработице, помощь при родах, бесплатное медицинское обслуживание, оплаченный отпуск, устройство домов отдыха. В сущности, это был еще только зародыш такой системы. Однако сам факт создания такой системы в стране, едва поднявшейся из руин и еще живущей под гнетом собственной бедности, свидетельствовал о верности нового строя собственным программным обещаниям, значение чего нельзя преуменьшать. Профсоюзы сыграли важную роль как в создании этой системы, так и в руководстве ею.

Однако не следует ограничиваться одними профсоюзами. Та холодность, с которой были встречены последние предложения Ленина, не должна наводить на мысль, будто они совсем игнорировались. Менее всего это могло случиться в атмосфере почитания покойного вождя, воцарившейся после его смерти. Слияние Рабкрина с ЦКК произошло не так, как желал Ленин, но все равно в результате возник аппарат, который пытался действовать не как тра-

диционное министерство, а опираясь на низовой актив[43]. Крупнейшие газеты вызвали к жизни движение рабселькоров, и Бухарин даже ратовал за их подотчетность своим редакциям, а не местным партийным организациям, чтобы обеспечить для них бóльшую свободу выступлений. Для развития более активного отношения к производству на предприятиях созывались периодически производственные конференции, которые формировали постоянные органы. Начинание это было далеко от воскрешения старого рабочего контроля 1918 г., но все равно представляло собой попытку привлечь рядовых тружеников к техническому руководству предприятиями.

Административная реформа

Выдвижение новых кадров руководителей следует рассматривать в рамках общего усилия по организации страны, которое было характерным для всех 20-х гг. Выражением его было новое административно-территориальное деление СССР. Проект зародился еще на заре революции, но осуществление задержалось из-за внешних обстоятельств и трудностей в определении самого критерия административной единицы. Требовалось, чтобы границы ее были экономически обоснованы для облегчения планирования. Поэтому изучить вопрос сначала поручили Госплану. Однако во многих регионах хозяйственная логика вступала в конфликт с территориальным размещением национальностей, получивших к этому времени автономный или союзный статус. В конечном счете был достигнут компромисс. Реформу начали в 1924 г. в экспериментальном порядке в двух регионах: на промышленном Урале и в сельскохозяйственных районах Северного Кавказа. Затем она постепенно осуществлялась до 1930 г. Старое деление на губернии, уезды и волости практически было заменено новым: на области или края, округа и районы. Область отличалась от края тем, что включала территорию с однородным в национальном отношении населением. Новые административные единицы были крупнее предыдущих. Если оставить в стороне уточнение национально-территориальных границ, реформа практически была направлена на создание в стране более цельной и единообразной администрации.

В то же время оживление деятельности Советов вело к проникновению организованной власти и в те районы, где о ней раньше даже не знали (например, у кочевых народов), стимулируя и здесь выдвижение известного числа новых местных руководителей. К тому же приводил и расширенный прием в партию: хотя массовый прием проходил в крупных городах и промышленных центрах, географически он охватил всю страну[44]. Выдвижение не только охватило обездоленные прежде слои населения, но распространилось и на территории, которые сама революция еще не успела преобразовать. С распространением народного просвещения зачатки культуры проникали, в частности, на восточные окраины Советского Союза. Именно тогда на-

чалось создание алфавитов и развитие письменности многих местных народов.

Политическая вербовка, выдвижение, ускоренное формирование новых кадров — все это происходит в условиях политического кризиса, разбившего первоначальный костяк большевистской партии; мало того, все это было составной частью этого кризиса. Речь идет о процессе, который повлиял на происходившую политическую борьбу и сам в свою очередь испытал затем на себе влияние ее исхода и ее характерных черт. Годы нэпа были свидетелями столкновения разных концепций не только по вопросам хозяйственного развития, но и по вопросам будущего партии и Советского Союза в целом. Теперь необходимо выяснить, что это было за столкновение и какие концепции утвердились впоследствии.

17 Зак. № 380

VII. СТАЛИН: ВОЗВЫШЕНИЕ, ВЗГЛЯДЫ И СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ

Генеральный секретарь

XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) очень осторожно ознакомил со знаменитым «завещанием» Ленина и его требованием лишить Сталина должности генерального секретаря. Документ не был зачитан на пленарном заседании: его сообщили отдельным делегациям вместе с рекомендацией Центрального Комитета не давать хода предложению и сохранить содержание письма в тайне. Прошло полтора года, как Ленин написал его. Зиновьев и Каменев выступили в защиту деятельности Сталина[1]. Он сохранил свой пост и благополучно миновал опасную стремнину. Правда, он еще не был истинным вождем партии. Второй раз подряд с докладом на съезде выступал Зиновьев. Второй был и последним. Восхождение Сталина с этого момента было неудержимым. Рассмотрим поближе фигуру, которой будет суждено почти 30 лет безраздельно господствовать на советской политической сцене.

Родившийся в грузинском городке Гори Иосиф Виссарионович Джугашвили представлял собой личность, достаточно отличавшуюся от остальных главных большевистских вождей. Следует сказать, что за бурную историю большевизма круг наиболее близких соратников Ленина менялся не раз. Сталин вошел в этот круг довольно поздно. Он почти не жил в эмиграции. Путь политического формирования он прошел в подпольных партийных организациях России. В Центральный Комитет он был не избран, а кооптирован в 1912 г. В великих общественных битвах 1917 г. он никак себя не проявил, и лишь созданная позже его пропагандой легенда утверждала, что во всех внутрипартийных дискуссиях он всегда и неизменно становился на сторону Ленина. В центральных органах Советского государства Сталин укоренился в годы гражданской войны. В тот период он выполнил несколько поручений на фронтах, в результате чего возникли те конфликты с Троцким, которые предвещали ненависть, разделившую этих двух деятелей. С 1919 г., после смерти Свердлова, он стал единственным из партийных руководителей, кто одновременно входил в состав двух высших органов партии: Политбюро и Оргбюро. В это же самое время он возглавлял Народный комиссариат по делам национальностей, а с 1920 г. еще и Рабкрин. Это не означает, что он был влиятельнее других. Несомненно, он был менее известен и популярен. Неважный оратор, он не принадлежал к пламенным трибунам, поражавшим воображение голодных и мятущихся толп. Немногословный, он не ввязывался и в крупные публичные дебаты, которые происходили тогда в партии: на съездах он выступал лишь с докладами по вопросам, связанным с его должностными

обязанностями. Тем более характерно его появление и активное участие там, где принимаются действительно важные решения. Это вносит поправку в образ, созданный позже Троцким и его сторонниками, по высказываниям которых в те годы он был безликим, никому неведомым, второстепенным работником. Правильнее будет сказать: мало бросающимся в глаза. Рисуя такой образ, Троцкий воевал тем самым с еще более лживой легендой, многие годы спустя пущенной в ход апологетами Сталина: легендой, согласно которой Сталин наряду с Лениным был главным творцом революции. Троцкий явно недооценивал Сталина. Он даже считал Сталина ленивым. Как раз в начале конфликта Троцкий назвал его «самой выдающейся посредственностью партии»[2]. Это — жестокая ошибка: Сталин не был посредственностью. «Мы, практики», — не раз говорил Сталин о себе и тогда, и много лет спустя; слово «практики» он, однако, брал в кавычки с саркастическим оттенком человека, взявшего реванш[3]. Ленин, конечно, не обманывался, когда расценил его — правда, даже и он с чересчур большим запозданием — как «выдающегося» и опасного вождя.

Нельзя, на мой взгляд, согласиться и с мнением такого вдумчивого исследователя, как Карр, когда он видит в Сталине «самого безликого из великих исторических персонажей»[4]. В ходе дальнейшего рассказа мы убедимся в том, насколько велико было трагическое влияние его личности на ход событий. Безликой была, скорее, его манера выступать в первой трудной фазе восхождения к абсолютной власти. Микоян, один из тех, кто поддерживал его во внутрипартийной борьбе фракций, рассказывает, что на XII партконференции (август 1922 г.) Сталин, только недавно ставший генеральным секретарем, держался «подчеркнуто в тени», причем, конечно же, не столько из «скромности», сколько из соображений «тактики»[5]. Это помогает понять, почему, опасаясь утверждения нового Бонапарта, другие руководящие деятели смотрели скорее на Троцкого, нежели на Сталина.

Ленин не ошибся и насчет оценки его человеческих черт. Сталин был груб, жесток, коварен. Интрига, притворство, месть — таковы «инструменты», которыми он умел пользоваться, как никто, лишь изредка позволяя уловить мотивы, определявшие его поведение. Мало кто подозревал, до какой степени жестокости он способен дойти. Когда после смерти Сталина это подтвердили его самые близкие соратники, которые тем самым повторили то, что раньше говорили его побежденные противники, многие испытали ужас и изумление. Не нашлось между тем никого, кто смог бы привести доводы, опровергающие эту характеристику. Скопилось, не говоря уже о ленинском «завещании», слишком много и слишком разных свидетельств, рисующих именно такой портрет; некоторые восходят к дореволюционному периоду[6]. Облика не меняют и слабые, хотя вполне понятные, попытки дочери оправдать отца, она, кстати, сама напоминает, что наряду с грубостью Сталин умел «завоевывать людей»[7]. И од-

нако же, если мы поставим на этом точку, его образу будет недоставать чего-то такого, что необходимо для понимания его судьбы. Сталин был незаурядным политиком: это вынуждены были признать сначала его противники по партии, а они отнюдь не были новичками в политике, затем его партнеры по международным контактам, которых еще менее можно заподозрить в политической неопытности.

Сталин, пожалуй, раньше других выступил как фракционный деятель. Один оратор от оппозиции рассказал на X съезде, что во время дискуссии о профсоюзах в 1921 г. Сталин раздавал представителям печати сообщения о внутрипартийной борьбе, напоминавшие сводки военных действий[8]. Микоян, в ту пору совсем еще молодой руководитель партийной организации Нижнего Новгорода, рассказывает, что в январе 1922 г. Сталин вызвал его в Москву и послал с тайным заданием в Сибирь. Он должен был не допустить избрания сторонников Троцкого делегатами на предстоящий XI съезд партии[9]. Между тем Троцкий в тот период, после того как были улажены разногласия предыдущего года, вовсе не конфликтовал с остальными членами руководства. Если принять во внимание, что и Сталин в тот период не обладал еще всей той властью, какую получил впоследствии, то мы получим первое представление о методах, которые он готовился применить в предстоящей борьбе. Одних этих методов было бы, однако, недостаточно, чтобы обеспечить победу. Справедливо отмечалось уже, что Сталин лучше, чем любой другой из большевистских вождей, «отдавал себе отчет» в том, какие тенденции начали утверждаться в партии и Советском государстве после гражданской войны[10]. На мой взгляд, можно сказать больше. Сталин был не только тем эмпириком, каким его постоянно описывали; исходя из понимания этих тенденций, он выработал собственную оригинальную политическую концепцию, которую и сумел искусно и постепенно навязать другим в условиях кризиса, охватившего революцию после 1921 г.

Вплоть до того дня, когда сам Сталин пожелал, чтобы его считали четвертым классиком марксизма, никому не приходило в голову, что в его лице скрывается возможный теоретик, способный двинуть вперед развитие марксистских идей. Разумеется, ему была неведома научная изысканность размышлений таких деятелей, как Троцкий или Бухарин, не говоря уже о глубине Ленина. Для него характерна не недооценка теории, а ее подчинение — это было подмечено такими двумя разными учеными, как Лукач и Карр, — непосредственным запросам практики[11]. Что вовсе не означает, будто у Сталина не было своей политической идеи. Его преемник и критик Хрущев сказал, что он «возвел в норму внутрипартийной и государственной жизни ограничения внутрипартийной и советской демократии»; Хрущев здесь подразумевает необходимость этих ограничений на первых порах[12]. Что ж, формулировка приемлема, но ее необходимо расширить: при помощи теории и практики Сталин развил еще не оформившиеся и временные черты режима, сложившегося в России в пе-

риод голода и гражданской войны (известно, насколько сильны были тогда ограничения, о которых говорил Хрущев), развил и превратил их в законченную систему государственных институтов — систему, добавим, какой еще не знала история.

Сталина всегда интересовала сущность власти, но не столько с точки зрения ее классовой природы, сколько с точки зрения ее механизмов. В 1918 г. он говорил: «Властвуют не те, кто выбирает и голосует, а те, кто правит». В 1920 г. он повторяет ту же мысль, добавляя, что «страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами». А в 1924 г. он проводил четкое различие между руководящими (в кавычках) органами и ответственными работниками, которые реально руководят[13]. Когда после смерти Ленина он наряду с другими большевистскими вождями стал популяризатором и комментатором его теории, то в качестве основной ленинской идеи он выдвинул «диктатуру пролетариата», более того — «систему диктатуры пролетариата», то есть государство. Бухарин хотя и в косвенной форме, но заметил, что это совершенно не соответствует истине[14]. Весьма спорное само по себе, сталинское толкование становилось прямым искажением, если учесть, что, излагая ленинские взгляды по этому вопросу, он даже не упоминал об идее «отмирания государства». Для Сталина, напротив, все заключается в том, чтобы «удержать власть, укрепить ее, сделать ее непобедимой»[15]. По поводу еще одной его статьи о Ленине Троцкий заметит позже, что никому из русских марксистов, кроме Сталина, не пришло в голову поставить на первое место среди заслуг Ленина организационные заслуги[16]. Это было не случайно: больше всего Сталин интересовался организацией государства и государственной власти.

«Орден меченосцев» и «приводные ремни»

Концепция «революции сверху», марксистское происхождение которой весьма сомнительно, родилась у Сталина не сразу. Имеется одна его работа, написанная в 1921 г., мало исследованная, но очень показательная. Известна она просто как «Набросок плана брошюры». В ней содержатся его размышления об опыте предыдущих лет, главным образом об опыте «военного периода, наложившего печать на всю внутреннюю и внешнюю жизнь России». При этом он излагает свое представление о партии, прибегая к сравнению, которое — будь оно обнародовано в то время — привело бы в недоумение многих его товарищей. В самом деле, там подчеркивается: «Компартия как своего рода орден **меченосцев** внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность»*. Строкой ниже он уточняет: «могучий орден», а еще ниже —

---

* В целом превосходный итальянский перевод в данном случае недостаточно точен, ибо переводчик удовлетворился просто термином «рыцарский орден» (*Stalin*. Op. compl., v. 5, p. 90). Орден меченосцев был военно-религиозной организацией, сходной по уставу

«командный состав и штаб пролетариата»[17]. В этом наброске Сталин также кратко обобщил предшествующую историю партии, которая представлялась ему лишь историей кадров, их формирования, развития, защиты или «сохранения». Понятие партии-ордена было чем-то бо́льшим, нежели обобщением того опыта милитаризации и огосударствления, через который прошла в те годы организация большевиков; одним словом, то была скорее программа, взгляд в будущее, чем простая констатация. «Задачи военного искусства, — писал Сталин примерно в то же время, — состоит в том, чтобы обеспечить за собой все рода войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действия. То же самое можно сказать о формах организации в политической области»[18].

Разумеется, Сталин отдавал себе отчет в невозможности руководить партией и государством точно так же, как руководят армией. И не только отдавал себе в этом отчет, но и сказал об этом с трибуны XII съезда РКП(б), первого, на котором отсутствовал Ленин. Не лишены интереса доводы, приведенные им для разъяснения разницы и сводящиеся, по существу, к следующему двоякому утверждению. Армию, говорил он, создает и взращивает (в буквальном смысле слова) сам командный состав; «в политической области дело обстоит много сложнее»[19]. Когда в ходе дискуссии в конце 1923 г. его обвинил Рафаил (один из «децистов», подписавших платформу «46-ти») в том, что «наша партия, по сути дела, превратилась в армейскую организацию», он отверг упрек, прибегнув к тем же аргументам, попытавшись, правда, как того требовали обстоятельства, представить их не столь прямо, как прежде[20]. Вполне очевидно, эта идея не была чужда ему. В самом деле, на том же XII съезде и в том же докладе по организационному вопросу, который слишком часто рассматривался как заурядный отчет, он добавил, окончательно разъясняя разницу между своей политической концепцией и чисто военным методом руководства: «Необходимо, чтобы партия облегалась широкой сетью беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передает свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распыленной массы превращается в армию партии». Обратим внимание на то, что на про-

---

с Орденом храмовников. В первой половине XIII в. он был весьма силен в Латвии, потом его поглотил Тевтонский орден. Мы не думаем, что для Сталина это был просто не слишком удачно найденный образ. Работа, даже будучи всего лишь «наброском», была впервые опубликована в 1947 г. в «Сочинениях» Сталина, конечно же, не без согласия автора. Поскольку мысль о чисто «археологической» цели публикации отпадает, правомерно заключить, что, извлекая набросок из небытия через 26 лет после написания, Сталин считал его важным в своей теоретической деятельности. Это предположение подтверждается редакционным примечанием, в котором уточняется, что набросок использовался автором при написании трех работ, опубликованных в 1921—1924 гг. и, следовательно, давно уже известных. В «наброске», однако, имеются и идеи, которые Сталин не счел тогда нужным воспроизводить в других работах. Так ли уж необоснованно сделать вывод, что этим не обнародованным тогда идеям он придавал особое значение?

тяжении всего этого доклада слова «аппарат» и «организация» употребляются Сталиным как совершенно взаимозаменимые. Партии, добавлял он, нужны разнообразные «приводные ремни»[21].

Каковы были эти «ремни»? Сталин перечислил их в два приема: в уже упомянутом отчете на XII съезде, а затем в 1926 г. в одной из своих статей во время полемики с Зиновьевым. В первом случае он называл: профсоюзы, кооперативы, комсомол, женские организации, школа, печать («Печать, — говорил Сталин, — не является массовым аппаратом, но... по своей силе равняется любому передаточному аппарату массового характера»), армия («На армию, — добавлял он, — привыкли смотреть, как на аппарат обороны или наступления. Я же рассматриваю армию как сборный пункт рабочих и крестьян») и, наконец, государственный аппарат[22]. Во втором случае Сталин снова назвал профсоюзы, кооперативы и комсомол, но добавил еще Советы, которые воспринимались им уже не как органы власти, а как «массовая организация всех трудящихся города и деревни». На этот раз он добавил и партию, разумеется поставив ее надо всем в качестве «руководящей силы», но все же считая ее частью механизма, частью «системы» правления — одним словом, государства. Что же касается того, что должны передавать «приводные ремни», то в обоих случаях Сталин дал четкое определение — «руководящие указания»: «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением»[23].

В свете подобных концепций следует рассматривать и его полемику тех же лет (1923 и 1926 гг.), когда он обвинял Зиновьева в отождествлении «диктатуры партии» с «диктатурой пролетариата». Сталин при этом вовсе не отрицал, что партия должна осуществлять свою диктатуру. Напротив, он открыто заявлял, что она «**не делит и не может делить** руководства с другими партиями». Позже он создал теорию однопартийной системы как единственно верной при любом опыте построения социализма. Но формула Зиновьева была для него одновременно и чрезмерной и недостаточной. Недостаточной, объяснял он, потому, что партия одна, без всех перечисленных инструментов рисковала оказаться неспособной осуществлять какую бы то ни было реальную власть, рисковала оказаться в полной изоляции, в среде глухого к ее указаниям общества; чрезмерной — потому, что Сталину вовсе не импонировала подразумеваемая в зиновьевской формуле идея коллективной диктатуры всего того организма, каким является партия. Ведь сама партия в его глазах была инструментом, пускай даже самым важным из всех, но инструментом. Уже на XII съезде он определил ее в качестве «аппарата, дающего лозунги и проверяющего их осуществление»[24]. Его «орден меченосцев» представлял собой наиглавнейший институт государственной системы: именно это, но не более этого.

Заняв пост генерального секретаря и оставаясь по-прежнему членом Политбюро и Оргбюро, Сталин оказался во главе партийно-

го и государственного строительства. Он был, пожалуй, единственным человеком, понимавшим всю важность обладания этой командной позицией. Не удивительно, что, занимая ее, он с непоколебимой решительностью проводил в жизнь свои концепции. «После того как дана правильная политическая линия, — заявлял он, — необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь»[25]. Нетрудно понять, что это означало также: люди, на которых он, Сталин, может положиться. Еще на XII съезде он указал на губкомы как на «основную опору» системы и нашел положительные моменты даже в происходивших в них «склоках и трениях», свидетельствующих якобы о «стремлении губкомов создать внутри себя спаянное ядро, сплоченное ядро, могущее руководить без перебоев». Он сказал, что необходимо создать резерв хотя бы в 200 или 300 уездных секретарей, которых можно было бы потом отдать на помощь губкомам, чтобы облегчить им руководство работой в уездах[26]. Он защищал «громадное значение» учраспреда (который в будущем станет «отделом кадров»), то есть того сектора аппарата Центрального Комитета, который под его контролем занимался назначением и перемещением наиболее ответственных работников на различные руководящие посты различных организаций и в котором не без оснований видели решающе важный инструмент его огромной власти.

Структура Советского государства рисовалась Сталину в виде многоэтажной пирамиды, опускающейся от верхушки к периферии и функционирующей практически только в одном направлении: сверху вниз. «Иерархия секретарей» составляла один из ее наиболее существенных компонентов. Дискуссия 1923 г. дала Сталину предлог не только для решительной защиты партийного аппарата, подвергавшегося нападкам оппозиции, но и для того, чтобы дополнить свою концепцию новыми существенными деталями. Самой важной из них была «монолитность». Иначе говоря, он тоже признавал, что, оставшись единственной политической силой в стране, партия не может не отражать различные тенденции общества, которое отнюдь не было монолитным. Однако трудность эту он разрешил, обвинив оппозицию в том, что она «выражает настроение и устремления непролетарских элементов в партии»[27] — утверждение, сильное не аргументацией, а единственно тем, что исходило оно от того, кому принадлежала власть. Но что является пролетарским, а что не является — отныне предстояло решать верхушке.

Расхождение с Лениным

Могут возразить, что вклад Сталина в такого рода систему представлений не был оригинален, ибо, например, идея «приводных ремней» принадлежала Ленину. Мы подходим, таким образом, к пробле-

ме отношений Ленина — Сталина, которая, без сомнения, представляет собой одну из самых сложных, ждущих своего решения. Она была предметом большой политической полемики, однако это не значит, что ее можно игнорировать.

О формировании политических идей Сталина мы знаем очень немного из-за почти полного отсутствия документов, которые бы позволяли проследить сам процесс формирования; отсюда, кстати, и столь большой интерес к «наброску», о котором говорилось выше. Серьезные советские исследователи сочли возможным утверждать, будто сильное влияние на него оказал Нечаев — самый экстремистски настроенный из русских народников XIX в., утверждавший, что любое, даже самое отвратительное средство может быть поставлено на службу революции и что сама организация революционеров должна управляться волей немногих индивидов, готовых на все[28]. Тезис соблазнителен, но нет доказательств, которые подтверждали бы его. Исторически неоспоримым является то, что деятельность Сталина строилась на основе ленинизма, опыта большевиков, революции и ее кризиса. Здесь-то и начинаются двусмысленности.

В борьбе с оппозицией, да и позже Сталин был достаточно ловок, чтобы именно в тех случаях, когда он дальше всего отходил от ленинских идей — как было, например, при рождении Советского Союза, — объявлять себя простым учеником Ленина или прикрываться ссылками на него: ленинская мысль продолжала быть источником авторитета. В более близкие к нашему времени годы нападки советских авторов на Сталина после его смерти способствовали возникновению путаницы, ибо с этого момента Ленину просто приписывалось все то, что желали сохранить из сталинского наследия; немного ниже мы увидим это на примере «социализма в одной стране». Более тщательный анализ отношений между этими двумя личностями затрудняется теми, кто, особенно на Западе, постоянно утверждал, будто Сталин представляет собой неизбежное продолжение Октябрьской революции, истории большевиков и ленинского курса. Имеется, наконец, и тенденция манихейского противопоставления Ленин — Сталин: один — «хороший», другой — «плохой», один — воплотивший в себе все лучшее, второй — все худшее, что было в русском революционном движении, и т. д. Подобное упражнение, возможно, и поучительно, но мало что дает историку. Однако после всех этих предпосылок, думаю, ясно, что нерационально было бы замалчивать те глубокие различия, которые имелись не только между методами и чертами характера, но также и взглядами этих двух людей.

Понятие «приводные ремни» служит как раз хорошим примером на этот счет. Ленин употребил его два раза — в 1919 и 1920 гг. (еще в одном случае он говорит о «сложной системе нескольких зубчатых колес») — и развил заложенную в нем идею, но уже без метафорических фигур, в работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме». Речь там идет о периоде военного коммунизма и о ленинском указании на огромное значение профсоюзов, необходимость поддерживать

контакт с массами, способность чутко улавливать их настроение — одним словом, о необходимости широкой разветвленности и большой гибкости политического руководства[29]. Сталин же превратил образ и понятие «приводных ремней» в часть институционной системы, в костяк всей государственной машины, предназначенной для передачи руководящих указаний сверху вниз. Аналогичным образом использовал он и большевистскую идею о партии. Оговоримся, что вся концепция отношений между «авангардом», которым является партия, и рабочим классом, который представляет самые широкие непролетарские массы, — эта концепция осталась у Ленина, особенно применительно к «переходному» периоду, скорее намеченной, нежели изложенной в окончательной форме. И все же нельзя не видеть пропасть между тем, что́ говорил по этому вопросу Ленин, и представлением о партии как о военно-религиозном ордене и рабочем классе в качестве его армии. Центральной у Сталина была идея государства и его предельного усиления. Приняв это во внимание, становится понятно, почему самый острый конфликт между двумя деятелями вспыхнул именно по вопросу о нерусских национальностях и образовании СССР. Это был тот пункт, который Ленин считал не только решающим для развития мировой революции, но и с которым он связывал требование о создании весьма гибких государственных структур. Мы можем также догадаться, почему этот конфликт приобретал в глазах Ленина значение, выходящее за рамки эпизода: в нем таилось столкновение основополагающих принципов и идей.

Разумеется, Сталин действовал не на голом месте. Почвой ему послужила та реальная обстановка, которая сложилась в первые послереволюционные годы. Он уловил заключенные в ней не только временные возможности и перенес их в свои политические замыслы. В последний период своей жизни Ленин был занят главным образом борьбой с такого рода реальной обстановкой, а Сталин защищал ее на свой лад. Мы уже видели, как по-разному говорили они о большевистской партии в ее конкретном воплощении тех лет: критически — Ленин, апологетически — Сталин (в уже упоминавшейся «клятве»). Еще более отчетливым было расхождение по вопросу о государственном аппарате; Ленин охарактеризовал его как «до неприличия» плохой; несколько недель спустя, на XII съезде РКП(б), Сталин говорил о нем: «...тип самой машины хорош, он... правильный», лишь некоторые «составные части» в нем следует заменить. Четырьмя годами позже он будет говорить о нем как о «высшем по типу государственном аппарате в сравнении со всеми существующими в мире государственными аппаратами»[30]. Противоречие вполне очевидно.

Дело еще в том, что успеху сталинских положений в определенной степени способствовали некоторые идеи, имевшие хождение среди большевиков и закрепленные предшествующим опытом революционной борьбы в России. Когда Зиновьев на XIII съезде РКП(б) по-инквизиторски добивался от Троцкого публичного признания в

ошибках в ходе дискуссии 1923 г., тот ответил знаменитой фразой — «партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач». Тем самым, вольно или невольно, он утверждал идеалистическое представление о партии, которое вопреки его намерениям способствовало насаждению сталинского курса (во всяком случае, не менее, чем тому же содействовало поведение Зиновьева). Идея Троцкого была сразу же отвергнута Крупской, которая в то же время сочла столь же неправомерным притязание Зиновьева навязать противнику признание ошибок. Она даже подверглась критике Сталина, который, напротив, был заодно с Зиновьевым[31]. Однако фидеистское представление о партии благодаря таким эпизодам все шире прокладывало себе путь.

Главный элемент ограниченности сменявших друг друга противников Сталина состоял в неспособности противопоставить ему другую, альтернативную концепцию организации власти, которая обладала бы такой же цельностью и не останавливалась просто на требовании большей демократии в партии, требовании, которое, помимо всего прочего, выдвигалось, когда они оказывались в меньшинстве и, следовательно, вызывали подозрение в тактическом оппортунизме. Это не значит, что никакие другие концепции не были возможны. Мы видели, что последние усилия Ленина были направлены именно на поиски иного пути. Нам могут возразить — отчасти автор уже сделал это на предыдущих страницах, — что дальше поиска и сам Ленин не пошел. Как бы то ни было, вряд ли можно отрицать, что поиск его был направлен в противоположную сторону, чем поиск Сталина. Можно, следовательно, утверждать и то, что заслуга Сталина — хотя бы в силу того, что у нас нет оснований для доказательства противного, — состояла в ликвидации пробела, то есть в том, что он дал ответ на оставшийся нерешенным вопрос. Партия, неустанно стремившаяся наладить практическое руководство необъятной страной, которая переживала процесс преобразования, не могла не откликнуться на подобные предложения. «Практики» шли за Сталиным: чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть их многочисленные выступления на XIII съезде РКП(б)[32]. Вряд ли, однако, можно по-прежнему утверждать, как это делалось на протяжении десятилетий, будто сталинская концепция идентична ленинской; вряд ли можно отрицать, что сталинская концепция влекла за собой, пускай даже не вполне осознанно, уже не только обусловленный реальной обстановкой отказ от многих постулатов революции и некоторых существенных аспектов самой ленинской теории.

Кроме самобытности сталинские концепции обладали также определенной живучестью. В них отражались не только тенденции, проявившиеся в послереволюционной России, но и потребности, которым суждено получить широкое распространение в современном мире: такие, как растущее значение аппарата и в политико-государственной, и в хозяйственной сферах. Не случайно они будут более

или менее широко подхвачены в других странах, которые — имея или не имея программы социалистического преобразования — примутся за решение проблем, сходных с проблемами Советской России. Сталинская пирамида вовсе не исключала поиска сознательного одобрения общества или, по крайней мере, подавления несогласия: говоря словами Сталина — поиска «поддержки большинства рабочих масс, по крайней мере благоприятного нейтралитета большинства класса»[33].

В своем «наброске» 1921 г. Сталин дал также классификацию технических приемов политического руководства, призванных обеспечить действенность механизма власти. В их число входили директивы, определенные как «прямой призыв к действию в такое-то время, в таком-то месте, обязательный для партии». Имелись и два других средства: «лозунг агитации» и «лозунг действия», «смешивать» которые «нельзя, опасно»[34]. Самым убедительным и, уж во всяком случае, самым знаменитым примером их применения явилось выдвижение им в 1924 г. лозунга «социализм в одной стране». Этот лозунг навсегда останется связанным с именем Сталина, хотя он и утверждал — а советская историография и по сей день утверждает[35], — что и его он унаследовал от Ленина.

Изолированная Россия будет примером

Впервые Сталин высказал эту идею в конце 1924 г., когда в ходе вновь разгоревшейся острой полемики с Троцким и его старой теорией «перманентной революции» предпринял попытку противопоставить тезисам противника позитивную платформу. Некоторые авторы считают, что сам Сталин лишь постепенно пришел к пониманию того, какой огромный потенциал заключался в этой теме[36]. Однако уже в его первом выступлении содержались все те главные мотивы, которые послужат стержнем последующей широкой агитации. Троцкий считал, что лишь европейская революция могла освободить социалистическую революцию в России от трудностей, обусловленных отсталостью страны и связанных в социальном отношении с бесчисленными массами мелких сельских собственников. До этого момента за подобные идеи Троцкого упрекали в недооценке роли крестьянства. Теперь Сталин решил атаковать и по другому направлению. Он обвинил Троцкого в том, что, по его утверждению, «необходимые силы» можно черпать лишь «на арене мировой революции пролетариата», а не «среди рабочих и крестьян самой России». Он обвинил его в «неверии в силы и способности нашей революции», более того, в неверии уже не только в революционные способности крестьянства, но и «российского пролетариата». Следовал вывод, что теория Троцкого представляет собой «перманентную безнадежность», ибо, рассчитывая лишь на помощь со стороны Европы, она обрекает русскую революцию на гниение на корню или буржуазное перерождение в ожидании революции на Западе, ожидании, которое неиз-

вестно сколько продлится. Даже в одиночестве и несмотря на свою отсталость Россия может построить социалистическое общество. Мало того, именно этим самым Россия окажет поддержку рабочим Западной Европы. По Сталину, получалось, что Ленин всегда думал так[37].

Непросто было протащить эти тезисы в советских руководящих кругах. Им противилась вся теоретическая традиция большевиков: как в силу того, что они всегда считали свою революцию частью международного революционного процесса, так и по той причине, что среди них не было ни одного, кто не представлял бы себе всю тяжесть экономической и культурной отсталости страны. Да и сам Сталин всего несколько месяцев назад отстаивал прямо противоположную концепцию[38]. В разыгравшейся позже битве на ленинских цитатах лучшие шансы были, скорее, у противников сталинских тезисов, хотя всегда оставалась возможность для двусмысленных толкований: ведь у Ленина фактически не было развернутого ответа на вопрос именно по той причине, что он никогда не рассматривал его под тем углом зрения, под каким теперь ставил его Сталин. Сталинская историография (и сам Сталин) рассматривает резолюцию XIV партконференции о задачах Коминтерна, принятую в апреле 1925 г., как официальное признание лозунга «социализм в одной стране», в действительности этот документ куда более осторожен[39]. Но когда борьба с оппозицией, возглавлявшейся уже не одним Троцким, возобновилась с предельной ожесточенностью, именно этот лозунг стал центральной темой столкновения. XIV съезд партии (декабрь 1925 г.) сделал из этого первый практический вывод: СССР должен завоевать «экономическую самостоятельность», не быть «экономическим придатком капиталистического мирового хозяйства». А это, в свою очередь, означало: превратиться «из страны, ввозящей машины и оборудование... в страну, производящую машины и оборудование»[40]. Это было предпосылкой индустриализации.

Решающую роль сыграли обстоятельства того периода, когда был выдвинут новый лозунг. Страна находилась в глухой изоляции. В марте 1925 г. большевики и Коминтерн отметили, что после вызванного войной кризиса капитализм вступил в фазу относительной «стабилизации». В период, когда Россию начали признавать буржуазные страны, родилась надежда на получение крупных зарубежных кредитов, но теперь она мало-помалу сходила на нет. Жесткий протекционизм, обусловленный государственной монополией на внешнюю торговлю и поддерживаемый даже Преображенским в качестве специфического орудия накопления, стимулировал подъем отечественной индустрии. В 1924—1925 гг. в СССР предпринимаются попытки наладить производство тех машин, которые раньше импортировались: от грузовиков до тракторов. Этого требовали, в частности, металлисты, ибо предприятия машиностроения еще далеко не полностью использовали свои потенциальные ресурсы. В газетах можно было прочесть рекламные объявления: «Русская электро-

лампочка не уступает заграничной»[41]. Часть интеллигенции поддерживала «национальный» характер революции, что по-своему влияло на дело: некоторые «сменовеховцы» одобрили сталинский лозунг[42]. Для его понимания решающее значение имеет еще одно совпадение: этот лозунг родился как раз после успеха ленинского призыва, когда в партию влилась новая масса коммунистов и начало набирать темп великое выдвижение. В соблазнительной перспективе нуждались не столько старые большевики, сколько новые члены партии.

Вокруг «социализма в одной стране» разгорелась жгучая дискуссия. Всех тех, кто не пережил ее лично и начинает изучать ее многие годы спустя, поражает одно обстоятельство: если оставить в стороне полемические обвинения, крайне трудно понять саму суть столкновения. Оппозиционеры — и Троцкий первым среди них — отнюдь не утверждали, что в ожидании мировой революции нужно отказаться от «строительства социализма»: напротив, именно тогда они были самыми рьяными сторонниками ускоренной индустриализации. Они лишь уточняли, что усилие это приведет к подлинно социалистическому обществу при наличии соответствующей международной, а не только национальной обстановки. Сталин в свою очередь, поскольку слишком недвусмысленны были ленинские цитаты по этому вопросу, вынужден был признать, что «окончательная победа» социализма в одной, отдельно взятой стране невозможна. Однако в порядке толкования этого ограничительного положения он добавил, что невозможна она единственно из-за отсутствия гарантии от нападения извне: если бы не было этой внешней угрозы, все внутренние условия были бы вполне достаточны для построения социализма. И все же страсти были накалены не столько этими византийскими ухищрениями спорящих, сколько обвинениями, брошенными Сталиным своим противникам: обвинениями в том, что они утратили веру, стали пессимистами, готовы капитулировать перед трудностями, неспособны понять гигантские силы, таящиеся в рабочем классе и крестьянстве России.

Лозунг «социализм в одной стране» явился радикальным новшеством в истории СССР и русского большевизма. Но он был таковым не потому, что знаменовал новый этап в развитии марксистской теории или с самого начала представлял собой точный выбор политической и экономической стратегии. На деле под этим лозунгом проводились разные политические курсы. Когда он был впервые провозглашен, под ним понималось более осмотрительное отношение к крестьянству, союз с деревней, а следовательно, и более осторожная позиция по вопросу о темпах индустриализации. В таком виде его энергично защищал Бухарин. В этом смысле, кстати, его истолковал и такой осведомленный и проницательный иностранный наблюдатель, как Тольятти; и он даже писал, что на рубеже 1925—1926 гг. СССР «оказался перед лицом исторического поворота, равного по важности и аналогичного по смыслу повороту 1917 г.»[43]. Между тем позже, с развитием индустриализации и ростом ее трудностей, под этим же

самым сталинским лозунгом проводился, как мы увидим, совсем иной политический курс. «Социализм в одной стране» стал ответом на фактическую изоляцию Советского Союза, осуществленную странами развитого капитализма. Сначала, если воспользоваться сталинской терминологией, он стал ответом в качестве «лозунга агитации». Потом, по мере того как он завоевывал успех, — в качестве идеологии, несущей в себе сильный заряд веры партии, которая переживала в тот момент фазу наиболее быстрого роста своих рядов: Сталин требовал, чтобы она стала «законом партии, обязательным для всех членов партии»[44]. Лишь в таком качестве он позволит позже оправдать новые «лозунги действия».

Карр и Дойчер посвятили несколько отличных страниц анализу сильно выраженного национального характера нового сталинского тезиса. На этих страницах разбирается значение лозунга как «заявления о независимости от Запада», провозглашения «веры... в судьбу русского народа», «синтеза социализма с национальными чаяниями», утверждения «самообеспеченности русской революции»[45]. Стержнем сталинской агитации служили утверждения такого типа: «И без помощи со стороны мы унывать не станем, караул кричать не будем, своей работы не бросим»; «мы имеем в нашей стране все необходимое и достаточное для построения социализма»[46]. Мы говорили, что Сталин как бы экспромтом открыл «социализм в одной стране» в 1924 г. Следует отметить и другое: в отличие от всех остальных руководителей большевиков ему давно была сродни эта идея, что именно Россия призвана указать другим странам путь к социализму. Мы обнаруживаем эту идею в одной из его речей в июле 1917 г., в «наброске» 1921 г. и, наконец, в очерке, в котором он выдвинул новый лозунг в 1924 г.: русская революция здесь характеризуется как «образец» применения теории пролетарской революции[47].

Отзвук в аппаратах

В ходе этой широкой политической операции сам термин «социализм» изменял свой смысл. То, что советские люди принимались строить, было пока не социализмом как таковым, а скорее экономическими и культурными предпосылками социализма, теми предпосылками, которых не было в 1917 г., но о которых Ленин сказал, что их можно создать потом. С той поры возникла тенденция отождествлять два эти понятия, без особого выяснения различий между ними. Собственно говоря, даже не ставя перед собой никаких социалистических целей, создание таких предпосылок представляло собой великую национальную цель. Совпадая с решением трудных проблем развития и роста, оно становилось в один ряд с целями и стремлениями целых континентов, которые тогда только начинали пробуждаться и которым суждено будет наполнить своей борьбой все наше столетие. Русская революция ориентировалась теперь больше на их проблемы, нежели на проблемы экономически развитой Европы, ко-

торую считали беременной социализмом и на которую с надеждой смотрели в 1917 г. И хотя Сталин не случайно вводил в свою агитацию «русскую» тему, проблемы эти были общими для всех народов Советского Союза: тот факт, что в ходе будущего развития им также предстояло сыграть свою роль, отчасти менял и место самой проблемы национальностей в СССР. Если в революционном процессе нашей эпохи правомерно различать два крупных и переплетающихся течения — социалистическое и национальное, — то можно утверждать, что по сравнению с 1917 г. стрелка компаса русской революции в 1925—1926 гг. сместилась скорее в сторону второго, нежели первого. Тому же факту, что идеалом грядущего, пусть даже представляемым в фидеистских формах, оставался социализм, то есть общество, в котором не будет неравноправия и несправедливостей, — этому факту суждено было оказаться пружиной колоссальной мощи, толкающей многомиллионные людские массы на движение по чудовищно трудному пути разрешения проблем национального развития; пути, который на деле оказался куда более тернистым, чем это представлялось во время дискуссий 20-х гг.

Возражения оппозиции против нового сталинского тезиса были отнюдь не лишены оснований и, конечно же, были верны марксистской и ленинской традиции. Наиболее упорный из противников, Троцкий заявлял, что социализм может утвердиться лишь в результате международного процесса; что он должен основываться на развитии производительных сил, немыслимом в узких пределах одной страны, даже если она так велика, как СССР; что узы взаимосвязи с мировой экономикой, «развившейся до степени превращения в международное разделение труда», не исчезнут и что поэтому «самообеспечивающееся социалистическое государство» попросту не может существовать. Эти возражения следует иметь в виду, так как они помогают понять некоторые моменты последующего развития советской истории. Эти возражения вместе с тем имели свои слабые стороны: связи мировой экономики к этому времени были уже разорваны и — в отличие от того, на что надеялись Ленин и большевики, — так и не восстановились. В речах Троцкого слышались благородные ноты, когда он говорил, что народу не нужны «утешательские доктрины», «новое Евангелие»; что партия в минувшие суровые годы уже доказала свою способность выдерживать самые жестокие испытания во имя международной революции, а не национального идеала[48]. На выпады Сталина он отвечал другими выпадами, обвинениями в «социал-патриотизме» и проведении устряловской политики (Устрялов был одним из лидеров «сменовеховцев»)[49]. И все же в быстро растущей партии новый лозунг стал если не наиболее убедительным, то наиболее притягательным.

Целиком уйдя в эти битвы, Сталин следил за тем, чтобы в спорах по крупным вопросам экономической стратегии, вызывавших в тот период размежевание среди руководителей большевиков, его позиция никогда не оставалась без прикрытия. Такую позицию —

причем не только по хозяйственным вопросам, но и применительно к личным аспектам противоборства между фракциями — обычно называют «центристской»: так ее характеризовала и оппозиция. Некоторые примеры такого поведения мы проследим в следующей главе. Создается впечатление, что он остерегался выдвигаться на первый план там, где у него могло не оказаться надежной поддержки. Главные свои усилия он направлял не на эти дебаты, а — в точном соответствии с собственными посылками — на терпеливое строительство государственно-политической машины.

Сталинская концепция, как мы видели, основывалась на опыте гражданской войны и голодных лет. Влияние этого периода было по-прежнему сильным в партии. В резолюциях не раз говорилось, что методы военного коммунизма следует ликвидировать, особенно в деревне: уже сам факт, что указание повторялось вновь и вновь, показывает, сколь медленно они исчезали. Отпечаток их лежал даже на привычном внешнем облике руководителей, их «комиссарском» виде: в гимнастерке и галифе, сапогах, фуражке, армейских ремнях. Наиболее важные задачи по руководству поручались людям, которые выделялись не только благодаря такой одежде, но и тому, что практически приобрели навык командовать на войне и в критических условиях. Понятно, что они с жаром отстаивали значение и функции аппаратов и их иерархии. Речи на XIII съезде были весьма показательны с этой точки зрения. «Когда мы дадим возможность всем голосовать, разведем демократию, — заявил один из делегатов, — тогда наша партия начнет разлагаться, как разлагались когда-то эсеры». В другом случае Орджоникидзе высказался за «колоссально сильный аппарат, без которого наша партия не может жить»[50].

Генеральный секретарь стоял во главе этих людей, являвшихся остовом партии и государства. Оппозиционеры постепенно изымались из этого круга, и в этом была их главная слабость. К чему это приводило, можно судить по данным эволюции «партийных комитетов», то есть республиканских ЦК, обкомов, горкомов, райкомов, за период с 1924 по 1927 г. По данным одного из последних и тщательных исследований, их стало больше, что укрепило партийную организацию в целом. Затем значительно — в некоторых случаях вдвое — увеличился их численный состав. И наконец, они обновились на 50—75 %: теперь в них «выдвиженцы» составляли от 50 % на нижних ступенях до 22 % в высших инстанциях. Подлинная власть принимать решения принадлежала не столько этим органам, сколько их исполнительной части и секретарям, людям с бóльшим партийным стажем, назначенным и контролируемым центром: сам рост численности способствовал такой концентрации полномочий. Доля рабочих и крестьян, не порвавших связи с производством, в комитетах не превышала одной трети: обычно она была значительно меньше. Остальные были ответственными работниками тех или иных отраслей. В любом случае все члены комитетов представляли собой резерв кадров для самых различных назначений[51].

18 Зак. № 380

Возведенная таким образом надстройка была определена как «аппарат бюрократического типа»[52]. Определение, бесспорно, верное, учитывая, что секретари, комитеты, партия, «приводные ремни» призваны были составлять государственную машину. Для большей части аналитических работ по истории и строению советского общества это определение уже вполне обычно. Оно может, однако, затемнять суть дела, когда умалчивает об элементах новизны, отличающих сталинский аппарат от других бюрократий с их сильными консервативными тенденциями. В СССР — по крайней мере во время формирования и позже на протяжении немалого времени — его отличительными чертами были революционное происхождение, комплектование состава — причем в возрастающей мере — из народных слоев и колоссальная способность к непрерывному обновлению за счет «выдвиженцев». Из-за недооценки этих новых черт оппозиция дала неверный прогноз, предсказав, что этот аппарат образует блок не только со старой бюрократией, но также с нэпманами и кулаками, чтобы вместе с ними отстаивать привилегии, полученные от нэпа. Именно это побудило Троцкого заговорить о «термидоре». Однако события развивались иным образом: возглавивший государственную машину советский «орден меченосцев» таил в себе немало сюрпризов.

VIII. РАСПАД «СТАРОЙ ГВАРДИИ»

Политбюро после Ленина

После 1923—1924 гг. партия, расширив и обновив состав и не в меньшей степени — руководящий аппарат, вступила в период серьезных испытаний. Этими испытаниями, которые обогатили ее опыт, заставили укрепить организационную прочность и систематические методы работы, которые заставили ее, иными словами, заняться самовоспитанием вплоть до приобретения нового облика, — этими испытаниями были перипетии внутрипартийной борьбы, все более неумолимо раскалывавшей первоначальное ленинское ядро ВКП(б). Начиная с гражданской войны и критической ситуации 1921 г. это была самая крупная политическая схватка, в какой оказалась партия: ни одна другая не могла сравниться с ней по размаху и последствиям.

Ленин смотрел далеко, когда — еще прежде, чем указать на грозящую опасность раскола и его возможные причины, — предупреждал «старую гвардию» (Грамши назвал ее во время одного из наиболее драматических последующих столкновений «ленинским ядром»[1]), что достаточно конфликта в ее среде, чтобы она перестала быть хозяином положения. Конфликт вспыхнул в конце 1923 г. Несколько недель спустя его вроде бы можно было формально считать завершившимся поражением Троцкого и его сторонников. На самом деле борьба только начиналась. С этого момента политическую жизнь СССР на протяжении четырех лет потрясали все обострявшиеся сражения, лишь на краткие мгновения прерываемые передышками без мира. На поле боя сошлись противостоящие тезисы и концепции. Однако по сей день не эта сторона дела впечатляет сильнее всего при изучении извивов и поворотов дискуссии, разумеется, в той степени, в какой ее позволяют изучить опубликованные документы. Пожалуй, наиболее сильное впечатление оставляют колебания, неуверенность, шараханья, противоречия, ошибки в расчетах главнейших участников конфликта, несмотря на то что все они принадлежали к числу наиболее видных руководителей «старой гвардии». Если сделать исключение для Сталина, их действия напоминают внезапные прыжки, ложные выпады, резкие увертки китайских танцоров, исполняющих в классическом балете знаменитую мимическую сцену битвы в потемках.

После смерти Ленина распределение главных постов на вершине советского общества выглядело следующим образом. Политбюро состояло из семи человек: Зиновьева, Сталина, Троцкого, Каменева, Рыкова, Томского и Бухарина, который из кандидата стал членом этого органа. Кандидатов в члены Политбюро было трое — Калинин,

Молотов и Рудзутак, но на следующем съезде число их возросло. Оргбюро состояло из Сталина, Молотова, Рудзутака, Дзержинского, Рыкова, Томского и нескольких кандидатов. В Секретариат, помимо генерального секретаря Сталина, входили Молотов и Рудзутак. Председателем ЦКК был Куйбышев[2]. Заметим, что эти деятели пользовались авторитетом, который не совпадал точно с занимаемыми ими постами. Зиновьев был председателем Исполкома Коминтерна и со времени гражданской войны считался, пусть не официально, вождем ленинградской партийной организации. То же самое можно было сказать о Каменеве применительно к Москве; кроме того, он сохранил за собой пост председателя в Совете труда и обороны. Вместе со Сталиным они образовали тот официозный «триумвират», тот антитроцкистский союз, которому принадлежало решающее влияние в руководстве страной. Председателем Совета Народных Комиссаров стал Рыков. Томский возглавлял профсоюзы. Калинин был председателем ВЦИК. Троцкий сохранял пост председателя Реввоенсовета и Наркомвоенмора, а следовательно, руководство всеми военными делами. Бухарин как главный редактор «Правды», а с 1924 г. и нового теоретического журнала «Большевик», был главой печати и самым авторитетным из выразителей мнения партии. Наконец, Дзержинский был назначен руководителем ВСНХ (т. е. национальной экономики), сохранив за собой руководство ГПУ.

Военная реформа

Первым последствием стычки с Троцким было ускорение реформы вооруженных сил: решение было принято весной 1924 г., проведена она была в следующем году. Проведение такого мероприятия обусловливалось причинами, выходившими за рамки внутрипартийной борьбы. Конец гражданской войны, демобилизация, режим строгой экономии в начальной фазе нэпа — все это создало серьезные затруднения для Красной Армии. Численность ее сократилась до 516 тыс. человек[3]. Реформа требовалась в любом случае, ибо вооруженные силы еще не обрели своей стабильной формы в условиях мирного времени. Дальнейшее их развитие широко обсуждалось, но не было определенного решения[4]. Опасения ряда руководителей насчет Троцкого, подозрения относительно его бонапартистских намерений, а затем поддержка, полученная им в момент столкновения со стороны многих политических организаций армии, — все это ускорило дело. Изучением вопроса занялась специально назначенная комиссия. Она пришла к заключению, что Красная Армия «небоеспособна» и даже рискует «развалиться»[5]. Заместителем Троцкого был назначен Фрунзе, который занял также пост начальника Генерального штаба: практически именно он руководил проведением реформы. С некоторых постов удалили главных сторонников Троцкого: таким образом, он сам сохранил высшие должности, но позиция его была ослаблена.

Реформа была важна и сама по себе, ибо заложила основы всего последующего развития Советских Вооруженных Сил. Они были организованы по смешанному принципу: одну часть их составляла регулярная армия (560 тыс. человек), а другая, в соответствии со старым партийным тезисом о территориальной милиции, формировалась из местных жителей без отрыва последних от своих обычных занятий. Этот принцип применялся главным образом в промышленных районах. Военнообязанными считались все, но к службе в армии допускались лишь лица, прошедшие определенный социально-политический отбор. В командном составе стал возрастать удельный вес «красных офицеров», выдвинувшихся во время гражданской войны, и снижаться — командиров из старой армии: в результате начала уменьшаться роль комиссаров. Это не означает, что политический контроль над армией ослаб: наоборот, усилился в антитроцкистском направлении. Структура партийных организаций в вооруженных силах осталась прежней: с «политотделами», подчиненными Главному политическому управлению, которое рассматривалось как «военный отдел» ЦК (стоявший во главе ПУРа троцкист Антонов-Овсеенко был заменен другим представителем «старой гвардии», Бубновым). На этой основе Фрунзе с помощью других молодых офицеров начал широкую техническую модернизацию и более строгую организационную перестройку всего советского военного комплекса[6].

«Уроки Октября»

Умаление традиционного престижа и сокращение прерогатив власти в январе 1924 г. были для Троцкого жестоким ударом. К тому же приступы болезни, причины которой — то ли психологические, то ли физиологические — так и не удалось установить, снизили его активность. Но он по-прежнему пользовался широкой популярностью. Оппозиционная группа, которая в конце 1923 г. увидела в нем своего главного лидера, испытала серьезное потрясение в связи с поражением и последовавшим за ним политическим нажимом. Некоторые из ее членов кончили самоубийством; другие последуют их примеру в наиболее драматические моменты грядущих схваток. Однако эта группа не развалилась: более того, она сохранила свое первоначальное ядро. «Есть в нашей партии, — сказал на XIII съезде один из лидеров большинства, Ярославский, — придушенная, замолкшая оппозиция»[7]. Этого было слишком мало для спокойствия. Оправдания Троцкого и Преображенского на съезде, хотя они и носили осторожный характер, стали предметом массированной атаки многочисленных ораторов. Угроза раскола, несмотря на оптимистические заявления насчет разгрома оппозиции, так и не была ликвидирована. «Полная победа над оппозицией, — сказал Сталин в июле, — является единственной гарантией от раскола»[8]. Борьба поэтому не прекратилась. Осенью она вспыхнула с новой силой.

Поводом послужил очерк Троцкого, опубликованный в качестве предисловия к сборнику его статей за 1917 г. и озаглавленный автором «Уроки Октября». Даже сейчас, располагая мемуарами Троцкого и многочисленными работами, пытающимися проанализировать этот исторический эпизод, трудно сказать, какие цели преследовал автор. Еще в ходе дискуссии годом раньше, несмотря на мудрый совет Ленина, делались неоднократные попытки использовать в качестве оружия те или иные события прошлого. Троцкий по-своему использовал эти попытки, критически переосмыслив события великого года революции. Он выделил расхождения, из-за которых в разное время (особенно в апреле и сентябре — октябре) Ленин вступал в противоречие с большинством своих соратников. Из анализа Троцкого следовало, что и сам большевизм в лице наиболее авторитетных своих лидеров перед неслыханно трудными испытаниями и совершенно новыми, но многообещающими элементами революционного развития оказывался — а следовательно, может оказаться снова — из-за верности букве, а не духу прошлых установок на волосок от опасности упустить шанс, предоставленный историей. Для этого достаточно было того, что отсутствовал Ленин. Критиковались в основном Каменев и Зиновьев за их колебания в Октябре; из текста Троцкого становилось ясно, что общее подозрение в «оппортунизме» падает не только на них, но распространяется также и на современность. Это было особенно очевидно, когда Троцкий, отвечая на обвинение в «недооценке» крестьянства, решительно заявлял, что именно его противники в 1917 г. ничего не поняли ни в крестьянстве, ни в возможностях пролетариата[9].

Выпад Троцкого привел к тому, что против него еще раз образовался единый фронт всех других руководителей. Ответ носил характер организованного потока пространных статей и негодующих резолюций, опровергающих его тезисы. На него обрушился град обвинений; не обходилось ни одно из его бывших «заблуждений». Эта кампания называлась «литературной дискуссией» в том смысле, что велась главным образом на страницах печати; но дебаты походили на игру в одни ворота, ибо после первого своего выпада Троцкий не сделал ни одного публичного заявления. Он даже не настаивал на публикации ни одной своей реплики. Против него выступила, правда более сдержанно, чем другие, даже Крупская, вдова Ленина, которая прежде не пропускала случая выразить свое уважение Троцкому[10]. Это был кульминационный момент «ленинского призыва», когда массы вновь вступивших впервые и в элементарной форме соприкоснулись с историей партии. Это помогает понять неистовый характер реакции. Именно тогда впервые стали широко применяться подтасовка фактов и их использование в утилитарно-тактических целях. Троцкому ставили в упрек его меньшевистское прошлое. Рыков писал: «Исторические корни разногласий подавляющего большинства партии с тов. Троцким заключаются в том, что тов. Троцкий вырос, воспитался и определил свое политическое мировоззрение как актив-

ный деятель враждебной нам меньшевистской, оппортунистической партии»[11]. От этого до утверждения, будто он и по сей день остается меньшевиком, был лишь один шаг.

В основе всей этой кампании была дилемма: большевизм или троцкизм, ленинизм или троцкизм. Но существовал ли в то время «троцкизм» как определенное теоретическое направление или как законченная концепция революционного развития? Позволительно усомниться. Критиковалась в основном его старая теория «перманентной революции», и, именно выступая против этой теории, Сталин впервые высказал свою идею о «социализме в одной стране». Но Троцкий был не совсем неправ, считая эту свою старую формулу давним, но не бесполезным вкладом в разработку сложной теории большевизма; она обладала определенной исторической ценностью, правда, имела весьма малое непосредственное отношение к сегодняшнему дню. Если троцкизм и существовал на самом деле, то не в тот период, о котором идет речь. Коль скоро мы затронули этот вопрос, то следует сказать, что он сложился позже, то есть тогда, когда в ходе самой борьбы сформировался в качестве альтернативы сталинским установкам. После полемики 1924 г. сам ленинизм предстал в виде окостеневшей доктрины, обедненной по сравнению с постоянно развивающейся, не стоящей на месте сложной мыслью Ленина.

Вместе с тем было опасение, что идеи Троцкого о приоритете индустрии могут привести к слишком сильному нажиму на крестьянство и, следовательно, могут подорвать политические отношения с деревней. Это опасение не было выдумано и не раздувалось в интересах тактики, хотя и оказалось, пожалуй, не столь оправданным, как тогда представлялось. Известно, что 1924 г. был тяжелым для села. В январе 1925 г. Сталин высказал предположение о повторении кризиса, подобного кризису 1921 г., со своими кронштадтами и тамбовами[12]. Здесь, как предостерегал Ленин, заключалась самая серьезная опасность раскола партии. Здесь коренился также второй из главных мотивов полемики с Троцким. И если годом раньше полемика завершилась призывом установить железную дисциплину, то на этот раз она привела к окончательному смещению Троцкого в январе 1925 г. с поста главы Красной Армии и всех других военных должностей (вместо него был назначен Фрунзе), а также угрозе исключения из Центрального Комитета. Что касается общего политического курса, то 1925 г. стал годом наиболее благоприятных для крестьянства мер. Кульминационным пунктом этой политики была XIV партконференция, состоявшаяся в апреле.

Новая оппозиция

Как бы то ни было, зло восторжествовало. «Старая гвардия», как таковая, уже не была хозяйкой положения. Год, последовавший за вторым поражением Троцкого, стал свидетелем дальнейшего кризиса

всего ленинского ядра руководителей. Атака Троцкого возбудила в нем единодушие в последний раз. Новые разногласия стали вырываться наружу и пошли путями, о которых мы по сей день знаем далеко не все. Хорошо известны только результаты.

Главными выразителями назревших расхождений были на этот раз Зиновьев и Каменев, те самые, против кого только что были направлены стрелы Троцкого. Исторические события привели к установлению своеобразного родства между именами этих двух деятелей (их настоящие фамилии — Радомысльский и Розенфельд). Одногодки — оба родились в 1883 г. и, следовательно, были моложе Сталина и Троцкого, — они обладали совершенно разными темпераментами. Одному из большевистских вождей, Зиновьеву, суждено было предстать перед потомками в наиболее жалком виде: редко встречаются деятели, мнение современников о которых и их оценка историками были бы столь единодушно отрицательными, чтобы не сказать беспощадно жестокими. Зиновьева мучило стремление во что бы то ни стало быть политическим вождем — он так и не стал им. А между тем перед старой большевистской партией у него было немало заслуг: долгие годы существуя в тени Ленина, он поставил на службу ему и талант оратора, и пыл организатора. Но по своей натуре скорее авторитарный, нежели авторитетный, он был неспособен осуществлять сколько-нибудь эффективное руководство. Он захотел сразу же занять место умершего вождя, стать первым среди сотоварищей. Однако оказался не на высоте. В Коминтерне он разводил склоки и поощрял фракционные махинации. Его деятельность в партии обернулась вереницей провалов. Без его поддержки Сталину в некоторые моменты 1923 и 1924 гг. пришлось бы очень туго. Он поддержал, более того — заострил до крайности сталинские методы и концепции и воспользовался ими для борьбы с Троцким, которого он искренне подозревал в честолюбивых замыслах цезаристского толка. Когда же Зиновьев попытался противостоять своему неудобному союзнику, было уже слишком поздно. Как и Каменев, он так никогда и не избавился от бремени того рокового колебания, которое проявил накануне восстания 1917 г. Каменев, который был с ним дружен, имел по сравнению с ним одно преимущество. Он был первоклассным дипломатом и мог блестяще вести переговоры. При необходимости он умел четко определить цели и осуществить искусный маневр для их осуществления: но именно поэтому — и здесь проявлялась его извечная ограниченность — он отличался чрезмерной склонностью к компромиссам.

Борьба, широко развернувшаяся в 1925 г., достигла своей высшей точки в период с 18 по 31 декабря, на XIV съезде коммунистической партии, которая с этого времени стала называться Всесоюзной, а не Российской. Эту борьбу зачастую рассматривали исключительно сквозь призму личной борьбы за власть. Отчасти так оно и было, как неизбежно бывает во всякой политической борьбе. Но схватку нельзя свести просто к интриге. Это был также первый случай, когда разно-

родная группа большевистских деятелей, так называемая «новая оппозиция» под двойным руководством Зиновьева — Каменева, объединилась, чтобы сообща противостоять распространению сталинских методов и концепций. Но сделали они это крайне сумбурно, несогласованно и неэффективно.

Борьба началась тогда вокруг лозунга о «социализме в одной стране». Зиновьев напомнил, что под социализмом в любом случае неизменно подразумевается «упразднение классов», а следовательно, и «ликвидация диктатуры пролетариата», то есть отмирание государства — все те идеи, которые у Сталина как бы сходили на нет[13]. Критика сталинских позиций не ограничивалась, впрочем, рамками теоретического диспута; однако ее формы и цели были выбраны очень неудачно. Получилось так, что «новая оппозиция» выделяла главным образом то, насколько положение в СССР далеко от социализма, насколько несоциалистическими являются советские предприятия, насколько большим отступлением от целей революции явился нэп. Косвенно, таким образом, оппозиционеры критиковали решения XIV партконференции, защищавшие интересы крестьянства (точнее, в пользу крестьянства были последствия этих решений, но это не меняет дела), одним из главных авторов которых был сам Зиновьев. Огонь своей критики оппозиция сосредоточила на некоторых расширенных толкованиях этих решений, появившихся в печати, а следовательно, в первую очередь на Бухарине и его лозунге «Обогащайтесь!», а не на Сталине.

Это произошло также и потому, что вся борьба в какой-то момент отождествилась с конфликтом между ленинградской партийной организацией, еще контролируемой Зиновьевым, и партийной организацией Москвы, руководство которой возглавил вместо отстраненного Каменева новый секретарь Угланов; он тоже был ленинградцем, но издавна конфликтовал с Зиновьевым[14]. Борьба, иначе говоря, вылилась в новую вспышку соперничества, испокон веку разделявшего эти два города: старую и новую столицу, пролетарский центр, колыбель революции, и «большую деревню» в центре, в глубине крестьянской России. XIV съезду, таким образом, предшествовал своего рода поединок на расстоянии, конфликт и полемика между партийными конференциями Москвы и Ленинграда.

На съезде Зиновьев выступил с содокладом, направленным против доклада Сталина. На стороне «новой оппозиции», поддержанной всей ленинградской организацией, были такие крупные руководители, как Каменев, Сокольников и Крупская. Это были очень разные люди. Объединило их общее стремление поставить перед партией «вопрос о Сталине». Зиновьев сделал это, напомнив, что наряду с объективными трудностями момента имеются и затруднения субъективного характера. Партия столкнулась с ними при создании «коллективного руководства нашей партии после смерти Владимира Ильича». Прозрачно намекая на Ленина, Крупская напомнила о печальной участи революционеров, из которых делают после смерти «без-

вредные иконы», и призвала новых вождей не навешивать на свои взгляды ярлык «ленинизм», а создавать условия для «товарищеского обсуждения вопросов», неизбежно возникающих во все большем числе. Каменев поставил точки над «*i*», выступив против идеи вождя и потребовав, чтобы Секретариат вновь вернулся к функциям простого «технического органа» Политбюро и не был аппаратом, в котором сосредоточены «политика и организация». В конце он заявил, что «Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба». Сокольников повторил это же требование, напомнив, что при Ленине не было генерального секретаря и что теперь, при такой большой власти, которую получил Сталин, «любое расхождение в Политбюро... может получить немедленно то или иное выражение по линии организационных мероприятий», осуществленных по распоряжению Секретариата и его руководителя[15]. В целом перед нами как будто чрезвычайно точный и глубокий анализ. На деле, однако, он потонул в огромной массе противоречий (отметим, что весьма сдержанные суждения Сокольникова по экономическим вопросам расходились с мнением Зиновьева и Каменева, которые вновь подчеркивали опасения насчет кулацкой угрозы) и второстепенных полемических вопросов. Выпады опять были направлены не столько против Сталина, сколько против Бухарина и его «школы», его «правой линии»: даже само требование замены Сталина аргументировалось тем, что он «целиком попал в плен» к Бухарину[16].

В результате наступление, задуманное против Сталина, обернулось его крупным успехом. Сталин уже обладал властью, обусловленной его положением, властью, которую его противники теперь так хорошо видели и которую Ленин предвидел тремя годами раньше: наиболее очевидным подтверждением была система организации съезда и та полная изоляция, в которой оказались ленинградские зиновьевцы. Добавим, Сталин на этот раз как никогда умело занял «центристскую» позицию, доказав тем самым, что он даже интуитивно улавливает «цезаристские» черты партии. Он защищал Бухарина и в то же время ловко отмежевывался от его наиболее неосмотрительных заявлений. Кроме того, он объявил, что разногласия с Зиновьевым и Каменевым начались тогда, когда они хотели исключить Троцкого из партии и даже арестовать его и когда он, Сталин, воспротивился этому, памятуя, насколько опасен «метод отсечения»[17]. (Троцкий сидел на съезде молча, с презрительной миной, не присоединяясь ни к одной из двух сторон.) Сокольников в своем выступлении охарактеризовал экономическое положение страны в тот период как ворох противоречий, когда «каждая область, каждая отрасль работы пытается толкать хозяйственный руль максимально в свою сторону»[18]. Такая оценка была, возможно, несколько преувеличенной, но по сути своей правильной. И естественно, что в обстановке противостоящих социальных интересов, в первую очередь интересов рабочих и крестьян, неизбежно находивших отражение в партии, позиция Сталина представлялась более способной к вос-

приятию разнородных запросов, более близкой к необходимой роли посредника. Поэтому ему трудно было обратить против своих противников их собственное требование о его смещении с поста генерального секретаря, заявив, что они покушаются не на него, а на многих других руководителей и задались целью сменить все партийное руководство исключительно ради собственной выгоды.

Изменения в составе высших руководящих органов произошли сразу после съезда. Пока еще небольшие и осторожные, они были, во всяком случае, совсем не такими, каких добивалась оппозиция. Каменев потерял свои посты и стал лишь кандидатом в члены Политбюро и наркомом торговли. Полноправными членами Политбюро стали Калинин, Молотов и Ворошилов. Но самые важные действия развернулись в Ленинграде: нужно было привлечь партийную организацию на сторону большинства, освободив ее из-под контроля Зиновьева.

7 января 1926 г. решением из центра был назначен новый секретариат ленинградского обкома во главе с Кировым[19]. Его члены выехали в Ленинград в сопровождении многочисленной группы других крупных партийных деятелей, в их числе был Молотов, а позже — Бухарин; они хотели обратиться к партийной массе с открытым призывом выступить против местных вождей и «новой оппозиции». Развернулась напряженнейшая кампания с ежедневными митингами и собраниями. Сопротивлялись в основном партийные и еще больше комсомольские кадры; однако уже 17 января Сталин смог сообщить своим коллегам, что «вышло лучше, чем можно было предположить»[20].

В феврале XXIII чрезвычайная конференция областной ленинградской партийной организации одобрила решения съезда и состав нового руководства, из которого были выведены зиновьевцы. Для Сталина и большинства это был крупный успех. Чего нельзя сказать о внутрипартийной демократии, хотя именно так представлял дело, или по крайней мере желал, чтобы так было, Бухарин, тот самый Бухарин, который уже на XIV съезде выражал озабоченность по поводу того, что каждый конфликт в руководстве оплачивается ценой все новых ограничений внутрипартийной дискуссии[21]. Разумеется, и до съезда не все ленинградские коммунисты были за Зиновьева: их поддержку ему обеспечивал главным образом контроль над местным партийным руководством. Но сам факт перехода за три месяца самой прославленной партийной организации на противоположные позиции при почти единодушной поддержке обоих вопросов и после столкновения с другой крупнейшей организацией, московской, которая также проявила единодушие, — этот факт был весьма показателен для нового режима, который устанавливался в рядах советских коммунистов.

Наличие в политическом «климате» весьма отрицательных элементов подтверждалось и самой возможностью возникновения зловещих слухов, например о смерти Фрунзе. По этим слухам, кончина

Фрунзе (замененного Ворошиловым) после хирургической операции вызывала подозрение уже потому, что решение о хирургическом вмешательстве было принято, как стало обычным для большевистских вождей, на Политбюро[22]. Подобная атмосфера неизбежно способствовала росту напряженности.

Блок Троцкого — Зиновьева — Каменева

XIV съезд не устранил политические конфликты: они были лишь приглушены властью большинства. Теперь существовало две оппозиции. Одна из них даже обсуждала — но отказалась от нее — возможность «государственного переворота»[23]. Сама логика борьбы, которая не могла больше вылиться в обычное столкновение идей, толкала теперь обе группы на объединение. Союз начал завязываться весной 1926 г. на апрельском Пленуме ЦК и формально был заключен в ходе частных встреч Троцкого, Зиновьева и Каменева. Официально он заявил о себе на июльском Пленуме ЦК, представив общую «платформу» с 13 подписями. Объединенная оппозиция вышла на открытый бой, требуя общепартийной дискуссии накануне XV партконференции. Она лихорадочно готовилась к борьбе в ячейках, в первичных организациях, по всей стране. Так началась самая решительная фаза конфликта.

Как подсчитано, оппозиция могла получить поддержку нескольких тысяч сторонников: по мнению большинства — 4 тыс., по оценкам троцкистов (вероятно, завышенным) — 8 тыс.[24] Однако эти цифры не дают представления о серьезности раскола. Лучше обратиться к спискам членов и кандидатов в члены ЦК большевистской партии с 1917 по 1920 г.: если мы возьмем только эту группу, окажется, что она поделилась между оппозицией и большинством на две почти равные части. Конечно, несколько тысяч человек представляли собой ничтожное меньшинство в партии, насчитывавшей уже свыше миллиона членов; они переставали, однако, быть таким меньшинством, если при сравнении исходить из численности старого партийного ядра, к которому, как правило, они принадлежали. Раскол «старой гвардии» был, следовательно, глубочайшим.

Объединенной оппозиции была присуща одна существенная слабость, но заключалась она не в ее малочисленности. Дело в том, что образовалась она в результате слияния двух групп, которые незадолго перед тем воевали друг с другом, вожди которых публично обменивались тяжелыми обвинениями и у которых по многим пунктам сохранились разногласия, хотя и отложенные на некоторое время. С этой точки зрения оппозиция выглядела как «беспринципный» тактический союз. Противники оппозиции из рядов большинства не упускали случая всемерно подчеркивать это, скажем, просто зачитывая то, что всего несколько месяцев назад одни оппозиционеры го-

ворили о других. Кроме того, неизжитые разногласия выплывали всякий раз, когда принимались самые трудные решения, ослабляя дееспособность оппозиции.

Самой сильной личностью объединенной оппозиции, ее наиболее авторитетным вождем оставался Троцкий, но тактическое руководство он делил с Зиновьевым и Каменевым. Программа, с которой оппозиция вступила в бой, носила преимущественно отпечаток его взглядов. В самом деле, на этот раз оппозиция открыто выступила как левая тенденция и по внутриполитическим вопросам, и по проблемам международных отношений. Она объединила побудительные мотивы всех предыдущих оппозиций начиная с 1923 г. и в определенные моменты пользовалась поддержкой, по крайней мере частичной, таких прежних оппозиционных течений, как «децисты» и «рабочая оппозиция». По конкретным вопросам советской политики она требовала увеличения зарплаты рабочим, усиления налогообложения «новой буржуазии», то есть нэпманов и кулаков, уменьшения косвенных налогов, оказания поддержки в деревне не просто кооперативам вообще, а производственным коллективам — и все это во имя ускорения темпов промышленного развития. Заключительным требованием была разработка пятилетнего плана, основой которого было бы обеспечение приоритета индустрии[25]. Но главное в платформе составляли не эти конкретные пункты: каждый из них имел свои плюсы и минусы и каждый можно было спокойно обсуждать; кстати, несколько ниже у нас будет возможность убедиться, что на практике партия пошла значительно дальше требований оппозиционеров. Особенность платформы заключалась в той общей философской направленности, на которой основывались эти требования. Острие атаки было нацелено на лозунг о «социализме в одной стране»; он расценивался как символ дальнейшего отхода от идеалов Октября, «перерождения». Речь шла в первую очередь о бюрократическом перерождении, но не просто о нем, а о перерождении «термидорианском» в его прямом историческом значении, то есть о приходе к власти некоего нового слоя, который образуют бюрократы с нэпманами и кулаками. Иными словами, главное обвинение, используя более позднее знаменитое выражение Троцкого, состояло в «измене революции».

Конфликт с самого начала был крайне острым. Во время июльского Пленума ЦК 1926 г. Дзержинский умер от разрыва сердца тотчас после полемического выступления против оппозиции. Его заменили Менжинский в ГПУ и Куйбышев в ВСНХ.

Но, желая действовать эффективно, оппозиция не могла скрыть, что по своему характеру является организованной фракцией. Ее центром стал аппарат Исполкома Коминтерна, председателем которого оставался Зиновьев. Но тем легче было выявить этот центр. Тогда был дан ход знаменитой резолюции X съезда о деятельности фракций. В июле 1926 г. Зиновьев был выведен из Политбюро, а один из его ближайших политических сподвижников, Лашевич, виновный в том, что выступил на фракционном собрании, которое состоялось

к тому же тайно в подмосковном лесу, был снят со всех политических должностей и исключен из состава ЦК. Потерял он и свой пост заместителя председателя Реввоенсовета, высшего военного органа страны[26].

После того как тезисы оппозиционеров были отвергнуты Центральным Комитетом вместе с их требованием об общепартийной дискуссии, вожди оппозиции попытались летом и в начале осени обратиться непосредственно к массе рядовых членов партии. Положение их было крайне трудным. Для того чтобы наступать, им приходилось нарушать дисциплину. Тем самым они ставили себя вне рамок партийной «законности». Поэтому они распространяли свои тезисы и организовывали собрания полулегально. И тогда против них была направлена партийная и государственная машина. Антифракционный режим, утвержденный X съездом и толковавшийся все более жестко и абсолютно, способствовал формированию сталинской «монолитной» партии, но, разумеется, не соревнованию политических идей и позиций. С тех пор эта крайняя и чрезвычайная мера, какой она была в 1921 г., стала причисляться — и не только Сталиным — к числу «традиций» большевизма[27]. Против нее даже противники Сталина не решились выступить открыто. Поэтому в ответ на попытки оппозиции распространить свои тезисы среди рядовых членов партии были применены все средства: от прямой мобилизации партии и всего ее аппарата до открытого бойкота и угроз.

И все же провал попытки оппозиции обратиться к партийным низам (провал, и притом сокрушительный, обозначился в сентябре) объяснялся не только применением подобных средств, которые, конечно, сыграли свою роль. Самый известный историограф оппозиции возлагает вину на «апатию масс». Апатию или глухоту? Сам исследователь затрудняется дать точный ответ[28]. Как бы то ни было, массы не откликнулись на предложения оппозиционеров. Они с воодушевлением отнеслись к лозунгу о «социализме в одной стране». Никакая революция не стоит на месте, и обращение к истокам, к первоначальным идеалам, даже страстное, но вместе с тем не выдерживающее многих аргументированных возражений, не может быть достаточно убедительным после десяти лет исключительно богатого, но противоречивого опыта. Еще менее убедительным подобное обращение выглядело потому, что исходило от людей, которые сами неоднократно меняли политический курс партии, что обусловливалось ходом событий после Октября. К истокам, как известно, обращались с весны 1918 г., но ни разу обращение, как таковое, не могло противостоять тому новому, что возникало в мире, сотрясаемом революцией — революцией, которая, разумеется, не могла предопределить путь дальнейшего развития и проблемы, которые встретятся на этом пути. В таких условиях битва между большинством и оппозицией сводилась к взаимному обвинению сторон в «социал-демократизме».

Из сказанного, впрочем, не следует, что доводы оппозиции, имевшие именно «левую» окраску, не оставили следа, мало того — следа

довольно глубокого. Они способствовали созданию атмосферы «левизны» в партии и обществе. На кулака стали смотреть как на растущую угрозу тоже в известной мере благодаря им. Подобное можно сказать и относительно ускоренных темпов индустриализации. Следует иметь в виду, что до самого последнего мгновения оппозиция считала своим главным противником не столько Сталина, хотя непосредственно борьба велась именно с ним, сколько Бухарина и так называемых «правых» в партии[29]. Таков итог анализа обстановки в СССР в «термидорианском» ключе — анализа, который при всей проницательности Троцкого повлечет за собой немало ошибочных суждений. Что касается внутрипартийной борьбы, линия оппозиции, конечно, не сулила ничего хорошего ее лидерам. Роковое влияние она оказала и на грядущие судьбы СССР.

Осеннее поражение 1926 г привело к тому, что в оппозиции вновь обнажились расхождения между троцкистами и зиновьевцами. Под угрозой исключения из партии и те и другие пошли в октябре на перемирие, которое было, по существу, первой капитуляцией. В заявлении, подписанном шестью руководителями оппозиции — членами ЦК Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Пятаковым, Сокольниковым и Евдокимовым, говорилось, что они сохраняют свои взгляды, но осуждают методы, которыми отстаивали их, распускают свою фракционную группировку, призывают своих сторонников разоружиться и отмежевываются от своих единомышленников за границей[30]. Но и это не спасло их. Троцкий и Каменев были выведены из Политбюро, Зиновьев был удален из Коминтерна.

Сталин всегда считал, что противника следует сначала политически уничтожить, а потом исключить. В этом смысле он стремился к тому, чтобы, как выразился тогда в письме по поводу исхода схватки с оппозицией Антонио Грамши, добиться «сверхпобеды» в борьбе[31]. Под его руководством XV партконференция, несмотря на перемирие, превратилась в настоящий суд над лидерами оппозиции; пространным докладом Сталина они были поставлены в положение обвиняемых, а затем подверглись ожесточенным нападкам со стороны всех других руководителей. Слово получили также Каменев, Зиновьев и Троцкий, речь которого была особенно эффектной; но выступления не избавили их от приговора, заклеймившего их как представителей «социал-демократического уклона»[32]. Удар был тяжелым, но лишь паузой в борьбе. Конфликт продолжался еще год.

Поражение в Китае

Чтобы понять его последнюю фазу, нужно вернуться к одному из малоосвещенных аспектов борьбы: международному. Конфликт в РКП(б) с самого начала получил отклик в Коминтерне. Уже в декабре 1923 г., когда наметилось столкновение с Троцким, польские коммунисты выразили озабоченность по поводу судьбы деятеля, имя которого было так тесно связано с революцией. Главные

участники московских баталий были одновременно вождями Интернационала. Им принадлежал решающий голос в подборе и формировании руководящих органов национальных партий. Естественно, они стремились вербовать в их рядах своих сторонников или союзников. Вот почему анализ причин поражения революции 1923 г. в Германии сразу оказался связанным с вопросами внутренней дискуссии в РКП(б). По сути, несостоявшаяся революция показала, что из Москвы очень трудно оценить обстановку в других странах (революционная ситуация в Германии, как признается сегодня, была явно переоценена[33]). Однако из германского урока был сделан не этот вывод; старались найти конкретных виновников провала. Сам Троцкий, ревностно поддерживавший идею восстания, отметил в «Новом курсе» и в «Уроках Октября», что неудача объясняется субъективными причинами. Именно из-за них, утверждал он, «была упущена совершенно исключительная и исторически важная революционная ситуация»[34].

Хотя на первых порах Коминтерн не обязан был непосредственно участвовать в дискуссии, он не мог оставаться в стороне от борьбы с Троцким. Не мог он быть зрителем и позже, когда на поле боя вышли другие оппозиции. Отчасти процесс этот был неизбежен, отчасти же вызван искусственно. Дело усугубило председательство Зиновьева, благодаря которому о нем остались наихудшие воспоминания. Оно оказало глубокое и длительное влияние на отношения между РКП(б) и компартиями других стран.

Неудачи коммунистов в Европе в 1923 г. уже сами по себе подчеркнули значение СССР в международном коммунистическом движении, переживавшем период спада. Когда в июне 1924 г. в Москве открылся V конгресс Коминтерна, оказалось, что на долю СССР приходится половина всех официально зарегистрированных членов международной организации; коммунистов из других стран было меньше, чем на предыдущем конгрессе[35]. Борьба с Троцким не упоминалась официально, но создавала своеобразный фон и питала разговоры в кулуарах. V конгресс принял линию «единого фронта», которая была воспринята скорее как тактический маневр и агитационный лозунг, а не долгосрочный политический курс. Зиновьев говорил о социал-демократии как о левом «крыле фашизма»; что же касается «рабоче-крестьянского правительства», которое на предыдущем конгрессе рассматривалось как возможный результат борьбы «единого фронта», то в зиновьевском докладе оно было представлено как простой синоним диктатуры пролетариата. Боязнь критики слева, которая могла раздаться со стороны Троцкого или его зарубежных сторонников, содействовала сползанию на экстремистские позиции. Еще более тяжким было другое последствие: отныне все правые или левые течения в других партиях стали расцениваться уже не по объективному содержанию их позиций, но главным образом в зависимости от того, чью сторону они могут поддержать в борьбе большевистских вождей.

V конгресс, помимо того, положил начало так называемой «большевизации» других партий. Достаточно вспомнить, в какой период это происходило — противопоставления «большевизма» и «троцкизма», — чтобы понять, что сам этот лозунг с неизбежностью приобретал значение принципиального осуждения Троцкого. Кроме того, утверждение русской партии в качестве образца означало тенденцию к жесткому копированию политико-организационных схем РКП(б), причем именно таких, которые окончательно складывались в ходе антитроцкистской кампании.

Сказанное отнюдь не анализ всей эволюции Коминтерна за этот период. Со временем она по-разному сказалась на облике каждой партии. Весьма различны были и результаты, достигнутые каждой из них. Нужно было бы, следовательно, проанализировать ход событий в каждой отдельной партии, но это не наша задача[36]. По мере того как исчезали надежды на революционную обстановку за пределами СССР, в критическом положении оказывалась сама идея единой международной партии, которая и родилась-то в расчете на такую обстановку. Идея о «социализме в одной стране» имела еще одно последствие, которое было интуитивно предугадано Троцким[37]. Поскольку внешняя угроза для окончательного построения социалистического общества усматривалась теперь не в том, что революция в других странах потерпела поражение, а в опасности вооруженного нападения, ясно, что защита мира, то есть защита СССР от интервенции, не могла отныне не считаться первоочередной задачей всех других партий. Действия Советского государства становились в этом смысле законом и для них. Складывалась, таким образом, ситуация, при которой внутренняя борьба в рядах большевиков вызывала тяжелые последствия среди коммунистов других стран, обостряя конфликты и расколы в их партиях.

Однако не эти проблемы обсуждались в Москве во время дискуссии с оппозицией. Обсуждалась — да и вряд ли могло быть иначе — вереница неудач, постигших международную политику большинства в руководстве РКП(б) и Коминтерна. Первой из них был провал Англо-советского профсоюзного комитета — органа связи, созданного в соответствии с принципами «единого фронта», когда относительное преобладание в руководстве британских тред-юнионов получило сравнительно левое крыло. Комитет не смог содействовать установлению международного профсоюзного единства и в 1926 г., после провала всеобщей забастовки в Англии, переживал кризис. Вот почему Троцкий выступил с критикой склонности заключать верхушечные соглашения с «оппортунистическими» лидерами зарубежного рабочего движения. Этот спор, однако, отошел на второй план перед дебатами о китайской революции, вспыхнувшими год спустя и занявшими центральное место в последней фазе битвы с оппозицией.

Сотрудничество, налаженное в 1923 г. с Сунь Ятсеном и его гоминьданом, вначале ознаменовалось значительными успехами. Боро-

дин и другие советские советники пользовались большим влиянием в Кантоне, а китайская компартия существенно усилилась благодаря сотрудничеству с националистическим движением. После смерти Сунь Ятсена (март 1925 г.) и укрепления гоминьдана его руководство, все более переходившее в руки Чан Кайши, заняло правые позиции и стремилось ослабить позиции коммунистов и подавить выступления рабочих и крестьян. Чан Кайши тем не менее сумел сохранить за собой поддержку СССР и начал военное наступление на север, намереваясь объединить под своей властью всю страну. Но на полпути он обратил оружие против коммунистов, изгнал их из гоминьдана и жестоко подавил в середине апреля 1927 г. забастовки рабочих Шанхая. По настоянию Коминтерна коммунисты продолжали сотрудничать с левым крылом гоминьдана, которое перенесло свое правительство в Ухань. В июле, однако, они были исключены и из этого органа вместе с советниками из СССР. Наступил момент, когда политика Москвы в Китае завершилась рядом тяжелых неудач, сравнимых лишь с провалом 1923 г. в Германии. Не удивительно, что уже с марта, когда поражение обрисовалось достаточно отчетливо, Троцкий усмотрел в нем важный козырь, позволявший возобновить борьбу.

Китайский вопрос, дополнивший другие мотивы конфликта, разбирался в многочисленных статьях представителей большинства и оппозиции, причем и те и другие отличались крайней резкостью тона, что стало отныне характерной чертой всей политической битвы в Москве. С нашей сегодняшней точки зрения, почти полвека спустя, не составляет труда установить, что тезисы обеих сторон грешили схематизмом и были равным образом далеки от сложной китайской действительности. Однако минувший опыт научил нас и тому, что формирование политического движения зачастую неизбежно проходит через фазу подобных столкновений, поневоле отличающихся приблизительностью и ограниченным видением исторической перспективы. Доводы Троцкого, конечно, были сильнее, когда он высказывался за уменьшение зависимости коммунистов от гоминьдана, как правого, так и левого, а следовательно, за усиление их самостоятельности; однако и он впадал в абстракцию, когда в качестве панацеи предлагал создавать и распространять Советы. Представители большинства ссылались в оправдание своих действий на наскоро составленный и подчиненный лишь тактическим целям анализ, который был весьма далек от понимания специфики китайской обстановки. Их вполне можно понять, если вспомнить, что они очень боялись, как бы коммунисты не оказались изолированными от основного течения национально-освободительного движения. Китайские революционеры пережили тогда драму, которая имела далеко идущие последствия. Эту революцию питало само существование СССР и его антиимпериалистическая помощь. Революция не могла победить, пока ею руководили из Москвы. В тисках этой дилеммы китайским коммунистам пришлось позже искать свой трудный, но истинный путь.

Оппозиция под запретом

Столкновением на VIII расширенном пленуме ИККИ в мае 1927 г. началась последняя и самая яростная вспышка борьбы между большинством и оппозицией по вопросу о положении в Китае. Там дела шли все хуже и хуже; протесты Троцкого не давали, однако, никакого эффекта. Одновременно оппозиция представила Политбюро новую платформу, под которой на этот раз было 83 подписи. Большинство расценило эту инициативу как срыв перемирия, заключенного в октябре 1926 г. Стороны столкнулись теперь не как составные части одной партии, а как враждебные силы, противостоящие друг другу по всем вопросам внешней и внутренней политики. В перспективе был полный разрыв и образование второй партии, с возможностью — которую все сознавали — превращения ее в центр притяжения всех сил, враждебных советской власти. Подобное предположение отпугивало даже саму оппозицию, в рядах которой иногда обсуждалась эта идея. Оппозиция требовала вернуться к партийной демократии, к ленинским методам руководства партией, добивалась выполнения «завещания» покойного вождя. Было, однако, слишком поздно выдвигать такие требования, да и совсем недостаточно в сложившейся обстановке. Отклонили даже требование оппозиционеров провести публичную дискуссию перед XV съездом. Несмотря на это, они попытались распространить свои документы нелегально. В ответ арестовывали, исключали из партии, увольняли с работы, переводили многих деятелей в отдаленные районы или на работу за границей.

Поражения на внешних фронтах и напряженность надвигающейся индустриализации придавали столкновению характер схватки не на жизнь, а на смерть. Резкие формулировки, реплики, то и дело прерывавшие ораторов, брань, которой обменивались спорящие на собраниях, — все это было характерно только для непримиримых врагов. Принужденная безмолвствовать, оппозиция попыталась прибегнуть к публичным манифестациям. Самые крупные состоялись в Москве и Ленинграде по случаю 10-й годовщины революции. Еще летом в ЦКК обсуждался вопрос, следует ли исключать оппозиционеров из партии; члены ЦКК колебались: над ними витали призраки вождей Французской революции, которые поочередно убивали друг друга. Однако после демонстраций 7 ноября и сопровождавших их стычек колебания кончились, по крайней мере, в отношении Троцкого и Зиновьева, которые были сняты не только с руководящих постов, но и исключены из партии. А Троцкий, Раковский и югослав Вуйович были выведены и из состава Исполкома Коминтерна.

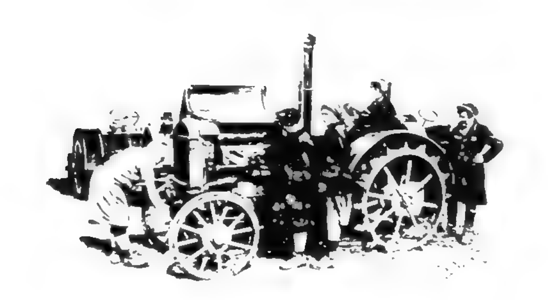
XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) постановил исключить из партии всех оппозиционеров, перечислив поименно главных их представителей. Немногие, кому предоставили слово на съезде — Каменев, Раковский, Евдокимов, — по существу, не смогли выступить: их речи покрывал гул выкриков, реплик, оскорблений. Оппозиция вновь распалась. Некоторые деятели — Крупская, Сокольников, Осинский — еще

раньше отступились от нее. Возобновились споры между зиновьевцами и троцкистами. Оказав напоследок слабое сопротивление, Зиновьев, Каменев и бо́льшая часть их последователей капитулировали, на этот раз полностью, то есть заявив, что они подчиняются решениям съезда, которые, среди прочего, требовали от них осуждения собственных идей. Взамен им обещали вновь принять их в партию: в индивидуальном порядке и только при условии, что они не будут заниматься фракционной деятельностью в течение полугодового испытательного срока. Упорство проявили некоторые троцкисты: их высылали в отдаленные районы. Больше всех упорствовал Троцкий: 17 января 1928 г. его тоже под конвоем отправили в Алма-Ату, в далекую тогда Среднюю Азию. Оппозиция была побеждена и рассеяна. Однако отказавшийся капитулировать Троцкий объективно оставался ее несгибаемым символом.

Против оппозиционеров был использован весь государственный аппарат, включая ГПУ. Но в общем и целом партия вела борьбу, выступая уже в новом, преображенном виде, который она обрела после ленинского призыва. Борьба с оппозицией, которую вела партия под руководством своего аппарата, наложила на нее глубокий отпечаток; партия стала существенно иной, чем пять лет назад. Теперь она значительно приблизилась к тому образцу, который создал Сталин в своем учении, но о ней еще нельзя было сказать, что это вполне сталинистская партия. Из 121 члена ЦК (считая и кандидатов), избранных съездом, лишь 32 входили в ЦК четыре года назад, но почти все (93 %) принадлежали еще к старому, дореволюционному ядру большевиков[38]. Как бы то ни было, возглавлявший битву Сталин отныне был вождем — мы применяем это слово в том самом смысле, против которого тщетно выступал Каменев на XIV съезде. Если в 1924 г. в своей первой рецензии на его наиболее известную работу «Об основах ленинизма» журнал «Большевик» отозвался о ней как об «отличном учебнике», упомянув среди достоинств лаконичность и ясность изложения, то два года спустя тот же журнал называл ее книгой, которая «должна стать настольной книгой ленинца»[39]. При появлении Сталина на XV съезде, говорится в стенографическом отчете, все присутствовавшие встали и приветствовали его продолжительной овацией и криками ура[40]. Ни на одном съезде не было подобного отношения к Ленину.

Книга третья

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

I. БИТВА БУХАРИНА

XV съезд ВКП(б) состоялся в декабре 1927 г. и проходил в напряженной атмосфере, вызванной внутренними трудностями и тревожным международным положением. Будучи поглощен фракционной борьбой, съезд все же указал на некоторые принципиальные направления развития экономики. Они были сформулированы таким образом, что, как обнаружилось вскоре, могли толковаться прямо противоположно. Поэтому позже высказывалось предположение, что речь шла о компромиссе между различными течениями, уже появившимися в самом большинстве после того, как оно изгнало из партии оппозиционеров[1]. Это просто догадка, ибо на съезде победители выступали сплоченным фронтом. Правда, разногласия выявились скоро.

В руководящих кругах партии к этому времени утвердилась не только идея об индустриализации, но и мысль о необходимости высокого «темпа» ее проведения, такого, который позволил бы СССР «догнать и перегнать» наиболее развитые капиталистические страны. Этому содействовали старое большевистское понимание отсталости России, успехи в восстановлении хозяйства в предыдущие годы, наконец, критика и напоминания оппозиции. Было завершено строительство ГЭС на р. Волхов, предусмотренное планом ГОЭЛРО, и начаты две стройки, которым суждено остаться в анналах советского экономического развития. Одна — Днепрострой: сооружение плотины и самой крупной в ту пору европейской ГЭС на Днепре близ Запорожья; другая — Турксиб: новая железная дорога, напрямую связывающая Транссибирскую магистраль (на широте Новосибирска) со Средней Азией. Тракторный завод строился в Сталинграде. Проектировались также другие крупные промышленные объекты. Спорили о территориальном размещении: разные республики приводили доводы в пользу строительства их в своих пределах. XV съезд сформулировал также директивы по составлению пятилетнего плана развития, но никто не предполагал тогда, что это может привести к внезапной ломке всех сложившихся соотношений между разными отраслями народного хозяйства.

О деревне на съезде было сказано новое слово — коллективизация[2]. Впрочем, оно было не совсем новым. Понятие, вложенное в него, содержалось в партийной программе, принятой в 1919 г. Многое изменилось с той поры, и идея коллективизации сохранялась скорее как некая историческая цель, а не прямая актуальная задача. Компромисс в форме нэпа был заключен в первую очередь с крестьянином-единоличником. Поэтому новой была довольно категорическая постановка вопроса, данная в докладе Сталина. Отметив явную тенденцию к более медленным темпам развития в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, он заявил, что нет иного решения проблемы, кро-

ме «перехода мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли», «перехода на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники»[3]. Молотов затем развил эту мысль в специальном докладе о работе в деревне. Однако и тот и другой сделали к своим предложениям такое множество оговорок о необходимости осторожности и постепенности процесса, о многообразии его форм, о терпеливой работе по убеждению крестьянина на основе его собственных интересов, что в целом их доклады отнюдь не ставили под вопрос общую линию нэпа[4]. В заключительной резолюции говорилось о «решительном наступлении на кулака»[5], но сам Сталин предупредил, что репрессивные меры в этом случае были бы ошибкой.

Кризис заготовок зерна

Между тем надвигался новый кризис. На XV съезде о нем почти не говорилось. Урожай зерновых если и не уменьшился по сравнению с прошлогодним, то, во всяком случае, и не увеличился[6]. Потребление же выросло, особенно с началом индустриализации. Государственные заготовки зерна осуществлялись с трудом: начавшись более или менее нормально летом, они резко сократились осенью. К концу года государство недобрало более 2 млн. *т* (128 млн. пудов). Поскольку запасы были минимальными, это означало, что и города с их возросшим населением, и армия рискуют остаться без хлеба, особенно к весне, когда распутица на несколько недель прервет нормальное сообщение. Недостаток хлеба ощущался также в других аграрных регионах — потребителях зерновых, таких как Средняя Азия[7]. Экспортные поставки зерна, запланированные за приобретенные машины и оборудование, оказались под угрозой. Все экономические проекты могли сорваться.

Кризис объяснялся многими причинами. Серьезные ошибки были допущены в политике цен, которая стимулировала развитие технических культур и животноводства за счет посевов зерновых. Делу вредила конкуренция разных учреждений, занимавшихся государственными хлебозаготовками. Страх перед войной побуждал крестьянина, насколько это было возможно, придерживать зерно. Едва наметилась его нехватка — в игру сразу включились мелкие спекулянты: они вздули цены. Политические руководители и партийные организации, поглощенные внутрипартийной борьбой и захваченные врасплох непредвиденной угрозой, напротив, проявили известную беспечность.

Решение лихорадочно изыскивалось в начале 1928 г. Оно было типичным для новой политической организации, сложившейся под руководством Сталина, и в то же время роковым по своим последствиям. Впервые оперативное руководство взял в свои руки сам Сталин. Проблемой занялся не съезд, хотя он проходил в декабре. Ее не обсуждал и Центральный Комитет, выбранный этим съездом. Действовать начал Секретариат (правда, как предполагается, на основании инструкций, полученных от Политбюро): он давал руководящие указания партий-

ным комитетам. В первых числах января указания приобрели императивно-угрожающий тон: зерно требовалось достать «во что бы то ни стало», и партийные руководители на разных уровнях лично отвечали за это[8]. Высшие руководящие деятели направлялись в главные хлебопроизводящие области, чтобы возглавить операцию на месте; Сталин выехал в Сибирь. На заготовки в деревню было мобилизовано 30 тыс. коммунистов из числа работников аппарата (4 тыс. из обкомов и 26 тыс. из райкомов)[9]. Сталин вернулся к языку военного коммунизма и заговорил о «заготовительном фронте»[10]. Основной причиной кризиса был назван кулак и его спекуляция зерном с целью повышения цен. Этот анализ перекликался с доводами, выдвигавшимися на протяжении двух лет оппозицией. К кулакам, не сдававшим зерно, должна была применяться та статья Уголовного кодекса, которой предусматривалось привлечение к суду с конфискацией имущества как спекулянтов; четверть конфискованного зерна должна была передаваться крестьянам-беднякам. Судей и партийных работников, не выполняющих эти меры, следовало снимать с работы.

Бóльшая часть зерна, как признал несколько месяцев спустя сам Сталин, находилась, однако, не у кулаков, а у трудно отличимой от них массы середняков[11]. Если требовалось получить зерно любой ценой, а именно это и требовалось, значит, его необходимо изъять и у середняков, ибо они тоже отказывались сдавать зерно по государственным ценам: на рынке можно было выручить за него куда больше. Тут уже мало было Уголовного кодекса. Нашли другие способы вроде принудительной сдачи зерна в счет займа, самообложения деревень, досрочного взимания налога. Каковы бы ни были их конкретные формы, они неизменно сводились к жесткому нажиму на крестьянина, располагающего зерном[12]. Для стимулирования его материальной заинтересованности на село направлялся большой поток промышленных товаров, отнятых у городов, но их все же не хватало.

Печать освещала «битву за хлеб», каждые пять дней публикуя сводку о ходе хлебозаготовок. Ныне даже советский историк признает, что применявшиеся методы были заимствованы из опыта 1918 г., комбедов и хлебных реквизиций[13]. В апреле и Пленум ЦК признал, что в ход были пущены методы той поры: повальные обыски и конфискации, запрещение торговать на рынке, заградительные посты на дорогах, насильственный «товарообмен» — одним словом, нечто напоминавшее продразверстку времен гражданской войны. Подобные приемы были тогда осуждены Москвой как прискорбное и недопустимое искажение данных указаний местными органами власти[14]. К этому времени худшее, казалось, миновало: за период с января по март с помощью жестких сталинских мер, названных «исключительными», было собрано достаточно зерна, чтобы покрыть недостачу по сравнению с прошлым годом. Эпизод, следовательно, можно было считать завершенным.

Но так только казалось. Весной обстановка снова стала угрожающей. Ко всему прочему добавились неблагоприятные погодные условия, из-за которых погибли озимые на обширных площадях

хлебного юга (Украина и Северный Кавказ). Требовалось зерно для пересева. В поисках выхода партия опять прибегла к чрезвычайным мерам. Последствия были еще более тяжелыми. Сам Сталин признал, что теперь речь шла о том, чтобы вырвать у крестьян их «страховые запасы»[15]. В атмосфере напряженности, слухов о готовящейся войне, о конце нэпа, о кризисе Советов вновь начались обыски и обход дворов. Официальные обращения и документы неизменно призывали бороться с кулаком или вообще с «зажиточными слоями» деревни, однако определялись эти социальные категории весьма расплывчато[16]. Все созданное в предыдущий период на селе в области советской законности опрокидывалось под такими ударами.

Упорнее стало сопротивление крестьянства. Напряженность приобретала политический характер и нарастала весь год, по мере того как возвращение к нормальным условиям становилось проблематичным. Участились так называемые «террористические акты», то есть нападения на партийных активистов и работников Советов и убийства их. На Северном Кавказе, в Сибири, Средней Азии отмечались случаи бунтов целых деревень, манифестаций, поджогов, оживления партизанской борьбы (или «политического бандитизма», по терминологии советских историков)[17]. Проявления недовольства имели место в армии, волнения произошли в некоторых промышленных областях Центральной России[18]. Весенние заготовки дали немного, и государственные запасы в 1928 г. были меньше, чем в 1927 г. В городах у булочных выстраивались длинные очереди. В начале лета карточная система была введена на Урале.

Разумеется, и кулаки, и нэпманы или спекулянты, против которых Сталин призывал развернуть решительное наступление, отнюдь не были вымышленными фигурами. Они физически олицетворяли ту долю мелкого частного капитализма, который сохранился в советской экономике. Закрытие рынков, произведенное вопреки закону распоряжением органов власти, влекло за собой возрождение «черного рынка». Положение усугублялось стремительно растущим разрывом между ценами, установленными государством или подконтрольными ему, и ценами «свободного» рынка, на которые его контроль не распространялся[19]. Кризис заготовок зерна и чрезвычайные меры приводили в расстройство рынок, служивший основой нэпа. Их последствия, однако, на этом не кончались. Кулак был не только социальным слоем, но и политической фигурой. Неоднократно пытались тогда определить его классовый облик. Но в публицистике той поры — да и позже в статьях советских авторов — к кулакам относили всех тех, кто в деревне продолжал оставаться активно враждебным к новой власти, в том числе нередко людей, которые до 1921—1922 гг. по тем или иным причинам сражались по эту сторону баррикады. Чрезвычайные меры были для кулака благодатной почвой для агитации; ее влияние сказывалось не только на массе середняков, но и части беднейшего крестьянства[20]. Принимая политический характер, кризис начинал с этого момента охватывать и партию, ее верхушку.

Бухаринские концепции

После XV съезда членами Политбюро были избраны девять человек — Бухарин, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин, Томский и еще восемь — кандидатами в члены Политбюро: Петровский, Угланов, Андреев, Киров, Микоян, Каганович, Чубарь, Косиор. Насколько можно судить, ни один из этих руководителей в начале 1928 г. перед внезапной и поздно осознанной опасностью остаться без хлеба не выступал против чрезвычайных мер. Но едва обрисовались масштаб и последствия этих мер, как проявились две совершенно различные линии.

В первой половине года Сталин, руководя новым сражением и навязывая партии свои директивы, все настойчивее и категоричнее акцентировал новую идею, высказанную на XV съезде: выход из кризиса — в переходе от мелкого, частного хозяйства к крупному, коллективному. Значит, нужно ускоренно создавать колхозы и совхозы в широких масштабах. Эта тема стала лейтмотивом всех его выступлений. Нет оснований утверждать, будто у Сталина уже тогда было четкое представление о том, как будет осуществляться коллективизация. Вместе с тем ясно, что, став ревностным поборником высоких темпов индустриализации, он уже поставил все на эту карту и не считался с таким препятствием, как медленная эволюция отсталой деревни. Утверждают, что в эти месяцы он, резко сменив курс, взял на вооружение тезисы только что разгромленных троцкистов. Отчасти такое утверждение, бесспорно, соответствует истине: в дебатах, вызванных его новыми предложениями, он, оправдывая борьбу с кулаком, защищая ускоренную индустриализацию и обосновывая необходимость наложения «дани» на крестьянство[21], использовал доводы, целиком заимствованные у тех, кто несколько месяцев назад был его противником. В его программных выступлениях было в то время нечто новое; этим «нечто» как раз и была коллективизация[22].

Опасения по поводу методов хлебозаготовок и новых сталинских установок высказывались в партии на очень раннем этапе. Они встречали сопротивление со стороны низовых организаций, особенно слабых сельских партячеек, которым нужно было преодолеть немало трудностей, чтобы укорениться в деревне. В верхах дискуссия развернулась не столько по вопросу о «чрезвычайных мерах» как таковых, сколько о принципиальном направлении экономической политики.

Уже в конце января глава могущественной московской партийной организации Угланов высказался против исключительно крупных вложений в тяжелую промышленность и чрезмерных надежд на колхозы, которые, по его мнению, годились как решение для более отдаленного будущего[23]. В свою очередь в марте Рыков вступил в конфликт с большинством Политбюро: он предлагал сократить капиталовложения в металлургию и машиностроение. На Пленуме ЦК в апреле впервые открыто выявились противостоящие направления.

К Угланову и Рыкову присоединились Бухарин и Томский, глава профсоюзов. Они выражали тревогу по поводу ухудшения политической обстановки в деревне, где недовольство, по их словам, нарастало и было направлено против советской власти в целом, союз с середняком оказывался под угрозой и снова, как в 1920 г., намечалось сокращение посевных площадей[24]. Заключительная резолюция, осуждавшая эксцессы, приписанные периферийным организациям, прозвучала как компромисс.

Однако когда применение чрезвычайных мер возобновилось, противоречия в Политбюро обострились. На этот раз критиков возглавил Бухарин. В мае и июне он направил две записки своим коллегам по руководству. Он нападал на сталинскую концепцию коллективизации, ибо коллективизацию, утверждал он, можно проводить лишь на основе агротехнического прогресса, который для СССР еще в будущем. «Если все спасение в колхозах, то где взять деньги на машинизацию? — писал он. — И правильно ли вообще, что колхозы у нас должны расти на нищете и дроблении?» «Никакая коллективизация, — добавлял он в другой записке, — невозможна без известного накопления в сельском хозяйстве, ибо машины нельзя получить даром, а из тысячи сох нельзя сложить ни одного трактора». В конце июня Бухарин изложил свои тезисы в Политбюро: единоличные крестьяне еще долгое время останутся решающей силой в деревне; необходимо спасти союз с ними, оказавшийся под серьезной угрозой; значит, больше никаких чрезвычайных мер и сохранение методов нэпа[25].

Среди крупнейших советских руководителей Николай Иванович Бухарин был самым молодым, одним из самых образованных и, несомненно, самым обаятельным. В 1928 г. ему исполнилось 40 лет. Он был интеллигентом по духовной направленности, по широте интересов, наконец, его творческая деятельность — а он занимался публицистикой — подтверждала это. Простота в обращении и сердечность характера сделали его любимцем партии — так назвал Бухарина Ленин в своем «завещании». Его деятельность развернулась на поприще печати; здесь он опирался на целую когорту блестящих последователей — Астрова, Слепкова, Цейтлина, Марецкого. Авторитетом Бухарин пользовался прежде всего благодаря своей деятельности в области культуры, а также как теоретик. Это подтверждают и его работы, и отзывы на них Ленина, и избрание в Академию наук. Пожалуй, ни один из большевистских руководителей не спорил столько с Лениным до и после революции, сколько Бухарин, но при всем упорстве в спорах он неизменно был предан Ленину, пользуясь с его стороны чем-то вроде отеческого внимания. Крупнейший лидер крайне левого крыла большевиков в 1918 г. и поборник военного коммунизма, Бухарин мучительнее других переживал кризис и поворот 1921 г. Еще более глубокий след в его сознании оставила тесная связь с Лениным в последний период его жизни[26]. С этого момента Бухарин стал — пускай в нем и было нечто схоласти-

чное, по утверждению Ленина, — выразителем последних ленинских идей.

Во имя верности им он после недолгих колебаний с головой ушел в борьбу с Троцким и поддержал (хотя, как он сказал, «дрожа с головы до пят»[27]) всю ту безжалостную резкость, малощепетильные методы и полемические преувеличения, которые эту борьбу сопровождали. Он выступал поэтому как активный союзник Сталина, сохраняя, правда, в этом союзе идейную самостоятельность. Поддержал он и лозунг о «социализме в одной стране». Бухарин не был его автором, как порою утверждалось[28], но снабдил его более тонкими, чем у Сталина, аргументами. Идя по стопам Ленина, он больше, чем кто-либо иной, развивал идею о стыковке революций на империалистическом и пролетарском Западе с революциями на угнетенном и крестьянском Востоке: именно он первым прибег к образу промышленного Запада как «всемирного города» и бескрайнего отсталого Востока как «всемирной деревни»[29]. В дебатах середины 20-х гг. он упорно отстаивал союз с крестьянством как основу всей стратегии построения социализма. К этому сводились его разногласия с Преображенским; в этом состояло для него международное значение русского опыта, ибо в России, как и на земном шаре в целом, городские рабочие представляли собой ничтожное меньшинство по сравнению с массами крестьянства. К социализму поэтому следовало идти через медленный прогресс этих масс: экономический, социальный, политический — другого верного пути не было. Придя к власти в результате неизбежной гражданской войны, сами большевики, по его мнению, превратились в партию мирного экономического строительства, партию «социального мира»[30].

Эти программные взгляды заставляли Бухарина бурно реагировать на продление чрезвычайных мер в деревне, на перспективу разрыва с крестьянством, в чем он, подобно Ленину, видел смертельную опасность для советской власти, наконец, на новые концепции Сталина. К сожалению, документы, где он излагал в то время свои альтернативные предложения, еще не стали достоянием гласности; а в статьях, с помощью которых он пытался распространить свои идеи, они не раскрывались достаточно ясно, так как сами статьи носили лишь отчасти полемический характер. Но даже и при некоторых неясных положениях его концепция обрисовывается достаточно полно на основании того, что известно. Бухарин не игнорировал новых проблем, обусловленных индустриализацией, с которой он согласился, но он утверждал, что их решение не должно вызывать «существенного изменения экономической политики», проводившейся после 1921 г., то есть нэпа. Страна должна развиваться в соответствии с планом «динамического равновесия» между «различными сферами» производства и потребления так, чтобы смягчать, если не предотвращать, кризисы такого типа, в каком оказалась Россия в 1921 г. Нарушение правильных экономических соотношений приводило к нарушению и политического равновесия. Самая

серьезная диспропорция в СССР заключается сейчас в отсталости сельского хозяйства, особенно производства зерна. Здесь срочно требовалось выправить положение. Темпы индустриализации должны быть высокими. Однако ускорять их еще больше, утверждал Бухарин, равносильно переходу на позиции троцкизма. Усилия страны не должны сосредоточиваться исключительно на строительстве новых крупных заводов, которые начнут давать продукцию лишь через несколько лет, тогда как уже сейчас поглотят все имеющиеся средства. И так уже нет резервов на случай непредвиденных обстоятельств. Товарный голод достиг такой степени, когда напряженность рыночных отношений подобна натянутой до предела струне: натяни еще немного — и лопнет. Нужно поднимать сельское хозяйство: сделать это в данный момент можно лишь с помощью мелкого, единоличного сельского производителя[31].

Властное требование сохранить союз рабочих и крестьян оставалось для Бухарина превыше любых других соображений. В январе 1929 г., уже в условиях полным ходом развивавшегося конфликта со Сталиным, он посвятил одно из своих публичных выступлений последним статьям Ленина, которые охарактеризовал как «политическое завещание». Именно тогда он первым заговорил о них как о глобальном «великом плане» деятельности для партии. Эта программа, подчеркивал он, остается верной. По мнению Бухарина, не требовалось никакой «третьей революции»: все проблемы «индустриализации, хлеба, товарного голода, обороны» сводились, на его взгляд, к «фундаментальной проблеме» взаимоотношений между рабочими и крестьянством. Это его истолкование ленинского замысла несколько дней спустя получило столь же теплую, сколь и бесполезную поддержку со стороны Крупской[32].

Самокритика

Сталин очень быстро подготовился к схватке с новыми критиками. На этот раз он решил первым воспользоваться выгодной темой демократии — темой борьбы с бюрократизмом. Дело в том, что XV съезд, исключая из своих рядов оппозиционеров, не мог ограничиться одним этим актом и полностью игнорировать их аргументы. Это относилось к политике не меньше, чем к экономике. Вот почему съезд по докладу Орджоникидзе, а он возглавлял тогда объединенную ЦКК—РКИ, принял резолюцию, вновь напоминавшую о «пролетарской демократии», «действительной выборности» партийных руководителей, «постепенном вовлечении всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством»[33]. Потребность во всем этом сохранялась. Несколько месяцев спустя Сталин взял эту резолюцию на вооружение и использовал так, как это стало типично для его методов правления.

Поводом послужил один неясный эпизод. В марте 1928 г., в разгар хлебозаготовок, было объявлено, что в районе донецкого города Шахты группа технических специалистов давно уже организовала

и проводила в широких масштабах саботаж на угольных шахтах, действуя в сообщничестве с заграничными антисоветскими центрами и бежавшими за рубеж бывшими владельцами рудников. Процесс над 53 обвиняемыми был с большим пропагандистским шумом проведен в мае — июне и завершился вынесением пяти смертных приговоров, оправданием нескольких подсудимых и осуждением остальных на разные сроки тюремного заключения. Обвинения, приводившиеся на суде, свидетельствовали не столько о сознательном саботаже как таковом (достоверные улики были скудными), сколько о вопиющей халатности и из рук вон плохой администрации, поистине граничащих с преступлением[34].

«Шахтинское дело» положило начало кампании, в ходе которой давнее недоверие к буржуазным спецам приобретало нездоровые формы. Это явление вызывало тревогу и сразу же стало причиной еще одного столкновения в Политбюро, срочно собравшемся по инициативе Бухарина, Рыкова и Томского. Все трое подчеркивали, что советская экономика не может обойтись без старых технических специалистов[35]. Апрельский Пленум ЦК, который занимался этим вопросом до «шахтинского дела», принял по докладу Рыкова компромиссную резолюцию. Ее критика сосредоточивалась совсем не на специалистах; скорее, выражалась озабоченность по поводу того, что партия и ее люди в то время были почти не в состоянии компетентно управлять предприятиями[36].

Сталин сделал другие выводы. «Шахтинское дело» в его глазах служило доказательством «экономической контрреволюции», новой иностранной «интервенции» и наряду с кризисом заготовок зерна свидетельствовало о возобновлении классовой борьбы в широком масштабе. Партия должна была подготовиться к отражению опасности. Именно в этой связи Сталин и выдвинул свой знаменитый лозунг «самокритики». Он считал, что коммунисты должны быть способны не только на критику в свой собственный адрес, как об этом всегда думали большевики при Ленине. Сталин не скупился на требования «критики снизу», «массовой критики» со стороны коммунистов, да и вообще трудящихся, на призывы к «беспощадной борьбе» как против «старых», так и против «новых бюрократов», против «бюрократов-коммунистов», невзирая на чины и былые заслуги. В его призывах слышалась, однако, определенно бонапартистская интонация, особенно тогда, когда лозунги, обращенные к низам, молодежи или кадрам среднего звена, были явно рассчитаны на то, чтобы направить недовольство в стране против части самого руководящего аппарата; мало того, как сказал Сталин, против некоторых имеющих большой «авторитет вождей», дабы они «не зазнавались». Желательной объявлялась не всякая критика, а только правильная и честная, усиливающая, а не ослабляющая советскую власть; при этом критерии «правильности» и «честности» были довольно расплывчатыми и субъективными. Сталин тогда впервые упомянул о «бдительности»[37].

Развертывание самокритики помогло в 1928 г. провести чистку в некоторых партийных организациях (наиболее известными были «дела» областных и городских парторганизаций Смоленска и Астрахани), где были обнаружены серьезные случаи коррупции и морального разложения. Кампания самокритики послужила тем «предмостным укреплением», с которого Сталин повел наступление на новые очаги сопротивления своей политике.

Борьба внутри аппарата

В середине 1928 г. антисталинистская оппозиция была очень сильна, по крайней мере на бумаге. В нее входили председатель Совнаркома, значительная часть профсоюзных руководителей, группировавшихся вокруг Томского, и руководящая группа Московского партийного комитета, включая почти всех секретарей райкомов. Помимо этого, оппозиционеры контролировали ряд центральных органов печати, начиная с «Правды». В их числе были трое из девяти членов Политбюро; по крайней мере еще один, Калинин, председатель ВЦИК и всегдашний сторонник политики, учитывающей интересы крестьянства, колебался. Сталин поэтому постарался избежать открытого столкновения. Он пошел на компромисс. Новый Пленум ЦК в июле стал свидетелем весьма жарких дебатов, но завершился единодушным принятием резолюции, которая, по сути дела, признавала правоту бухаринских тезисов. В ней отмечалась опасность разрыва между городом и деревней, осуждались наиболее грубые методы, применявшиеся в ходе заготовительной кампании, высказывалось намерение как можно скорее преодолеть отсталость сельского хозяйства и на первый план выдвигалась задача оказания помощи крестьянину-единоличнику, мелкому или среднему[38]. На практике, к сожалению, меры, принятые для уменьшения нажима на село, носили ограниченный характер и были запоздалыми: речь шла о повышении цен и ввозе из-за границы ограниченного количества зерна.

Июльский Пленум был поэтому расценен внешними наблюдателями как поражение Сталина: так истолковали его меньшевики за границей, Троцкий в Алма-Ате, различные наблюдатели, находившиеся в Москве[39]. К середине 1928 г. Сталин, как считали, был наиболее близок к поражению. В то же время тайная проба сил, какой явились дебаты на Пленуме ЦК — а к ним обе стороны готовились заранее, — показала, что такое предположение маловероятно. Сталинская группировка была явно сильнее. Его противники оставались в меньшинстве. Бухарин понимал это. Перед самым окончанием пленума он даже пошел на тайную встречу с Каменевым, организованную Сокольниковым, чтобы обеспечить себе поддержку или хотя бы нейтралитет побежденной оппозиции. Точно озаренный внезапным откровением, он говорил своему собеседнику о Сталине как о новом Чингисхане, который не остановится перед насильст-

венным устранением всех своих прежних товарищей и соперников[40].

В новой борьбе Сталин не только не стеснялся в выборе средств, но и прибегал к дорогой его сердцу тактике постепенного перехода от «лозунгов агитации» к «лозунгам действия». Его агитационным лозунгом на это раз была борьба с правыми, с правой опасностью, с правым уклоном, с примиренческим отношением к правым. Кто такие эти правые, которых обличали на протяжении нескольких месяцев, публично не говорилось, между тем пропагандистское наступление на неназванного врага разрасталось, словно снежная лавина.

Началось оно на VI конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в июле — августе. В Коминтерне задача облегчалась тем, что можно было называть по имени и фамилии представителей зарубежных правых течений. Бухарин стал в Интернационале председателем вместо Зиновьева. Поражение Коминтерна и коммунистов в Китае ударило и по положению Бухарина, который частично отвечал за него. Тем не менее его авторитет был по-прежнему высоким. Анонимная кампания против правых должна была исподволь подготовить почву для нанесения удара по нему. Из Коминтерна эта кампания была затем перенесена в русло внутреннего движения за самокритику.

Борьба Сталина с Бухариным носила совершенно иной характер в отличие от только что проведенной против троцкистско-зиновьевской оппозиции, хотя и была ее продолжением в том смысле, что являлась заключительной фазой распада прежней ленинской руководящей группы. В ходе этой борьбы публичная дискуссия велась намеками, эзоповским языком, доступным только для посвященных, а самые напряженные схватки в верхах прикрывались внешним единодушием. Происходило это не только потому, что Бухарин и его союзники старались не делать ничего, что могло навлечь на них обвинение во фракционности, ставшее роковым для Троцкого. Этот фактор оказал свое действие[41]. Но он был не единственным. Особенность этого конфликта в том, что он происходил в недрах аппарата. Оппозиция новым установкам Сталина исходила на этот раз именно из аппарата — из профсоюзных, советских, хозяйственных, кооперативных организаций, которые в силу своего положения были восприимчивее к новому политическому напряжению в стране[42]. Москва еще раз оказалась центром схватки. Борьба приняла форму скорее слухов, нежели прямых политических заявлений, чаще велась шепотом, чем громогласно. Исход отдельных схваток выражался в смене одних лиц другими на тех или иных постах и других административных мерах, как и подобает аппаратам.

Даже когда Бухарин сделал главный выпад, опубликовав в «Правде» свои знаменитые «Записки экономиста», он не нападал на Сталина прямо, а полемизировал с его тезисами, делая вид, будто воюет с троцкистами. В свою очередь многие члены Политбюро в ответ опубликовали статьи с критикой воззрений Бухарина, но ни разу не

20 Зак. № 380

назвали его по имени[43]. Одним словом, публично неизменно говорилось об отсутствии разногласий между вождями ВКП(б).

Первая настоящая схватка разыгралась в Москве. В сентябре 1928 г. Московский городской комитет партии принял на своем заседании тезисы, отличавшиеся от сталинских, в особенности по вопросу о правой опасности. Секретариат ЦК развернул контрнаступление в самих московских парторганизациях, вынудив городской комитет месяц спустя сдать свои позиции. Это произошло на втором заседании, именно на нем руководители комитета подверглись атакам со всех сторон. Сначала были смещены самые боевые секретари райкомов. Затем и главным руководителям московской партийной организации, Угланову и Котову, пришлось уступить свои посты соответственно Молотову и Бауману, который практически и возглавил новый комитет. Одна из главных цитаделей оппозиции была, таким образом, разоружена.

С профсоюзами разделались не на самом их съезде, состоявшемся в декабре, а на заседании его коммунистической фракции, созванной для одобрения некоторых изменений в руководстве. К Томскому против его воли и откровенно в противовес ему был приставлен Каганович, правая рука Сталина, деятель, быстро набиравший силу и уже отличившийся на Украине авторитарными методами[44], вызвавшими немалую враждебность по отношению к нему. Сразу же после этого из областных профсоюзных советов удалили сторонников Томского. Кадровые изменения были произведены также в редакциях «Правды» и других газет, где сильнее всего было влияние Бухарина.

Борьба в рамках аппарата облегчала устранение людей, сила которых определялась больше занимаемой должностью, нежели личным авторитетом. Например, Угланов в Москве был могущественным, но нелюбимым деятелем[45]. Нападкам на Томского предшествовала длительная кампания против бюрократии в профсоюзах, проводившаяся в рамках «движения самокритики». Выдвинутые обвинения были отнюдь не безосновательными, но закончилось все это лишь заменой одной бюрократии другой, еще более жесткой, а главное — отличающейся большей готовностью исполнять директивы генерального секретаря.

Однако неправильно было бы сводить все к одним персональным заменам. Борьба и чистка в аппарате длились много месяцев и велись во имя партийного руководства «массовыми организациями». Следовательно, это было наступление на все и всякие формы автономии. В результате была осуществлена генеральная структурная перестройка массовых организаций, причем настолько радикальная, что можно утверждать — да это признавалось позже, — что лишь после битвы с правыми советский аппарат действительно сделался «приводным ремнем» от верхов к низам в том самом значении, в каком задумал и желал его видеть Сталин[46]. В этом состоял главный политический итог конфликта.

Сталинская фракция

Между тем в дебаты верхов вплетались новые мотивы. Очередной урожай нельзя было назвать обнадеживающим. Как и год назад, не хватало хлеба. Дело шло к повсеместному введению карточной системы в городах, что было сделано в первые месяцы 1929 г. Чтобы получить зерно от крестьян без повышения цен, требовалось еще раз прибегнуть к чрезвычайным мерам: это становилось почти нормой. Обстановка осенью 1928 г. характеризовалась, таким образом, нарастанием экономических трудностей и политической напряженности. Большинство в руководстве попыталось найти выход в еще большем ускорении темпов индустриализации: пусть усилие будет каким угодно напряженным, но даст возможность стране вырваться из гнетущего плена. Наиболее откровенно эту тенденцию выражал Куйбышев, председатель ВСНХ. В действительности же это была линия Сталина, и представлял он ее как национальную и социалистическую потребности одновременно. Именно тогда он с восхищением ссылался на прецедент с Петром Великим, который «лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны» в честолюбивой попытке «выскочить» из тисков отсталости[47]. Разработка пятилетнего плана, находившаяся на заключительной стадии, проходила теперь под сильным политическим нажимом, требованием запрограммировать еще более массированное развитие индустрии, вопреки возражениям специалистов. Конфликт в верхах сместился поэтому на вопрос о темпах промышленного развития.

Новые жаркие споры разгорелись на Пленуме Центрального Комитета в ноябре 1928 г. Рыков, докладчик по вопросу о плане на 1928/29 хозяйственный год, предпринял еще одну попытку противостоять индустриальной горячке. На него нападали многие ораторы[48]. На бумаге дебаты снова завершились компромиссом, но компромисс этот становился все менее реальным. В условиях всепроникающей агитации против правых судьбу подлинных политических установок решали уже несбалансированные резолюции, принимаемые по окончании прений. Хотя бухаринское крыло отстаивало те же самые идеи, которые партия лишь год назад защищала от Троцкого и Зиновьева, оно оказалось разбитым, прежде чем смогло развернуть хотя бы одно наступление. Не решились бухаринцы и на открытый бой перед всей партией и страной: этим лишь подчеркнули собственное бессилие.

Бесцеремонное применение Сталиным власти только отчасти объясняет исход схватки. Уже в июле и еще очевиднее в ноябре бухаринцы убедились, что могут рассчитывать в Центральном Комитете на меньшее число сторонников, чем предполагали. Против них выступали все секретари обкомов, составлявшие весьма многочисленную часть участников пленума, в частности Эйхе, Кабаков, Постышев, Варейкис, Шверник, Голощекин, Гамарник, Косиор, Петровский, Андреев, Шеболдаев, Хатаевич (если ограничиться только теми, кто

совершенно определенно сформулировал свою позицию)[49]. Все эти люди, в свою очередь, завоевали в управляемых ими республиках или областях весьма внушительную власть. Конечно, они были связаны с генеральным секретарем. Но это не значит, что они были просто его креатурой. Почти все они выдвинулись во время гражданской войны. Энергичные деятели, практики, привыкшие командовать, они видели в индустриализации любой ценой, то есть проводимой при крайнем напряжении сил и воли, подкрепленной решительным применением власти, единственное решение драматических проблем. Престарелый Рязанов, со свойственной ему едкой иронией, так обобщил смысл их тогдашних речей: «Дайте завод на Урале, а правых к черту!», «Дайте электростанцию, а правых к черту!»[50]. На этой основе они признавали в Сталине своего вождя, а в деятелях вроде Орджоникидзе и Куйбышева — своих лидеров и готовы были подписать обвинения в малодушии, неверии, паникерстве и капитулянтстве, которые те бросали теперь бухаринцам, как вчера — троцкистам.

Позиция Бухарина и его сподвижников имела немало слабых мест. Прежде всего бухаринцев отличала политическая слабость: они не были сплочены и даже в решающие месяцы на рубеже 1928—1929 гг. не всегда выступали единым фронтом. Сам Бухарин не обладал хваткой вождя и среди крупнейших советских руководителей 20-х гг. был, пожалуй, единственным, кто никогда не представлял себя в этой роли. Его воззрение на социально-экономическое развитие страны не было цельным. Индустриализация была сопряжена с крайними трудностями, а отношение бухаринцев к ним не всегда было до конца последовательным: кризис первых месяцев 1928 г. их тоже захватил врасплох, они оказались не в силах своевременно предложить свое решение. Тем не менее сказанное не означает, что от их взгляда на будущее развитие страны можно отмахнуться, как от нереальных и абстрактных спекуляций. Историки много спорили, существовал ли для советской индустриализации менее болезненный путь, альтернативный сталинскому[51]. Вопрос может показаться праздным, поскольку любой ответ будет голословным, необоснованным. Невозможно, однако, отвергать бухаринскую идею более гармоничного роста и сохранения союза города и деревни как несостоятельную лишь на основе тех аргументов, которые выдвигались против нее в те годы. Тогда утверждалось, что предложенный Бухариным путь развития слишком медленный, что он оставляет страну без эффективной защиты от внешнего нападения и позволяет капиталистическим силам взять верх. Подобные возражения можно было бы выдвинуть с самого начала и против нэпа в целом. На основе последующего опыта трудно доказать, что эти возражения весомее тех, которые высказывались бухаринцами против сталинской стратегии. Впрочем, в иные периоды бухаринским концепциям сопутствовала удача.

Существует вместе с тем некий глубинный мотив, по которому

идеи Бухарина не могли утвердиться в СССР в 1928 г. Для своего осуществления они потребовали бы иной партии, иного аппарата, иной системы власти — отличных от тех, что сложились при Сталине: более гибких, более способных «торговать», по выражению Ленина, то есть умело пускать в ход разные рычаги управления контролируемой экономикой, приводить их в действие с оперативной чуткостью к реакциям общества и народного хозяйства. Не случайно Бухарин задавался тогда вопросом, не наступил ли момент «сделать некоторые шаги в сторону ленинского государства-коммуны»[52]. Впрочем, он мало что сделал и для продвижения к этой цели. А сталинская партия со своим руководящим аппаратом, прошедшим гражданскую войну и борьбу с троцкистами, разумеется, не была готова к подобному переходу. Но она воодушевлялась, когда Сталин, повторяя выражение, заимствованное у экономиста Струмилина, провозглашал: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики»[53].

Изгнание Троцкого. Поражение правых

Резкий поворот Сталина привел в замешательство многих деятелей старой оппозиции, высланных в дальние углы страны. Зиновьевцы прекратили всякое сопротивление и ждали лишь момента восстановления в партии. Троцкий из Алма-Аты усмотрел в новых установках победу собственных тезисов и склонялся к тому, чтобы поддержать «сталинский центр» в борьбе с правыми. В рядах троцкистов произошли первые обратившие на себя внимание случаи «смены фронта»: их героями были Пятаков и Антонов-Овсеенко. Распад оппозиции замедлился к середине 1928 г., когда Сталин под давлением Бухарина несколько умерил свои тезисы, но с еще большей интенсивностью возобновился в конце года. Оппозиция теперь раскололась на два течения: одно — а его лидерами были Преображенский и Радек — выступало за соглашение со Сталиным и поддержку его линии; другое, возглавляемое Троцким, а также Раковским, считало такой шаг неприемлемым до тех пор, пока не будет гарантий внутрипартийной реформы.

Троцкисты сохранили по всей стране, где было возможно, свои подпольные ячейки. Напряженность 1928 г. благоприятствовала возобновлению их деятельности, особенно на заводах и в промышленных центрах, поскольку они представляли собой единственную известную и более или менее организованную оппозиционную силу. Отмечались случаи их поддержки на заводских собраниях и даже отдельные забастовки и рабочие волнения[54], хотя, конечно, сегодня нелегко различить, где было простое недовольство, а где — проявление симпатий к собственно троцкизму.

В ответ последовали репрессии. Маневрируя, чтобы разложить оппозицию изнутри, Сталин в то же время не искал никакого политического соглашения с противником. В январе 1929 г. Политбюро

большинством голосов — Бухарин, Рыков и Томский были против — приняло решение о высылке Троцкого за пределы страны: он был депортирован в Турцию. Сталин написал для «Правды» передовую статью без подписи, в которой впервые утверждал, что троцкисты превратились «из подпольной антипартийной группы в подпольную антисоветскую организацию», так что между ними и партией «уже легла непроходимая пропасть». В резолюциях собраний первичных партийных организаций эти слова переводились так: «Троцкизму, как ярко выраженной контрреволюционной группировке, нет места в Советском Союзе»[55].

Наталкиваясь на все большие трудности при защите своих позиций, три правых деятеля подали в отставку со всех своих постов. Отставку не приняли, но Бухарин и Томский все же отказались от выполнения своих обязанностей, мотивируя тем, что иначе им пришлось бы, подчиняясь дисциплине, проводить курс, который они считают пагубным. Сталина, по всей вероятности, проинформировали об июльской встрече Бухарина и Каменева; тем не менее до января 1929 г. он молчал и использовал это как повод для атаки лишь после того, как отчет был напечатан в подпольной троцкистской газете. И снова именно его противники выступали как «беспринципные» фракционеры: в этом качестве они предстали как подсудимые на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК.

На этот раз Бухарин контратаковал. Он обрушился с критикой на политику и методы генерального секретаря. Говорят о самокритике, отметил он, а в партии нет ни одного действительно выбранного секретаря[56]. Но группировки уже окончательно сложились. Была принята резолюция, осуждавшая «троицу». Написана она была в стиле Сталина: сарказм в ней чередовался с грубостью[57]. Апрельский Пленум Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии, а затем XVI партконференция утвердили ее. Однако резолюцию не предали гласности: формально все трое еще некоторое время оставались на своих постах.

Борьба Сталина с Бухариным и поражение правых усугубили последствия конфликта с троцкистской оппозицией. Противозаконной теперь считалась уже не только фракция — даже возможность ее образования, просто «уклон». Все более нетерпимым становилось отношение к политической дискуссии: любая попытка спорить сразу же квалифицировалась как проявление скептицизма и малодушия. Осуждалось уже не только распространение собственных идей, но и их защита в предусмотренных Уставом органах партии. Если требование Троцкого провести публичную предсъездовскую дискуссию по вопросу о политической линии партии в целом было сочтено неприемлемым, то теперь простого подозрения в намерении устроить подобную дискуссию было достаточно для обвинения противников в преступных замыслах. Методы и воззрения генсека стали всеобщими. Его власть сделалась всемогущей. Дорого обошлось это превращение: были опрокинуты все нормы демократической жизни.

Политическая борьба не прекратилась, но с этого момента она будет развиваться по обходному, скрытому, все более опасному пути.

Троцкизм был объявлен вне закона в тот самый момент, когда многочисленные троцкистские идеи широко влились в новые сталинские концепции. На апрельском Пленуме 1929 г. Сталин выступил с предельно резкой речью против Бухарина. В презрительном тоне уже слышалась глухая угроза; искажая историю, оратор по-своему излагал оппозицию противника к Брестскому миру, прозрачно намекая, что Бухарин, возможно, был не чужд замыслов «арестовать Ленина»[58]. (И это о том, кого Ленин называл «любимцем».) Сталин теперь мог позволить себе процитировать одну-единственную фразу из «завещания» Ленина — ту, в которой содержалась критика в адрес Бухарина, — не обмолвившись ни словом об остальном содержании. В этих условиях Бухарин доверительно сказал своему другу, швейцарскому коммунисту и секретарю Коминтерна Жюлю Эмбер-Дро, что он готов пойти на блок со старыми оппозиционерами и согласился бы даже на использование против Сталина террористических методов[59].

Повергнув противников, Сталин в той же речи вновь вернулся к идеям, которые высказывал в первой половине 1928 г., а затем несколько приглушил по тактическим соображениям. Его высказывания отличались безудержным волюнтаризмом. Он возвестил о новом «наступлении социализма против капиталистических элементов народного хозяйства по всему фронту», которое будет сопровождаться «обострением борьбы классов», а не только борьбы с кулаком. Он заявил, например: «Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма». По его словам, вредители сидят «во всех отраслях нашей промышленности», причем «далеко еще не все» они «выловлены». Он ополчался также на «старых большевиков», которых, не называя по именам, охарактеризовал как людей «опустившихся и политически потускневших»; людей, которые «не имеют права требовать от партии уважения к себе»[60].

Все это предвещало наступление в советской истории новой фазы. По остроте политической напряженности и масштабам последствий она может быть сопоставлена лишь с периодом 1916—1920 гг. У порога стояла новая революция, но на этот раз это будет — как позже решился назвать ее Сталин и как давно уже не называет ее советская историография — «революция сверху»[61]. Ей суждено было пробудить энтузиазм, жаркие страсти, даже проявления героизма. Однако исходной чертой для нее послужил глубокий разрыв со значительными социальными силами, которые, как считали вплоть до этого момента, могут сыграть свою роль в построении социалистического общества. Это противоречие решающим образом повлияло на все дальнейшее развитие.

II. ПРИЗРАК ВОЙНЫ

Тревожный 1927-й

Курс, выработанный в ходе политической борьбы 1928 г., и в особенности экстремистский характер, который она приобрела с 1929 г., после поражения Бухарина, нередко считают следствием международного положения Советского Союза в конце 20-х гг. и угрозы войны, ощущавшейся в стране[1]. Подобные соображения, насколько о них можно судить по доступным документам, не были решающими в полемике с правыми. Тем не менее связь между указанными фактами существовала, только не следует ее рассматривать как причинно-следственную.

Призрак новой войны постоянно витал над Советским Союзом. Тревога объявлялась регулярно. Уже в августе 1925 г., когда после полосы дипломатических признаний наметились первые серьезные осложнения в отношениях с Англией, передовая статья журнала «Большевик» начиналась следующими словами: «Многое говорит за то, что «передышка», которую Советские республики получили с конца 1920 г., когда был разбит последний ставленник контрреволюции — генерал Врангель и была закончена русско-польская война, — что эта «передышка» близка к концу и что рабочему классу Советского Союза предстоит новый период тяжелых испытаний». «В центр международных событий», говорилось далее, вновь ставятся планы создания «единого фронта капиталистических стран и нового крестового похода на СССР»[2].

Опасения достигли высшей точки в середине 1927 г., когда английское правительство консерваторов разорвало дипломатические отношения с Москвой. Этому предшествовала длительная антисоветская кампания, в ходе которой Советский Союз вновь обвинялся в ведении подрывной пропаганды за границей и помощи китайской революции. Москву охватил настоящий военный психоз. Газеты и руководители кричали о нависшей угрозе. В городах и селах народ спешил запастись продуктами, что усугубляло экономические трудности. Свидетели, которых нельзя заподозрить в предвзятости, рассказывают, что страх этот был искренним[3]. Он немало способствовал тому, что троцкистско-зиновьевскую оппозицию обвиняли в вольном или невольном выступлении заодно с лондонскими реакционерами. Когда в ответ на призывы высказаться Троцкий сделал известное заявление, что в случае войны он поступил бы, как Клемансо во Франции во время первой мировой войны, то есть стал бы бороться за изменение политического руководства в стране, за то, чтобы ее возглавили люди, более способные, чем Сталин и его сторонники, обеспечить победу, — его заклеймили и обвинили в предательстве[4].

Была ли преувеличена тревога? Задним числом, пожалуй, можно сказать, что да. Некоторые партнеры Советского правительства в те годы также упрекали его в этом[5]. Однако нет документальных свидетельств, которые позволяли бы утверждать, что опасность искусственно раздувалась. Ее реальность не оспаривалась ни большинством, ни оппозиционерами. Слишком свежи были воспоминания об интервенции, чтобы можно было усомниться — по крайней мере в отношении большинства советских людей — в искренности этих опасений. Речь идет, скорее, о некоторых различиях в оценках советских руководителей. На XV съезде ВКП(б) Сталин заявил, что **«период „мирного сожительства" отходит в прошлое»**, и сравнил мировую обстановку 1927 г. с ситуацией 1914 г., когда одна искра — убийство в Сараеве — привела к взрыву войны[6]. Выступая тогда же с другой трибуны, председатель ВЦИК Калинин высказался более спокойно: «Когда мы говорим об опасности войны, то это не значит, что завтра будет война»[7].

Мысль о том, что новые войны маячат на горизонте и что рано или поздно СССР неизбежно окажется вовлеченным в них, была близка и привычна советским коммунистам. Их анализ развивался по двум направлениям, которые стоит проследить, ибо они послужат ключом к пониманию последующих событий.

Московские руководители — и это можно им поставить в заслугу — ни на мгновение не дали убедить себя в прочности послевоенного мирового устройства. Мир был крайне хрупок, на их взгляд. Между капиталистическими странами сохранялись многочисленные взрывоопасные противоречия. Из Москвы, правда, не всегда удавалось рассмотреть их в истинном виде. Долгое время, например, здесь думали, что предстоящий главный конфликт, и даже «неизбежный вооруженный конфликт», произойдет между Англией и Америкой[8]. Однако само по себе интуитивное предвидение назревавшей новой войны было правильным: она не обязательно должна начаться против СССР. Более того, в нее, вероятно, будут втянуты другие страны. Но Советскому Союзу все равно не удалось бы остаться в стороне. Главное, чтобы это произошло «как можно позже». Эту мысль высказал уже в 1923 г. Зиновьев на XII съезде партии. В 1925 г. ее вновь повторил Сталин в одном из своих выступлений, которое в то время не было опубликовано: «...если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить последними»[9]. Перед нами, таким образом, вполне определенная теоретическая линия, если не доктрина, которая разделялась всеми, а не только отдельными руководителями.

Сколь бы серьезны ни были мотивы конфликта между капиталистическими державами, сами по себе они не могли быть достаточно обнадеживающими. Опасение, что все эти страны могут еще раз создать коалицию против СССР, как это уже было во время гражданской войны, постоянно тревожило советских руководителей. Империалистическое соперничество за передел мира искало и могло

найти удовлетворение за счет более слабых стран; между тем СССР с его просторами, огромным внутренним рынком, с его природными богатствами и национальной неоднородностью был, подобно Китаю, заманчивой мишенью для коалиции, объединенной экспансионистскими притязаниями. Ко всему прочему, правящие круги этих стран ненавидели Советский Союз за его революционный дух. Вероятность образования по инициативе Англии единого фронта капиталистических государств против СССР как раз и тревожила больше всего советских коммунистов в 1927 г. Стремление любой ценой избежать подобной опасности сделалось с той поры, как и в первые послереволюционные годы, господствующим мотивом их дипломатии.

Положение СССР оставалось крайне уязвимым. Конечно, с позиций сегодняшнего дня можно уже в обстановке тех лет уловить зачатки развития, которое впоследствии приведет к образованию биполярного мира. С одной стороны, Америка выдвигалась как главная капиталистическая держава, разбогатевшая на войне, и кредитор всех других стран, намного превосходя их по экономической мощи. С другой — СССР, со своим «социализмом в одной стране», сделал заявку на то, чтобы служить образцом для всего мира, и ставку на превращение в индустриальную державу. Между ними помещалась Европа, все больше терявшая положение «центра» мира. К чести советской политической мысли следует сказать, что уже в те годы в Москве предсказывали возможное развитие в этом направлении — главным образом Троцкий в своих выступлениях, а также Сталин и другие менее крупные деятели[10]. Все это, однако, лежало как бы за горизонтом: речь шла о вероятном будущем, но никак не о реальностях сегодняшнего дня. Самым непосредственным образом это относилось к СССР. Индустриализация только-только начиналась. Чичерин называл свою страну одной из «великих держав» и добивался соответствующего обращения[11]. Но соотношение сил было далеко не таким, чтобы практически обеспечить СССР подобный статус.

С Америкой у Москвы по-прежнему не было официальных отношений. В Европе гегемония принадлежала Великобритании и Франции. Обе они враждебно относились к советской политике, даже при вполне корректных формальных отношениях с СССР. Великобритания могла оказать давление в любой точке мира; Франция — преимущественно в Европе. Здесь, у своих западных границ, СССР имел дело с целым рядом средних и малых государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния), которые зачастую были слабы, но именно поэтому подвержены сильному влиянию двух главных столиц Запада, в первую очередь Парижа. К тому же управляла ими провинциальная буржуазия, с крайним недоверием взиравшая на советскую сторону, потому что, во-первых, она была коммунистической, а во-вторых, русской. Вдобавок буржуазия эта предпочитала править скорее с помощью фашистских методов, не-

жели демократических. В Польше в 1926 г. маршал Пилсудский, тот самый, который в 1920 г. требовал завоевать Киев, организовал военный переворот, в результате которого был установлен авторитарный и репрессивный режим. Не были легкими и отношения с Румынией, ибо Москва отказывалась признать произведенную ею в 1918 г. аннексию Бессарабии. Даже с буржуазно-демократической Чехословакией отношения складывались нелегко: дипломатическое признание было окончательно оформлено лишь в 1934 г. Только с Германией наладилось сердечное политическое и военное сотрудничество, начало которому было положено в Рапалло: Германия в 1926 г. предоставила первые крупные заграничные кредиты (300 млн. марок). В том же году в Берлине был подписан советско-германский договор о нейтралитете и ненападении.

Хорошие отношения установились у СССР с южными соседями — Турцией, Ираном, Афганистаном. В 1926 и 1927 гг. с ними были подписаны пакты, аналогичные тому, который был заключен с Германией. Напротив, отношения с Китаем катастрофически ухудшились после прекращения сотрудничества с китайскими националистами из-за резкого поворота Чан Кайши. Дипломатические отношения были разорваны и с призрачным правительством Пекина, где в апреле 1927 г. солдаты совершили налет на советское посольство (не без подстрекательства англичан) и произвели там обыск, пытаясь обнаружить документы, свидетельствующие о вмешательстве СССР во внутренние дела Китая. В конце того же года трагическим провалом завершилась попытка коммунистического восстания в Кантоне. К тому времени, когда Чан Кайши сумел объединить всю страну под своей властью, скорее даже формальной, чем действенной, СССР оказался в разладе почти со всеми некоммунистическими силами, которые еще противоборствовали в Китае.

В 1927 г., таким образом, в Советском Союзе не исключали возможности наихудшего развития таких событий, как разрыв отношений с Лондоном, требование Франции отозвать посла Раковского (друга Троцкого), убийство советского полпреда в Варшаве Войкова, польские планы по созданию коалиции всех западных соседей СССР, китайская катастрофа, колебания самой Германии, вступившей после Локарнских договоров в Лигу Наций, наконец, деятельность эмигрантов в различных странах и непрекращающиеся кампании в прессе против Москвы. Достаточно сложить все это вместе, как и было в действительности, и гнетущая гипотеза «единого фронта» будет выглядеть не столь уж преувеличенной. Замыслы такого рода действительно вынашивались в правительственных сферах Западной Европы: позже это признал в беседе с советским послом министр иностранных дел Чехословакии Бенеш[12].

Если проанализировать деятельность советской дипломатии в тот период и в последующие годы, то, как это явствует из наиболее обширного собрания документов, имеющегося сейчас в распоряжении исследователей[13], более всего впечатляет постоянное стремление,

упорное и в высшей степени осмотрительное маневрирование с целью не допустить прежде всего возможного возврата к международной изоляции страны. Этой цели были посвящены последние месяцы деятельности Чичерина; когда из-за болезни он в 1928 г. отошел от дел, она была целиком воспринята его преемником Литвиновым, сразу же взявшим на себя руководство Комиссариатом по иностранным делам, хотя формально эта должность была закреплена за ним лишь в 1930 г. Это была, в сущности, оборонительная деятельность, направленная на то, чтобы использовать любую возможность для достижения даже самого ничтожного успеха, привлечения на свою сторону любого возможного союзника, каким бы временным или вероломным он ни был, противодействия каждому, большому или малому, шагу противника в его маневрах и при всем этом никогда не оставлять впечатления слабости или вынужденных уступок. В одном случае речь шла о торговом соглашении или хотя бы о деловых переговорах с какой-нибудь частной компанией; в другом — о разрешении несложной пограничной проблемы даже при отсутствии политических отношений с соседним государством и т. д. Самое большое внимание уделялось сопредельным странам, которым поочередно предлагали заключить пакт о ненападении. Польша в конечном счете приобрела в советской внешней политике почти столь же важное место, как Франция или Германия. Политика дружбы с Берлином оставалась, во всяком случае, самым крупным из козырей советской дипломатии: к любым колебаниям немцев Москва относилась крайне внимательно.

Чтобы избежать изоляции, СССР в 1928 г. присоединился к столь же известному, сколь бесполезному пакту Келлога — Бриана, договору, подписанному по инициативе американцев, по которому все главные державы брали на себя обязательство отказаться от войны как «орудия национальной политики» и урегулировать конфликты «с помощью мирных средств». Хотя на стадии, предшествовавшей заключению самого договора, Советский Союз подвергался дискриминации, он все же присоединился к нему, ничуть не скрывая, впрочем, своего критического отношения к тексту, названному «лицемерно-пацифистским»[14]. Свое присоединение к пакту Москва тут же превратила в собственный дипломатический успех. В начале 1929 г. она добилась от всех соседних государств на юге и на западе подписания дополнительного протокола, ускорявшего вступление в силу самого пакта; протокол был подписан также Польшей и Румынией. Эта полезная инициатива способствовала смягчению напряженности, которое ощущалось на границах СССР.

Лицемерными были в глазах коммунистов все проявления пацифизма, имевшие место в капиталистическом мире 20-х гг. СССР никогда не желал иметь никакого дела с женевской Лигой Наций, в которой — в силу ее происхождения от Версальской системы — он видел потенциальную коалицию империалистических государств, нацеленную против советских республик. С обоснованным недоверием

в Советском Союзе относились и к дискуссиям о разоружении в Лиге Наций. Тем не менее в конце 1927 г. Москва согласилась участвовать в комиссии по разоружению женевской организации, благодаря чему возрос ее престиж. Вначале Литвинов представил и отстаивал проект полного упразднения армий и вооружений. Лишь после того, как этот проект был отвергнут, он отступил и стал защищать план частичного, но существенного сокращения всех вооруженных сил [15]. Дискуссии о разоружении продолжались в Женеве с регулярными перерывами на протяжении нескольких лет, вплоть до провала международной конференции, специально созванной для решения этого вопроса в 1932 г. Так и не принятые всерьез другими участниками обсуждений советские предложения остались мертвой буквой, но, как писала одна американская газета, они «разделяются простым народом всюду»[16]. Благодаря своему радикализму они привлекли на сторону Советского Союза — причем как раз в наиболее трудные во всей истории страны годы — новые миролюбивые силы.

Потребности обороны

Постепенно советская дипломатия упрочивала свое положение на мировой политической арене. Но оно все же оставалось неопределенным. СССР пока еще не считался страной, «похожей на другие страны»[17]. Это могло тешить его революционную гордость, но, разумеется, не способствовало налаживанию международных связей. СССР считался прежде всего центром подрывной деятельности: не было такого советского дипломата, которому не приходилось бы опровергать обвинения, связанные с деятельностью Коминтерна. Из-за старых долгов эпохи царизма или национализации иностранной собственности ему отказывали в обычно принятых финансовых льготах. А московские руководители, исходя из личного опыта, не были склонны ожидать сочувствия со стороны. Необходимость быть сильными — причем в военном отношении не меньше, чем в экономическом, — никогда не ставилась ими под сомнение. В Женеве шли дебаты о разоружении, но тем временем в мире производилось больше оружия, чем до первой мировой войны. Не проходило ни одного сколько-нибудь крупного политического собрания в Москве, на котором бы не подчеркивалось это противоречие.

Сигнал тревоги прозвучал в 1929 г., когда китайские власти (Чан Кайши тем временем перенес резиденцию центрального правительства в Нанкин) попытались силой овладеть железной дорогой в Маньчжурии, остававшейся под смешанным китайско-советским контролем. В связи с этим инцидентом Черрути, посол фашистской Италии в Москве, не без ехидства спросил Литвинова, не сожалеет ли его страна об отказе от прежних прав экстерриториальности в Китае[18]. Инцидент на КВЖД был урегулирован, причем на удовлет-

ворительных для советской стороны условиях, лишь после того, как вслед за первыми пограничными столкновениями Москва не поколебалась мобилизовать и пустить в ход свою Особую Краснознаменную дальневосточную армию, которая нанесла удар противостоявшим китайским частям и разоружила их.

Поиск путей увеличения военной мощи был одной из многих причин, лежавших у истоков индустриализации. Сталин, пожалуй, лишь более категорично, чем другие, выражал ее. Уже в 1925 г. он высказался за армию «на должной высоте», против системы милиции[19]. В утвержденных Центральным Комитетом ВКП(б) в октябре 1927 г. директивах по составлению пятилетнего плана содержалось требование обратить «максимальное внимание» на обеспечение «быстрейшего развития» тех отраслей тяжелой промышленности, от которых зависела обороноспособность страны [20]. Это властное требование не утратило актуальности на протяжении всего периода осуществления плана. Оно выступало, следовательно, как один из факторов, характерных для всей индустриализации.

Менее убедительным выглядит предположение о том, что этой потребностью объясняются также все те резкие, драматически напряженные, а иной раз даже безрассудные зигзаги, которые совершались в этот период. Не более убедительно и утверждение, что все эти повороты объясняются непосредственной угрозой войны. Если, как заявлял Калинин в 1927 г., «война будет не завтра», то тем более обоснованной была эта оценка в 1928, 1929 и 1930 гг. — свидетельством тому советская дипломатическая корреспонденция тех лет. Методы проведения индустриализации и коллективизации вызывали такое обострение внутренних конфликтов — о чем не могла не знать сталинская группа руководителей, — что страна оказывалась в наименее выгодных условиях в случае нападения извне.

«Третий период» Коминтерна

По сравнению с осторожной линией московской дипломатии контрастировал в конце 20-х гг. другой аспект советской международной политики, связанной с Коминтерном и международным рабочим движением. В конце все того же 1927 г. Сталин на XV съезде ВКП(б) рискнул высказать предположение, что «Европа вступает в новую полосу революционного подъема»[21]. Социальная напряженность и конфликты действительно наблюдались во многих странах: стихийное восстание пролетариата Вены было утоплено в крови, мощные демонстрации протеста явились ответом на казнь рабочих-анархистов Сакко и Ванцетти в Америке. Этого было, однако, слишком мало, чтобы оправдать утверждение Сталина и его резкий поворот, поскольку всего двумя годами раньше он заявлял, что «период подъема революционных волн... еще впереди»[22]. Радикальная переоценка послужила прелюдией к новой политике, которую Коминтерну предстояло взять на вооружение в 1928 г. и которая опиралась

на утверждение о наступлении «третьего периода» «общего кризиса капитализма», начатого Октябрьской революцией, — периода новых революционных битв[23]. Отсюда и обличение правой опасности, то есть капитулянтского и оппортунистического курса, который лишит коммунистическое движение способности использовать приближающиеся исторические возможности.

Новые установки Коминтерна тесно переплетались с борьбой сталинской и бухаринской групп в Политбюро ЦК ВКП(б). Первый предварительный выпад против Бухарина был предпринят в конце 1927 г. (все на том же XV съезде) двумя представителями сталинского молодежного левого крыла, Ломинадзе и Шацкиным, именно в связи с некоторыми вопросами работы Коминтерна[24]. Главное столкновение произошло, однако, позже, за кулисами VI конгресса Интернационала, который состоялся в Москве летом 1928 г. Непосредственным предлогом для него послужили два обстоятельства: с одной стороны, кулуарные слухи о разногласиях между советскими руководителями, а с другой — поправки, внесенные московским Политбюро в текст политических тезисов, уже представленных Бухариным на рассмотрение других партий[25]. Следующая проба сил состоялась осенью, но уже не столько в Москве, сколько в рядах Германской компартии, где разные фракции вели друг с другом борьбу в расчете на поддержку, которую каждая из них могла получить у одной из двух противоборствующих в Москве групп. Победу одержал Сталин, навязав своей властью руководство той фракции, которая была ему ближе и которую возглавлял Тельман. Наконец, после XVI партконференции — постановления не были опубликованы — заключительным этапом борьбы явился X расширенный пленум Исполкома Коминтерна в июле 1929 г. На этом пленуме была принята резолюция, осуждающая Бухарина, который был выведен из состава президиума Исполкома Коминтерна[26]. X пленум прославился также тем, что на нем были одобрены крайние сталинские тезисы о борьбе с правыми — тезисы, практически захлопнувшие двери для проведения политики единого фронта, начатой восьмью годами раньше Лениным.

Пагубный характер новой политики Коминтерна для коммунистического движения не один раз рассматривался, особенно в Италии, в работах историков последних лет. Их критические выводы, пускай даже в смягченной форме, были восприняты и советскими исследователями[27]. Здесь достаточно будет напомнить лишь о некоторых наиболее известных установках, принятых Коминтерном в 1928 и 1929 гг. Нападки концентрировались против социал-демократии, названной «важнейшей опорой», оставшейся у капиталистической буржуазии, а следовательно, являвшейся главным препятствием на пути приближающейся революции. Мало того, яростно разоблачалось ее левое крыло, названное «наиболее опасным проводником буржуазной политики в рабочем классе»[28]. Единый фронт допускался лишь снизу, то есть путем поисков контакта с рабочими — социал-

демократами, схематически противопоставляемыми своим вождям: на протяжении двух лет само выражение «единый фронт» практически было изъято из употребления[29]. Весь этот комплекс установок был обобщен в печально знаменитой формуле «социал-фашизм», ставившей социал-демократию и фашизм, по существу, на одну доску — в качестве альтернативных и взаимозаменяемых форм господства капиталистической буржуазии. Разрыв между двумя направлениями в рабочем движении превратился, таким образом, в яростное противоборство, жертвами которого вскоре суждено было стать им обоим.

Не раз — и справедливо — отмечалось, что политика европейской социал-демократии в тот период заслуживала самой серьезной критики. В те краткие промежутки, когда она оказывалась у власти в Англии и Германии, она была неспособна проводить сколько-нибудь серьезную реформистскую политику. Даже в Австрии, где ее организации занимали сравнительно более левые позиции, она убаюкивала себя надеждами на постепенное и безболезненное продвижение по пути реформ вплоть до того момента, когда ее бессилие внезапно вскрыли кровавые события: восстание и репрессии 1927 г. в Вене[30]. В Италии лидеры Всеобщей конфедерации труда из числа социалистов позорно капитулировали перед фашистами, объявив о роспуске своей организации. Оставаясь союзниками меньшевиков и эсеров в эмиграции, социал-демократы повсюду крайне враждебно относились к Советскому Союзу и коммунистам. Они рассматривали то, что произошло в СССР, а также и фашизм как своего рода уродливый зигзаг истории: ревнителем этого тезиса выступал престарелый Каутский, считавший большевизм «колоссом на глиняных ногах»[31]. Социал-демократия оставалась глухой к новым проблемам, поставленным империалистической фазой капитализма. Она не улавливала многие новые и никем не предусмотренные явления мировой истории — от властной тяги отсталых народов к освобождению до пробуждения националистических стремлений у народов Востока, — а следовательно, и не воспринимала истинные драмы русской революции. И все же ответственность, лежащая на социал-демократах, сама по себе еще недостаточна для объяснения неудачных оценок и политических ошибок коммунистического движения в этот период. Социал-демократия, кстати говоря, и не была ослаблена массированным наступлением Коминтерна, невзирая на триумфальные отчеты, фигурировавшие в те годы в Москве. И в первую очередь она не была ослаблена там, где сохраняла массовую опору среди трудящихся.

Но для коммунистов самое тяжелое последствие этих установок заключалось в том, что они затрудняли своевременное понимание важнейших отличительных черт как раз той новой политической обстановки, которая начинала складываться в мире и которую в принципе они первыми предвосхитили. Позже утверждали, в частности Сталин, будто в резолюциях о «третьем периоде» уже предсказы-

вался экономический кризис, поразивший капиталистический мир в 1929 г.[32] Тезис более чем сомнительный. Содержавшееся в этих резолюциях предсказание сводилось к упоминаниям о будущих «противоречиях» и конфликтах в лагере классового противника. Но упоминания эти были настолько общи, что могли относиться к самым различным явлениям, а следовательно, мало помогали пониманию конкретных проявлений кризиса и его политических последствий. Неподготовленность проявилась особенно в оценке такого явления, как фашизм, и опасности, представляемой им. Разумеется, в ту пору это отставание было характерно не для одних только коммунистов. Но коммунистам такая близорукость наносила больший вред, ибо они были той силой, которая вела наиболее решительную борьбу с фашизмом и против которой более всего неистовствовали фашисты. Но Коминтерн трактовал фашизм скорее как одну из многих политических форм, с которой выступал единственный враг, каким оставался капитализм. Мало того, фашизм рассматривался даже как своего рода последний козырь капитализма, за которым последует окончательный кризис.

Предсказанный Сталиным подъем рабочего движения отождествлялся, таким образом, с неким возвратом к безапелляционным дилеммам русской революции и гражданской войны, когда вопрос выбора ставился категорически: либо Советы, либо Корнилов; либо Ленин, либо Колчак. Обращение к этому опыту было вдобавок схематическим, мало отвечающим реальным историческим условиям и вообще весьма отличалось от того, что заключалось в последних политических размышлениях Ленина. Политическая борьба повсеместно сводилась к единообразному противопоставлению: «класс против класса». Промежуточные силы рассматривались как самый коварный враг: этим объяснялось резко враждебное к ним отношение, которое отбрасывало их в объятия противника. Такая практика распространялась не только на социал-демократию. Подобным образом оценивали, например, Ганди и его движение в Индии, характеризуя их как простых «помощников» буржуазии[33].

Объективная европейская и мировая обстановка весьма мало согласовывалась с такого рода установками. К VI конгрессу Коминтерна численность коммунистических партий за пределами СССР отнюдь не увеличилась со времени предыдущего конгресса, состоявшегося четыре года назад. Не выросла она существенно и в последующие годы, несмотря на некоторые успехи на выборах в отдельных странах, главным образом в Германии. Борьба внутри ВКП(б) не способствовала росту движения. Наступление на правых привело к изгнанию из Коминтерна и некоторых партий целого ряда деятелей, не одобривших сталинского поворота: Эверта, Брандлера, Тальгеймера в Германии, Эмбер-Дро — в Швейцарии, Таски — в Италии, Шмераля, Крейбиха, Жилека — в Чехословакии и многих других. Происходило это после массовых исключений, вызванных столкновением с троцкистами и зиновьевцами. Бухаринцы обвинили

Сталина в том, что он «разлагает» Коминтерн[34]. Таким образом, в коммунистическом движении не было мотивов, которыми можно было бы оправдать оптимистические революционные прогнозы Коминтерна.

Курс Коминтерна не согласовывался с действиями советской дипломатии. В самом деле, усилия последней были направлены на поиски любой возможной поддержки не только со стороны промежуточных политических сил, но даже в форме любого временного совпадения интересов с самыми разнородными группами. После возвращения лейбористской партии к власти в Англии в 1929 г. были восстановлены дипломатические отношения между Лондоном и Москвой. Послы СССР проводили разумные различия не только между консерваторами и лейбористами, но также между разными деятелями одних и тех же партий, между разными группами давления в Америке, между разными фракциями милитаристов в Японии. Причем такой разрыв между государственной внешней политикой и курсом Коминтерна нельзя объяснить даже наличием разных тенденций в среде московских руководителей: в этот период Сталин взял на себя и оперативное руководство внешней политикой[35]. Руководство же Коминтерном после того, как из числа его лидеров исчезли наиболее авторитетные большевики, было поручено деятелям меньшего калибра — Мануильскому, Пятницкому, — повиновавшимся Сталину.

Если уж говорить о логическом сходстве, то его можно найти между позицией Коминтерна и тем новым курсом, который утверждался в советской внутренней политике. Вместе родившись, нэп и единый фронт обнаруживали тенденцию к тому, чтобы и умереть вместе. В тот момент, когда в СССР происходил разрыв с широкими слоями крестьянства и крупными группами интеллигенции, уже повернувшимися было к советской власти, такая же политика распространялась и на революционное движение в целом. Тогда, когда к безмолвию принуждались не только оппозиция, но и любой инакомыслящий большевик, коммунистам за пределами СССР трудно было вступать в союз с иными политическими силами, не вступая в кричащее противоречие с курсом своих советских товарищей.

Этим отнюдь не исчерпывается анализ причин, которые в конце 20 — начале 30-х гг. грозили завести Коминтерн в тупик. В отдельных партиях появились тогда автономные тенденции, которые побуждали их двигаться в том же самом направлении. Здесь нам важно понять самое существенное в отношениях между Москвой и Коминтерном: с победой Сталина над Бухариным Коминтерн также должен был превратиться в «приводной ремень». Мы еще не раз вернемся к тому факту, что так и не удалось полностью осуществить такое преобразование; кроме того, эта попытка заложила основы тех конфликтов, которые позже приобрели столь широкий размах.

Мировой экономический кризис

В мировой политике действительно наступала новая фаза, но она не была похожа на ту, какой представлялась Москве. 24 октября 1929 г., в то самое время, когда сталинский курс на индустриализацию и коллективизацию приобрел характер чрезвычайной мобилизации, знаменитый «черный четверг» на Нью-Йоркской бирже ознаменовал начало катастрофического экономического кризиса во всем капиталистическом мире. Кризис не пощадил ни одной страны. Началось неудержимое падение производства, зарплаты, доходов, занятости, уровня жизни. Под удар попали все отрасли промышленности и сельского хозяйства. За три года выпуск промышленной продукции во всех капиталистических странах в целом сократился на 37 %, а в некоторых, например в Соединенных Штатах, Германии, — почти наполовину. Число официально зарегистрированных безработных во всем мире превысило 30 млн. человек. Не находившие платежеспособного спроса продовольственные товары сбрасывались в море или сжигались. Бесконечные очереди голодных выстраивались в городах в ожидании тарелки супа. Распространившаяся в предыдущие годы иллюзия приближения к порогу постоянно возрастающего благосостояния рассыпалась в прах в считанные месяцы. Кризис причинил общественному богатству больший ущерб, чем мировая война. Мир вступал в период трагических конвульсий.

Последствия кризиса для СССР были неоднозначны. Уже сама изоляция от мировой экономики и защита внутреннего рынка государственной монополией на внешнюю торговлю в сочетании с переходом к планированию служили прикрытием от всеобщей грозы. Сколь бы суровым ни было вынужденное обращение исключительно к внутренним источникам накопления, благодаря ему усилия по индустриализации в значительной мере выводились из-под отрицательного влияния последствий кризиса по ту сторону границы. Программы хозяйственного развития поэтому не были заморожены. С их помощью СССР приобретал больший вес на международной арене. Еще до начала кризиса, когда борьба за реализацию избыточной продукции между капиталистическими фирмами уже достигла большой остроты, то есть с 1927—1928 гг., СССР использовал то преимущество, что в глазах зарубежных продавцов выступал в роли огромного, трудного, но многообещающего рынка сбыта. Он предъявлял спрос прежде всего на машины и оборудование для своих новых предприятий. После начала кризиса интерес к советским производственным планам возрос. В 1929—1931 гг. количественные показатели советской внешней торговли достигли высшего уровня, хотя и были еще ниже дореволюционных. В 1931 и 1932 гг. на долю СССР приходилось соответственно 30 и 50 % мирового импорта машин и оборудования[36]. В наиболее драматический период кризиса целые промышленные отрасли некоторых стран из числа наиболее развитых в экономическом отношении избежали катастрофы благо-

даря продаже своей продукции СССР: так было, например, с американскими станкостроительными компаниями, которые в 1931 г. смогли разместить в СССР 65 % своего экспорта[37]. С еще большим основанием это можно сказать о Германии, которая в то время оставалась главным торговым партнером Москвы.

Хотя Соединенные Штаты по-прежнему не признавали СССР, многие крупные американские фирмы продавали ему свои изделия и оказывали техническую помощь в создании новых советских предприятий. Начало положил Хью Купер, который участвовал в качестве консультанта в строительстве Днепрогэса. За ним последовали многие другие бизнесмены и компании: от «Форда», компании, участвовавшей в сооружении автомобильного завода в Нижнем Новгороде, до «Дженерал электрик», внесшей свой вклад в развитие многочисленных предприятий по выпуску электротехнической продукции. Привлеченные высокой зарплатой, многие зарубежные инженеры, особенно американцы, нашли в те годы на строительных площадках первой советской пятилетки обширное поле приложения своих творческих способностей.

Это не значит, что кризис имел для СССР исключительно положительное значение. Отнюдь нет. Советские закупки оборудования и заказы на техническую консультацию оплачивались экспортом сырья и сельскохозяйственной продукции. Вызванное депрессией падение мировых цен затронуло эту категорию товаров куда больше, чем промышленную продукцию: цены на них снизились почти в два раза[38]. Поэтому СССР пришлось расплачиваться за приобретение тех же товаров значительно большими экспортными поставками, чем предусматривалось вначале. Это создавало дополнительные трудности к уже накопившимся в ходе индустриализации.

Если отвлечься от чисто экономических аспектов, рост притягательности Советского Союза за границей в те годы был обусловлен еще психологическим контрастом между тем, что происходило в СССР и в остальном мире. Жизнь в России тогда, как мы сможем убедиться несколькими страницами ниже, была, конечно же, не легче, чем в иных странах. Но в России люди что-то делали, строили, трудились, пускай даже в условиях нового переворота, масштабы которого с трудом можно было уловить; а в других странах царил застой, впустую тратилась энергия, люди не знали, что их ждет завтра. Сталин широко использовал эту тему на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 г.[39] Американские экспортеры, и Купер первым из них, стали деятельными сторонниками дипломатического признания СССР, готовыми подойти к нему объективно. Крупная печать США испытывала на себе растущее влияние этой позиции, и в конце концов большинство газет стали выступать за установление отношений между двумя странами[40]. В Европе некоторые левые социал-демократы, например англичанин Гарольд Ласки, австриец Отто Бауэр, несмотря на проклятия, которыми их осыпал Коминтерн, склонялись к тому, чтобы с пониманием отнестись к событиям в СССР.

Течение в пользу Советского Союза наметилось и среди деятелей культуры Запада; одним из первых выступил Амстердамский конгресс против фашизма и войны (август 1932 г.). Показательную для этого движения интеллигенции позицию заняли такие люди, как Эптон Синклер, Бернард Шоу и в особенности Андре Жид — писатель, вызывавший самые противоречивые оценки, но считавшийся самым авторитетным в то время во Франции: в сущности, он был весьма далек от коммунистических убеждений, но в 1932 г. вступил в компартию из преклонения перед СССР. В 1931 г. он записал в своем дневнике: «Я хотел бы во все горло крикнуть о своей симпатии к России и чтобы этот мой крик был услышан, возымел действие». Конечно, тот СССР, который Жид рисовал в своем воображении, имел мало общего с действительностью: вспыхнувшая любовь литератора к социалистической стране продолжалась лишь несколько лет. Речь шла скорее об отвращении ко всему тому, что происходило в мире капитала. Так обстояло дело с Андре Жидом, так это было и со многими другими, кто желал тогда сближения с СССР. Именно в этом был один из постоянных источников силы Советского Союза: идея о том, что своим существованием он неизменно указывает на возможность другого пути. Жид весьма мало знал о происходившем в СССР. Но на той же странице дневника он записал: «Я хотел бы прожить достаточно долго, чтобы увидеть успех этого гигантского усилия»[41].•

Новый прилив симпатий, на которые советские люди наконец могли рассчитывать, вовсе не означал внезапного прекращения тех яростных нападок, предметом которых неизменно являлась их страна. Мало того, именно теперь нападки обострились. Противники Советского Союза использовали для своей выгоды те жестокие конфликты, которыми сопровождались индустриализация и коллективизация. Как всегда, в их кампаниях моральные призывы перемешивались с глухими мотивами конкуренции и извечной классовой ненависти. Депортация крестьян в лесные районы русского Севера создала предлог для бойкота древесины, экспортируемой из СССР; впоследствии бойкот был распространен на целый ряд советских товаров, продаваемых, как утверждало обвинение, по демпинговым ценам. Вдохновителями этой кампании были западные, особенно американские, экспортеры сырьевых и продовольственных товаров — настолько же рьяные противники торговли с СССР, насколько активными сторонниками ее были бизнесмены, торговавшие машинами и оборудованием[42].

Возобновление в широких масштабах антирелигиозной борьбы, которая в советской деревне переплеталась с коллективизацией, использовал в феврале 1930 г. папа Пий XI для обращения ко всем верующим с призывом объединиться в «крестовом походе молитв» против «ужасных и святотатственных гнусностей», содеянных теми, кого газета Ватикана в тот период именовала не иначе как «дикие московиты». Несколько дней спустя, выступая в своей

епархии, архиепископ мюнхенский кардинал Фаульхабер подхватил призыв: «Страшная трагедия разворачивается перед нашими глазами: это попытка русского большевизма управлять империей без Бога, воздвигнуть государственный порядок без десяти евангельских заповедей, основать цивилизацию без веры в бессмертие души, организовать национальную экономику без частной собственности»[43]. Соединение на равных правах Бога, бессмертной души и частной собственности выглядит здесь, пожалуй, даже несколько пикантно.

Угроза на границах: на Востоке и на Западе

Тем временем на горизонте начинало вырисовываться нечто более тревожное, чем пропагандистские кампании и экономический бойкот. В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. японские войска начали высаживаться в Маньчжурии. За считанные месяцы они оккупировали почти всю ее территорию и провозгласили о создании там сепаратного государства с полностью подчиненным им правительством. Так был разыгран первый акт перерастания мирового экономического кризиса в войну: первый в длинной цепи аналогичных эпизодов. С завоеванием Маньчжурии японским экспедиционным корпусом обычно связывают начало процесса, вылившегося непосредственно во вторую мировую войну. Токио издавна предъявлял притязания на Маньчжурию: на этот раз, однако, они были составной частью в общем плане экспансии японского империализма в Азии. Оккупация Маньчжурии нарушила хрупкое равновесие интересов и влияний, которые главные империалистические державы сохраняли в Китае, лишь формально объединенном под властью нанкинского правительства. Однако и Лига Наций, членами которой были как Япония, так и Китай, и дипломатия Запада в целом оказались не в состоянии реагировать на эту агрессию с должной энергией. Их бессилие объяснялось, в частности, тем, что многие из главных западных государственных деятелей, и в том числе президент США Гувер[44], то есть глава державы, наиболее чуткой к возрождению японского экспансионизма, не остались глухи к той колониалистской и антикоммунистической аргументации, с помощью которой маньчжурская авантюра оправдывалась правительством Токио и главными ее инициаторами — японскими милитаристскими кругами.

Для Советского Союза завоевание японцами Маньчжурии представляло собой прямую угрозу по многим причинам. Речь шла об обширной территории, расположенной непосредственно у его самой протяженной сухопутной границы и прилегавшей к тем областям, где дольше всего продолжались интервенция и гражданская война. Японцы вербовали белогвардейцев из весьма многочисленной эмигрантской колонии, осевшей в Маньчжурии: в какой-то момент в их рядах появился было даже печальной памяти атаман Семенов. Японская пропаганда объясняла агрессию необходимостью противостоять «большевистской опасности» в Китае. Эту опасность представ-

ляли собой как китайские коммунисты, которые начали создавать свою армию и опорные базы в освобожденных районах, так и близость советского присутствия. Наиболее оголтелые представители японской военщины, вроде военного министра генерала Араки, даже не скрывали, что считают столкновение с Советским Союзом неизбежным[45].

Перед этой угрозой СССР был одинок. Япония обладала более сильной армией, чем его собственная. Все это помогает понять, почему и в этом случае советская политика состояла из ряда дипломатических протестов, военных контрмер (передвижения войск к границе) и одновременно примирительных предложений, направленных на то, чтобы лишить японцев предлога для нападения. Литвинов незамедлительно предложил Токио подписать пакт о ненападении[46]. Японская угроза вместе с тем повлекла за собой два важных последствия. Во-первых, она вынудила Китай восстановить дипломатические отношения с Москвой. Во-вторых, — и это, пожалуй, существенней — она стала одним из факторов, склонивших в Америке чашу весов в сторону тех групп, возглавляемых председателем сенатской комиссии по иностранным делам Борой, которые постоянно выступали за признание Советского правительства.

Но опасность, назревавшая на Дальнем Востоке, была не единственной. Развитие экономического кризиса сопровождалось в Германии быстрым возвышением нацистской партии. В 1930—1932 гг. число ее сторонников росло как снежный ком, а сами нацисты безнаказанно бесчинствовали, подавляя выступления рабочих. Германия занимала центральное место во всей советской внешней политике. С одной стороны, это была единственная из великих держав, с которой после Рапалло удавалось поддерживать сотрудничество, несмотря даже на спады и подъемы. С другой стороны, это была страна, в которой действовала самая крупная из коммунистических партий, единственная обладавшая реальной массовой базой. В современной советской официальной историографии отмечается, что ухудшение межгосударственных отношений с Германией началось с момента формирования в Берлине в середине 1932 г. правительства фон Папена — первого кабинета, который стал открыто искать поддержки у Гитлера. Недоверие Москвы было вызвано прежде всего законным подозрением, что новое германское правительство целиком станет на сторону капиталистических держав Запада против СССР[47].

Общее беспокойство выражалось и ранее, в частности в апреле 1932 г. (т. е. после двух туров президентских выборов, на которых Гитлер получил соответственно 11 и 13 млн. голосов), советским послом в Берлине Хинчуком. В одном из своих писем к заместителю Наркоминдела Крестинскому он выражал беспокойство по поводу неуклонного усиления нацистов и относительно захвата ими власти и предсказывал, что «рано или поздно это им может удасться». Они не делали тайны из своей ненависти к СССР. «Германия —

не Италия, и Гитлер — не Муссолини», — предупреждал также Хинчук, считая, впрочем, своим долгом тут же добавить, что он не хочет «наводить панику», а стремится, скорее, привлечь внимание, «чтобы иметь возможность правильно учесть все действующие факторы в Германии»[48]. Эта верная оценка в действительности была сделана лишь значительно позже.

Немецкий пролетариат упорно сопротивлялся Гитлеру. Коммунисты сражались с отвагой, если не с подлинным героизмом: именно на коммунистов приходилось наибольшее число убитых в столкновении с «коричневорубашечниками». Со своей стороны Коминтерн с неизменным вниманием и напряжением следил за немецкими событиями и деятельностью КПГ, которая была самой крупной его секцией. Никто не может утверждать, что Коминтерн и КПГ не вели энергичной борьбы с нацизмом. Но ни активизм, ни самоотверженность, ни мужество сами по себе не могут гарантировать успеха, если они не освещены правильной политической инициативой. Немецкий рабочий класс был расколот: с одной стороны, была социал-демократия, неспособная осуществлять никакой гегемонии, повинующаяся консервативным силам, озабоченная лишь поисками спасительного меньшего зла; с другой — коммунисты и Коминтерн, парализованные тактикой социал-фашизма. Всех своих противников, от социалистов до нацистов, партия Тельмана продолжала, что называется, валить в одну кучу, не будучи в состоянии уловить и использовать то глубокое размежевание, которое фактически существовало в рядах самой германской буржуазии: между ее наиболее шовинистическим и агрессивным крылом и крылом парламентско-демократическим. КПГ сражалась с великой отвагой, но она рассеивала свои удары, стремясь наносить их как тем, так и другим. Она искала союза «снизу» с рабочими — социал-демократами, но делала это всегда, стремясь и надеясь в первую очередь оторвать их от прежней партийной организации. Вот почему она вместе с германским рабочим классом шла навстречу фатальному поражению.

Приход Гитлера к власти в Германии в мае 1933 г. был трагическим доказательством провала той линии, которая возобладала в Коминтерне в 1928—1929 гг. Когда возвращаешься к событиям той поры, трудно не поражаться слепому упорству, с каким Москва проводила эту линию еще на протяжении всего 1932 г., между тем как немецкая трагедия неуклонно и все более стремительно катилась к своему финалу. Высказывалось немало домыслов, пытающихся объяснить поведение Сталина в тот период, ибо именно на нем лежала главная ответственность за проведение указанного курса. Сейчас мы не будем на них останавливаться. Любой анализ оказался бы преждевременным, если предварительно мы не рассмотрим то, что происходило в это время в СССР. Здесь также 1932 г. был трудным годом, на протяжении которого внутриполитические установки тоже, казалось, предвещают роковой кризис. Эти установки позволят нам лучше понять то, о чем шла речь выше.

III. ПЕРВЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН

Конец нэпа

Вопрос о том, когда кончился нэп, был и остается предметом споров для историков. Ответ на него представляет трудность потому, что никто в Москве не объявлял новую экономическую политику 1921 г. завершенной или прекращенной; об этом было сказано лишь значительное время спустя после ее заката*. Процесс ее конвульсивного угасания пришелся на 1928—1929 гг., когда шли сражения с правыми. Судороги, которые свели ее на нет, не были чисто политического свойства. К трудностям с заготовками продовольствия добавлялись усилия по изысканию средств для индустриализации, новая неустойчивость рубля из-за быстрого роста цен на свободном рынке, угрожающая неясность международной обстановки, крайний недостаток валюты для оплаты закупок за границей. Даже когда нэп получил полную отставку, Сталин и другие деятели продолжали тем не менее говорить о нем, будто он все еще продолжался, правда глубоко изменив свое содержание[1].

В 1928 г. резко сократились все виды частного предпринимательства. Уже годом раньше оно было охвачено кризисом, развивавшимся под воздействием различных факторов. Товарный голод ограничивал объем возможных операций. Нажим государства доделывал остальное. С одной стороны, частникам был отрезан путь к банковским кредитам, и на транспорте они платили дискриминационно высокие тарифы; с другой стороны, при налогообложении к ним применялись наиболее высокие ставки сборов и пошлин[2]. Тем не менее число мелких предпринимателей, по крайней мере в торговле в 1927 г., еще продолжало увеличиваться. Много их было на селе, особенно в окраинных республиках Средней Азии и Закавказья, где они контролировали практически все торговые точки[3]. Заготовительный кризис 1928 г. повлек за собой новое закручивание гаек по отношению к ним. Частные мельницы, число которых было довольно

---

* Те историки за пределами СССР, которые пытались установить сколько-нибудь точную дату, склоняются к последним дням 1927 г., когда происходил XV съезд ВКП(б) (*Naum Jasny*. Soviet industrialization. Chicago, 1961, p. 51; автор ссылается также на мнение польского ученого Оскара Ланге). Среди советских исследователей спор не завершен. Даже превознося «поворот», совершившийся в СССР к концу 20-х гг., Сталин все же признавал, что нэп подходит к концу, лишь в 1936 г. (*И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма. М., 1953, с. 547). В свое время непререкаемое, это мнение по сей день культивируется некоторыми историками. В дискуссиях недавнего времени преобладала иная, на наш взгляд более верная, точка зрения, по которой рубеж между 20-ми гг. и следующим десятилетием был ознаменован радикальной переменой в экономической политике Советского государства, а следовательно, служил водоразделом между двумя различными историческими периодами. См. по этому поводу: *Ю. Н. Климов*. К вопросу о периодизации новой экономической политики. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 11; выступление Ю. А. Мошкова в сборнике «Проблемы аграрной истории советского общества» (Материалы научной конференции, 9—12 июня 1969 г. М., 1971, с. 150—154); *Е. Амбарцумов*. Вверх, к вершине. Ленин и путь к социализму. М., 1974, с. 129—130.

велико, подвергались реквизициям и принудительно закрывались. Наступление на кулака сопровождалось наступлением на нэпмана. Многие договоры, по которым частникам были сданы в аренду предприятия, были аннулированы. Свобода торговли ограничивалась все больше и больше. Там, где налоговое давление не достигало цели, в ход шли административные запреты.

При невозможности контролировать рынок, на котором отсутствовали самые жизненно необходимые товары, война с остатками частного капитала — пускай даже в облике простого лоточника — неизбежно отождествлялась с борьбой против спекуляции. Началась постепенная ликвидация иностранных концессий, которые принесли советской стороне столько разочарований. Ремесленников все энергичнее подталкивали к объединению в кооперативы, угрожая в противном случае экспроприацией, а поскольку они тоже трудились главным образом в деревне, эти усилия слились воедино с общей волной коллективизации. Начавшись в 1928 г., все эти процессы резко ускорились в 1929 г. и были практически завершены в 1930 г. Государство, однако, было еще не в силах заменить своей инициативой все те виды предпринимательской деятельности, которые вплоть до этого времени осуществлялись частником. Взамен закрытых лавок не появлялись другие, это создавало новые трудности со снабжением[4]. В возникающем вакууме инициатива одиночек находила благоприятные условия — все дело было только в том, что государство не признавало ее больше законной. Скорее упраздненный, чем экономически сокрушенный, мелкий капитал не исчез: он был загнан в подполье, где все равно пытался действовать, даже после официального провозглашения его смерти.

Оптимальный вариант

В огне схваток 1928 г. родился первый пятилетний план. Начиная с 1926 г. в двух учреждениях, Госплане и ВСНХ, один за другим подготавливались различные проекты плана. Их разработка сопровождалась непрерывными дискуссиями. По мере того как одна схема сменяла другую, превалирующей становилась тенденция — на ней настаивали как представители сталинского течения, так и экономисты вроде Струмилина, — которая состояла в установлении максимальных задач индустриального развития страны[5]. Бухарин и его группа пытались было воспротивиться этому. Чересчур честолюбивые цели без необходимого экономического обоснования, говорили они, приведут к потрясению экономики, породят опасные межотраслевые противоречия, а следовательно, обрекут на провал саму идею индустриализации. «Из кирпичей будущего нельзя построить сегодняшних заводов» — этой своей получившей широкую известность фразой Бухарин хотел сказать, что бессмысленно форсировать рост одних отраслей, если взаимодополняющие их отрасли продолжают отставать[6]. Но бухаринское крыло потерпело поражение именно на

этом поприще. Его осуждение и представление первого пятилетнего плана совпали по времени с XVI партконференцией (апрель 1929 г.).

Госплан подготовил к конференции два варианта плана: один — минимальный, или «отправной», а другой — максимальный, или «оптимальный»; его показатели превосходили показатели первого примерно на 20 %[7]. Но Центральным Комитетом уже было решено, что во внимание принимается только второй вариант. Накануне Рыков еще раз попытался внести в него некоторые поправки. Он предлагал, в частности, принять специальный двухлетний план, призванный создать «особо благоприятные условия» для сельского хозяйства и тем ликвидировать его отставание, или, как говорил Рыков, для «выпрямления сельскохозяйственного фронта». Его предложение было отвергнуто Сталиным[8]. Так, наиболее честолюбивый вариант плана сделался его официальной версией и в таком виде был утвержден после конференции также V съездом Советов в мае 1929 г. По времени он охватывал промежуток с октября 1928 г. по сентябрь 1933 г. — иными словами, в момент утверждения плана его осуществление следовало считать уже начавшимся. Планом предусматривалось, что за пятилетие выпуск промышленной продукции увеличится на 180 %, средств производства — на 230, сельскохозяйственное производство — на 55, национальный доход — на 103 %. Речь шла об ошеломительно быстром прогрессе, не имеющем прецедента в мировой истории. Выли установлены и некоторые абсолютные показатели: 10 млн. *т* чугуна, 75 млн. *т* угля, 8 млн. *т* химических удобрений, 22 млрд. *кВт* электроэнергии[9].

Утверждение первого пятилетнего плана нередко расценивается как драматический выбор всего будущего страны, то есть как сознательно принятое решение пожертвовать всем ради накопления национального богатства и укрепления базовых отраслей, обеспечивающих индустриализацию. Однако такое впечатление неточно. Это правда, что на XVI партконференции признавалось, что осуществление плана будет сопровождаться «преодолением огромных трудностей внутреннего и внешнего порядка», вытекающих в первую очередь из «напряженности самого плана»[10]. Но на конференции вовсе не говорилось, что какие-то отрасли или потребности должны быть принесены в жертву развитию других. Такое утверждение, как мы увидим, было высказано лишь задним числом. Но в апреле же 1929 г. предусматривалось, что сельскохозяйственное производство будет увеличиваться если не наравне с промышленным, то уж, во всяком случае, в достаточно существенных масштабах. То же самое относилось и к выпуску предметов потребления. Реальная зарплата в свою очередь должна была вырасти на 71 %, доходы крестьян — на 67, производительность промышленного труда — на 110 % и т. д.[11] Предусматривался, иначе говоря, гармоничный прогресс.

Многие годы спустя, обращаясь к событиям уже как к фактам политической истории, Пальмиро Тольятти заметил, что, начиная с определенного момента, «советские товарищи... перестали знакомить

в плане постановки проблем» членов братских партий с темпами «социалистического строительства»[12]. Так вот, если первое проявление этой тенденции можно датировать, то оно совпало как раз с утверждением первого пятилетнего плана. Речь шла, впрочем, не только об иностранных коммунистах, но и о самой советской компартии. Кое-кто, например некоторые экономисты — не говоря уже о бухаринских правых, — обращал внимание на внутреннюю несовместимость некоторых задач плана. Этим людям отвечали, что они настроены скептически, упадочнически, что они не верят либо заражены тоской по буржуазному прошлому, и приказывали им молчать[13]. Можно все же задаться вопросом, не было ли среди самих высших руководителей сталинского крыла более глубокого понимания того, что в решении безоговорочно взять курс на индустриализацию форсированными темпами была заложена неотвратимая необходимость последующего отказа от многих целей плана. Возможно, такое понимание и существовало, но вполне определенно этого утверждать нельзя, ибо открытого выражения оно так и не получило. У массы членов партии и ее руководителей среднего звена такое сознание, во всяком случае, отсутствовало: стенограмма прений на XVI партконференции с очевидностью показывает это.

С этого момента изменилась сама идея плана. На конференции по этому пункту выступали целых три докладчика — Рыков, Кржижановский и Куйбышев: эпизод скорее единственный, чем редкий в истории партийных и советских съездов. Рыков, подчиняясь дисциплине, защищал проект, которого не одобрял, ибо тот противоречил его тезисам, тезисам, которые он тщетно отстаивал в Центральном Комитете. Кржижановский в свою очередь выступил с докладом, весьма отличавшимся от того, который он сделал в декабре 1927 г. на XV съезде партии. Тогда он утверждал, что оба варианта плана — и минимальный и «оптимальный» — равно необходимы для обеспечения определенной свободы маневра. Планирование, кроме того, должно было носить непрерывный характер, то есть ежегодно, помимо заданий на следующий год, должны были устанавливаться задачи на предстоящие пять лет, с тем чтобы всегда была ясная перспектива общего развития. Теперь все эти идеи исчезли, но Кржижановский все же отстаивал еще свой взгляд на план как на проект, основывающийся на экономических и научных критериях[14]. Иначе ставил вопрос Куйбышев. Нужно добиться «во что бы то ни стало» — он дважды повторил эти слова — быстрых темпов развития; «во что бы то ни стало... догнать и перегнать... капиталистических врагов»[15]. Сегодня, оглядываясь назад, нетрудно понять, что именно Куйбышев, а не Кржижановский лучше всего выражал убеждения сталинского течения.

План с этого момента уже переставал быть тем, чем он был в замыслах нэповских лет, то есть инструментом сознательного управления экономикой, по-прежнему сохраняющей собственные законы и механизмы функционирования. Он становился, скорее, выражением

решительной воли, исходящей из убеждения о допустимости ломки экономических законов и механизмов, — становился, следовательно, указанием общих целей, которых следовало достичь, как уже было сказано, «во что бы то ни стало». Несколько утрируя, его можно было рассматривать как своего рода «лозунг агитации», поставленный на службу этой воле. Отныне экономическому развитию страны надлежало идти «большевистскими темпами», как они были определены[16].

«Оптимальный» вариант плана, ставший после утверждения обязательным, обосновывался Госпланом на основе того предположения, что произойдет стечение благоприятных обстоятельств: все годы будут урожайными, качественные показатели экономики — себестоимость, производительность труда, урожайность — значительно улучшатся, торговля с заграницей намного увеличится благодаря кредитам или расширению экспортных возможностей и, наконец, удельный вес затрат на оборону в общей массе расходов уменьшится[17]. Ни одной из этих надежд не суждено было сбыться. Именно на этот случай и предусматривался тот минимальный вариант, который был презрительно отброшен.

Великие стройки

Партия, страна взялись за трудную работу по выполнению пятилетки, как сокращенно стали называть «план». Целое созвездие строительных площадок возникло как в старых промышленных областях, так и в новых многообещающих районах, где раньше не было или почти не было промышленности. Шла реконструкция старых заводов в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде, в Донбассе: их расширяли и оснащали новым импортным оборудованием. Строились совершенно новые предприятия, они были задуманы масштабно и в расчете на самую современную технику; строительство велось зачастую по проектам, заказанным за границей: в Америке, Германии. План отдавал приоритет отраслям тяжелой индустрии: топливной, металлургической, химической, электроэнергетике, а также машиностроению в целом, то есть тому сектору, который призван будет сделать СССР технически независимым, иначе говоря, способным производить собственные машины. Для этих отраслей и создавались гигантские строительные площадки, возводились предприятия, с которыми навек будет связана память о первой пятилетке, о которых будет говорить вся страна, весь мир: Сталинградский и Челябинский, а потом и Харьковский тракторные заводы, огромные заводы тяжелого машиностроения в Свердловске и Краматорске, автомобильные заводы в Нижнем Новгороде и Москве, первый шарикоподшипниковый завод, химические комбинаты в Бобриках и Березниках.

Самыми знаменитыми среди новостроек были два металлургических комбината: Магнитогорский — на Урале и Кузнецкий — в За-

падной Сибири. Решение об их сооружении было принято после долгих и острых споров между украинскими и сибирско-уральскими руководителями, начавшихся в 1926 г. и затянувшихся до конца 1929 г. Первые подчеркивали, что расширение уже существующих металлургических предприятий на юге страны потребует меньших расходов; вторые — перспективность индустриального преобразования советского Востока. Наконец, соображения военного порядка склонили чашу весов в пользу вторых[18]. В 1930 г. решение получило развернутый крупномасштабный характер — создание в России наряду с южной «второй промышленной базы», «второго угольно-металлургического центра». Топливом должен был служить уголь Кузбасса, а руда — доставляться с Урала, из недр знаменитой горы Магнитной, давшей название городу Магнитогорску. Расстояние между двумя этими пунктами составляло 2 тыс. *км.* Длинные железнодорожные составы должны были совершать челночные рейсы от одного к другому, перевозя руду в одном направлении и уголь в обратном. Вопрос о расходах, связанных со всем этим, не принимался во внимание, раз речь шла о создании нового мощного индустриального района, удаленного от границ и, следовательно, защищенного от угрозы нападения извне.

Многие предприятия, начиная с двух колоссов металлургии, сооружались в голой степи или, во всяком случае, в местах, где отсутствовала инфраструктура, за пределами или вообще вдали от населенных пунктов. Апатитовые рудники в Хибинах, призванные дать сырье для производства суперфосфата, размещались вообще в тундре на Кольском полуострове, за Полярным кругом. История великих строек необычна и драматична. Они вошли в историю как одно из самых потрясающих свершений XX в. России не хватало опыта, специалистов, техники для осуществления работ такого размаха. Десятки тысяч людей принимались строить, практически рассчитывая лишь на собственные руки. Лопатами они копали землю, нагружали ее на деревянные повозки — знаменитые грабарки, которые бесконечной вереницей тянулись взад и вперед с утра до ночи. Очевидец рассказывает: «Издали строительная площадка казалась муравейником... В тучах пыли работали тысячи людей, лошадей и даже... верблюды»[19]. Сначала строители ютились в палатках, потом — в деревянных бараках: по 80 человек в каждом, меньше 2 *кв. м* на душу[20].

На сооружении Сталинградского тракторного завода впервые было решено продолжать стройку и зимой. Нужно было торопиться. Поэтому работали и при 20, 30, 40 градусах мороза. На глазах у иностранных консультантов, порой восхищенных, но чаще скептически относящихся к этой картине, которую они воспринимали прежде всего как зрелище грандиозного хаоса, устанавливалось дорогостоящее и самое современное оборудование, купленное за границей.

Один из руководящих участников так вспоминает рождение первого Сталинградского тракторного завода: «Даже тем, кто видел это время своими глазами, нелегко бывает вспомнить сейчас, как все это

выглядело. Людям помоложе и вовсе невозможно представить все то, что встает со страниц старой книги. Одна из глав ее называется так: «Да, мы ломали станки». Эту главу написал Л. Макарьянц — комсомолец, рабочий, приехавший в Сталинград с московского завода. Даже для него были дивом американские станки без ременных трансмиссий, с индивидуальным мотором. Он не умел с ними обращаться. А что говорить о крестьянах, пришедших из деревни? Были и неграмотные — читать и писать было для них проблемой. Все было тогда проблемой. Не было ложек в столовой... Были проблемой клопы в бараке...» А вот что писал первый директор Сталинградского тракторного завода в книге, вышедшей в начале 30-х гг.: «В механосборочном цехе я подошел к парню, который стоял на шлифовке гильз. Я предложил ему: «Померь». Он стал мерить пальцами... Инструмента, мерительного инструмента у нас не было»[21]. Одним словом, это был скорее массовый штурм, нежели планомерная работа. В этих условиях многочисленными были акты самоотверженности, личного мужества, бесстрашия, тем более героические, так как в большинстве своем им суждено было остаться безвестными. Были люди, которые ныряли в ледяную воду, чтобы заделать пробоину; которые даже с температурой, без сна и отдыха, по несколько суток не уходили с рабочего поста; которые не спускались с лесов, даже чтобы перекусить, — лишь бы поскорее пустить в ход домну...

Среди советских авторов, доверяющих сегодня бумаге свои размышления о том периоде и оценивающих его в соответствии с собственными идейными предпочтениями, одни склоняются к тому, чтобы приписать заслугу этого порыва необыкновенной стойкости русского народа в самых тяжелых испытаниях, другие, напротив, — скрытой энергии, таившейся в народных массах и высвобожденной революцией[22]. Как бы то ни было, из многих воспоминаний явствует, что мощным стимулом для множества людей служила мысль о том, что за короткий срок, ценой изнурительно тяжелых усилий можно создать лучшее, то есть социалистическое, будущее. Об этом говорилось на митингах. На собраниях вспоминали о подвигах отцов в 1917—1920 гг. и призывали молодежь «преодолеть все трудности» ради закладки фундамента «светлого здания социализма»[23]. В то время, когда во всем остальном мире свирепствовал кризис, «молодежь и рабочие в России, — как заметил один английский банкир, — жили надеждой, которой, к сожалению, так недостает сегодня в капиталистических странах». Подобные коллективные чувства не рождаются путем стихийного размножения. Несомненно, суметь вызвать и поддержать подобную волну энтузиазма и доверия само по себе немалая заслуга; и эта заслуга принадлежала партии и сталинскому течению, которое отныне полностью руководило ею. Нельзя отказать в обоснованности рассуждению Сталина, когда он в июне 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) заявил, по сути дела выдавая свою сокровенную мысль, что, не будь идеи «социализма в одной стране», не был бы возможен и этот порыв. «Отнимите у него

(рабочего класса. — *Прим. ред.*) уверенность в возможности построения социализма, и вы уничтожите всякую почву для соревнования, для трудового подъема, для ударничества»[24].

Скомканный план

На этом, однако, было бы рано ставить точку в разговоре о плановом руководстве, а следовательно, о правильном применении всей той колоссальной массы материальных средств и человеческой энергии, которая им охватывалась. План был утвержден весной 1929 г. Уже во второй половине того же года он был полностью искорежен. Следует обратить внимание на дату: она знаменует один из самых критических моментов советской истории. Мы не раз еще вернемся к нему. Это был момент, когда осуждение Бухарина и других правых было предано гласности. Это был также период перехода к массовой и принудительной коллективизации. Всякое сопротивление внутри ядра высших руководителей было сломлено.

В эти же месяцы было намечено ошеломительное ускорение выполнения плана. Началось с выдвижения лозунга «Пятилетку — в четыре года!». Речь еще раз шла об одном из тех «лозунгов агитации», которые Сталин считал необходимыми для осуществления руководства. Лозунг писали на красных полотнищах, которые вывешивались в заводских цехах, повторяли на митингах вперемежку с бранью в адрес «маловеров и нытиков» из числа правых. В Москву отправлялись «красные составы», груженные «сверхплановой продукцией». Между тем выполнить за четыре года программу, которая, как признавалось, очень трудна и напряженна даже для пятилетнего срока, «было явно малореалистической задачей»[25], а следовательно, сопряженной с риском и для самой «агитации». Сталин все же не остановился на этом: он пошел дальше. Кампания «пятилетку — в четыре года» сопровождалась нарастающим, астрономическим раздуванием предусмотренных показателей.

По пятилетнему плану, выплавку чугуна предусматривалось довести с 3—5 до 10 млн. *т*. Это было много, даже слишком много, по мнению многих специалистов. Но в январе 1930 г. Куйбышев объявил решение увеличить ее до 17 млн. *т* (10 — на Украине и 7 — на урало-сибирском комплексе) за тот же отрезок времени[26]. Потенциальные мощности, запроектированные для Кузнецка и Магнитогорска, были увеличены в четыре раза. За первый год пятилетки (1928—1929) промышленное производство выросло примерно на 20 %, то есть чуть меньше, чем предусматривалось планом (21,4 %), но все же весьма существенным образом. Тогда было решено, что его прирост на протяжении второго года* должен составить 32 %, то есть будет больше чем наполовину превышать запланированный уровень[27].

---

* Если до этого времени финансовый год в СССР всегда совпадал с сельскохозяйственным (т. е. начинался 1 октября и кончался 30 сентября), то с начала нового деся-

Один из самых лихорадочных приступов этого повышения показателей пришелся на XVI съезд партии (июнь — июль 1930 г.). По одной из версий, еще накануне съезда Сталин с Молотовым явились в Совнарком и потребовали, чтобы все цифры плана в целом были удвоены; на этот раз даже Рыков не решился возражать[28]. Как бы то ни было, в своем докладе на съезде Сталин потребовал гигантского увеличения заданий пятилетки, утверждая, что «по целому ряду отраслей промышленности» план может быть выполнен «в три и даже в два с половиной года». Требовалось произвести, таким образом, не только 17 млн. *т* чугуна, но также 170 тыс. тракторов вместо запланированных ранее 55 тыс., вдвое больше цветных металлов, автомобилей, сельскохозяйственных машин и т. д. Причем и на этот раз Сталин выдвигал эти задачи как тяжелое, но необходимое решение. Наоборот, он уверял, что одновременно будет происходить увеличение выпуска потребительских товаров, ибо «мы имеем теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую, и легкую индустрию»[29].

Наслаивание все более впечатляющих плановых заданий происходило почти в течение всего хода выполнения пятилетки. Сами по себе они могли выглядеть и не такими уж произвольными, особенно в глазах людей, которые с энтузиазмом отдавали все силы нечеловеческому труду на стройках пятилетнего плана. В самом деле, за ними стояли реальные трудности, такие как нехватка металла, который приходилось поэтому ввозить из-за границы, оплачивая золотом, возросшая потребность в сельскохозяйственной технике, обусловленная масштабами и драмами коллективизации, и т. д. Складывается, однако, впечатление, что каждая вновь возникающая или непредусмотренная проблема решалась простым повышением соответствующих цифр плана без какой-либо корректировки других его показателей, отчего эти последние делались все менее достижимыми. Таковы шутки, которые способен разыгрывать не знающий пределов волюнтаризм. Страна была охвачена индустриальной лихорадкой, своего рода помешательством, пароксизмы которого затянулись вплоть до 1932 г. Для того чтобы найти что-либо похожее в истории нашего столетия, нужно перенестись к концу 50-х гг., периоду «большого скачка» в Китае. Результаты и в том и в другом случае были весьма далеки от ожидаемых.

Разумеется, то и дело звучавший в речах руководителей неотступно тревожный призыв строить поскорей имел под собой основания. Но уже во второй половине 1930 г. можно было видеть, что подобный путь не ведет к ускорению прогресса: темпы роста не увеличивались, а, скорее, падали. Объем производства за год вырос не на 32 %, как требовалось, а — по противоречивым свидетельствам офи-

---

тилетия. с 1931 г., планово-финансовые расчеты стали приурочиваться к астрономическому году (с 1 января по 31 декабря). В этом также проявился перенос внимания с сельского хозяйства на промышленность. Второй год пятилетки, таким образом, оказался удлиненным за счет «особого квартала» до окончания астрономического 1930 г.

циальных источников — лишь на 22 %, да и то в промышленности, то есть той сфере, где были сосредоточены все усилия и средства. Тем не менее Сталин заявил, что в следующем году можно и должно увеличить выпуск промышленной продукции на 45 %[30]. Это заявление содержалось в его знаменитой краткой речи, произнесенной в феврале 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

Знаменитой эта речь стала прежде всего благодаря высказыванию, которому суждено было обернуться поразительным пророчеством: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Десять лет спустя наступил 1941 г. — год нападения нацистов на СССР. Речь эта, впрочем, заслуживает внимания не только по названной причине. Тем, кто спрашивал, нельзя ли замедлить темпы индустриализации, Сталин отвечал категорическим: «Нет, нельзя!» Этот свой ответ он впервые подкреплял обращением к патриотическому чувству, к уязвленной гордости за «матушку-Русь». Иностранцы всегда били Россию за ее отсталость. Сталин приводил строки поэта Некрасова: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка-Русь». И добавлял: «Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться»*. Правда, сразу вслед за этим он вводил интернационалистский мотив, напоминание об «обязательствах» русского рабочего класса по отношению к мировому пролетариату, от которого он в прошлом получил поддержку и надежды которого должен оправдать; напоминание о том, «что мы делаем дело, которое в случае успеха перевернет весь мир и освободит весь рабочий класс»[31]. Однако ценность этой речи, притом даже, что она содержит некоторые из самых удачных приемов ораторского искусства Сталина, выглядит существенно иной, когда мы обнаруживаем, что в ней он ставит перед страной совершенно нереалистические цели, закрывая глаза на неумолимые причины, делающие такое целеуказание произвольным.

Кульминационная точка этого безрассудного вздувания обязательств была ознаменована XVII партконференцией в январе — феврале 1932 г., когда были сформулированы первые директивы на второй пятилетний план, который должен был закончиться в

---

* Возросшее значение чисто русского мотива в рассуждениях Сталина в тот период подтверждается письмом, написанным им тогда же поэту Демьяну Бедному. В письме, выдержки из которого были опубликованы лишь в 1951 г., Сталин высказывал два утверждения, окрашенных в тона своеобразно обновленного национализма. «Революционеры всех стран, — писал он, — признают в СССР единственное свое отечество». «Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду рабочих, как признанному своему вождю...» Среди самих советских рабочих Сталин, следовательно, проводил различие в пользу русских рабочих, провозглашенных авангардом всех рабочих: сначала в СССР, а затем и во всем мире (*И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 24—25).

1937 г. В докладах Молотова и Куйбышева, а также в резолюции о пятилетнем плане говорилось, что к этому времени производство электроэнергии должно быть доведено до 100 млрд. *кВч*, а угля — до 250 млн. *т*, чугуна — до 22 млн. *т*, нефти — до 80—90 млн. *т*, зерна — до 130 млн. *т*. Одним словом, советская экономика должна была прыжком достигнуть американского уровня. Чтобы дать читателю возможность самому оценить эти цифры, скажем лишь, что намеченные показатели были реализованы в СССР лишь в 50-е гг.[32] Как мы увидим, два года спустя, при окончательном определении показателя второй пятилетки, они были отброшены и резко сокращены.

Источники накопления

Если бы гигантомания служила лишь выражением чрезмерного честолюбия, пускай иррациональным, но все же стимулом к тому, чтобы производить больше и быстрей, — все это было бы еще полбеды. Все дело в том, что она не была просто «лозунгом агитации». Она была указанием, более того — точной директивой к действию. Она претворялась, иначе говоря, в обязательные технические проекты, огромные капиталовложения, в нарастающую гору начинаний, не предусмотренных планом. Она вызывала огромное распыление средств вместо их сосредоточения во имя быстрейшего получения результатов. Одним из самых поучительных примеров может служить случай с заводами синтетического каучука. Благодаря открытиям советских химиков этот материал был тогда только что впервые получен в СССР. Речь шла пока об экспериментальном, а не о промышленном производстве. Специалисты, начиная с самих авторов открытия, колебались относительно целесообразности сооружения даже одной-двух крупных установок по производству каучука. По инициативе же Сталина было решено построить десять таких установок[33]. Конечно, СССР испытывал огромную потребность в резине, ибо природный каучук полностью отсутствовал среди его естественных ресурсов. Но приказы Сталина не были решением проблемы: за все 30-е гг. удалось наладить производство лишь на трех заводах. И примеры такого рода были типичны не для одной только химии. Множилось число начатых и незавершенных строек: к концу пятилетки в них было заморожено 76 % капиталовложений против 31 % вначале[34], что уже тогда считалось слишком высоким показателем.

Финансовые средства для инвестиций были скудны и добыты с трудом. Это были деньги, полученные ценой жестоких лишений, голода и слез, или, говоря словами сегодняшних советских учебников истории, «не считаясь с усилиями, жертвами и лишениями», отказывая себе «даже в самом необходимом»[35]. Между тем теперь, когда индустриализация выходила далеко за рамки того, что кто-либо даже в троцкистских кругах осмеливался проектировать в 20-е гг., проблема накопления вставала уже не как предмет теоретических споров

или политических столкновений, но как неумолимая практическая потребность. За исключением нескольких краткосрочных займов, существенной помощи из-за границы не поступило. В связи с этим доля накоплений в национальном доходе, то есть та его часть, которая изымалась из потребления и служила в первую очередь для финансирования капиталовложений и обеспечения производства, должна была превысить треть его объема[36]. Высказанная Преображенским и подхваченная позже Сталиным идея об изъятии необходимых средств у несоциалистических секторов экономики, то есть прежде всего у деревни, на первых порах могла найти лишь частичное применение. Это прабда, что с практической ликвидацией капиталистического сектора оставалось лишь крестьянство. Сейчас признается, что сельское хозяйство служило одним из главных источников накопления. При нынешнем состоянии знаний по этому вопросу невозможно, однако, установить, какая именно часть его приходилась на село. Хотя среди самих советских историков существует на этот счет расхождение во мнениях, убедительным выглядит тезис, по которому вплоть до 1932 г. ресурсы, выкачанные из деревни, пускай даже и крупные сами по себе, не представляли собой наиболее внушительной части и, во всяком случе, оставались далеки от того, чтобы целиком покрывать расходы на индустриализацию[37]. Уже сами перипетии коллективизации, по крайней мере в годы первой пятилетки, препятствовали получению большего: наряду с другими руководителями Сталин тоже признавал, что новые коллективные сельские предприятия нерентабельны[38]. Тем более высокой была доля, которую пришлось взимать со всего остального населения, включая рабочих.

Способы, с помощью которых это делалось, были различны: далеко не все они были предусмотрены вначале. За четыре года, с 1 января 1929 г. по 1 января 1933 г., находящаяся в обращении денежная масса увеличилась в четыре раза[39]. Отсюда сильное давление на рубль. Если в начале пятилетки Советское правительство старалось продолжать политику предыдущих лет, направленную на поддержание стабильных цен или даже их понижение, то начиная с 1931 г. был взят курс на значительное повышение цен на все потребительские товары[40]. Надежда на получение средств от растущих прибылей государственных промышленных предприятий оправдалась лишь незначительно: в эти годы указанный источник финансирования ни разу не фигурировал на первом месте в бюджетной графе доходов и неизменно давал поступления ниже предусмотренных. Главным источником пополнения ресурсов были поэтому прямые и косвенные налоги[41]. В 1930 г. перестало хватать и этих поступлений: весь финансовый план государства рисковал полететь вверх тормашками. Местные партийные организации захлестнул тогда поток инструкций (одна секретная инструкция была подписана лично Сталиным) с требованием усилить фискальные сборы[42]. Со следующего года главным источником бюджетных поступлений стал «налог с обо-

рота», начисляемый на цену всех товаров в розничной торговле, а стало быть, взимаемый автоматически[43]. Другим источником были займы, размещаемые среди населения. Их выпуск начался в 1926 г. Вряд ли можно утверждать, что с самого начала они носили принудительный характер; однако по мере того, как потребности пятилетки становились все настоятельнее, практически займы сделались обязательными[44]. В следующей главе мы рассмотрим, каков был эффект этих, в целом весьма тяжелых мер.

Еще труднее было изыскивать средства для оплаты зарубежных закупок, которые в годы первой пятилетки были весьма внушительными. В 1928—1929 гг. для получения золота от частных лиц, которые могли обладать им, в ход было пущено ГПУ и применены методы «непосредственного воздействия»; добытого, однако, было далеко не достаточно. Как мы уже видели, воздействие мирового кризиса на советскую внешнюю торговлю было отнюдь не благоприятным. Товарами, которыми СССР оплачивал тогда свой импорт, были главным образом хлеб, лес, нефть, меха. Если исключить последние, речь шла о товарах, в которых страна сама испытывала острую нужду. В особенности это относится к хлебу. В 1930 и 1931 гг. СССР экспортировал 10 млн. *т* зерна, примерно по 5 млн. *т* в год; для сравнения напомним, что в 1928 г. он продал за границу лишь 99 тыс. *т* хлеба[45]. Производство зерновых за это время выросло ненамного, во всяком случае не на столько, чтобы оправдать такой скачок. Положение с продовольствием в стране было в эти два года не менее напряженным, чем в драматическом 1928 г. За границу, таким образом, вывозились не излишки, а тот хлеб, который не ели жители страны. Для оплаты заграничных счетов продавались даже художественные произведения из музеев[46]. Но и при всех этих ухищрениях план по импорту был выполнен менее чем наполовину. В то же время он был перевыполнен (105 %) в той части, которая касалась закупки оборудования и дефицитного сырья. Это означает, что ввозились только машины (в 1931 г. они составили 93 % всех закупок), при отказе от всего остального, сколь бы необходимым оно ни было[47].

План был предельно напряженным с самого начала, причем настолько, что попытки дальнейшего форсирования его, какими бы мотивами они ни вдохновлялись, могли принести лишь вред. Не раз выражалось восхищение по поводу того железного, безжалостного упорства, с каким сталинское руководство сумело шаг за шагом собрать воедино энергию страны и направить ее на выполнение первоочередной задачи: создание тяжелой индустрии, основы могущества и независимости страны. Было бы неверным, конечно, игнорировать значение, которое этот фактор имел в жизни Советского Союза. Тем не менее, начиная с определенной черты, он обращался против провозглашенных и выполняемых задач. Вину за ошибки и распыление средств нередко приписывали также неопытности плановиков. Довод этот справедлив только отчасти. Дискуссия 1928—1929 гг. показывает, что в предостережениях не было недостатка. Не было в

них недостатка и позже. Всех, кто возражал, убирали[48]. Сам Кржижановский, податливый сторонник «научного» планирования, был смещен в 1930 г. Вместо него во главе Госплана был поставлен Куйбышев, знаменосец «большевистских», то есть максимальных, темпов индустриализации. С другой стороны, сам опыт выполнения плана не мог не настораживать против эксцессов авантюризма. Пример с внешней торговлей был лишь одним из многих, доказывавших несостоятельность утвержденного в 1929 г. проекта, с его неоправдавшимися надеждами на стечение наиболее благоприятных обстоятельств. Другим — и куда более тяжким — примером была коллективизация со своими последствиями; но об этом будет отдельный разговор.

Тревожные сигналы тем временем множились. Сами блестящие количественные результаты первых лет пятилетки были достигнуты ценой быстрого, а в некоторых случаях и «недопустимого» ухудшения всех качественных показателей[49] производительности труда, себестоимости; качество выпускаемых изделий становилось все более низким. Реальные расходы на строительство были намного выше сметных. Те «узкие места», против которых предостерегал Бухарин, не замедлили обнаружить себя. Ощущалась нехватка всего: сырья, топлива, заготовок, стройматериалов. В конечном счете получать их могли лишь первоочередные стройки, предприятия и отрасли, причисленные к числу наиболее важных и безотлагательных. Жесткий порядок очередности был установлен, когда распределение всех материалов пришлось организовать из центра. Еще более драматическим образом напоминал о себе недостаток техников и квалифицированных рабочих. Дорогостоящие машины, с таким трудом купленные за границей, приводились в негодность или долго не достигали установленной производительности, а то и просто ржавели в ящиках. Процент брака был чрезвычайно высоким: на Московском заводе шарикоподшипников, например, он колебался в пределах от 25 до 65 %[50]. Ради ускорения ввода в строй на крупных предприятиях сооружали главные корпуса, но все остальное — от вспомогательных служб до жилья — безнадежно отставало. Вокруг современного прокатного стана или только что купленного в Америке сборочного конвейера люди передвигались в грязи, среди куч строительного мусора и всякого хлама. Сооружались новые шахты, но в старых тем временем отсутствовали подъемники для спуска и подъема людей[51]. Все это сказывалось на рентабельности капиталовложений.

Одно из самых серьезных «узких мест» обнаружилось с 1930 г. на транспорте. На протяжении 1931 г. два Пленума ЦК вынуждены были специально заниматься этим вопросом. Вся система коммуникаций в СССР серьезно отставала. Железнодорожная сеть в 20-е гг. постепенно оправилась от послевоенного кризиса; в значительно меньшей степени это можно было сказать о речном и морском транспорте. Планом и не предусматривалась радикальная модернизация транспорта, поскольку считали, что при некотором расширении транспорт-

ных путей наличных средств должно будет хватить. На практике даже эти проекты не были реализованы: отрасль получила лишь немного больше половины ассигнованных ей средств, остальное было поглощено промышленностью. Из предусмотренных планом новых путей была реально сооружена только треть [52]. Все оснащение осталось старым, в то время как нагрузка намного увеличилась: нужно было удовлетворять растущие потребности новых строек и заводов. Вызванное индустриализацией и коллективизацией общее потрясение повлекло за собой крупные перемещения населения. В годы первой пятилетки территориальная мобильность достигла высочайшего уровня: огромные толпы странствовали по стране из конца в конец. Станции были забиты людьми, которые сутками ожидали поезда, неизвестно когда приходящего и отбывающего, чтобы штурмом взять вагоны. Подвижной состав часто выходил из строя, поезда прибывали с большим опозданием, что не могло не сказываться на положении дел на срочных стройках, межотраслевых поставках, на взаимоотношениях между изготовителями продукции и рынком[53].

В довершение всего тяжким бременем на ход дел ложилось ухудшение международной обстановки. Уже на XVI партконференции в 1929 г. Кржижановский говорил о возможной необходимости частично пересмотреть оборонные аспекты плана, исключая, впрочем, фундаментальные перемены[54]. На самом деле все оказалось хуже. Сейчас трудно установить, в какой мере неожиданные затраты на армию повлияли на программы более общего характера, потому что для такого рода расчетов нет необходимых исходных данных. Если верить одному из официальных источников, эти расходы за годы пятилетки выросли в десять раз[55]. Некоторые промышленные предприятия были переоборудованы для выпуска оборонной техники, прежде всего танков и самолетов. Бремя вооружений еще больше возросло к концу пятилетия, особенно с 1932 г., после японской агрессии в Маньчжурии и возникновения новой напряженности на западных границах. По крайней мере таково было объяснение, публично данное Сталиным. Бюджетные расходы на оборону увеличились с 880 млн. руб. в 1928—1929 гг. до 1288 млн. в 1931 г.; затем произошло скачкообразное увеличение до 5 млрд. руб., но это было уже в 1934 г.[56]

Успехи и диспропорции

Как бы то ни было, в конце 1932 г. пятилетка была объявлена завершенной в четыре года и три месяца. В обширном докладе на объединенном Пленуме Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б) 7 января 1933 г. Сталин лично изложил, что, на его взгляд, должно было считаться результатами выполнения плана. Сам этот факт — выполнение — оспаривался бессчетное число раз. Речь шла прежде всего о политической операции, сокровенный смысл которой откроется нам позже. Советская историография, даже

противореча себе во многом, по сей день отстаивает первоначальный сталинский тезис; почти все зарубежные исследователи отвергают его. Оценка подлинных результатов, достигнутых к концу 1932 г., порождает разногласия и продолжает оставаться предметом споров[57]. Углубление в подобную дискуссию, сколь бы интересным оно ни было само по себе, увело бы нас в сторону от целей нашего анализа. Дело в том, что в ходе самого выполнения план был до такой степени скомкан и переиначен, что в его итогах чрезвычайно трудно распознать его первоначальный облик, тот вариант, который был утвержден в 1929 г. Задача поэтому состоит не столько в том, чтобы установить, был ли план выполнен или нет, сколько в том, чтобы подвести итоги развитию страны за четыре года. Ради этой цели мы можем воспользоваться советскими оценками — самыми оптимистическими из всех, — ограничившись лишь напоминанием, что почти вся статистика Запада считает необходимым скорректировать их в сторону уменьшения.

Итак, все усилия постепенно сосредоточились на промышленности, более того — на тяжелой индустрии. Однако и в этих отраслях не был достигнут запланированный уровень. Правда, выпуск промышленной продукции в 1932 г. удвоился в сравнении с 1928 г., в то время как по оптимальному варианту он должен был вырасти на 180 %, а по минимальному — на 135 %. Но что касается отраслей «группы А», производящих средства производства (в соответствии с классической Марксовой схемой, которой пользуются советские плановики), то их уровень производства повысился лишь на 170 % вместо запрограммированных 230 %. Это и не удивительно, потому что со второй половины 1930 г. темпы роста здесь были ниже предусмотренных планом[58]. Пока речь шла о процентах. Если же обратиться к главным отраслям промышленности, где достижения измеряются в абсолютных цифрах, то можно убедиться, что их рост не только не приблизился к астрономическим наметкам, раз за разом устанавливавшимся Сталиным и Куйбышевым, но не достиг и тех, тоже, впрочем, весьма высоких, показателей, которые значились в первоначальной редакции пятилетнего плана. Было выплавлено не 17 млн. *т* чугуна или стали (выполнения чего «во что бы то ни стало» требовал Сталин) и даже не 10 млн., а около 6 млн. *т*. Выработка электроэнергии составила 13,5 млрд. *кВч* вместо 22 млрд. по плану. Плановые задания, напротив, были выполнены по добыче нефти и почти выполнены по добыче угля (65 млн. *т* против 75 млн.). Химическая промышленность осталась весьма далека от намеченных целей. В особенности это касалось производства удобрений: вместо запланированных 8 млн. *т* было изготовлено меньше 1 млн. Нам придется учитывать это обстоятельство, когда мы перейдем к рассмотрению проблем деревни, тем более что пятилетка не была выполнена и по производству тракторов[59].

Эти результаты были получены при гораздо более высоких, чем было предусмотрено, расходах. Капиталовложения в промышлен-

ность составили 23,3 млрд. руб. вместо 16,4 млрд., ассигнованных вначале, и при этом тяжелой индустрии досталась значительно большая их часть, чем было предусмотрено[60]. Отсюда главное искажение плана. Легкая промышленность — «группа Б» по Марксовой схеме — была принесена в жертву. Сельскохозяйственное производство претерпело не подъем, а сильное падение. Реальная зарплата и доходы населения уменьшились. Транспорт, как уже было сказано, переживал кризис.

Но, если эти итоги и показывают, насколько расточительной оказалась лихорадка гиперболических цифр и фантастических проектов, которая охватила сталинское руководство, было бы вместе с тем грубой ошибкой рассматривать пятилетку как неудачу. Законна та гордость, с какой этот подвиг сохраняется в коллективной памяти советских народов. «Люди строили заводы в неслыханно трудных условиях, — скажет позже Эренбург. — Кажется, никто нигде так не строил, да и не будет строить»[61]. В чудовищно напряженном и хаотическом движении вперед были заложены основы индустриализации страны. Статистические показатели могут быть оспорены. Человечески невозможно было, чтобы темпы роста соответствовали предписаниям, спускавшимся сверху. Эти темпы были ниже предусмотренных, но все же очень высокими, под каким бы углом зрения их ни рассматривать[62]. Полторы тысячи крупных предприятий было построено или реконструировано настолько, что практически они стали новыми. Много других осталось в незавершенном виде: они будут достроены в последующие годы, и тогда скажется их благотворный вклад в развитие экономики. Несмотря на нечеловеческие трудности, Магнитогорск и Кузнецк становились явью. Электростанция на Днепре была закончена. Машиностроение добилось потрясающих успехов, хотя и по сей день их нелегко измерить; появились целые отрасли, каких не было в России: самолетостроение, тракторные и автомобильные заводы, станкостроительные предприятия. Из страны, ввозящей оборудование, СССР превращался в страну, производящую оборудование. Станочный парк в промышленности обновился более чем наполовину. Именно тогда был заложен фундамент советского могущества. В особенности это относилось к производству современных видов вооружений[63]. Среди иностранных наблюдателей было все больше таких, которые улавливали очертания этой действительности под бесформенной магмой изуродованной пятилетки[64].

И, однако, в те же самые годы возникли настолько серьезные и глубокие диспропорции, что еще на десятилетия вперед они будут характерны для всего развития экономики и общества в СССР. В конце 1932 г. они достигли таких масштабов, что стали серьезно угрожать самому ходу индустриализации. Вероятно, то был один из мотивов, побудивших перевернуть страницу и объявить пятилетку завершенной. Теперь Сталин вынужден был объяснить ранее принятые без обсуждения решения и признать, что в жертву индустриализации было принесено потребление[65]. Теперь ему приходилось соглашать-

ся — правда, с таким видом, словно речь шла о его собственном открытии, — с тем, что темпы роста промышленного производства не могут повышаться непрерывно, год от года, а что, напротив, им суждено несколько сократиться. Двумя годами раньше он презрительно высмеивал этот самый тезис, отстаивавшийся его противниками, которые говорили о «затухающей кривой роста»[66]. Все это, впрочем, не мешало Сталину неизменно придавать своим отчетам подчеркнуто победоносный характер.

IV. КРЕСТЬЯНЕ В КОЛХОЗАХ

Напряженность в деревне

Яростный штурм первой пятилетки сочетался с коллективизацией сельского хозяйства. После революции страна не знала подобного ужасающе бурного внутреннего процесса. Нельзя, однако, представлять себе этот новый этап аграрных преобразований чем-то вроде урагана, налетевшего на страну, где жизнь протекала с буколической безмятежностью. Это правда, что крестьянские массы воспринимали их как катаклизм. Но, с другой стороны, кризис, который советская деревня переживала в 20-е гг., был реальным кризисом.

С революцией крестьяне получили землю, и все же десять с лишним лет спустя они жили еще под гнетом нищеты и бескультурья. Индустриализация вызвала массовый уход с земли. На селе начиналась вербовка рабочей силы. На новые стройки приходили порой целые деревни во главе со своими «старостами», с собственными тачками и лопатами. Как ни билось большинство земледельцев, жили они плохо. «Дети ходят раздетые... Лошадь меня объедает...», — говорил один из них[1]. Хотя влияние коммунистов в деревне было невелико, а неграмотность — повсеместной, среди крестьян бродили новые идеи. Патриархальные устои так и не возродились.

В убедительном, хотя, пожалуй, излишне оптимистичном выступлении Баумана на XV съезде ВКП(б) описывались те резкие контрасты, к которым все это приводило: появление групп комсомольцев и «звериная ненависть» к коммунистам; первое пробуждение интереса к мировой политике и «одновременно антисемитизм»; радиоантенны над соломенными крышами избенок и беспросветный алкоголизм; незавершенность «дела буржуазно-демократической революции» и замыслы социалистической революции. Кто в прежней русской деревне знал о событиях в Китае? Теперь же новости доходили и до села, и кое-кто радостно восклицал: «В Китае побили всех коммунистов, скоро и у нас будут бить»[2].

Путь к повышению низкого уровня производительности сельского хозяйства лежал через крупное хозяйство, объединение усилий и материальных средств, широкое внедрение механизации — кто-кто, а большевики всегда исходили из этого убеждения. Идея была разумной. Однако, даже прозябая в далеко не блестящих условиях, крестьянин — и в особенности пресловутый середняк — сохранял недоверчивость к такого рода проектам. Помимо привязанности к недавно обретенному земельному наделу в его психологии была заложена еще глубинная враждебность к крупному хозяйству. Из-за многовекового опыта угнетения оно ассоциировалось у

крестьянина с невозможностью трудиться на себя, с обязанностью работать на других, чуть ли не с возвратом крепостного права. Мотив этот, кстати, не случайно был широко использован противниками коллективизации. В теории классиков марксизма — Маркса и Энгельса, а затем Ленина — необходимое преодоление подобного крестьянского мышления неизменно связывалось с медленным процессом, в ходе которого возрастающее давление экономических потребностей сопровождается возникновением технико-агрономических предпосылок, способных намного повысить производительность земледельческого труда. XV съезд ВКП(б) подтвердил верность этой линии.

Да и в те месяцы 1928—1929 гг., на протяжении которых споры о коллективизации становились все более напряженными, не было никаких резких отходов в сторону от этого ориентира. Бухаринцы предчувствовали, что дело придет к этому, но сталинское течение отрицало такую возможность. В существе своем курс не был изменен и на XVI партконференции в апреле 1929 г., хотя на ней и ощущался куда более сильный нажим в пользу сокращения сроков процесса. Конференция постановила, что за годы пятилетки 5—6 млн. дворов, то есть примерно 20 % крестьянских семей, должны быть объединены в предприятия социалистического типа[3]. Задуманы они были как крупные хозяйства с обширными угодьями. Что касается зерновой проблемы, то главная роль в ее решении отводилась совхозам: предполагалось, что эти государственные хозяйства смогут с помощью техники освоить огромные пространства залежных земель.

Стимулы, призванные побудить крестьян к вступлению на новый путь, должны были быть разными. Развитие кооперации, в том числе и в самых простых ее формах, еще отнюдь не сбрасывалось со счета; да к тому же она приобрела к этому времени уже большое распространение. Немалые надежды возлагались на так называемую контрактацию — систему договоров, заключаемых государственными закупочными органами с сельскими кооперативами или сообществами; получая кредиты или определенные услуги, эти последние гарантировали сдачу государству зерна или других продуктов. Однако в роли самого важного рычага неизменно выступала механизация, распространение современной агротехники. Речь шла и о химических удобрениях, но прежде всего о машинах, обобщающим символом которых служили первые «тракторные колонны». Выезд таких колонн — обычно из совхозов, и в первую очередь для обработки полей тех крестьян, которые объединили свои наделы, — обставлялся с большой торжественностью. Дебаты на XVI партконференции были весьма жаркими: доклад Калинина, носивший еще сравнительно осторожный характер, вызвал многочисленные критические возражения с более крайних позиций. Как бы то ни было, почти все ораторы исходили из незыблемости сочетания «коллективизация — трактор». Два знаменитых ученых — Вавилов и Тулайков — были специально приглашены на трибуну, чтобы

рассказать делегатам о научных предпосылках современного сельского хозяйства[4].

Тем временем напряженность в деревне, вызванная вторым подряд кризисным годом в области хлебных заготовок, продолжала нарастать. Государственные хлебозаготовительные меры и порождаемое ими сопротивление представляли собой лишь один из аспектов кризиса, правда, такой, в котором концентрировались и все остальные. Борьба окрашивалась в зловещие тона: убийства и другие эпизоды насилия множились от месяца к месяцу.

Споры на XVI партконференции в первую очередь велись по вопросу о том, можно ли разрешить кулакам вступать в коллективные хозяйства. В самом деле, наступление на кулачество было не только экономическим, но и политическим. Намерение поэтому — как признается теперь в исторических работах — состояло в том, чтобы продемонстрировать середняку, что индивидуальный путь к достатку (ради чего он и стремился выбиться в кулаки) для него закрыт[5]. Перед ним как бы ставилась глобальная альтернатива, и состояла она, если обозначить ее обобщенно, в выборе двух путей, которые так или иначе вели к крупному хозяйству: один, стихийный путь, был капиталистическим, другой — социалистическим[6]. Первый путь блокировался во имя идеалов революции на том основании, что капиталистическое развитие деревни не смогло бы долго сосуществовать с социалистической индустрией, не угрожая поглотить ее. Но у русского крестьянина — в силу самой отсталости деревни — сохранялся еще третий путь, его собственный путь отступления: возврат почти что к натуральному хозяйству, лишь бы оно было в состоянии прокормить его. Под нажимом власти кулак или крестьянин, у которого только-только начинал появляться достаток, стремились отделаться от своего инвентаря и имущества, например продать их, в надежде сохранить деньги в кубышке до лучших времен[7]. Посевные площади сокращались. Городской рынок получал все меньше продуктов. Советское правительство лицом к лицу сталкивалось с серьезной, быть может, непоправимой опасностью упадка производительных сил деревни в таких же масштабах, в каких это произошло во время гражданской войны.

«Перелом» 1929 года

Первое ускорение хода коллективизации произошло летом 1929 г. К 1 июня в колхозах было около 1 млн. дворов, 3,9 %. К первым числам ноября процент повысился до 7,6. Это было много. Начались все более настойчивые разговоры о деревнях, районах и даже областях «сплошной» коллективизации. Но большинство вступивших продолжало оставаться бедняками, то есть теми, кто меньше рисковал. Середняки в колхозах по-прежнему составляли явное меньшинство.

Впрочем, слово «колхоз» далеко не имело тогда того точного

смысла, который оно приобрело позже. Оно означало пока по крайней мере три типа производственной ассоциации. Самым старым из них, ведущим начало непосредственно от революции, была коммуна, в которой коллективным было все: земля, скот, инвентарь, даже жилые постройки. Потом шла артель, в которой в общественном пользовании находились только земля и часть инвентаря, а следовательно, и урожай. Наиболее же распространенным типом — около двух третей общего числа — были простые товарищества по совместной обработке земли (тозы), в которых собственность оставалась в основном раздельной. По отношению к этому типу колхоза крестьянин испытывал меньшее недоверие, чем к другим[8].

Как бы то ни было, прогресс был: трудный, но реальный. Этим же летом, однако, прозвучали и первые сигналы тревоги. Шла новая, третья по счету, хлебозаготовительная кампания. До июня колхозное движение было скромным, но действенным. Потом началось форсирование, а с ним и более серьезные конфликты. «Здесь действительно не на шутку идет сейчас классовая борьба. Просто как на фронте», — говорилось в сообщении из одного района, где коллективизация шла ускоренным темпом. По деревням ходили апокалипсические слухи: на землю пришел Антихрист, скоро будет конец света, готовится «Варфоломеевская ночь» и все вступившие в колхоз будут вырезаны, крестьяне останутся без хлеба. Партийным активистам, которых посылали в села, рекомендовали не выходить по ночам, не садиться вечером у освещенного окна, чтобы не вырисовывался профиль на стекле, и т. п.[9]

Одним словом, уже первые попытки показывали, что там, где стремятся достичь сплошной коллективизации, вступление крестьян в колхозы не может быть добровольным. Напряженность приобретала поэтому грозный оттенок, расстановка сил становилась неясной. Решения, принятые меньшинством, навязывались и всем остальным. Когда убеждений оказывалось недостаточно, уговоры сменялись запугиванием: «Ты за что: за кулака или за советскую власть?», что означало: если не вступишь в колхоз, значит, ты враг и соответственно с тобой следует обращаться. Случалось, однако, слышать в ответ и такое: «Я не за кулака и не за власть, а за трактор». Тогда некоторые руководители не скупились на обещания: «Все дадут — идите в колхоз!» Но государство могло дать весьма мало, и первые коллективные хозяйства уже страдали от нехватки инвентаря, ощущали на себе бремя общей отсталости русской деревни и неохотно сдавали зерно[10].

Сверху не последовало указаний действовать с большей осмотрительностью. Совсем наоборот. Начал Сталин статьей «Год великого перелома», написанной в годовщину революции. В статье утверждалось, что «в колхозы пошел середняк», а «коренной перелом» в отношении крестьянства к коллективизации сельского хозяйства изображался как нечто уже достигнутое[11]. Через несколько дней (10—17 ноября) собрался Пленум Центрального Комитета и Цент-

ральной контрольной комиссии. Об этом решающем заседании мы по сей день знаем лишь то немногое, что поведали миру советские историки, получившие доступ к его стенограммам, все еще хранящимся в тайне. Никогда не публиковалась даже речь Сталина, произнесенная на пленуме. Между тем были обсуждены целых три доклада о сельском хозяйстве. Кроме того, пленум вновь занялся правыми и Бухариным; этот последний был выведен из Политбюро после того, как на него и остальных обрушивались массированные нападки и потоки критики в течение нескольких дней подряд. В подобной атмосфере даже видимость умеренности по вопросу о колхозах выглядела бы как уступка правым.

По мнению Молотова, который был одним из докладчиков, нужно было полностью коллективизировать главные сельскохозяйственные области или даже целые республики, и не за пятилетие, как он сам говорил несколькими месяцами раньше, на XVI партконференции, а в ближайшем году. Сталин заявил: «Теперь даже слепые видят, что колхозы и совхозы растут ускоренным темпом». Оратора, обращавшего внимание на первые опасные перегибы, Сталин прервал репликой: «Что же вы хотите, все предварительно организовать?»[12]. Тем не менее неверно было бы на этом основании представлять себе дело так, будто Центральный Комитет сопротивлялся форсированию, а Сталин с Молотовым заставляли его идти против собственной воли. Если судить по известным нам фактам, коллективизаторская лихорадка была присуща большинству ораторов. Впечатление было такое, что руководящие круги были сплошь охвачены надеждой одним махом разрешить проклятые проблемы села путем лихой атаки на старый крестьянский мир, с которым следовало расправиться самыми решительными методами. Уже в 1921 г. Ленин отмечал, что в партии есть немало «фантазеров», которые мечтают, что «в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия». В резолюции пленума говорилось как раз о «гигантском ускорении темпов развития... которое предвидел Ленин»[13].

Подобное стремление было свойственно не одному только Сталину, но в лице Сталина оно получило самого авторитетного сторонника, которому немногие теперь осмеливались перечить. В декабре он заявил даже, полемизируя с Энгельсом, что привязанность крестьянина к своему клочку земли в СССР не так уж и сильна, потому что земля уже была национализирована. Сталин говорил поэтому о «сравнительной легкости и быстроте» развития колхозного движения. Как «гнилую теорию» он отвергал идею возможности развития этого процесса «самотеком»: колхозы и совхозы следовало «насаждать» в деревне извне, со стороны «социалистического города», по отношению к которому крестьянин уже не будет испытывать прежнего «зверского недоверия». В этом же выступлении Сталин выдвинул новый лозунг: «ликвидировать кулачество как класс»[14].

Так в ноябре — декабре 1929 г. произошел подлинный «перелом»

в аграрной политике советских коммунистов. Он радикально изменил постановления как XV съезда, так и XVI партконференции. По значению своему это было нечто сравнимое с переходом к нэпу, хотя и нацеленное в противоположную сторону. Скудость документации пока затрудняет понимание всех мотивов, которые продиктовали такую перемену курса. Причем это трудно понять не только нам: такой поворот не могли объяснить себе и современники, которым приходилось проводить эту политику. Именно советский историк (Трапезников) первым обратил внимание на то, что каждый из предыдущих «крутых поворотов» в политике партии становился предметом обсуждений и, следовательно, коллективной выработки решений на специально созывавшихся съездах или конференциях. На этот раз ничего подобного не было. Поворот к новой политике, собственно, не был провозглашен и Пленумом ЦК, ибо ноябрьский Пленум, с одной стороны, остался тайным, а с другой — завершился принятием резолюций, которые отнюдь не вносили ясности в происходящее[15]. Роковые решения тех месяцев вырабатывались специальными комиссиями Политбюро ЦК, статус которых никак не оговаривался Уставом партии и в которых решающая роль впервые принадлежала секретарям обкомов, то есть тем людям, чье влияние оказалось столь значительным при разгроме бухаринского крыла в 1928 г. Что же касается оперативного осуществления решений, то оно проводилось в соответствии с излюбленным сталинским методом. Вслед за провозглашением лозунгов принимались директивы. В некоторых случаях они носили форму постановлений узких правительственных и партийных органов. В других в этой роли выступали просто передовые статьи «Правды». Чаще же всего это были секретные циркуляры или телеграммы из центра на периферию. Подобные инструкции нередко, как мы увидим, противоречили друг другу. Не удивительно поэтому, что партия была плохо подготовлена к встрече с выраставшей перед нею грандиозной задачей, к тому, чтобы предвидеть ее коварные последствия и заранее рассчитать эффект.

Самой известной среди комиссий, вырабатывавших директивы по коллективизации, была комиссия под председательством Яковлева, главы нового объединенного Наркомата земледелия СССР, созданного по решению ноябрьского Пленума. Помимо представителей центральных сельскохозяйственных ведомств в ее состав входили секретари партийных комитетов главных хлебных областей: Косиор (Украина), Андреев (Северный Кавказ), Шеболдаев (Нижняя Волга), Хатаевич (Средняя Волга), Варейкис (Центральночерноземный район), Голощекин (Казахстан), Бауман (Москва). Подразделенная на восемь подкомиссий, она изыскивала решения для основных проблем: сроки операции, тип коллективных хозяйств, распределение кадров и технических ресурсов, отношение к кулачеству. В целом комиссия делала упор на максимальное ускорение процесса. В рам-

ках этой общей установки вырисовались тем не менее две тенденции. В одной, представленной главным образом Яковлевым, проявлялась известная осмотрительность; в другой — ее решительными сторонниками были Шеболдаев и Рыскулов, занимавший тогда пост заместителя предсовнаркома РСФСР, — отбрасывались всякие сомнения, и она во имя не столько «добровольного», сколько «революционного» характера всего предприятия тяготела к самым радикальным решениям. Любые попытки тормозить движение она рассматривала как оппозицию[16].

Как бы то ни было, право принятия окончательных решений принадлежало не комиссии, а Политбюро. Но прежде чем оно произнесло свое слово, Сталин распорядился внести в подготовленный проект решения такие поправки, которые фактически утверждали наиболее радикальные предложения или, во всяком случае, оставляли открытой дверь для их применения на практике. Так появилось на свет постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г., которому суждено было стать основополагающим документом всей коллективизации: краткий, скорее административный, нежели политический текст. Им устанавливалось, что к концу первой пятилетки должно быть коллективизировано уже не 20 %, а «огромное большинство» возделываемых земель. Основные зерновые районы (Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ) должны были завершить процесс к осени 1930 г. или, самое позднее, к весне 1931 г.; другие хлебные районы — к осени 1931 г. или, в самом крайнем случае, к весне 1932 г. Преобладающим типом колхоза должна была стать «артель как переходная к коммуне форма». В колхозы ни под каким видом не разрешалось принимать кулаков[17].

Ликвидация кулачества

Когда документ был опубликован, было уже поздно: по меньшей мере уже два месяца, как в стране шла яростная битва — не было почти ни одного села, где бы «колхоз» не стал причиной конфликта.

Какие же силы столкнулись в этой борьбе? За коллективизацию (с оговоркой, что политический смысл «за» и «против» весьма условен, когда речь идет о процессе, вынуждающем миллионы людей к драматическому личному выбору) выступали в основном беднейшие крестьяне и батраки, которых коммунисты с 1928 г. пытались объединить в особые бедняцко-батрацкие группы. Однако организованность и престиж этих слоев в деревне были невелики, что, впрочем, нисколько не оправдывает тех, кто, претендуя на исторический анализ, огульно именует их «бездельниками» или, хуже того, «проходимцами»[18]. Помощь им оказывал рабочий класс, особенно там, где он был меньше связан с селом: с коллективизацией рабочие связывали, как минимум, надежды на выход из затруднений с продовольствием. Партия потребовала, чтобы рабочий класс дал селу не меньше 25 тыс. организаторов колхозов. В действительности

на село поехало 35 тыс. человек, из них 70 % — коммунисты. Вооруженные решимостью, но со скудными средствами, они встретились там со столь же трудной, сколь неблагодарной работой, протекавшей зачастую в таких обстоятельствах, от которых у них не могли не опускаться руки[19]. Основной силой в любом случае была государственная власть, причем не только в виде средств принуждения, которые были широко пущены в ход, но главным образом в виде той системы аппаратов — «приводных ремней», — которая сложилась при Сталине. Например, в ходе создания колхозов в массовом порядке использовалась комсомольская молодежь, отличавшаяся наибольшей готовностью следовать новаторскими путями.

Немалыми были и силы сопротивления. Одних лишь кулаков, как их классифицировала налоговая статистика, было миллион семей, то есть 4—5 млн. человек. Трехлетняя битва в ходе хлебозаготовок продемонстрировала, помимо всего прочего, как трудно было изолировать их от остального сельского населения: родственные связи, хозяйственный опыт, общественный престиж — все это обеспечивало кулакам влияние не только среди середняков, но и самих бедняков[20]. Не случайно с лета 1929 г. тех, кто не хотел ввязываться в борьбу с кулаками на селе — а таких было немало, — в печати широко именовали «подкулачниками». Против коллективизации были все церкви: от православной до мусульманской. Наконец, притихшие и раздробленные противники советского строя обрели в новом конфликте выгодное для себя поле действий.

Оставалась огромная середняцкая масса: ее переход на ту или другую сторону мог решить исход борьбы. Но в силу тех обстоятельств, при которых началось наступление, именно для убеждения середняка как раз и не нашлось главного, решающего довода.

Еще в августе 1929 г. «Правда» открыла свою полосу огромным заголовком: «Вперед, за крупное колхозное хозяйство! Советским комбайном и трактором подрежем корни капиталистической эксплуатации, выкорчуем капиталистические элементы в деревне»[21]. Но в 1929 г. в СССР было выпущено всего 3300 тракторов, а производство комбайнов еще только предстояло наладить[22]. Оставалось обратиться к импорту, но мы уже знаем, насколько напряженным было положение с ним из-за индустриализации. Решено было ускорить строительство двух новых, помимо Сталинградского, тракторных заводов; однако их продукция начала бы поступать лишь позднее. Уже в середине 1929 г., когда колхозы были редкими и небольшими, лишь один из четырех имел трактор; с увеличением их числа техническая оснащенность отставала все больше. До самого последнего мгновения партийные руководители среднего звена, вплоть до обкомов, надеялись и просили — в том числе и в самой комиссии Яковлева — оказать финансовую и техническую помощь[23]. Вместо этого коллективизацию пришлось проводить на нищенской производственной базе русской деревни: нищенской не только в техническом, но и культурном отношении.

Колхозы, иначе говоря, пришлось создавать и развивать не на базе машин, полученных от государства, а используя крестьянские орудия труда. Вместо трактора середняка встречало в колхозе требование отдать в общее пользование свою драгоценную лошадь, ради которой он привык жертвовать всем. Мало того, у него требовали также корову и инвентарь плюс денежный аванс для закупки машин, которые должны были поступить лишь значительно позже. Убеждать его в подобных условиях было безнадежно.

Здесь-то и вводилась «ликвидация» кулачества. Это означало две вещи. Зажиточный крестьянин подлежал, во-первых, экспроприации — его земля и имущество, иначе говоря, переходили в собственность колхоза, а во-вторых, депортации. Кулаков с этой целью подразделяли на три категории. Тех, кто оказывал активное и организованное сопротивление, надлежало отправлять в концентрационные лагеря. Вторую группу «наиболее богатых кулаков» следовало высылать в отдаленные и малопригодные для проживания местности. Все остальные должны были изгоняться из деревень и переселяться на новые участки за пределами колхозных массивов, на малонаселенные и невозделанные земли. Выработанные специальной комиссией, вроде комиссии Яковлева, эти инструкции, однако, не публиковались. Официальное постановление от 1 февраля 1930 г. в общем виде предоставило областным властям право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством»[24]. Да и поступили эти инструкции с опозданием, когда раскулачивание проводилось уже во многих районах местными властями по собственной инициативе или, как выразился один из секретарей обкома, Варейкис, «на свой страх и риск»[25]. С января 1930 г. оно стало лишь более систематическим: в каждом районе были образованы «тройки», включавшие секретаря райкома, председателя райсовета и местного руководителя ГПУ, задачей которых было составление списков лиц, подлежащих экспроприации и депортации[26].

Коллективизаторское неистовство

Среди областей развернулось состязание — кто наколлективизирует больше. В этом всеобщем вихре ускорения, еще более усложнившем ситуацию, свою роль сыграла и боязнь оказаться обвиненным в причастности к бухаринской оппозиции, как признавался позже Калинин[27]. Даже при ударных темпах коллективизации в соответствии с замыслом Сталина и при повсеместно неблагоприятных для нее объективных условиях обстановка, в которой она проводилась, довольно значительно отличалась от района к району. Одна обстановка складывалась в районах с преобладанием технических культур или в южных степях с экстенсивным производством зерновых, где были крепче связи с рынком, сильнее укоренился мелкий сельский капитализм, легче было использовать машинную технику; и совершенно другая — в северных областях, где крестьяне жили

в небольших селениях, разбросанных на большом расстоянии друг от друга, либо в зонах кочевого скотоводства, где население, ко всему прочему, было нерусским. Если обобщить, то можно сказать, что в районах первого типа предпосылки для коллективизации были менее враждебными, нежели в районах второго типа.

Первым о своем намерении закончить «сплошную» коллективизацию в считанные месяцы, до весны 1930 г., заявил Северный Кавказ. И это было сделано несмотря на то, что руководитель местной партийной организации Андреев признавал, что даже на Кубани, то есть в той части области, которая по идее должна была представлять собой один из наиболее подготовленных в этом отношении районов СССР, «хлеборобская масса, в том числе близкие нам слои населения, не уясняет сущности коллективизации»[28]. За Северным Кавказом последовали Нижняя Волга, Московская областная организация, Центральночерноземный и северные районы, Бурятская и Калмыцкая автономные области и, наконец, все остальные. Республикой сплошной коллективизации среди прочих, например, объявила себя Белоруссия, хотя при ее разбросанных мелких хуторах она весьма мало была подготовлена к такому мероприятию и вряд ли могла бы его осуществить даже в куда менее неблагоприятных условиях.

Такая гонка объяснялась не только спешкой местных руководителей. Инструкции, изданные в декабре такими центральными органами, как Всесоюзный Наркомат земледелия и Колхозцентр (ведомство, основанное специально для руководства созданием коллективных хозяйств), устанавливали в свою очередь головокружительно высокие задания по коллективизации в кратчайшие сроки. Указания эти были мало скоординированы с другими решениями, в том числе и с решениями Политбюро, но по значению своему не могли не утверждаться высшим партийным руководством, начиная с самого Сталина. Они поощряли вторую тенденцию, которой суждено было оказаться не менее пагубной, чем спешка: коллективизировать все, то есть не только землю и рабочий скот, но также коров, овец, свиней, даже кур. Если на «тозах» был окончательно поставлен крест, то теперь и артель казалась недостаточно высокой целью: при любой возможности ставилась задача сделать скачок прямо к «коммуне». К тому же в сталинских речах, а следовательно, и в официальной пропаганде того периода часто говорилось о хозяйствах-гигантах, с десятками тысяч гектаров пашни; именно это и попытались сделать — с весьма отрицательными результатами — на Урале и в Сибири[29].

Поскольку в деревне база колхозов была слабой, их организация поручалась большей частью активистам или кадровым работникам со стороны, присланным из районного центра или более отдаленного города. Зачастую эти люди плохо знали деревенскую жизнь и сельскохозяйственное производство. Их задачей было организовать бедняков и середняков. Но крестьяне продолжали относиться к ним

недоверчиво. Тогда всякая забота о соблюдении законности отодвигалась в сторону. Руководитель Колхозцентра Каминский, который в это время стал заведующим агитпропом ЦК, говорил: «Если в некотором деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело». Не удивительно поэтому, что мог получить хождение лозунг «Лучше перегнуть, чем недогнуть». Или что районная партийная организация могла дойти до того, чтобы постановить: «Коллективизировать все население во что бы то ни стало... Все это выполнить к 15 февраля без минуты отсрочки!»[30]. В ход широко шли угрозы и насилие: тому, кто не вступал в колхоз, говорили, что с ним поступят как с кулаком, то есть экспроприируют и вышлют. Хотя изданная в конце января инструкция устанавливала, что доля ликвидированных кулаков не должна превышать 3—5 % от массы крестьянства (всегда считалось, что именно таков, и не больше, их социальный удельный вес), имелись области, где раскулаченные составляли 10—15 %, а в некоторых местах до 20—25 %[31].

Противодействие, в свою очередь, приобрело формы отчаянного сопротивления. В крестьянской среде стали говорить: «В колхозы, но с пустыми руками». Раз его заставляли вступать, крестьянин подчинялся, но в коллективное хозяйство он собирался принести возможно меньше. Тайный забой скота начался летом 1929 г. В последующие месяцы он приобрел немыслимый размах, достигая порой катастрофических размеров. Да, впрочем, у молодых колхозов даже и не было еще коллективных коровников и конюшен. Крестьянин стал набивать утробу мясом. Он резал коров, телят, свиней, лошадей — все. Несмотря на то что январское постановление 1931 г. угрожало высылкой и конфискацией имущества за хищнический убой скота[32], он продолжался в течение всей коллективизации и был одним из самых тяжелых ее последствий.

Сопротивление к тому же не было лишь пассивным. По селам вновь загулял «красный петух» — поджог, оружие всех крестьянских бунтов в России. В 1929 г. по одной только РСФСР было зарегистрировано около 30 тыс. поджогов, то есть без малого по сотне в день. На Украине в том же году было отмечено в четыре раза больше «террористических актов», то есть эпизодов вооруженного насилия, чем в 1927 г.[33]

Нарисовать точную картину того, что происходило в русской деревне зимой 1929/30 г., по сей день не представляется возможным. В нашем распоряжении лишь отрывочные сведения*. Но употребляемые некоторыми современными историками выражения, вроде «настоящая война», «гражданская война», похоже, не являются преувеличением[34]. В конце декабря — первой половине января мятежи имели место в 20 деревнях Нижней Волги; со второй половины

* Хотя возникновению колхозов посвящено немало очерков и монографий, в СССР по сей день нет исчерпывающей работы по истории коллективизации. В свое время был создан и завершен в 1964 г. обширный труд под руководством В. П. Данилова, но его публикация была блокирована.

декабря до середины февраля — в 38 деревнях Центральночерноземной области. Вспышки отмечались также в районах, населенных казачеством, на Украине, в Крыму, на Северном Кавказе, в Сибири. Они подавлялись, «иногда, — повествует сегодня советский историк, — даже без ввода в действие частей Красной Армии». Восстание довольно значительных размеров произошло в 1929 г. среди бурят в Забайкалье[35]. В Средней Азии вновь разгорелась партизанская война басмачей, которая хронически тлела в приграничных районах. До сих пор советская историография всегда подчеркивала зверства кулаков, а западная — жестокости репрессий. Ожесточение насилия — явление отнюдь не новое в среде русского крестьянства — нельзя приписать одной лишь стороне. Кулаков или подкулачников высылали вместе со всей семьей, включая детей. В свою очередь уполномоченных, разъезжавших по селам, либо местных сторонников колхоза находили не просто убитыми, но со следами истязаний, подчас изрубленными на куски.

Первое колхозное наступление рисковало окончиться катастрофой. В запросах с периферии у центра просили более ясных указаний. Партия оказалась в положении путника, захваченного грозой. Никто толком не знал, как поступать при решении таких важнейших вопросов, как, например, внутренняя структура колхоза, способ организации работы, система оплаты труда колхозников. Это замешательство, вызванное нечеткостью распоряжений, нельзя сравнивать с импровизацией первых месяцев после октября 1917 г., когда сам Ленин призывал массы действовать по собственной инициативе, не дожидаясь особых указаний; тогда революция уже шла сама по себе, и никому в голову не приходило, что ее нужно «насаждать» в деревне.

В исследованиях последнего времени отмечается, что в конце января — первых числах февраля из Москвы в некоторые союзные республики были отправлены телеграммы, предостерегавшие от наиболее опасных перегибов[36]. Такого рода меры не меняют, однако, картину общей сумятицы. Раз в пять дней Секретариат ЦК получал сводки о ходе коллективизации, где, похоже, отнюдь не скрывался и не приукрашивался тот драматический оборот, который приобрели события. Лично в адрес Сталина в эти недели поступило около 50 тыс. писем, авторы которых стремились сообщить ему об истинном положении дел[37].

Из всего этого складывается впечатление, что верхушка намеренно позволяла движению развиваться своим ходом в надежде, что пусть такой ценой, но все же удастся добиться решающего прорыва на этом фронте. В середине февраля Сталин еще раз публично призвал «усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации»[38]. В подобных условиях несколько предостережений насчет перегибов лишь усиливали противоречивость указаний для тех, кто действовал на местах. Разве не об этом, например, свидетельствовала установка Сибирского окружкома партии,

требовавшего вступления всех крестьян в колхозы к весне, хотя дело происходило уже в феврале и к этому моменту коллективизировано было лишь 12 % пашни?[39]

К концу февраля крестьянские мятежи грозили превратиться в общее антисоветское восстание. Было забито 15 млн. голов крупного рогатого скота, треть поголовья свиней и свыше четверти поголовья овец[40]. Но вырисовывалась и еще более грозная опасность: срыв весеннего сева. Надежда на то, что форсированная коллективизация поможет «спасти средства производства» в сельском хозяйстве — а именно с этой надеждой многие руководители очертя голову бросились подстегивать сумасшедшие темпы движения, — теперь оборачивалась своей противоположностью[41]. Из Центрально-черноземного района Варейкис сообщал, что к концу марта завершит коллективизацию, но настойчиво просил, чтобы в Политбюро было обсуждено трудное положение, сложившееся в его области. В Москве состоялись тогда два совещания: одно с работниками союзных республик, другое для утверждения Примерного устава сельскохозяйственной артели. Это были совещания, весьма насыщенные критикой[42]. Первые тормозящие усилия шли отсюда. Необходимо было принимать контрмеры, пока еще было не слишком поздно.

Новое наступление после передышки

Второго марта в «Правде» появилась статья Сталина «Головокружение от успехов». Она прозвучала как взрыв бомбы. Автор признавал, что в деревне допущены серьезные ошибки. В ряде районов не были соблюдены два условия, в равной мере необходимые для успеха колхозного движения: «добровольный» характер вступления в колхозы и учет разнообразия ситуаций в разных частях СССР. Была совершена еще и третья ошибка — теми, кто поспешил забежать вперед, пытаясь перейти сразу к коммунам. Ни разу до сих пор Сталин не говорил об опасностях такого рода. Но в статье между тем не было ни малейшего намека на самокритику: вина приписывалась целиком периферийным исполнителям, у которых «закружилась голова» после первых «успехов»[43].

Такое запоздалое, резкое и двусмысленное исправление директив на несколько недель вызвало замешательство, возможно, еще более глубокое, чем то, которое уже царило на местах. Все те, кто без оглядки целиком отдавал силы проводившейся кампании, вдруг обнаружили, что они дезавуированы Москвой и стали мишенью крестьянских атак на местах. Противники торжествовали: «Говорили же мы, что не нужно вступать в колхоз». Среди коммунистов были и такие, кто не поверил статье, кто пытался запретить ее распространение, кто истолковал ее как простую тактическую уловку, которую не следует принимать всерьез. Некоторые восприняли ее как полный подрыв их собственного авторитета. Другие просто не знали, что делать дальше. Старый «децист» Рафаил написал

Сталину письмо, в котором спрашивал, не находится ли партия перед новым Брестом. Стало известно письмо одного рабочего — 25-тысячника, который с негодованием писал: «Мы все, низы и пресса, проморгали этот основной вопрос о руководстве колхозами, а т. Сталин, наверно, в это время спал богатырским сном и ничего не слышал и не видел наших ошибок...»[44]. Сами высшие партийные руководители, поспешившие в провинцию, продолжали отдавать противоречивые распоряжения; так явствует, по крайней мере, из отрывочных сведений, которые приводятся советскими авторами по поводу некоторых выступлений Кагановича и Орджоникидзе: первый по-прежнему отстаивал жесткие методы, второй же призывал к большей осмотрительности[45].

Возникла необходимость опубликовать 14 марта коллективное постановление Центрального Комитета, воспроизводившее основные положения сталинской статьи. Тем не менее подлинная корректировка курса произошла только в начале апреля, то есть в тот последний срок, когда еще можно было успеть придать отступлению некоторый порядок. Крестьянские массы истолковали новые установки в том смысле, что можно уходить из колхозов. Там, где официального дозволения не давали, они сами забирали назад свой инвентарь и землю. Процентные показатели коллективизации стремительно упали. Если в целом по СССР к первым числам марта было коллективизировано, по крайней мере на бумаге, 58 % крестьянских хозяйств, то к июню показатель упал ниже 24 %. В некоторых областях сокращение было еще более резким: с 81 до 15 % в Центрально-черноземном районе, с 73 до 7 % в Московской области. Бóльшая устойчивость отмечалась на Северном Кавказе[46]. В обоснование своего ухода крестьяне приводили тысячи причин. Самое же искреннее объяснение было дано тем из них, который сказал: «Ухожу, потому что насилия нет, и желаю обождать»[47].

Зато был спасен весенний сев. Серия последовавших мероприятий гарантировала колхозам и колхозникам известное число финансово-налоговых льгот[48]. 1930 г. был весьма благоприятным для сельского хозяйства, тогда был собран рекордный урожай зерновых. Прибавка к намолоту была обеспечена большей частью за счет хлеба, снятого новыми совхозами с ранее не возделывавшихся земель. В любом случае это был крупный успех. В работах советских ученых всегда подчеркивалось, что коллективные хозяйства в этом году получили, по крайней мере в некоторых областях, лучшие результаты, нежели единоличные. Наблюдение, вероятно, правильное, хотя нелегко установить, насколько широко оно может быть обобщено: колхозы ведь имели то преимущество, которое состояло в использовании инвентаря, конфискованного у кулаков (к лету 1930 г. он составлял более трети их неделимых фондов)[49]. Сравнительно обильный урожай также несколько облегчил для части крестьянства заготовительную кампанию, остававшуюся все же трудным мероприятием.

Отступление 1930 г. было лишь перемирием. После засыпки

урожая в закрома колхозное наступление возобновилось. Мы не знаем, какие соображения побудили Сталина и его сподвижников на такой шаг. Вероятно, они считали, что уже сожгли мосты, бесповоротно утратили доверие индивидуального земледельца, и опасались политических последствий, которые могла бы повлечь за собой смена курса. Выступая в середине года на XVI съезде ВКП(б), руководитель партийной организации Северного Кавказа Андреев сказал, что, пока единоличное хозяйство находится накануне объединения в колхозы, оно неспособно обеспечить нужных стране темпов подъема производительных сил[50]. Сталин был категоричен: «Нет больше возврата к старому. Кулачество обречено и будет ликвидировано. Остается лишь один путь, путь колхозов»[51]. Поражает, впрочем, не столько это, сколько то, что после проделанного опыта эти руководители продолжали говорить о создании в короткий срок высокопроизводительного и современного сельского хозяйства. Это обещал Сталин. Андреев убеждал, что превосходство коллективных хозяйств можно будет доказать более высокой урожайностью, большей доходностью, лучшей организацией труда, применением механизации. Яковлев нарисовал делегатам съезда картину сельского хозяйства «американского» типа: с четкой специализацией по областям и высоким уровнем индустриализации[52].

За основу продолжения коллективизации были взяты тогда темпы, установленные знаменитым постановлением ЦК от 5 января 1930 г. Эти темпы были, однако, уточнены. Вся страна была подразделена на три зоны, для каждой из которых были установлены свои задания. До конца 1931 г. первая зона, куда входили наиболее крупные зерносеющие области, должна была коллективизировать 80 % крестьянских хозяйств; вторая, также включающая зерносеющие районы, — 50 и третья, охватывающая потребляющие районы и районы с нерусским населением, — 20—25 %. Идея установления жестких норм была несовместима с принципом добровольного вступления в колхозы, которым снова пренебрегли. Сталин по телеграфу передал на места распоряжение ускорить процесс. Внутренний циркуляр вновь потребовал от парторганизаций не ждать, когда крестьяне на основе положительных результатов убедятся в преимуществах колхозов, но добиваться «решительного сдвига» и «нового мощного подъема колхозного движения»[53].

Что касается хода коллективизации в течение двух последующих лет, то имеющиеся у нас данные о нем более скудны, чем относящиеся к 1929—1930 гг. Более уклончива на этот счет и советская историография. Как бы то ни было, решающим годом явился 1931-й. Если к концу 1930 г. в колхозах числилось около 6 млн. крестьянских дворов, то за первую половину 1931 г. было коллективизировано еще 7 млн. Это составило уже почти 53 %[54]. 1931 г. стал также свидетелем наиболее мощной волны ликвидации кулачества. Обычно утверждается, что этот второй подъем колхозного движения отличался от первого менее насильственным характером или, во всяком

случае, вызвал меньшее сопротивление. Опыт предыдущего года был учтен. Наступление велось более систематически. Для организации колхозов создавались инициативные группы или формировались вербовочные бригады. Немногочисленные пока средства механизации были сосредоточены в машинно-тракторных станциях (МТС), управляемых государством и обязанных обслуживать колхозы. Все это смогло до известной степени облегчить положение дел. Однако негативные явления предшествующего года повторились, хотя политические последствия их и не достигли угрожающих размеров февраля 1930 г.

Крестьянин нередко вступал в колхоз, потому что «не оставалось другого выхода». В противном случае он рисковал подвергнуться официальному остракизму: у него могли отнять надел и дать другой участок, менее плодородный и расположенный дальше от дома. В марте 1931 г. было провозглашено, что советская власть считает «союзником» рабочего класса только колхозника, а не крестьянина-единоличника. Перед этим последним, говорилось в постановлении VI съезда Советов СССР, стоит отныне выбор «за или против колхоза». «Бедняк и середняк-единоличник, который помогает кулаку бороться с колхозами и подрывать колхозное строительство, не может быть назван союзником и тем более опорой рабочего класса — он на деле союзник кулака. Лишь тот бедняк и середняк-единоличник продолжает оставаться союзником рабочего класса, кто вместе с рабочим классом помогает строить колхозы, кто поддерживает колхозное движение, кто помогает вести решительную борьбу с кулаком»[55].

И все же наиболее серьезные осложнения начались после мощной волны коллективизации в первой половине 1931 г. Осенью число колхозников почти перестало увеличиваться. В первые месяцы 1932 г. полтора миллиона семей вышли из колхозов в РСФСР, несмотря на опасности, которым они себя подвергали. Успехи, напротив, отмечались в других частях страны. Центральный Комитет партии пересмотрел предыдущие задания в сторону уменьшения и объявил, что «сплошная коллективизация» может считаться осуществленной там, где в колхозы вовлечены не все 100, а 70 % крестьян. В целом по СССР уровень коллективизации стабилизировался в 1932 г. на уровне 61—62 %, что соответствовало примерно 15 млн. дворов. Эти обобщенные показатели скрывали за собой предельное разнообразие обстановки на местах: от главных зернопроизводящих областей, где коллективизация превысила уже 80 %, до районов, где результаты были куда скромнее[56]. Пестрота картины свидетельствовала о том, насколько непрочными были еще новые коллективные хозяйства и насколько сильным сопротивление, на которое они наталкивались.

Подорванное животноводство

Колхозы не были подготовлены к выполнению своих производственных задач, им не хватало опыта, средств, умелых руководителей. Тракторы (в 1932 г. их насчитывалось 148 тыс. против 27 тыс. в 1928 г.) не восполняли потерь от забоя лошадей: лишь в 1935 г. совокупная — животная и механическая — тягловая мощность в сельском хозяйстве вновь достигла уровня 1928 г.[57] Преодолевались значительные трудности, чтобы направить в деревню подготовленных, пусть даже наскоро, руководителей, но их было совершенно недостаточно. Без конца сменялись председатели и другие руководители колхозов. Еще было толком неизвестно, как организовать работу и — что важнее — как ее оплачивать. Соответствующий раздел Примерного устава сельскохозяйственной артели содержал лишь общие указания, за которыми не было никакого конкретного опыта[58]. Решения были найдены лишь позже, после немалого числа экспериментов. В этой обстановке достаточно было в 1931 г. сложиться не столь хорошим погодным условиям, как в предыдущем, и страну постиг тяжелый неурожай.

Надежда на разрешение зерновой проблемы была решающим фактором, побудившим пойти на ударную коллективизацию. Сама форма артели была выбрана не в силу особых мотивов социальной инженерии, а, как заявил Сталин, потому, что артель была наиболее целесообразной формой разрешения проблемы обеспечения государства необходимым количеством хлеба. В 1929 г. Сталин утверждал, что СССР «через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»[59]. Действительность теперь оказалась иной (сбор зерновых с 1926 по 1932 г., в млн. *т*)[60]:

1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932
76,8	72,3	73,3	71,7	83,5	69,5	69,9

Проблема между тем становилась все более трудной. Численность населения, которое государству приходилось кормить из своих запасов, выросла с 26 млн. чел. в 1930 г. до 33,2 млн. в 1931 г. и 40,3 млн. в 1932 г.[61] Следует учесть и массовый экспорт зерна для оплаты оборудования, закупленного за границей.

С зерновым переплетался также кризис животноводства. За пять лет коллективизации поголовье скота в стране сократилось наполовину (в млн.)[62]:

	1928	1933
крупный рогатый скот	70,5	38,4
лошади	33,5	16,6
свиньи	26	12,1
овцы и козы	146,7	50,2

Этим вызывалась крайняя нехватка мяса, молока, шерсти. Производство химических удобрений оставалось еще весьма далеким от запроектированного пятилетним планом, а тем временем стало не хватать и навоза. Кризис животноводства начался с момента «сплошной» коллективизации. Им занимался XVI съезд ВКП(б). Сталин, Микоян, Яковлев утверждали, что эту проблему следует решать только «через организацию совхозов и колхозов»[63]. Эта установка также вызвала тяжелые последствия.

Некоторые из основных животноводческих районов находились в союзных республиках, где скот принадлежал кочевым или полукочевым народностям. Коллективизация означала здесь также неизбежную перемену извечного образа жизни, переход к оседлости и частичному земледелию.

Сама по себе проблема кочевого населения не была новой. Начало ее решения, связанного с убеждением в необходимости направлять развитие этих народов к исторически более передовой форме социальной организации, восходило еще к 1928 г., то есть ко времени, предшествовавшему насаждению колхозов. Подступы к решению этой задачи были подготовлены реформами, предусматривающими распределение среди беднейших слоев населения скота, отнятого у богатеев. Осуществить это все равно было трудно: требовалось строительство жилищ, общественных зданий, обеспечение инвентарем — все это было отнюдь не легким делом, когда ресурсы страны были подчинены выполнению программы индустриализации. Чтобы сделать процесс менее болезненным, он должен был, по крайней мере, проходить постепенно.

Что означало в подобных условиях осуществление коллективизации, можно проследить на примере Казахстана, типичной страны кочевого скотоводства. Сама коллективизация здесь осложнялась тем, что проводили ее и руководили ею работники, воодушевленные наилучшими намерениями, но пришедшие со стороны, не знавшие ни казахского языка, ни казахского аула. Ко всему прочему они были русскими, что придавало всему мероприятию оттенок национального конфликта. Тем не менее и здесь в 1929 г. планировалась коллективизация на протяжении ближайшего года, создание коммун, колхозов-гигантов. В августе 1931 г. было вновь решено, что районы скотоводства должны «выйти на более высокие темпы коллективизации». Столкновения тогда разрослись до трагических пределов. Ходили разговоры о настоящем восстании, «подавленном кавалерией Буденного»[64]. Более точно известно, что из 566 тыс. семей кочевников, которым предстояло перейти на оседлый образ жизни, не менее 183 тыс. в конечном счете бежали в Китай вместе со скотом. В считанные годы поголовье сократилось с 19,2 до 2,6 млн. — настоящее опустошение[65].

Борьба против колхозов

Тем не менее Советскому государству в целом колхозы обеспечили важное преимущество. Хотя в общем производство сельскохозяйственной продукции уменьшилось, государство смогло заготавливать бо́льшие количества ее. Этого нельзя было сказать, разумеется, о мясе или масле, но, конечно, можно было сказать о зерне. В 1928 и 1929 гг. было заготовлено 11 млн. *т* хлеба, в 1930 г. — 16 млн., а в 1931 и в 1932 гг., когда сборы были ниже, — свыше 22 млн. *т*.[66] Это зерно в подавляющей своей части было получено от колхозов, потому что крупные совхозы, на которые рассчитывал Сталин, не смогли развиваться предусмотренным образом и дали куда меньше, чем от них ожидали [67]. Государство оплачивало заготовленную продукцию по тем же ценам, что и в 1928 г.; рубль между тем обесценился, и крестьянину на приобретение тех же самых товаров приходилось расходовать гораздо больше денег — такова была одна из наиболее обременительных форм накопления, навязанных деревне. Но если закупочные цены оставались низкими, чрезвычайно высокой стала политическая цена заготовок. В самом деле, они превращались в борьбу государства с самими едва народившимися колхозами.

У коллективных хозяйств было меньше возможностей уклониться от сдачи продуктов. Но у них не было никакого желания продавать свою продукцию по низким ценам. Возникновение подобной ситуации уже предвидели бухаринцы во время дискуссии 1928 г. Сталин тогда ответил, что в таком случае колхозы оказались бы «под угрозой лишения субсидий и кредитов со стороны государства»[68]. После неудачного урожая 1931 г. этой угрозы было мало. В зерновых областях получил хождение лозунг «Сначала хлеб колхозникам, а потом государству». Оставалось взять его силой. Вина еще раз была возложена на кулаков, «проникших» в коллективные хозяйства. На самом деле сопротивление теперь исходило от самих руководителей колхозов, и в том числе коммунистов, которых на Кубани, например, обвинили в том, что они стали «фактическими проводниками саботажа»[69]. Их позицию можно понять, если вспомнить, что зимой 1931 г. колхозников заставляли сдавать в счет заготовок не только излишки, но и фураж, семена и даже продовольственное зерно[70].

Лишь недавно созданные и плохо организованные, неспособные обеспечить своим членам соответствующую плату за их труд, колхозы находились под угрозой развала изнутри. Им не удавалось наладить внутреннюю дисциплину. Чувство общественной собственности отсутствовало, и колхозники без особых колебаний присваивали то, что попадалось под руку, будь то зерно или что иное. 7 августа 1932 г. на этот случай был принят самый что ни на есть драконовский закон. Он приравнивал колхозную собственность к государственной и был направлен против хищений в колхозах, а

также на транспорте. В качестве неприкосновенного имущества рассматривались урожай на полях, скот, инвентарь, запасы на складах. Лицам, совершившим хищения, угрожал расстрел; при наличии смягчающих обстоятельств эта мера наказания могла заменяться тюремным заключением на срок не менее 10 лет, которое не подпадало под действие амнистий. Сталин потребовал «строжайшего его проведения в жизнь» как «первейшего долга каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника»[71]. Сегодня советский историк, подтверждая рассказ очевидца, сообщает, что в 1932—1933 гг. этот закон применялся не только против действительных расхитителей, но и против лиц, «совершивших незначительные проступки»[72].

Столкновение с колхозами приобрело трагическую окраску осенью 1932 г., когда второй раз подряд урожай оказался плохим. То была самая ужасная из заготовительных кампаний и, без сомнения, один из самых отчаянных периодов коллективизации. От крестьян — как колхозников, так и неколхозников — еще раз потребовали сдать все. Приводились случаи, когда в самих колхозах зерно закапывали в землю. Реквизиция проводилась беспощадными методами. Главные партийные руководители лично выехали в хлебные районы для руководства заготовками на местах. Наиболее подробные из дошедших до нас сведений имеются о событиях на Кубани и Дону, в районах, населенных казаками. Репрессии, которыми руководил Каганович, в массовом порядке ударили по партийным и советским работникам, руководителям колхозов и хозяйственных учреждений. Депортировалось население целых сел, поскольку действовал принцип, по которому каждый нес ответственность не только за себя, но и за соседа. В партийных организациях была произведена чистка, в результате которой из рядов партии было исключено 45 % членов. Нечто подобное происходило на Украине и в Белоруссии, где действиями руководил Молотов. Вспышки возмущения подавлялись. Аресты и депортации приняли массовый характер. В районы, сдавшие недостаточное количество зерна, прекращалась доставка потребительских товаров. Колхозные рынки были закрыты[73].

В письме с Дона, получившем известность многие годы спустя, писатель Шолохов сообщал Сталину, что речь идет не об «отдельных случаях загибов», но об «узаконенном... методе», жертвами которого становятся «десятки тысяч колхозников»; что из-за этого «смертельно подорвано колхозное хозяйство района». В своем ответе Сталин признал, что «иногда наши работники... докатываются до садизма», но в то же время ополчился на «уважаемых хлеборобов», которых защищал Шолохов. Эти люди, писал Сталин, виновны в том, что оставляют без хлеба города, рабочих, армию и ведут «тихую войну» с советской властью[74]. Без хлеба, однако, в это время были сами крестьяне. Осенью 1932 г. начался голод, который совпал с официальным завершением первой пятилетки.

V. ОБЩЕСТВО И КЛАССЫ В ХОДЕ «РЕВОЛЮЦИИ СВЕРХУ»

Новые рабочие

С 1928 по 1932 г. советское общество в том виде, как оно сложилось во времена нэпа, претерпело своего рода всеобщее перемешивание, преображение целых общественных классов, переселение огромных людских масс, ломку обычаев и уклада жизни. К концу этого периода новый облик советского общества еще только начинал обрисовываться и был весьма далек от устойчивости; однако самые коренные перемены, те, которым суждено будет в решающей мере обусловить будущее развитие страны, к этому времени уже совершились.

Численность населения продолжала возрастать и к исходу 1932 г. достигла 165,7 млн. человек, на 19 млн. больше, чем в декабре 1926 г. Годом наиболее высокого демографического роста (3,7 млн. человек) был 1929 г. Потом рост замедлился: в сельской местности, которая в этом отношении намного опережала город, индекс рождаемости в 1932 г. составлял 32/1000 против 45/1000 шестью годами раньше. Городское население тем временем увеличилось примерно до 40 млн. человек, то есть до 24 % всего населения страны; соответствующие показатели, по переписи 1926 г., были 26 млн. и 18 %. Бурно, как взрыв, началось стремительное разрастание городов, что отныне постоянно будет сопровождать развитие советского общества[1].

Отток населения из деревни в город повлек за собой существенные изменения в природе двух главных классов общества, вышедших из огня революции: рабочих и крестьян. Рождался новый пролетариат. Его численность росла бурно и гораздо больше, чем предусматривалось всеми первоначальными прогнозами, ибо запланированного повышения производительности труда не произошло. В 1932 г. было более 22 млн. рабочих и служащих, занятых в различных отраслях народного хозяйства и государственном аппарате, из них свыше 5 млн. были рабочими крупной промышленности (общая численность промышленных рабочих превышала 6,5 млн.) — вдвое больше, чем в 1928 г. К ним следует прибавить более 3 млн. рабочих-строителей, трудившихся на сооружении различных объектов: в 6 раз больше, чем в 1927 г. Годами наиболее массового наплыва новой рабочей силы в промышленность были 1930 и 1931 гг.: каждый год свыше 1 млн. человек[2].

Более чем на две трети, то есть в подавляющем своем большинстве, новые рабочие были родом из деревни. На некоторых только что построенных предприятиях, например на Сталинградском тракторном заводе, вчерашних крестьян было до 80 %. В целом же из

12,5 млн. новых рабочих, пополнивших собой в 1928—1932 гг. массу занятых в различных отраслях народного хозяйства, 8,5 млн. были выходцами из деревни. Другие источники пополнения рабочей силы в промышленности были представлены ремесленниками, бросавшими свои прежние занятия, бывшими домохозяйками, подростками-учениками. Значительно увеличился удельный вес женщин. Произошло массовое омоложение рабочего класса: в 1932 г. возраст 38 % рабочих был меньше 23 лет. Распределение его по отраслям претерпело изменения в соответствии с той шкалой приоритетов, которая постепенно утвердилась в ходе пятилетки: в то время как численность работающих на металлообрабатывающих предприятиях выросла втрое, персонал текстильных фабрик практически не увеличивался, наглядно иллюстрируя процесс мощного роста всей тяжелой индустрии и в целом незначительное развитие легкой промышленности[3].

В кратчайший срок массовая безработица, сопровождавшая хозяйственное развитие на протяжении всех лет нэпа, сменилась голодом на рабочие руки, порожденным индустриализацией и особенно тем, как она проводилась. Гигантская безработица в послереволюционной России маскировалась аграрным перенаселением. Этим объясняется и рост числа безработных в 20-х гг., несмотря на одновременно быстрый рост числа занятых. Приток жителей из села в город уже начался. Еще на протяжении большей части 1929 г., то есть уже после начала пятилетки, численность безработных, зарегистрированных на биржах труда, продолжала повышаться. К концу года эта тенденция резко изменилась[4]. Оптимальный вариант пятилетнего плана не предусматривал ликвидации безработицы. Однако очень скоро заводы и стройки не могли справиться с растущими производственными потребностями без привлечения дополнительного числа рабочих. Начались даже разговоры о нехватке рабочей силы, особенно в некоторых отраслях. Важным фактором преобразования стал переход к 7-часовому рабочему дню с тремя сменами. Принятая в ответ на критику троцкистской оппозиции в 1927 г., эта мера применялась вначале с большой осторожностью, но с 1929 г. получила быстрое распространение и к концу пятилетки считалась уже повсеместно осуществленной[5].

В конце 1930 г. безработица официально перестала признаваться в СССР: выдача пособий лицам, не имеющим работы, была прекращена, а биржи труда упразднены. Вся система органов Наркомтруда была преобразована таким образом, чтобы обеспечивать вербовку рабочей силы для наиболее крупных предприятий. В сущности, безработица на самом деле исчезла. Можно спорить, если уж на то пошло — и среди советских историков, действительно, нет недостатка в дискуссиях на этот счет, — о сроках и способах ее ликвидации, о соотношении между этим процессом и процессом ликвидации аграрного перенаселения, которое исчезало более медленно. Народный комиссариат труда не раз обличался тогда как орудие в руках «правых оппортунистов», за чем следовала смена большей части его

руководителей. Все это в сочетании с внезапным прекращением выполнения прежних функций не способствовало анализу указанных проблем ни тогда, ни теперь (из-за пробелов в статистических обследованиях, отсутствия данных и т. д.)[6]. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что трудоустройство перестало быть с этого времени социальной проблемой.

Выкачивание соков из деревни

Если радикальными были перемены в характере рабочего класса и вообще городского населения, то еще более обширными и травмирующими были изменения, совершавшиеся в среде крестьянства. Уходившие из деревни люди руководствовались разными мотивами. Одни шли в поисках лучшей жизни, работы, в которой можно было бы с пользой применить собственную энергию, стремились вырваться из плена сельской нищеты. Другие — особенно со второй половины 1929 г. — бежали от коллективизации. Отходничество, или сезонная работа на строительстве или промышленных предприятиях, служило традиционным подспорьем для многих русских крестьян. Особенно распространено оно было в Центральном, Центральночерноземном районах, на Урале, в западных областях. В начале пятилетки оно стало разрастаться, но и на него, в свою очередь, оказала влияние борьба, связанная с коллективизацией.

Так, зимой 1929/30 г., когда деревня повсеместно была вовлечена в жесточайшую борьбу, вызванную первой волной коллективизации, отходничество резко сократилось и чуть ли не прекратилось совсем. В эти драматически напряженные месяцы против отходничества пытались выступать — причем даже с угрозами и применением силы — преимущественно непосредственные руководители колхозного движения. Они опасались, что уход большого числа крестьян сведет на нет их усилия; кое-где дело доходило до того, что вербовщикам Наркомтруда или промышленных ведомств под угрозой ареста запрещалось появляться в деревнях. В некоторых случаях уехавшие крестьяне бросали работу на заводах и возвращались по призыву жен, писавших, что иначе отнимут корову или участок[7]. Интересы промышленности прямо противоречили такому ходу дел. В марте 1930 г., в момент отступления коллективизации, правительственное постановление обязало колхозы не чинить препятствий тем, кто решил искать работу в другом месте. Второе и более обширное постановление было принято годом позже. Отходничество возобновилось, но изменило свой характер. Если прежде крестьянин после более или менее длительного периода работы вдали от села стремился вернуться к земле, с которой по-прежнему был связан, то теперь, напротив, он предпочитал уехать навсегда. Объяснялось это и тем, что на крупных стройках работа все больше утрачивала сезонный характер и становилась постоянной, и тем, что исчезала заинтересованность в дальнейшем ведении сельского хозяйства[8].

Тем не менее бо́льшая часть крестьянства оставалась в деревне. К концу 1932 г., как было сказано, 61 % крестьян вступили в колхозы. Разумеется, это далеко не означало, как признавал сам Сталин, что все они превратились в убежденных колхозников. Было бы преждевременно пытаться описать, как выглядели и функционировали в этот момент новые коллективные хозяйства, ибо лишь несколько лет спустя они приобретут такой облик и уклад, которые станут характерными для них на протяжении довольно длительного времени. Таким образом, у нас будет еще повод вернуться к этой теме. К концу 1932 г. полностью обнаружилось необратимое разрушение прежнего крестьянского уклада. Волны коллективизации сокрушили старую сельскую общину, смели прочь «мир» с его патриархальными пережитками, внесли перемены в разделение труда внутри семьи земледельца, потому что теперь и женщины вовлекались в колхозную работу. Вместе со всем этим волны коллективизации смыли и те разнообразные формы кооперации, которые развились на протяжении 20-х гг. Остались только колхозы. Правда, они переживали еще период неустойчивости и неоформленности: по сравнению с прежней раздробленностью русской деревни это были довольно крупные хозяйства; по своим же абсолютным размерам они были пока довольно скромными: в среднем на один колхоз приходилось около 70 дворов и 434 *га* пашни, что соответствовало примерно одной деревне[9].

Старое исчезало, но новое с трудом пробивало себе дорогу. Плохие урожаи 1931 и 1932 гг. и низкие заготовительные цены не стимулировали работу в коллективном хозяйстве. В 1931 г. в качестве вознаграждения за свой труд колхозники получили не более 1—1,5 *кг* хлеба на трудодень (из расчета в среднем 116 трудодней за год), включая сюда и питание из общественных фондов во время наиболее напряженных периодов полевых работ[10]. На деле, иначе говоря, колхозники получали мало или ничего. Обследования, проведенные в те годы, но увидевшие свет лишь недавно, свидетельствуют о том, что тогдашние доходы колхозников были заведомо ниже доходов уцелевших единоличников, которые между тем в ожидании коллективизации стремились, насколько возможно, сократить масштабы своего индивидуального производства. К тому же лишь от 5 до 25 % указанных доходов колхозники получали от работы в коллективном хозяйстве; остальное поступало либо из несельскохозяйственных источников, либо от продажи на рынке того немногого, что могли дать остававшиеся в личном пользовании огород, корова или куры[11]. В мае 1932 г. по всей стране была разрешена продажа по вольным ценам колхозами, колхозниками и даже единоличниками излишков своей продукции на рынках[12]. Следует иметь в виду, однако, что и прежде, когда еще не было этого формального разрешения, многие крестьяне продолжали доставлять небогатую продукцию своего приусадебного хозяйства в города, на железнодорожные станции, речные пристани и сбывать ее здесь, пользуясь острой нехваткой, по завышенным, чтобы не сказать астрономически высоким, ценам.

Но обескровливание деревни происходило не только в форме переезда миллионов из села в город или ближе к стройке. Другим каналом перекачки людских ресурсов из села были массовые депортации. Насколько массовые? Дать точный ответ невозможно. Цифровые данные из официальных источников, которые приводятся в исторических работах, носят противоречивый характер*. Они говорят о примерно 250 тыс. кулацких семей (т. е. приблизительно миллион человек), которые были высланы[13]. Но одних только кулаков, официально признанных таковыми, было гораздо больше: около миллиона семей. Другие советские источники признают, что, хотя на первых порах большую их часть пришлось только изгнать за пределы родных деревень, в дальнейшем все они были также высланы[14]. А ведь имелись еще так называемые подкулачники, то есть не кулаки, противившиеся коллективизации. Делегат из Башкирии отмечал на XVI съезде партии, что в его области почти все попы и муллы были арестованы и отправлены на лесозаготовки[15]. Затем, в 1932 г. и в особенности в связи со страшной заготовительной кампанией 1933 г., начались депортации уже не только единоличников, но и колхозников. В известном теперь всему миру секретном циркуляре за подписью Сталина и Молотова говорилось о трехлетней практике «массовых высылок» (правда, цель самого документа состояла в том, чтобы объявить о необходимости положить им конец) и добавлялось, что только в тюрьмах к середине 1933 г. содержалось около 800 тыс. арестованных[16]. Но большинство находилось уже в трудовых лагерях Севера, Дальнего Востока и многих других районов и трудилось большей частью на лесозаготовках. Впрочем, использовались они и на других работах, от рудничных до строительных, — многие тысячи их принимали участие в строительстве Кузнецкого и Магнитогорского комбинатов, не говоря уже о Беломорканале, который был целиком построен руками заключенных, правда, не только крестьянского происхождения, — а также в специальных сельскохозяйственных артелях[17]. Совокупный итог, следовательно, не может не превышать — и намного — 1 млн. человек; противники и критики коллективизации упоминали о нескольких миллионах, хотя и не смогли назвать более точной цифры.

Еще большая неясность сохраняется в отношении той подлинной катастрофы, какой явился для большей части сельских районов СССР чудовищный голод зимой 1932/33 г. Об этом советские источники сообщают еще более уклончиво, чем о депортациях. Был ли виной всему лишь недород? Споры об этом велись уже тогда[18]. Неблагоприятные климатические условия были лишь одним из нескольких, но не решающим фактором возникновения критической ситуа-

---

* Учебник истории партии в трех своих изданиях (1959, 1962 и 1969 гг.) сообщает о 240 757 семьях, высланных «с начала 1930 г. по осень 1932 г.». Многократно цитируемая в примечаниях в этому тому «История КПСС» называет цифру «свыше 265 тысяч семей» лишь за период с весны по осень 1931 г.

ции. В ту пору сталинские руководители, скрывая полностью размеры бедствия, возложили вину на крестьян, которые отказывались работать в колхозах либо, вступив в колхоз, не желали сдавать хлеб государству. Крестьян скопом обвиняли в проведении своего рода «всеобщей забастовки». В более близкие к нам времена советские историки, напротив, назвали главной причиной голода жестокость и необдуманный характер хлебозаготовительных реквизиций[19]. При всей видимой противоречивости эти два объяснения приводят нас к двум сторонам одного и того же явления. Недород и голод ознаменовали кульминационный и самый трагический момент форсированной коллективизации и были в этом смысле обусловлены скорее политическими, нежели природными факторами. Голод свирепствовал в особенности на Украине, но его тяжкое бремя почувствовали на себе также Северный Кавказ, особенно степные районы Дона и Кубани, Нижнее Поволжье, то есть большая часть тех зерновых зон, где коллективные хозяйства были крупнее и более распространены. Последствия были трагическими. Голод ударил по деревне гораздо сильнее, чем по городам, где хлебозаготовки по крайней мере обеспечили населению хоть какое-то снабжение. Но в деревнях на широких просторах Центральной и Южной России люди зимой 1932/33 г. буквально умирали от голода, а в некоторых районах продолжали умирать и в следующем году. Бедствие приобрело размеры катастрофы. Повторялись эпизоды, напоминавшие 1921 г.

Ныне и в СССР появилось несколько впечатляющих литературных свидетельств о том периоде[20]. Однако и в этом случае мы не в состоянии подсчитать число жертв. В работах, вышедших за пределами СССР, содержатся разные оценки, но эти подсчеты «на глазок», варьирующиеся в пределах от одного до десяти миллионов[21], в данном случае, как и применительно к другим трагическим периодам советской истории, слишком приблизительны. Единственная цифра, которой мы обладаем, выглядит все же достаточно красноречиво. К началу 1937 г. население СССР, вместо того чтобы вырасти, как это было раньше, оказалось примерно на 2 млн. меньше, чем в 1932 г. (всего 163,8 млн. человек), причем сокращение произошло за счет сельского населения, ибо городское население выросло за этот период, как и предусматривалось[22]. Хотя недород и не был единственной причиной этого сокращения, он все же явился одной из наиболее важных причин.

Голод оказал мощное влияние на отток населения из деревни в город. Если сначала он происходил самотеком и беспорядочно, то начиная с 1931 г. правительство пыталось придать ему характер организованного набора рабочей силы для промышленности путем заключения, по предложению самого Сталина, прямых договоров хозяйственных организаций с колхозами*. На деле процент завербо-

* Это предложение представляло собой первое из так называемых «шести условий» успеха индустриализации, изложенных Сталиным в речи перед хозяйственниками 23 июня 1931 г. Остальные пять условий состояли в ликвидации уравниловки в зарплате,

ванных таким образом рабочих был незначительным и затронул скорее уцелевших единоличников, чем колхозников[23]. Неурожай погнал в город новую массу голодных крестьян, но произошло это в такой момент, когда сама промышленность переживала трудный период из-за навязанных ей чересчур форсированных темпов развития, а также влияния сельскохозяйственного кризиса. К концу 1932 г. число занятых в промышленности снизилось по сравнению с предыдущим годом[24]. Именно тогда (27 декабря) законом были установлены жесткие ограничения для внутренних перемещений и возрождены старые царские правила внутреннего распорядка. В качестве документа, удостоверяющего личность, был введен паспорт и одновременно обязательная регистрация в милиции любых, в том числе и временных, перемен места жительства — прописка. Без прописки нельзя было жить в городе. Но крестьянам в выдаче этого паспорта было отказано: для выезда из деревни требовалось соответствующее разрешение правления колхоза. Одновременно с этим были аннулированы прежние условия, облегчавшие отходничество[25].

Наряду с рабочими и крестьянами имелся еще один слой — разумеется, не такой крупный, но в то же время и не столь уж малочисленный, — который отчасти был ликвидирован, отчасти полностью изменил свой облик. Речь идет о ремесленниках-кустарях. Лишь самую верхнюю их прослойку можно было принять за нэпманов, сметенных первыми же волнами ускоренной индустриализации. Собственно ремесленников, без учета крестьян, обычно занимавшихся другими работами в свободное от полевых трудов время, было 4,1 млн. Более 3 млн. жили в деревне и были, в свою очередь, связаны с землей. В некоторых областях, где их искусство опиралось на древние традиции, ремесленники трудились крупными группами. Они также пережили своего рода коллективизацию в том смысле, что их простейшие кооперативы были сокрушены попыткой объединить их в производственные артели методами, которые не слишком отличались от методов создания колхозов. В порядке опыта вводились и более осторожные формы перехода к обобществленному хозяйству в виде промколхозов, особенно там, где собственно промысловая деятельность ремесленников более тесно переплеталась с земледельческой. Но прочными промколхозы так и не стали и просуществовали недолго. В 1932 г. свыше 1,5 млн. ремесленников было объединено в артели[26]. Остальные в большинстве своем сменили род занятий, зачастую также пополнив армию новых промышленных рабочих.

установлении личной ответственности работника за порученное дело, формировании собственной производственно-технической интеллигенции, корректном отношении к специалистам старой школы и более широком использовании хозрасчета при управлении предприятиями. Ниже мы поговорим о каждом из них и проследим, насколько каждое соблюдалось на практике.

Тяготы индустриализации

С 1929 г. советская экономика приобрела многие черты хозяйства военного времени. Нехватка продовольственных и потребительских товаров тяжело отражалась на городской жизни. В 1928—1929 гг., как мы видели, была введена карточная система сначала на хлеб, а потом на другие важнейшие виды продовольствия и на все предметы первой необходимости. Разумеется, карточные нормы были больше тех, которые существовали во время гражданской войны: делалось все возможное, чтобы обеспечить — особенно рабочим — необходимый минимум. Вообще на протяжении всего этого периода советская власть мобилизовала весьма крупные ресурсы для того, чтобы перебоев с питанием не было по крайней мере у тех, кто более, чем когда бы то ни было, составлял основу ее социальной опоры. В особенности это относилось к рабочим, занятым в тех отраслях тяжелой индустрии, которые всюду и везде были приоритетными. Большое распространение получили заводские столовые: число их увеличилось с 1 тыс. до 32 тыс., а пропускная способность позволяла кормить ежедневно без малого 15 млн. человек[27].

Но все же не удалось избежать общего падения реальной зарплаты и уровня жизни. То, что даже самый хорошо устроенный рабочий получал по карточкам или в столовой, было далеко от достатка. Он мог получать достаточно хлеба, но не мяса, жиров, яиц или сливочного масла — все эти продукты были редкостью в государственных или кооперативных магазинах. Потребление их резко сократилось, что привело к нарушению рационального питания. Для приобретения подобных благ — пускай даже в пределах урезанного потребления — рабочий, да и вообще любой гражданин вынужден был обращаться к рынку с неконтролируемыми ценами, где в 1932 г. ему приходилось платить за те же продукты в среднем в 13 раз больше, чем в 1928 г. Даже если принять в расчет одни лишь государственные цены, зарплата в 1932 г. при всех номинальных увеличениях составляла лишь 88,6 % от той, которая была в 1928 г., когда она достигла высшего за все годы нэпа уровня. С учетом же общей стоимости жизни ее снижение было куда бóльшим. Потребовалось восемь лет неуклонного и постепенного повышения, чтобы к 1940 г. был вновь достигнут уровень 1928 г.[28]

Рост городов не поспевал за стремительным увеличением численности городского населения. У жилищного кризиса были давние предпосылки, и он приобрел тревожные размеры уже в начале пятилетки. Содержавшаяся в плане программа жилищного строительства была явно недостаточна, ибо исходила из относительно скромного роста городов. Но и эта программа могла быть осуществлена лишь в очень небольшой части, потому что стройматериалы, финансовые средства и рабочая сила — все было поглощено первоочередными индустриальными стройками. Началось перенаселение домов — явление, которое на протяжении десятилетий будет омрачать жизнь

советских городов. Обнародованные ныне статистические данные свидетельствуют о том, что за 1929—1932 гг. жилплощадь на душу населения сократилась с 5,73 *кв. м* до 4,64 *кв. м*. Сколь бы красноречивыми ни были эти показатели, они говорят еще далеко не все. Заселение нескольких семей в одну квартиру — по комнате на семью — стало общим правилом; дело доходило до того, что иногда в одной комнате жило несколько семей. Временные бараки, возведенные вокруг строительных площадок, надолго оставались неотъемлемой деталью панорамы новых городов. Даже в таком городе, как Ленинград, находившемся в относительно выигрышном положении с точки зрения резервов жилой площади, произошло катастрофическое ухудшение жилищных условий, причем это ухудшение лишь в минимальной степени компенсировалось понижением квартплаты, которая составляла теперь и вовсе почти смехотворно малую величину[29].

Следует вместе с тем иметь в виду, что все эти выкладки, используемые обычно для определения жизненного уровня в периоды нормального, мирного развития, могут исказить, если не прямо очернить, положение дел, когда их пытаются применять к историческим ситуациям, в которых предметом революционной переделки является весь образ жизни в целом. Резкое ухудшение материальных условий существования должно быть в этом случае сопоставлено с новыми возможностями, открывавшимися перед массами в других областях. Например, благодаря полной занятости в каждой семье теперь было больше работающих. Да и вообще, благодаря высочайшей социальной мобильности тех лет миллионы мужчин и женщин могли рассчитывать на что-то лучшее. Но необходимы и приведенные нами статистические выкладки, они нужны для понимания того, каких тяжких лишений стоило советскому народу начало индустриализации.

Засилье централизма

Возродились также идеи и установки военного коммунизма. Это можно проследить по многим признакам, начиная с языка: выражения вроде «заготовительный фронт», с которым мы встречались, когда говорили о событиях 1928 г., сделались обиходными, повторялись из года в год. Газетные сообщения о ходе выполнения пятилетки и положении дел на наиболее ответственных стройках писались языком военных сводок. В речах и докладах на собраниях чаще стали приводиться ссылки на тезисы IX съезда партии, взявшего курс на милитаризацию труда, установки которого были сняты в годы нэпа[30]. Когда нехватка всего необходимого вновь стала неотступно гнетущей проблемой, хождение вновь получили — причем не только в теории, но и среди практических работников — концепции «отмирания денег» в ближайшем будущем и, соответственно, перехода к «прямому товарообмену». Эти концепции, правда, были раскритикованы и отвергнуты[31]. Было бы неверно поэтому говорить

о простом возврате к военному коммунизму. Иными были проблемы, иным политическое положение в стране, поэтому в иной форме воскрешались и целеуказания, попытка осуществления которых уже предпринималась десятью годами раньше.

Приход на фабрики и стройки миллионов людей — крестьян, молодежи, женщин, — которые никогда не имели ни малейшего представления о промышленности, ее организации, темпах работы, сделал производство трудноуправляемым. Недисциплинированность, опоздания, прогулы, уход с рабочего места — все эти чрезвычайно распространенные в начале пятилетки явления уже с первых месяцев 1929 г. не раз вызывали появление тревожных постановлений руководящих партийных органов. Неопытные, наскоро обученные рабочие приводили в негодность дорогостоящее машинное оборудование. Советская историография неизменно отрицает, что имело место настоящее луддитское движение; как бы то ни было, сопротивление новой, фабрично-заводской атмосфере подчас доходило у новых рабочих до намеренной ломки машин[32]. Подтверждается это и той настойчивостью, с какой начали говорить о вредительстве. Положение между тем усугублялось еще одним явлением, которое в ходе первой пятилетки приобрело пугающий размах: текучестью рабочей силы. Нужда заводов в дополнительных рабочих руках в сочетании с плохими условиями труда создавала для многих рабочих стимул к постоянному переходу с места на место в поисках лучшего устройства. Как удалось подсчитать, в угольной промышленности — отрасли, где положение с этой точки зрения было наихудшим, — каждый шахтер выполнял одну и ту же работу в среднем не больше четырех месяцев! В других отраслях ситуация была не столь трудной. Повсюду, однако, велико было число работников, остававшихся на одном месте менее года[33].

Для пробуждения заинтересованности и повышения производительности труда в первую очередь была использована поддержка рабочими, молодежью новых планов индустриального социалистического развития страны. Под воздействием сильного политического порыва родились два движения: социалистическое соревнование и ударничество. Оба они при горячей поддержке Ленина пропагандировались Троцким в 1920 г. на IX съезде, когда он в первый раз предложил наметки плановой политики. Соцсоревнование состояло в вызове на состязание за лучшую работу другой бригады и цеха одного и того же завода, предприятия одного типа, позже — города, области. Ударниками назывались рабочие, которые брали на себя обязательства и выполняли ускоренными темпами особенно важные и неотложные задания и получали за это не только почетные грамоты, но и улучшенное питание или право приобретения дефицитных товаров. Поощряемые сверху, оба движения имели на предприятиях реальную опору среди наиболее сознательных, политически просвещенных рабочих. Вместе с тем они наталкивались и на ожесточенное сопротивление со стороны тех, кто оставался чужд подобной полити-

ческой инициативе, не мог или не желал откликнуться на нее. В немалом числе мест дело доходило до угроз в адрес ударников, избиения наиболее активных рабочих[34].

В начале пятилетки не было недостатка в разнообразных, более или менее удачных экспериментах. Так, в 1929—1930 гг. на заводах и фабриках возникло было, но скоро сошло на нет движение за создание производственных коммун[35]. Малоудачным, но тем не менее долго и широко насаждавшимся на всех предприятиях начинанием была «непрерывка», то есть отмена фиксированного выходного дня и предоставление каждому возможности отдыхать в любой из шести (позже — семи) дней недели. В общем и целом, однако, напряженность плана, да и сами сталинские концепции — все это мало способствовало развитию инициативы снизу, с теми не поддающимися контролю элементами самодеятельности, которые она могла вызвать к жизни. Правда, соревнование и ударничество всячески поощрялись и поднимались на щит так усиленно, что на протяжении многих лет служили господствующим мотивом общественной жизни в СССР. Но механическое распространение и регламентирование этих двух движений весьма скоро обнажили в них элементы внешнего нажима, искусственности, бюрократического формализма, которые притупляли их действенность. В особенности это стало видно, когда достижения ударников стали использоваться для административного навязывания всем рабочим более интенсивных темпов труда: волна недовольства прокатилась по фабрикам и заводам.

Общественное значение соревнования и ударничества было велико, и его ни в коем случае нельзя игнорировать. Но сами по себе эти движения не способны были разрешить огромной сложности проблемы выполнения плана и обеспечения работы предприятий. Решение изыскивалось, скорее, на путях укрепления власти, авторитета начальника, того лица, в руках которого сосредоточивалось все руководство. Речь шла о том самом принципе единоначалия, который также впервые получил обоснование в дискуссиях периода военного коммунизма.

Во время нэпа на заводах сложилось — пускай даже больше на практической, нежели теоретической или юридической основе — известное равновесие власти в рамках так называемого «треугольника», включающего директора, руководителя партийной организации и председателя профсоюзного комитета. У этой системы были свои преимущества и свои неудобства. В 1929 г. соотношение сил было изменено в пользу директора, на которого была возложена исключительная ответственность за всю производственную деятельность: в сентябре на этот счет было издано специальное постановление; в еще более категорических выражениях Сталин высказался об этом на XVI съезде ВКП(б)[36]. Фигура единого начальника стала центральной на каждом советском предприятии, подобно тому как фигура секретаря партийного комитета была центральной для целого района или области. Это центральное лицо было наделено широкими полно-

мочиями как в организационной, так и в дисциплинарной сфере. Партийные и профсоюзные организации выступали в качестве его помощников. Роль таких людей, призванных железной рукой и силой собственной политической страсти руководить десятками тысяч вчерашних крестьян — сегоняшних строителей — и налаживать современное производство в отсталой стране, была очень велика в те годы. Один русский историк многие годы спустя назовет их «капитанами советской индустрии». Типичным представителем их был, например, Сергей Миронович Франкфурт, большевистский директор необъятного Кузнецкстроя. Эренбург назвал его фанатиком, добавив, что «он почти не спал и ел на ходу», потому что неразрешимые проблемы постоянно обступали его со всех сторон: он не поколебался обещать сосланным кулакам, что будет хлопотать о восстановлении их гражданских прав, если они будут хорошо работать[37].

Суженными оказались в первую очередь прерогативы профсоюзов, причем не только на предприятии, но и в обществе в целом. С притоком миллионов новоиспеченных рабочих и служащих профсоюзная организация численно сильно увеличилась, но эта масса новых членов была мало знакома либо вовсе не знакома с трудом в промышленности и, следовательно, имела весьма слабые представления о профсоюзе, его задачах и традициях. Количественный рост поэтому не сопровождался соответствующим усилением политической значимости профсоюзов. К этому добавилась борьба сталинского руководства с профсоюзной верхушкой, считавшейся одним из оплотов правых.

Именно в силу того, что со времен нэпа профсоюзы стали самой крупной массовой организацией за пределами партии, их превращение в «приводной ремень» (в том жестком смысле, который отстаивался Сталиным) не могло быть безболезненной операцией. Состав центральных аппаратов профсоюзов был сменен на 30—80 %. Профсоюзы были призваны повернуться «лицом к производству», «не противопоставляя защитные функции профсоюзов их производственным функциям». Улучшение условий жизни трудящихся было объявлено само собой подразумевающимся и автоматическим следствием индустриализации[38]. Из этого следовало — хотя так прямо и не говорилось, — что при борьбе за индустриализацию нет нужды бороться за улучшение условий жизни. В действительности, как мы знаем, дело обстояло совсем не так, но партийные документы этого не признавали. Таким образом, профсоюзы также должны были сосредоточить всю свою энергию на выполнении плана. Их главной задачей объявлялись стимулирование и организация социалистического соревнования и ударничества, признанных высшим проявлением сознательности рабочего класса и полной противоположностью тому тред-юнионизму, которым профсоюзы запятнали себя под руководством правых, уделяя чересчур много внимания защите непосредственных интересов своих членов. Троцкистский термин «огосударствление» ни разу не был произнесен. Но по существу речь шла именно об этом. Акценты решительно смещались как раз на те

производственные задачи профсоюзов, главным ревнителем которых в ходе дискуссии 1920—1921 гг. выступал Троцкий. Кстати, об огосударствлении: в июне 1933 г. Наркомтруд был ликвидирован и слит с ВЦСПС.

Была изменена и политика в области зарплаты. Сигналом к тому послужила речь Сталина в июне 1931 г., в которой он резко осудил чрезмерную уравниловку в вопросах оплаты труда[39]. В последующие месяцы началось проведение реформы в этой области. В основе ее лежали два требования: более выраженная дифференциация с помощью введения большего числа тарифно-квалификационных разрядов и увеличение разрыва в оплате труда работников низших и высших ступеней, а также внедрение сдельной оплаты всюду, где возможно. Целью реформы было создание конкретных стимулов не только для ударников, но и вообще для каждого рабочего, желающего повысить свою профессиональную квалификацию, производительность, сноровку. Реформа поощряла его обосноваться на одном месте, а не бродить с завода на завод.

Наконец, в ходе жестоких испытаний первой пятилетки глубокие перемены претерпела вся организация советской промышленности. Мы не станем перечислять все изменения, через которые она прошла в эти годы, прежде чем обрела относительно стабильную структуру. Напомним только, что начало индустриализации сопровождалось в 1927—1929 гг. намерениями развивать бóльшую инициативу снизу. Подразумевалось, в частности, предоставление большей самостоятельности отдельным промышленным предприятиям за счет сокращения прерогатив трестов и сбытовых синдикатов, в которые они ранее были объединены. Ведущим критерием при этом должен был оставаться хозрасчет, то есть способность каждого предприятия поддерживать свою рентабельность[40]. Однако уже первые трудности, связанные с выполнением плана, и его бесконечные переделки сокрушили эту установку. Верх взяла противоположная ориентация — на максимальную централизацию. История первой пятилетки является отчасти историей утверждения этой тенденции. Этому способствовали многочисленные факторы: растущая нехватка ресурсов и всего самого необходимого, из-за чего материалы приходилось распределять в соответствии с железными приоритетами[41]; решимость сосредоточить все силы и средства на одних объектах, игнорируя другие; сама система политического руководства, основывающаяся на приказной передаче директив сверху вниз.

Повсеместно разъяснялась необходимость хозрасчета. Но на практике хозрасчет изгонялся именно из ведущих отраслей народного хозяйства: вся тяжелая индустрия в целом и большая часть ее отдельно взятых предприятий были убыточными и поддерживались за счет государственных дотаций. В 1931 г. реформе подверглась банковская система: если в 20-е гг. с образованием целого ряда специализированных кредитно-финансовых учреждений ее отличала большая дифференциация, то теперь все кредитные операции были

сосредоточены в едином Государственном банке. Региональные органы хозяйственного руководства (совнархозы) были лишены своих полномочий, хотя и пытались сопротивляться, отстаивая развитие экономики на местах. Решения по экономическим вопросам вновь принимались Москвой. Но и здесь положение было иным, нежели раньше. ВСНХ практически занимался теперь только тяжелой индустрией. Орджоникидзе, ставший его руководителем после перехода Куйбышева в Госплан, был целиком поглощен оперативным руководством крупными стройками и главными предприятиями — рождающимися колоссами пятилетки[42]. Поэтому в конце 1931 г. ВСНХ был преобразован в Народный комиссариат тяжелой промышленности. Наряду с ним были образованы два других наркомата: легкой промышленности и лесной промышленности. Так начала складываться система отраслей советской экономики, при которой отдельные предприятия включались в структуру вертикального руководства отраслевого министерства.

Распространение образования

Среди многих факторов, изменявших облик советского общества, один заслуживает особого внимания. Индустриальное преобразование общества, которое еще на 50 % не умело читать и писать, требовало широкого распространения культуры. В кипении замыслов и начинаний, характерных для начала пятилетки, то есть в основном в 1929—1930 гг., борьба с неграмотностью была на первых порах возложена на движение добровольцев-энтузиастов, большей частью из молодежи. В этой операции также нетрудно уловить отзвук героической поры военного коммунизма: само движение называлось культпоходом, а масса его участников — культармией. Задача состояла в том, чтобы дать начатки знаний также неграмотным взрослым. На селе, где их была основная масса, эта кампания в конечном счете слилась со стремительным наступлением коллективизации и рикошетом испытала на себе всю ожесточенность вызванной ею ответной реакции. Результаты культпохода были порой поверхностными, но про них ни в коем случае нельзя сказать, что они оказались бесполезными. Главное заключалось в том, чтобы как можно быстрее охватить наибольшее число людей. Крестьянина поэтому ускоренными методами обучали читать по слогам газетные заголовки и держать ручку, хотя он рисковал быстро забыть то, что выучил в такой спешке и столь поверхностно. Тем не менее воспоминание о немолодых уже мужчинах и женщинах, собиравшихся по вечерам в избе, чтобы при свете керосиновой лампы выучиться читать и писать под руководством молодого учителя, связано с одним из самых благородных порывов, какими была отмечена эта неистовая пора. Советская история по праву относит борьбу с неграмотностью к числу героических традиций советского народа.

Более систематическим и результативным был замысел введения

всеобщего обязательного начального образования для всех детей в СССР. Одним из наиболее важных решений XVI съезда ВКП(б) утверждался этот замысел в 1930 г., то есть тогда, когда неграмотных в стране еще было около 38 %[43]. Решение этой задачи также было не из легких, ибо наталкивалось на нехватку средств, персонала и помещений. Из-за недостатка учителей в 1930 г. практически каждый, кто имел 7-классное образование, мог работать учителем начальной школы после прохождения краткосрочных — от полугода до трех недель — курсов по подготовке и переподготовке учителей[44]. Такого рода чрезвычайным обстоятельствам суждено было затянуться на довольно долгий срок. Хотя ассигнования на школу значительно увеличивались, они все еще были далеки от удовлетворения потребностей, ибо все наличные средства направлялись в тяжелую индустрию[45].

Но эта вынужденная скудость средств отнюдь не умаляет, скорее, наоборот, подчеркивает благотворное значение огромных усилий, предпринятых под руководством Бубнова, старого большевистского деятеля, который в 1929 г. оставил руководство Главным политуправлением Красной Армии и встал во главе Наркомпроса вместо Луначарского. Как и другие достижения, победа над неграмотностью была трудным делом, требовавшим времени и самоотверженности.

Рост образования позже был отождествлен с той культурной революцией, о необходимости которой говорил Ленин[46]. Нисколько не желая преуменьшить ценность завоевания, отметим все же, что подобное приравнивание неправомерно принижает ленинскую идею. Ленинская концепция культурной революции была куда сложнее и богаче. Разумеется, распространение школьного образования входило в нее одним из первейших компонентов. Но вместе с тем она включала освоение целого ряда завоеваний цивилизации, «настоящей буржуазной культуры», понимаемой как преодоление тех «культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п.», которые были еще преобладающими в России[47]. Можно вспомнить по этому поводу, что Ленин связывал, например, идею культуры с представлением о законности. Между тем та законность, которая была завоевана после гражданской войны, была сметена в эти годы бурных преобразований. То же самое происходило и с самими демократическими нравами и обычаями, внесенными революцией в повседневные отношения между людьми: вместо них теперь все больше утверждались новые иерархические тенденции.

Вместе с тем прокладывала себе путь идея необходимости овладения западной техникой. Функционально подчиненная целям индустриализации, культурная революция сыграла особенно большую роль в области профессионально-технической подготовки. Лозунг «овладеть техникой» был одним из главных мотивов первой пятилетки, но не утратил призывной силы и накала и на протяжении всех 30-х гг. Сталин часто повторял его. Его первая речь на эту тему была адресована молодежи весной 1928 г. Другие, более настой-

чивые призывы прозвучали в 1931 г., когда индустриализация достигла максимальной напряженности. «Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все»[48].

Два фактора стимулировали усилия по быстрейшему овладению научно-техническими знаниями. С одной стороны, подталкивала крайняя нехватка квалифицированного персонала, об этой проблеме с тревогой говорилось на XVI партконференции, то есть с первых же шагов пятилетки[49]. Этим объяснялись многие неудачи и срывы сроков. С другой стороны, побуждала волна подозрений по отношению к старым специалистам, инженерам и техникам, сопровождавшаяся многократно повторяющимися директивами о создании своей «собственной», заслуживающей большего доверия «производственно-технической интеллигенции».

Одной из наиболее настойчиво решавшихся задач явилось обновление «экономических кадров» на всех уровнях. Возможно, это происходило в силу столь типичного для Сталина убеждения, что именно эта проблема, а не какая-нибудь другая является «центральной проблемой нашего социалистического строительства»[50]. Уже в 1928—1929 гг. партийные работники (тысячники) широко выдвигались на работу в промышленности. Коммунистические академии, созданные для получения высшего образования руководящими политическими работниками, были преобразованы в промышленные академии, а число их увеличено. Была переделана вся система подготовки технических специалистов: инженерные вузы были специально изъяты из ведения Наркомпроса и отданы под контроль промышленных ведомств. При фабриках и заводах создавались курсы по повышению квалификации, вводились условия, стимулирующие трудящихся получать образование на вечерних и заочных отделениях вузов «без отрыва от производства».

Так открывалась вторая фаза — куда более масштабная и радикальная, чем первая, — того важного общественного явления, каким являлось выдвижение, начавшееся в середине 20-х гг. Ее отличие от предыдущей фазы состояло прежде всего в том, что процесс уже не ограничивался только политико-административной сферой. Он продолжался и в этой сфере, и в особенности в среде тех двух миллионов государственных функционеров, которые сами по себе составляли немаловажный слой советского общества[51]. Но истинный простор для выдвижения открыла стремительно растущая экономика. Проблеме новых кадров было посвящено несколько партийных постановлений[52]. В своем докладе по организационным вопросам на XVI съезде ВКП(б) Каганович уделил ей много места. Он говорил, в частности, что в 1929—1930 гг. совершен качественный скачок, и предлагал за два-три года в четыре раза увеличить число технических специалистов[53]. Среди участников совещания работников социалистической промышленности в феврале 1931 г. две трети находились на занимаемой должности меньше года. В 1933 г. молодежь, получившая обра-

зование во время первой пятилетки, составляла 60 % всех кадров в тяжелой индустрии[54].

Партия стремилась набирать новых руководящих работников, прежде всего политически надежных, в первую очередь из числа участников соцсоревнования и ударников. Но довольно скоро это вызвало серьезные неудобства, ибо приходилось снимать с производства часть наиболее квалифицированной рабочей силы, что грозило увеличить и без того высокую текучесть. Поэтому с октября 1930 г. в течение двух лет запрещалось переводить рабочих в руководящий аппарат[55]. Зато расширилось привлечение их детей. В институтах и университетах была учреждена обязательная квота приема для выходцев из рабочих и крестьян. В 1931 г. 67 % студентов были рабочими и крестьянами по происхождению (73 % — в вузах индустриального профиля)[56].

Новые люди, «выдвиженцы», стали самой динамичной частью советских учреждений. В 30-е гг., как и на протяжении предыдущего десятилетия, это были представители глубинных народных слоев; среди них было много рабочих, немало крестьян. Было бы в высшей степени интересно провести более тщательный анализ их социального происхождения, но при нынешнем состоянии наших знаний это, по-видимому, невозможно. В любом случае процесс этот следует рассматривать на фоне и в ряду других социальных явлений той поры: изменения природы общественных классов, неустойчивости их облика, неопределенности границ быстро растущего пролетариата, расслоения крестьянства, ограниченности культурного развития, крайней ожесточенности происходивших конфликтов, преобладания централизаторских и авторитарных установок. С учетом всего этого выдвижение предстает перед нами скорее не как процесс складывания и самоутверждения нового, вполне определенного класса, а как очередной массовый выход на поверхность творческих потенций из глубин плебейских, простонародных масс, уже сыгравших столь значительную роль в первой фазе русской революции.

Если попытаться определить социально-политическую опору сталинской власти в том виде, как она окончательно сложилась в 30-е гг., то, думаю, ее следует искать именно в выходцах из этих слоев или, по крайней мере, в них больше, чем в более аморфной категории государственной бюрократии вообще, которая переживала преобразовательные процессы наравне со всем остальным обществом. Именно из них выйдут настоящие сталинские кадры.

VI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА «В ВЕРХАХ» И «НА МЕСТАХ»

Рост и изменение партии

Во время пятилетки численный рост партии приобрел куда большие размеры, чем в 20-е гг., после ленинского призыва. Если уже в 1929 г. число членов и кандидатов в члены ВКП(б) достигло 1,5 млн., то к концу 1932 г. оно составило 3,5 млн. В свою очередь, численность комсомола за это же время увеличилась с 2,5 до 4,5 млн. человек[1].

Новые коммунисты в подавляющем большинстве своем были фабрично-заводскими рабочими, по преимуществу ударниками или, во всяком случае, активистами. В моменты наибольшей напряженности вновь начала поощряться практика групповой подачи заявлений, в том числе и целыми цехами или даже предприятиями; за парторганизацией сохранялось право применить в дальнейшем принцип индивидуального отбора. По-прежнему стремились, чтобы рабочие составляли не менее 50 % партийных рядов. В первой половине 1930 г. партия была близка к этому[2]. Затем процент рабочих вновь стал понижаться, в частности потому, что начали усиленно привлекать в партию крестьян-колхозников и техническую интеллигенцию. Сами рабочие, вступив в партию, зачастую оказывались оторванными от прежней своей работы. В 1930—1932 гг. в партию вступили 1281 тыс. фабрично-заводских рабочих, но число коммунистов, оставшихся работать на производстве, увеличилось за это же время лишь с 727 тыс. до 1312 тыс. Остальные перешли на другую работу благодаря выдвижению[3].

Как и во время гражданской войны, рост партии не был равномерным. По прямому указанию XVI партконференции в 1929—1930 гг. была проведена первая после 1921 г. официальная чистка. Из партии было «вычищено» около 100 тыс. человек, в числе которых, особенно в сельской местности, было немало сочувствующих правым. Причины исключения были самыми разными: от простой пассивности до аморального поведения. В отдельные моменты число «вычищенных» достигало 175 тыс., но затем значительная часть их была восстановлена после подачи апелляции[4].

При проведении в жизнь своих политических решений партия опиралась не только на собственных членов. Советы, профсоюзы, хозяйственные организации создавали собственный актив, то есть довольно широкий круг лиц, готовых взять на себя выполнение определенных заданий. Благодаря им партия обретала бóльшую дееспособность и среди них вербовала в дальнейшем бóльшую часть своего пополнения. В целом разница между коммунистами, которых стало

намного больше, и остальным, беспартийным, населением постепенно затушевывалась. Среди самих коммунистов все большее значение приобретала особая, руководящая функция кадров и аппарата[5]. До 1928 г. с протоколами заседаний Центрального Комитета знакомили широкие партийные круги; позже такая практика была прекращена. Увеличилось, напротив, количество решений и документов секретного характера, обращение с которыми регламентировалось настоящими «правилами конспирации»[6]. Если воспользоваться сталинской терминологией, то мы могли бы сказать, что кадры представляли собой подлинный «орден меченосцев», в то время как партия все больше становилась его «приводным ремнем», его армией, его исполнительным инструментом.

С утратой экономических стимулов нэпа партия вынуждена была все больше брать на себя прямую ответственность за хозяйственные дела. Новый лозунг требовал, чтобы и партия повернулась «лицом к производству»[7]. Неизгладимой осталась в памяти старых партийцев та пора, когда, требуя во что бы то ни стало достижения определенных результатов, коммунисту говорили: «А то положишь партбилет на стол». Подобная процедура исключения не предусматривалась никакими уставными нормами, но, сущности, сам Сталин поощрил ее, когда в начале 1928 г. с помощью подобных средств требовал от секретарей партийных комитетов на периферии изъятия хлеба у кулаков[8].

Но такими методами нельзя было долго управлять экономикой: нужно было стимулировать превращение политических руководителей в знатоков производства[9]. В связи с этим оплата их труда была приравнена к привилегированно высокой зарплате, установленной ранее и все еще сохранявшейся для специалистов. Когда обострилась нехватка потребительских товаров и их стали выдавать по карточкам, новые и старые специалисты получили право на снабжение через особые магазины. С начала 1932 г. для коммунистов, занимавших посты в хозяйственных или административных учреждениях, был отменен партмаксимум — ранее действовавший (не без некоторых исключений) запрет на получение зарплаты выше определенного уровня. Отныне они могли зарабатывать столько же, сколько их беспартийные коллеги[10].

Сталинский цезаризм

После поражения Бухарина в верхах партии установилось новое руководство. Трое правых были выведены из Политбюро в разное время: Бухарин — в ноябре 1929 г.; Томский — в июле 1930 г., после XVI съезда; в декабре того же года Рыков вынужден был уступить Молотову пост Председателя Совнаркома. Однако они были отстранены от занимаемых должностей еще до того, как официально утратили их: уже в конце 1929 г. Молотов объявил, что «для ряда практи-

ческих задач ЦК не мог в последнее время использовать тех товарищей, которые плелись по дорожке правого уклона»[11]. В те решающие месяцы подлинное руководящее ядро партии не было тождественно даже Политбюро. Из старой группы деятелей, работавших с Лениным, остался только Сталин. Несколько приблизившихся к нему новых руководителей приобрели первостепенное значение. В частности, двое из них — Молотов и Каганович — как секретари ЦК играли решающую роль в наиболее напряженные моменты коллективизации: первый, до того как был назначен главой правительства, прямо отвечал за сельское хозяйство; второй нес ответственность за кадры. Другими выдающимися деятелями были Орджоникидзе и Куйбышев, отвечавшие за ход индустриализации. Ворошилов занимался армией. Таково было истинное сталинское ядро.

Добавим, что из-за смерти, по болезни, старости сошли с политической сцены Чичерин, Красин, Курский, Луначарский. Сталин невысоко ценил этих людей и считал, что они не поспевают идти в ногу со временем. Он не упустил случая публично унизить Луначарского незадолго до его ухода с поста наркома просвещения, хотя в эпизоде, послужившем предлогом для выговора, Луначарский, несомненно, был виноват: он на 15 минут задержал отправление поезда из Ленинграда[12].

Рост числа коммунистов, между прочим, свидетельствовал о поддержке массами лозунгов борьбы с правыми, смелых планов, утверждавшихся в этой борьбе. Это подтверждают многие современники. Провозглашалась новая фаза революционного движения вперед. Нэпман, бюрократ, кулак — все это были персонажи, не пользовавшиеся популярностью. Вызов старому миру внутри и за пределами страны был брошен. Недовольство, накопившееся в предыдущие годы, получило выход, это был своего рода реванш за разочарования периода нэпа.

Причины кризиса троцкистской оппозиции коренились именно здесь, ибо это было как раз то, за что она боролась. Во второй половине 1929 г. вернулись из ссылки раскаявшиеся известные деятели оппозиции, в частности Радек, Преображенский и Смилга. При этом даже те, кто, подобно Раковскому, не соглашался капитулировать, целиком разделяли платформу борьбы с правыми и даже требовали более энергичного наступления на них[13].

Основную поддержку партия получала от рабочих и молодежи. В полемику с профсоюзными руководителями комсомольцы ринулись первыми. Под руководством Орджоникидзе свою золотую пору переживала Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин), объединенная с Центральной контрольной комиссией партии; и здесь молодежь была застрельщиком, организуя для выявления недостатков так называемые комсомольские бригады «легкой кавалерии»[14].

По стратегическому замыслу широкое наступление по всему фронту, или, как говорили, «последний и решительный бой»[15], должно было смести прочь все, что оставалось в СССР капиталистического

или потенциально капиталистического: от крестьянина-богатея до торговца, от спекулянта до инженера старой школы. В действительности, однако, все обстояло намного сложнее, чем можно было заключить из этой как бы приспособленной для внутриполитического пользования установки «класс против класса». Если попытаться свести столкновение между Сталиным и Бухариным к его конечной сути, то речь шла как раз о противопоставлении идеи продвижения к социализму в союзе с возможно более широким спектром социальных сил концепции решительного прорыва фронта на узком участке. В советском обществе 20-х гг. это касалось в первую очередь крестьянства.

С первых шагов индустриализации политика партии в отношении крестьянства постоянно менялась. Исходным пунктом была предсмертная ленинская идея смычки, то есть союза города с деревней в целом, осуществляемого через рынок. Затем в ходе полемики с Троцким произошел возврат к тройственному лозунгу 1919 г.: твердая опора на бедняков, союз с середняками и борьба с богатыми крестьянами. Но в 1928 г. (правда, в совсем иных условиях, на этот раз во время полемики с бухаринцами) практически применялась тактика, сходная с той, какая использовалась в пору «войны за хлеб» и комбедов 1918 г. Позже дело завершилось союзом лишь с крестьянами, которые были за колхозы.

Всякий раз члены партии стремились приспособиться к новым лозунгам. Однако то, что началось с осени 1929 г., уже не укладывалось ни в одну из перечисленных схем. Неверно, на мой взгляд, было бы говорить, подобно некоторым историкам, что это была «война против всего класса крестьянства»[16]. Исход ее в этом случае был бы иным. Борьба вызывала и размежевание в деревне. Произошел конфликт с подавляющей частью сельских масс: не случайно исторические исследования признают, что под угрозу было поставлено «само существование» советского строя[17].

Ленин указал на две возможные причины раскола в партии. Одна — разрыв тонкого слоя большевистской «старой гвардии» — уже стала свершившимся фактом. Вторая, которую Ленин считал еще более опасной, даже непоправимой, — разрыв соглашения с крестьянством. С конца 1929 г. вероятность такого развития событий грозила стать реальностью. Партия к этому времени утратила и те черты цезаризма, которые можно было наблюдать в ее позиции во времена нэпа. Сознательно или бессознательно они были заменены откровенно цезаристской ролью Сталина. Сталинский культ, как указывают советские историки, начался именно в конце 1929 г., точнее — 21 декабря, когда Сталину исполнилось 50 лет[18].

«Правда» по этому случаю все шесть полос посвятила исключительно Сталину. В редакционных статьях и в статьях высших партийных деятелей, как бы в подкрепление звания «вождя», которое повторялось всеми, Сталина называли «рулевым большевизма», «виднейшим теоретиком нашей партии». «Чтобы руководить такой

партией, — говорилось в передовой, — требуется много. Это многое и дано товарищу Сталину». Самым важным было коллективное поздравление, подписанное Центральным Комитетом и Центральной контрольной комиссией. Оно гласило: ты был «лучший ученик Ленина», «ты оказался самым стойким и последовательным до конца ленинцем», ты был «всегда вместе с Лениным», «ты... оказался первым, самым близким и самым верным его помощником, как виднейший организатор Октябрьской победы». «В годы гражданской войны партия посылала тебя для организации побед на самых решающих фронтах. И твое имя связано с самыми славными победами нашей Красной Армии». Наконец, со Сталиным «неразрывно связаны невиданные в истории человечества темпы индустриализации страны и решительного перевода деревни на рельсы коллективного и крупного социалистического хозяйства...»

Никогда до этого не говорилось ничего подобного. Здесь были уже собраны все те темы, которые «культ» впоследствии сделает привычными. Сами авторы статей знали, как мало их содержание соответствует исторической действительности. Не будет натяжкой поэтому сказать о провозглашении цезаря. Дополнительный довод в пользу этого заключения — попытка обосновать законность такого провозглашения с помощью своего рода идейного наследования: Сталина именовали «продолжателем дела Маркса и Ленина». То, что Сталин желал этого, не подлежит сомнению. Но не менее очевидным фактом является и то, что после разгрома оппозиций все это было ему дозволено. Та самая партия, которая еще недавно опасалась прихода нового Бонапарта, теперь, на пороге самого трагического этапа своей послереволюционной истории, отдавала себя во власть единоличного вождя. Даже такой раскаявшийся оппозиционер, как Пятаков, заявлял, что нельзя быть с партией, не будучи заодно с ее Центральным Комитетом; нельзя быть с ЦК, не будучи заодно со Сталиным[19]. Элементы фидеизма приобрели господствующее значение. В июне 1930 г. на XVI съезде партии можно было услышать заявления вроде: «Мы, большевики, привыкли верить — а теперь эта вера уже переходит в знание, — что большевики могут все» (Ворошилов); «Для большевиков... является аксиомой, истиной, не требующей доказательств, что наша пятилетка будет выполнена в четыре года» (Уншлихт)[20]. Не ошибался, следовательно, тот старый партиец, который многие годы спустя решился написать: «Все мы, коммунисты старшего поколения, несем ответственность за то, что случилось тогда в партии»[21].

Столкновение со специалистами

Социальные контрасты между тем множились. К жесточайшему конфликту в деревне прибавился разрыв с большей частью интеллигенции. Кампания, развязанная в связи с «шахтинским делом»,

разрослась и во многих случаях вылилась в «охоту на специалистов»[22]. У конфликта были некоторые объективные причины. Многие технические работники не разделяли коммунистических идей. Кроме того, многие из них — от госплановского экономиста до заводского инженера — чувствовали, что с их мнениями и опасениями теперь не считаются. Показатели плана гигантски возрастали от месяца к месяцу, и специалист, естественно, был склонен относиться скептически или с инстинктивным недоверием к противоречивым либо заведомо неосуществимым распоряжениям. Правда, и у волевого, но некомпетентного партийца легко зарождались подозрения, что все неудачи проистекают от злой воли коварного интеллигента.

Как бы то ни было, не существует доказательств того, что технические специалисты занимались систематическим вредительством, в чем их обвиняли. Идеолог «сменовеховства» Устрялов призывал их к прямо противоположному. Он тоже опасался провала новой сталинской политики, но в своей книжке, вышедшей в Харбине, в Маньчжурии, где он жил, желал ей успеха. Он думал, что ее банкротство, которое повлечет за собой крах коммунистической власти, будет пагубным для России. Поэтому он считал недопустимым какое бы то ни было вредительство и предосудительным даже простой нейтралитет. Единственный совет, который он давал специалистам, был «сохранять безукоризненную лояльность государству. Посильно ему способствовать...»[23].

Сотрудничество и раньше было нелегким делом. Налаживать его помогало политическое стремление подключить к грандиозному делу экономической реконструкции все таланты и знания. Типичным можно считать следующий случай. Известный технический специалист инженер Пальчинский боролся с большевиками и остался их противником. При первой же возможности, однако, Ленин попытался привлечь его на свою сторону, и тот стал консультантом правительства. Арестованный в 1929 г., он был без суда расстрелян в тюрьме, так что никогда и не удалось установить сколько-нибудь основательным образом, в совершении каких преступлений он обвинялся[24]. Случай этот не был единичным. Было арестовано не только много инженеров, но также экономистов и других хозяйственных экспертов, некоммунистов или сочувствующих, которые в годы нэпа с большой ответственностью трудились в различных советских учреждениях.

Была начата навязчивая пропагандистская кампания, в ходе которой повсюду разоблачали вредителей. Нельзя сказать, чтобы сами руководители, и в том числе Сталин, не предостерегали от отождествления категории старых специалистов в целом с категорией сознательных врагов. Но подобные предостережения стоили не слишком много, если тот же Сталин говорил о «пышном расцвете вредительства» в «таких широких размерах», что, как он выразился позже, «вредительство составляло тогда своего рода моду»[25]. Эта позиция изменилась лишь в середине 1931 г., когда перед лицом нарастающих

трудностей выполнения плана Сталин потребовал от партии «изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе...»[26].

Вплоть до этого момента кампанию питал, среди прочего, характерный сталинский подход к вопросам отношения теории к практике. В конце 1929 г. в своей первой речи, целиком посвященной вопросам теории (Троцкий из своего изгнания заклеймил ее как невежественную), Сталин отмахнулся, как от вороха «буржуазных предрассудков», от большей части той экономической теории, которая развивалась в СССР в годы нэпа. Но преданная забвению хозяйственная реальность, с которой не пожелали считаться, в конечном счете мстила за себя: сталинские цифры были взяты с потолка. Сталин и не подумал признаться в этом, ибо это означало бы вернуться к дискуссиям с правыми и экономистами. В начале 1931 г. он изрек, что имеются все «объективные возможности» для осуществления гигантски завышенных планов, вина за их невыполнение лежит на конкретных людях[27]. С этого момента в его методы правления вошел обычай публичного поиска козлов отпущения в связи с суровыми лишениями, бесхозяйственностью, тяжелыми противоречиями, от которых страдала страна. Утвердилась, иначе говоря, тенденция усматривать причины любых невзгод и любых трудностей в тайных происках врагов и личной измене работников.

Именно таков был «фон» первой серии крупных публичных процессов 1930—1931 гг. Наибольший резонанс приобрели три судебных дела. Первым был процесс над так называемой Промышленной партией («Промпартией»), в ходе которого были обвинены и осуждены восемь высококвалифицированных специалистов. Затем состоялся процесс над четырнадцатью экономистами марксистской ориентации, но не коммунистами (были среди них и очень известные, например Громан, Гинзбург, Суханов), которых судили за участие в якобы организованном ими «внутреннем центре» меньшевистской партии. Третий процесс не был открытым: на этот раз на скамью подсудимых были посажены объединенные ярлыком принадлежности к мифической «крестьянской партии» экономисты и технические специалисты «новонароднического» толка, ранее высоко ценившиеся за их честную службу советской власти; наибольшей известностью среди них пользовались Кондратьев и Чаянов. Ныне у нас есть все основания думать, что эти процессы были сфабрикованы: как и в знаменитых судилищах более позднего времени, обвиняемым не было предъявлено никаких документально подтвержденных улик — основанием для осуждения служили лишь их собственные признания. Позже было собрано немало свидетельств того, что эти признания добывались с помощью физических пыток или запугивания[28]. Насколько малоправдоподобными были обвинения, можно судить хотя бы по тому, что некоторые из осужденных (инженер Рамзин, историк Тарле, агроном Дояренко — если ограничиться только самыми известными примера-

ми) были вскоре выпущены на свободу, восстановлены на работе, а впоследствии даже удостоены почестей*.

Общее обвинение неизменно формулировалось как измена и заговор при иностранной поддержке. Когда же дело доходило до конкретного разбирательства, обвинения детализировались и обнажали истинную подоплеку: речь шла, например, о высказываниях или рекомендациях в пользу более сдержанных темпов развития[29]. Простая защита тех или иных предложений приравнивалась к политическому преступлению. Процессы способствовали тем самым созданию атмосферы всеобщей подозрительности, которая придавала уродливые формы всей общественной жизни в СССР. Насколько широко могла распространиться подобная атмосфера, показывает реакция Троцкого: даже он из своей заграничной ссылки счел обвинения обоснованными**, более того, усмотрел в них подтверждение правильности тезисов, которые в свое время отстаивала оппозиция, утверждая, что более быстрый рост хозяйства тормозится бюрократией и вновь подымающими голову буржуазными силами[30].

Механизм репрессий

Правомерно задаться вопросом: что же предотвратило перерастание сталинского наступления в кризис таких же масштабов, как в 1920—1921 гг.? Уже сам по себе конфликт с крестьянством потенциально заключал в себе такого рода опасность: если оставить в стороне начальную вспышку энтузиазма, нельзя не видеть, что этот конфликт отражался и на рабочем классе, который в свою очередь расплачивался за индустриализацию по суровому счету и в рядах которого не раз вспыхивало недовольство[31]. Разные факторы играли на руку Сталину. О некоторых тактических уловках, вроде временного отступления на фронте коллективизации в марте 1930 г., уже было сказано. Говорили мы и о более существенных обстоятельствах, таких как кризис в толще самого крестьянства, положительное значение индустриализации, с порожденными ею великими надеждами, напористость и энергия выдвиженцев. В перечне причин недостает, однако, одного решающего пункта. Главным действующим лицом «революции сверху» было Советское государство, укрепившееся и усилившее как свои административно-репрессивные функции, так и свои «приводные ремни» и иерархические структуры.

В разгар коллективизации было завершено обновление территориально-административной структуры СССР. Было упразднено промежуточное звено в виде округа, остались только области и районы.

* Как любопытную деталь автор, получивший эти сведения от одного из ближайших друзей Тарле, может добавить следующее. По прошествии многих лет после процесса «Промпартии», на котором Тарле был обвинен в том, что якобы являлся министром иностранных дел в подпольном контрреволюционном «правительстве», прославленный историк получил лично от Сталина предложение написать его биографию. Смерть избавила ученого от этого обременительного заказа.

** Троцкий изменил свое мнение несколько лет спустя.

Более простая и удобная, новая система могла стать — и действительно стала — каркасом централизованной и абсолютно единообразной администрации, одинаковой по всей стране, несмотря на крайнее разнообразие местных условий. С моделью этой системы сообразовывалась и организация партии, которая все больше отождествлялась с государством, как его стержневая часть.

Что касается Советов, то они претерпели те же изменения, что и все остальные «приводные ремни». В сущности, на протяжении всей первой фазы колхозного наступления они оставались в стороне от коллективизации, так что кое-кто даже предлагал упразднить их в сельской местности и заменить правлениями колхозов. Верх, однако, взяла противоположная установка. Советы получили в свое распоряжение большие финансовые средства. Были также проведены перевыборы Советов, чтобы обеспечить более широкое представительство в них крестьян-колхозников и ударников. Но главное заключалось в усилении контроля над Советами, их руководящими органами и превращении Советов в верных исполнителей спущенных сверху директив[32].

Усиление государства не означало, однако, автоматического укрепления законности. В 1930 г. журнал «Большевик» писал, что обострение классовой борьбы обязывает пролетариат значительно усилить и ту сторону своей диктатуры, которая выражается в применении не ограниченного законом насилия, включая и применение в необходимых случаях террора по отношению к классовым врагам[33]. Сталин лишь внешне проявлял большую сдержанность: «Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления. Верно ли это? Это, конечно, неверно. Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным»[34]. Позже он писал следующее: «Аресты производят члены правлений колхозов, районные и областные уполномоченные, председатели Советов и секретари партячеек; аресты производят все, кому не лень, в том числе и те, у кого нет на это ни малейшего права»[35]. Но и предлагая исправить подобное положение вещей, он оправдывал теми же аргументами, что и «Большевик», тот факт, что вплоть до этого момента система действовала именно таким образом.

Политические репрессии осуществлялись главным образом наследником ЧК — ГПУ. Его полномочия намного расширились. Мы не знаем, насколько выросла численность его личного состава. Несомненно, увеличились сфера его компетенции и масштаб операций. Какими бы вспомогательными ни были его функции, роль, сыгранная ГПУ в коллективизации, была решающей: это его представители входили в «тройки» по ликвидации кулачества, и его части обеспечивали депортацию раскулаченных. Громадной была его роль и в проведении репрессий против обвиненной во вредительстве производственно-технической интеллигенции[36]. ГПУ самостоятельно, практически

бесконтрольно устраивало процессы и выносило приговоры, само решало, предавать ли их гласности или оставить в тайне. В его распоряжение и под его начало были переданы многочисленные лагеря и колонии принудительного или исправительного труда, созданные для содержания арестованных и высланных. Примечательно, что и писатель Солженицын, ставший самым известным бытописателем и в некотором роде историком сталинских концентрационных лагерей, отстаивая свой тезис о том, что лагеря были неизменным компонентом советской действительности на протяжении всего ее существования, в конце концов признает, что широкое их распространение началось в 1929—1930 гг.[37]

Всячески подавляемая политическая борьба — «жесточайшая борьба», как выразился Орджоникидзе[38], разгоралась в глухих, подспудных формах. Об этом свидетельствует, в частности, возобновление ожесточенного конфликта со всеми церквами: обладая разветвленной организацией, они могли стать опорной базой для сопротивления крестьянства. В конце 1929 г. Каганович констатировал: «Большие достижения имеются и на фронте борьбы с религией. Часть церквей уже закрыта и отдается под культурные нужды. В целом ряде колхозов на общих собраниях отменяются церковные праздники и превращаются в праздники коллективного труда»[39]. С колоколен снимались колокола и отправлялись на переплавку во имя индустриализации. Число членов общества безбожников увеличилось с каких-нибудь 100 тыс. до 2,5 млн., а затем и до 3,5 млн. Принимались резолюции с требованием закрыть все культовые учреждения. На первый взгляд, это был успех, «невозможный, — как отмечалось, — еще несколько месяцев назад». В действительности же все это вело к еще более ожесточенному противодействию колхозам. Советская власть столкнулась не только с православной церковью, не менее острым был конфликт с мелкими религиозными сектами и с мусульманами Башкирии, Татарии, Казахстана — чуть ли не всего советского Востока[40]. В марте 1930 г., когда была приостановлена коллективизация, уменьшились перегибы и в этой области. Но напряженность осталась.

Сила и слабость бухаринцев

Главным источником политической борьбы была все же партия. Если верить тому, что говорилось на собраниях, «партия теперь более, чем когда-либо, едина и сплочена...»[41]. Она действовала во взрывоопасной обстановке, порожденной теми объективными факторами раскола, которые предвидел Ленин. Полномочия ГПУ простирались теперь и на партию. Политическая полиция и раньше использовалась в межфракционной борьбе. Теперь ее вмешательство расширилось и стало систематическим. Если учесть, что ГПУ при этом не ограничивалось одними лишь явными оппозиционерами, станет понятно, что его вторжение в партийные дела способствовало образованию атмосферы подозрительности и доносов. Например, на XVI

съезде ВКП(б) Каганович поставил в вину одному из правых, Угланову, частные разговоры, которые тот вел с товарищами по партии, которых считал своими друзьями[42]. В этом свете и следует рассматривать дальнейшее развитие внутрипартийной борьбы.

Несмотря на намерения, которыми Бухарин поделился в беседе с Эмбер-Дро[43], ничто не указывало на его возможности или желание организовать подлинную оппозицию, а тем более — террористические акции против Сталина. Последний арьергардный бой, который он дал вместе с Рыковым и Томским, заключался в обращении с письмом к ноябрьскому Пленуму Центрального Комитета в 1929 г. Все трое отрекались от своих расхождений с большинством и объявляли, что разделяют поставленные большинством цели, и выражали вместе с тем убеждение, что «мы могли бы достигнуть желательных результатов менее болезненным путем». Молотов жестоко напустился на них из-за этой фразы[44]. Борьба бухаринцев как фракции практически прекратилась с этого момента. Но именно с этого момента убедительное подтверждение получили опасения, которые выражались ими ранее.

Вот почему семь месяцев спустя XVI съезд партии превратился, по сути дела, в непрерывный поток речей, в которых без конца повторялось осуждение «правого уклона», провозглашаемого «главной опасностью» (формула эта будет повторяться еще на протяжении трех лет кряду). Бухарин на съезде не присутствовал, что было вменено ему в вину. Рыков, Томский, Угланов признали свои ошибки. Их выступления то и дело прерывались репликами, придирками. Десятки делегатов поднимались на трибуну, чтобы заявить, что не считают это признание достаточным. Подобное ожесточение могло бы показаться необъяснимым, если бы мы не вспомнили, что происходило в этот момент в стране. Суть проблемы заключалась в рассуждении Сталина о том, что «сила правого оппортунизма» продолжала оставаться внушительной и после того, как бухаринцы «капитулировали», ибо в нем находил отражение «напор на партию» со стороны «мелкобуржуазной стихии», то есть напор крестьянства[45].

Из выступлений разных ораторов на съезде вырисовывалась в этом смысле довольно красноречивая картина. Зеленский заявил, что бухаринские идеи «продолжают все-таки быть центром притяжения». Стецкий добавил: «Бухаринская теория живет». Отмечались многочисленные проявления бухаринских настроений в партячейках Москвы и Ленинграда. «Ни одна организация не свободна от таких выступлений», — уточнил Позерн. В столице речь шла об их сравнительно большом количестве. Чубарь объяснил, что перед лицом «бешеного сопротивления капиталистических элементов» члены партии, «иногда не плохие члены партии», «сбиваются... на путь уступок кулаку, на путь уступок... мелкобуржуазной стихии». Сходные мысли высказал Хатаевич; он отметил, что кулаки — как и вообще политические противники советской власти — способны были теперь предпринять более широкие, чем в прошлом, усилия для завоевания ге-

гемонии в деревне; отсюда, продолжал он, опасность каких бы то ни было колебаний, причем настолько большая, что «только в жестокой борьбе с правыми» можно обеспечить проведение коллективизации[46]. Шеболдаев и Косиор говорили о «контрреволюционных» элементах, арестованных ГПУ. Из их слов, однако, явствовало, что речь идет о коммунистах, позволявших себе высказывания следующего рода: «Политика Сталина ведет к гибели... мероприятия, какие предлагают Бухарин, Рыков и Угланов, — единственно верные, ленински выдержанные, и только они, т. е. Бухарин, Рыков и Угланов, способны вывести страну из того тупика, в который Сталин завел...» Или же речь шла о людях, которые «разделяли платформу правых», но говорили, что не могут открыто отстаивать ее в партии «под угрозой исключения... и репрессий»; которые убеждались, что недовольство партийным курсом вело «к крестьянскому восстанию против советской власти» и что нужно поэтому «возглавить крестьянскую стихию и вести работу по смене нынешнего руководства и возглавить партию и советскую власть Бухариным, Рыковым и Томским»[47].

Мартовское отступление 1930 г. и обвинения, которые Сталин, не моргнув глазом, выплеснул на периферийных работников, усилили настроения досады и раздражения в партии, хотя и привели к временному ослаблению напряженности. Жестокое столкновение произошло на собрании в одном из московских районов между Крупской и Кагановичем. Вдова Ленина энергично осудила «неленинские» методы коллективизации и обыкновение сваливать вину на низовых работников, с которыми даже не посоветовались перед началом кампании. На XVI съезде ВКП(б) ей припомнили этот эпизод[48].

Борьба в деревне повлекла за собой обострение всех национальных проблем. Индустриализация должна была принести большие выгоды нерусским окраинам страны, которые также были вовлечены в этот процесс. Однако было еще слишком рано, чтобы можно было почувствовать благотворность ее плодов. Оставалась коллективизация. О некоторых наиболее серьезных конфликтах — в Казахстане, в Башкирии — мы уже говорили. Это были не изолированные эпизоды, как явствует, в частности, из выступлений на XVI съезде. Например, грузин Цхакая сдержанно, но красноречиво описал обстановку в Закавказье, где в условиях общей отсталости и абсолютной неподготовленности делались попытки насаждать коммуны: немалое число крестьян бежало в горы, вступало на путь вооруженного сопротивления. В Татарии, как и вообще на мусульманском Востоке, отмечался сильный подъем «султан-галиевщины», то есть националистического течения среди самих коммунистов, которое восходило к Султан-Галиеву (расстрелянному в 1929 г.) и, как утверждалось, практически сливалось с «правым уклоном». Оратор, которому мы обязаны этими сведениями, объяснял, что у оппозиционеров один мотив: «отказ от коллективизации и борьба против нее». Ими распространялись слухи «о том, что Султан-Галиев, Троцкий и Бухарин приехали менять политику советской власти». В Белоруссии отмеча-

лось оживление на этой же основе национал-демократических тенденций. В Средней Азии вновь развернулось басмачество, война с которым на этот раз будет тянуться до самого конца 1933 г.[49]

На Украине был раскрыт и разоблачен так называемый «Союз освобождения», но неясно было, шла ли речь действительно, как утверждалось, о контрреволюционной организации или же просто о попытке добиться изменения курса в рамках советской власти. В Киеве была арестована, помимо прочих, группа красноармейских командиров, в прошлом служивших в царской армии: среди обвинений фигурировало и такое (ныне признанное лживым), как намерение отторгнуть Украину от СССР. Часть командиров удалось спасти благодаря тому, что, отстаивая их невиновность, против местного ГПУ энергично выступил один из самых знаменитых красных командиров, Якир. Он защищал их, несмотря на полученный из Москвы — судя по всему, от Кагановича — совет не вмешиваться[50].

Натянутость национальных отношений была настолько серьезной, что Сталин впервые за много лет вынужден был посвятить этому вопросу большой раздел в своем докладе на XVI съезде ВКП(б). В нем он более решительно подчеркнул опасность «великорусского шовинизма» и призвал уважительно относиться к национальным языкам и культурам внутри СССР[51]. Кое-кто перед тем предлагал даже упразднить союзные и автономные республики. Такого рода идеи были раскритикованы. Отвергнута была (вероятно, памятуя о тех трудностях, которые приходилось преодолевать ради сохранения Закавказской федерации) также инициатива Среднеазиатского бюро ВКП(б), рекомендовавшего объединить в федерацию республики этого региона. Государственная структура СССР претерпела некоторые изменения: до ранга союзной республики был поднят Таджикистан, область, лежащая в предгорьях Памира; в горном же районе вдоль границы с Китаем была образована автономная Киргизская республика. В целом, однако, общий поворот к централизации всей жизни в Советском Союзе сказался, в частности, в сужении прав, оставленных каждой из национальных единиц[52]. Образование Всесоюзного наркомата земледелия было лишь наиболее приметным — и наиболее тяжким по последствиям — проявлением этого процесса.

Исступленно-назойливое предание анафеме правого оппортунизма объяснялось, следовательно, тем, что в стране шла подспудная гражданская война. Оно объяснялось сочувствием, которое бухаринские доводы встречали в партии и в самих аппаратах; силой, которой эти доводы могли вооружить антиколхозное сопротивление крестьянских масс. Любая политическая альтернатива могла стать центром движения, способного ввергнуть все Советское государство в пучину непоправимого кризиса. В силу трагической иронии это же самое опасение парализовало и деятелей бухаринской оппозиции. То, что они хранили молчание или даже распинались в собственных заблуждениях, истолковывалось порой как признак малодушия. Все обстояло, похоже, намного сложней. Наиболее четко проблема была

изложена Томским в его речи на XVI съезде, которая является одновременно документом лояльности и политического бессилия. Он заявил, что теперь уже и трое правых не в состоянии были удержать под контролем возможное развитие фракционной борьбы, удержать ее в рамках партии и предотвратить такое положение, когда ее смогла бы подхватить «третья сила» с последствиями, очень опасными для партии и для диктатуры пролетариата. Аналогичными мотивами, вероятно, было обусловлено и поведение Бухарина, как проницательно уловил его биограф[53].

Нарушенное единство большинства

По мере того как обострялись социальные конфликты, сотрясения достигали и сталинского большинства. Измерить точные масштабы или проследить последовательно развитие кризиса представляется, понятно, весьма трудной задачей, поскольку чем дальше мы углубляемся в советскую историю, тем больше оскудевают документальные источники. Первым серьезным сигналом, во всяком случае, явилось дело Ломинадзе — Сырцова в конце 1930 г.

Ломинадзе и Сырцов были видными большевистскими работниками младшего поколения. Первый из них, грузин огромного роста и чрезвычайной сообразительности, был особенно близок к Сталину и даже отличался в его лагере своего рода левым экстремизмом. Похоже, Сталин считал его своим возможным преемником. Ломинадзе возглавлял в ту пору Закавказский комитет партии. Сырцов занимал пост Председателя Совнаркома РСФСР, то есть был главой правительства Российской республики. Оба они подверглись публичному обличению и были исключены из Центрального Комитета, причем даже без соблюдения процедуры, установленной антифракционной резолюцией X съезда. Вместе с ними были наказаны и многие руководители промежуточного уровня, в том числе молодой Чаплин, уже зарекомендовавший себя блестящим комсомольским лидером. Их обвинили в «паникерстве перед трудностями» и «капитулянтстве перед классовым врагом». Вина их состояла, видимо, в том, что они предлагали более сдержанные темпы индустриализации и проведение иного курса в деревне, возражая против возобновления сплошной коллективизации осенью 1930 г., — резолюция такого рода была принята Закавказским комитетом.

Трудно сказать, насколько прочными были связи, установленные между Ломинадзе и Сырцовым: речь шла, по всей вероятности, о разговорах в очень узком кругу, единственных, которые оставались еще возможными[54]. Во время этих разговоров критиковали в основном методы руководства партией. Сырцову, например, приписывалось следующее высказывание по поводу трудностей, переживаемых народными массами: «Мы самотеком и довольно слепо и неорганизованно въехали в область таких экономических явлений, которые сейчас являются предметом тревожного обсуждения всей страны и, в частности, довольно интенсивно, хотя и неправильно, обсуждаются

в очередях». Он говорил также о «механическом подходе к задачам коллективизации» и требовал, чтобы 1931 г. стал годом передышки, «проверки колхозного движения». Ломинадзе в свою очередь заявлял, что «отсутствие правильной своевременной ориентировки основных кадров рабочих районов связывает и парализует творческую инициативу рабочих масс», и обличал «барско-феодальное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян», которое «царит во многих советских учреждениях»[55].

В 1931 г. Сталин написал — и распорядился предать широкой гласности — письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция». В нем он обрушился с бранью на некоторых историков, обвиняя их в «контрабандном» протаскивании троцкизма лишь за то, что они решились разобрать некоторые страницы истории большевизма не угодным ему образом. Главное же, в чем Сталин обвинял редакцию и из-за чего была предпринята атака, заключалось в следовании «гнилому либерализму», который, по словам Сталина, получил «теперь среди одной части большевиков некоторое распространение». Для всей советской исторической науки то был роковой удар, положивший начало долгому и мрачному периоду, на протяжении которого всякую дискуссию душили методами, позже названными «аракчеевскими»[56]. Дело не ограничилось одними историками. Практически все научно-теоретические журналы, будь то по вопросам философии или политэкономии, стали мишенью чрезвычайно грубых нападок. Нет нужды здесь специально разбирать направления и имена людей, оказавшихся на скамье подсудимых, их заслуги и недочеты, степень состоятельности их культурно-идеологических позиций. Речь ведь, в сущности, шла не об этом, как легко убедиться, перечитывая прессу того времени. На каждом шагу повторялись одни и те же ругательства: «троцкистская контрабанда», «право- и левооппортунистические идейки», «гнилой либерализм».

Процесс меньшевиков послужил предлогом для расправы со старым Рязановым, почитаемым директором Института Маркса — Энгельса: его исключили из партии и выслали из Москвы[57]. Нападкам подверглись даже такие признанные историки партии, как Покровский и Ярославский. Второй из них был одним из главных глашатаев сталинского течения в борьбе с оппозицией. После нескольких безуспешных попыток добиться разъяснения, в чем же состояла его вина, он еще раз простерся ниц перед Сталиным. На копии письма, отправленного в те дни Сталину, Ярославский позже написал: «Теоретическая мысль прямо замерла. Боятся писать. Это очень опасная вещь»[58]. Сталинская политика, цезаризм Сталина и впрямь плохо согласовывались с теоретической мыслью большевизма, с историческим прошлым партии, в изучении которого Сталин не без оснований усматривал питательную почву для новых оппозиций.

Дело Ломинадзе — Сырцова — первое, когда были пущены в ход термины «право-левый блок» и «двурушничество» — в последующие годы они приобретут широчайшее распространение[59]. Порожденные

прошлыми схватками, размежевания и взаимные подозрения троцкистов и бухаринцев были сильны и живучи. Тем не менее бóльшая часть их оказывалась нейтрализованной новыми обстоятельствами, которые создавали объективные предпосылки для сближения позиций. Наблюдая из-за границы зигзаги сталинской политики, Троцкий писал, что хотел совсем не этого, когда говорил об индустриализации. Он разоблачал «авантюризм» своего противника, требовал прекратить коллективизацию и изменить планы промышленного развития. Весьма убедительно, с другой стороны, выглядела его критика политики Коминтерна с его лозунгом «социал-фашизма». Если до этого деятельность Троцкого в изгнании носила по преимуществу агитационно-пропагандистский характер, то в 1932 г. он предпринял единственный собственно политический шаг: после того как его лишили советского гражданства, он в открытом письме руководителям партии предложил убрать Сталина с занимаемого им поста как единственный выход из кризиса и условие примирения в партии[60].

В 1932 г. было раскрыто дело Рютина, одного из бухаринских деятелей в Москве. Из ссылки он пустил в обращение документ: что-то вроде памятной записки на 165 машинописных страницах. Содержание его известно лишь по кратким пересказам. Автор меморандума тоже требовал изменения политики: сокращения капиталовложений и заготовок, блокирования коллективизации, большей внутрипартийной демократии, повышения жизненного уровня масс. Но прежде всего его документ представлял собой длинный обвинительный акт действий Сталина, названного им своего рода «злым гением» революции, готового на все ради спасения своей личной власти. Рютин утверждал, что Бухарин был прав в вопросах экономической политики, а Троцкий — в своих разоблачениях внутрипартийного режима.

Но примечательным в данном деле было не это, а то, чтó произошло дальше. Сталин, как утверждают, заявил в Политбюро, что речь идет о призыве к террору против него лично, и потребовал приговорить Рютина к смертной казни. Но большинство руководителей на этот раз отказались удовлетворить это требование, похоже, во имя молчаливого уговора большевистских вождей никогда не прибегать к смертным приговорам друг против друга, чтобы не повторять трагического опыта Французской революции[61]. Рютина посадили в тюрьму. Ряд бухаринцев, имевших с ним конспиративные связи, сослали. Многие деятели зиновьевской и троцкистской оппозиций были также арестованы за то, что ознакомились с меморандумом и не донесли о нем.

В конце года всплыло третье дело. Три видных, хотя и не первой величины, партийных деятеля — Эйсмонт, Толмачев и Смирнов — были исключены из партии по обвинению в образовании фракционной группы, которая, по сути дела, ставила своей задачей «отказ от политики индустриализации страны и восстановление капитализма, в частности кулачества». Об их деятельности мы знаем очень мало.

Речь шла о трех большевиках с большим дореволюционным стажем, которые никогда не поддерживали ни одно из оппозиционных течений. Позже обнаружилось, что в своих беседах они обсуждали в основном возможность замены Сталина. Эйсмонт признал: «Да, действительно, такие разговоры у нас были, они исходили от А. П. Смирнова». Томский, Рыков и бывший нарком труда Шмидт подверглись нападкам за то, что «поощряли» членов группы и всем своим поведением давали им повод «рассчитывать на поддержку» со своей стороны. При обсуждении их дела Сталин заявил, отождествив свое личное положение с судьбами партии: «Ведь это враги только могут говорить, что убери Сталина и ничего не будет»[62]. Голод зимой 1932/33 г. придавал этим его словам не столько хвастливый, сколько трагический оттенок.

Кризис достиг самого интимного окружения Сталина. Осенью 1932 г. его молодая жена, Надежда Аллилуева, которая сама была из семьи старых большевиков, покончила жизнь самоубийством. Как всегда в таких случаях, шаг этот был обусловлен разнообразными причинами, с трудом поддающимися «расшифровке». Но в письме, оставленном мужу, содержались и политические упреки. Сталин долго подозревал, что кто-то подтолкнул ее к этому шагу[63]. Не исключено, как считает его дочь, что смерть жены усугубила его болезненную подозрительность. Раздражение у него в эти дни вызвали, например, люди, которые завели разговор о голоде на Украине. Группа украинских руководителей как раз незадолго перед тем направила в Москву письмо с просьбой остановить хлебозаготовки и выдать крестьянам из государстенных запасов зерно хотя бы на посев. Среди подписавших письмо были Якир и еще один крупный военный работник. В разговоре с Ворошиловым Сталин сказал: «Они же не в кооперации. Военные должны своим делом заниматься, а не рассуждать о том, что их не касается»[64].

Тревожная атмосфера воцарялась в партии. Из выступления одного советского исследователя мы знаем, что личные (и по сей день закрытые) архивы Крупской и Ольминского, весьма уважаемого историка, представителя старой гвардии большевиков, содержат «много документов, где выражается протест против насаждения культа личности». В большинстве своем они восходят, должно быть, именно к этому периоду, поскольку Ольминский, бывший не в чести у Сталина, умер в 1933 г.[65] В своих показаниях, данных в ЦКК по делу Рютина, Зиновьев заявил: «Насколько я могу судить, в последнее время довольно значительной частью партийцев овладевает опасная неопределенная идея отступления, надо куда-то отступать. Такое представление есть из моих впечатлений, что я читаю и слышу, что есть неопределенная идея отступления». Приведя эти его слова и охарактеризовав их как «типично правооппортунистические настроения», Молотов все же подтвердил, что такие настроения «в некоторых партийных кругах действительно имеются»[66]. В конце 1932 г. было решено приостановить дальнейший прием в партию.

VII. ПОПЫТКА ПОВОРОТА: (1) САМЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ ГОД

Тревожные итоги

Между тем частичное отступление было реальностью. 1933 г. был самым трудным с начала индустриализации. Зима была чудовищно тяжелой. Лето прошло в предельном напряжении. Просвет наметился лишь позже. Казалось, будто все противоречия и конфликты предыдущих лет сплелись в один немыслимый клубок. Кризис отличался совершенно особым характером. Все что угодно можно было сказать о Советском Союзе, но только не то, что страна пребывает в застое. Ораторы говорили правду, когда утверждали, что Россия преобразует свой уклад невообразимыми темпами. Правдой было и то, что она строила массу новых заводов: в столь короткие сроки ни одна другая страна никогда не возводила столько предприятий. Но вместо выгод большая часть населения получила лишь тяжкие лишения.

Анонимный корреспондент писал Троцкому из Харькова о своем впечатлении, будто машины подавляют людей[1]. Рядом с новыми электростанциями в домах неделями не бывает света. Было закончено или заканчивалось строительство заводов-гигантов, «равных которым нет в Европе», справедливо подчеркивал Орджоникидзе, но не все их удавалось ввести строй: новые прокатные станы простаивали 40—45 % времени. Во многих отраслях страна обзавелась самым совершенным и современным оборудованием в мире, однако его производительность оставалась более низкой, чем на менее совершенных предприятиях за границей. Падала угледобыча в Донбассе: половина новых пневматических отбойных молотков бездействовала. Нетерпимая обстановка сложилась на транспорте: из-за длительных простоев средняя скорость передвижения грузов снизилась до 4,5 *км/час*. Ощущались признаки приближающегося паралича. «Не может быть сомнения, — констатировало Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), — что, если (признаки ослабления и перебоев в работе) начнут нарастать, мы можем оказаться перед опасностью подрыва всего нашего народного хозяйства, подрыва обороноспособности страны»[2]. Существовала, наконец, опасность серьезного финансового кризиса. Расходы, особенно в 1932 г., превысили все предусмотренные наметки. Денежная масса в обращении намного увеличилась, между тем как население не могло приобрести нужные ему товары. Прочность рубля могла оказаться подорванной.

Самое тяжелое положение сохранялось в деревне. Зима 1932/33 г. была голодной и сопровождалась новыми массовыми репрессиями. Вновь вспыхнули эпидемии: опять, как в годы гражданской войны, серьезной опасностью становился сыпной тиф[3]. В колхозах и совхозах царил полный беспорядок; многие из них были накануне развала, несмотря на принятые драконовские законы в их защиту.

В который уже раз под угрозой был весенний сев: его срыв привел бы к катастрофе. Красноречивы донесения той поры с мест. «...Семян не хватало, — писал один посланный на село работник. — Тракторы в большинстве не были отремонтированы или же отремонтированы настолько скверно, что выходили из строя тотчас после выхода в поле. Дисциплина как среди трактористов, так и среди колхозников сильно упала. Были частые случаи невыхода на работу... Особенно тяжелое положение было с конским тяглом, отсутствовали корма, уход за лошадьми был организован безобразно. Многие колхозы испытывали большие затруднения с продовольствием. Были массовые случаи опухания от голода и смерти»[4]. В справке Политуправления нового Наркомата совхозов СССР говорилось, что «общая картина» характеризуется «наличием развала и расхлябанности» в «большинстве совхозов, за редким исключением». Не хватало не только семян, но также горючего, запасных частей к механизмам, да и рабочей силы. В жилищах было грязно, не было воды[5]. Крестьяне старались стянуть, кто что мог, особенно «что плохо лежит», причем, как признал Каганович, если они и поступали так, то потому, что видели в этом не кражу, а, напротив, проявление ловкости и хозяйственности[6].

Внутренний кризис усугублялся ухудшением международной обстановки. Оставалась опасность со стороны Японии на Дальнем Востоке. Другая половина «клещей» обрисовалась на Западе. Только на самых первых порах еще можно было тешиться иллюзией, что приход Гитлера к власти означает лишь конвульсию капитализма и предвещает близкую пролетарскую революцию в Германии. Та жестокость, с которой нацисты громили рабочие организации, убивали и бросали за колючую проволоку их активистов, день ото дня все яснее демонстрировала чрезмерный оптимизм подобных ожиданий. Начавшееся еще при правительстве фон Папена ухудшение советско-германских отношений продолжалось на протяжении всего 1933 г. Новые хозяева Германии отнюдь не скрывали — ни в своих речах, ни в дипломатических инициативах — своего презрения к народам восточноевропейских стран и своих экспансионистских намерений[7]. В первые месяцы правления они попытались лишь слегка «подсластить» такую позицию, но отнюдь не разубедили советскую сторону.

Итак, что же принесли четыре года, минувшие с момента «великого перелома», предпринятого в момент борьбы с правыми? Коренной поворот основывался, с одной стороны, на «развернутом наступлении социализма по всему фронту» во внутренних делах, а с другой — на предвидении новых революционных взрывов за границей и, следовательно, на борьбе с социал-фашизмом и всеми промежуточными силами. Если подвести итог, результат вызывает недоумение.

Январский Пленум 1933 г.

На этот период приходится как раз одно весьма важное событие: с 7 по 12 января проходил объединенный Пленум Центрального Ко-

митета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б)). На пленуме Сталин объявил об успешном завершении первой пятилетки. Здесь же была осуждена «группа Эйсмонта». Впервые после довольно большого перерыва были опубликованы, правда с некоторыми купюрами, основные доклады Сталина, Молотова, Куйбышева, Кагановича и Рудзутака.

Пленум объявил о замедлении темпов индустриализации. Правда, прямо не заявлялось, что темпы нужно притормозить. Однако речь шла именно об этом. Молотов предложил увеличить промышленное производство в 1933 г. на 16,5 %. На остальные годы второй пятилетки планировалось увеличение в среднем на 13—14 %. Сталин сказал, что новый пятилетний план должен поставить во главу угла не столько новое строительство, сколько освоение того, что уже создано, и освоение новой техники и технологии[8]. Программа индустриализации, как можно видеть, вовсе не была отменена. Поставленные цели продолжали оставаться более чем внушительными. Отступление заключалось, скорее, в отходе на позиции более трезвого и уравновешенного планирования и в этом смысле выступало лишь как разумное решение. Достаточно, однако, сопоставить новые задания с головокружительными цифрами предыдущих лет или с еще более честолюбивыми наметками, провозглашенными годом раньше на XVII партконференции, где был представлен первоначальный набросок второй пятилетки, чтобы в глаза сразу бросилось, насколько разительным было изменение прежнего курса. В самой этой перемене содержалась критика прошлых перегибов. И тот факт, что никто — по крайней мере публично — не сделал этого признания, совершенно не менял сути самого поворота.

Совсем иным был тон обсуждения второго пункта повестки дня: положение в деревне. Дело происходило в самое тяжелое время зимы. С докладом по этому вопросу выступал Каганович. После двухдневных прений Сталин тем не менее счел необходимым лично вмешаться в ход обсуждения (это было его второе выступление на пленуме), ибо у него сложилось впечатление, как он выразился, что другие выступавшие «не сказали самого главного насчет недостатков нашей работы в деревне»[9]. Его слова вместе с высказываниями Кагановича еще раз убеждают нас, что применительно к указанному периоду не будет преувеличением сказать о столкновении государства с самими колхозами.

Сталин упрекал коммунистов в том, что они недостаточно позаботились о сдаче зерна государству и слишком увлеклись «образованием всякого рода фондов в колхозах». Они недостаточно вмешивались в деятельность колхозов, предоставляли слишком многое «естественному ходу вещей», «самотеку», или — как нетрудно понять, проанализировав сталинскую терминологию, — самостоятельному функционированию колхозов. Между тем, утверждал Сталин, «самотек теперь может погубить все дело». Поэтому, добавил он, «партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в про-

цесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами...». Далее Сталин высказал мысль, которая, после всего, что произошло, не могла не выглядеть поразительной: «...многие наши товарищи переоценили колхозы как новую форму хозяйства, переоценили и превратили их в икону». Колхозы же, за которые велась такая неистовая борьба, «при известных условиях... могут быть использованы антисоветскими элементами в своих целях». Мало того, подчеркивал Сталин, опасность эта стала даже большей, чем прежде, ибо «крестьяне имеют в лице колхозов уже готовую форму массовой организации». Врагов, следовательно, теперь нужно было искать внутри самих колхозов. Но кто же были эти враги? Кулаки, отвечал, как и прежде, Сталин, но только занимающие должности «кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д.». Речь может идти, признавал он при этом, о людях, выступающих за колхозы, мало того — даже за хлебозаготовки, но на самом деле думающих лишь о том, чтобы отложить побольше зерна в виде резерва для животноводства, страхового фонда, давать больше хлеба на общественное питание. Сталин, правда, обвинял их в том, что они стремятся делать это в бóльших размерах, «чем требуется для дела»[10]. Если вспомнить об остроте голода, который испытывала в эти месяцы деревня, понятно, что колхозники не могли согласиться с ним.

В своем докладе Каганович, один из главнейших проводников антиколхозных репрессий, был еще откровенней, раскрывая сталинскую мысль. «По-антипартийному, антисоветски рассуждают те люди, — заявил он, — которые выполнению обязательств перед государством противопоставляют повышение доходности колхоза». По его мнению, «сельские и районные коммунисты слишком идеализируют колхозы». Каганович поэтому напустился на тех, кто думает, что «в отношении колхозов можно действовать лишь путем убеждения» и что «методы принуждения к отдельным колхозам и колхозникам неприменимы». «Нечего и говорить, — объявил он, цитируя Сталина, — что такой взгляд на колхозы не имеет ничего общего с ленинизмом» (из чего явствовало, что ленинскую мысль теперь можно трактовать как угодно). Он же, впрочем, признавал, что «многие сельские коммунисты не понимали особенностей классовой борьбы на данном этапе», не принимали тезиса о «кулацком влиянии» в колхозах по той уже причине, что, как они говорили, «кулака нет, кулака ликвидировали и давно выселили». На это докладчик отвечал, что «кулацкая психология проявляется не только через физических лиц». Кулацкая идеология, разъяснял Каганович, «живуча в виде пережитков, которые коренятся еще в головах и поступках некоторых колхозников. Кулацкое влияние захватило даже отдельные группы сельских коммунистов, руководителей колхозов и станиц». Колхозников следовало «перевоспитывать». Коммунистам нужно было ясно заявить, что выполнение плана хлебозаготовок — их «первейшая обязанность». Иначе они сами подпадали под действие «окружающей атмосферы», «мелкобуржуазного окружения» (напомним, что в боль-

шевистском анализе деревни выражение «мелкобуржуазная стихия» было синонимом слова «крестьянство», «тем более что от государства "далеко"»). Центральная мысль в докладе Кагановича сводилась к тому, что для предотвращения подобного положения необходимо создать особые партийные органы: политотделы при машинно-тракторных станциях и совхозах. Это предложение также исходило лично от Сталина[11].

Еще больше, чем против крестьян, критические высказывания Сталина и Кагановича были направлены против многих коммунистов, то есть против немаловажной части партии. Именно здесь и рождалась теория все большего обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Она обрисовалась как продолжение и развитие другого сталинского тезиса о том, что объективных трудностей для социалистического развития страны больше не существует, сохранились лишь субъективные недостатки. Утверждать обратное означало вновь подвергнуть обсуждению политику предшествующих лет, а этого Сталин не желал. Операции типа той, которую Ленин предпринял в 1921 г., предложив, учитывая сопротивление крестьянства, нэп, не укладывались в рамки его мышления. Быть может, Сталин не принимал их в расчет и по той причине, что не считал возможным удержать их под контролем. Причину неудач он усматривал в другом: враги, говорил он, «расползлись и укрылись... накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез даже в партию». Он обрушивался поэтому на «некоторых товарищей», которые «поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории затухания классовой борьбы и ослабления государственной власти». Подобные люди — «перерожденцы либо двурушники, которых надо гнать вон из партии». Совершив поразительный диалектический пируэт, Сталин перечеркивал целые главы теории Маркса и Ленина: «Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти... а через ее максимальное усиление...», «...рост мощи Советского государства, — добавлял он, — будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов... они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков...»[12].

Историческая наука не раз задавалась вопросом, замышлял ли уже тогда Сталин массовые репрессии против партии. Подобное предположение опирается на документ, который огласил многие годы спустя Хрущев; в этом документе, датированном осенью 1936 г., Сталин заявлял, что ГПУ «отстало на четыре года» в борьбе с «троцкистско-зиновьевскими» врагами внутри партии[13]. Однако в данном контексте более существенным пока является другой вопрос. Против кого именно в партии были нацелены сталинские выпады? Имена, разумеется, не назывались. И речь, естественно, не могла идти о старых оппозиционных группах, по отношению к которым такого рода умолчания уже давно были отброшены. Год спустя ответ был дан

Кагановичем в его докладе на XVII съезде ВКП(б), когда он сказал, что на январском Пленуме ЦК 1933 г. Сталин подверг «суровой и заслуженной критике» ряд «обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий». Впрочем, на том же январском Пленуме сам Каганович уточнял, что обвинения в слабости руководства не только касаются отдельных коммунистов или первичных партийных организаций, но затрагивают также «районные и даже областные партийные комитеты»[14]. Вот где вырисовывались узлы нового конфликта, порожденного и на этот раз различиями в подходе к политике партии на селе, а следовательно, и различиями по более общим вопросам.

Наконец, последний заслуживающий внимания эпизод, связанный с январским Пленумом. Слово на пленуме взяли Бухарин, Томский и Рыков, их речи были опубликованы вместе с докладами. Они содержали самое полное и радикальное отречение всех троих от взглядов, которые они высказывали четыре года ранее. Они заявляли, что были кругом неправы, полностью признавали правоту большинства, воздавали хвалу Сталину, превозносили результаты, достигнутые за годы первой пятилетки и коллективизации. Если вспомнить о недоумении, имевшем место в партии, легко понять, почему подобные речи получили широкую огласку: они помогали укреплять сталинское руководство. Было бы, впрочем, несправедливо поставить здесь точку на этом эпизоде. В речах, и в особенности в выступлении Бухарина, содержались, правда в обновленной форме своеобразной программы на будущее, некоторые идеи, которые прекрасно укладывались в прежние его концепции. Не исключено, что в такой новой оболочке он считал их способными завоевать больший успех. Не могло это также укрыться и от такого проницательного человека, как Сталин.

Актом своей капитуляции Бухарин стремился положить могильную плиту на прежние раздоры. Он сравнивал первую пятилетку по значению с Октябрьской революцией: то был «крутой перелом» во всем развитии страны. Трудности оказались большими, чем можно было предположить, но главное теперь было сделано. В свое время позиция правых, то есть его собственная, «объективно» ослабляла наступающую армию: с точки зрения «тактики этого боя» была поэтому «целиком исторически оправдана решительная и жестокая борьба партии с правым уклоном». Как бы то ни было, СССР стал «новой страной», с совершенно новым «органическим составом» совокупного общественного капитала. Он превратился в индустриальную страну; противоречие между растущей промышленностью и единоличным сельским хозяйством также было «в основном решено». Одним словом, глубоко изменились все классовые отношения.

В отличие от Сталина Бухарин, однако, вовсе не скрывал наличия объективных трудностей, особенно в сельском хозяйстве. Мало того, он специально останавливался на них. В деревне сопротивление новым формам хозяйствования куда сильнее, чем на заводах; исходная база более отсталая, разрыв между новыми средствами производст-

ва и уровнем квалификации рабочей силы более глубок и серьезен; труд здесь носит сезонный, а не непрерывный характер; наконец, сама «природа» колхозника иная, чем у рабочего. Требовались поэтому новая смычка, «новые хозяйственные связи» между городом и деревней. Бухарин предлагал добиваться «постепенного» «организационно-хозяйственного укрепления колхозов» с помощью «стимула прямой заинтересованности через советскую торговлю, через рынок». На базе созданной тяжелой индустрии должны были развиваться легкая промышленность и производство средств потребления: тем самым укреплялась бы финансовая система. В этом смысле Бухарин истолковывал и переход к пятилетке «освоения», а не одного только нового строительства.

Одним словом, Бухарин не претендовал на признание своей правоты в прошлом, не предлагал никакого «возврата вспять», что, кстати, было невозможно. Он призывал партию сплотиться вокруг ее «исторически сложившегося руководства» во главе со Сталиным. В известной степени вынужденно он шел на признание «режима, который в партии сложился», с его «железной дисциплиной». Он шел на это, учитывая также и внешнюю опасность, которая, по его словам, могла резко усилиться в течение нескольких недель (Гитлер действительно пришел к власти в конце месяца). По всем этим причинам он и предлагал, не слишком подчеркивая это, проведение иной политики[15].

Мы так подробно остановились на советской политике 1933 г., потому что этим годом в истории СССР открывается период, по сей день составляющий одну из главных ее загадок. Скажем сразу, что у нас не может быть притязаний на то, чтобы целиком разгадать ее здесь. Разгадку могут содержать лишь московские архивы. За пределами СССР многие исследователи возводят к этому периоду начало конфликта между умеренным крылом Политбюро и его непримиримым сталинским крылом. Опираясь на последующее свидетельство Бухарина, они усматривают первое проявление этих разногласий в отказе от осуждения на смертную казнь Рютина в сентябре 1932 г.[16] Нельзя исключать того, что Сталин намекал именно на эпизоды такого рода, когда говорил о двурушниках, не желающих понимать процесс непрерывного обострения классовой борьбы. Позволительно думать, однако, что расхождения охватывали более широкий круг вопросов. Если мы попытаемся определить отдельные их аспекты, это облегчит нам понимание событий последующих лет. Мы натолкнемся на противоречивые решения и установки, подобные тем, которые мы показали на примере промышленных и сельскохозяйственных постановлений январского Пленума. Но и этого недостаточно для уяснения всех деталей. Неизменно трудно, чтобы не сказать невозможно, установить, кто отстаивал такой-то, а кто — противоположный тезис, кто ратовал за одни, а кто — за другие решения. В своих публичных выступлениях даже высшие руководители остерегались откровенно выражать собственные убеждения или акцентировать то специфическое, что в них могло содержаться, особенно если

это не совпадало с мнением Сталина. Этим в значительной степени объясняется та неясность, которая сохраняется все эти годы.

Военные методы в деревне

Главным плодом январского Пленума было создание политотделов в деревне. Они строились по образцу аналогичных органов в армии и непосредственно из вооруженных сил получили значительную часть своего руководящего состава. Они действовали одновременно как партийные и как государственные органы. Кадры для них отбирались и назначались Секретариатом ЦК. Политотделы руководили работой партийных организаций в колхозах и совхозах, входящих в зону их действия. Тем самым эти организации изымались из-под контроля территориальных — районных и областных — комитетов, которым должны были бы подчиняться по уставу. Однако политотделы строились в соответствии со своей параллельной иерархией и подчинялись Политуправлению Наркомзема. Они отвечали за сев, уборку, заготовки, ибо все эти операции, как объяснил Каганович, приобрели политический смысл[17]. Всего было образовано 5389 политотделов: 3368 — в МТС и 2021 — в совхозах. Это означает, что ими была охвачена не вся сельская местность: МТС тогда еле справлялись с обслуживанием половины существовавших колхозов. Но они были сосредоточены в решающих районах производства хлебных и технических культур, то есть там, где и МТС были многочисленнее[18].

Политотделы выполняли двоякую роль: политико-организационную и репрессивную. Соответствующей была и их структура: во главе стоял начальник, у которого было два заместителя — по партийно-массовой работе и от ОГПУ. Первой их задачей было создание ядра надежных людей в каждом колхозе, как коммунистов, так и беспартийных, готовых дисциплинированно выполнять полученные распоряжения и добросовестно трудиться, при необходимости беря на себя и соответствующие руководящие должностные функции. Цель заключалась при этом в том, чтобы сколотить колхозный актив, который бы обеспечил нормальное функционирование новых предприятий, возникших в сельском хозяйстве. В этом политотделы добились некоторых важных результатов: действуя уже известным методом «выдвижения», они сформировали многочисленную новую категорию кадров — кадры колхозного строительства[19]. Другой, дополняющей первую, задачей были репрессии. Особенно интенсивно они проводились в первые месяцы существования политотделов; впрочем, полностью они не прекращались никогда. В соответствии с указанием Сталина они в первую очередь обрушились на лиц, уже занимавших ответственные посты: председателей колхозов, директоров совхозов, агрономов и т. д. Чистке, однако, подверглись и сотни тысяч простых колхозников, как было подсчитано уже в те годы. У заместителя от ОГПУ была в этом смысле широкая свобода действий, ибо он не

отвечал за свои мероприятия даже перед начальником политотдела, отчитываясь лишь перед собственными руководителями в аппарате полиции, что порождало конфликты внутри самих политотделов[20].

Как бы то ни было, но с помощью такого рода экстремистских методов политотделы сумели внедрить зачатки организованности в коллективизированное сельское хозяйство, которому угрожал общий крах. Они добились этого, насаждая в деревне жесткую государственную субординацию. МТС выступали уже не как предприятия, состоящие на службе у колхозов, где колхозы могли брать в аренду нужные им машины, как это было задумано вначале, когда от коллективных хозяйств требовали, чтобы они становились пайщиками МТС и брали на себя часть расходов по их образованию. МТС превратились в центры государственного руководства деревней; они финансировались государством и были уполномочены направлять аграрно-экономическую деятельность самих колхозов. Услуги МТС оплачивались колхозами в натуре, то есть поставками их продукции, которая добавлялась, таким образом, к той, что государство получало путем обязательных заготовок. Размеры натуроплаты устанавливались сверху в общегосударственном порядке[21]. Наличие политотделов придавало всем этим операциям характер приказной процедуры. После того как эти институты продемонстрировали известную эффективность в деревне, они были использованы и в некоторых других областях государственной деятельности начиная с транспорта, переживавшего тяжелый кризис.

Вместе с тем, будучи органами чрезвычайного характера, политотделы порождали новые противоречия в деревне и в партии. Их образование с самого начала наталкивалось на сопротивление и непонимание[22]. Фактически они дезавуировали Советы и райкомы, создавая на селе некое новое «двоевластие». Взаимоотношения между политотделами и райкомами были настолько напряженными, что в июне 1933 г. ЦК принял специальное постановление с целью разграничить их компетенции в пользу первых. Споры и раздоры были приглушены, но сохранились на протяжении всего существования политотделов[23].

Что касается положения внутри партии, то самая критическая ситуация в 1933 г. сложилась на Украине. Конфликты коллективизации здесь, как известно, в некоторых отношениях были даже более острыми, чем в других местах, и принимали националистическую окраску. К этому располагала вся до- и послереволюционная история Украины. Голод явился завершающим штрихом. Напряженность усугублялась различными элементами международного характера: украинские эмигранты в Германии находились в контакте с нацистами, не скрывавшими своих притязаний на эту землю. Ряд партийных руководителей республик был обвинен Москвой в уступках националистическим тенденциям и смещен с постов решением сверху. Наиболее крупной фигурой среди них был Скрыпник. Его история показательна. В начале 20-х гг. он был в числе критиков сталинской

национальной политики, но позже поддержал Сталина и большинство ЦК в проведении генеральной линии партии. В 1933 г. его обвинили не только в националистическом уклоне, но и в сообщничестве с контрреволюционерами и вредителями. В действительности обвинения опирались конкретно лишь на то, что он отстаивал определенную политическую позицию, например критиковал образование единого для всего Советского Союза Наркомата земледелия[24]. Скрыпник покончил с собой. Многие годы спустя, после смерти Сталина, обвинения, выдвинутые против него, были объявлены необоснованными[25].

Январский Пленум, отказавшись, как и раньше, от приема новых членов в партию, принял решение о проведении новой партийной чистки. Критерии ее были уточнены в последующем специальном постановлении. Основаниями для исключения на этот раз считались не только карьеризм, коррупция, моральное разложение и т. п., которые уже перечислялись в ходе предыдущих операций такого рода. Теперь они дополнялись мотивами конкретно политического характера: нежелание «бороться на деле» с «кулацкими элементами», с «буржуазными элементами»; выражение сомнений насчет реальности и осуществимости установленных партией планов; «двурушничество» и неискренность, сокрытие от партии своих действительных намерений и действий, практически затрудняющих проведение политики, получившей одобрение большинства в партийных рядах[26]. Перечень критериев не только был весьма обширным, но и мог самым широким образом толковаться. Чистка, таким образом, привела в движение механизм, который на этот раз не скоро остановился.

Молотов и Каганович

В обстановке трудностей 1933 г. вырос культ Сталина. В марте, когда отмечалось 50-летие со дня смерти Маркса, газеты вышли с тремя равной величины профилями Маркса, Ленина и Сталина в верхней части полосы. Это сближение послужило основой речи, которую Каганович произнес по этому поводу на торжественном заседании в Москве. В пропаганде обиходными стали выражения: «Ленин — Сталин», «дело Ленина — Сталина», «знамя Ленина — Сталина». Формулы почитания вождя превратились в повседневные и преувеличенно восторженные как раз в тот момент, когда сомнения насчет мудрости его руководства получили наибольшее распространение.

Вслед за Сталиным на первый план выдвигались его главные сподвижники по коллективизации: Молотов и Каганович. Первый подписывал вместе с ним многочисленные постановления, которые теперь издавались совместно от имени партии и правительства без каких-либо формальных различий. Второй произносил наибольшее число важнейших политических речей. Две эти фигуры очень от-

личались друг от друга. И вместе с тем обе служили наглядным подтверждением того, насколько изменился «калибр», интеллектуальный и духовный масштаб новых руководителей по сравнению с предыдущим поколением.

Молотов происходил из интеллигенции, как и многие другие большевистские деятели до него. Тем не менее случалось, что он грешил поверхностными и скороспелыми суждениями, которые, как правило, были не свойственны большинству его предшественников. Он мог, например, с полной убежденностью объявить действия гангстера Аль Капоне (в своем докладе на XVII партконференции) одним из признаков разложения американского капитализма[27]. Что касается качеств политического руководителя, то некоторые близко знавшие его люди в своих мемуарах упрекают его в недостатке такта и известной грубости[28]. Под внешне присущим ему профессорским обличьем скрывались настойчивость, огромная работоспособность и упорство, граничившее с бесчувственностью. Несмотря на некоторые неудачи его в провинции, все эти качества позволили ему в начале 20-х гг. в возрасте чуть более 30 лет стать ближайшим помощником Сталина в Секретариате, а затем окончательно и навсегда стать умелым и верным исполнителем его воли.

Вышедший из семьи еврея-сапожника, Каганович получил более скромное образование, но обладал большей сообразительностью и бóльшими организаторскими способностями. В то же время он был живым воплощением того административного ража и авторитарности, которые Ленин считал столь опасными качествами. Когда он говорил о смещенных со своих постов работниках — неважно, шла ли речь о профсоюзниках-бухаринцах или об арестованных руководителях совхозов, — его излюбленная острота была: «Часть их ушла сама, а часть мы "их ушли"». Член партии не может считаться настоящим большевиком, утверждал он, «если в глубине души у него шевелится червячок сомнения»[29]. В своем восхождении он следовал по стопам Сталина внутри организационного аппарата партии. При исполнении порученных заданий он, подобно тому как было на Кубани (из-за чего, возможно, Сталин и возлагал на него наиболее трудные миссии), демонстрировал предельную, почти нарочитую жестокость и грубость. То, что в 1933 г. авторитет его был столь высок, само по себе свидетельствовало о суровости того периода.

И, однако, даже в событиях 1933 г. можно различить иную тенденцию, вторую линию развития. Она проявлялась, в частности, в той же самой политике по отношению к деревне. И выразителем ее выступал сам Сталин, что еще не означает его превращения в убежденного сторонника этой второй тенденции. Спустя считанные недели после январского Пленума, на котором Сталин говорил о колхозах уже известным нам образом, он в совершенно другом тоне обратился с речью к участникам Первого съезда колхозников-ударников, созванного в Москве, где он выдвинул задачу сделать всех колхозников «зажиточными». При этом не без демагогии он добавил,

что если они будут трудиться честно, то эту задачу можно осуществить за какие-нибудь 2—3 года. Это его двойственная позиция была позже синтезирована в часто повторявшемся лозунге: «Сделать все колхозы большевистскими! Сделать всех колхозников зажиточными!»[30].

До этой цели было еще далеко. И все же некоторые законодательные меры отчасти облегчили положение деревни. Система сдачи продуктов государству была видоизменена благодаря введению обязательных заготовительных квот — что-то вроде нового продналога, — которые устанавливались заранее для каждой области, а затем для каждого района и каждого колхоза. Нормы эти были по-прежнему тяжелыми, а кары за невыполнение — суровыми. И все же в целом это был прогресс по сравнению с предшествующими годами, когда формально методом заготовок продолжала считаться контрактация, а на деле вывозилось все, что имелось в деревне. Сейчас, по крайней мере, колхоз знал, каковы его обязанности и, следовательно, каким количеством каких продуктов он сможет свободно располагать после их выполнения[31]. В голодающих районах зерно на посев было выдано крестьянам из государственных запасов. В мае секретным распоряжением, которое мы уже цитировали, были ограничены аресты и высылки; одновременно эти акции были возвращены под контроль уполномоченных на то судебно-полицейских органов.

Погодные условия на этот раз были благоприятными. Совокупность этих факторов в сочетании с энергичной работой политотделов и инстинктом самосохранения колхозников позволили избежать худшего. Было бы, пожалуй, чрезмерным оптимизмом говорить о подлинном подъеме. Урожай был примерно таким же, как в 1932 г., и государство забрало не меньшую его часть. Тем не менее ему удалось получить ее быстрее и с меньшим сопротивлением. На селе при этом осталось больше хлеба, который можно было разделить среди колхозников[32]. Эти внешне противоречивые результаты объясняются, вероятно, просто большей организованностью: можно представить себе, следовательно, сколько ресурсов было погублено, растрачено в столкновениях предшествующих годов. Летом были также впервые введены льготные условия для приобретения и выращивания молодняка колхозниками, оставшимися без коровы.

Промышленное производство выросло в 1933 г. не на 16,5 %, как заранее объявил Молотов, а лишь на 5 %[33]. Кризис стал реальностью. И все же после сумятицы предыдущей фазы это был скорее год упорядочения, нежели застоя. Главные усилия направлялись на завершение строительства и введение в строй предприятий, на устранение самых важных «узких мест». Для достижения этих целей в ход были пущены все средства и приемы, опробованные в годы первой пятилетки: соревнование, денежное стимулирование, дисциплинарные меры, обращение к новым и старым техническим кадрам. Нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе был самым неутомимым организатором этой кампании, потребовавшей от партии еще

более прямого участия в решении производственных вопросов: в обкоме партии в Донбассе, например, была учреждена должность секретаря по углю[34].

Некоторое улучшение хозяйственной обстановки повлекло за собой во второй половине года и кое-какую разрядку напряженности в партии. В печати стали вновь появляться статьи бывших оппозиционеров. Как правило, в них пелись дифирамбы Сталину и осуждался Троцкий — они питали, следовательно, растущий культ. И это было тоже в новинку. Исключенные годом раньше деятели, вроде Зиновьева и Каменева, по очереди возвращались в партию и к общественной деятельности, хотя и далеко не на главные посты.

США признают СССР

Еще до истечения года кое-что переменилось и в международном положении СССР. Менялось все хрупкое послевоенное устройство мира. В своем ежегодном докладе ВЦИК Литвинов заявил: «Если можно говорить о дипломатических эрах, то мы, несомненно, стоим сейчас на стыке двух эр». Закончившейся он считал «эру буржуазного пацифизма»[35]. Уже не только СССР, но и весь мир начинал обсуждать вопрос о возможности возникновения новой войны. После воцарения нацизма в Германии последовали известные события: уничтожение евреев, роспуск всех партий, сожжение книг, громогласные агрессивные притязания во внешней политике. Теперь программы нацистов и их жестокость вызывали тревогу и в капиталистических странах: часть их руководящих кругов поневоле начинала смотреть иными глазами на тот военно-промышленный потенциал, который Советский Союз обеспечивал себе, преодолевая массу трудностей и противоречий.

Новые тенденции начали проявляться и в среде той зарубежной общественности, которая уже с интересом следила за ходом выполнения первого пятилетнего плана. Их возникновение стимулировалось ходом событий на процессе в Лейпциге. По обвинению в поджоге рейхстага, организованном самими нацистами, были схвачены руководитель болгарских коммунистов Димитров, бывший тогда представителем Коминтерна в Германии, и еще трое коммунистов: два болгарских и один немецкий. Процесс над ними, преднамеренно устроенный в столице бывшей «красной Саксонии», должен был стать обвинительным актом всему мировому коммунистическому движению. Умное и мужественное поведение Димитрова в роли собственного защитника, выдержанное в лучших традициях революционного движения, позволило ему полностью опрокинуть ход судебного разбирательства. Сам Димитров теперь обличал гитлеровских правителей и их преступления. За процессом, который занял последние месяцы года, в Москве следили с напряженным вниманием. Он находил широкие отклики во всем мире. Как бы резко и неуклонно ни противостояли коммунисты всем другим политическим партиям, в ходе меж-

дународной кампании солидарности с обвиняемыми возникало новое объединение сил, в котором коммунисты уже не были одиноки: к ним присоединялись многие социал-демократы, а затем и наиболее радикальное крыло буржуазно-демократических течений.

Новый курс наметился и в дипломатической деятельности Москвы. Советский Союз всегда враждебно относился к Версальской системе, которая не принесла ему ничего хорошего. Не было у него и причин менять эту точку зрения, основанную на опыте прошлого. Но с того момента, как деятели, пришедшие к власти в Германии, начали демонстрировать намерение изменить эту систему с помощью новой войны, кое-что стало выглядеть иначе, чем прежде. Сначала Литвинов, а затем Сталин объявили, что СССР воспротивится подобной перспективе[36]. Оба выразили интерес к Лиге Наций, из которой тем временем вышли как Япония, так и Германия[37]. Тем самым обрисовалась возможность сближения с Францией и ее восточноевропейскими союзниками. В рамках бесплодных переговоров о разоружении СССР предложил свое определение агрессии. Ни одна из великих держав не приняла его, однако оно легло в основу конвенций, заключенных со всеми сопредельными государствами на западе и юге, а также со странами Малой Антанты (Чехословакией, Югославией и Румынией), тесно связанными с Францией. Это были пока скромные дипломатические успехи. К тому же на противоположную чашу весов ложились все новые отрицательные факторы: в начале 1934 г. Польша Пилсудского заключила с гитлеровской Германией соглашение, которое представляло собой первый серьезный отход от прежней, профранцузской ориентации Варшавы и одновременно тревожный симптом для СССР.

Главным успехом советской дипломатии было достижение признания советской власти Соединенными Штатами и установление дипломатических отношений между Москвой и Вашингтоном, где в начале года пост президента занял Рузвельт. Литвинов лично ездил в Америку для ведения и завершения нелегких переговоров. В своих беседах с Рузвельтом он сразу же сделал упор на предупреждающий эффект, который советско-американское соглашение произвело бы на Германию и Японию; президент чутко реагировал на эти доводы, но ответ его был обставлен многими оговорками[38]. Противники сближения с СССР были все еще многочисленны в США. Как бы то ни было, 16 ноября состоялся обмен письмами между Рузвельтом и Литвиновым, и было официально объявлено о достигнутом соглашении восстановить отношения. Целых 16 лет минуло с того момента, когда после Октябрьской революции официальные отношения между двумя странами были разорваны. На фоне складывавшейся международной обстановки восстановление отношений приобретало большое значение. Этим шагом, сказал Рузвельт, может быть проложена грань «между войной и миром на 50 лет»[39]. К сожалению, эта возможность не смогла реализоваться. В Москве, во всяком случае, этот шаг пробудил большие надежды.

VIII. ПОПЫТКА ПОВОРОТА: (2) СТАЛИНСКИЕ СЕКРЕТАРИ

XVII съезд

С 26 января по 10 февраля 1934 г. в Москве проходил XVII съезд партии. Три с половиной года (и каких года!) прошло с момента предыдущего съезда: слишком много с точки зрения уставных норм, предусматривавших созыв съезда раз в два года. После января 1933 г. не собирался на пленарные заседания и Центральный Комитет. Таким образом, признаков нарушения нормальной работы партийного организма было достаточно. Но как раз об этом делегаты съезда не говорили. Ассамблея носила торжественно-триумфальный характер и получила название «съезда победителей». В свете той участи, которая ждала большинство делегатов, трудно было придумать другое такое же горько-ироническое название.

XVII съезд весьма отличался от всех предыдущих съездов в истории большевистской партии. В далекое прошлое ушли пламенные споры 20-х гг. Миновали и исступленные обличения, которые навязчиво повторялись на предыдущих съездах: против троцкистов и зиновьевцев — на XV, бухаринцев — на XVI. Высший партийный форум на этот раз не был ареной борьбы. Не был он и ареной политического обсуждения. Сталин выступил с главным докладом. Но дальше не последовало, как обычно, принятия резолюции, в которой содержались бы в сжатом виде тезисы доклада, дополненные и обогащенные идеями выступавших в прениях. Вместо этого впервые — по предложению Кирова — было утверждено решение «принять к исполнению как партийный закон все положения и выводы» сталинского доклада[1]. Сталин отказался даже от заключительного слова, а следовательно, и от принятого в таких случаях изложения своих заключительных соображений. Традиционный доклад о деятельности Коминтерна был сделан Мануильским. Последовавшие прения были краткими и носили формальный характер: из девяти выступивших семеро были иностранцами. Наиболее животрепещущая тема момента — фашизм — не была проанализирована по-новому, как то диктовалось необходимостью (и как то вскоре было сделано в международном коммунистическом движении), поэтому и обсуждение ее было скудным[2]. Более чем приглушенным доходило до зала заседаний и эхо драматически острых внутренних проблем: те критические высказывания, которые все же прозвучали, исходили единственно от официальных докладчиков.

Прославление Сталина достигло степени обязательного обряда. Не было ни одной речи, в которой не восхвалялся его «гений». По своим оттенкам и акцентам речи могли отличаться большим или меньшим достоинством, но суть дела от этого не менялась: Сталин ставился над партией, над любым ее уставным органом. К хору за-

ведомых сталинцев на съезде присоединили свои голоса деятели всех прежних оппозиций: Бухарин и Зиновьев, Каменев и Рыков, Томский и Преображенский и даже Ломинадзе. Все они униженно каялись, все объявляли, что их бывшие противники — и Сталин более, чем кто-либо другой, — были правы. В этом смысле съезд являл собой демонстрацию единства в глазах всего мира, и в частности враждебных держав, чье давление ощущалось на границе. На базе этого единства была, похоже, сочтена возможной операция прощения побежденных — единственная, по-видимому, за всю долгую историю сталинского правления. Так, бывший троцкист Пятаков сохранил звание члена ЦК, а с ним вместе и свой высокий пост заместителя наркома тяжелой промышленности. В составе ЦК остались также Сокольников и трое правых; правда, из действительных членов все они были переведены в кандидаты. Бухарин был назначен главным редактором «Известий», второй по значению газеты в стране: должность весьма престижная, но дававшая мало власти.

Менее однозначными были другие решения съезда. Был утвержден окончательный вариант второго пятилетнего плана. По сравнению с тем, что говорилось годом раньше, он мог произвести впечатление возврата к самым честолюбивым притязаниям прошлого: например, среднегодовое увеличение промышленного производства было запланировано в размере 16,5 % в год[3]. Однако достаточно было для сравнения обратиться к начальным цифрам XVII партконференции (1932), чтобы полностью обнаружился поворот на 180 градусов. Даже при сохранении чрезвычайно высокого уровня капиталовложений и ускоренных темпов развития производства средств производства акцент решительно переносился на легкую промышленность и выпуск потребительских товаров. Этим отраслям предстояло во второй пятилетке расти быстрее, чем тяжелой индустрии; более того — настолько быстро, чтобы в конечном счёте они могли вновь занять первенствующее место в общем балансе советской экономики. Многие ораторы, и в том числе Пятаков, утверждали, что наступил момент, когда развитие «группы А» (производство средств производства) достигло такого уровня, когда она может и должна оснастить современным оборудованием не только свои собственные предприятия, но и все другие отрасли народного хозяйства, включая сельское хозяйство и транспорт, а значит, обеспечить повышение уровня жизни народа[4].

Позволительно задаться вопросом — и историки уже задавались им, — были ли обоснованны эти надежды[5]. В любом случае они представляли собой программное указание. Они свидетельствовали о том, что, решая задачу планирования, XVII съезд даже перед лицом возросшей внешней угрозы счел необходимые сами по себе усилия по увеличению производства вооружений недостаточным и до известной степени, пожалуй, даже не первоочередным условием обеспечения обороноспособности страны. Другим не менее необходимым условием, обязательно дополняющим первое, съезд счел раз-

рядку внутренней напряженности на основе повышения жизненного уровня населения. В общем настрое съезда прозвучали ноты реализма, немыслимые еще два или три года назад. Так, Орджоникидзе, примеру которого последовал затем Микоян, взял слово специально для того, чтобы потребовать пускай скромного, но уменьшения плановых заданий для промышленности, особенно металлургии. Лучше намечать более разумные цели, но достигать их, чем изображать на бумаге чересчур высокие показатели, — таково было его рассуждение. В качестве задания по выплавке стали им были указаны те самые пресловутые 17 млн. т, которые, как, разумеется, помнили делегаты, планировались в качестве достижимого уровня на первую пятилетку[6].

Много внимания съезд уделил организационным вопросам, докладчиком по которым был Каганович. В этой области, однако, возобладали установки совсем иного рода, чем в планировании. Съезд постановил упразднить тот объединенный партийно-государственный орган — ЦКК — Рабкрин, который был создан десятью годами раньше, по одной из последних ленинских рекомендаций. Как в силу этого обстоятельства, так и в силу той роли, которую объективно играл в жизни страны указанный орган контроля, речь шла о важном решении. Тем более странными были обстоятельства, сопутствовавшие его принятию. Председатель осужденного на исчезновение ЦКК — РКИ Рудзутак выступил с длинным докладом о его деятельности, но не сказал почти ничего о его упразднении, если не считать нескольких заключительных фраз, дословно повторявших то, что уже было сказано Сталиным[7]. Теперь мы знаем, что он даже не присутствовал на том заседании Политбюро, где по предложению Сталина было принято это решение, которое потом сообщили членам Центральной контрольной комиссии, не дав им даже возможности обсудить его, хотя по крайней мере некоторые из них и выражали желание, чтобы вопрос был поставлен на обсуждение[8]. Вместо ликвидированного объединенного органа контроля были созданы два разных ведомства: Комиссия советского контроля, то есть государственный орган, и Комиссия партконтроля. Первоочередной задачей, поставленной перед обеими комиссиями, стала проверка исполнения решений и директив, изданных центральными учреждениями.

Постепенное превращение ЦКК — РКИ в инструмент контроля исключительно сверху было ощутимым уже в начале 30-х гг. Но пробужденный ею в предыдущий период массовый подъем политической активности еще оказывал свое действие. Ныне это ценное достояние было пущено по ветру. Первый из двух вновь созданных институтов, то есть Комиссия советского контроля, начал было свою деятельность довольно шумно (его первая пленарная сессия в 1934 г. широко освещалась в печати), но затем кончил тем, что превратился в обычное министерство. Еще более разительную метаморфозу пережила Комиссия партийного контроля. Хотя она и была избрана

съездом, но превратилась в простой придаток Центрального Комитета и была полностью подчинена ему. Точнее, поскольку ЦК как коллегиальный орган собирался на свои заседания лишь несколько раз в год, она была подчинена Секретариату ЦК, причем настолько прямо, что руководить ею должен был обязательно один из секретарей ЦК: не случайно первым на эту должность был назначен Каганович. Выбор этот соответствовал задачам Комиссии, ибо, помимо проверки исполнения, она «привлекает к ответственности виновных в нарушении партийной дисциплины» и «партийной этики»[9]. Тем самым она все менее соответствовала представлению о «совести партии», каковой она, как традиционно утверждалось, была в глазах коммунистов[10], и все более становилась карательным органом.

Открыто провозглашенная Сталиным и Кагановичем цель преобразования заключалась как в усилении центральной власти, так и в ослаблении периферийных учреждений. Контроль, заявили и тот и другой, должен быть выведен из-под влияния местных организаций[11]. Дело в том, что прежнему объединенному контрольному органу в центре соответствовали аналогичные комиссии в каждой области; теперь они были упразднены. Новые органы контроля призваны были действовать через посредство «уполномоченных», назначаемых Москвой и направляемых на периферию для раскрытия нарушений, совершенных в тех или иных областях или национальных республиках. В этом и заключалось главное новшество, которое Каганович объявил секретарям обкомов не без некоторого сарказма.

XVII съезд принял также новый Устав партии, существенно отличавшийся от всех предыдущих. На первый взгляд могло показаться, что речь идет о восстановлении в партии более твердых внутренних законов, в осуществлении которых слово не расходилось бы с делом. Но если такие надежды и возникали, им суждено было лишь в минимальной степени получить подтверждение на практике. Многочисленные нововведения, с одной стороны, зафиксировали те перемены в авторитарном и централизаторском направлении, которые уже совершились во внутренней организации партии под натиском «революции сверху»; с другой же стороны, еще более усугубили их, установив еще более жесткие нормы[12].

Так, обсуждение политических вопросов, хотя и признавалось правом каждого члена партии, на практике становилось невозможным в силу мер, предусмотренных для «беспощадной борьбы с малейшими попытками фракционной борьбы и раскола». Приобретенные партией в битвах за индустриализацию и коллективизацию черты исполнительной силы, занятой главным образом задачами организации труда и производства, были теперь кодифицированы и превращены в ее обязательные характеристики. Низовые подразделения именовались уже не «ячейками», а «первичными организациями», и границы их повсюду должны были совпадать с соответствующими промышленными или сельскохозяйственными предприятиями. Аппарат Центрального Комитета подразделялся на отделы: промыш-

ленный, сельскохозяйственный, планово-финансово-торговый, политико-административный и т. д., в соответствии с различными отраслями народного хозяйства и государственной деятельности. Обкомы и Центральные Комитеты республиканских компартий строились по этому же плану, с тем чтобы каждый их отдел в определенной мере находился в точной субординации по отношению к аналогичному отделу в центре. Новый Устав санкционировал также право ЦК учреждать там, где необходимо, политотделы. Это последнее обстоятельство — наряду с уже упомянутой эволюцией органов контроля — дает дополнительное основание для вывода, что той мишенью, по которой обдуманно и систематизированно били съездовские нововведения, было не что иное, как прерогативы партийных организаций и секретарей партийных комитетов на местах.

Киров

Такова была картина того, что происходило на официальных заседаниях. У съезда, однако, была и другая, скрытая сторона, весьма важная и тем не менее по сей день окутанная завесой тайны. Ритуальное отправление сталинского культа само по себе не было признаком действительного единства — вероятнее, если уж на то пошло, даже совсем наоборот*. Говорили, что при тайном голосовании по выборам Центрального Комитета имя Сталина было вычеркнуто в 270 бюллетенях из 1225 — больше, чем любое другое. Практических последствий это иметь не могло, потому что голосование происходило списком, но все же речь шла о немаловажном проявлении настроений, распространенных в руководящем слое партии. Некоторые из высших партийных руководителей к тому же, как утверждается, накануне съезда обсуждали между собой возможность замены Сталина на посту генерального секретаря[13]. В хрущевскую эпоху эта информация получила авторитетное подтверждение в официальной истории Коммунистической партии Советского Союза: «Ненормальная обстановка, складывавшаяся в партии в связи с культом личности, вызывала тревогу у части коммунистов, особенно у старых ленинских кадров. Многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с «завещанием» В. И. Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу»[14].

Толкование подобной информации представляется довольно трудным. Что было реальной целью подспудно развивавшейся борьбы: действительное ограничение власти Сталина или же, как гласит свидетельство, якобы оставленное несколько лет спустя Бухариным

---

* Советские исследователи и публицисты выявили эту обратную связь между культом и внутренними разногласиями. Правда, их анализ относится к другой исторической ситуации — Китаю середины 60-х гг., — но такой, которая не лишена очевидных аналогий с той, что занимает в данный момент наше внимание. См., например: Новейшая история Китая (1917—1970 гг.). М., 1972, с. 357—365.

во время его последней поездки за границу, «завоевание его изнутри», то есть направление его политики в более умеренное русло, а следовательно, борьба с наиболее агрессивным крылом его сотрудников, вроде Кагановича?[15] И что крылось за самой идеей лишения Сталина звания генерального секретаря: выступление против него самого и, следовательно, что-то вроде «дворцового переворота» при очевидной уже в то время невозможности сменить его конституционным путем (такое заключение можно извлечь из показаний Бухарина на процессе несколькими годами позже, оговорившись, впрочем, насчет достоверности такого рода информации[16]) или же намерение дать Сталину более почетное и лестное для его честолюбия назначение, дающее, однако, меньше возможности реально контролировать весь механизм власти (такое предположение было высказано некоторыми авторами и выглядит, пожалуй, более правдоподобным)?[17] У нас нет достаточных оснований для выбора одной из этих двух альтернатив, да и не известно, были ли они целиком взаимоисключающими. Единственное, в чем сходятся самые различные свидетельства, состоит в том, что политическая борьба была не кончена, а скорее загнана еще глубже в недра темного и скользкого лабиринта. Сталин в подобных условиях никак не мог чувствовать себя в полной безопасности на своей цезаристской вершине.

По одной — едва ли не самой примечательной — из версий, на XVII съезде образовался антисталинский блок, в основном из секретарей обкомов и ЦК республиканских компартий, лидером которого выступал якобы Варейкис, руководитель партийной организации Центральночерноземного района[18]. Если мы не ошибаемся, источником, из которого была получена эта версия, явился устно передававшийся — и потому сохранившийся — рассказ в сталинских концлагерях. Как бы то ни было, версия эта представляет интерес по двоякой причине. Во-первых, она косвенно подтверждается тем, что всего несколько лет спустя почти все эти обкомовские секретари подверглись поголовному истреблению. Во-вторых, она в точности повторяет мотивы, след которых, как мы уже видели, имеется и в официальных документах, по крайней мере начиная с января 1933 г. Одним словом, что-то явно переменилось в отношениях между Сталиным и его «железными секретарями» в провинции.

По разным поводам мы уже не раз обращали внимание на важную роль этих руководителей, которых нельзя третировать просто как «сталинских бюрократов». Они принадлежали к тем людям, которые, как писал позже Троцкий, «выйдя из большевизма или придя к большевизму», последовали за Сталиным «не из страха, а по убеждению»[19]. Их поддержка была решающей в борьбе Сталина с Троцким и в еще большей степени — с Бухариным. Их никак нельзя было заподозрить в мягкотелости. Все как один убежденные сторонники индустриализации, они приветствовали коллективизацию, а потом проводили ее каждый в собственной области, лавируя, подобно ужу, среди противоречивых указаний из центра, с той безжалостной энер-

гией, которая порождается решимостью прорваться к цели любой ценой. 1930 г., когда Сталин переложил на местных работников вину за первые перегибы в коллективизации деревни, был для них годом самого ужасного испытания; вероятно, именно тогда в их сплоченном блоке вокруг Сталина и появились первые трещины. Тем не менее если пирамида сталинских аппаратов выдержала это трудное испытание, то тут была немалая заслуга этих людей. В результате власть их выросла. О некоторых из них — Варейкисе, Кабакове, Шеболдаеве, Хатаевиче — в 1934 г. говорили как о вероятных кандидатах на более крупные должности в центральных органах страны[20]. Но их подлинная сила коренилась в их власти на местах. Многие из них занимали свои посты уже многие годы, и каждый на своем месте олицетворял высшую власть, даже с ореолом своего мелкого, локального «культа»: в общественных местах выставлялись их портреты, имена их присваивались заводам и фабрикам, речи целиком печатались в местных газетах[21].

Поскольку было названо имя Варейкиса, обратимся к личности этого деятеля, тем более что ее можно считать типичной для этой категории людей. Едва перешагнув за 20 лет, он выдвинулся в годы гражданской войны в ряды руководящих большевистских работников. В 1918 г. он подавил в Симбирске мятеж главкома Муравьева, левого эсера, восставшего вместе со своей партией[22]. Свои галуны, иначе говоря, Варейкис заработал очень рано и сумел потом закрепить во время стычек с оппозицией. Учитывая сельскохозяйственное значение его области, битва за коллективизацию была для него решающим экзаменом. Не удивительно, что, выступая на XVII съезде и вспоминая «на основании личного опыта» только что выполненную чудовищную задачу — «самую сложную... самую тяжелую, самую трудную задачу пролетарской диктатуры», — он заявил, что теперь самое властное требование заключалось в том, чтобы «прежде всего дать как можно более высокую доходность колхозов, быстрее поднять урожайность»[23]. Исполнители политики центра, секретари обкомов выступали в то же время глашатаями определенных местных интересов; подобно тому как Кабаков с успехом отстаивал развитие промышленности на Урале, а другие — в Сибири, Варейкис всячески проталкивал идею освоения Курской магнитной аномалии (реальная добыча руды на этом крупнейшем месторождении началась лишь в 50-е гг.). Исследование единственного архива областной — Смоленской — партийной организации, попавшего на Запад, позволяет рельефно выявить эту типичную для обкомовских секретарей двойственную роль: проводников требовательных московских директив и одновременно посредников, выражающих целый комплекс требований снизу[24].

Самой выдающейся фигурой, в которой эти деятели видели, как в зеркале, собственное отражение, был секретарь Ленинградского обкома Киров. Утверждение советского историка Медведева о том, что они не только положительно оценивали его возвышение и выдви-

жение на центральные посты в Москве, но и усматривали в его лице возможного будущего генерального секретаря, относится к числу вполне правдоподобных предположений. После XVII съезда Киров действительно был введен в состав Секретариата ЦК наряду с другим секретарем обкома, Ждановым, который занимал этот пост уже в течение десяти лет в другом важном промышленном центре — Нижнем Новгороде, переименованном к этому времени в Горький. Но если Жданов оставил прежнюю должность и перебрался в Москву, то Киров постарался сохранить свое место в Ленинграде. Он находился здесь уже восемь лет, то есть с 1926 г., когда прибыл сюда, чтобы заменить Зиновьева и бороться с его влиянием. В Ленинграде Киров завоевал широкую популярность, которой был обязан, в частности, тому упорству, с каким он защищал — в рамках возможного — улучшение условий жизни трудящихся. Решительный сторонник индустриализации и коллективизации, Киров также проводил эту политику твердой рукой. Хотя он был моложе Сталина, его партийный стаж был не намного меньше. Отличный оратор, он и во многих других отношениях был яркой личностью. Признаком его растущего влияния был уже сам тот факт, что непосредственно после XVII съезда он оказался сразу во всех трех высших партийных инстанциях: Политбюро, Оргбюро и Секретариате. Лишь Сталин и Каганович занимали такие же позиции[25].

Установление факта возникновения противоречий между Сталиным и секретарями еще не определяет того, что в их лице появилась новая оппозиция. Борьба, по крайней мере насколько нам дано судить, носила более тонкий характер. Тщетно мы стали бы искать хоть какую-нибудь ноту критики в адрес Сталина в речах, которые эти люди произносили на съезде. Наоборот, все они выступали как апологеты и демонстрировали собственную ортодоксальность. Если кое-кто из них и высказывал какое-нибудь специфическое требование, то делал это, развивая темы, уже изложенные в официальных докладах. Если Сталин, например, сказал, что нужно усиливать производство потребительских товаров на предприятиях местной промышленности, то некоторые ораторы, такие как Хатаевич или председатель Ленсовета Кодацкий, воспользовались этим, чтобы потребовать расширения самостоятельности, бóльших ассигнований на ввод в действие этих предприятий и уменьшения централизованного контроля. «Недопустимо, — говорил Кодацкий, — когда из центра регулируется каждая школа, больница, каждая тысяча штук кирпича, каждая пара сапог или белья»[26]. Дальше этой черты не пошел ни один из них. Путь открытой борьбы в форме создания оппозиции был прегражден слишком многими препятствиями: железными сталинскими правилами, воцарившимися в партии; культом вождя и его могуществом, присутствием ГПУ внутри партийных организаций и в среде коммунистов вообще; возможно, что и страхом перед тем, что отстранение Сталина и впрямь явится сигналом к политическому кризису неконтролируемых масштабов. Оставалось лишь действовать

по внутренним каналам, где дело определялось теми инструментами реального влияния, которыми каждый из них располагал.

Сталин указывает новых противников

Сам Сталин обратил всеобщее внимание на то, что за фасадом единодушия царит отнюдь не тишь да благодать. Констатировав в своем докладе на XVII съезде, что ныне «и доказывать нечего, да, пожалуй, — и бить некого», он тут же поспешил добавить, что это еще не основание считать, что «борьба кончена»[27]. Его полемические выпады по-прежнему не имели адреса, но были многозначительными. Первый удар, как и прежде, наносился по тем, кто думает, что «можно ослабить классовую борьбу, можно ослабить диктатуру пролетариата и вообще покончить с государством». Эта «путаница в головах» и «небольшевистские настроения», сказал он, «живучи среди некоторых членов партии», ибо их питает утверждение о «нашем продвижении к бесклассовому обществу» и они, «как две капли воды, похожи на известные взгляды правых уклонистов».

Сталин ополчался далее на тех, кто не расстался еще со старой тягой к уравниловке, особенно в деревне, и на тех, кто порицал партию за отступление от высшей формы («коммуны») к низшей («артели»). Он критиковал тех, кто не видел существенной разницы между лозунгом «сделать всех колхозников зажиточными» и старой бухаринской установкой «обогащайтесь». Наконец, он брал на прицел националистические уклоны: дело Скрыпника, по его словам, не было «исключением из правил», нечто в таком же роде имелось и в других республиках. В заключение Сталин указал целые две категории, два типа работников, которые, по его утверждению, «тормозят нашу работу» и мешают партии двигаться вперед. Первая состояла из людей, имевших заслуги в прошлом, но сделавшихся «вельможами», считающими, что закон не для них писан; вторую же образовали «неисправимые болтуны», которые много говорят, но у которых дело не двигается с места[28].

Мы знаем, таким образом, лишь мнение Сталина: как всякий отмеченный односторонностью источник, оно не может быть принято буквально, но требует толкования. Все это происходило тогда, когда в стране шла очередная сталинская кампания против бюрократических методов руководства. Сама по себе растущая бюрократизация общественной и политической жизни была несомненным фактом. Но Сталин не обращался к ее глубинным корням: отождествлению партии с государством, абсолютному централизму, отсутствию контроля снизу, распространению могущества аппаратов, возрождению на этой почве дореволюционных методов управления. Бюрократизацию он всегда сводил к разговору о личных недостатках. Сталин, как уже отмечалось в литературе, своей критикой стремился не столько к тому, чтобы искоренить бюрократизм, сколько к тому, чтобы повысить его эффективность[29]. Целью его была замена одной

части бюрократии другой. Не система спускаемых сверху директив его смущала, а все то, что могло затруднять прохождение и исполнение этих директив. Отсюда и решения XVII съезда о контроле и об Уставе, которые, будучи приняты в разгар антибюрократической кампании, на самом деле усиливали все корни бюрократизма в советской политической и государственной организации.

Между тем торможение передачи и выполнения директив происходило из-за политических препятствий, и Сталин был, конечно, не таким человеком, чтобы не понимать этого. Характеристика двух типов работников, которых он развенчивал, была очень растяжимой. Болтунами, например, могли быть как те, кто не справляется с организационной работой, так и те, кто не утратил вкуса к дискуссии, к обсуждению немалого числа противоречивых политических и теоретических вопросов. Что касается второго типа, людей с заслугами в прошлом, то выпад был сформулирован таким образом, что его можно было распространить на целый слой партийцев. Представлявший собой явное меньшинство, этот слой был в то же время чрезвычайно важный, ибо включал старых большевиков времен подполья и гражданской войны; по каким бы источникам ни судить — официальным или неофициальным, — это был также тот слой в партии, в котором наибольшее распространение получили настроения неудовлетворенности тем, как Сталин управлял и управляет страной. И потом, разве нельзя было таким же точно образом навесить ярлык «вельможа» также тем секретарям обкомов, например Кирову или Варейкису, в конфликте с которыми в действительности у Сталина были совсем иные, скрытые мотивы? То, как он поступил в дальнейшем и с теми, и с другими, оправдывает такого рода толкование.

В каждом одностороннем обвинении всегда есть изрядная доля двусмысленности. Когда мы подчеркиваем это, мы вовсе не хотим сказать, что «категории», подвергшиеся нападкам Сталина, были людьми без сучка и задоринки. Напротив, у этих людей были и сохранялись многие недостатки, и Сталин знал их. Но противоречие было в основе своей политическим, а не моральным, как пытался изобразить дело Сталин. Подошло время, таким образом, попытаться — в той мере, в какой это вообще возможно, — сложить воедино разные компоненты этих разногласий.

Из слов Сталина можно было бы заключить, что он все еще отражает атаки справа и слева. В действительности же, как он сам признал, формулы эти утратили всякое значение, если только обладали им раньше[30]. Спор шел о принципиальных вопросах, менее поддающихся такой классификации. В первую очередь на повестку дня ставилось требование внутренней разрядки, то есть предложение «ослабить классовую борьбу», как формулировал его Сталин, продолжая выступать против него. Деятели вроде Орджоникидзе и Кирова брали под свою защиту не только бывших оппозиционеров (Ломинадзе, например, был направлен Орджоникидзе, который ценил

его, возглавлять партийную организацию Магнитогорска), но и инженеров, обвинявшихся во вредительстве[31]. Требовалось также установить правильное соотношение между темпами роста промышленности и повышением жизненного уровня масс. Безотлагательно необходимые решения напрашивались, как мы видели в предыдущей главе, в области политики по отношению к колхозам и деревне. Наконец, всплывало еще одно противоречие: определение объема, пределов, границ самостоятельности территориальных партийных организаций, начиная с самых крупных — областных и республиканских. В национальных республиках, как всегда, эти вопросы воспринимались с особой чувствительностью.

Есть нечто бухаринское во всех этих проблемах. Кстати, если еще раз проанализировать сталинские полемические выпады, то можно убедиться, что генеральный секретарь в основном либо обвиняет целые крупные подразделения партии в том, что они подпали под влияние «правых уклонистов», либо отметает чужие утверждения — не исключено, что с критическим подтекстом, — об усилении бухаринских настроений в партии. Это не означает, что люди вроде Кирова, Орджоникидзе или секретари обкомов вообще склонялись к союзу с Бухариным. У них были основания чувствовать себя более сильными, чем он, и питать убеждение, что в прошлых схватках именно они одержали верх. Киров на XVII съезде критиковал Бухарина и других бывших оппозиционеров за то, что они отсиживались «в обозе» во время яростных битв предыдущих лет[32]. Подобное же чувство разделяли, должно быть, и другие секретари обкомов. Но это не мешало им чутко воспринимать некоторые идеи Бухарина в том виде, как он изложил их в январе 1933 г. и вновь повторял — правда, в весьма осторожных выражениях и с бесчисленными оглядками на ортодоксальность — на протяжении 1934 г.[33]

Съезд писателей

Объяснялось ли это внутрипартийным нажимом на Сталина или его собственным убеждением в тактической необходимости передышки, но только фактом остается то, что его позиция в 1934 г. выглядит оборонительной. Наметившееся во второй половине предыдущего года ослабление напряженности, похоже, стало превращаться в доминирующую тенденцию во внутренней жизни СССР. Наиболее непреклонные деятели троцкистских групп, остававшиеся вплоть до этого момента в ссылке, — Раковский, Сосновский — отреклись от своего знаменитого вождя в эмиграции и капитулировали, предварив этот акт заявлением о том, что наступление фашизма в Европе требует «единства всех сил»[34]. Их жест не был проявлением малодушия: вероятно, они сами считали необходимым и возможным способствовать проведению новой политики.

С другой стороны, была проведена реформа ГПУ, которое было преобразовано в новый Наркомат внутренних дел — НКВД, с ком-

петенцией, распространявшейся на весь Советский Союз. В практическом отношении это мероприятие ничего не изменило; пожалуй, наоборот, усилило влияние и без того могущественной полиции. Но на первых порах оно породило надежды противоположного свойства, как возможный признак возврата к новой законности[35].

Еще более яркое сочетание двух противоположных тенденций можно проследить в одном из главных событий этого года: Первом всесоюзном съезде советских писателей, который проходил в Москве с 17 апреля по 1 сентября. В годы сталинского «перелома» командные позиции в литературном мире захватили пролетарские писатели и их ассоциации (РАПП, ВОАПП). Они черпали силу в почти официальной инвеституре, которая им была дана и которой им недоставало в годы нэпа: выступая на XVI съезде партии в 1930 г., их лидеры откровенно взывали к усилению цензурных строгостей против писателей других направлений[36]. Однако крайнее сектантство в сочетании с довольно жалким художественным уровнем их произведений делали их политическую активность бесплодной или почти бесплодной. Их организации были поэтому распущены постановлением 1932 г.[37] в предвидении образования единой ассоциации всех советских писателей, уже без групп и течений.

Многодневный съезд 1934 г. был весьма представительным, включая таких разных мастеров пера, как Пастернак и молодой Фадеев, Эренбург и Демьян Бедный, Бабель и Шкловский, Олеша и Шолохов, и еще многих других. Две трети делегатов были представителями нерусской литературы СССР. Разнообразным был и состав зарубежных гостей: от Мальро до Андерсена-Нексе, от Арагона до Жан-Ришара Блока — свидетельство того интереса, который вызывал в наиболее демократических кругах западной интеллигенции драматический советский опыт. Съезд проходил под почетным председательством Горького. Вернувшись в СССР в конце 20-х гг., он окончательно связал себя с коммунистической партией и пользовался довольно значительным авторитетом в Москве, даже оказывал влияние на Сталина, если верить некоторым источникам[38]. В его доме в присутствии Сталина состоялось в 1932 г. знаменитое заседание, на котором были заложены основы будущей организации писателей. Им же был сделан главный доклад на съезде. В числе докладчиков были также Радек и Бухарин: с момента разгрома прежних оппозиций в первый раз их деятели принимали участие в столь важном событии. В целом съезд, вылившийся в крупную политическую демонстрацию поддержки правительству, проходил довольно торжественно, что не исключало дебатов по некоторым вопросам культуры.

Ныне, рассматривая события по прошествии стольких лет, мы можем лучше оценить его значение. Основание нового Союза писателей — что и было главным результатом съезда — представляло собой, по существу, создание еще одного «приводного ремня» в типично сталинском понимании этого термина. К тому же эта «трансмиссия», оформленная в виде профессиональной корпорации, функцио-

нировала в такой «отрасли», где никогда прежде не предполагалась возможность ее существования[39]. В качестве «основного метода» советской литературы был принят «социалистический реализм», то есть такое направление, в котором «тенденциозное» описание действительности дается не просто как описание «объективной реальности», но изображается «в ее революционном развитии» и должно «сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма». Изложены эти тезисы были Ждановым, деятелем, только что переведенным из провинции в Секретариат ЦК и выступавшим на этом посту заодно со Сталиным. Ждановское определение «социалистического реализма» опиралось на данное Сталиным — в угоду техническому мышлению эпохи — определение писателей как «инженеров человеческих душ»[40]. Литературе, да и искусству вообще отводилась тем самым подчиненная роль инструмента воспитания, и только. Как можно видеть, такая постановка вопроса была весьма далека от предпосылок, на основе которых вопросы литературы обсуждались десятью годами раньше, в разгар нэпа.

Съезд тем не менее пробудил немало надежд или иллюзий. Многие восприняли его как момент противопоставления нового социалистического гуманизма, встающего из крови и праха только что отгремевших сражений, звериному лику фашизма, который наступал в Европе. В голосах делегатов звучали разные интонации, порой не лишенные критических акцентов. Какими бы противоречивыми ни были настроения присутствующих, в целом съезд представлялся крупным сдвигом в литературной — да и, пожалуй, не только литературной — жизни СССР. Делегаты радовались тому, что благодаря преобразованию общества поднимались бесчисленные шеренги новых читателей. Кое-кто выражал пожелание расширить контакты советской культуры с мировой культурой. Высказывались даже замечания насчет «вождизма»: чрезмерного восхваления вождей[41]. Все это помогает понять, почему это событие получило столь разноречивую оценку не только у потомков, но и у некоторых его непосредственных участников вроде Эренбурга[42].

Одним из выступлений, наиболее способствовавших созданию возбуждающей атмосферы, был доклад Бухарина о поэзии. Если оставить в стороне некоторые спорные литературные оценки, то в целом в его обращении можно было услышать мысли, характерные для последних ленинских размышлений: «Колоссальны и необозримы наши задачи, и невероятно огромна наша историческая ответственность... Жестокая, некультурная провинция еще царит у нас... Материалом поэтического творчества может и должно служить все многообразие жизни... Все жизненное богатство, все трагедии и конфликты, колебания, поражения, борьба тенденций — все это должно входить как материал поэтического творчества... Если мы этого не сделаем, то перед нами возникнет опасность ведомственного отчуждения, бюрократизации поэтического творчества. Культура, куль-

тура и еще раз культура!.. А те, кто хочет создать на деле «Магнитострои литературы», те, вооружившись целомудренным отношением к искусству, должны сделать все, чтобы быть хозяевами во всех кладовых мировой культуры... Я кончаю свой доклад лозунгом: нужно дерзать, товарищи!»[43]. Бухарину пришлось все же защищаться от многочисленных атак и опровергать инсинуации насчет «еретичности» своих идей, в частности заверениями о том, что «основы доклада соответственными инстанциями рассматривались и утверждались»[44].

Проблеск ослабления напряженности

После небольшой передышки в 1933 г. наступил 1934 г. — год активного индустриального развития. В области коллективизации 1934 г., напротив, был продолжением передышки: за 24 месяца в колхозы вступило всего 800 тыс. крестьянских дворов. Положение в деревне по-прежнему составляло одну из главных политических проблем. Ее обсуждению были в основном посвящены собиравшиеся на протяжении года пленумы новоизбранного Центрального Комитета (три пленума в год, как и положено по новому Уставу), а также совещание ЦК с секретарями обкомов, состоявшееся летом в Москве. Существование политотделов по-прежнему порождало споры и конфликты: Киров, Варейкис и другие оспаривали необходимость сохранения этих чрезвычайных органов[45].

Главной же темой разногласий были размеры и методы проведения хлебозаготовок. Хотя критерии, введенные в 1933 г., и обеспечили несколько больший порядок в этом деле, давление, оказывавшееся на деревню, продолжало оставаться очень сильным. Да и соблюдение новых норм было небезупречным. В начале 1934 г. было принято решение о том, что колхозы могут на исключительно добровольной основе продавать государству хлеб, оставшийся у них после выполнения обязательных поставок. Одновременно, однако, инструкции, разосланные Сталиным и Молотовым по закрытым каналам, придавали этим закупкам столь же обязательный характер, что и заготовкам: происходил, иначе говоря, возврат к установке на изъятие максимума сельскохозяйственной продукции у деревни. Интересно отметить, что в этих условиях даже некоторые политотделы стали выразителями интересов колхозов — по крайней мере колхозов, находившихся в сфере их компетенции, — и пытались защищать их от чрезмерных запросов сверху[46].

С 1933 г. новые нормы заготовок устанавливались по районам и колхозам не на основе реального урожая, действительно собранного с полей в конце сельскохозяйственного сезона, а на основе гипотетического расчета того, каким должен быть этот урожай по состоянию посевов еще до начала жатвы (т. наз. биологический урожай, который по сей день указывается в многочисленных советских статистических публикациях как урожай тех лет). Оценка поручалась специальным правительственным комиссиям. Метод был

нацелен на то, чтобы получить возможно больше хлеба по обязательным поставкам, перекладывая на колхозы и местное руководство вину за любые потери, независимо от вызвавших их причин. В силу многих факторов — от плохой организации и низкого уровня использования техники до отсутствия зернохранилищ и другого оборудования — разрыв между «биологическим» и реальным урожаями был в те годы очень велик: до 25—30 %. Работа межрайонных государственных комиссий по урожайности почти повсеместно вызывала столкновения с местным руководством. Известно имя по крайней мере одного секретаря обкома, потребовавшего отмены этого метода: это был Хатаевич. О нем известно также то, что уже в 1930 г. он критиковал те приемы, с помощью которых на низовых работников переложили вину за перегибы коллективизации, а в 1932 г. вместе с Якиром ходатайствовал перед Сталиным за облегчение положения украинских крестьян[47].

Важные решения были приняты также Пленумом ЦК, который состоялся 25—28 ноября. Благодаря упорядоченным заготовкам и резкому сокращению экспорта пшеницы государству удалось накопить достаточные запасы зерна; это позволило отменить карточки на хлеб. С колхозов была списана задолженность по ссудам, полученным от государства до 1 января 1933 г.[48] Развернулась подготовка нового примерного Устава сельскохозяйственной артели, который решено было обсудить на Втором съезде колхозников[49]. Одним словом, решения этого пленума были весьма благоприятны для деревни и нацелены на ослабление напряженности. Помимо всего прочего, компромиссной резолюцией были упразднены политотделы МТС. Но это мероприятие не означало смягчения жесткой государственной регламентации колхозов. Оно означало лишь, что в тянувшемся два года конфликте райкомы в конце концов взяли верх: политотделы становились обычными партийными органами, которым предстояло слиться с райкомами. Зато на райкомы отныне возлагалась прямая ответственность за работу колхозов. Тем самым завершалась производственная конверсия партии и ее организаций. Впредь на них будет лежать вся тяжесть хозяйствования в деревне: в каждом райкоме один из секретарей — первый или второй — отныне будет лично возглавлять сельхозотдел. С упразднением политотделов в МТС оставался замполит — заместитель директора по политической части: будучи подчинен, как и все прочие, райкому, он вместе с тем не мог назначаться или сменяться без согласия Москвы[50].

Ноябрьский Пленум 1934 г. рассматривается как момент наивысшего влияния Кирова и представляемой им тенденции. В одной из своих речей всего четырьмя месяцами раньше он с новой энергией отстаивал требование, чтобы партия уделяла большее внимание улучшению условий жизни трудящихся, и побуждал все ленинградские кадры изменить свое отношение к этому вопросу. Страна успешно справляется с народнохозяйственными заданиями, отмечал Киров, «но вот когда речь заходит об обслуживании непосредствен-

ных нужд рабочего, его семьи и детей, картина получается несколько иная». В предыдущий период, утверждал он, это было отчасти неизбежно, ибо необходимо было заложить «фундамент» социализма. «Но сейчас, когда мы достигли огромных успехов, — добавлял он, — это оправдание теряет силу... Вся беда в том, что мы считаем: есть более ответственные задачи, а эти участки потерпят... Это, конечно, глубочайшее и вредное заблуждение»[51].

Из приведенных фактов, свидетельствующих об известных успехах разрядки внутренней напряженности, не следует делать вывода, будто они были единственными характерными признаками этого периода. Политическая обстановка продолжала оставаться трудной. Улучшение условий жизни происходило очень медленно. Раздирающе острые общественные конфликты начала 30-х гг. оставили шрамы не только в виде новых скрыто тлеющих противоречий в партии, но и в форме общего ожесточения душ. Методы осуществления власти отличались жесткостью как в центре, так и на местах. Все более серьезной становилась внешняя угроза, представляемая фашизмом: после «ночи длинных ножей» Гитлер укрепил свою власть. И все же немалое число свидетельств сходится на том, что в стране тогда чувствовалось, будто обстановка наконец становится не столь тяжелой. Наиболее вероятной перспективой представлялся постепенный переход к политике внутреннего умиротворения — залогу более активной поддержки партии со стороны населения и условию воссоздания вокруг нее более широкого блока социальных сил[52]. Целесообразность такого перехода подсказывалась и самим нарастанием опасности на границах. Примечательно, что Троцкий в своем печатавшемся за границей бюллетене также отметил происходящий «поворот», но добавлял: «Общее руководство... идет вправо, еще вправо, все больше вправо»[53].

И вдруг зловещая вспышка молнии. Днем 1 декабря Киров был убит несколькими выстрелами из револьвера перед дверью своего кабинета в коридоре того самого Смольного, который еще со времен революции оставался резиденцией партийного и советского руководства Ленинграда. Убийцей был сравнительно молодой человек, некий Николаев, член партии; его схватили на месте. Сообщение об убийстве произвело огромное впечатление на советских людей: повсюду в стране оно вызвало растерянность, волну тоскливого страха. На несколько дней СССР оделся в траур. Опасения были оправданны. Ленинградскому преступлению суждено было открыть новую, самую темную фазу суровой советской истории 30-х гг.

Книга четвертая

ЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ

I. КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И НАРОДНЫЕ ФРОНТЫ

Димитров в Москве

Прежде чем перейти к изложению событий в СССР после убийства Кирова, необходимо сделать отступление и посмотреть, как развивались в тот период приобретавшие все большую важность отношения Советского Союза с внешним миром.

Во второй половине 30-х гг. Европа и все человечество все более ускоренно двигались навстречу войне. Не все сумели вовремя понять это. По сравнению с близорукой политикой правящих кругов великих капиталистических держав Запада советские руководители и коммунистическое движение в целом продемонстрировали проницательность, что в исторической перспективе явится несомненным фактором силы.

1934 г. был ключевым не только для советского общества. В то самое время, когда в СССР намечалась возможность корректировки курса, нечто аналогичное происходило и в международном коммунистическом движении, руководящий центр которого оставался в Москве. Оба процесса приобрели конкретные очертания (правда, не публично, а в ходе обсуждения в узком кругу) примерно во второй половине года.

Выступая в январе на XVII съезде партии, Сталин заявил, что «дело идет к новой империалистической войне», и изложил разные гипотезы возникновения конфликта: война против «одной из великих держав», какой может оказаться сама Германия, для поправки «своих дел за ее счет»; нападение на «одну из слабых в военном отношении» стран вроде Китая; своего рода «расовая война» типа той, что идеологи нацизма проповедуют против славян, или, наконец, объединенная агрессия империализма против СССР. Сталин не указал, какая из этих четырех вероятностей наиболее реальна с его точки зрения. Он только разъяснил, что все они будут иметь плачевные последствия для организаторов; что они не помогут империализму вырваться из тисков своих противоречий, а, напротив, обязательно увенчаются революционным кризисом. Сталин далее объяснил, что растущая советская подозрительность по отношению к Германии обусловлена не только и не столько приходом к власти фашизма, сколько завоевательными планами новых германских руководителей на Востоке Европы. Советские люди, добавил он, конечно, «далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом», но ведь это не помешало им установить наилучшие отношения с Италией[1]. Обобщая, можно сказать, что изложенная им позиция была позицией не идеолога, а скорее государственного деятеля и дипломата, предпочитающего сохранить открытыми разные пути.

28 Зак. № 380

Совсем иным был тон выступления по этому вопросу Бухарина, одного из немногих ораторов на съезде, остановившихся на теме фашизма. Он зачитал пространные выдержки из «Майн кампф» Гитлера, из произведений других нацистов и японских милитаристов, чтобы продемонстрировать, что все они открыто провозглашают притязания на советские земли — одни на западе, другие на востоке. Их намерение, добавил он, высказывая предвидение, которое оказалось куда менее риторическим, чем тогда могло показаться, по существу, состоит в том, чтобы оттеснить все население Советского Союза куда-нибудь на Урал. Процитировав одно из самых разнузданных фашистских высказываний, Бухарин сказал: «Вот этот звериный лик классового врага! Вот кто стоит перед нами, и вот с кем мы должны будем, товарищи, иметь дело во всех тех громаднейших исторических битвах, которые история возложила на наши плечи»[2].

В феврале, перед самым концом съезда и сразу после его окончания, две европейские столицы пережили грозовые дни. В Париже многочисленные фашистские или крайне правые организации, пользовавшиеся широким покровительством полиции, вышли на улицы и попытались штурмом взять парламент. В Вене и других австрийских городах пролетариат взялся за оружие, чтобы помешать установлению клерикально-фашистской диктатуры Дольфуса. Два конфликта имели прямо противоположный исход. Во Франции противоборство увенчалось 12 февраля грандиозным днем борьбы. Впервые коммунисты и социалисты, коммунистические и социалистические профсоюзы вместе участвовали в забастовках и шли в одних шеренгах протеста против фашистской угрозы. В Австрии, где рабочее движение находилось целиком под влиянием социал-демократов, 12 февраля началась вооруженная борьба, но через четыре дня плохо подготовленные рабочие, не имевшие хорошего руководства, потерпели поражение; восстание было потоплено в крови.

Таково было начало года, в течение которого произошло немало драматических эпизодов: восстание астурийских горняков в Испании, также задушенное вооруженными силами; вереница политических убийств, организованных фашистами, — самого Дольфуса, югославского короля Александра, министра иностранных дел Франции Барту. На другой стороне земного шара китайские коммунисты вынуждены были оставить свои революционные базы и начать движение на север, ближе к советской границе: то было начало Великого похода, который останется самым легендарным подвигом их освободительной борьбы. В капиталистическом мире миновала наиболее сокрушительная волна экономического кризиса, уступив место всего лишь медлительно-хилому подъему: движение народных масс, их напор и инициатива приобрели поэтому новую силу. Так, в 1934 г. — особенно после победы фашизма в Германии — угрожающе возросла в Европе и во всем мире крайняя капиталистическая реакция, но одновременно обнаружились важные симптомы подъема рабочего и демократического движения.

Вот эти все противоречивые факторы и стали предметом дискуссии, начавшейся в Москве, в руководящих кругах Коминтерна. XIII пленум ИККИ, состоявшийся в конце 1933 г., еще не внес перемен в сектантскую установку «класс против класса»; курс безоговорочной враждебности к социал-демократии, проводившийся в 1928 г., оставался прежним. Следовательно, решение французских коммунистов объединиться 12 февраля с социалистами представляло собой совершенно новый факт. Разумеется, оно предполагало одобрение Коминтерна; но по сей день мы не знаем, было ли такое одобрение, и если да, то когда и в какой форме оно было дано. Говорить о повороте в политике Коминтерна было еще слишком рано 27 февраля в Москву прибыл Димитров — герой Лейпцигского процесса, освобожденный из нацистской тюрьмы после предоставления ему советского гражданства. Встречен он был с триумфом, с чувством пламенной симпатии[3]. Введенный в политический секретариат Коминтерна, он быстро включился в подготовку VII конгресса Интернационала, который XIII пленум ИККИ постановил созвать во второй половине 1934 г.

Срок этот оказался чересчур близким. Съезд был отложен на год из-за обнаружившихся в ходе уже упомянутых летних дискуссий трудностей определения его основных установок. По сей день почти невозможно выяснить: как именно началась эта дискуссия, какие именно проблемы были поставлены на обсуждение? Несомненно лишь то, что не позже июля Димитров направил Сталину письмо с предложением подвергнуть коренному пересмотру прежнюю политическую линию Коминтерна. Неправильно, утверждал он, квалифицировать социал-демократию как «социал-фашизм»; вредно третировать всех ее руководителей как предателей рабочего класса; необходимо «изменить нашу тактику единого фронта», перестав рассматривать ее «исключительно как маневр для разоблачения социал-демократии». Эту тактику можно превратить «в действительный фактор развертывания массовой борьбы против наступления фашизма», для чего необходимо отказаться от осуществления ее «только снизу» без каких бы то ни было отношений между коммунистами и руководящими органами других рабочих партий[4]. Опираясь на богатый опыт работы за границей, Димитров с недоверием относился к оптимистическим иллюзиям, которыми движение питалось на протяжении предшествующего периода. Он не верил в неизбежный и скорый кризис фашизма, не считал, что фашизм вот так, в один прекрасный день утратит ту массовую базу, которую смог завоевать из-за слабости рабочего движения в некоторых странах[5].

Для того чтобы новые идеи утвердились, понадобилось несколько месяцев дискуссий, которые советские историки называют «упорными». Сильнее всего сопротивлялись руководители партий, следовавших в борьбе предыдущих лет противоположной схеме, и в первую очередь немцы, которые во имя тезиса «класс против класса» пошли навстречу собственному поражению. Аналогичные позиции

были сильны среди венгров и болгар. Сам Димитров в свое время подвергался нападкам в собственной партии, где на него смотрели с недоверием, как на слишком примирительно настроенного к «правым оппортунистам»[6]. На разных позициях оказались и высшие руководители Коминтерна: против Мануильского и Куусинена, поддерживавших новые предложения, выступали Кнорин, Лозовский и венгр Бела Кун[7]. Наиболее настойчиво в пользу перемен высказывались деятели других партий: французской, чехословацкой, итальянской. Решающее значение имело развитие событий во Франции, где в июле 1934 г. коммунисты и социалисты подписали пакт о единстве действий. В октябре, несмотря на полученные от Коминтерна советы соблюдать осторожность, французские коммунисты пошли еще дальше и выдвинули идею «народного фронта»[8], который должен был объединить с рабочим классом «средние слои» города и деревни, а следовательно, включать, помимо социалистов, также партию радикалов как признанного выразителя политических интересов этих слоев. Упорная дискуссия в Москве завершилась только с приближением VII конгресса, вплоть до этого момента коминтерновская печать продолжала нести на себе, по крайней мере отчасти, печать прежнего курса. Был уже канун открытия исторического форума, а доклады и проекты резолюций еще существовали в нескольких вариантах.

Сближение с Францией и Англией

Новая политика Коминтерна впоследствии была расценена многочисленными исследователями как производное от установок, взятых на вооружение советской внешней политикой в этот же период[9]. Если в подобном суждении и содержится доля истины, то в целом оно все же выглядит слишком схематичным. Соотношение между двумя этими процессами не может быть сведено к простой причинно-следственной связи.

Советская дипломатия была занята поисками гарантий от двух угроз, выраставших на границах СССР: японской и гитлеровской, ставшей более тревожной после заключения пакта между Германией и Польшей в 1934 г. Естественно, что такие гарантии она искала прежде всего у Франции, как Литвинов не поколебался дать понять германскому министру Нейрату уже в марте 1933 г.[10], а также у Соединенных Штатов. В то же время СССР был всемерно заинтересован в том, чтобы не допустить или по меньшей мере отсрочить возникновение конфликта между другими державами, в который, как знали советские руководители, их страна рано или поздно неизбежно окажется втянутой. Заинтересованность эта диктовалась уже самим существованием тяжких проблем во внутренней жизни Советского Союза. Когда советские дипломаты говорили своим иностранным собеседникам, что любая война грозит нанести удар всем народнохозяйственным планам СССР[11], они были совершенно искренни. Руководствуясь этими мотивами, Советское правительство

решило присоединиться к концепции коллективной безопасности в Европе и во всем мире; с этого момента оно сделалось самым упорным поборником политики, выраженной этой формулой.

Сближение с Францией шло постепенно и неуклонно на протяжении всего 1934 г. Вначале оно получило форму совместной выработки проекта Восточного пакта: все государства Восточной и Центральной Европы — включая СССР и Германию — должны были подписать соглашение об обязательстве оказывать взаимную помощь тому из них, которое оказалось бы жертвой агрессии. Договор призван был выполнять в Восточной и Центральной Европе ту же функцию, которую, как предполагалось, для Западной Европы выполняют Локарнские соглашения с их системой множественных гарантий послевоенных границ в этой части континента. Новый пакт должен был быть дополнен соглашением между Францией и СССР об оказании взаимопомощи; тем самым была бы установлена и формальная связь между двумя системами — Локарнской и Восточноевропейской, ибо подразумевалось, что Москва в этом случае выступит в роли гаранта первой, а Париж — второй.

Категорический отказ Германии, противодействие Польши и более тонкое, но не менее реальное враждебное отношение англичан привели к провалу этого проекта, с которым было связано имя французского министра Барту. После того как Германия нарушила военные статьи Версальского договора, восстановив обязательную воинскую повинность, СССР и Франция сошлись на другом проекте: двустороннем договоре об оказании взаимной помощи в случае, если одна из двух стран подвергнется военному нападению в Европе[12]. Документ был подписан 2 мая 1935 г. в Париже новым министром иностранных дел Лавалем, хотя последний и был одним из тех французских деятелей, которые более всего склонялись к поискам соглашения с фашистскими державами. Несколько дней спустя аналогичный пакт был подписан между СССР и Чехословакией, страной, которая наиболее решительным образом связала свою политику с политикой Франции.

Еще в сентябре 1934 г. Советский Союз по настоянию Франции вступил в Лигу Наций, где был принят в постоянные члены Совета Лиги, как полагалось по уставу великим державам. В эти же месяцы произошло его сближение с Великобританией. В феврале 1934 г. было заключено временное торговое соглашение между двумя странами. Возрождение германской угрозы побудило реалистически мыслящее крыло консервативной партии во главе с тем самым Черчиллем, который в 1919 г. надеялся уничтожить русскую революцию, искать более тесного сотрудничества с Советским Союзом[13]. В марте 1935 г. английский министр Иден впервые прибыл с визитом в Москву, где был встречен с большими почестями. В противовес агрессивным намерениям нацизма перед СССР вырисовывалась новая перспектива: союз с двумя крупнейшими державами Западной Европы. Это были к тому же те самые державы, которые в момент военной

интервенции и гражданской войны выступали в роли жесточайших противников Советской России; следует помнить также, что обе они пользовались значительным влиянием среди малых государств Восточной Европы. Середина 1935 г. была тем моментом, когда вероятность подобного союза выглядела наиболее многообещающей.

VII конгресс Коминтерна

VII конгресс Коминтерна собрался в Москве как раз в этот период и продлился около месяца: с 25 июля по 20 августа. С момента предыдущего конгресса прошло целых семь лет. Зато этот новый форум совершил в политической ориентации коммунистического движения важный поворот, который вызвал к жизни долговременные последствия. По официальным данным, на конгрессе присутствовали делегаты 65 коммунистических партий, действующих за пределами СССР и насчитывающих 785 тыс. членов (против 445 тыс., представленных на VI конгрессе в 1928 г.). Однако это были искусственно завышенные данные, ибо при подсчете не принимались во внимание крупные потери, понесенные китайской компартией, численность которой, по советским источникам, сократилась с 300 тыс. до 30 тыс. человек, под ударами последнего наступления, предпринятого армиями Чан Кайши. По всей вероятности, не учитывалась и огромная убыль среди германских коммунистов в результате нацистских преследований: численность ГКП сократилась с 300 тыс. до 60 тыс. человек, да и те были большей частью в подполье, эмиграции или оторвались от партийной организации[14]. Новый и явно положительный факт, открывавший широкие возможности перед конгрессом, состоял, скорее, в другом. Это был первый успех предложений о единстве действий с социал-демократами, развитие идей народного фронта во Франции и Испании, новые унитарные тенденции, пробужденные политической инициативой коммунистов в некоторых партиях старого, Социалистического Интернационала.

Новаторские идеи VII конгресса содержались в основном в докладе Димитрова по первому пункту повестки дня «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма». Герой Лейпцига не только вновь выдвинул и развил предложения, сформулированные годом раньше, но и пошел значительно дальше. Он мужественно признал, что в коммунистическом движении имела место «недопустимая недооценка фашистской опасности». В начале своего доклада он поэтому подверг фашизм углубленному анализу, рассматривая его уже не просто как «замену одного буржуазного правительства другим», а как — здесь Димитров прибегал к определению, уже завоевавшему права гражданства в Коминтерне, — «террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболе шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала». Фашизм являлся, следовательно, переменой самой «государственной формы»

классового господства буржуазии, причем перемена эта была подготовлена социальной демагогией, позволившей фашизму обрести массовую базу «в выбитых кризисом из колеи» средних слоях и даже наименее просвещенной в политическом отношении части народных масс. Фашизм одержал победу в некоторых странах, потому что рабочий класс был расколот и в то же время изолирован от своих «естественных союзников», в первую очередь крестьян. Это произошло, далее, потому, что социал-демократия проявила неспособность противостоять насилию, пущенному в ход буржуазией, а коммунисты были недостаточно сильны, чтобы в одиночку, без социал-демократов, вести успешную антифашистскую борьбу.

Фашизму, объяснял Димитров, можно нанести поражение; но, несмотря на всю неустойчивость и внутренние противоречия, сам он не рухнет. Из этого анализа вытекали новые политические указания для коммунистического движения: добиваться прежде всего «единого фронта» рабочего класса, а следовательно, союза с социалистическими партиями не во имя «диктатуры пролетариата» (т. е. не обязывая партнеров разделять все установки коммунистов, как это пытались делать, когда единственной задачей «единого фронта» считалось образование Советов), а для организации совместной антифашистской борьбы. Единство рабочего класса должно было, далее, служить основой более широкого «антифашистского народного фронта», выражающего широкий союз с мелкобуржуазными слоями города и деревни. Проведение унитарной политики требовало наличия единых профсоюзов, а следовательно, изменения той профсоюзной политики, которая была «самым наболевшим вопросом для всех коммунистических партий»: там, где коммунисты образовали отдельные профсоюзные организации, их следовало слить с другими профсоюзами или даже просто ликвидировать, если они не смогли стать подлинно массовыми.

Перемены коснулись многих политических установок коммунистического движения. От коммунистов требовалось уже не пренебрежительное отношение, а защита демократических завоеваний, достигнутых трудящимися в условиях буржуазно-демократического строя, хотя их целью оставалась советская демократия. Никакого «национального нигилизма», а напротив — уважение национальных чувств, демагогически эксплуатируемых фашистами. Ставилась, следовательно, задача бережного отношения к специфически революционным традициям каждого народа и внимания к «национальным формам пролетарской классовой борьбы». Не может быть единых схем, годных для всех стран: каждая партия должна действовать на основе тщательного изучения той конкретной действительности в своей стране, в которой она родилась и сформировалась. В рядах коммунистического движения следовало вести энергичную борьбу с любыми проявлениями сектантства.

Димитров обратил внимание также на возможность образования «правительств единого фронта» при поддержке или даже участии

коммунистов. Такие правительства не были бы выражением диктатуры пролетариата, скорее, это должно было быть нечто более близкое к «рабочему» или «рабоче-крестьянскому правительству», о чем велись дискуссии в Коминтерне в первой половине 20-х гг. Но при сопоставлении с этой старой формулой идея, выдвинутая докладчиком, была, конечно, намного шире и перспективней. Димитров указал, помимо того, на возможность «политического единства», то есть образования единой партии рабочего класса, правда, представляя себе такую партию в виде организации, которая разделяла бы программу и теорию коммунистов. Наконец, новые установки Коминтерна распространялись также на компартии колониальных и зависимых стран: к этим партиям обращались с призывом создать «широкий единый антиимпериалистический фронт»[15].

После периода долгой кропотливой подготовки идеи Димитрова уже не были неожиданностью для конгресса. Хотя сопротивление — будь то скрытое или явное, — на которое они наталкивались, еще не прекратилось, предложения Димитрова сделались стержнем работы конгресса, не вызвав никакой открытой оппозиции. Движение, начатое Димитровым, продолжил Тольятти, выступавший с докладом по второму пункту повестки дня «Подготовка империалистами новой мировой войны и задачи Коммунистического Интернационала»[16]. Заключительные резолюции содержали те же тезисы.

Конгресс, таким образом, явился вехой в истории коммунистического движения. Не раз отмечалось, правда, что совершенный им «поворот» в развитии этого движения официально отрицался. Сам Димитров говорил просто о «новой тактической линии»[17]. Не прозвучало никакой самокритики по поводу установок, проводившихся в жизнь Коминтерном с 1928 по 1933 г.; напротив, утверждалось, что прежняя политика была правильной, но неверно проводилась в жизнь (в особенности это должно было относиться к германской партии).

Подобная постановка вопроса оставляла широкую возможность для двусмысленных толкований, что в свою очередь ограничивало эффект практического применения нового курса, по крайней мере в некоторых партиях. Однако это не в состоянии затушевать огромное новаторское значение конгресса, ценность сделанного им открытия. Тезисы конгресса были новаторскими не только по отношению к предшествующим позициям Коминтерна, но и по отношению к некоторым идеям, восходившим к более далекому прошлому: несмотря на укоренившееся недоверие к «пацифизму», лозунг «борьбы за мир», например, превратился в «центральный лозунг борьбы против войны»[18]. «Борьба против фашизма» и «борьба против войны» сделались с этого момента двумя главными опорами деятельности Коминтерна, двумя основными компонентами его предложений народным политическим силам во всех странах.

Для мирового коммунистического движения VII конгресс открыл новый этап развития — первый после того, который последовал за

Октябрьской революцией. Теперь остается выяснить, каково было значение конгресса для Советского Союза.

С точки зрения непосредственных результатов советской внешней политики, занятой поисками новых союзников на Западе, конгресс мог сыграть роль важного, хотя и не решающего вклада. Не следует забывать, что все, что было связано с Коминтерном, вызывало у западных правительств большое подозрение: по случаю конгресса Вашингтон, например, даже прислал, недолго думая, ноту протеста[19].

Иначе обстояло дело с внутренней политикой. Курс «класс против класса», которым руководствовался до того Коминтерн, находил, как мы видели, своеобразный глубинный отклик в перипетиях социально-политической борьбы в СССР. Этого нельзя сказать о новом генеральном направлении народных фронтов. Точнее говоря, отклик могло бы найти и это направление, если бы в СССР взяли верх те тенденции к некоторому ослаблению напряженности, которые обрисовались в 1934 г. В этом смысле возникшее было соответствие двух курсов — коминтерновского курса Димитрова и курса советской внутренней политики до убийства Кирова — может рассматриваться как нечто большее, нежели простое совпадение во времени. Но к моменту проведения конгресса в СССР, как мы увидим, уже брали верх под сталинским руководством установки прямо противоположного свойства. Таким образом, между линией Коминтерна и направлением внутреннего развития СССР возникло серьезное противоречие.

С другой стороны, кое-что изменялось и в отношениях между Советским Союзом и коммунистическим движением за его пределами. Впервые ориентация Коминтерна осмыслялась и разрабатывалась с учетом позитивного — в основном французского — опыта, приобретенного за рубежами России. Этот опыт весьма отличался от того, который был связан с Октябрьской революцией и Советами и вплоть до указанного времени представлялся единственным победоносным опытом борьбы за социализм. Об этих отличиях, правда, говорили с величайшей осторожностью или не говорили вовсе. Чувство кровной связи с Советским Союзом, «родиной социализма», было присуще всему коммунистическому движению. Мало того, сила и престиж СССР воодушевляли участников конгресса и рассматривались ими всеми как предпосылки, которые и дали возможность принять только что утвержденные новаторские установки. Тем не менее отмеченный выше новый факт существовал, хотя и не бросался в глаза. Кроме того, с того момента, как в работе партий начинал поощряться более гибкий учет конкретных условий каждой отдельной страны, становилось труднее или почти невозможно руководить ими всеми из единого центра; первым на это обратил внимание сам Димитров в своем июльском письме 1934 г.[20] Тольятти в своем докладе на конгрессе также намекнул на эту проблему. Одним словом, для того чтобы новая политика была успешной, Коминтерн никак не мог оставаться «приводным ремнем» в сталинском смысле слова.

Здесь неизбежно возникает вопрос об отношении Сталина к VII конгрессу. Наивно было бы предполагать, что ход конгресса мог развиваться против его воли. Распространившись в СССР, культ проник и в Коминтерн, и сам конгресс явил немало тому подтверждений. Тезисы доклада Димитрова предварительно обсуждались и утверждались Политбюро ЦК ВКП(б)[21]. Хотя точно не известно, какой была роль Сталина в разработке нового курса, но, по свидетельству таких участников, как Тольятти и Торез, ее в любом случае нельзя назвать второстепенной[22].

Но все это лишь одна сторона вопроса. Дело в том, что в своем отношении к конгрессу Сталин, по крайней мере публично, проявил то, что иначе не назовешь, как некоторой настороженностью или отчужденностью. Он присутствовал на нескольких его заседаниях, но не выступил с трибуны. В его последующих статьях и речах тщетно искать хоть какой-нибудь намек на явное одобрение новой политики Коминтерна. Политика эта, кстати говоря, выглядела опровержением не только всего сталинского курса Коминтерна в период 1928—1933 гг., но и других известных тезисов Сталина. Выступая с докладом об итогах конгресса в партийных организациях Москвы и Ленинграда, Мануильский вынужден был начать с фразы о том, что сталинская оценка, по которой «фашисты и социал-демократия — это не антиподы, а близнецы», продолжает оставаться правильной[23]. Но теперь подобное утверждение вступало в кричащее противоречие не только с постановлениями VII конгресса, но и со всем остальным текстом доклада самого Мануильского. Впрочем, на протяжении многих лет печать СССР избегала подчеркивать огромное значение VII конгресса. Советские историки, обратившие внимание на эти обстоятельства, считали, что отношение Сталина заключалось «скорее в молчаливом согласии... чем активной поддержке»[24].

Сознавая, видимо, какие противоречия влечет за собой новая политика Коминтерна, Сталин постарался застраховаться и другим путем, с помощью тех же мер, какие практиковались им в тот период во внутренней политике. В руководстве Коминтерна были произведены важные замены. Если приход на руководящие посты таких людей, как Димитров и Тольятти, символизировал вклад зарубежных партий и стран в разработку новой линии Коминтерна, то совсем иной смысл заключался в заменах среди советских руководителей Интернационала. Из ИККИ был удален Пятницкий, деятель ленинской поры, который с 1921 г. отвечал за весь деликатный участок оргработы Коминтерна. На его место были назначены неизвестные или почти неизвестные до того Ежов и Москвин (настоящая фамилия последнего Триллиссер). Эти люди уже занимали важные посты в НКВД, но в будущем им предстояло сыграть еще более важную роль в деятельности политической полиции и в личном использовании ее Сталиным как в СССР, так и в международном коммунистическом движении[25].

Война в Испании

Но пока эти важные закулисные обстоятельства не были известны большинству. На первый план выступал другой решающий фактор. Коммунистическое движение на конгрессе сумело выступить в роли самого большого противника фашизма и указать другим политическим силам путь к успешному сопротивлению угрозе, идущей из Берлина и Рима. Да и в качестве государства СССР играл главную роль в этой битве: его дипломатия самым решительным образом действовала в том же, антифашистском, направлении. Не случайно дух этой борьбы окажет влияние на целое поколение советских людей.

Нужно было торопиться. Во время встречи с Иденом в марте 1935 г. Сталин сказал, что, по его мнению, положение «сейчас хуже», чем в 1913 г.[26] Даже если война и не стояла уже на пороге, опасность действительно надвигалась. Попытки приступить к новому насильственному разделу мира уже начались. Когда VII конгресс Коминтерна заседал в Москве, Италия Муссолини угрожала Абиссинии (Эфиопии): 3 октября 1935 г. ее войска вторглись в эту страну. Несколько месяцев спустя, 7 марта 1936 г., Гитлер приказал своей армии ремилитаризовать Рейнскую область; тем самым были нарушены как Версальский договор, так и Локарнские соглашения, запрещавшие Германии вводить войска в зону между Рейном и ее западными границами. В обоих случаях наиболее сильный удар был нанесен престижу и интересам таких стран, как Англия и Франция. Первая была задета прежде всего тем, что нападение на Абиссинию создавало угрозу морским коммуникациям Британской империи; вторая — появлением нацистской армии на ее границах. В СССР надеялись на энергичную реакцию той и другой, но надежды не оправдались.

В Лиге Наций советская дипломатия выступала за проведение энергичных санкций против итальянского агрессора. Советские представители соглашались даже наложить эмбарго на поставки нефти — мера, которой очень опасался Муссолини, — несмотря на довольно хорошие отношения, существовавшие вплоть до этого момента между Москвой и Римом, и на то, что СССР сам был одним из поставщиков нефтепродуктов Италии. Однако коллективный ответ на фашистскую агрессию в Африке получился весьма слабым из-за нерешительных действий Англии и Франции. Эти державы склонялись скорее к поискам компромисса, нежели к наказанию правительства страны, нарушившей устав Лиги Наций и напавшей на другую страну — члена той же Лиги. Так была пробита еще одна брешь в коллективной безопасности, и Гитлер не замедлил сделать из этого вывод, что можно начать действовать и ему. После ремилитаризации Рейнской области Германией СССР заявил о своей готовности предпринять вместе с Францией и Англией в рамках Лиги Наций все необходимые меры для обеспечения соблюдения существующих договоров.

Но и в этом случае Париж и Лондон предпочли уклониться от энергичных действий.

Великие державы Запада демонстрировали, таким образом, явное нежелание связать себя обязательствами совместных действий с СССР против государств, начавших новый ряд агрессивных акций. Но наиболее серьезные примеры этого нежелания были еще впереди.

Народные фронты одерживали успех. Во Франции в апреле — мае 1936 г. блок коммунистов, социалистов и радикалов победил на парламентских выборах и лидер социалистов Леон Блюм был назначен главой нового правительства. Еще раньше, 16 февраля, народный фронт одержал победу на выборах в Испании, где республика была провозглашена лишь за пять лет до этого; на протяжении всех этих лет в стране то и дело обострялась социальная напряженность, вспыхивали жестокие политические схватки.

Сразу же после успеха на выборах народного фронта испанская военная верхушка начала готовить путч и при поддержке правых сил — помещиков, католических организаций, монархистов — подняла в июле мятеж. Реакция правительства была медленной и вялой; зато мгновенным и героическим был стихийный ответ народных масс. Благодаря им республика устояла, и хотя мятежным генералам удалось установить свой контроль над некоторыми районами страны, в целом их выступление было блокировано. Началась гражданская война. Мятежники обратились за помощью к Риму и Берлину и мгновенно получили ее, в частности транспортную авиацию для переброски войск генерала Франко из Марокко на территорию Испании. Так началось итало-германское вмешательство в испанскую войну. С течением времени оно становилось все более масштабным: мятежникам непрерывно поступали все более крупные партии вооружения, а из Италии прибыл даже экспедиционный корпус, численный состав которого в дальнейшем намного вырос.

И снова действия двух фашистских государств, отныне объединившихся в блок, представляли самую непосредственную угрозу для Великобритании и Фанции. Учитывая географическое положение Испании, контроль национал-фашистов над Пиренейским полуостровом представлял собой стратегическую опасность и для той, и для другой. В этом смысле угроза для Советского Союза была меньшей, по крайней мере если смотреть на международные проблемы с узкогеополитической точки зрения. Как Париж, так и Лондон поддерживали нормальные дипломатические отношения с законным правительством Испании, которое просило дать ему возможность закупить за границей оружие, необходимое для ликвидации мятежа; если бы эта просьба была удовлетворена, мятежные генералы, по всей вероятности, были бы разбиты. Но правительство Леона Блюма, напуганное маневрами правых и колебаниями министров-радикалов, а также испытывая нажим со стороны англичан, предложило вместо этого международные обязательства по невмешательству. Формально с ними согласились и Германия и Италия. Чтобы не остаться в изоляции,

к инициативе примкнул и Советский Союз, хотя уже на самой ранней стадии публичные манифестации — демонстрации, митинги, сбор средств в фонд помощи республиканцам — показали, на чьей стороне СССР. В Лондоне был учрежден Комитет по невмешательству из представителей 27 европейских государств, призванный следить за соблюдением пакта. Однако первые же недели показали, что Гитлер и Муссолини не имели ни малейшего намерения воздержаться от участия в войне. В Лондоне они искали просто дипломатическое алиби, и Комитет со своей стороны был неспособен воздействовать на них.

В конце сентября — первой половине октября (точная дата неизвестна) СССР принял поэтому решение в одиночку оказать помощь республиканскому правительству. В Лондоне советский представитель заявил, что его правительство не может считать себя связанным обязательством, которое не выполняется другими странами, во всяком случае «не может считать себя связанным Соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого Соглашения»[27]. 16 октября Сталин телеграфировал испанским коммунистам: «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества»[28].

С этого момента СССР стал посылать оружие мадридскому правительству. На поддержку республиканцев мобилизовался и Коминтерн. В Испанию стекались добровольцы, из которых были сформированы интернациональные бригады; коммунисты, составлявшие в них большинство, сражались в их рядах плечом к плечу с антифашистами разной политической и идейной ориентации. Учитывая расстояние между двумя странами, оказание советской помощи было нелегким делом. Усилиями СССР и местных коммунистов была организована также более или менее тайная закупка оружия в других странах. Советское правительство было, таким образом, единственным, открыто выступившим на стороне республики.

Установить точные размеры оказанной помощи все еще затруднительно. Москва направила в Испанию и группу своих военных, в основном в качестве инструкторов и технических специалистов. Группа эта была не очень многочисленной: всего 557 человек, по советским историческим источникам[29]. Куда более значительным в этом отношении был вклад интернациональных бригад, численность которых колебалась в пределах 20—25 тыс. человек[30]. СССР, однако, снабдил республиканскую Испанию огромным количеством военной техники, особенно самолетами, танками, артиллерией, а также продовольствием, обмундированием и медикаментами. Советские источники пока не сообщили полных данных; речь идет, следовательно, лишь об оценках[31]. Во всяком случае, поставки из СССР имели решающее значение для организации упорного сопротивления наступле-

нию внутренней и внешней реакции; особенно важную роль они сыграли в период между октябрем 1936 г. и первыми месяцами 1937 г., когда итало-германское вмешательство создало угрозу в считанные недели изменить ситуацию в пользу Франко.

Советская помощь Испании вызвала живой отклик в СССР. То был новый прилив интернациональных чувств. На протяжении трех лет газетные статьи и речи на собраниях сроднили советских граждан с судьбами страны на другом конце Европы, где свирепствовала вооруженная борьба, подвергались бомбардировкам беззащитные города и открывались взору трагические картины новой войны. Популярным чтением сделались корреспонденции с фронта Кольцова в «Правде» и Эренбурга в «Известиях». Читатели проникались столь важным в годы революции чувством своей причастности к мировой битве. «Фронт, — писал Кольцов, — выходит из окопов Мадрида, он проходит через всю Европу, через весь мир... Нигде вы не найдете теперь зоны, в которой мог бы укрыться кто-нибудь жаждущий тишины, спокойствия и нейтральности»[32]. В моральной подготовке советских народов к надвигающемуся всемирному конфликту испанский опыт сыграл труднооценимую роль.

СССР продолжал участвовать в Комитете по невмешательству, несмотря на его очевидное бессилие, пока этот орган не почил в бозе в 1939 г. В этом Комитете и в Лиге Наций советские представители не упускали ни одного предлога для оказания поддержки Испании и образования возможно более широкого международного фронта содействия республиканцам. Испанский вопрос был для советской дипломатии той почвой, на которой Москва могла надеяться связать Францию и Великобританию твердыми обязательствами по борьбе против двух фашистских держав и, следовательно, заручиться реальными гарантиями взаимной безопасности. Советское правительство с готовностью присоединилось в сентябре 1937 г. к Нионскому соглашению, предусматривавшему совместные действия с целью положить конец пиратским акциям итальянских подводных лодок в Средиземном море, — единственный сколько-нибудь энергичный шаг, предпринятый двумя главными столицами Западной Европы.

Результаты, однако, нельзя было назвать обнадеживающими. Великобритания и Франция так и не решились реально воспрепятствовать итало-германской интервенции. Их поведение было обусловлено двумя главными мотивами. Консервативное правительство Англии, как и лагерь французских правых и центристских сил, не без симпатии взирало на Франко и испанских фашистов из страха перед наступлением левых партий, особенно коммунистов, в Европе: Лондон и Париж рассчитывали, что в конечном счете они смогут договориться с Франко, даже если победу он одержит с помощью Рима и Берлина[33]. К тому же эти политические круги во Франции и Англии совсем не исключали возможность установления более широкой договоренности с Гитлером и Муссолини или по крайней мере с одним из них.

Отречения Лондона и Парижа

Так сложился в Европе тот треугольник в расстановке сил, который приведет к войне. В своих речах, как и во всех дипломатических беседах с английскими и французскими представителями, бесноватый Гитлер изображал свое государство как оплот «европейской цивилизации» и подчеркивал, что его единственная цель — противодействие «коммунистической опасности» и Советскому Союзу как носителю «красной угрозы». Такого рода доводами он оправдывал все тревожившие соседей Германии действия: от перевооружения до интервенции в Испании. Не случайно договор, заключенный Германией и Японией в 1936 г., был назван антикоминтерновским пактом. Год спустя к нему присоединилась Италия.

Сколь угрожающей ни была нацистская дипломатия, подобные доводы находили слушателей и в Лондоне, и в Париже. И тут и там находились руководители, готовые поверить, что Гитлер хочет лишь свободы рук на Востоке и что поэтому не следует исключать идею о целесообразности предоставить ему возможность двинуться в этом направлении. О слепоте западных правительств говорилось много раз, продемонстрированные ими доказательства собственной ограниченности слишком очевидны, чтобы тратить на эту тему много слов. Только закоснелая, консервативная, классовая натура, вечно страшащаяся призрака революции, могла привести этих политиков к столь чудовищным ошибкам. Великобритания и Франция не реагировали даже в марте 1938 г., когда нацистская Германия аншлюсом начала свои завоевания.

Тем не менее в Европе существовала теперь еще третья сила, с которой приходилось считаться, и этой силой был СССР. В Лиге Наций Литвинов предупреждал западные державы, что еще не изобретены винтовки, способные стрелять только в одном направлении. Его блистательные речи в женевской организации в защиту коллективной безопасности снискали советскому министру международную известность.

Коммунистам тех стран, которым с наибольшей вероятностью предстояло скрестить оружие с фашизмом, в первую очередь Франции и Чехословакии, из Москвы было дано указание не препятствовать усилиям по укреплению национальной обороноспособности, даже если это и противоречило антивоенным традициям их партий и рабочего движения в целом. Это указание содержалось, в частности, в знаменитом заявлении Сталина, которое было сделано по поводу подписания советско-французского договора и в котором он одобрил политику, проводимую Францией «в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности», а также в последующих открытых и закрытых дискуссиях в Коминтерне[34].

Эта дальновидная дипломатия принесла свои плоды лишь много лет спустя. В тот же момент она, похоже, оставалась бесплодной.

Парижу понадобилось почти десять месяцев для ратификации франко-советского договора, причем в отличие от того, на что надеялись в СССР, за этим не последовало заключения той военной конвенции, которая единственно и могла превратить этот договор в эффективное орудие предотвращения агрессии. Что касается Англии, то за ее осторожным сближением с Москвой в 1935 г. ничего не последовало. А после того как в 1936 г. Болдуина сменил на посту главы правительства Чемберлен, лидер наиболее враждебного к СССР крыла консерваторов и поборник компромисса с Германией, в советско-английских отношениях наступило ухудшение. Единственным конкретным проявлением известного взаимопонимания с Лондоном явилось подписание в Монтрё все в том же 1936 г. новой конвенции о черноморских проливах. Эта конвенция больше отвечала интересам прибрежных государств, а следовательно, и СССР, чем Лозаннская конвенция 1923 г., так как существенно ограничивала доступ в Черное море военных кораблей других стран даже в мирное время [35]. Вопрос, который таким образом получал разрешение, был немаловажным, но все же второстепенным по сравнению с главными проблемами, вызывавшими в тот момент напряженность в Европе.

Зато антигитлеровская дипломатия СССР и проводимая коммунистическим движением политика объединения всех антифашистских сил вызвали к Советскому Союзу новые симпатии. Нападение на Эфиопию и в особенности война в Испании привели повсюду в мире, но прежде всего в Европе, к четкому размежеванию демократических и консервативных или реакционных течений. Обозначались два разных и противостоящих друг другу лагеря. В глазах антифашистов всех стран СССР выступал как государство, которое наиболее последовательно вело борьбу с Гитлером и Муссолини. Сама фигура Сталина, каковы бы ни были его высказывания и его действия в Москве, приобрела международный масштаб, что способствовало и распространению его культа в коммунистическом движении.

Как в Европе, так и на Дальнем Востоке коллективная безопасность не реализовывалась. После установления дипломатических отношений между СССР и США сотрудничество этих двух стран не получило подлинного развития: все вновь застопорилось из-за старого спора о дореволюционных долгах. Этому способствовала широко распространенная враждебность к коммунизму в сочетании с изоляционистскими тенденциями в американской внешней политике. В отношении военных действий в Абиссинии и Испании Вашингтон официально придерживался нейтралитета, что было на руку государствам-агрессорам. Литвинов неоднократно прощупывал почву, чтобы выяснить, согласны ли Соединенные Штаты присоединиться к пакту о ненападении между государствами Тихоокеанской зоны: ответ по существу был неизменно негативным[36]. Оставаясь один на один с Японией, СССР поэтому продолжал вести такую политику, которая, будучи примирительной во всех случаях, когда не затрагивалось основное, становилась очень твердой, когда японские генералы пыта-

лись прощупать его обороноспособность. Так, в 1935 г. было заключено соглашение, по которому Советский Союза почти за смехотворную цену отдавал Японии — через посредство марионеточного государства Маньчжоу-го — Китайско-Восточную железную дорогу. Но всякий раз, а таких случаев было много, когда японцы провоцировали пограничные инциденты на рубежах СССР или его союзника Монголии, ответная реакция носила решительный характер: оружие против оружия.

Вместо того чтобы направить удар против СССР, токийские правители предпочли развернуть 7 июля 1937 г. второе генеральное наступление в Китае. За год с небольшим военных действий они оккупировали главные северные и приморские провинции. И снова не последовало никакой международной коллективной реакции. Лига Наций не приняла никаких мер, хотя Литвинов побуждал ее к этому. СССР подписал с Чан Кайши пакт о ненападении и вновь направил ему нескольких военных советников. Новое соглашение — ненадежное, но все равно знаменующее определенный успех — было заключено в Китае между гоминьданом и коммунистами. На первый взгляд оно тоже восходило к идее народных фронтов, за которую боролся в то время Коминтерн. Однако в ходе реализации преобладали уже местные соображения и тактические расчеты, что превращало его в элемент совершенно специфического опыта, в этап революционного процесса, который шел отныне под воздействием своих собственных специфических движущих сил.

В то время как мировая война разгоралась и в Азии, и на Западе, трехполюсная расстановка сил в Европе должна была привести к результату, заведомо известному и неизбежному в любой игре с тремя участниками, отстаивающими каждый свои жизненные интересы. Наиболее существенной задачей каждого становится не допустить, чтобы двое других объединились в ущерб его интересам. У Лондона и Парижа был в тот момент в руках ключ к решению проблемы; они использовали его самым плачевным образом. Да и далекая Америка еще не была готова к проведению более дальновидной политики.

29 Зак. № 380

II. ОТ УБИЙСТВА КИРОВА К КОНСТИТУЦИИ 1936г.

Ответственность Сталина

Убийство Кирова, разумеется, не единственное в истории политическое преступление, оставшееся нераскрытым, но оно относится к числу тех, которые, приводя в движение целый ряд трагических событий, влекли за собой наиболее зловещие последствия. Обвинение Сталина в том, что он был его организатором, очень скоро получило хождение за пределами СССР благодаря рассказам некоторых бежавших за границу офицеров. Но версия не принималась всерьез до тех пор, пока ее не подкрепил весьма прозрачными намеками в своих двух знаменитых выступлениях Никита Хрущев[1]. Лично он был убежден, что версия эта правильна, но и он не смог привести обстоятельных доказательств в подтверждение своих подозрений, хотя и распорядился произвести специальное расследование. Было бы, впрочем, удивительно, если бы подобные доказательства — если допустить, что таковые вообще когда-нибудь существовали, — вдруг обнаружились 20 лет спустя. Все сторонники указанной версии вынуждены были, подобно Хрущеву, ограничиваться тем, что обращали внимание на некоторые красноречивые косвенные улики: двусмысленное поведение политической полиции (НКВД) Ленинграда, намеренное убийство либо исчезновение в дальнейшем всех компрометирующих свидетелей; разногласия, возникшие между Сталиным и Кировым; противоречивость сменявших друг друга официальных версий преступления. Некоторым советским авторам путем упорных поисков удалось собрать немаловажные свидетельства, но и они не способны пролить окончательный свет на все это дело. Скорей, наоборот, они подтверждают, насколько темными остаются многие его аспекты.

Указанные обстоятельства помогают понять, как два англосаксонских историка, Конквест и Улам, в равной мере специализирующиеся на исследовании этого периода и мало склонные к оправданию Сталина и советских порядков, смогли прийти на основании одних и тех же фактов к диаметрально противоположным выводам: Конквест убежден, что Киров был убит по личному приказу Сталина; Улам же уверен, что убийца, Николаев, действовал исключительно по собственной инициативе[2]. В действительности на основании вполне достоверных предположений могут быть построены и другие гипотезы, но мы лишены возможности с достаточной степенью уверенности выбрать какую-то одну из них.

Однако именно эта неясность и служит одной из самых веских причин подозревать Сталина. Он располагал всеми необходимыми средствами для внесения ясности. Непосредственный исполнитель преступления был схвачен на месте. Сталин собственной персоной

отбыл в Ленинград 1 декабря 1934 г., то есть прямо в день покушения, чтобы лично руководить следствием. Его сопровождали другие высшие партийные деятели, и в том числе Молотов, Ворошилов и Жданов, а также главные руководители полиции. И все же истина не была раскрыта. Наоборот. Расследование сразу же было направлено таким образом, чтобы нанести удар по бывшим политическим оппозиционерам; все вещественные улики, связанные с преступлением, быстро исчезли из поля зрения. В последующие годы Сталин получил возможность обвинять в организации этого убийства самых различных своих противников и создать тем самым предпосылки для проведения самой деспотической из своих политических операций. На него, следовательно, падает тяжкая ответственность; именно исходя из этого, автор наиболее документированного обвинения в его адрес счел возможным заявить, что вина Сталина по крайней мере «логически и политически является доказанной»[3]. Аналогичное убеждение, впрочем, получило широкое распространение в СССР после 1956 г.

Был ли Сталин замешан в этом деле или не был, но он воспользовался убийством Кирова и созданной этим общей атмосферой тревоги для того, чтобы направить в выгодное для себя русло развитие той скрытой от невооруженного глаза политической борьбы, которая развернулась на рубеже 1933—1934 гг. и одной из центральных фигур которой был Киров. Тотчас после поступления в Москву известия об убийстве он приказал издать декрет о том, чтобы следствия по делам, связанным с политическим террором, велись ускоренно, а смертные приговоры по ним приводились в исполнение немедленно, без каких-либо отсрочек на рассмотрение апелляций, ибо никакие прошения о помиловании приниматься во внимание не будут. Следствие по указанной категории дел должно было завершаться в десятидневный срок, а обвинительное заключение — вручаться обвиняемым за одни сутки до начала процесса. Сам процесс должен был проходить без участия адвоката и при закрытых дверях[4]. На практике это означало отмену каких бы то ни было юридических гарантий при рассмотрении политических преступлений и конец всех предпринимавшихся на протяжении двух предыдущих лет попыток восстановления «социалистической законности»[5].

С Политбюро при этом даже не проконсультировались, его лишь пригласили два дня спустя утвердить принятое решение[6]. Впрочем, даже если бы к его совету и обратились, маловероятно, чтобы в напряженной атмосфере тех дней оно в состоянии было оказать какое-нибудь противодействие. После полосы предельно ожесточенных социальных конфликтов, потрясших все общество, нельзя было закрывать глаза на реальную возможность того, что политический террор распространится по стране. Вдохновляющим образцом ему могли послужить сами традиции революционной борьбы в царской России. Из донесений полиции явствовало, что в группах недовольной молодежи шли разговоры на подобные темы[7]. Убийство Кирова придавало

опасности совершенно новые масштабы. Несколько десятков человек, арестованных в Ленинграде, Москве, Киеве по подозрению в заговорщической деятельности, были немедленно расстреляны в назидание всем.

Ни из каких данных не вытекает, однако, чтобы террористические намерения разделялись участниками старых или новых оппозиционных групп в партии. Неприятие террора у этих людей обусловливалось самой их марксистско-ленинской формацией. Естественно, нельзя категорически исключать вероятность того, что они в условиях полнейшей секретности строили планы такого рода: скорее всего, для того лишь, чтобы затем отклонить их. Единственным, кто, по правдоподобному свидетельству, однажды подумал о такой возможности, был Бухарин, то есть как раз тот деятель, чье поведение фактически было наиболее далеким от любых террористических поползновений[8]. Наконец — и это, пожалуй, самый решающий из всех аргументов, — когда всех оппозиционеров обвинили в вынашивании широких террористических замыслов, в подтверждение этого обвинения против них так и не удалось привести ни единой конкретной улики, и это при том, что на протяжении нескольких лет все они находились под самым строгим надзором! Но вопреки всему этому, именно против оппозиционеров был намеренно направлен ход расследования убийства Кирова.

Сначала покушение Николаева было привязано к именам нескольких бывших комсомольских работников, ранее поддерживавших зиновьевскую фракцию. Обвинение могло показаться правдоподобным, учитывая то сильное влияние, каким Зиновьев в прежние годы пользовался в партийной организации Ленинграда. Было объявлено, что обвиняемые сознались. Вся группа, включая Николаева, была приговорена к высшей мере наказания и расстреляна в последние дни 1934 г. Процесс проходил за закрытыми дверями; никаких доказательств обвинения обнародовано не было. С именами осужденных тут же были связаны фамилии остававшихся на свободе лидеров прежней оппозиции, в первую очередь Зиновьева и Каменева. Утверждалось, что они сохранили «центры» подпольной деятельности: один — в Москве, а другой — в Ленинграде. Списки «руководителей» обеих групп были составлены на основе старых полицейских донесений; по одному из свидетельств, их собственной рукой написал Сталин[9]. Зиновьев и Каменев были снова арестованы; еще до того, как были представлены хоть какие-нибудь компрометирующие их конкретные доказательства, против них была развязана неистовая кампания в прессе. «Вся страна, весь пролетарский мир охвачены единодушной ненавистью к фашистским подонкам зиновьевской антипартийной группы и к людям, вырастившим этих негодяев, создавшим контрреволюционную «идеологию» для фашистских убийц... Никакой пощады этим врагам! Больше бдительности, зоркости в повседневной работе партии и пролетарской диктатуры!» — писал журнал «Большевик»[10].

Зиновьева и Каменева с группой их сторонников, в числе которых были Евдокимов и Бакаев — все старые большевики, — судили в середине января 1935 г. Этот процесс также был закрытым. Обвинение вынуждено было признать, что нет улик, на основании которых подсудимых можно было обвинить в подстрекательстве к убийству Кирова. И все же всех их приговорили к разным срокам тюремного заключения: Зиновьева — к 10 годам, Каменева — к 5, к разным срокам — всех остальных. Под нажимом следователей бывшие руководители оппозиции были принуждены признать свою «моральную» ответственность за ленинградское преступление в том смысле, что их прошлая деятельность и прежние обличения способствовали даже против их воли созданию той политической атмосферы, в которой мог созреть замысел о покушении. Это было тяжкое признание: по существу, в нем выражалось согласие с ныне уже открыто провозглашавшимся отождествлением политической борьбы и преступления; в этом смысле оно служило первым звеном роковой цепи. Объяснить его можно только состоянием угнетенности, которого не могли не испытывать старые партийные деятели, видя, как вся страна обрушивает на их головы лавины проклятий, как со всех сторон требуют их смертной казни, да еще в выражениях вроде «бешеные фашистские собаки», «проклятая банда контрреволюционеров», «на их руках кровь Кирова».

Многие другие бывшие участники оппозиционных групп были в те дни заключены в тюрьму вне всякой связи с убийством Кирова. Прокатилась волна арестов, но особенно массовый характер они носили в Ленинграде, где репрессии обрушились на лиц, объявленных «социально чуждыми», то есть на остатки разгромленных старых классов. Куда более мягким было наказание местных руководителей НКВД, не обеспечивших охрану жизни Кирова (они исчезли лишь несколько лет спустя)[11].

Проекты реформ

Но даже и в этой обстановке не оборвалась сразу та политическая дискуссия, которая началась — правда, в очень неясных формах — на рубеже 1933—1934 гг. Мы уже видели, как она развивалась в Коминтерне. Различные факты свидетельствуют, что продолжалась она и по вопросам внутреннего развития СССР.

Разумеется, все стало значительно труднее. Нелишне еще раз напомнить, что в 1934 г. росли не одни только тенденции в пользу ослабления напряженности в советском обществе. Именно тогда в тени Сталина поднялись и выдвинулись на посты в наиболее важных партийных органах малоизвестные до того люди вроде Ежова, Мехлиса, Берии. Они делали карьеру при поддержке генерального секретаря вместе с другими работниками (Ягодой, Балицким), до того неизменно служившими в репрессивном аппарате политической полиции[12]. Нечто сходное происходило, как упоминалось выше, и в Ко-

минтерне в подготовке и работе его VII конгресса. Было ли выдвижение этих людей предохранительной мерой Сталина, ощущавшего, что новые установки фактически направлены против него? Предположение не лишено смысла. Как бы то ни было, речь шла о людях, склонных считать, что судьбы власти и их собственные личные позиции могут быть надежно защищены лишь с помощью еще более жесткой, чем прежде, политики.

После убийства Кирова Каганович, человек, чью тяжелую руку уже испытали на себе многие, с одобрения Сталина предложил создать целый ряд «внесудебных органов», то есть учреждений, подчиняющихся лишь власти полиции, для рассмотрения всех дел политического характера[13]. Подобные меры, принимавшиеся в разгар очередной кампании против бывших оппозиционеров, разумеется, не способствовали осуществлению тех проектов ослабления напряженности, которые стали было складываться в 1934 г. с целью укрепления социальной опоры власти. Такой деятель, как Бухарин, сразу же уловил, что смертью Кирова нанесен удар всем этим замыслам[14]. Видя, как сгущаются угрожающие темные тучи, Ломинадзе покончил с собой, лишь только понял, что его имя обязательно будет связано с именами зиновьевцев.

Каким образом и с помощью каких людей различные проекты выдвигались в тот период на рассмотрение партийной верхушки, обсуждались и сопоставлялись? Ответ на этот вопрос представляет собой нерешенную — и во многих отношениях неразрешимую при имеющихся источниках информации — проблему для того, кто пытается исследовать эту судорожную фазу советской истории. Сведения, которыми мы располагаем, указывают на существование противоречивых тенденций, но в то же время слишком скудны и отрывочны, чтобы можно было восстановить полную и во всем достоверную картину того, что происходило. Намеки, разбросанные в разных работах советских авторов, заставляют думать, что наряду с Кировым сторонниками больших послаблений во внутренней политике выступали такие деятели, как Орджоникидзе, Куйбышев, украинские руководители Постышев и Косиор. Например, Орджоникидзе защищал Ломинадзе при жизни, а после смерти добился организации торжественных похорон, в которых лично принял участие[15]. В то время когда на бывших оппозиционеров, и в том числе на Ломинадзе, обрушивались столь тяжелые обвинения, этот поступок был, конечно, не только проявлением личной дружбы, но и политическим жестом. Если предположение о принадлежности перечисленных деятелей к течению, выступавшему за ослабление напряженности, соответствует действительности, то следует сказать, что почти сразу после убийства Кирова, в январе 1935 г., это течение понесло еще одну тяжелую утрату: от сердечного приступа умер Куйбышев.

Одно из свидетельств, восходящее как к источнику к Бухарину, гласит, что в ходе драматического заседания Политбюро, последовавшего за убийством в Ленинграде, был достигнут компромисс. На

основании представленных Сталиным и полицией обвинительных улик было принято, хотя и не без колебаний, решение об очищении партии от бывших оппозиционеров, в первую очередь троцкистов и зиновьевцев. Одновременно, однако, было постановлено провести некоторые внутренние реформы, намеченные при жизни Кирова[16]. Поскольку у нас нет сведений из более надежных источников, трудно установить, насколько точным является это свидетельство. Как бы то ни было, оба эти направления в политике — ужесточение преследований оппозиционеров и проведение реформ — на первых порах, похоже, развивались одновременно.

Напомним, что за несколько дней до убийства Кирова состоялся Пленум Центрального Комитета, на котором был намечен более благоприятный для крестьянства курс, включая обещание созвать очередной съезд колхозников, призванный, в частности, принять новый примерный Устав сельскохозяйственной артели. На этом же пленуме, как утверждают, было решено провести конституционную реформу. По правде говоря, в опубликованных документах пленума нет и следа этого второго проекта; но сведения о том, что задуман он был именно тогда, выглядят весьма правдоподобно[17]. Во всяком случае, ни реформа Конституции, ни колхозная реформа не были сняты с повестки дня.

Новую Конституцию начал разрабатывать в первых числах февраля 1935 г. VII съезд Советов Союза ССР, созванный целых четыре года спустя после предыдущего. Постановления съезда располагались как бы в двух плоскостях: сначала была принята длинная вереница поправок к Конституции 1924 г. (они ограничивались лишь утверждением изменений, уже произведенных в предыдущие годы, и не означали пересмотра основного закона как такового)[18], потом решено было приступить к собственно конституционной реформе.

1 февраля, еще до окончания съезда, собрался Пленум ЦК. Не было опубликовано никаких резолюций, а лишь простое сообщение о предложении изменить существующую Конституцию в двух направлениях: а) демократизировать избирательный механизм, заменив действовавшую систему открытых многоступенчатых выборов с дискриминацией целых категорий граждан системой прямых и всеобщих выборов при тайном голосовании; б) уточнить социально-экономическую основу государственной структуры, с тем чтобы привести ее в соответствие с гигантскими переменами, совершившимися в стране: созданием крупной социалистической индустрии, образованием колхозов и утверждением коллективной собственности в деревне[19]. Эта новая инициатива ЦК была представлена съезду Молотовым. Его доклад повторял идеи, сформулированные в сообщении, с одним, быть может, добавлением. Партия, сказал он, намерена сочетать систему Советов с тем, что есть лучшего в парламентаризме, и тем самым добиться «развития советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных Советов с непосредственными же выборами своего рода *советских* парламентов в республиках и общесоюзного

советского парламента». В остальном его доклад был отмечен заботой о восстановлении рабоче-крестьянского единства, серьезно подорванного в предыдущие годы, и подчеркнуто пропагандистскими пассажами, предназначенными для заграницы[20].

Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет, избранный съездом, образовал несколько дней спустя комиссию по выработке проекта нового текста Конституции. В комиссию вошло 30 человек плюс Сталин, ее председатель. В состав комиссии были включены и два бывших оппозиционера: Бухарин и Радек[21].

Все в том же феврале 1935 г. был созван Второй съезд колхозников-ударников. Этот съезд в целом также отражал политическую линию, направленную на установление новой законности в деревне и в этом смысле — на достижение более мирной политической атмосферы. Работой и решениями этого съезда мы специально займемся в следующей главе, посвященной эволюции крестьянства. Об одном эпизоде его, однако, следует упомянуть здесь, потому что он дополняет общую политическую картину того периода. В числе прочих ораторов слово на съезде получил биолог Лысенко, известность и власть которого в то время росли. Его выступление отличалось чем угодно, но не миролюбием. Он набросился на коллег-ученых, не разделявших его теории, в следующих выражениях: «...Вредители-кулаки встречаются не только в нашей колхозной жизни... Не менее они опасны, не менее они закляты и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите во всяческих спорах с некоторыми так называемыми «учеными»... Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы на фронте яровизации?.. И в ученом мире, и в неученом мире, а классовый враг — всегда враг, ученый он или нет». В одном месте его выступления Сталин ободряюще воскликнул: «Браво, товарищ Лысенко, браво!»[22].

Эта реплика лучше любых речей показывает, что в глубине души Сталин был бесконечно далек от намерений хоть как-то умерить свои концепции, исходящие из представления о предельном обострении политической борьбы. Однако для лучшего понимания их дальнейшего развития и все более пагубного влияния, которое не могло обойти стороной и новую Конституцию, необходимо воскресить и другие аспекты описываемого периода.

Культ личности

Страна начинала ощущать благотворные результаты сверхчеловеческого созидательного усилия, предпринятого в начале 30-х гг., в сочетании с последующей корректировкой наиболее экстремистских установок первой пятилетки. Жизнь становилась не такой тяжелой. У делегата VII конгресса Коминтерна, приехавшего в СССР после нескольких лет отсутствия, сложилось следующее впечатление: «Москва совсем преобразилась: множество домов снесено, на месте разрушенных кварталов выросли необъятные здания... Ощущение огром-

ной силы и омоложения... Одежда и питание тоже совершенно изменились. Люди носят галстуки и едят, как во времена до карточек. Ночные рестораны с оркестром открыты повсюду, как во время нэпа: танцы, танго... Спад напряженности напоминает — с учетом пропорций и совершенно новых условий — тот... который сопутствовал окончанию военного коммунизма». Разумеется, до благополучия было далеко; да и Москва — это еще не вся страна. Тот же наблюдатель отмечал: «Напротив, внешний вид деревень на всем пути от Минска до Москвы мало изменился»[23]. В целом все же успехи были значительны.

Экономический рост способствовал росту сталинского культа, который приобретал все более исступленный характер. Речь шла не просто о нарастании интенсивности, а скорее о качественной перемене в самом цезаризме Сталина. До этого момента это явление было связано преимущественно с партией, ее внутренней жизнью и руководящей ролью в обществе; теперь характер его менялся и устанавливалась все более прямая связь между вождем и нацией: связь через голову партии и потому ведущая к принижению роли партии. Чтение прессы той поры очень поучительно с этой точки зрения. Почти каждый день «Правда» помещала фотографию или нарисованный портрет Сталина: для этого годился любой предлог, но порой дело обходилось и вовсе без предлога. Все чаще на такого рода изображениях Сталин был окружен группами людей, олицетворявших, по замыслу авторов, весь народ в целом или наиболее выдающиеся его успехи и достижения: рабочими-стахановцами, передовыми колхозниками, молодыми техническими специалистами, женщинами-общественницами, военными, летчиками и т. д. В 1935 г. на экраны впервые вышел фильм, в котором, вопреки существовавшему обыкновению не выводить на сцене живущих деятелей, в числе персонажей фигурировал Сталин: фильм показывал колхозную жизнь в слащаво-розовых тонах[24]. Когда трудящиеся какого-нибудь предприятия или отрасли извещали о достигнутых ими успехах или брали на себя производственные обязательства, то делалось это в форме письма, адресованного лично Сталину и целиком воспроизводящегося в газетах; эти публикации также были почти ежедневными. Железнодорожники, которыми руководил Каганович, писали: «Великому машинисту локомотива революции, товарищу Сталину»[25].

У истоков всего этого стоял сам Сталин. Публично он выступал довольно редко; тем более показательны те немногие речи, которые были преданы гласности. Одну из них Сталин произнес 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной Армии. «...Слишком много говорят у нас о заслугах руководителей, — начал он, — о заслугах вождей». Далее он защищал проводившуюся под его руководством политику предыдущих лет, когда благосостояние народа было принесено в жертву промышленному развитию во имя высших интересов исторического прогресса страны. К сожалению, добавил он, «страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь»,

если бы во главе заводов и фабрик, колхозов, армии стояли более умелые люди, кадры, «способные оседлать новую технику». Кто же был виноват в том, что их не было? Виновато, отвечал Сталин, «безобразное отношение к людям, к кадрам, к работникам, которое наблюдаем нередко в нашей практике», тот факт, что у нас не научились еще ценить людей, наконец, «бездушно-бюрократическое и прямо безобразное отношение к работникам», неспособность руководителей ценить их по их истинным достоинствам[26].

Подобная речь может показаться парадоксом, если учесть, что она была произнесена в момент, когда культ вождя был почти в зените, и накануне тех самых массовых репрессий, в ходе которых под руководством Сталина будут истреблены целые когорты кадров молодого советского общества. А между тем она отвечала неумолимой логике утверждавшейся личной власти. Сам вождь еще раз взывал к мотивам недовольства, реально существующим в стране, чтобы ослабить позиции руководителей промежуточного звена, с которыми у него были совсем другие счеты. Уже довольно долгое время его полемические выпады были нацелены не столько против старых оппозиционеров, сколько — в более общей форме — против некоторых «наших товарищей», которым не хватило «нервов, терпения и выдержки» и которые «после первых же затруднений стали звать к отступлению»[27].

Чистка партии

Парадокс, если только можно говорить о парадоксе, заключался в другом. В то время как условия существования в стране улучшались (причем настолько, что Сталин вскоре заявит: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей»[28]), внутрипартийные отношения ухудшились до того, что стали почти непереносимыми. Никем не произносилось слово «кризис»; однако если оно и не подходило для характеристики происходящего, то только потому, что было слишком слабым. Вот уже два года (с 1932 г.), как прием в партию был прекращен, он не возобновлялся еще на протяжении двух лет. Начавшаяся тогда же чистка была далека от завершения, хотя в первоначальном постановлении уточнялось, что она должна быть закончена к концу 1933 г.[29] В 1921 г. на аналогичную операцию были затрачены считанные месяцы, в 1929—1930 гг. понадобилось больше года. На этот раз к концу 1934 г., то есть к моменту убийства Кирова, еще не ясно было, когда подойдет к концу чистка, начавшаяся двумя годами раньше.

Нет ясности и в обнародованных данных о результатах чистки к декабрю 1934 г. Путаница, похоже, существовала в самом порядке проведения кампании. Чистке подверглась только часть партийных организаций: к указанному времени она закончилась в 25 областных и республиканских организациях, в то время как в других 17 территориальных организациях чистка не была произведена[30]. Число «вычищенных» (18,3 % — по одному источнику, 16 % — по другому), к

которым нужно добавить переведенных из членов в кандидаты партии и из кандидатов — в «сочувствующие» — категорию, специально созданную по такому случаю, — оказывается намного меньшим, чем действительная убыль, которая превышала треть численности партийного состава. К 1 января 1935 г. ВКП(б) насчитывала на 1,2 млн. членов меньше, чем двумя годами раньше[31]. Трудно сказать, в какой мере эта разница была обусловлена добровольным выходом из партийных рядов, а в какой — другими причинами (например, репрессиями в некоторых сельскохозяйственных областях). Не существует сколько-нибудь полных статистических данных и о мотивах исключения: более чем в 23 % всех случаев в виде причины указывается просто пассивность. Создается впечатление, подтверждающееся, кстати, заявлениями, которые были сделаны несколькими годами позже, что и за этими цифрами в действительности кроется глухая политическая борьба[32].

После убийства Кирова чистка приняла новое направление. В стране после этого преступления создалось всеобщее впечатление, что вездесущий враг прячется повсюду. Все партийные организации получили «закрытое письмо» с «уроками», извлеченными из недавних событий. Из него нам известен лишь один абзац, содержащий острую критику любых примиренческих настроений, квалифицируемых как пережиток старых бухаринских позиций: «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм...» Сталин выдвигал новый лозунг агитации — «Бдительность!»[33]. Что касается остальной части письма, то, как можно представить себе по тону прессы тех дней, в ней указывалось на бывших оппозиционеров как на инспираторов ленинградского преступления.

Началась охота на троцкистов, то есть не только на уцелевших сторонников Троцкого, но и на всех, кто когда-либо сочувствовал какой бы то ни было оппозиции; потом — и на тех, кто недостаточно энергично критиковал их или не разоблачал их присутствие в партийных ячейках, в учреждениях и государственных органах, либо — пуще того — на тех, кто имел с ними дело, даже если речь шла о родственных связях или отношениях по работе. Обвиненным, которые зачастую не в состоянии были даже понять, что им вменяют в вину, в первую очередь предъявлялось требование признать свои ошибки. Одна свидетельница, позже живо воссоздавшая атмосферу того времени, пишет: «Актовые залы и битком набитые аудитории превращались в исповедальни. Несмотря на то что отпущение грехов выдавалось с большой скупостью (более того, сплошь и рядом покаянные заявления расценивались как недостаточные), поток кающихся ширился изо дня в день»[34].

В этих условиях произошел еще один эпизод, по сей день остаю-

щийся нераскрытым. В июне 1935 г. Пленум Центрального Комитета исключил из партии Енукидзе. Формулировка, в которую были облачены мотивы решения — «за политическое и бытовое разложение», — не была никак связана с понятием фракционности — единственным, что, по Уставу, могло оправдывать исключение из партии члена Центрального Комитета, каким являлся Енукидзе[35]. Хотя он и не принадлежал к кругу высших руководителей, но все же как секретарь ВЦИК он был одним из самых известных и влиятельных людей в стране. В партии он был с момента ее основания и, будучи грузином, как и Сталин, считался его личным другом. Вместе с тем, однако, он был одним из тех, кто активно выступал за ослабление напряженности в стране. О подлинных мотивах исключения так никогда и не было сказано ничего, даже в работах историков. Утверждалось, будто его имя связали с одним темным эпизодом, в котором речь шла о некоем плане покушения в Кремле; но утверждение это никак нельзя считать доказанным. Енукидзе, во всяком случае, отверг все предъявленные ему обвинения[36]. Ныне его имя в СССР почитается наряду с именами других выдающихся большевиков*.

Одновременно и, вероятно, в связи с этим случаем были ликвидированы две важные ассоциации: старых большевиков (основана в 1922 г.) и бывших политкаторжан. Это решение также не было объяснено. Не столь уж безосновательным, однако, выглядит высказывавшееся предположение, что оба общества были ликвидированы как раз потому, что из их рядов прозвучали голоса протеста против бесчестящих обвинений, которые после смерти Кирова были брошены старым партийным деятелям с дореволюционным стажем, начиная с Зиновьева и Каменева[37].

Все еще далеко не завершенная чистка получила новый толчок, но в совершенно необычной форме. Было объявлено, что во многих местных партийных организациях царит «нетерпимый хаос» в деле учета, хранения и выдачи партийных документов, а это создает условия для проникновения врагов в ряды партии. Новым закрытым письмом Секретариат ЦК распорядился провести тщательную проверку партийных билетов и учетных карточек всех членов партии[38]. Некоторые из отмечавшихся случаев беспорядка в хранении документов, возможно, и впрямь могли настораживать. Тем не менее трудно судить, действительно ли положение было настолько тревожным, как утверждалось. Можно только отметить, что новая проверка негласно подразумевала еще один удар по позициям периферийных руководителей. Кампания, так или иначе, вылилась в очередную

* С отстранением Енукидзе связан также первый выход Берии на арену общественной деятельности. Тогда был опубликован (Большевик, 1935, № 14 и 15) его пространный очерк об истории большевистских организаций Закавказья, представлявший собой панегирик Сталину и его роли в дореволюционный период в сочетании с обвинениями Енукидзе, якобы фальсифицировавшего события этого далекого времени в некоторых своих произведениях. В заключение Берия прославлял борьбу Сталина с грузинскими коммунистами в 1922—1923 гг., борьбу, которую Ленин, напротив, решительно осуждал.

волну чистки. Организации, которые, было, восприняли ее как простую техническую операцию, были призваны к порядку[39]. Возглавлял ее Ежов, новый секретарь ЦК, сменивший Кагановича на посту руководителя Комиссии партийного контроля. Из партии были исключены еще 249 тыс. человек[40]. Но на этом дело не кончилось. В конце 1935 г. было принято постановление об обмене партийных билетов, оно ознаменовало начало очередной чистки, продолжавшейся многие месяцы 1936 г. Прежде чем она подошла к концу, разразился первый из больших публичных процессов против представителей старой гвардии большевиков.

Процесс Зиновьева — Каменева

Зиновьев и его друзья находились в тюрьме на основании приговора, вынесенного в январе 1935 г. Каменеву срок заключения был продлен с пяти до десяти лет на основе второго приговора, вынесенного закрытым судебным заседанием без обнародования обвинения. Подготовка нового процесса могла, таким образом, вестись в полнейшей тайне и в таких условиях, которые допускали любой произвол: о ходе ее, как утверждалось, не были информированы не только ЦК, но и само Политбюро[41]. Широкая публика была посвящена в происходившее лишь в последний момент, когда в печати появилось обвинительное заключение. К Зиновьеву, Каменеву и их сторонникам, Евдокимову и Бакаеву, были присоединены три троцкиста (правда, не самого крупного «калибра») — Л. Н. Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, — а также несколько более мелких фигур, главным образом для подкрепления обвинения против основных обвиняемых. Эти последние обвинялись в том, что с 1932 г. они якобы создали «объединенный троцкистско-зиновьевский центр», который при содействии и по инструкциям Троцкого подготавливал убийство Сталина и других главных руководителей партии, но сумели осуществить пока убийство Кирова.

Заседания суда происходили в Москве 19—23 августа перед Военной коллегией Верховного суда под председательством военного судьи Ульриха. Обвинителем выступал Генеральный прокурор СССР, бывший меньшевик Вышинский, имя которого останется навсегда связанным с этим и другими аналогичными мрачными процессами. Перечитывая сегодня чудовищные протоколы тех судебных заседаний[42], можно уловить в них даже некоторые реальные эпизоды политической борьбы того времени; но только они выступают настолько искаженными, что выглядят уже преступными деяниями. Так, начало «заговора» датируется 1932 г., то есть как раз тем годом, когда враждебное отношение к Сталину стало оформляться и среди тех, кто неизменно поддерживал его прежде. Публично выдвинутое тогда Троцким предложение сменить генерального секретаря превращалось в устах обвинителей в тайный приказ об убийстве Сталина. Беспокоившая Сталина возможность образования

блока старых и новых оппозиционеров отождествлялась с заговором. Следствие постаралось также приобщить к процессу имена и тех прежних противников генерального секретаря, которые не фигурировали в числе обвиняемых: от Шацкина и Ломинадзе до Сокольникова и Томского. Показательны были даже сами формулировки. Одного из подсудимых (Каменева) заставили, например, сказать, якобы передавая слова Томского: «Бухарин думает то же, что я, но проводит несколько иную тактику — будучи не согласен с линией партии, он ведет тактику усиленного внедрения в партию и завоевания личного доверия руководства»[43]. Помимо всего прочего, это был способ изобразить как преступную ту тонкую операцию по сшиванию разорванных партийных рядов, которую Бухарин пытался осуществить начиная с 1933 г., и представить по меньшей мере наивными простаками тех людей в партийном руководстве и аппарате, которые, было, выражали свое согласие с ним.

Однако, помимо таких далеко не второстепенных тонкостей, у процесса был еще один аспект, без которого и эти детали не приобрели бы подобного значения. Мало того что на глазах у потрясенного мира старых большевистских вождей обвиняли в контрреволюционном заговоре. Обвиняемые во всем признавались: они соглашались, что стали «предателями», что скатились в стан врагов, ведущих борьбу «против социализма», и ко всему прочему облекали эти признания в те же отталкивающие выражения, с какими обращался к ним Вышинский. Происходили диалоги такого типа:

Вышинский: «Обвиняемый Зиновьев, вы это подтверждаете?»

Зиновьев: «Да».

Вышинский: «Измена, вероломство, двурушничество?»

Зиновьев: «Да».

Или еще:

Вышинский: «Не находите ли вы, что это ничего общего не имеет с общественными идеалами?»

Каменев: «Оно имеет то общее, что имеет революция и контрреволюция».

Вышинский: «Значит, вы на стороне контрреволюции?»

Каменев: «Да»[44].

Вся выстроенная обвинением конструкция держалась на этих признаниях (позже мы вернемся к вопросу о том, каким образом они были получены), которые произносились, в частности, перед лицом представителей иностранной печати, присутствовавших на процессе. Начисто отсутствовали улики. Мало того, при рассмотрении самого детализированного обвинения — в убийстве Кирова — не было даже сделано попытки обратиться к материалам предыдущих процессов, особенно суда над главным исполнителем покушения, точно так же как к материалам расследования, проводившегося в этой связи. Все главные обвиняемые были приговорены к смерти. Приговор был приведен в исполнение через несколько дней.

Но этим процессом не завершалось дело. Еще до его проведения,

29 июля, на основании негласных так называемых предварительных выводов следствия всем партийным комитетам было разослано еще одно, совершенно секретное закрытое письмо, содержавшее чудовищные по своему значению утверждения, которые никто не в состоянии был ни проверить, ни опровергнуть. В нем говорилось, например, что «ряд террористических групп троцкистов и зиновьевцев раскрыт в Москве, Ленинграде, Горьком, Минске, Киеве, Баку и других городах». Мало того. Эти враги, заявлялось в письме, получили возможность орудовать в партии «под личиной коммунистов» только из-за «утери большевистской бдительности» в отдельных организациях. Часть их осталась в партии и после проверки партийных документов. В частности, отмечалось наличие «крепких гнезд» троцкистов и зиновьевцев «в ряде научно-исследовательских институтов Академии наук и некоторых других учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева и Минска». Письмо завершалось выводом: «Непременным качеством каждого большевика должно быть умение распознавать врагов партии, как бы хорошо они ни маскировались»[45].

Этот откровенный призыв искать тайных изменников в рядах самих коммунистов был брошен всего месяц спустя после того, как в Центральном Комитете была выражена тревога в связи с размахом непрерывно сменявших друг друга волн чисток[46]. То было начало массовых репрессий, которые на этот раз в первую очередь ударят по самой партии.

Провозглашение социализма

Поэтому атмосфера, в которой стране была представлена новая Конституция, складывалась отнюдь не благоприятной. А работа по обновлению текста основного закона Советского государства шла тем временем своим чередом. На основе календарных дат, приводящихся в соответствующих исторических работах, можно заключить, что избранная в феврале 1935 г. комиссия приступила к работе в июле того же года, разделившись на 12 подкомиссий, которые закончили выработку своих предложений в феврале — марте 1936 г. На протяжении двух последующих месяцев на этой базе был составлен первый вариант проекта, который был представлен Политбюро 13 мая 1936 г., а Пленуму Центрального Комитета — в первых числах июня[47]. Следует поэтому с некоторой осторожностью отнестись к заявлению Бухарина, якобы сделанному им во время своей последней поездки за границу (весной 1936 г.) о том, что текст Конституции целиком написан им самим с помощью Радека. Бухарин выполнял обязанности секретаря «комиссии 31». Этого еще недостаточно, чтобы считать документ целиком его собственным творением. Куда более убедительным выглядит предположение, что на новый текст Конституции значительное влияние оказали его идеи, как и вообще идеи «примирительного» течения, вобравшие в себя целый ряд высказывавшихся им мыслей[48].

После утверждения Центральным Комитетом ВКП(б) и Всесоюзным Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР проект Конституции был опубликован в печати для его всенародного обсуждения. Оно шло уже около месяца с небольшим, когда начался процесс Зиновьева и Каменева. Восьмой, и последний, съезд Советов Союза ССР был созван в конце ноября 1936 г. Он заслушал доклад Сталина и принял текст Конституции с некоторыми поправками, предложенными и прокомментированными самим Сталиным. 5 декабря 1936 г. новая Конституция была объявлена вступившей в силу.

Текст ее представлял собой огромный интерес и с большим вниманием был встречен также за рубежом. По сравнению со старыми конституциями 1918 и 1924 гг. в тексте было много важных новшеств. Отчасти они выражали и законодательно оформляли перемены, уже происшедшие в обществе; отчасти же имели программное значение, хотя Сталин особенно старался отрицать именно этот их аспект, утверждая, что Конституция является лишь «регистрацией и законодательным закреплением тех завоеваний, которые уже добыты и обеспечены»[49].

Из текста исчезла старая знаменитая преамбула: «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Вместо нее были помещены две раздельные главы: одна, первая по счету в новом тексте, излагала общественное устройство; другая (по нумерации это была глава X) была посвящена «основным правам и обязанностям граждан». СССР был провозглашен «социалистическим государством рабочих и крестьян». Его «политическую основу» составляют «Советы»; его «экономическую основу составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства». Эта последняя была представлена «государственной собственностью», определенной как «всенародное достояние», и «кооперативно-колхозной собственностью». Земля, ее недра, воды, леса объявлялись государственным достоянием, но земля, занимаемая колхозами, отдавалась им «в бесплатное и бессрочное пользование, то есть навечно». Признавалось, помимо этого, ограниченное право личной собственности и наследования. «Хозяйственная жизнь», как устанавливалось, «определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом». Труд был назван «обязанностью» и «делом чести» каждого гражданина[50].

Основным новшеством в государственном устройстве было исчезновение прежних областных, республиканских и всесоюзных съездов Советов, сохранявших, несмотря ни на что, тонкую историческую нить преемственности со своими революционными истоками. Их место теперь занимали представительные органы более традиционного типа. Они избирались путем прямого голосования всем населением и сохраняли название Советов, но были ближе к институтам парламентарного типа: районные, городские, областные, республиканские Советы — вплоть до Верховного Совета СССР, образован-

ного вместо прежнего ВЦИК. Как и ВЦИК, Верховный Совет представлял собой двухпалатную ассамблею, состоящую из Совета Союза и Совета Национальностей. Выборы отныне — и в этом заключалось другое нововведение — должны были стать не открытыми, то есть не в форме голосования путем поднятия руки на заводских или сельских собраниях, а тайными. Упразднялось различие в нормах представительства рабочих и крестьян. В выборах могли участвовать все достигшие 18-летнего возраста граждане, включая и тех, которые ранее были лишены избирательных прав как «бывшие эксплуататоры», но за исключением лиц, лишенных избирательных прав по суду, и умалишенных[51]. Следует, однако, отметить, что часть старых ограничений была отменена еще в 1934 г. одним из тех решений, которые знаменовали преобладание тенденции к восстановлению внутреннего мира[52].

«Законодательная власть СССР, — говорилось в статье 32, — осуществляется исключительно Верховным Советом СССР». Это предполагало радикальное изменение практики, ибо в предыдущие годы законы — пусть даже в форме «постановлений» — издавались самыми различными институтами, начиная с Секретариата ЦК. Сам Сталин заявил: «Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов»[53]. Но этому новому правилу, как и многим другим программным положениям новой Конституции, суждено было остаться на бумаге.

Лишь немногие изменения были внесены в отношения между Союзом ССР и входящими в него отдельными республиками. Число их значительно возросло и равнялось теперь одиннадцати: РСФСР, Украина, Белоруссия, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизия, Грузия, Армения и Азербайджан. Как можно видеть, старая Закавказская федерация, которая так и не завоевала реальной популярности у народов этого региона, была ликвидирована (решение об этом было принято в 1936 г.[54]) и каждая из входивших в нее республик самостоятельно вступила в Союз. Компетенции всесоюзного правительства в целом стали обширнее, чем в 1924 г.: об этом свидетельствовало, в частности, возросшее число объединенных наркоматов в центре. Таково было одно из последствий битвы за индустриализацию. Во многих статьях Конституции фиксировалось — и в этом было одно из главных новшеств — огромное расширение экономических задач, взятых на себя государством в СССР. Никогда прежде история не знала ничего подобного. Однако оперативное руководство этими новыми функциями было в основном сосредоточено в Москве.

В перечне прерогатив гражданина Конституция прежде всего провозглашала целый ряд новых социальных прав, никогда ранее не появлявшихся в документах такого рода: право на труд, право на отдых, на получение образования, на материальное обеспечение в старости или в случае потери трудоспособности по болезни или

из-за несчастного случая[55]. Эти принципы заслуженно обрели историческую известность. Каковы бы ни были пределы их практического применения в СССР тех лет, само их провозглашение было революционным начинанием. Призванные наполнить социальным смыслом вмешательство государства в экономику, они станут отныне непременным важным компонентом любой современной системы взглядов на гражданское общество и, следовательно, постоянно актуальной целью бесчисленного множества общественно-политических битв повсюду в мире. Никто более не сможет игнорировать их.

Для Конституции 1936 г. было характерно сочетание этих принципов с целой серией индивидуальных прав, заимствованных из либерально-демократической традиции: свободой совести, свободой слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, объединения в общественные организации, неприкосновенностью личности, жилища и тайны переписки. Был установлен парламентский иммунитет для депутатов Верховного Совета. О судах было сказано, что они «независимы и подчиняются только закону», «разбирательство дел во всех судах СССР открытое... с обеспечением обвиняемому права на защиту»[56].

Лишь один непривычный пункт прерывал этот замечательный перечень либеральных гарантий. В той же самой статье 126, посвященной праву объединения в общественные организации, добавлялось: «...а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную Коммунистическую Партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»[57]. То было не только законодательное оформление старой сталинской идеи о «приводных ремнях». Сама партия претерпевала институционализацию в рамках новой структуры государства — ничего похожего не предусматривалось предыдущими конституциями СССР.

Представляя собой противоречивый документ, советская Конституция 1936 г. заслуживает внимательного изучения не только потому, что формально она так и осталась основным законом Советского государства. В 1936 г. она не могла быть и не была применена. Какова бы ни была роль Бухарина в ее составлении, она была плодом дальновидной, но в данный момент потерпевшей поражение тенденции. Возможно, поэтому серьезными слабостями страдала и ее структура. По замыслу, она должна была стать великим демократическим и социалистическим документом. Между тем ее формулировки несли на себе печать оторванности от реальной политической действительности. Все тоньше становилась нить, ведущая к истокам подлинной традиции Советов и последующим дискуссиям большевиков о «рабочей демократии». Восполнить эту иссякающую связь с прошлым должны были бы новые нормы, опирающиеся на парла-

ментские принципы отправления демократии. Бухарин и другие представители интеллигенции в комиссии даже ставили вопрос о включении в избирательные бюллетени при голосовании не одного, а нескольких кандидатов[58]. Но все это были модели, весьма далекие от до- и послереволюционной, русской и советской, политической традиции: они не могли, очевидно, дать решения проблемы в тот период.

Ни один из этих вопросов не обсуждался публично. Правда, проект Конституции был выдвинут на «всенародное обсуждение». Назывались головокружительные цифры: сотни тысяч собраний, на которых присутствовало более 40 млн. человек и было внесено около 170 тыс. предложений о поправках и дополнениях[59]. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что почти все предложенные и преданные гласности поправки носили довольно второстепенный характер: в обсуждениях нет и следа столкновения идей, сравнимого с тем, какое сопровождало рождение Конституции 1924 г. Во всяком случае, сам тон обсуждения не был дискуссионным. То был, напротив, поток апологетических манифестаций, на которых превозносился даже не столько сам документ, сколько тот, кто провозглашался его творцом. Конституция была сразу же названа «сталинской», хотя основания к тому были довольно сомнительными. Заключительным актом этого коллективного выражения чувств явился VIII съезд Советов, вылившийся в сплошной поток славословия Сталину. Так, весь процесс утверждения проекта приобрел характер плебисцита, что исказило уже в момент рождения все содержание новой Конституции.

Представляя текст проекта съезду, Сталин провозгласил: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, то есть осуществило то, что у марксистов называется иначе первой, или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм»[60]. Тот же самый человек, который двенадцатью годами раньше заявил, что построение социализма в одной стране возможно, теперь возвещал, что социализм стал реальностью. Утверждение это не выдерживало критики во многих отношениях: даже обладая немалым числом социалистических черт, советское общество было далеко от тех представлений о социализме, какие сложились у его провозвестников. Свое утверждение Сталин сопроводил весьма поверхностным анализом социальной действительности, сформулированным в чрезвычайно упрощенных марксистских терминах. Все старые правящие классы, сказал он, исчезли, «ликвидированы». «Остался рабочий класс. Остался класс крестьян. Осталась интеллигенция». Но то были уже, говорил Сталин, совершенно «новые» социальные группы, целиком переменившие собственную природу и превратившиеся в нечто такое, «подобного которому не знала еще история человечества». Из этого следовало, по мнению Сталина, что экономические и политические противоречия между

этими группами, то есть в обществе в целом, «падают и стираются». Тем самым закладывались основы для концепции «монолитности» уже не только партии, но и всего общества; или, как вскоре начнут говорить, «морально-политического единства советского общества»[61].

Текст Конституции плохо согласовывался с подобным курсом. Понадобится целый год, прежде чем будут проведены предусмотренные ею выборы. Эти выборы состоялись 12 декабря 1937 г. и в свою очередь отличались теми плебисцитными формами, которые соответствовали сталинским концепциям: с единым кандидатом в бюллетене и примерно 99 % голосов «за». То был мрачный год в советской истории. Из 30 членов комиссии, которые вместе со Сталиным занимались составлением нового основного закона, 20 сошли со сцены во время массовых репрессий 1937 г. и последующего периода: 17 из них были арестованы и уничтожены, один покончил жизнь самоубийством и двое были полностью отстранены от участия в общественной жизни.

III. КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СТАХАНОВЦЫ

Индустриализация удается

Середина 30-х гг. ознаменовалась в СССР великим результатом: индустриализация становилась реальным фактом. Материальные и человеческие затраты оставались очень высокими, диспропорции — тревожно большими, достижения — не всегда соответствующими первоначальным наметкам, но основной итог был неоспоримым. По объему валовой промышленной продукции СССР стал в 1937 г. второй державой в мире; он еще намного отставал от Америки, но опережал любую отдельно взятую европейскую страну[1]. Советская крупная промышленность родилась и, что важнее, действовала. В те самые 30-е гг., когда после великого кризиса экономика капиталистических стран фактически топталась на месте, этот успешный итог вносил изменения в баланс мировых сил. В самом же Советском Союзе он имел целую серию важных последствий в области дальнейшей эволюции социальных структур, экономической географии, организации развивавшихся производительных сил.

Поправки, принятые в 1933—1934 гг., имели с точки зрения достижения этого успеха никак не меньшее значение, чем то колоссальное усилие, которое было предпринято в непосредственно предшествующие годы. Второй пятилетний план, более трезво рассчитанный, не столь отчаянно драматический, как первый, был столь же жизненно важным для индустриализации. Более сбалансированным выглядело то великое напряжение сил, которое предстояло населению страны. Не было попыток сократить срок выполнения плана. Капиталовложения были выше, чем в первой пятилетке, однако на протяжении первых двух лет они направлялись большей частью на завершение уже начатых строек[2], лишь позже возобновилось в широких масштабах новое промышленное строительство. В строй действующих вступили 4500 крупных предприятий, в числе которых и такие знаменитые, как Уралмаш или аналогичный гигант в Краматорске, могучие заводы заводов, предприятия по производству оборудования для металлургии и других отраслей тяжелой индустрии. По данным советской статистики, в конце пятилетки, в 1937 г., промышленное производство на 120 % превышало уровень 1932 г., то есть выросло более чем в четыре раза по сравнению с 1928 г. В 1937 г. в СССР было выплавлено 17,7 млн. *т* стали, добыто 128 млн. *т* угля, 28,5 млн. *т* нефти, выработано 36 млрд. *кВт·ч* электроэнергии, произведено 48,5 тыс. металлорежущих станков. Девятью годами раньше соответственно было произведено: 4,2 млн. *т* стали, 35,5 млн. *т* угля, 11,6 млн. *т* нефти, 2 тыс. станков, выработано 5 млрд. *кВт·ч* электроэнергии[3]. Это не значит, что план был выпол-

нен, как первоначально было задумано. Из числа приведенных данных, например, результаты в области металлургии и машиностроения соответствовали или даже превышали запланированные показатели, между тем как добыча топлива была ниже намеченного уровня. Тем не менее в целом вторая пятилетка была куда удачнее первой: по крайней мере в области тяжелой индустрии итоги соответствовали поставленным целям. Наиболее серьезная перестройка, которую план претерпел в ходе его выполнения, касалась, напротив, легкой промышленности, то есть как раз тех отраслей, которые по проекту, принятому XVII съездом партии, должны были быть поставлены в привилегированное положение. Показатели по всем этим отраслям оказались далеки от намеченных. Отставание их было более или менее сильным (бóльшим в текстильной промышленности, например, меньшим — в пищевой), но общим для всех, так что к концу пятилетки легкая промышленность не только не вышла вперед, как планировалось, но и еще больше отстала по сравнению с тяжелой индустрией, которая, напротив, в целом росла быстрее, чем предусматривалось.

Не исключено, что такого рода фундаментальное изменение плана в ходе его выполнения было результатом внутренней политической борьбы. Главные решения в каждом случае принимались Политбюро[4]. К сожалению, ничего не известно о спорах, которые шли на его заседаниях. Можно выявить лишь те объективные причины, которые способствовали сохранению преимущественного положения тяжелой индустрии, и в первую очередь оборонные усилия, которые оказали на выполнение второй пятилетки большее влияние, чем первой. С 1934 г. бюджетные ассигнования на оборону росли год от года[5]. За пятилетку военная промышленность почти утроила объем выпускаемой продукции, то есть росла быстрее любой другой отрасли; в 1936 г. все ее предприятия, по предложению Сталина, были сосредоточены под руководством специального наркомата. Капиталовложения на ее развитие изымались из других отраслей, которым первоначально предназначались. Примечательно, что производство тракторов, достигшее в 1936 г. внушительной цифры — 113 тыс. штук, год спустя резко упало (до 51 тыс.): вероятно, началась перестройка тракторных заводов для выпуска танков[6].

Требования, обусловленные нарастанием международной напряженности, еще не объясняют всего. Другой причиной затруднений в легкой промышленности был тяжелый процесс восстановления сельского хозяйства, которое не в состоянии было пока поставлять предприятиям сырье в достаточных количествах. Отставание объяснялось и причинами более общего характера. Рост тяжелой индустрии в значительной мере был обусловлен вступлением в строй предприятий, строительство которых началось в первой пятилетке, а легкая промышленность еще только ожидала новых заводов и фабрик. Между тем предприятия, которые должны были снабдить ее необходимым оборудованием, то и дело отвлекались от выполне-

ния этой задачи постоянным притоком новых, непредусмотренных заказов: для армии, для транспорта, для других отраслей тяжелой индустрии. Эти срочные задания выполнялись и перевыполнялись, в то время как заказы для легкой промышленности урезывались, а потом не выполнялись даже и в таком виде[7].

Здесь следует обратить внимание на другой существенный аспект второго пятилетнего плана. Делалось многое, чтобы ликвидировать или по крайней мере несколько расширить наиболее опасные узкие места экономики, грозившие парализовать все усилия предыдущей пятилетки. Но ликвидировать все такие узкие места не удалось. Большое внимание уделялось добывающей промышленности. В широких масштабах были развернуты геологические изыскания: до 1940 г. они обеспечили необходимыми ресурсами развитие страны во всех областях и выявили необыкновенное богатство природных запасов СССР[8]. Получив реалистический план, химическая промышленность выполнила его, увеличив выпуск продукции примерно в три раза. Помимо черной металлургии, было увеличено производство цветных металлов: золота, меди, алюминия, а также олова, никеля, сурьмы (что касается последних, то их производство впервые было налажено в СССР). Все эти участки ранее отставали. Ради преодоления этого отставания, что было необходимо для успешной работы тяжелой индустрии, вновь было принесено в жертву производство предметов потребления.

Самым серьезным узким местом, как помнит читатель, был транспорт. Его нормальная работа стала поэтому одним из первоочередных, ударных заданий плана. Существенного улучшения удалось добиться только в 1935 г. благодаря сосредоточению финансовых средств, производственных усилий и политической мобилизации. Железные дороги получили новое оборудование, их штаты увеличились. Были предприняты шаги к усилению также других видов транспорта, в частности речного флота; но решающим транспортным средством остались все же железные дороги. Партийные организации на железнодорожном транспорте были поставлены под руководство политотделов, назначенных сверху. Возглавлять всю транспортную сеть был поставлен Каганович. На новом посту он развил крайне энергичную деятельность, которую отличали также грубость и жестокость, позже вмененные ему в вину не только потому, что не диктовались необходимостью, но и потому, что наносили ущерб делу[9]. В целом транспортная система значительно прогрессировала и смогла обеспечивать перевозки, необходимые для работы всего хозяйственного организма. Тем не менее она осталась относительно отсталым участком народного хозяйства СССР. 60 % пассажирских вагонов, находившихся в эксплуатации накануне войны, были построены до 1914 г.[10]

Благодаря успехам в промышленном развитии СССР достиг значительной степени самообеспечения. В соответствии с требованием, поставленным еще в 1925 г., когда велись споры о «социализме

в одной стране», он превратился из импортера в производителя машин. Он стал в состоянии, иначе говоря, поставлять самому себе оборудование, необходимое для быстро растущей промышленности. За границей он мог теперь закупать только прототипы машин или особые установки; в 1937 г. такого рода закупки равнялись 9 % его потребностей[11]. Сокращены были и закупки металлов, поскольку теперь страна могла производить все большее количество металла, и причем как раз тех специальных сплавов, без которых не могли развиваться современное машиностроение и военная промышленность. Куда более скромными стали масштабы заграничных технических консультаций. Если гидростанция на Днепре была построена по американскому проекту, то ГЭС на реке Свирь под Ленинградом была спроектирована советскими специалистами (автором проекта был инженер, позже академик Графтио); ее строительство ознаменовало начало создания целой серии гидроэлектростанций, которые советские инженеры уже самостоятельно возведут на равнинных реках России. В период обострения протекционистских тенденций, отмечавшихся тогда повсюду в мире, экономическая независимость представляла собой важное завоевание.

Советская внешняя торговля претерпела резкое сокращение: с 1643 млн. рублей, высшей за все послереволюционное время точки, достигнутой в 1930 г., ее объем понизился до 477 млн. в 1935 г. и 271 млн. в 1939 г. В мировой торговле на долю СССР приходилось в 1938 г. чуть больше 1 % (по сравнению с 3—4 % в дореволюционное время), несмотря на бурное развитие его национальной экономики за минувшие годы[12]. Такое сокращение объяснялось в основе своей враждебностью окружающего его капиталистического мира; особенно заметно уменьшилась его торговля с Германией. Изоляция имела тем не менее и свои положительные стороны. Расплатившись по полученным ранее кредитам, СССР мог уже не вывозить то зерно, которое было столь необходимо для внутреннего потребления. С другой стороны, впрочем, увеличение добычи золота обеспечивало ему другие средства для оплаты закупок.

На базе достижений второй пятилетки был составлен третий пятилетний план, рассчитанный на период 1938—1942 гг. Он также был обнародован с опозданием, только в марте 1939 г., на XVIII съезде ВКП(б), то есть год спустя после того, как уже должно было начаться его осуществление. Частичная реализация третьей пятилетки потребует отдельного рассмотрения. Дело не только в том, что выполнение плана было прервано гитлеровской агрессией, но также в том, что сам ход его выполнения оказался под воздействием ряда исключительных обстоятельств, важным, но не единственным среди которых было приближение войны. Тем не менее кое-что об идеях этого плана следует сказать уже здесь, ибо эти идеи входят составной частью в общий процесс индустриализации СССР в довоенный период. С принятием третьего пятилетнего плана впервые была практически сформулирована так называемая основная

экономическая задача СССР: «...*догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени*»[13]. В экономическом отношении, объяснил на XVIII съезде Сталин, это значит, что выпуск промышленной продукции нужно оценивать уже не только в абсолютном исчислении, но и на душу населения. В этом смысле СССР еще намного отставал не только от Америки, но и от главных европейских стран: благодаря своим размерам он превзошел эти страны только с точки зрения общего объема промышленного производства[14]. Честолюбивые замыслы добиться ускоренного развития легкой промышленности по сравнению с тяжелой индустрией были окончательно отставлены в сторону: третья пятилетка была задумана как план, отдающий приоритет вооружению, топливу, особым сталям, химии; несмотря на достигнутые успехи, химическая промышленность в СССР продолжала оставаться менее развитой, чем в других странах.

Значение индустриализации для общества

Довоенные пятилетки в целом существенно изменили экономическую географию СССР. Развитие огромной страны не было, да и не могло быть неким единообразным процессом. Старые индустриальные районы сохраняли свою ведущую роль и наибольшую насыщенность промышленными предприятиями, они же поглощали пока и наибольшую долю капиталовложений. Тем не менее перемещение на Восток становилось все более выраженной тенденцией. Непрерывно рос удельный вес Урала: Свердловская и Челябинская области относились теперь к числу наиболее важных промышленных районов. Во второй пятилетке началась и в третьей получила дальнейшее расширение эксплуатация нефтяных месторождений между Волгой и Уралом, в обширном районе, названном «вторым Баку»[15]. Поиски и добыча цветных металлов привели промышленность туда, где раньше ее не было вовсе, в частности в Казахстан. Здесь началось освоение угольного бассейна Караганды. Этот небольшой центр за несколько лет превратился в крупный город. Новые предприятия вырастали и в отдаленных от центра зонах, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Географическое распространение промышленности явилось одним из тех факторов, которые наиболее положительно повлияли на национальную политику в СССР. Самостоятельность отдельных республик, конечно, не выросла за годы индустриализации. Происходило, скорее, нечто противоположное. Все они зависели от единого плана и единого бюджета. Все управлялись из Москвы. Деспотические проявления сталинской власти, как признают в ретроспективном плане некоторые советские авторы, могли лишь усугублять эту сторону дела[16]. Тем не менее с точки зрения промышленного

развития нерусские республики не только не подвергались дискриминации, но и оказывались в предпочтительном положении всякий раз, когда экономические соображения или другие факторы общего порядка не были тому препятствием. Некоторые из них развивались быстрее, чем остальные части страны. Расходы по бюджету в Казахстане и Киргизии во второй пятилетке были в процентном отношении вдвое более высокими, чем в целом по СССР[17]. Узбекистан и вся Средняя Азия не только выращивали хлопок, который оплачивался более высоко, чем русская пшеница, но и строили фабрики по переработке этого хлопка.

В самой Российской федерации те восточные районы, где возникали новые предприятия, были по большей части областями с преобладанием нерусского населения, например татар или башкир. Хотя начальное ядро персонала новых заводов, как правило, составляли выходцы из старых промышленных областей, вокруг них впервые начинал складываться местный рабочий класс. Совершенно новые идеи и представления прокладывали себе путь на ранее крайне отсталую периферию страны; бывшие окраины теперь активно включались в хозяйственные преобразования огромного размаха и динамизма, сопровождающиеся соответственным расширением возможностей социального продвижения. Подтвержденное Конституцией 1936 г. право отдельных республик на отделение было чисто формальным, как и многие другие принципы, провозглашенные в этом документе; важно отметить, однако, что всеобщая индустриализация содействовала тому, что это право в известной мере становилось анахронизмом.

Начатое индустриальное преобразование старой колониальной окраины России было составной частью того глобального процесса обновления, который продолжался повсюду в стране. Численность населения вновь стала расти и, как показала перепись 1939 г., превысила 170 млн. человек. Жители городов составляли 33 % населения, если в число их включить и жителей тех до недавнего времени просто деревень, которые за несколько лет превратились в малые или средние города[18]. Отток населения из деревень, таким образом, продолжался, хотя и не в столь массовом масштабе, как в первую пятилетку: в 1934 и 1935 гг. в города переселялось 2,5 млн. человек в год[19].

Число лиц, занятых в народном хозяйстве — как в отраслях материального производства, так и в других секторах, — увеличилось с 22 млн. в 1932 г. до 26,7 млн. в 1937 г., а затем — до 31 млн. в 1940 г. Число занятых в промышленности выросло соответственно с 8 млн. до 10,1 и затем до 11 млн. Рост, таким образом, продолжался, но замедленнее, чем в первой пятилетке. В некоторых других отраслях увеличение было более быстрым: на транспорте, например, число занятых выросло с 2 млн. человек в 1932 г. до 3,5 млн. в 1940 г. Еще более впечатляющий рост отмечался в области образования: численность персонала в системе Наркомпроса за тот же период

удвоилась: с 1,3 млн. до 2,7 млн. человек. Также удвоилось число занятых в здравоохранении и научно-исследовательских учреждениях[20]. Эти цифры показывают, что индустриализация по мере своего успеха начинала приносить благотворные плоды не только в виде одного лишь усиления экономического потенциала страны.

Число промышленных рабочих в 1938 г. превысило 8 млн. После застоя, отмечавшегося в наиболее критические годы (1932 и 1933), их ряды вновь стали расти в 1934—1935 гг., когда на заводы и фабрики пришли еще 1 млн. человек[21]. В подавляющем своем большинстве это были по-прежнему жители деревни. Организованный набор посредством прямых контактов между представителями предприятий и крестьянами, состоящими или не состоящими в колхозах, приобрел большее значение. По одному из подсчетов того времени, потребность в дополнительной рабочей силе на протяжении второй пятилетки удовлетворялась за счет следующих источников: около 1,5 млн. молодых рабочих пришли из профучилищ, 1 млн. человек составляли бывшие домохозяйки и другие категории трудовых ресурсов, имевшихся в городах, и почти 2,5 млн. человек пришли из деревень[22].

Еще в середине второй пятилетки доля молодежи среди рабочих была очень высока: более трети были моложе 23 лет. Затем средний возраст стал повышаться. Во всех сферах занятости — как промышленной, так и иного рода — весьма быстро рос удельный вес женского труда: за годы второй пятилетки работу в народном хозяйстве получили свыше 3 млн. женщин. Тенденция усилилась по мере приближения войны настолько, что в 1939 г. среди работавших в промышленности женщины составляли уже 42 %[23]. Намного сократилась, напротив, численность занятых в строительстве; она стабилизировалась на уровне около 1,5 млн. человек. Дело в том, что на строительных площадках работа велась уже не только с помощью заступов и тачек, как в первые годы индустриализации, но с использованием все большего числа машин и механизмов. Многие строители первой пятилетки определились на постоянную работу на тех самых заводах и фабриках, которые были воздвигнуты их собственными руками[24].

Рабочие и новая техника

Проблемы, порожденные ускоренным формированием нового пролетариата, не были сняты с повестки дня. Высоким продолжал оставаться процент брака, особенно у рабочих, только-только начавших трудиться на промышленных предприятиях. Частыми были прогулы, опоздания, отсутствовала дисциплина[25]. С 1937 г. на заводах даже начала ощущаться нехватка рабочей силы. В годы третьей пятилетки увеличение числа рабочих достигалось уже с трудом. Это усилило текучесть рабочей силы, устранить которую полностью так и не удалось: в 1939 г. 39 % рабочих трудились на своем предприятии менее года[26]. Трудности, обусловленные всем этим, были

столь велики, что для их преодоления понадобился целый комплекс драконовских законов, к которым у нас будет повод еще вернуться[27].

Несмотря на многочисленные препятствия, вторая пятилетка ознаменовалась большими успехами в повышении качества труда. Для страны то были годы по-прежнему тяжелой работы. И в эти годы не было недостатка в примерах нечеловечески напряженных, подлинно героических строек, вроде сооружения огромного медеплавильного завода на берегах озера Балхаш, посреди пустыни, куда не было пока даже железнодорожного пути. Большого напряжения требовал и пуск уже построенных предприятий. Но в целом обстановку отличала тенденция к нормализации. Сформулированная вначале задача «стать хозяевами» новых машин и технологии в общем была решена. Производительность труда, по советским подсчетам, выросла на 82 %, то есть более чем вдвое по сравнению с первой пятилеткой. Увеличение выпуска продукции было лишь в меньшей части достигнуто за счет увеличения числа работающих, а в большей — благодаря более эффективному и рентабельному использованию новой техники. В сравнении с годами первого пятилетнего плана картина была, таким образом, прямо противоположной[28]. По существу, именно это подразумевается, когда говорят, что созданная в такой спешке советская индустрия в годы второй пятилетки доказала свою способность функционировать. В действие ее привел рабочий класс, в подавляющем большинстве своем состоявший из только что перебравшихся в город крестьян; для многих из них это означало совершить скачок от сохи к уже довольно развитой машинной технике 30-х гг. нашего столетия (а вовсе не к той технике, которая существовала на Западе многие десятилетия раньше, когда там развернулся процесс индустриализации).

Одним из факторов, способствовавших совершению этого перехода, было знаменитое стахановское движение — одновременно продолжение и качественно новое развитие социалистического соревнования предыдущего этапа. Это движение подготовило благоприятную атмосферу в том смысле, что уже создало в обществе привычку к публичному прославлению отдельных работников, показавших выдающиеся результаты в труде. Но старых его форм было уже недостаточно. Необходимо было стимулировать максимально эффективное использование того машинного оборудования, которое страна приобретала с таким трудом. Многое было предпринято, чтобы улучшить подготовку молодых рабочих. Там, где для этого имелась возможность, их обучали в школах фабрично-заводского ученичества. Но подавляющее большинство приходилось учить прямо на рабочем месте, в ходе самого производственного процесса. Велась кампания за овладение «техминимумом»: на специально устроенном экзамене рабочие должны были продемонстрировать владение наиболее элементарными техническими знаниями. Введенная раньше сдельная оплата получила в 1934—1935 гг. широкое распространение. Применялась и так называемая сдельно-прогрессивная оплата —

более высокое и постепенно возрастающее вознаграждение по мере превышения нормы.

В 1935 г. по-прежнему возглавлявший тяжелую индустрию Орджоникидзе был занят как раз поисками путей пересмотра норм, установленных в начале пятилетки на весьма низких уровнях[29]. В этих условиях и развилось новое движение, стимулируемое и питаемое партией, которая даже в этот мучительно трудный период своей истории демонстрировала тем самым немалую способность к инициативе.

В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. донецкий шахтер Алексей Стаханов, поощряемый местной партийной организацией, провел в своей шахте смелый эксперимент. Своим пневматическим отбойным молотком он вырубил 102 *т* угля, что в 14 раз превышало обычную сменную норму. Секрет заключался в следующем: обычно шахтер рубил уголь, а затем крепил лаву в забое; Стаханов занялся только первой операцией, оставив вторую двум помощникам, которые спустились с ним в шахту. Он доказал тем самым, насколько производительнее может быть отбойный молоток, если использовать его практически без перерывов[30]. На следующий день сообщение об этом было помещено на видном месте в донецкой печати, а затем подхвачено и разнесено по всей стране центральной прессой. Партийная организация Донбасса высоко оценила почин и одобрила вызовы на соревнование между шахтерами. В ходе его дальнейшего развития было доказано, что и результат, достигнутый Стахановым, не предел.

По всей стране началась широкая кампания с целью вызвать аналогичные начинания не только в смежных областях, но и в других отраслях промышленности. Газеты заполнились сообщениями о разных рекордах, поставленных на тех или иных предприятиях. Внезапно знаменитыми стали накануне еще никому не известные Дюканов, Бусыгин, Изотов, Кривонос, Мазай, Евдокия и Мария Виноградовы, не говоря уже о самом Стаханове. В ноябре в Москве собрались на совещание наиболее известные стахановцы страны. На совещании выступили многие из крупнейших партийных руководителей, включая самого Сталина. «Стахановское движение, — сказал он, — представляет будущность нашей индустрии»[31].

Хотя внимание общественности к этому явлению привлекалось путем прославления отдельных героев и их рекордов, глубинное его значение состояло в другом. Достижение Стаханова, как мы видели, в сущности своей было результатом иного разделения труда, что дало возможность лучше использовать потенциальные возможности техники. Аналогичные изменения позволяли достигать поразительных результатов не только в горнодобывающей промышленности. Здесь-то и крылся наиболее ценный элемент начинания. Речь шла о том, прямо заявил Орджоникидзе, чтобы сделать популярным разделение труда на базе новой техники и наглядно показать, какие резервы огромного увеличения производительности труда таятся

в соответствующей организации производства[32]. Движение носило поэтому наставительно-воспитательные черты. Требовалось, однако, от необыкновенных подвигов одиночек перейти к такому положению, когда явление получило бы массовый характер, — таков был смысл постановления, принятого Центральным Комитетом в конце 1935 г.[33]

Первые стахановцы прославились и получили весьма высокое вознаграждение. Наиболее известным из них были вручены новые награды, учрежденные Советским государством: орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени. Начиная с 1938 г. им стали присваивать самое высокое звание: Герой Социалистического Труда[34]. Многие из них получили назначения на руководящие посты в промышленности. Движение вызвало очень широкие последствия. Оно ознаменовало постепенное повышение норм, опирающееся на стимулы, заложенные в более дифференцированном «веере» зарплаты. Правда, цель достичь технических норм, то есть норм, соответствующих объективным возможностям новой техники, вместо практиковавшихся вплоть до этой поры среднестатистических норм, так и не была реализована. Но новые методы труда получили все же широкое распространение: на 1 января 1938 г. четверть всех рабочих считалась стахановцами[35].

Много речей в те годы было произнесено по поводу того глухого сопротивления, на которое наталкивалось стахановское движение. Действительно, факты противодействия со стороны рабочих имели место, подобно тому, как это было на протяжении первых фаз социалистического соревнования[36]. Менее ясен смысл обвинений, выдвигавшихся тогда в адрес многочисленных руководящих работников. Уже вскоре эти обвинения слились воедино с более широкими сталинскими обличениями целого ряда категорий руководителей промежуточного звена, в лице которых народу были указаны его «враги». В подобных условиях весьма нелегко установить, где кончается консервативное сопротивление стахановцам, как о том официально говорилось, и где начинаются, напротив, более глубокие противоречия, обусловленные теми проблемами, которые стахановские методы порождали, особенно в отраслях, где их применение представляло собой более трудное дело, нежели в угледобыче. Да и сам тот факт, что отдельные труженики или группы тружеников ставились в привилегированное положение, способен был еще вызывать возражения во имя старых эгалитарных идеалов. Именно против них настойчиво обращались своим острием полемические выпады Сталина, подчеркивавшего, что вознаграждение при социализме, по известной формуле Маркса, происходит не по потребностям, «а по той работе, которую он произвел для общества»[37].

Советская торговля

Стахановское движение и повышение производительности труда были бы невозможны, если бы одновременно не улучшались условия

жизни. Та же дифференциация зарплаты мало чем могла бы помочь, если бы не выросла товарная масса. Начиная с 1934 г. прогресс был несомненным. Увеличивалась не только номинальная зарплата как ответ на значительное повышение цен; вновь начала расти и реальная оплата труда: за период с 1932 по 1940 г. (когда она вновь достигла уровня 1928 г.) ее рост составил 30—35 %[38]. К тому же в семьях тем временем увеличилось число работающих, что также способствовало увеличению их доходов[39].

После принятого в ноябре 1934 г. решения на протяжении года была отменена карточная система. В январе 1935 г. были отменены карточки на хлеб и муку, 1 октября — на другие продовольственные товары, 1 января 1936 г. — на все остальные товары, ранее отпускавшиеся по карточкам. Мероприятие было подготовлено и проведено постепенно. В период наибольшей нехватки всего во время первой пятилетки некоторые рационированные товары были пущены в свободную продажу в нескольких государственных магазинах по так называемым коммерческим ценам, то есть ценам, намного более высоким, чем те, по которым те же предметы приобретались по карточкам. В 1933—1934 гг. такая система была распространена и на продовольственные товары. Отмена карточек повлекла за собой установление новых цен, которые находились между карточными и коммерческими, но ближе ко вторым, чем к первым. Отсюда и необходимое повышение зарплаты[40].

Большее развитие в этот период получила и система советской торговли. Истребленная во время первой пятилетки частная торговля нашла свое последнее прибежище лишь на колхозных рынках, о которых мы должны будем сказать особо. Что же касается торговли, контролируемой государством, то на первых порах она носила весьма примитивный характер. Магазинов было мало. В тех из них, которые вели открытую торговлю, продавались товары по карточкам и без какого-либо выбора. Другие магазины носили закрытый характер в том смысле, что доступ в них — для приобретения тех же товаров — имели лишь категории с особыми правами: технические специалисты, руководящие работники, иностранцы, рабочие-ударники, премированные специальными талонами, и т. д. Имелись, наконец, магазины, в которых торговля велась по коммерческим ценам, а в некоторых случаях — даже на золото и конвертируемую иностранную валюту.

С отменой карточек эта система претерпела изменения. Оставшиеся в руках государства товарные запасы быстро увеличивались. Нужно было организовать их сбыт. Различие было сохранено между государственной и кооперативной торговлей: постановлением от сентября 1935 г. сферы их действия были разграничены таким образом, что первая призвана была действовать в городах, а вторая — в сельской местности. Однако, если отвлечься от такого ведомственного подразделения, разница между двумя торговыми сетями была, скорее, формальной, потому что и кооперативная торговля носила

в большей степени огосударствленный характер, то есть попросту призвана была продавать те товары, которые поступали от государства. По сравнению с собственно государственной это была, пожалуй, просто торговля второго сорта, ибо ее отличали более скудное оборудование и меньший выбор товаров. В 1935 г. на государственную торговлю приходилось 77 % всего торгового оборота в стране[41].

Начали появляться и распространяться крупные магазины. Их вывески — «Гастроном» или «Универмаг», в зависимости от того, продавались ли в них продовольственные продукты или потребительские товары, — вошли постоянной составной частью в панораму советских городов. Они призваны были служить образцом и подчинялись непосредственно Наркомату торговли, которым руководил предприимчивый Микоян; уже тогда он совершил поездку в Соединенные Штаты для изучения американских методов торговли, поклонником которых был. Тем не менее торговая сеть оставалась бедной: торговых точек не хватало, лишь изредка попадались специализированные магазины, чаще же всего — магазины, в которых торговали всем сразу; в особенности это было правилом для села. Хотя товарные запасы увеличивались и торговля придавала советской улице несколько более оживленный вид, нехватка товаров оставалась неизменно острой, правда, не достигая драматической остроты времен первой пятилетки; но в этом находило свое отражение невыполнение программы развития легкой промышленности. После наиболее благоприятной в этом отношении фазы, которая пришлась на 1936—1937 гг., явление в дальнейшем вновь обострилось. В 1940 г. 70—75 % реализуемых через розничную торговлю товаров снова принадлежало к категории остродефицитных и потому распределяемых в централизованном порядке[42].

В 1934 г. советские люди вступили в полосу возобновившегося роста потребления; это была вместе с тем и полоса ускоренного роста потребностей, обусловленных бурным развитием страны. Прогресс был, и его можно было зафиксировать, но в рамках и на фоне существования, продолжавшего оставаться спартанским. В бюджетах рабочих семей Ленинграда больше половины всех расходов по-прежнему приходилось на продукты питания[43]. Ликвидация карточной системы повлекла за собой резкое сокращение сети общественного питания на предприятиях, да и цены в заводских столовых уже не так выгодно отличались от рыночных, как прежде[44]. Жилищное строительство велось несколько более скорыми темпами, чем в первой пятилетке, но все равно еле поспевало за увеличением численности городского населения[45]. Куда более существенными зато стали социальные льготы, ибо расходы на эти нужды и на удовлетворение культурных потребностей народа выросли за годы второй пятилетки в четыре раза[46]. Школьное образование было бесплатным, медицинское обслуживание — тоже; более ощутимыми сделались пенсии и другие выплаты по социальному страхованию.

Организация народного хозяйства

Эволюция профсоюзов отражала все, что происходило в мире труда. Отражая в высшей степени интересы государства, они по-прежнему охватывали подавляющее большинство трудящихся: в 1937 г. в их рядах насчитывалось 22 млн. человек[47]. В управлении системой социального обеспечения и организации различных форм социалистического соревнования, и в том числе стахановского движения, они обрели наконец главное поприще своей деятельности и, следовательно, свое постоянное место в обществе.

Наряду с этим более ясные черты получила и вся экономическая структура, в которой развились многочисленные характерные особенности, появившиеся в период первого пятилетнего плана. Процесс этот также не был прямолинейным. Корректировка хозяйственной политики, произведенная в ходе составления второго пятилетнего плана, сопровождалась попыткой связать все промышленное производство с более последовательно проводимыми принципами хозрасчета. Началась кампания за то, чтобы и тяжелая индустрия работала без государственных дотаций, превратив в рентабельные все свои предприятия. Кампания началась в конце 1933 г. по инициативе одного из крупнейших металлургических заводов — Макеевского, на юге, — которым руководил тогда энергичный кавказец Гвахария, один из тех раскаявшихся бывших троцкистов, которых Орджоникидзе взял под свою опеку[48]. Макеевский завод первым отказался от правительственных дотаций на основе комплекса мер по снижению себестоимости, призванных служить примером для всей страны. В этой кампании были достигнуты немалые успехи. В 1936 г. была введена новая система оптовых цен, более высоких для тяжелой индустрии, с тем чтобы сделать ее целиком рентабельной и, таким образом, более активно участвующей в процессе накопления. Но в 1938 г. эта группа отраслей в целом снова попала в число убыточных и смогла добиться бездефицитного баланса на протяжении последующих двух лет лишь благодаря дальнейшему увеличению цен на свою продукцию[49]. Несравненно более важным источником накопления оставался «налог с оборота», начислявшийся в основном на цены сельскохозяйственных продуктов и изделий легкой промышленности[50].

Так сформировалось то, что позже было охарактеризовано как «сталинская модель» экономики[51]. Верно или неверно это определение, факт тот, что именно по этой модели действовала советская экономика при Сталине. Количественные показатели промышленного производства в этой модели обладали четким приоритетом в сравнении с любыми другими соображениями, даже когда предпринимались усилия по улучшению других аспектов производства (качества, себестоимости и т. д.). Понятие планирования расширилось до того, что стало включать в себя не только составление перспективных программ, но и элементы текущего управления. Планом, иначе гово-

ря, стала не только пятилетка, но и та совокупность заданий, которые получало на протяжении года каждое предприятие. Госплан представлял собой орган координации различных отраслевых программ с целью установления баланса между ресурсами, необходимыми для получения требуемых производственных результатов. Сам пятилетний план изменялся на протяжении его осуществления с тем, чтобы обеспечить выполнение «ударных задач», то есть экстренных или непредусмотренных заданий, внезапно приобретавших первоочередной характер. Самостоятельность предприятий была минимальной: сверху им назначались не только те или иные производственные задания с заранее указанными поставщиками и клиентами, но также показатели по отдельным аспектам их деятельности (штаты, зарплата, себестоимость и т. д.), нередко охватывавшие самые мелкие детали. В соответствии с принципом жесткой централизации все предприятия подчинялись определенным наркоматам в лице их главков. Растущие масштабы народного хозяйства вскоре потребовали более дробного подразделения технических наркоматов, начиная с Наркомата тяжелой промышленности: в 1940 г. насчитывался уже 21 наркомат, возникший в результате такого отпочкования.

Рост оборонной мощи

Успех индустриализации повлек за собой, наконец, еще один очень важный в те годы нарастания международной напряженности результат: он создал условия для значительного роста военной мощи СССР. В середине 30-х гг. в организации Советских Вооруженных Сил произошел подлинный качественный сдвиг: если на протяжении всех 20-х гг. их численность оставалась на уровне менее 600 тыс. человек, то еще до конца 1937 г. она повысилась до 1433 тыс.[52] Дело, впрочем, было не только в количественном росте. Начиная с 1935 г. частично действовавшая еще система территориальной милиции была мало-помалу упразднена и заменена системой постоянной кадровой армии; это преобразование было завершено в 1938 г. Конституция 1936 г. установила принцип всеобщей воинской обязанности[53]. Увеличилось число военных академий для формирования высших командных кадров и военных училищ для подготовки офицерского состава: соответственно до 13 и 75 к концу второй пятилетки[54]. Были возрождены ступени воинской иерархии, хотя и с другими наименованиями, чем до революции. Полностью реформированы были и центральные органы командования. Старый Реввоенсовет, рожденный в гражданской войне, был распущен. Возросла, напротив, весомость Наркомата обороны, неизменно возглавлявшегося Ворошиловым, и Генерального штаба под руководством Егорова.

Этим переменам сопутствовало коренное техническое переоснащение Вооруженных Сил. Например, артиллерия, которая была одним из сильных родов войск и в старой царской армии, улучшилась качественно и увеличилась количественно: с 7 тыс. стволов в 1929 г.

до 46 тыс. в 1939 г. Самый ощутимый прогресс, однако, был отмечен в области тех видов вооружения — авиации и танков, — которые, находясь во время первой мировой войны еще на эмбриональной стадии развития, теперь считались воплощением новаторской военной мысли, решающим средством в будущей войне. В 1929 г. они составляли менее 10 % военных средств СССР. Во время первой пятилетки было налажено серийное производство танков, пока еще легких, которые вскоре окажутся устаревшими, но этим был начат процесс совершенствования данного вида военной техники. Нечто аналогичное происходило и в области авиации: самолеты, состоявшие на вооружении в 1929 г., были малочисленными и почти все разведывательными; в 1938 г. при весьма возросшей численности советская авиация состояла уже на 90 % из истребителей и бомбардировщиков[55]. Из 75 военных училищ 18 готовили авиаторов и 9 — танкистов. Главным поборником и вдохновителем такой технической перестройки Вооруженных Сил был Тухачевский, заместитель наркома обороны по военной подготовке и теоретик мобильной войны с использованием новейших моторизованных средств: именно в СССР под его руководством был осуществлен первый опыт оперативного использования парашютно-десантных войск[56].

Современная по своему техническому оснащению, Красная Армия все более отдалялась от своего первоначального облика, сложившегося в гражданской войне, и все более приобретала черты классических вооруженных сил великой державы. Тем не менее она по-прежнему была сильно политизирована. Не следует забывать, что Сталин рассматривал ее не только как военный механизм, но и как «приводной ремень». Доля коммунистов в армии была выше, чем где бы то ни было: 25,6 % в 1934 г.[57] Полномочия командиров были значительно расширены, а комиссары исчезли; но Главное политуправление армии со своими представителями в каждом подразделении и разветвленной сетью армейских партийных организаций продолжало оставаться важной составной частью системы командования. Возглавлял его Ян Гамарник, политический деятель, бывший в то же время заместителем Ворошилова наравне с Тухачевским. Подготовкой страны к обороне занималась, помимо этого, мощная гражданская военизированная ассоциация — Осоавиахим, насчитывавший свыше 10 млн. членов и обладавший весьма значительными средствами. Главной его задачей была подготовка молодежи к службе в армии и приобщение юношей и девушек к военной технике. Именно в Осоавиахиме, в частности, были проведены первые эксперименты с реактивными двигателями, которые стали прообразом нынешних космических ракет[58].

С индустриализацией и развитием военной техники сильный импульс получили также научные исследования. Возник целый ряд специализированных институтов. В подавляющем большинстве своем они входили в систему Академии наук, ставшей главным координационным центром научных исследований. У этого старого, дорево-

люционного учреждения была долгая история. Отношения Академии с Советской властью были нелегкими: последние конфликты имели место в начале 30-х гг., когда были предприняты попытки подчинить плановому началу деятельность Академии. Тем не менее к середине десятилетия она превратилась в обширный не только научный, но и административный комплекс, подчиненный непосредственно правительству, но сохранивший целый ряд вольностей и привилегий. Развитие науки получило сильный толчок. Помимо Академии наук возникли также другие специализированные научные учреждения — по сельскому хозяйству, медицине, технике и технологии, подчиненные непосредственно отраслевым наркоматам.

Успехи науки и Советской страны в целом в ту пору многократно подчеркивались подвигами и рекордами, поражавшими воображение и возбуждавшими энтузиазм не меньше, чем полет искусственных спутников Земли двумя десятилетиями позже. Начало им положили в 1932 г. попытки проложить морской путь из Мурманска во Владивосток через Арктику. Зимой 1933/34 г. массы людей с замиранием сердца следили за судьбой челюскинцев — экипажа судна, затертого и раздавленного льдами; после нескольких недель пребывания в ледовом лагере они были спасены летчиками. Такой же подъем энтузиазма вызвали несколько лет спустя ошеломительные подвиги советских авиаторов, установленные ими первые мировые рекорды: самым знаменитым явился в 1937 г. беспосадочный перелет Чкалова из Москвы в Америку через Северный полюс.

Все эти эпизоды имели большое символическое значение. Страна рывком продвинулась вперед. Ко всему прочему, она продвинулась по совершенно новому пути, без кредитов и иностранных капиталов, без пружины в виде частной прибыли, но во имя коллективных интересов, хотя и сформулированных и выраженных волей верховной власти. Быстро выросшая экономика находилась целиком в руках государства. К концу второй пятилетки государственной была практически вся промышленность, как крупная, так и средняя и мелкая; государственной была и торговля: оптовая, внешняя и внутренняя. Впрочем, государственным, как вскоре мы убедимся, был также контроль над всеми формами производства, даже не зависящими непосредственно от государства. Прогресс, которого добилась страна, выглядел еще более рельефно на фоне кризиса всего остального мира. Разумеется, Россия и на исходной черте не могла считаться слаборазвитой страной; это можно было сказать самое большее лишь о некоторых ее, правда весьма обширных, частях. Теперь и эти территории были охвачены процессом всеобщего преобразования. Каждый шаг вперед был оплачен дорогой ценой; настолько дорогой, что следы ее еще долго не исчезнут. Но результаты наконец начинали консолидироваться. В историю развития человечества была вписана новая глава, и это добавляло еще один мотив к тем, которые привлекали к СССР такое множество симпатий и внимательных взоров.

IV. КОМПРОМИСС В ДЕРЕВНЕ

Колхозный съезд и колхозный Устав

Во второй половине 30-х гг. была доведена до конца и коллективизация. Для социального преобразования страны завершение этого трудного дела было не менее важным фактором, чем создание крупной промышленности. Однако результаты его в силу средств и методов, примененных для их достижения, были отнюдь не положительными. К концу 1932 г. 211 тыс. колхозов объединяли 14,7 млн. крестьянских дворов, что составляло 61,5 % общего их числа. В октябре 1934 г. этот показатель возрос до 71,4 %, в июле 1935 г. — до 83,2, к концу 1937 г. он составил 93 и к середине 1940 г. — 97 %. Непрерывное увеличение процента коллективизации не отражает всей сложности явления, ибо процент этот выведен на основе резко сократившегося числа крестьянских дворов. С 1 января 1933 г. по 1 апреля 1935 г. — решающий период для закрепления достигнутого в процессе коллективизации — число единоличных хозяйств уменьшилось на 4,8 млн. единиц, однако в колхозы вступило лишь 2,1 млн., остальные просто прекратили существование. До начала коллективизации насчитывалось около 25 млн. дворов; к началу 1933 г. их оставалось еще 23,7 млн.; к апрелю 1935 г. — 21 млн. и к концу 1937 г. — меньше 20 млн. В 1940 г. в колхозах числилось 18 661 300 дворов, представлявших без малого 100 % крестьянских хозяйств[1]. Значительное численное уменьшение объяснялось уходом в города, а также — особенно в 1933—1934 гг. — большим сокращением населения в самих деревнях.

Завершению коллективизации способствовали важные элементы компромисса, которые по ходу дела были в нее введены. Возобновление колхозного наступления после тяжелого кризиса зимой 1933/34 г. опиралось на итоги дискуссий по вопросам сельского хозяйства, состоявшихся в Центральном Комитете партии, и на совещаниях секретарей обкомов во второй половине 1934 г.[2], то есть в то время, когда всего сильнее было то направление, которое мы условно обозначим как «кировскую тенденцию». Это вовсе не значит, что начиная с какого-то момента вступление в колхозы крестьян, остававшихся вне коллективных хозяйств, сделалось просто делом их доброй воли. На них оказывалось сильное давление: взимались бо́льшие налоги, устанавливались более высокие, чем для колхозников, заготовительные нормы, хотя нормы в колхозе были и без того весьма обременительными. Инициатива введения этих мер, как утверждают, исходила лично от Сталина[3]. В то же время в ход были пущены некоторые реальные стимулы и средства убеждения. Даже после вступления в колхоз крестьянину предоставлялось небольшое личное хозяйство: клочок земли и хлев.

По правде говоря, и после катастрофических перегибов зимы 1929/30 г. колхозник сохранял право собственности на маленький участок земли вокруг своего дома, хотя никто толком не знал, в чем оно состоит. В июле 1934 г. на последнем совещании секретарей обкомов, о котором имеются сведения, было решено облечь это право собственности в четкую законодательную форму. Процесс ее выработки продлился несколько месяцев и завершился в феврале 1935 г. на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Съезд утвердил также новый Примерный устав сельскохозяйственной артели, придавший колхозам более определенный юридический статус.

Новому Уставу суждено было целых 35 лет оставаться чем-то вроде основного закона советской деревни. Его статьи гласили: земля остается государственной собственностью, но передается колхозам в вечное пользование; каждый колхозник может располагать для личных нужд участком земли размером от четверти до половины гектара (в некоторых районах до гектара), содержать корову с двумя телятами, одну или двух свиноматок, до десяти овец, неограниченное количество кур и кроликов, до двадцати ульев. Все эти цифры увеличивались, если речь шла о районах, где преобладало скотоводство, а не земледелие[4].

Второй важнейшей отличительной чертой нового Устава были демократические принципы, которые он закладывал в основу деятельности колхозов как кооперативных предприятий. Высшим руководящим органом колхоза объявлялось общее собрание колхозников, единственно уполномоченное принимать решения по наиболее важным вопросам. Для ведения всей текущей работы собрание выбирало председателя и правление из 5—9 человек, в зависимости от размеров артели[5]. Закреплялась организация труда по бригадам и устанавливались принципы и примерные пропорции распределения коллективного дохода и продукта артели. После покрытия производственных издержек и уплаты налогов от 10 до 20 % денежных доходов предназначалось на расширение так называемых неделимых фондов, то есть достояния колхоза; остальное распределялось между колхозниками в соответствии с выполненной каждым работой[6].

Хотя созванный в феврале 1935 г., то есть через два месяца после убийства Кирова, Второй съезд колхозников-ударников заседал в атмосфере нарастающей напряженности, в его работе можно отметить целый ряд конструктивных и интересных элементов. Единственный доклад на съезде был сделан Яковлевым, руководившим теперь сельскохозяйственным отделом ЦК. Докладчик прямо поставил многие существующие в деревне проблемы. Темой, преобладавшей в выступлениях, было личное хозяйство колхозника и размеры этого хозяйства: здесь-то и коренился самый неотложный вопрос.

В прениях выступил Бухарин. Его речь — а это была его последняя речь на большом публичном заседании — встретили «горячими продолжительными аплодисментами» и даже криками «ура». Выступление Бухарина представляло собой страстное напоминание о том ис-

торическом пути, который прошла русская деревня, где меньше столетия назад «крестьянин был рабом, вещью, которую помещик мог продавать, менять на борзого щенка или на бочонок с водкой, пороть, отдавать в солдаты, женить и разводить по своему произволу». Оратор высоко оценивал новшества, внесенные новым Уставом: гарантированное колхозам вечное пользование землей как «составную часть этого твердого хозяйственного порядка, социализма»; развитие рыночных отношений и торговли как основу здорового роста экономики; «демократизацию» колхозов путем повышения «роли общего собрания» как предпосылку превращения каждого колхоза в случае войны «в несокрушимую крепость обороны нашей страны» от врага (того врага, которым, по мнению Бухарина, становился фашизм: его обличению была посвящена вторая, не менее страстная половина речи)[7].

В отличие от других Сталин на заседаниях съезда не выступал. Он взял слово лишь в комиссии по редактированию Устава, причем позже разрешил опубликовать из своей речи лишь краткую выдержку, в которой защищал предложение оставить колхознику его «личное хозяйство, небольшое, но личное». Разумеется, Сталин отстаивал это решение как вынужденный компромисс, хотя он ни разу не употребил этого слова, поскольку большинство крестьянства думает пока иначе, чем меньшинство в лице колхозников-ударников, и поскольку колхозы еще не в состоянии удовлетворить «личные нужды» колхозников. Речь шла поэтому о необходимом компромиссе, без которого невозможно было бы добиться «укрепления колхозов»[8].

О том, что дело не сводилось на этот раз к простой пропаганде, свидетельствует хотя бы тот факт, что и в 1932 г. в республиках и областях с нерусским и даже неславянским населением процент коллективизации был ниже. Для преодоления сопротивления местных жителей применялись разнообразные приемы. В Закавказье, например, крестьянам оставили небольшие сады и виноградники. После гибельного опыта начала 30-х гг. еще более осторожной сделалась работа по коллективизации в районах скотоводов и кочевников, в горных районах Кавказа, в Дагестане, Казахстане, Киргизии, Туркмении, на Крайнем Севере. Здесь уже не создавались артели, но старались основать простые трудовые ассоциации типа тозов, оставляя скот в личном владении. Было даже дано согласие на то, чтобы подобные ассоциации образовывались на традиционно племенной основе. За границей был закуплен скот с целью возместить потери животноводам Казахстана. С большей осторожностью стали подходить и к задаче перевода кочевников на оседлый образ жизни[9].

Правда, с конца 1935 г. и в этих районах началось преобразование более простых коллективных хозяйств в артели. Но процесс на этот раз шел довольно медленно: настолько, что кое-где завершился лишь в 1940 г. (сохранившиеся остатки прежней системы еще давали о себе знать 10—15 лет спустя). С другой стороны, новый Устав позволил колхозникам в этих краях держать больше скота: до 10 лошадей,

8—10 коров, 100—150 овец, 5—8 верблюдов, в зависимости от области[10]. Скот сверх этих пределов был куплен колхозами, а не просто коллективизирован.

Облик колхоза

Решения Второго съезда колхозников неравномерно претворялись в жизнь[11]. В 1935 г. с немалой торжественностью начали проводиться церемонии вручения колхозам актов, которыми государство передавало им землю в вечное пользование. Значение этой процедуры состояло в том, чтобы доказать крестьянам, что с коллективизацией они вовсе не потеряли землю, а, напротив, приобрели ее навсегда, правда, не в индивидуальное, а в коллективное пользование. Установления, касающиеся небольшого личного хозяйства колхозников, были практически выполнены: с затруднениями и сопротивлением, но выполнены. Не будет преувеличением утверждать, что на этой основе советскому строю удалось победить или по крайней мере нейтрализовать ту широкую враждебность, которую породила коллективизация. Более сложно обстояло дело с внедрением принципа оплаты труда по выполненной работе: его реализация наталкивалась на упорную приверженность крестьянства к эгалитарной идее распределения «по ртам», то есть в соответствии с числом едоков в каждой семье. Наконец, на бумаге остались те нормы демократического управления колхозами, на которые возлагал надежды Бухарин: их выполнение свелось к чистой формальности. Не лучшая участь, впрочем, ожидала и другую дорогую для Бухарина идею: развитие хозяйства на основе рыночных отношений и учета экономических законов.

Здесь необходимо более подробно рассмотреть, что же представлял собой колхоз во второй половине 30-х гг. Всего в стране в 1937 г. насчитывалось 243 700 колхозов, причем в дальнейшем число это уменьшалось, потому что наиболее мелкие хозяйства сливались друг с другом. Каждый возделывал 450—500 *га* земли и объединял 74—78 дворов, то есть около 320 человек. Из них чуть меньше половины (150—155) признавалось трудоспособными. За этими средними цифрами скрывались весьма значительные различия между хозяйствами: пятая часть колхозов насчитывала менее 30 семей, между тем как более четверти объединяли по 100 с лишним дворов. Число деревень к этому времени несколько сократилось по сравнению с 20-ми гг.: в 1939 г. их было 573 тыс.[12] Проводилась широкая операция по ликвидации хуторов в северо-западных районах и Белоруссии путем переселения их жителей в крупные деревни или поселки. Получалось, таким образом, что в одних местах границы колхозов совпадали с границами деревни или села, а в других (например, в старых казацких станицах) на одно селение приходилось несколько колхозов. С ликвидацией межей и чересполосицы крестьянские поля объединялись, но по размерам своим колхозы оставались предприятиями довольно скромных масштабов.

Работа организовывалась по бригадам, каждая из которых трудилась на одних и тех же полях на протяжении всего сезона. Специальная бригада выделялась на животноводство. В основе системы оплаты труда лежал принцип своеобразной сдельщины: каждый получал вознаграждение в соответствии с числом заработанных трудодней. Трудодень соответствовал не единице времени, а выражал определенное количество выполненного труда: вспашка стольких-то гектаров, уход за столькими-то коровами, заготовка такого-то количества дров и т. д. За год колхозник мог заработать и 600 трудодней. При некоторых своих достоинствах эта система отличалась серьезным недостатком: единица измерения труда никак не была связана с его плодами, которые становились зримыми лишь в момент уборки урожая. Каждую бригаду возглавлял бригадир. Во главе колхоза стоял председатель; формально избираемый, он на самом деле практически назначался районными властями и, хотя по Уставу должен был оставаться на своем посту в течение двух лет, во многих случаях сменялся чаще. Подобная практика, уже осужденная на Втором съезде колхозников в 1935 г., не исчезла и в последующие годы (в частности, потому, что нелегко было находить дельных председателей)[13]. Полномочия общего собрания в действительности оказывались более чем скромными. Роль его ограничивалась простым утверждением, зачастую пассивным, решений, принятых в другом месте.

Конституция 1936 г. установила, что в СССР имеется две формы социалистической собственности: государственная (общественная) и кооперативно-колхозная, то есть коллективная, принадлежащая отдельным группам граждан[14]. Эта последняя была представлена в основном колхозами. Указанное различие позже было возведено в ранг классической формулы, но оно лишь в малой степени отражает положение дел в СССР. В Советском Союзе долго велись споры о достоинствах той или иной формы собственности, причем колхозно-кооперативная на протяжении длительного времени рассматривалась как собственность второго сорта[15]. Зависимо-подчиненной была ее роль и на практике. Ко всему прочему, в ней было очень мало от кооператива. Своими средствами производства колхозы владели лишь в минимальной степени. Земля не принадлежала им, а только передавалась в пользование. Земля была государственной. Государственными были и механические орудия труда, целиком сосредоточенные в государственных предприятиях, какими являлись МТС. Число последних все время возрастало: 2446 в 1932 г., 5818 в 1937 г. и 7100 в 1940 г., когда они были уже в состоянии обслужить более 90 % колхозов. С конца 1932 г. даже самые простые машины, находившиеся еще в собственности колхозов, были переданы МТС[16]. У колхозов оставались, следовательно, лишь наиболее простые орудия труда и скот.

Еще существеннее то, что и сама производственная деятельность проводилась в соответствии с решениями, принимаемыми государственными органами, которые находились вне колхозов и стояли над ними. Исходный принцип состоял в том, что и колхозное производ-

ство должно охватываться единым государственным народнохозяйственным планом. Но, не будучи в состоянии добиться этого результата с помощью присущих экономике рычагов (тех самых, о которых говорил Бухарин: цен, кредита, организации рыночных отношений), правительство прибегало просто к администрированию. Уже по самому Уставу колхозы были обязаны принимать «к точному исполнению» вручаемые им планы сева и уборки[17]. На практике дело заходило значительно дальше. Это объяснили советские историки, следующим образом описавшие функционирование системы: «Составление производственных планов колхозов зачастую превращалось в разверстку государственных заданий, полученных из центра. Организация производства колхозов от начальных процессов всего цикла сельскохозяйственных работ вплоть до завершающих операций по сдаче продукции государству была строго регламентирована и централизована. Товарная продукция колхозов все больше поступала в распоряжение государства в порядке обязательной сдачи по низким ценам, а не путем продажи по ценам, обеспечивающим нормальное воспроизводство общественного хозяйства колхозов»[18]. Поскольку это влекло за собой, как мы вскоре увидим, также низкую оплату труда в коллективном хозяйстве, не удивительно, что колхозники слабо или вовсе не чувствовали кооперативного характера своих предприятий.

Отставание сельского хозяйства

На селе имелись и государственные предприятия — совхозы. К началу 40-х гг. их насчитывалось 4159, и они наравне с промышленными предприятиями были сгруппированы под началом специального наркомата[19]. Их работники получали зарплату и потому рассматривались (и сейчас рассматриваются) советской статистикой не как крестьяне, а как сельскохозяйственные рабочие. Совхозы были, как правило, специализированными хозяйствами в том смысле, что в них преобладал один какой-то тип культуры или направление животноводства. Они владели собственными машинами. История их была далеко не безоблачной. Надежды, первоначально возлагавшиеся Сталиным на гигантские степные «фабрики зерна», не оправдались. Совхозные массивы позже подверглись дроблению, и средняя норма пашни на один совхоз понизилась с 50 тыс. до 23,3 тыс. *га*. Даже самый знаменитый и служивший как бы эталоном для других совхоз «Гигант» в Ростовской области сократил обрабатываемую площадь со 126 300 до 46 500 *га*, остальное было поделено между другими шестью государственными хозяйствами[20]. По первоначальным замыслам совхозы призваны были стать образцово-показательными предприятиями в сельском хозяйстве. Нет сомнения, что по сравнению с колхозами они находились в более выгодном положении, получая капиталовложения непосредственно от государства. Вместе с тем нельзя сказать — да этого и не утверждает ныне никто из совет-

ских историков, — что совхозы действительно осуществляли авангардную роль. Разумеется, благодаря им были сохранены некоторые имевшие большую важность плантации или ценные породы скота — то, что требовало специального ухода. Однако подлинно образцовыми предприятиями они так и не стали. Рентабельностью они тоже существенно не отличались от колхозов.

Сосредоточенные только в МТС и совхозах, государственные инвестиции в сельское хозяйство были скромными. Соответственно весьма относительным был и технический прогресс в этой сфере. На этот счет имеются свидетельства иностранных граждан, более чем благожелательно настроенных к Советскому Союзу. Они подтверждаются цифрами и сведениями из официальных источников[21]. Имевшиеся финансовые средства поглощались индустрией.

Наиболее примитивные орудия труда исчезали в деревне. Самая важная перемена к лучшему состояла в распространении машин. Тракторный парк увеличивался особенно во второй пятилетке и значительно меньше в третьей, когда тракторные заводы переводились на производство танков. Число тракторов в сельском хозяйстве выросло со 148 тыс. в 1932 г. до 456 тыс. в 1937-м и 531 тыс. (зачастую, правда, большей мощности) в 1940 г. В 1941 г. имелось также 182 тыс. комбайнов и 228 тыс. грузовиков[22]. Вспашка к этому времени была механизирована на 70—90 % (в зависимости от культуры), а уборка зерновых — на 46 %; все остальные операции оставались целиком ручными[23]. Этому несомненному прогрессу не сопутствовали, однако, ни увеличение производительности труда, ни аналогичное улучшение на других участках. Крайне недостаточно использовалась электроэнергия: электричество в 1940 г. имелось лишь в 4 % колхозов, 36 % МТС и 28 % совхозов[24]. Совершенно неудовлетворительно обстояло дело с химическими удобрениями. Производство их увеличилось с 1 млн. до 3 с лишним млн. *т*; 8 млн. *т* планировалось получить уже в первой пятилетке. Шли они исключительно на наиболее важные технические культуры — хлопок и сахарную свеклу, остальные вынуждены были обходиться без удобрений[25].

Отсталой была система обработки почвы. Во второй половине 30-х гг. были официально одобрены, вслед за чем получили обязательное и догматическое распространение, биологические теории Лысенко и агрономические теории академика Вильямса. Достоинства их, как выяснилось впоследствии, были мифическими в первом случае и сомнительными или, во всяком случае, ограниченными — во втором. Но и та и другая теории обладали одним преимуществом в глазах Сталина и московских руководителей: они, видимо, сулили резкий рост плодородия без внесения удобрений. Так называемая «травопольная система» Вильямса обещала сохранение плодородия с помощью одних лишь соответствующим образом подобранных севооборотов, преимущественно благодаря многолетним травам, исключая обращение к химическим удобрениям. Ни одна из этих двух теорий не устояла бы перед серьезной экспериментальной

проверкой и серьезным научным обсуждением. Однако сталинские методы правления не предусматривали подобных дискуссий. Жертвами этих методов пали сами ученые — в первую очередь Вавилов и Тулайков, — которые на заре коллективизации, на XVI партконференции, поднимались на трибуну, чтобы своим авторитетом подкрепить перспективу будущего — передового и ведущегося в соответствии с требованиями науки — сельского хозяйства. Лишь многие годы спустя в СССР вынуждены были признать, что теории Вильямса и Лысенко нанесли «огромный ущерб» развитию советского сельскохозяйственного производства как тем, что привели к истощению почв, так и тем, что парализовали поиски более рациональных методов ведения хозяйства[26].

Застой в сельскохозяйственном производстве

После тяжелого кризиса, порожденного ударной коллективизацией, сельское хозяйство стало проявлять признаки оживления в 1934 г., но положение улучшилось лишь в 1935 г. Преодоление чудовищных трудностей 1932—1933 гг. как раз и представляло собой главный успех новой колхозной системы. Система эта сумела начать действовать. Сокрушенной в ходе битвы, однако, оказалась другая честолюбивая надежда, изначально связанная с замыслом коллективизации: обеспечить новый подъем сельского хозяйства. Во второй половине 30-х гг. выдавались удачные (1935-й и 1940-й) или даже просто отличные (1937-й) по урожайности годы; были и плохие (например, 1936 г.) или, на худой конец, посредственные сезоны. Однако сельскохозяйственное производство оказалось не только по-прежнему уязвимым для капризов погоды, но и, по сути дела, пребывало в застое[27]. Его отставание от промышленности, которое уже в 1928—1929 гг. было признано «чрезмерным», за это время лишь усилилось. Запланированный на вторую и третью пятилетки прирост производства сельскохозяйственной продукции остался полностью неосуществленным: увеличение, полученное в 1940 г., было еще весьма далеко от того, которое намечалось на одну только первую пятилетку[28].

Самой серьезной продолжала оставаться проблема зерна, ибо его производство по-прежнему составляло основу всего сельского хозяйства. Сталин объявил ее решенной, и на протяжении многих лет это его мнение считалось неоспоримым в СССР[29]. Подобный тезис, правда, противоречил его собственным высказываниям в 1935 г., когда он заявил, что ежегодный сбор зерновых необходимо в ближайшее время довести до 110—130 млн. *т*. Реальные сборы даже и не приближались к этим показателям. Среднегодовые урожаи во второй пятилетке равнялись 71 млн. *т*, а в третьей — 77 млн. Урожайность с гектара составляла соответственно 7,1 и 7,7 *ц*, между тем как планировалось довести ее до 10, а затем до 13 *ц/га*. (Средняя урожайность в непосредственно предреволюционные годы составляла

3,9 *ц/га*; в 20-е гг. уже намечалась тенденция к превышению этого уровня[30].)

Это не означает, что не было вовсе никакого прогресса. Наиболее существенные успехи были достигнуты в возделывании некоторых технических культур, служивших необходимым сырьем для промышленности: хлопка, сахарной свеклы, подсолнечника, чая, который стал широко культивироваться в Грузии. Особое место в этом списке принадлежит хлопку: еще до войны СССР сумел обеспечить себе независимость от импорта хлопка. Правда, на пути к реализации этой задачи были допущены и ошибки, вроде той, например, что хлопок из года в год упрямо пытались выращивать на обширных пространствах европейской части России и Украины, где он в лучшем случае давал смехотворно низкий урожай. Главные усилия, впрочем, были сконцентрированы на Средней Азии — особенно Узбекистане — и некоторых районах Закавказья, где были развернуты крупные работы по строительству ирригационных сооружений. Благодаря этому удалось не только увеличить сбор хлопка (2,5 млн. *т* против 0,7 млн. *т* в дореволюционные годы), но и добиться повышения его урожайности и качества[31]. Но не по всем техническим культурам были достигнуты аналогичные успехи. Валовой сбор сахарной свеклы и подсолнечника удвоился за счет значительного расширения площади под посевами, между тем как урожайность оставалась ниже дореволюционной. Что же касается льна, ценной культуры, традиционно выращивавшейся во влажных северо-западных районах России, то отмечалось резкое падение как валовых сборов, так и урожайности[32].

Больше всего пострадало животноводство. Здесь также в 1935 г. началось некоторое оживление, но потери, вызванные повальным забоем скота в годы интенсивной коллективизации, пока не были восполнены. Еще и в 1940 г. общее поголовье сельскохозяйственного скота — в особенности крупного рогатого — было в СССР заметно меньше, чем в 1928 г., и не достигало дореволюционного уровня[33]. Да и само наметившееся увеличение поголовья было обязано больше индивидуальному хлеву крестьянского двора, нежели колхозным и совхозным общественным фермам.

Для возрождения животноводства колхозников еще с 1934 г. стали поощрять обзаводиться тем минимумом скота, который потом был официально гарантирован Уставом сельскохозяйственной артели. Разведение домашних животных поощрялось также среди членов уцелевших коммун (в свою очередь пониженных до ранга артели), работников совхозов и даже промышленных рабочих, особенно в маленьких городах. Несмотря на жесткие ограничения индивидуальной собственности, поголовье скота в частном владении на протяжении всех довоенных лет было больше, чем общественное (4 : 1 по крупному рогатому скоту), и продолжало быстро увеличиваться. Произведенные колхозами мясо, молоко, яйца, шерсть составляли лишь ничтожно малый процент в общем потреблении этих продуктов[34]. Поэтому не бу-

дет ошибкой утверждать, что коллективизация, по крайней мере в этот период, удалась в области обобществления земли, которая почти вся перешла в коллективное владение, но не состоялась в области животноводства, которое в преобладающей своей части осталось частным. В этом заключался один из самых важных аспектов компромисса, достигнутого в деревне.

Дань села

По крайней мере по одному пункту коллективизация все же изменила экономическое положение страны. В производстве сельскохозяйственной продукции, даже не обнаружившем роста, принимало участие теперь меньше работников, а объем продукции, предназначенной для потребления за пределами деревни, увеличился. Рост этот был настолько значителен, что некоторые историки, суммируя оба эти явления, сочли возможным даже утверждать, что если в 20-е гг. каждый сельский труженик кормил, помимо себя самого, только еще одного человека, то накануне войны он кормил уже четырех своих сограждан[35]. Речь идет как раз о том явлении, которое советские авторы именовали ростом «товарной продукции» и на которое с особым тщеславием упирал Сталин, доказывая полный успех коллективизации[36]. Термин «товарная», однако, весьма мало подходит в этом случае. В самом деле, колхозная продукция не продавалась по эквивалентным ценам, а скорее силою власти перекачивалась в государственные закрома по разным каналам, наиболее важными среди которых продолжали оставаться обязательные поставки и натуроплата МТС[37].

Производство зерна не превысило прежнего уровня, но зато непрерывно возрастала часть, изымавшаяся государством. В 20-е гг. правительство с трудом добивалось получения 10—11 млн. *т* хлеба. К концу первой пятилетки ему удавалось — правда, ценой конфликта с самими колхозами — заготовлять вдвое больше. Во второй пятилетке, когда колхозы были уже под надежным контролем, среднегодовой объем заготовок повысился до 27,5 млн. *т*, затем в третьей пятилетке увеличился до 32 млн. *т* и наконец достиг высшего предела — 36,4 млн. *т* в 1940 г., в самый канун войны[38]. Так же обстояло дело с заготовками других продуктов земледелия. Реальные же цены, по которым государство оплачивало эту продукцию, становились все более низкими; если исключить 10 % повышения в 1935 г., они оставались попрежнему на уровне 1928 г., между тем как общий индекс цен в стране за это время повысился в 5,3 раза к концу 1937 г. и в 6,3 раза — к концу 1940 г.[39]

Советские историки писали позже о «символических» ценах, далеко не возмещавших коллективным хозяйствам даже основных издержек производства. Например, цены на сахарную свеклу были чуть выше затрат на одну лишь транспортировку урожая с полей на заготовительные пункты; ничего удивительного поэтому не было в том, что сборы свеклы

с одного гектара не росли даже при внесении удобрений[40]. У колхозов не было никакой заинтересованности в увеличении производства продукции. Районные власти указывали им, сколько гектаров и какими культурами они должны засеять, и колхозы обязаны были исполнять это. Что же касается их денежных доходов, то они сразу начинали расти, как только хозяйствам удавалось завести какое-нибудь подсобное производство, не предусмотренное планами заготовок.

Размеры поставок по-прежнему устанавливались на базе так называемого биологического урожая, то есть по оценке урожая до начала жатвы*. Таким образом, колхозы жили под бременем постоянного сильного нажима. Самым лучшим из них приходилось к тому же сдавать дополнительное количество продукции, компенсируя недовыполнение плана поставок более слабыми хозяйствами; делалось это по настоянию районных властей, озабоченных реализацией полученных сверху заданий. Для улучшения положения дел в хозяйствах требовалась совсем иная система. Это доказывает пример с хлопком. В 1935 г., когда решено было резко увеличить его производство, заготовительные цены на хлопок повысили почти в четыре раза: сборы в хлопководческих республиках сразу же подскочили вверх[41]. С той поры колхозы в Средней Азии, например узбекские или таджикские, развивались гораздо успешнее, чем колхозы в русской или украинской деревне, в чем также находила отражение последовательность советской национальной политики, исключающей дискриминацию.

Низкие заготовительные цены были той данью, которую село платило индустриализации; цены служили инструментом «перераспределения национального дохода в пользу промышленности»[42]. Если в первую пятилетку сельское хозяйство представляло собой относительно скромный источник накопления, то начиная со второго пятилетия его вклад приобрел решающий характер. Налог с оборота был главной статьей доходов государства — той, которая питала бóльшую часть капиталовложений. В значительной мере поступления от этого налога обеспечивались продуктами сельского хозяйства. Главным налогоплательщиком в стране стало Заготзерно: в 1935 г. оно одно внесло в казну свыше 20 млрд. руб. из общей массы налоговых поступлений в 52 млрд.[43] Центнер пшеничной муки продавался населению по цене 216 руб., а колхозу оплачивался по цене 10 руб. 10 коп.: 195 руб. 50 коп. изымались в форме налога. Килограмм говядины, за который производителю выплачивалось от 21 до 55 коп., поступал в розничную продажу по цене 7 руб. 60 коп.; за литр молока соответственно 9—14 коп. и 1—1,5 руб[44]. Подобные жертвы диктовались, по-видимому, потребностями индустрии. Расчет, однако, был иллюзорно выгодным, ибо низкие заготовительные цены тормозили сельскохозяйственное производство и тем самым препятствовали расширенному накоплению. Уже в

* На расчетах биологического урожая, значительно более высокого, чем реальный, основывались и те данные, которыми оперировал в те годы Сталин, подчеркивая успехи коллективного сельского хозяйства.

30-е гг. сталинская политика в этой области попала в порочный круг.

Имелись в ту пору и отдельные колхозы, которым удавалось добиться неплохих результатов. Их часто ставили в пример. Но число таких колхозов было «еще незначительно», а «их успехи не могли изменить общей картины неудовлетворительного состояния колхозного земледелия»[45]. С точки зрения экономического состояния между одним колхозом и другим существовали значительные различия. Некоторые оказывались в более выгодном положении: причиной тому могли быть близость крупного города с рынками, возможность выполнения хорошо оплачиваемой работы, пусть даже и не земледельческого характера, наконец, просто более плодородные почвы. В общем и целом, впрочем, это не меняло облика деревни. Как утверждают советские экономисты, и в те годы продолжался рост общественного достояния колхозов, их неделимых фондов, в которые они были обязаны отчислять часть своих доходов[46]. Даже если это и было так, речь шла об очень незначительном росте; а поскольку изначально колхозы находились на очень низком уровне, трудно было почувствовать сколько-нибудь реальный прогресс.

Крестьянин, его огород и двор

Плохое состояние дел отражалось на доходах колхозников. В 1937—1938 гг. произведенная в колхозе продукция делилась примерно в следующих пропорциях: треть шла в счет разных обязательств государству, треть — на производственные нужды самого колхоза (корм скоту, семена и т. д.) и около четверти распределялось между колхозниками по заработанным трудодням. Что касается денежных доходов, то 20 % расходовалось на покрытие производственных издержек хозяйства и в среднем 14 % — на внутреннее накопление. По уплате налогов около 45 % дохода распределялось между колхозниками[47].

Заработки работающего в колхозе крестьянина могли варьироваться в значительных пределах от колхоза к колхозу. Средние цифры, как те, что публиковались в описываемые годы, так и те, которые подсчитаны советскими историками в наше время, являются довольно приблизительными. Из них явствует тем не менее, что колхозник получал на трудодень в 1937 г. (наиболее урожайном) в среднем 4 *кг* зерна, а в другие годы — около 2 *кг*. Другого рода продуктов распределялось весьма мало. В основном труд оплачивался зерном. Выдавалось и денежное вознаграждение, но минимальное: в среднем оно ни разу не достигало рубля на трудодень. Денежный годовой заработок колхозной семьи, как утверждается, вырос со 108 руб. в 1932 г. до 376 руб. в 1937 г., когда средний годовой заработок городских трудящихся превышал 3000 руб. Но и эти цифры мало о чем говорят: были и такие хозяйства, где на трудодень не выдавали ни копейки. Крестьянин, таким образом, был поставлен в такое положение, когда он мог ждать

от колхоза в лучшем случае хлеба, но не денег: денег давали мало и не всегда[48]. Суммируя натуральную оплату и денежную, крестьянин констатировал, что итог получается мизерный. Это в свою очередь побуждало его, если возможно, заниматься деятельностью другого рода или уж, во всяком случае, отдавать максимум энергии оставшемуся у него маленькому личному хозяйству.

Чтобы составить себе представление о значимости явления, необходимо напомнить, что́ представляло собой колхозное крестьянство во второй половине 30-х гг. По переписи 1939 г., в сельской местности в СССР проживало около 115 млн. человек по сравнению с 56 млн., проживавшими в городах. Из этих 115 млн. 67 % жили в колхозах, причем 27 % составляли рабочие и служащие (в категорию рабочих в данном случае включаются работники совхозов), 3,6 — крестьяне и кустари-единоличники, 2,4 % — коллективизированные кустари. Колхозников было около 75 млн. человек, из которых 35,5 млн. — в трудоспособном возрасте (от 16 до 59 лет): в составе советского общества они были не только наиболее многочисленной, чем любая другая, но и самой четко очерченной социальной группой[49]. Четко очерченной, но не однородной, как не было однородным сельское население в целом. В преобладающей части своей — 90 % — колхозники занимались ручным и малоквалифицированным трудом. Правда, в результате усилий государства по подготовке крестьян к управлению машинной техникой появилась новая для советской деревни фигура — механизатор, то есть, как правило, тракторист или комбайнер. Механизаторы составляли чуть больше 7 %, что означало как-никак 2,5 млн. человек. Если они работали в МТС, то, в отличие от простых колхозников, пользовались правом на минимальную гарантированную зарплату. Но именно потому, что моторы для них уже были не в диковинку, многие из них стали уезжать в город. Еще около миллиона человек принадлежали к слою колхозного руководства, включавшего наряду с председателем бригадиров и специалистов, если таковые имелись, что пока было редкостью[50].

За внешним однообразием советская деревня представляла собой мир в процессе преобразования, полный противоречий и испытывающий на себе одновременно притягательные импульсы и многообразное давление со стороны переживающего индустриализацию города. Эта притягательная сила и это давление были тем более мощными, что заработок в колхозе был крайне мал. Колхозник, правда, не мог уйти по собственной воле, ибо введенная в 1932 г. паспортная система обязывала его заручиться предварительным разрешением колхозного правления. Развитие индустрии пробивало, впрочем, неизбежные бреши в этой системе. В 1938 г., например, около 4 млн. колхозников числились в «отходниках», то есть были заняты на сезонных работах вне колхозов[51]. С другой стороны, городские «колхозные рынки», на которых как колхозники, так и неколхозники могли продавать по свободным ценам излишки

32 Зак. № 380

имеющихся у них сельскохозяйственных продуктов, открывали выход для продукции индивидуального огорода и индивидуального скотного двора. В количественном отношении это были ничтожно малые величины, но, учитывая сохранявшиеся масштабы неудовлетворенного спроса, цены на эти продукты оставались весьма высокими, намного выше тех, которые государство запрашивало в своих магазинах с надбавкой на «налог с оборота»[52]. Вот почему для многих крестьян рынок стал главным источником дохода.

Теоретически оставленное колхознику небольшое личное хозяйство должно было носить исключительно подсобный характер: его крошечные размеры уже сами по себе, по-видимому, не допускали иных предположений. Но такая постановка вопроса зачастую затушевывала то экономическое значение, которое надолго сохранило это мельчайшее хозяйство и которое никак нельзя назвать ничтожным. В 1937 г. это мельчайшее хозяйство обеспечивало 40 % национального дохода, созданного в сельском хозяйстве, и давало от половины до двух третей всей продукции животноводства. Колхозные рынки в городах — где продавцами выступали исключительно крестьяне, ибо колхозы еще не в состоянии были использовать их прилавки, — покрывали 20 % всей розничной торговли продовольственными товарами; доля эта повышалась до 30 %, если брать в расчет только сельскохозяйственную продукцию, не прошедшую промышленной обработки[53]. На своем маленьком приусадебном участке колхозник разводил огород или сад, злаки или технические культуры здесь почти не возделывались; главное же место занимали картофель (свыше 41 % всех площадей под картофелем в стране принадлежало к категории индивидуальных участков[54]), овощи, плодовые и ягодные растения. Получаемое в колхозе зерно использовалось колхозником для собственного питания и в качестве фуража, остальное шло на рынок. Если в крупных городах, вроде Москвы или Ленинграда, доставляемые колхозниками продукты составляли важную, но все же меньшую часть продовольствия, то в некоторых небольших городах, особенно на юге, положение выглядело иначе. У колхозников, в частности, приобреталось мясо и молоко.

С политической точки зрения компромисс, заключенный с деревней, был жизненно необходим после жесточайших столкновений в ходе массовой коллективизации в начале 30-х гг. Вместе с тем с точки зрения экономических законов он был малорационален. В самом деле, крестьянин был заинтересован в том, чтобы сосредоточить максимум усилий на мельчайшем участке обрабатываемой земли и минимальных сельскохозяйственных ресурсах, и вынужден был тратить много времени, чтобы доставить на рынок и реализовать там те немногие продукты, которые он производил в индивидуальном порядке. Он охотно отправлялся в город еще и потому, что с большей легкостью мог приобрести там те промышленные изделия, которые из-за слабого развития торговой сети на селе не

доходили до него. Из этих противоречий — а аграрная политика Сталина так и осталась в их плену — рождался целый ряд нелегких проблем.

Так же как среди рабочих, власти старались повысить трудовое рвение колхозников с помощью соревнования, присуждения почетных титулов и развития движения, сходного со стахановским. Поскольку рабочих рук на селе не хватало, поощрялся труд женщин[55]. Привлечение женщин ко всем видам трудовой деятельности, чему способствовал прежде всего спрос на рабочую силу в городах, на промышленных предприятиях, представляло собой одно из самых значительных социальных явлений в СССР 30-х гг. Не случайно самым знаменитым, пожалуй, представителем ударников на селе была именно женщина — Прасковья Ангелина. Она первой научилась водить трактор и затем убедила подруг последовать ее примеру[56]. Однако из-за слабости реальных экономических стимулов соревнование дало в деревне скудные плоды, не сопоставимые с результатами, полученными в промышленности.

Борьба вокруг создания колхозов утихла. Юридически выход из колхоза допускался, но на практике это значило поставить себя в невозможные условия существования. Камнем преткновения сделалось, скорее, стремление расширить возможно больше крошечный личный участок и сократить до минимума работу в колхозе. Следует остерегаться, естественно, поспешных обобщений, но масштабы явления были более чем внушительными. В 1937 г. более 13 млн. колхозников трудоспособного возраста, то есть более трети общего их числа, либо совсем не работали в колхозе, либо вырабатывали менее 50 трудодней в год, иначе говоря, работали лишь месяц или менее месяца за год (1 трудодень в переводе на рабочие часы в среднем равнялся 1,27 рабочего дня). Еще 6 млн. вырабатывали от 50 до 100 трудодней; таким образом, значительно больше половины колхозников принимали в делах общественного хозяйства ничтожно малое участие (удовлетворительной нормой считалось 200 трудодней в год). В 1938 г. положение не улучшилось: даже в июле, то есть в момент наиболее напряженных полевых работ, 22,4 % колхозников не принимали участия в коллективном труде[57]. В подавляющем большинстве своем это были женщины, на которых как раз и падали заботы по ведению личного хозяйства. Одновременно отмечалась повсеместно тенденция к расширению приусадебных участков сверх положенных пределов[58].

В мае 1939 г. после сурового вмешательства Центрального Комитета партии положение было отчасти исправлено. По постановлению ЦК был проведен новый обмер всех индивидуальных участков для выявления и изъятия излишков земли у тех, чьи наделы по размерам превышали установленные нормы: колхозами были отторгнуты у частных лиц 2,5 млн. *га*. Сверх того, было установлено, что не могут считаться членами колхозов и, следовательно, сохранять право на приусадебный участок те семьи, члены

которых не вырабатывают минимума трудодней (минимум равнялся 60, 80 или 100 трудодням, в зависимости от области). По этим же причинам были ликвидированы хутора[59]. В той же резолюции ЦК постановлялось созвать осенью 1939 г. Третий съезд колхозников для внесения новых изменений в Устав сельскохозяйственной артели[60]. В отличие от других решений это так и не было выполнено.

Неудовлетворительное положение дел в советском сельском хозяйстве 30-х гг. — а оно продлится много лет, вплоть до послевоенного времени, — многократно приводилось в публицистике как пример, подтверждающий абсолютную неизбежность провала идеи коллективного труда в сельском хозяйстве. В задачу данной работы не входит всестороннее рассмотрение проблемы социалистического коллективизма в деревне. Единственное замечание, которое представляется правомерным сделать в этой связи, состоит в том, что советский опыт 30-х гг. отмечен исключительными и слишком драматическими чертами, чтобы служить безоговорочным доказательством в этом споре. Слишком слабой была экономическая и техническая база, на которой проводилась коллективизация; слишком судорожным и бескомпромиссным было ее практическое осуществление; слишком тяжким — бремя, которое продолжало тяготеть над деревней и после создания коллективных хозяйств. В подобных условиях результаты вряд ли могли оказаться более благоприятными, чем те, что были получены.

Что же касается истории СССР, то одного этого вывода будет недостаточно. В самом деле, благодаря коллективизации Советское государство обрело два новых и важных фактора силы. Теперь оно могло ежегодно располагать крупными количествами сельскохозяйственной продукции, в первую очередь хлебом и сырьем для промышленности. Для удовлетворения всех потребностей этого количества было пока недостаточно. Тем не менее при сокращении потребления теперь оказывалось возможным накормить города, армию, снабдить заводы и фабрики и — особенно в урожайные годы, такие как 1937 и 1940, — создать необходимые запасы.

С помощью колхозов была достигнута такая «железная» степень унификации страны, о какой не могло даже мечтать старое российское государство. Из края в край необъятной территории, с ее бесчисленными деревнями и селами, где ранее сосуществовали самые различные производственные уклады, была «насаждена» (по сталинскому выражению) единая для всех социальная структура. Разумеется, ей присущи были различия, варьировавшиеся в зависимости от района и особенно заметные в неевропейских окраинных частях страны; однако речь шла не о существенных различиях. Один и тот же способ производства был внедрен на равнинах древней Московии, на бывших землях казачества, в украинских степях, в среднеазиатских оазисах и в тундре Крайнего Севера, среди племен охотников и скотоводов, пасущих стада северных оле-

ней. Все и всякие предшествующие социальные формации были сметены прочь. В целях большей унификации было задумано и территориально-административное деление страны; достижению этой цели, впрочем, гораздо больше способствовало радикальное преобразование деревни по единому, в сущности, образцу. Самые глубинные различия, сохранявшиеся между разными нациями, были в результате этого серьезно поколеблены и до известной степени притуплены.

V. МАССОВЫЙ ТЕРРОР ПРОТИВ ПАРТИИ

Последнее сопротивление

1937 г. — год боев в Испании, завершения второго пятилетнего плана и вступления СССР, в соответствии с заявлением Сталина, в социализм. Это был также год массовых опустошительных репрессий, каких не знала еще страна. В ее послереволюционной истории — с чередованием то критических, то блестящих, но неизменно драматических глав — открылась самая страшная страница.

Есть авторы, которые, подобно Солженицыну, утверждают, что волна террора, нахлынувшая тогда на СССР, ничем существенно не отличалась от ранее пережитых страной невзгод, будь то гражданская война или битва за коллективизацию[1]. Подобный тезис отстаивают те, кто безоговорочно осуждает любое насилие в истории человечества, без каких бы то ни было различий. Здесь мы должны будем поставить перед собой иную цель. Какое бы отвращение ни вызывала у нас трагедия 1937 г., необходимо попытаться выявить ее политическое значение в эволюции Советского Союза. Лишь таким путем мы сможем оценить ее последствия и в то же время правильно понять ее отличие от любой другой, даже самой бурной, фазы развития этой страны.

Начатые процессом над Зиновьевым и Каменевым, массовые репрессии ознаменовали окончательную и насильственную ликвидацию тех миротворческих тенденций, которые условно могут быть связаны с именем Кирова. Так и не получив политического оформления, эти тенденции на практике уже потерпели поражение. Они помогли выправить курс государственного корабля после тяжкого кризиса 1932—1933 гг., но им не удалось утвердиться в качестве последовательной и долгосрочной политики. Необходимое равновесие между тяжелой и легкой промышленностью, между накоплением и потреблением так и не было найдено. Кооперативный устав колхозов не применялся на практике, в частности, потому, что не были созданы здоровые экономические основы для взаимоотношений колхозов с государством. Плебисцитарная процедура утверждения самой Конституции свела ее значение к чисто словесному провозглашению. Напряженность внутри партии не только не спадала, а была усилена непрерывными чистками, охотой на троцкистов и привела к первому из больших процессов.

Последняя из арьергардных битв, выдержанная отступавшими сторонниками внутреннего мира в рассыпном строю, имела целью затормозить каток надвигавшихся сталинских репрессий. Была предпринята попытка спасти Бухарина и Рыкова вопреки обвинениям, брошенным в их адрес на процессе Зиновьева — Каменева, и уже

развязанной в печати кампании с требованиями их смерти (третий из главной группы правых, Томский, покончил с собой, предчувствуя худшее). 10 сентября 1936 г. прокуратура объявила, что оснований для привлечения их к ответственности нет. Подобное решение могло исходить только от Политбюро, точнее, от последних элементов противодействия Сталину в Политбюро, но, конечно же, не от обычного органа правосудия[2].

Были также и протесты против очередного прочесывания партийных рядов под видом проверки и обмена документов. Выступления такого рода зафиксированы по меньшей мере в двух республиках — на Украине и в Белоруссии[3]. Главное же — были попытки противодействовать арестам, которые в связи с первым процессом все больше обрушивались на коммунистов, занимавших руководящие посты в промышленности, особенно если в их прошлом имелись хоть малейшие признаки сочувствия троцкизму[4]. Самым высокостоящим их защитником был Орджоникидзе, тот самый железный нарком, бывший друг Сталина, который вместе с этими людьми руководил титаническими усилиями по индустриализации страны; теперь он вступил в открытый конфликт и со Сталиным, и с Молотовым[5].

Для сокрушения этих последних преград Сталин действовал свойственными ему методами и средствами. В сентябре 1936 г. он потребовал и добился того, чтобы вместо Ягоды во главе НКВД был поставлен Ежов. Полицейские службы он при этом обвинил в том, что они «отстали на четыре года» в борьбе с «троцкистско-зиновьевским блоком»[6]. Новый глава НКВД, отличившийся в чистках предыдущих лет, нацелил репрессивный аппарат против тех очагов сопротивления, на которые этот аппарат еще мог натолкнуться в рядах партии. Все большее могущество политическая полиция приобретала в жестоких схватках 20-х и 30-х гг.; это обусловило, среди прочего, ее собственную эволюцию. Уже при Ягоде, пришедшем в 1934 г. на смену Менжинскому, стало происходить, по свидетельству одного старого чекиста, прогрессирующее превращение работников НКВД в «простых техников аппарата внутреннего ведомства, со всеми его недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов»[7]. Процесс Зиновьева — Каменева явился ярким проявлением этой метаморфозы старой ЧК Дзержинского. Тем не менее задачи, поставленные перед Ежовым, предполагали нечто идущее гораздо дальше.

В конце января 1937 г. в Москве был инсценирован еще один публичный процесс. Ему предшествовало осуждение в Кемерове, в Сибири, группы «вредителей», якобы орудовавших в только что созданной там промышленности; в большинстве своем осужденные были коммунистами, до последнего дня остававшимися в рядах партии. Суду была придана широкая огласка.

В столице главными подсудимыми были Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков. Их обвинили в создании антисоветского

троцкистского центра, параллельного зиновьевско-каменевскому. В отличие от осужденных в августе 1936 г., на этот раз на скамье подсудимых сидели бывшие оппозиционеры, которые, еще на ранней стадии отказавшись от внутрипартийной борьбы, перешли на сторону сталинского течения и занимали ответственные посты в разных областях. Наиболее видной фигурой среди них был Пятаков, бывший заместитель Орджоникидзе, стоявший во главе тяжелой индустрии и проявивший на этом посту те организаторские качества, которые были подмечены в нем еще Лениным. Преступления, инкриминированные Зиновьеву и Каменеву, принадлежали по характеру своему главным образом к категории контрреволюционных — заговор с целью реставрации капитализма. Для Пятакова с товарищами это обвинение осталось в силе, но центр тяжести сместился на преступления, которые мы могли бы определить как антипатриотические и которые способны были больше поразить воображение широкой некоммунистической публики: тайный сговор по приказу Троцкого с вражескими державами (Германией и Японией) для получения от них помощи в обмен на экономические и территориальные уступки, а также прямую пораженческую поддержку в случае войны; организация актов вредительства, пожаров в шахтах, взрывов на заводах, железнодорожных катастроф с большим числом человеческих жертв[8].

В остальном второй процесс представлял собой повторение всех тех, словно заимствованных из кошмарного сна, картин, которые были продемонстрированы на первом. Снова обвинение, как не преминул отметить в конце Радек[9], держалось на одних лишь самоубийственных признаниях обвиняемых. Документальных улик не было: те немногие ссылки на конкретные обстоятельства места и времени вскоре были разоблачены за границей как фальшивки[10]. Произвольно подгоняя факты под свою инквизиторскую «диалектику», Вышинский объявил, что измена есть логическое завершение вчерашней оппозиции. Процесс, наконец, позволил обрушить новые обвинения на оставшихся пока на свободе бывших противников Сталина, начиная с Бухарина и Рыкова. Одновременно показания против них вырывались в тюрьмах у других арестованных, даже не появлявшихся перед судом.

Трагический пленум 1937 г.

Месяц спустя состоялся Пленум Центрального Комитета партии — решающий момент нового сталинского наступления. Пленум проходил, как указывают сейчас советские источники, с 23 февраля по 5 марта. Несколькими днями раньше, 18 февраля, после последней стычки со Сталиным, покончил с собой Орджоникидзе. Сведения о его самоубийстве считались государственной тайной; за причину смерти выдали сердечный приступ[11].

Известно, что на пленуме было сделано три доклада, соответст-

венно (и как будто именно в таком порядке) Ждановым, Молотовым и Сталиным. Доклады эти частично опубликовали. Был, кроме того, и четвертый доклад, Ежова, но о нем стало известно лишь многие годы спустя[12]. Резолюции по докладам, за исключением ждановского, так и не были обнародованы. Еще до того, как докладчики поднялись на трибуну, было принято решение по делу Бухарина. Он явился на заседание Пленума без кровинки в лице, изнуренный голодовкой, объявленной в знак протеста против чудовищных обвинений, вновь выдвинутых против него. Вместе с Рыковым он пытался защищаться, разоблачая произвол НКВД, но его слова перекрывались саркастическими репликами Сталина и Молотова. Обвинения, сфабрикованные полицией против Бухарина и Рыкова, выглядели беспощадно тяжкими: оба были исключены из партии и тут же арестованы[13].

От процесса Зиновьева через процесс Пятакова к аресту Бухарина сталинские репрессии приближались к своей истинной цели, но еще не достигли ее. В ту пору создавалось — особенно публичными процессами — впечатление, будто Сталин стремится избавиться главным образом от своих прежних противников. Позже, когда открылись подлинные масштабы террора, это его намерение выступило в своем истинном виде: одной только — и к тому же не главной — части более обширной политико-полицейской операции. Уже на протяжении предыдущих лет сталинские выпады были направлены против двух категорий коммунистов: периферийных партийных работников, включая секретарей обкомов, и большевиков первых поколений. Огонь и на этот раз был постепенно перенесен на них. Сами процессы в этом смысле выступали как средство агитации, призванной создать атмосферу, пригодную для развертывания более широкого наступления.

Перечитывая обнародованные документы февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 г., нельзя не поражаться сочетанию одновременно двух, по-видимому, несовместимых друг с другом тем. Первой, доминирующей и повторяемой упорно, до навязчивости, является тема репрессий; ей и был посвящен неопубликованный доклад Ежова. Второй темой выступает критика — а она велась в таких откровенных выражениях, какие никогда прежде не употребляли Сталин и его приспешники, — по поводу отсутствия демократии в партии, критика, сопровождающаяся призывом к обновлению и самокритике. При более внимательном рассмотрении противоречие оказывается лишь кажущимся: достаточно только не упускать из виду, что Сталин уже не раз пользовался этим вторым мотивом в решающие моменты политической борьбы.

Шпионы и вредители, сказал Сталин, проникли во «все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные», причем не только на низовые должности, «но и на некоторые ответственные посты». Некоторые же «руководящие товарищи, как в центре, так и на местах.., нередко сами содействовали

продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты». Они «не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре». «Не заметили» они и превращения троцкистов из «политического течения» в «разбойников с большой дороги, способных на любую гадость». В стране уже десять лет, как свирепствовало вредительство. Но в отличие от времен «шахтинского дела», когда в этом преступлении обвиняли только буржуазных специалистов, теперь вредителями были «большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане». Мало того, «их сила» состояла именно «в обладании партийным билетом»[14]. Под троцкистами Сталин подразумевал всех бывших оппозиционеров, «каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским»; их следовало «громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родины»[15].

Но они были не единственными обвиняемыми. Молотов уточнил, что вредители не только обладают партийным билетом, это могут быть также лица, которые прикидываются «коммунистами, горячими сторонниками Советской власти и даже нередко имеют в прошлом те или иные заслуги перед партией и Советским государством». Как Сталин, так и Молотов ополчились на тех, кто отвергал домыслы о вездесущем вредительстве, кто противодействовал «разоблачениям» НКВД или отдельных доносчиков, кто отказывался верить в массовое проникновение врагов в партийные ряды и оспаривал сталинские тезисы, ссылаясь на хозяйственные успехи, достигнутые страной. «Какого бы высокого звания и чина ни был человек, — сказал Молотов, — но если он неспособен заметить вредителей, работающих под носом, — он не руководитель, а канцелярист, пустой чиновник»[16]. Сталин высказал мысль, что «вредитель» «не всегда вредит» — «настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе». Попутно он облек в самую категорическую формулировку свою теорию о непрерывном усилении классовой борьбы: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных». Тех, кто придерживался противоположного мнения — а таких, как можно было предположить, было совсем немало, — следовало рассматривать как простаков и преступников[17].

На этом фоне включение второго мотива — о недостаточности демократии в партийных организациях — становилось средством нанесения удара по целому ряду работников, особенно на местах. В самом деле, доклад Жданова и резолюция по этому докладу рисовали негативную картину положения в обкомах и райкомах. Эти комитеты, заявил Жданов, «существуют с периода XVII съезда», их

изменение происходит с помощью «нетерпимой практики кооптации», открытое голосование списком превращает выборную процедуру «в простую формальность», собрания не проводятся или проводятся для проформы[18]. Во всем этом была немалая доля правды, но разве это волновало когда-нибудь сталинское руководство? Сталин пошел дальше и обвинил местных руководителей в том, что они подбирают себе в сотрудники «знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей». Он огласил, в частности, имена двух известных секретарей обкомов, которые, будучи переведены на новое место, перетащили за собой «своих» людей, чтобы «создать для себя, — сказал Сталин, — обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии». Он остановился также на «безусловной выборности партийных органов, праве выставления и отвода кандидатов, закрытом голосовании, свободе критики и самокритики» и на «контроле руководителей партии со стороны партийных масс». Нужно, сказал он, прислушиваться к «маленьким людям». Но в качестве единственного положительного примера он упомянул о некоей Николаенко из Киева, которая в те дни без устали строчила в НКВД письма с «разоблачениями» местных товарищей и которую советские историки охарактеризовали позже как патологический случай профессионального доносительства[19].

Тем не менее в том, что говорил Сталин, был свой смысл. То был призыв к задним шеренгам выдвиженцев сделать шаг вперед и выбить с позиций весь тот слой командных кадров, которые руководили партией до сих пор. «Вливать в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров — вот задача» — таково было его указание. Молотов призвал участников Пленума «не щадить дутые авторитеты» и еще более неуклюже уточнил: «Громить троцкистов и иных вредителей и выдвигать новых, способных, преданных работников Советской власти — это две стороны одной и той же задачи». Сталин опять вернулся к сравнениям партии с армией, которые были столь близки ему, но весьма плохо согласовывались с соблюдением демократических норм. «В составе нашей партии... имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство». Он предлагал, чтобы для каждого из них, то есть для каждого секретаря, от ячейки до обкома, было подобрано по два заместителя, способных занять их место[20]. То был сигнал, который должен был привести в движение адский механизм.

Дело в том, что тезисы Сталина, поддержанные Молотовым и Ждановым, давали теоретическое обоснование не демократическому обновлению состава руководящих кадров, а чему-то диаметрально противоположному. Помимо опубликованных, вероятно в отредактированном и исправленном варианте, трех докладов, мы пока очень

мало что знаем о том, как разворачивались события на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. — этом собрании morituri («осужденных на смерть»). Точно известно лишь об одной оппозиционной речи: речи Постышева (вместе с Косиором он был одним из двух высших партийных руководителей на Украине). Он заявил, что не может поверить тому, чтобы коммунисты, сохранившие верность партии в чудовищно трудные годы индустриализации и коллективизации, примкнули потом к ее врагам, превратились в шпионов и вредителей[21]. Кое-кто высказал оговорки, в частности некоторые военные деятели и члены Политбюро, но не ясно, насколько определенными эти оговорки были[22]. Атмосфера была тягостной и мрачной. После осуждения и расстрела старых оппозиционеров, после заключения в тюрьму Бухарина и Рыкова, после смерти Кирова, Куйбышева и Орджоникидзе, после того, как партийные организации были оглушены чистками, подозрениями, разоблачениями, а теперь еще и быстро нарастающим числом арестов, — после всего этого сам Центральный Комитет, выбранный XVII съездом, утратил согласованность действий.

Разгул репрессий

Февральско-мартовский Пленум 1937 г. ознаменовал момент, начиная с которого волны «массового террора» стали нарастать, словно во время океанского прилива[23]. НКВД боролся не только против любых признаков антисталинского сопротивления, но и против партии в целом. За считанные месяцы число арестованных по обвинению в политических преступлениях выросло в десять раз. Органам НКВД официально разрешалось применять пытки[24]. Уже через несколько месяцев тюрьмы были переполнены. По стране расползался страх. Никто не чувствовал себя в безопасности, особенно из руководящих кругов и активистов. Удары обрушивались не только на бывших участников оппозиции и даже не только на тех, кто прежде поддерживал с ними отношения, но и на куда более широкий круг людей, границ которого никто не знал. Неуверенность парализовала всякую способность к отпору.

В те времена подлинная цель Сталина была трудно различима. Ныне, опираясь на постепенно становившиеся известными факты, можно выделить некоторые категории людей, подвергшихся особенно жестоким ударам: именно их истребление проливает свет на политический смысл террора.

Поголовной ликвидации подверглись обкомы партии. Один за другим были арестованы и расстреляны все сталинские «железные секретари». Хрущев позже рассказал: «Свердловское областное управление НКВД «раскрыло» так называемую Уральскую повстанческую группу — орган блока правых уклонистов, троцкистов, эсеров и церковников, главой которого якобы являлся секретарь обкома Кабаков, член партии с 1914 г.». Хрущев добавил, что, по данным

тогдашних следственных органов, почти во всех районах, областях и республиках существовали «организации и центры троцкистов и правых по проведению шпионажа, диверсионно-террористической вредительской деятельности». Руководителями таких организаций, как правило, без каких бы то ни было доказательств объявлялись первые секретари обкомов или Центральных Комитетов в республиках[25]. По прошествии многих лет выяснилось, что все эти обвинения оказались вымышленными от начала до конца.

Ликвидировать руководство областных партийных организаций было, однако, не так-то просто. Секретарей обкомов зачастую предварительно переводили подальше от прежнего места работы, а затем арестовывали с помощью самых разнообразных уловок: например, в поезде по пути в Москву, куда их внезапно вызывали. Вместе с ними репрессировали весь штат их сотрудников. Всех их объявляли «врагами народа», самых главных по должности расстреливали. Подобно тому как произошло в Свердловске, аресту подвергались обкомы партии и исполкомы Советов в полном составе, но в немалом числе случаев назначенные на их место новые люди (или по крайней мере руководители) некоторое время спустя сами оказывались в тюрьме. С областного уровня репрессии перемещались в районы, где повторялась та же процедура. Из 136 секретарей райкомов партии в Москве и Московской области на своих местах осталось лишь 7, все остальные исчезли[26]. Опустошительными в самом прямом смысле слова были репрессии в Ленинграде, где аресты начались гораздо раньше и где удары страшного молота падали целых четыре года кряду. Уничтожены были все старые соратники Кирова, начиная с самых видных — Чудова, Кодацкого, Позерна, Угарова. Коммунисты погибали тысячами: практически истреблен был весь городской актив. Получить назначение в Ленинград в те годы было равносильно «шагу на край пропасти». В бывшей северной столице также была предпринята попытка устроить публичный процесс, но здесь она не удалась[27].

Убийственным был террор в национальных республиках, как союзных, так и автономных. В мае 1937 г. в Тбилиси собрался съезд Коммунистической партии Грузии, на котором, учитывая обстоятельства момента, как пишет в наши дни историк, «вообще ни о какой критике не могло быть речи»: из 644 делегатов 425, то есть две трети, были в следующие месяцы «арестованы, сосланы и расстреляны»[28]. Нечто аналогичное произошло в Армении и Азербайджане. На Украине и в Белоруссии почти половина членов партии были исключены в ходе последовательно проводившихся чисток; хотя невозможно точно установить, какая часть их оказалась за решеткой, не будет преувеличением предположить, что эта участь выпала на долю большинства. Репрессии выкосили руководящих политических работников обеих республик на всех уровнях, от столичного до областного[29]. Тяжкие репрессии обрушились на Татарию. Столь же тяжелыми, впрочем, были удары, нанесенные Узбекистану,

Казахстану, Таджикистану, Туркмении. Руководители повсюду были расстреляны.

Вместе с тем неверно было бы считать, что террор ограничивался лишь провинцией, хотя именно здесь, без сомнения, находился один из его эпицентров. Трагической участи не избежали и центральные аппараты партии, государства, народного хозяйства. Они были обезглавлены все до одного. Бóльшая часть членов правительства была арестована и расстреляна: в том числе такие прославленные деятели, как Бубнов и Межлаук, глава Госплана после Куйбышева. То же произошло с заведующими многими отделами ЦК, включая Яковлева, который в бытность свою наркомом земледелия явился одним из главных творцов коллективизации. Во всех этих случаях арест главных руководителей сопровождался (предварялся или дополнялся краткое время спустя) арестом их сотрудников[30].

Поскольку наиболее распространенным, особенно после февральско-мартовского Пленума, сделалось обвинение во вредительстве, в числе наиболее опустошенных оказались хозяйственные ведомства. Штабы промышленных наркоматов были ликвидированы почти поголовно. В особенности это относится к Госплану и Центральному статистическому управлению. С особой частотой удары сыпались на те участки, где по прошлому опыту можно было хотя бы отдаленно заподозрить вероятность сопротивления или зерно потенциальной оппозиции. Ураганный шквал прошелся по химической промышленности, в прошлом руководимой Томским и Пятаковым[31]. Не лучшей была участь ответственных работников тяжелой промышленности, и в частности металлургии, как и вообще всех соратников Орджоникидзе, начиная с членов его семьи, которые были арестованы в полном составе, причем один из братьев — еще до самоубийства Серго. Погибли многочисленные «капитаны» советской индустрии, стоявшие во главе строек индустриализации, и в том числе — если ограничиться только теми именами, которые уже назывались, — прославленные Франкфурт и Гвахария[32]. Каганович свирепствовал на транспорте. «Я не могу назвать ни одной дороги, — заявил он в марте 1937 г., — ни одной сети, где не было бы вредительства троцкистско-японского... И мало того, нет ни одной отрасли железнодорожного транспорта, где не оказалось бы таких вредителей...» Арестованы были все его замы, начальники главков и политотделов, а также другие руководящие работники; репрессирован был почти весь персонал старой Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии[33].

Истребление военных

В конце мая — июне 1937 г. топор обрушился на армию. Она также представляла собой угрозу потенциального сопротивления, в частности в силу давней неприязни военных к политической полиции. Советская мемуарная литература последнего времени подтвер-

ждает, что между Сталиным и Тухачевским существовали разногласия[34]. Подобно другим военачальникам, сформировавшимся в боях гражданской войны, Тухачевский был тесно связан с большой частью тех политических деятелей, на которых теперь обрушились репрессии: в числе его личных друзей с 1918 г. был Варейкис, один из наиболее видных секретарей обкомов, защищавший Тухачевского перед Сталиным незадолго до своего собственного ареста[35].

Армия в те годы приобретала растущее могущество и престиж. Сталину, следовательно, было чего опасаться. Вместе с тем ни одна из многочисленных попыток, предпринятых до сих пор, обнаружить хоть какие-нибудь признаки организованного сопротивления, не говоря уже о «путче», не увенчалась успехом. Реабилитация военных деятелей в СССР после смерти Сталина была полной и безоговорочной. По правде говоря, их случай является также единственным, в котором доказанным является факт вмешательства иностранных разведок, но только не в том смысле, в каком об этом говорилось в те годы. Нацистская шпионская служба ловко воспользовалась охватившей СССР эпидемией преследований и подозрений. Сфабриковав фальшивые документы, якобы доказывавшие наличие тайных контактов между Тухачевским и его сотрудниками, с одной стороны, и германским генштабом — с другой, нацисты переправили их в Советский Союз через чехословацкую разведку[36]. Тем не менее как советские, так и иностранные историки, наиболее тщательно изучавшие этот вопрос, единодушно пришли к заключению, что не эти фальшивые бумаги обусловили осуждение советских генералов Сталиным; они, возможно, и сыграли свою роль, но в том смысле, что были использованы им для убеждения других военных деятелей в виновности осужденных[37].

11 и 12 июня СССР и всему миру сообщили, что несколько самых знаменитых красных полководцев — Тухачевский, Уборевич, Якир, Эйдеман, Корк, Фельдман, Примаков и Путна — были арестованы, признаны виновными в измене и расстреляны. Еще один высший военный руководитель, начальник Главного политуправления армии Ян Гамарник, покончил жизнь самоубийством. По сей день из немногочисленных и разрозненных достоверных сведений известно только, что тайный, чрезвычайно краткий и поверхностный процесс был, по сути, простой формальностью, несмотря на то что суд состоял из других генералов, которым вскоре почти всем предстояло погибнуть под грузом тех же обвинений[38]. Участь обвиняемых, по всей вероятности, была предрешена на заседании Военного совета 1—4 июня, где Сталин лично предъявил свидетельства их виновности[39]. Некоторых из осужденных арестовали еще несколькими месяцами раньше; других — только в конце мая, после удаления их со своих постов под самыми различными предлогами. Все они были героями гражданской войны. Якир и Уборевич командовали двумя самыми важными военными округами: Украинским и Белорусским, представлявшими собой главные бастионы европейских границ СССР.

Репрессии в Вооруженных Силах начались еще до ареста Тухачев-

ского: под их удары попадали лишь некоторые, но уже достаточно крупные военачальники. Начиная с июня репрессии приобрели массовый характер, волнами обрушиваясь на военные округа и все крупные воинские формирования. Как и повсюду в стране, они продолжались до осени 1938 г. Был арестован и расстрелян, причем на этот раз без процесса и без публичного извещения, также маршал Блюхер, прославленный командующий Дальневосточной армией, только что отразившей нападение японцев. Список одних лишь наиболее знаменитых военных руководителей, исчезнувших в этот период, слишком длинен, чтобы его можно было здесь привести, поэтому скажем только, что почти все самые известные из них погибли. Расстреляны: начальник Генерального штаба маршал Егоров, начальник Морских Сил РККА Орлов, начальник ВВС РККА Алкснис, начальник Разведуправления штаба РККА Берзин, почти все командующие и политические руководители округов. Опустошению подверглись Наркомат обороны, военные академии, армии и флоты, центральный и периферийный аппарат вооруженных сил. Политические руководители (комиссары) преследовались, пожалуй, с еще большей жестокостью, чем собственно военные. Как было подсчитано, погибли трое из пятерых маршалов СССР, трое из четырех командармов первого ранга, все двенадцать командармов второго ранга, 60 из 67 комкоров, 133 из 199 комдивов, 221 из 397 комбригов, половина командиров полков, все 10 полных адмиралов, 9 из 15 вице-адмиралов, все 17 армейских комиссаров, 25 из 28 корпусных комиссаров, 79 из 97 дивизионных комиссаров, 34 из 36 бригадных комиссаров и многие тысячи других офицеров. Ни одна война никогда еще не обезглавливала до такой степени ни одну армию[40].

Исчезают старые большевики

Эти цифры свидетельствуют о том, что в силу чудовищных масштабов политический замысел Сталина в ходе его практического осуществления приобрел формы и характер, противоречащие каким бы то ни было разумным принципам. Разумеется, во время репрессий сложили головы все оппозиционеры: троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы — все без разбора, от главных лидеров до самых неприметных сочувствовавших на местах. Мало того, та же участь ждала всех, кто когда-либо в истории партии становился на позиции критики руководства, будь то Осинский и «децисты» 20-х гг. или Мдивани и другие грузинские оппозиционеры 1922 г., старый Киселев и члены когда-то существовавшей «рабочей оппозиции» или партийцы, близкие к Ломинадзе и Сырцову в 1930 г., и т. д., вплоть до Енукидзе. В ходе гонений на военных была даже извлечена из небытия и возведена в ранг оппозиции некая группа, в 1928 г. безуспешно возражавшая против ликвидации должности комиссара в Вооруженных Силах. И это при том, что именно в 1937 г. институт комиссаров был временно восстановлен, чтобы смягчить кризис, вызванный истреблением командного состава армии! Уничтожению подверглись также почти все деятели других партий —

участниц революции, особенно партии левых эсеров, которые, подобно Спиридоновой, проживали, как правило, в ссылке, в далекой провинции.

При таком расширенном толковании «оппозиции» бывшие оппозиционеры уже представляли собой немалую долю партии, но все же они составляли лишь очень ограниченную часть всех жертв репрессий. В 1938 г. были арестованы и расстреляны Постышев, Рудзутак, Косиор, Чубарь и Эйхе — члены и кандидаты в члены Политбюро, бывшие в свое время участниками сталинской группы, которые, как можно предполагать, позже солидаризировались с более осторожными тенденциями, обрисовавшимися в период XVII съезда партии в 1934 г. и связывавшимися с фигурой Кирова. Поскольку тем временем всякая законность в партии была сокрушена, их исключение и арест даже не были санкционированы Центральным Комитетом, а просто декретированы решением, подписанным несколькими сталинскими деятелями[41].

Впрочем, практически не существовало больше и Центрального Комитета: 98 (по другой, как будто более достоверной, версии — 110) из 139 его членов и кандидатов в члены, избранных XVII съездом, погибли в результате репрессий, так же как 1108 из 1966 делегатов самого этого съезда[42]. Равным образом коса прошлась и по Комиссии партконтроля, невзирая на то что она была уже к этому моменту превращена в партийный орган с весьма ограниченной компетенцией. Чтобы практически осуществить операцию столь крупных масштабов, потребовались жестокие репрессии в самих судебных органах и НКВД, где все еще оставалось значительное число работников, вышедших из революции и тесно связанных с партийными кадрами, ставшими жертвами преследований. В НКВД прокатилась также волна самоубийств[43]. Расстреляны были все те, кто возглавлял комсомол от момента его рождения и до 1937 г.: Оскар Ривкин, Лазарь Шацкин, Петр Смородин, Николай Чаплин, Александр Мильчаков. (А. Мильчаков не был расстрелян. — *Прим. ред.*) Последним в очереди жертв стояло руководство комсомола, группировавшееся вокруг Александра Косарева, который занимал пост секретаря ЦК ВЛКСМ с конца 20-х гг.: расправа с ним и его соратниками была особенно лютой, в нее лично вмешался Сталин[44].

Если попытаться теперь выявить в этой огромной массе цифр и фактов политическую направленность репрессий, то в конечном счете с неизбежностью напрашивается один вывод. Уничтожено — большей частью физически — то ядро партии, которое состояло из людей, ставших большевиками в дореволюционную пору или во время гражданской войны: иначе говоря, весь тот слой, который, даже следуя за Сталиным, оставался слишком привязанным к своим истокам, чтобы сделаться до конца сталинистским. При всех официальных славословиях Сталин неизменно находил в нем своих критиков, проводивших невыгодные для него параллели с Лениным. Естественно, кое-кто и уцелел, но после 1937—1938 гг. то были просто «спасшиеся», ощущавшие на себе всю тяжесть морального бремени, какую влечет за собой подоб-

ная ситуация. Если взять список из 80 человек, бывших членами ЦК при Ленине в 1917—1923 гг., то к 1937 г. 61 из них были еще живы: 46 погибли во время репрессий. Из 15 оставшихся в живых лишь 8 занимали важные посты, остальные были загнаны на задворки, зачастую после того, как были репрессированы их родные и близкие[45]. Если среди делегатов XVII съезда в 1934 г. 80 % были коммунистами, вступившими в партию до 1921 г., то среди делегатов следующего, XVIII съезда (1939 г.) доля их составляла лишь 19 %[46]. Нет возможности провести аналогичные подсчеты по партии в целом, но по любой группе, по которой имеются соответствующие данные (например, число награжденных орденами за участие в гражданской войне), результаты существенно не расходятся с приведенными выше.

Следует сказать, что Сталин не пощадил и тех партийцев, которые были наиболее близки ему в далекие времена подпольной борьбы. Жестоким преследованиям по его приказу подверглась также семья его покойной жены и другие родственники: возможно, здесь сыграли роль подозрения, возникшие у него в связи с ее самоубийством в 1932 г.[47] Да и вообще то ожесточение против уничтожаемых противников, которые демонстрировали наиболее оголтелые деятели сталинской фракции в ходе репрессий, показывает, до какой степени личного озлобления дошли отношения внутри самого ядра старых партийцев. В июне 1937 г. к Сталину поступил донос, в котором говорилось, что Ломов (Опоков) — один из крупных деятелей старой ленинской гвардии, неизменно находившийся на ответственных постах, ибо он никогда не принимал участия ни в каких оппозициях, — сохранил личную дружбу с Бухариным и Рыковым. Сталин переслал документ Молотову с простой пометкой: «Как быть?» Молотов ответил: «За немедленный арест этой сволочи Ломова». Что и было сделано. Надписи в таком же духе были позже обнаружены и на других документах[48].

Уничтожение целого слоя в партии, да к тому же слоя, имевшего за плечами такую историю и такое влияние, было возможно только при том условии, что репрессиям подверглось все население; террор парализовал любую способность к ответной реакции. Если истребляли старых большевиков, это не значит, что щадили молодых членов партии. Да и не на одни лишь партийные круги сыпались удары. Вместе с «врагами народа» арестовывали членов их семей. В массовом порядке репрессии обрушились на интеллигенцию, как партийную, так и беспартийную. По подсчетам, арестовано было более 600 писателей. В их числе были такие бывшие знаменосцы РАПП'а, как Авербах и старые «попутчики», вроде Пильняка; сын революции Бабель, который хотел написать роман о коллективизации, и поэт, никогда не бывший другом революции, Мандельштам, втайне сочинявший стихи с проклятиями Сталину. Относительно более высоким среди осужденных был процент представителей молодых национальных литератур[49]. Не менее жестокая расправа творилась над учителями, учеными, людьми научного труда вообще — историками, философами или экономистами. Многие диспуты, начавшиеся на страницах научных журналов, как

было написано позже, закончились в стенах тюремных камер. Пожалуй, наиболее тяжкий урон был нанесен биологической и агрономической наукам: погибли такие умы, как Вавилов и Тулайков. В числе арестованных были историк Стеклов, первый главный редактор «Известий» в 1917 г., и знаменитый режиссер Мейерхольд, первым из деятелей театра ставший на сторону революции.

Не более других пощадили иностранцев-коммунистов, бывших анархистов, революционеров, которые нашли в СССР прибежище и которые зачастую приняли советское гражданство, а следовательно, были более или менее глубоко вовлечены в советские споры и передряги. В 1938 г. по воле Сталина Коминтерн декретировал роспуск целой компартии — польской, все руководство которой было арестовано. На фоне общей картины репрессий это был лишь один эпизод, правда, не менее трагический. Ни одна из партий, чьи активисты находились в Москве, не смогла избежать смертоносных ударов; при этом некоторые пострадали особенно сильно, например германская, югославская, венгерская. Арестованы были крупнейшие работники Интернационала и деятели, пользовавшиеся широкой известностью, такие как советские представители в ИККИ Пятницкий и Кнорин, венгр Бела Кун, немец Эберлейн, единственный участник основания Интернационала в своей партии, болгары Танев и Попов, которых судили в Лейпциге вместе с Димитровым, швейцарец Фриц Платтен, организовавший в 1917 г. возвращение Ленина в Россию в знаменитом «пломбированном вагоне». С ними вместе навечно исчезли и многие безымянные эмигранты, нередко простые труженики, работавшие по специальности в самых различных отраслях хозяйства[50]. Среди советских граждан преследованиям в особенности подвергались те, кто учился или жил в других странах либо вообще имел какие-либо контакты с заграницей. В каждом из них видели потенциального шпиона. Дипломатия также уплатила тяжкую дань репрессиям, потеряв таких людей, как Карахан, Стомоняков и Юренев. Едва ли не самый скорбный акт трагедии наступил, когда начались аресты среди возвращавшихся из Испании участников гражданской войны: в их числе был взят Антонов-Овсеенко, человек, бравший штурмом Зимний дворец в Октябре 1917 г., — он принял смерть с большим достоинством*[51].

Гонениям вновь подверглись все церкви как потенциальные центры оппозиции. Аресты охватили и далекие от политики слои населения: достаточно было любого намека на протест, анекдота или даже просто острого словца, наконец, родства с кем-нибудь из осужденных — и человек мог оказаться за решеткой. Кулакам или предполагаемым кулакам, чьи сроки заключения (как правило, 5 лет) истекали в этот период,

* Многие годы спустя сын Томского, оказавшийся в одной камере с Антоновым-Овсеенко, описал его последние дни. Он так и не согласился подписать показания на вымышленных сообщников. Когда за ним пришли, чтобы увести на расстрел, он роздал свою одежду товарищам и сказал: «Прошу тех, кто доживет до свободы, рассказать, что Антонов-Овсеенко был большевиком и большевиком остался до последнего своего дня».

автоматически продлевали заточение, хотя в 1934 г. намечалось их досрочное освобождение[52]. Атмосфера всеобщего подозрения поощряла доносительство. НКВД занимался своего рода «планированием» арестов на основе заранее установленных «квот». Пытками у арестованных вырывали имена многих людей, которые якобы были их «сообщниками». Как всегда в таких случаях, к политической трагедии примешивалось сведение личных счетов. Огромное число арестованных было расстреляно, большинство же отправлялось по этапу вместе с заключенными-уголовниками после формальных процессов длительностью в несколько минут, а то и просто по административному решению. Концентрационные и исправительно-трудовые лагеря во множестве появились повсюду в стране; условия содержания в них были до крайности тяжелыми, порой убийственными.

Процесс Бухарина

Массированные репрессии продолжались два года. Их подлинным окончанием не может считаться январь 1938 г., когда было принято решение ЦК, в котором обличались массовые исключения из партии и аресты, но вина за них еще раз возлагалась на «замаскированного врага», присутствующего в различных организациях[53]. Направленный, вероятно, на то, чтобы приглушить растущую тревогу, этот документ еще отнюдь не знаменовал реальной перемены. Напротив, хотя постановление требовало от парторганизаций индивидуального рассмотрения каждого случая исключения из партии, сам Сталин, который, судя по всему, был одним из его авторов, имел обыкновение в этот период одним росчерком пера превращать длинные списки людей в смертные приговоры: называлось 383 списка такого типа, содержавших, по данным одного историка, 44 тыс. фамилий [54].

Март 1938 г. стал свидетелем третьего и последнего из больших публичных процессов, самого колоссального из всех. Состав обвиняемых на этот раз представлял собой как бы полный разрез старой большевистской партии. Наряду с Бухариным и Рыковым в нем фигурировали деятели других прежних оппозиций (бывшие троцкисты Раковский и Крестинский), экс-шеф НКВД Ягода, бывшие министры Розенгольц и Чернов, украинец Гринько и узбек Ходжаев, основатель в 1920 г. «младобухарской партии», а затем большевик и глава правительства Узбекистана. Всего на скамье подсудимых оказался 21 человек; некоторые вообще никогда не были причастны ни к какому из оппозиционных течений. Все вместе они, по утверждению обвинения, якобы образовали правотроцкистский блок.

Все пункты обвинительных заключений предыдущих процессов были на этот раз сведены воедино: от шпионажа и тайного сговора с врагом до попытки реставрации капитализма, от убийства Кирова, а также Куйбышева, Горького и Менжинского — деятелей, в отношении которых ни тогда, ни позже не было доказано, что их смерть не была естественной, до организации вредительства всюду и везде,

от попыток организовать кулацкие мятежи до намеренного нанесения ущерба целым отраслям промышленности[55]. Все подсудимые и на этот раз признали себя виновными, но процесс не обошелся и без драматических моментов. Крестинский попытался, было, опровергнуть показания, вырванные у него в тюрьме. Бухарин, который, как и другие, признался в приписанных ему преступлениях, до конца отвергал самое чудовищное и абсурдное обвинение, будто в 1918 г. в пору Брест-Литовска он замышлял вместе с левыми эсерами убийство Ленина. Отверг он и некоторые другие позорные обвинения, например участие в убийстве Кирова[56]. Его высказывания на суде — это трагическое переплетение признаний в политической виновности, оспаривания вменяемых ему преступных фактов, а также тонкой защитительной аргументации, смысл которой порой был достаточно прозрачен: не имея возможности выражаться так, как ему хотелось бы, он все же пытался пролить свет на истинную подоплеку процесса. На приговор это не повлияло: 18 обвиняемых — и Бухарин первым среди них — были осуждены на смерть и расстреляны*.

За процессом 1938 г. последовало еще немало месяцев повальных репрессий. Действительная корректировка курса была предпринята только в конце года, когда Ежова убрали из Наркомата внутренних дел. Вскоре он совсем исчез, и все разговоры о нем смолкли, хотя на протяжении двух предшествующих лет его превозносили как одного из лучших сталинистов. Он был в свою очередь арестован и расстрелян. Этот человечек небольшого роста, почти карлик, со скромными интеллектуальными способностями, играл первую роль в осуществлении террора. Когда он стал неугодным, его уничтожили. Это позволило Сталину создать впечатление, что Ежов-то и был единственным виновником двух чудовищных лет с их «перегибами». Вместе с Ежовым исчез целый ряд следователей и начальников НКВД, безжалостно орудовавших под его началом. Так, немалому числу узников лагерей довелось встретиться лицом к лицу — но уже в роли заключенных — с теми самыми людьми, которые еще недавно были их свирепыми гонителями[57]. Это была последняя волна террора.

---

* В хрущевские годы вымышленный характер процессов был косвенно признан в СССР. Никто больше не говорил о преступлениях осужденных. В 1962 г. академик Поспелов, бывший секретарь ЦК партии, официально заявил: «Достаточно внимательно ознакомиться с документами XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, не были шпионами или террористами» («Всесоюзное совещание историков», с. 298). Тем не менее по-настоящему были реабилитированы только деятели меньшего калибра, в то время как с главных обвиняемых обвинение так и не было снято. Советские книги по истории, вышедшие в последнее время, просто избегают говорить о процессах, словно их никогда не было. Вместе с тем со стороны некоторых ветеранов партии предпринимались попытки добиться реабилитации. Самые настойчивые из них касались именно Бухарина, что можно расценить как частичное посмертное признание той позитивной роли, которую он тщетно пытался сыграть в 30-е гг. и которую тем не менее не забыли уцелевшие участники событий той эпохи. Письмо такого содержания было направлено руководству партии четырьмя видными старыми большевиками (*Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 231—232). Как стало известно автору из первоисточника, на одном из партийных собраний в этом же смысле осторожно высказался также бывший сталинист Микоян.

Почему Сталину это удалось

Сколько было жертв? Достоверных данных нет. Советские официальные источники безмолвствуют. В разговорах между самими гражданами СССР обычно упоминаются миллионы. Один видный коммунистический деятель Югославии назвал цифру 3 млн. По осторожным подсчетам историка Медведева, по меньшей мере 400—500 тыс. было расстреляно и от 4 до 5 млн. — арестовано. Западные исследователи называют более высокие цифры[58]. Каковы бы ни были окончательные данные, то была цена абсолютной власти Сталина.

Столь употребительное в те годы выражение «враги народа» должно было бы как будто подтолкнуть нас к якобинской версии террора. Но подобное толкование, хотя и получившее хождение в ту пору, не выдерживает проверки действительностью. В СССР тогда не было ничего похожего на ситуацию «отечество в опасности». Гражданская война была далеко позади. При всех трудностях внутренняя обстановка улучшалась. Судороги коллективизации тоже были уже в прошлом. Тех, по кому ударили репрессии, нельзя было рассматривать как представителей враждебного класса.

Относительно более высокий процент жертв, как мы видели, приходился на партию, причем именно на руководящий слой. Поневоле задаешься вопросом: почему же коммунисты не оказали сопротивления? Чтобы ответить, следует, видимо, обратиться к двум главным соображениям.

Партия, которая вверила себя Сталину в 1929 г., была совершенно не подготовлена к отражению сталинского натиска. В представлениях старого большевистского костяка партии все ценности — политические, этические, духовные — были связаны с самой партией, выступавшей в роли высшего и единственного орудия революции. У этого центрального партийного ядра не было поэтому идейного оружия для борьбы с деспотизмом, говорившим от имени партии. Отсюда полная растерянность многих жертв, их неспособность понять события [59]. (Многочисленные свидетельства сходятся в том, что другие категории арестованных, например глубокие приверженцы тех или иных религий, морально лучше выдерживали испытания; более стойкими зарекомендовали себя в тюрьмах также группы непримиримых троцкистов, которые были уничтожены, но после того, как с отчаянным мужеством пытались защищать свое достоинство[60].)

Подобно множеству советских людей, большинство жертв были убеждены, что ответственность за их преследование лежит не на Сталине. Они думали о заговоре в самом НКВД, о котором не подозревал Сталин[61]. Но и те, кто обладал достаточной прозорливостью, чтобы понять, откуда исходит удар, — а таких было немало — не решились выступить против вождя, которого они сами подняли на слишком большую высоту. Все последние тщетные попытки сопротивления сводились к запоздалому разоблачению НКВД как главного источника злоупотреблений[62]. Подобный взгляд на вещи содержится

даже в письме, которое Бухарин оставил жене незадолго до ареста в надежде, что оно дойдет до «будущего поколения руководителей партии», хотя именно Бухарин не питал иллюзий насчет намерений Сталина[63]. Сам вопрос о ложных признаниях обвиняемых на процессах является составной частью этой более широкой проблемы. Ныне накопилось достаточно свидетельств, благодаря которым можно представить себе, с помощью каких физических и моральных пыток у подсудимых вырывали или навязывали им эти самообвинения. Разумеется, то был решающий фактор. Но к нему добавлялось чувство бессилия и — как угадывается во внутренней трагической напряженности последнего слова Бухарина на суде — некое расплывчатое чувство собственной вины за то перерождение политической борьбы, жертвами которого стали, в частности, сами подсудимые[64].

Здесь мы наталкиваемся на вторую группу соображений. Будучи слишком сильным, чтобы превратиться просто в «передатчик» сталинских директив, руководящий слой партии во второй половине 30-х гг. был слишком слаб, чтобы оказать победное сопротивление. Сердцевина системы сталинского аппарата, этот слой, в отличие от недосягаемого вождя, был прямым участником жестоких битв предыдущего периода повсюду в стране: на него не могло не обращаться то озлобление, которое оставили после себя эти ожесточенные схватки. Его власть усилилась, но ослабли те чувства симпатии и поддержки, которыми он пользовался среди рабочих и крестьян: скудной оказалась его опора в народе.

Сталин знал слабости партийных комитетов и широко использовал их с помощью тезиса о вредительстве. Страна жила еще под бременем многих трудностей, порождавших напряженность. И вот для всех причин недовольства — шла ли речь о катастрофах на производстве или задержках с выдачей зарплаты, очередях перед магазинами или низких доходах колхозников — были найдены козлы отпущения в виде многих тысяч могущественных вредителей, проникших повсюду. Свой удар Сталин нанес главным образом с помощью ежовской полиции; но вместе с тем он сумел создать слепое общественное движение, в котором застарелая злоба и новая ярость выплескивались в одном иррациональном порыве. В печати навязчиво повторялись одни и те же темы. Собрания превращались в судилища. Все происходившее — от выражения «враги народа» и до показаний обвиняемых на московских процессах — служило отличной пищей для разжигаемой кампании. В сотнях сельских районов, причем обычно именно в тех, где хуже всего шли дела, устраивались свои «малые» процессы, сообщения о которых попадали только в местную печать. Схема была неизменно одной и той же: главным обвиняемым выступал секретарь райкома, якобы пригревший шпионов и вредителей и потому несущий ответственность за все невзгоды, от которых страдало население[65].

То, что предпринял Сталин, было безжалостной политической акцией, а не импровизацией параноика. Благодаря этому он, несмот-

ря на репрессии или, быть может, даже с помощью репрессий, смог выступить в качестве защитника народа, стража трудной ценой добытых завоеваний, в равной мере бдительно охраняющего их как от внешних, так и от внутренних врагов. Он ликвидировал тем самым все, что могло помешать ему в осуществлении собственной власти. Речь шла, если воспользоваться выражением официальной характеристики, данной в 1962 г. в Москве, «о злоупотреблениях Сталина властью, его произволе и преступных действиях»[66], а с учетом всех обстоятельств не будет ошибкой сказать — о государственном перевороте.

VI. СТАЛИНИЗМ

Вождь и народ

Своим поведением в 1937—1938 гг. Сталин дал материал для проведения одной исторической параллели. Косвенно он сам подсказал ее, когда с похвалой отозвался о безжалостном истреблении бояр Иваном IV как необходимой предпосылке утверждения централизованного русского государства; единственное, в чем Сталин упрекал царя Ивана, — это в том, что он оставил в живых несколько княжеских семей. В довоенные годы началась идеализация образа «грозного царя»: вместе с Петром I Иван IV сделался одной из постоянных отправных точек сталинской историографии[1]. Сколь бы внушительным, однако, ни было сравнение, не следует поддаваться гипнозу аналогий. Для понимания описываемых событий и их последствий для советского общества гораздо полезнее проанализировать идейно-политический смысл той операции, которую сталинское руководство осуществляло параллельно с репрессиями.

С 1938 г., то есть после подавления всякого сопротивления, явного или скрытого, власть Сталина сделалась безграничной. Уничтожены были, иначе говоря, все препятствия к прямой связи между вождем и народом, которую он использовал как орудие борьбы с руководящим слоем партии и как миф, способный зарубцевать разрывы в социальной ткани общества, вызванные конфликтами начала 30-х гг. Один советский писатель, который смотрит на Сталина отнюдь не с осуждением, описал его размышления, должно быть, довольно достоверно: «Был народ, и был его вождь Сталин... который знает, что нужно народу, по какому пути должен идти народ и что на этом пути совершить. Даже ближайших своих соратников он рассматривал прежде всего как посредников, главная задача которых состоит в том, чтобы неустанно разъяснять партии и народу то, что было высказано им, Сталиным, проводить в жизнь его указания»[2].

Изображение в точности соответствует реальному положению вещей. Переменилась и сама связь между Сталиным и другими руководителями, какими бы испытанными сталинистами они ни были. После пролетевшего урагана, все сметавшего на своем пути, уставные органы партии были восстановлены в марте 1939 г., когда в Москве состоялся XVIII съезд ВКП(б). Вместе со Сталиным в Политбюро вошли Молотов, Каганович, Андреев, Ворошилов, Жданов, Калинин, Микоян, Хрущев плюс Берия и Шверник как кандидаты. В Секретариат вошли Сталин, Андреев, Жданов и Маленков. Получилось, иначе говоря, сочетание новых имен, выдвинувшихся во время репрессий, с несколькими уцелевшими деятелями прежней сталинской фракции. Но отношения между Сталиным и прочими были именно

отношениями вождя с исполнителями. Вследствие этого все остальные выглядели, словно на одно лицо. Совершенно невозможно приписать одному из них сколько-нибудь реальное превосходство перед другими. Иные, вроде Молотова, к примеру, пользовались, быть может, большей известностью, так как дольше находились на политической сцене; но их позиция от этого не становилась более прочной. Даже Каганович и то частично утратил свое значение. Все знали, что в архивах НКВД на каждого из них заведено досье с обвинениями. У некоторых были арестованы самые близкие родственники, например жена Калинина; вскоре такая участь постигла и других[3]. Каждое слово Сталина было законом для всех них.

Новая интеллигенция

Но то была лишь одна сторона советской действительности. Другой продолжало оставаться коренное преобразование страны, самоотверженный труд народа, рост могущества государства, расширение его промышленного потенциала — совокупность всего того, что сам Бухарин назвал в суде «объективным величием социалистической стройки». С помощью этого понятия он пытался выразить — на том обедненном языке, на котором ему еще было дозволено объясняться, — ту «своеобразную двойственность сознания», какая была присуща всем противникам Сталина на советской политической сцене 30-х гг. Эта двойственность, как можно понять из слов Бухарина, парализовала в последних противниках Сталина саму способность ответной реакции, защитные рефлексы[4]; его противников парализовал неизменный страх, что вместе с крахом сталинизма рухнет и вся громада возводимого здания, погребая под своими обломками и их самих.

Одним из наиболее крупных завоеваний в этих условиях было по-прежнему распространение образования. По переписи 1939 г., неграмотность в СССР оказалась ниже 18 % и была почти полностью ликвидирована среди лиц в возрасте до 50 лет. Более высокий процент неграмотности — около 30 — отмечался еще в республиках Средней Азии, однако, если учесть, что исходный уровень здесь был близок к нулю, результат этот выглядел даже более блестящим, нежели в среднем по стране. Развитие системы просвещения шло по нарастающей на протяжении второй и третьей пятилеток благодаря значительному увеличению капиталовложений; особенно чувствительным оно стало начиная с 1935 г, то есть как только успех индустриализации в целом позволил стране хоть немного перевести дыхание. Относительно более высокими были ассигнования на школу в отсталых национальных районах. В 1937 г. было осуществлено всеобщее обязательное начальное образование. Уже в 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) смог поставить целью продление всеобщего обязательного образования с четырех до семи лет на основе единой для всей страны системы. Продолжались в то же время и усилия по обучению взрослых. Если в 1928 г. на тысячу жителей насчитывалось

84 человека, охваченных теми или иными видами обучения, то в 1939 г. пропорция составляла уже 185 на тысячу, то есть учебой была охвачена уже без малого пятая часть населения[5].

Большое развитие получила также система специального среднего и высшего образования. Основой первого были техникумы, готовившие специалистов среднего уровня. Что же касается высшей школы, то она переживала не только период роста, но и период все большей специализации. Главенствующей заботой в первой пятилетке была подготовка инженеров для новых предприятий. Позже наряду с быстрым ростом технических и политехнических институтов стали развиваться университеты и педагогические вузы. В учебном 1937/38 г. насчитывалось уже более полумиллиона студентов. Спрос на высококвалифицированный персонал рос не только в сфере экономики. За первую и вторую пятилетки расходы на научные исследования увеличились в 3,5 раза: требовалось, следовательно, большее число научных работников. С 1936 г. были отменены ограничения на прием в вузы в связи с социальным происхождением[6].

Так же как в хозяйственном отношении, в развитии среднего и высшего образования не было никакой дискриминации нерусских национальностей. Наоборот, по всем колониальным окраинам, где до революции не существовало учебных заведений университетского уровня, возникли и стали множиться вузы[7]. В этом состоял важный элемент новизны. В то время как уже преследовались все истинные или вымышленные проявления национализма, обеспечивался и рост местной интеллигенции, она поощрялась к включению в общее движение страны по пути прогресса.

В период 1937—1940 гг. началось широкое распространение славянского алфавита среди неславянских народностей. Ранее, в 20-е гг., предпочтение отдавалось латинскому шрифту: в этом отражалась тенденция рассматривать развитие народов СССР как часть всемирного революционного процесса, близкого к победоносному завершению. Такой шрифт получили как те народы, которые отказались от прежних форм письменности (например, от арабской в Азербайджане), так и те, которые получили письменность впервые за всю историю существования своих устных языков (например, казахи). Во второй половине 30-х гг. и те и другие перешли на славянский алфавит, исключение составили те народы, которые, подобно грузинам, неизменно сохраняли свой собственный традиционный алфавит[8]. Интеллектуальное развитие отдельных народов, иначе говоря, теперь рассматривалось в основном в рамках Советского Союза, то есть в том комплексе, где стержнем служила более развитая русская культура; русский язык, кстати говоря, повсюду преобладал в системе высшего образования.

Расширение системы образования на разных уровнях с последующим выдвижением кадров привело к формированию советской интеллигенции. В 1939 г. Молотов определил ее численность в 9,6 млн. человек[9]. В это число, правда, были включены довольно разнородные

профессии: рядом с инженерами или преподавателями соседствовали медицинские сестры или счетоводы. Но даже при некотором «усечении» слой этот оставался весьма многочисленным. Очевидное большинство в нем составляли технические специалисты. Несколько труднее установить, какую часть составляла интеллигенция собственно советской формации. На протяжении двух первых пятилеток из специальных средних и высших учебных заведений вышло около 1,5 млн. дипломированных специалистов[10]. Но слой новых кадров не ограничивался ими, поскольку в него входили также работники-практики или активисты-общественники, выдвинувшиеся другими путями. Следует учитывать, например, что среди самих секретарей райкомов, которые, бесспорно, входили в этот слой, в 1939 г. менее 29 % получили среднее или высшее образование[11]. Таким образом, если согласиться признать 9,6 млн. человек, названных Молотовым интеллигенцией, как единый социальный слой, то нужно, по крайней мере, оговориться, что слой этот был весьма пестрым по уровню образования, происхождению, характеру труда и национальному составу.

Тем не менее, по словам Сталина, в целом речь шла просто о «новой, народной, социалистической интеллигенции, в корне отличающейся от старой, буржуазной интеллигенции» и составляющей «плоть от плоти и кровь от крови нашего народа»[12]. В 1939 г. он вынужден был особенно настаивать на таком определении, чтобы сдержать опасную волну враждебных интеллигенции настроений, вновь раздутых двумя годами репрессий, с их охотой на вредителей. Между тем именно в этом слое приходилось теперь изыскивать силы, способные заполнить пустоты, оставленные террором.

Сталинские кадры

Аресты и казни 1937—1938 гг. причинили СССР громадный вред. Советская критика Сталина после его смерти была настолько недвусмысленной по этому вопросу, что для сомнений не остается места. «Наше движение к социализму и подготовка страны к обороне, — сказал Хрущев в 1956 г., — были бы более успешными, если бы кадры партии не понесли столь тяжелых потерь в результате необоснованных и неоправданных массовых репрессий»[13]. Жертвами, даже когда речь шла об участниках гражданской войны, были, как правило, люди 40—50-летнего возраста: как бы тяжело ни отразились на них суровые битвы предыдущих лет, они оставались еще полноценными работниками, не говоря уже о том, что за их плечами был большой опыт. Если отрицательные последствия сказались во всех областях жизни общества, то наиболее тяжкими они были в экономике и Вооруженных Силах — там, где репрессии косили, как чума. Уже в 1937 г. темпы роста промышленного производства и национального дохода резко снизились. Не лучше дело обстояло и в последующие годы[14]. Из 151 директора металлургических заводов 117 исчезли.

То же произошло в химической промышленности. В 1939 г. и даже еще в 1940 г. руководящие посты почти повсюду были заняты работниками, которые пришли на эти должности не более года-двух назад: нередко это была молодежь, окончившая вузы в 1933—1934 гг. Их неопытность давала знать о себе на каждом шагу; ко всему прочему за первую же ошибку или упущение молодые руководители расплачивались если не арестом, то снятием с работы[15].

Как невосполнимые были расценены потери, нанесенные Вооруженным Силам как раз в самый ответственный момент их развития в преддверии войны. Уже в 1937 г. 60 % командирских должностей в пехоте, 40 — в бронетанковых частях и 25 % — в авиации было занято новичками. Еще более тревожный характер нехватка опытных командиров приобрела в последующие годы в связи с ростом численности армии: лишь немногие обладали подготовкой, соответствовавшей занимаемой должности[16]. Подобные факты не оставляют камня на камне от выдвигавшегося позже в различных формах предположения, будто целью сталинских репрессий была подготовка страны к надвигавшейся уже войне, попытка сделать ее более сплоченной. На самом деле репрессии ослабили СССР до такой степени, что, как мы позже убедимся, грозили поставить его на край гибели.

Достаточно одного типичного примера. Выдающийся авиаконструктор Андрей Туполев, уже тогда бывший светилом первой величины советской авиации, в довоенные годы был арестован и, находясь в заключении, проектировал самолеты, с помощью которых СССР потом вел борьбу с нацистами. Вместе с ним в неволе работали многие из тех, чьи имена сейчас составляют славу советской науки, и в том числе будущий академик Сергей Королев, который впоследствии прославился на весь мир как создатель космических ракет, или, если обратиться к имени, более близкому итальянцам, Роберто Бартини, крупный инженер-конструктор, бежавший из фашистской Италии и обладавший немалыми заслугами в деле развития советской авиации[17]. То, что и в подобных условиях эти люди создавали и осуществляли свои проекты, представляет собой тему, достойную многих размышлений. Но неотступным остается вопрос: насколько же более плодотворным был бы их труд в иных условиях*?

И все же, констатируя всю тяжесть понесенного ущерба, нельзя не поразиться другому явлению: сколь бы обширными ни были образовавшиеся пустоты, они заполнялись. Истребление прежних руководителей повлекло за собой отставание и кризисные ситуации, но, несмотря ни на что, нашлись новые работники. Иногда возникала обстановка осадного положения. Госплан доверили блистательному

---

* Вместе с Туполевым в тюрьме находился Карл Сцилард, венгерский физик, бежавший из своей страны, находившейся под пятой режима Хорти. Позже он принял участие в создании советской атомной бомбы, подобно тому как его родственнику, Лео Сциларду, нашедшему прибежище в Соединенных Штатах, пришлось участвовать в создании американской атомной бомбы. Так превратности судьбы одной семьи отражают некоторые шекспировские мотивы нашего столетия (*Charaguino*. Op. cit., p. 41—42).

34-летнему экономисту Вознесенскому. Во главе нового Наркомата химии был поставлен деятель, никогда не работавший в промышленности. Случалось, что ничего не подозревавшего человека вдруг вызывали к Сталину и предлагали занять пост, сопряженный с высочайшей ответственностью[18]. В 1939 г. Сталин и Жданов с гордостью говорили о том, что на протяжении предыдущих пяти лет они выдвинули на руководящие должности более полумиллиона молодых работников[19]; но сколько среди них было таких, чье выдвижение пришлось именно на 1937—1938 гг.? Потрясение было слишком сильным, чтобы не вызвать отрицательных последствий. Но и при всех недостатках новых кадров неоспоримым остается тот факт, что именно им суждено было управлять страной во время войны и привести ее к победе. Их наступление было своего рода реваншем выдвиженцев, то есть всех тех новых людей, которые волнами выходили на авансцену на протяжении 20-х и 30-х гг. В 1939 г. от 80 до 93 % главных руководящих должностей в партийном аппарате — секретарей и заведующих отделами областных и районных комитетов — разом перешло к коммунистам, вступившим в партию после 1924 г., то есть после ленинского призыва[20].

Вот эта-то перемена и дала позже пищу для предположения, высказывавшегося как в СССР, так и за его пределами, о том, что сталинские репрессии были, конечно, прискорбным явлением, но, в сущности, представляли собой операцию, призванную вызвать — и сумевшую вызвать — антибюрократическое обновление аппарата, так сказать, замену прошлых политических заслуг молодой компетентностью. Подобное толкование, опиравшееся на объяснения, которые сам Сталин пожелал дать, получило хождение прежде всего среди самих выдвиженцев в СССР и было подхвачено кое-кем из историков за границей[21]. Слишком большое число фактов не согласуется с этой по меньшей мере односторонней версией. В массе жертв были как некомпетентные люди, так и блестящие знатоки своего дела; как бюрократы, так и подлинные новаторы. Нельзя отрицать, что проблема обновления существовала в советском обществе в 30-е гг. Но именно неспособность разрешить ее демократическими методами и обусловила страшную трагедию 1937—1938 гг. Ее последствия поэтому были совсем не теми, какие правомерно было ждать от антибюрократической кампании. Да, действительно, на всех уровнях на первый план выдвинулись новые руководящие работники. Было бы упрощением считать всех их оппортунистами потому лишь, что выдвижение их произошло по известной причине. Были среди них недюжинные люди. Были такие, кто пользовался авторитетом и уважением. Были и отличавшиеся упорством в достижении цели. Однако все они несли на себе глубокий отпечаток тех обстоятельств, при которых произошло их выдвижение, и отпечаток этот был каким угодно, но только не положительным.

Убедительный портрет руководителя этого типа (одного из лучших представителей этого типа) был нарисован писателем, выросшим

шим вместе с этим поколением: «"Солдат партии" — это не были для него пустые слова. Потом, когда в употребление вошло другое выражение, «солдат Сталина», он с гордостью и, несомненно, с полным правом считал себя таким солдатом... Он уклонялся от вопросов, которые могли смутить его как коммуниста, смутить его совесть; уклонялся самым простым из способов: это не мое дело, это меня не касается, не мне об этом судить. Эпоха наложила на этих людей свой жесткий отпечаток, привила им первую заповедь солдата: уметь исполнять. Их девизом, их кредо стало правило безотказного бойца: выполнять приказ — и никаких разговоров... Он принимал поведение Сталина как неотвратимый высший закон... То было убеждение всей его жизни, действующее автоматически, почти, можно сказать, с силой инстинкта: превыше всего дисциплина, преданность Сталину, каждому его слову, каждому его указанию... В этом исполнении... он находил глубокое удовлетворение, огромное наслаждение»[22].

Разумеется, подобное мышление было отражением только что пережитого чудовищного опыта. Но дело было не только в этом. С одной стороны, в нем спрессовались напластования норм и обычаев, уже сложившихся за предыдущий период советской истории; с другой — то был результат неотступно навязчивого политического воспитания. Здесь-то и начиналась вторая половина сталинской операции.

Возобновление приема в партию

После целых четырех лет запрета на прием новых членов в партию он вновь был разрешен между сентябрем и ноябрем 1936 г., как раз тогда, когда начали развертываться массовые репрессии. Происхождение решения неясно. Известно только то, что эффект его был невелик, пока свирепствовал террор: слишком рискованно было тогда вступать в партию, слишком опасно было давать рекомендацию вступающему[23]. Не много новых коммунистов появилось в 1937 г. Постепенный прогресс стал намечаться в 1938 г. под воздействием целого ряда постановлений, целиком направленных на стимулирование более широкого притока. Однако наиболее ощутимые изменения произошли лишь к концу года. Напротив, 1939 г. стал годом массового наплыва: 1 млн. человек вступили в члены партии и около 0,5 млн. — в кандидаты. Затем прием постепенно стали притормаживать, и так продолжалось вплоть до начала войны; в общем и целом, однако, двери партийных организаций оставались открытыми[24]. Особенно интенсивным процесс был в армии, где коммунистическая прослойка к концу 1937 г. была самой тонкой за весь период с 20-х гг.: всего 147,5 тыс. человек. Прием усилился в 1938 г. и достиг в 1939 г. самого высокого (из зарегистрированных) уровня: 165 тыс. человек в год. К середине 1941 г. в вооруженных силах насчиты-

валось более полумиллиона коммунистов, из которых примерно половину составляли кандидаты в члены партии[25].

Этому способствовали решения XVIII съезда ВКП(б) (март 1939 г.), отменившего старые дискриминационные различия на основании социального происхождения при приеме в партию. Нормы стали едиными как для рабочих, так и для крестьян, служащих или интеллигенции: вступающий должен был выдержать годовой испытательный срок в качестве кандидата; для вступления требовались рекомендации трех членов партии с партийным стажем не менее трех лет. Новые правила смягчали в особенности те строгости, которые прежде существовали для выходцев из интеллигенции. Это новшество объяснялось Сталиным тем, что, поскольку в социалистическом Советском Союзе больше не существует враждебных отношений между классами, не должны сохраняться и различия при приеме той или иной группы населения[26].

XVIII съезд утвердил этот принцип в рамках более широкой реформы Устава партии, отражавшей воссоздание своего рода внутрипартийной законности после разгула репрессий. Сталин и Жданов на съезде провозгласили, а потом было записано в документах, что больше не будет массовых чисток. В Устав была введена новая глава с перечислением прав члена партии наряду с его обязанностями: право критиковать любого работника партии, право выбирать и быть избранным в партийные органы, право требовать личного участия во всех случаях, когда выносится решение о нем; право обращаться с любым вопросом и заявлением в любую партийную инстанцию, вплоть до самых высших. На съезде снова говорилось о «внутрипартийной демократии»: голосование при выборах должно было производиться не списком, а по отдельным кандидатурам[27]. Все эти меры создавали видимость обнадеживающего прогресса по сравнению с тем, что делалось на протяжении двух предшествующих лет: они призваны были внушить членам партии то чувство большего спокойствия, без которого вряд ли оказалась бы возможной какая бы то ни было их деятельность. Отчасти такая цель была достигнута. Вместе с тем, однако, от внимания не может укрыться вся шаткость новых уставных норм: достаточно вспомнить, что ведь и репрессии оправдывались Сталиным во имя расширения демократии.

Правда, когда собрался XVIII съезд, массовый террор ушел уже в прошлое. Ежов канул в небытие. Рядом секретных распоряжений аресты были приостановлены, наиболее важное из них было отдано в ноябре 1938 г. В своем докладе Жданов даже подверг критике некоторые примеры перегибов в деле исключения из партии, имевших место в течение двух предыдущих лет[28]. Была организована процедура некоей реабилитации: благодаря ей несколько месяцев спустя, уже перед самой войной, на свободу вышли некоторые арестованные, в частности кое-кто из военных, например прославившиеся впоследствии Рокоссовский и Горбатов. Бóльшим снисхождением пользовались те, кого судили в этот период. Исправление курса

было существенным, но значение его не следует преувеличивать. По сравнению с размахом предыдущих репрессий то было явление весьма ограниченных масштабов. Насколько известно, исправлены были даже не все те случаи, которые упоминались Ждановым. Репрессии стали более избирательными, но полностью так и не прекратились. Да они и не могли прекратиться. Слишком тяжкими были удары, нанесенные партии и обществу, чтобы можно было говорить о сколько-нибудь реальной демократизации. Аресты продолжались, в особенности среди интеллигенции: еще в 1939 и даже в 1940 гг. им подверглись многие видные деятели культуры, включая и новоизбранных членов Центрального Комитета[29].

События 1937—1938 гг. повлекли за собой еще одно долговременное последствие. Оно касалось положения и роли политической полиции. В общем и целом в истории СССР нашла решение проблема, встающая перед любой современной революцией и заключающаяся в установлении гражданского контроля над армией. Ее решению способствовали, пусть даже уродливо искаженным образом, и сами репрессии. Этого нельзя сказать об органах НКВД. Безграничный произвол их, длившийся в течение двух страшных лет, теперь уже сохранится надолго, превратив эти органы, как потом было написано, в «наводящую ужас службу... стоящую над высшими органами партии и государства»[30]. Именно в 1939 г. в связи с протестами, исходившими на этот раз и от обновленных периферийных партийных органов, Сталин секретным телеграфным циркуляром напомнил, что двумя годами ранее НКВД было дано и сохраняется по сей день право применять пытки[31]. Это не значит, что над политической полицией не было никакого контроля: единственным остававшимся был только личный контроль Сталина.

Символом этой небывалой и исключительной власти НКВД по отношению к самой партии выступал новый глава Наркомата внутренних дел Берия. Его назначение на место Ежова в первый момент было воспринято как симптом, предвещающий возврат к законности. Но уже на XVIII съезде ВКП(б) он предстал в совсем ином облике, заявив: «Укрепление всех звеньев советского государственного аппарата проверенными, крепкими кадрами, изгнание оттуда всех еще не разоблаченных и притаившихся врагов народа являются задачей первостепенной важности... Подлые враги народа и впредь с еще большей ожесточенностью будут пытаться вредить, пакостить нам...» Он обещал поэтому обеспечить «разоблачение, разгром и искоренение всех врагов народа»[32]. Внезапное возвышение этого уроженца Кавказа было по-своему многозначительным. Его большевистское происхождение было более чем сомнительным. Все собранные позже свидетельства подтверждают, что его поведение во времена гражданской войны в лучшем случае может быть охарактеризовано как двурушническое[33]. Единственным источником его силы было личное доверие к нему Сталина; со своим талантом коварного интригана он сумел воспользоваться им гораздо лучше, чем Ежов. С годами

Берия зарекомендует себя как один из самых хладнокровно безжалостных министров полиции, каких только знала история.

И все же по сравнению с совсем недавним прошлым период с 1939 г. до середины 1941 г. выглядел совершенно нормальным, когда внешняя угроза определенно возобладала над опасениями, порожденными внутренней напряженностью. При всей своей трагичности выдвижение новых кадров на место истребленных было свидетельством неисчерпаемости тех ресурсов людской энергии, которые были приведены в движение всей чередой потрясений, сменявших друг друга, начиная с 1917 г. Возобновившийся количественный рост вернул партии ту численность, какую она уже имела в 1932 г.: свыше 3,5 млн. человек, если считать членов и кандидатов. В то же время вновь начатый прием вызвал радикальную перемену в классовом составе партии.

По своему социальному составу коммунисты подразделялись в начале 1938 г. следующим образом: 64,3 % — рабочих, 24,8 — крестьян, 10,9 % — служащих. Это соотношение лишь незначительно отличалось от того, которое существовало в 1932 г., свидетельствуя о том, что чистки и репрессии сказались на всех трех категориях примерно равным образом. В 1941 г., напротив, соотношение выглядело существенно иным: 43,7 % коммунистов было из рабочих, 22,2 — из крестьян и 34,1 % — из служащих (мы пользуемся этим термином условно, имея в виду, что двумя главными категориями, которые он охватывает, являются руководящие работники и интеллигенция). Следует напомнить, что социальное происхождение необязательно совпадало с профессиональным положением в момент вступления: например, в 1932 г., при том что 65,2 % членов партии происходили из рабочих, лишь 43,5 % продолжали трудиться в качестве рабочих на заводах и фабриках (для крестьян соответствующие показатели составляли 26,9 и 18,3 %). Мы не располагаем аналогичными сведениями за 1941 г., но можно предположить, что соотношение к этому времени существенно не изменилось. Это означает, что третья категория, то есть категория руководящих работников и интеллигенции, стала преобладающей в партии. Иными словами, вербовка новых членов партии в предвоенные годы шла большей частью именно за счет новых кадров, выдвинутых на новые рубежи в обществе, и из тех, кого осчастливило своими плодами развитие системы образования: по подсчетам одного западного исследователя, из этих слоев партия черпала в этот период 70 % своего пополнения[34].

«Краткий курс» истории ВКП(б)

На этой почве и была осуществлена главная сталинская идейно-политическая акция. Появилась книга под названием «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Вышла она в конце лета — начале осени 1938 г., то есть тогда, когда заканчивались массовые репрессии. В некотором роде она была их

венцом. Ее появление отвечало одной из постоянных забот Сталина, не оставлявших его на протяжении всего периода его правления. С самого первого великого выдвижения 1924 г. партия предпринимала большие усилия по воспитанию и образованию своих новых членов. Этими усилиями, в частности, была обусловлена тенденция к спрессовыванию марксистско-ленинской теории в некие обобщенные формулировки, имеющие характер официальной доктрины. В начале 30-х гг. Сталин предпринял первое решительное наступление на любые самостоятельные течения в области научных марксистских исследований, то есть в той области, где более естественно могла найти отражение ожесточенная социально-политическая борьба того периода. По мере бурного развития системы образования повышалась и сталинская бдительность в отношении теоретических исследований; большое внимание, в частности, стало уделяться созданию единых учебников по различным дисциплинам, преподаваемым в учебных заведениях. Особые старания при этом сосредоточились — что само по себе неудивительно — на истории[35], ибо именно через изучение истории каждое сообщество приобретает самосознание и познает свои проблемы. Наконец, в том же самом своем докладе в марте 1937 г., в котором давалось теоретическое обоснование развязывания репрессий, Сталин потребовал также создания систематизированной сети партийных школ, простирающейся от центра до периферии и охватывающей в обязательном порядке все руководящие кадры[36].

Несколько лет спустя Сталин присвоил авторство «Краткого курса» себе, хотя книга была написана группой авторов. Как бы то ни было, книга действительно создавалась под его прямым руководством: он лично начертал ее план и продиктовал периодизацию. Другие члены Политбюро, в частности Молотов, внесли в рукопись некоторые замечания[37]. По стилю изложения получившийся текст был доступным, лапидарным, схематическим, не лишенным убедительности, что и отвечало поставленной перед ним задаче. Содержанием же его была перелицовка истории партии, имеющая весьма мало общего с ее действительным прошлым. Книга между тем претендовала не только на изложение истории: вся марксистская теория, например, содержалась в ней на двух с небольшим десятках страниц, резюмированная в известном разделе главы четвертой, озаглавленном «О диалектическом и историческом материализме». Раздел этот, как тотчас же стало известно, был написан собственноручно Сталиным[38]. Разумеется, этот пересказ был весьма далек от идейного богатства оригинала и выглядел почти как катехизис, но именно поэтому его положения легче запоминались.

Сходным же образом авторы книги обходились с политической теорией Ленина: в тексте доходчиво пересказывались некоторые ее аспекты, как правило, относящиеся к дореволюционному периоду ее формирования, и широко замалчивалась, напротив, вся ее эволюция после Октября. Отбрасывались всякая сложность, все богатство мыс-

ли: целью было сохранить лишь немногие весьма упрощенные принципы. Красной нитью через книгу проходила (нигде, правда, не выраженная прямо и открыто) идея «двух вождей» большевизма и революции: Ленина и Сталина. В качестве самой даты рождения партии указывался 1912 г. — год проведения Пражской конференции, на которой Сталин был впервые кооптирован в Центральный Комитет. Ход гражданской войны излагался искаженно, чтобы из рассказа явствовало, что решающая роль в достижении победы принадлежала Сталину. Главное же — центральной тенденцией книги было изображение всех споров и идейных столкновений в рядах большевиков как «принципиальной борьбы с антиленинскими течениями и группами», без чего «партия... переродилась бы» и вся история этой борьбы выглядела бы как «непонятная склока»[39]. В таком ключе преподносились как те споры, которые велись при жизни Ленина и которые он сам никогда не расценивал подобным образом, так и те, что развернулись после его смерти, когда он уже не мог судить о них. Незыблемость ленинских принципов была олицетворена, следовательно, в Сталине как для настоящего времени, так и для тех периодов, когда иные из этих принципов вообще не имели ничего общего с реальной действительностью, а сам Сталин (о чем умалчивалось) вступал в противоречие с Лениным.

Увенчивал книгу пассаж о больших процессах, официальная версия которых возводилась тем самым в ранг исторической истины. Осужденные, «эти подонки человеческого рода вместе с врагами народа — Троцким, Зиновьевым и Каменевым — состояли в заговоре против Ленина, против партии, против Советского государства уже с первых дней Октябрьской социалистической революции. Провокаторские попытки срыва Брестского мира в начале 1918 года; заговор против Ленина и сговор с левыми эсерами об аресте и убийстве Ленина, Сталина, Свердлова весной 1918 года; злодейский выстрел в Ленина и ранение его летом 1918 года; мятеж левых эсеров летом 1918 года; намеренное обострение разногласий в партии в 1921 году с целью расшатать и свергнуть изнутри руководство Ленина; попытки свергнуть руководство партии во время болезни и после смерти Ленина; выдача государственных тайн* и снабжение шпионскими сведениями иностранных разведок; злодейское убийство Кирова; вредительство, диверсии, взрывы; злодейское убийство Менжинского, Куйбышева, Горького — все эти и подобные им злодеяния, оказывается, проводились на протяжении двадцати лет при участии или руководстве Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и их прихвостней по заданиям иностранных буржуазных разведок.

Судебные процессы выяснили, что троцкистско-бухаринские изверги, выполняя волю своих хозяев — иностранных буржуазных разведок, ставили своей целью разрушение партии и Советского государства, подрыв обороны страны, облегчение иностранной воен-

* Намек на опубликование «завещания» Ленина за границей в 20-х гг.

ной интервенции, подготовку поражения Красной Армии, расчленение СССР, отдачу японцам советского Приморья, отдачу полякам советской Белоруссии, отдачу немцам советской Украины, уничтожение завоеваний рабочих и колхозников, восстановление капиталистического рабства в СССР»[40].

Может возникнуть вопрос, как же Сталин решился на ликвидацию всего того великого наследия, которое представляли эти люди, возглавлявшие революцию, — наследия идейно-политических битв старой большевистской партии, из недр которой вышел и он сам. Ответ сводится к тому, что в этом-то на самом деле и заключалась его истинная цель, так же как и репрессий. Он бросал мрачную тень на всю прежнюю партию или по крайней мере на ее руководителей, но тем более яркий свет сосредоточивался на его собственной фигуре. Большевизм, в соответствии с его центральным тезисом, выродился бы, если бы не было Ленина (само собой разумеется, воспринимаемого как необходимое начальное звено в дальнейшей преемственной связи), но особенно — если бы не было Сталина, человека, который всегда оказывался прав. Великие свершения народа после революции были осуществлены под его руководством.

Отныне имена его противников будут упоминаться не иначе как с бранью и проклятием. Их произведения, приравненные теперь к опасным подрывным текстам, изымались из библиотек и запирались в труднодоступных отделах специального хранения. Поскольку они были рассеяны также по подшивкам советских газет и журналов, эти издания ожидала аналогичная участь. Изображения этих людей никогда более не воспроизводились: на старых групповых фотографиях их замазывали перед перепечаткой. В дальнейшем на небытие были осуждены и имена тех, кто не был официально заклеймен в качестве провинившегося. В начале 1939 г. умерла Крупская, фактически проведшая остаток жизни в полной изоляции. Ее торжественно похоронили на Красной площади в Москве. Но на следующий же день издательства получили приказ: «Ни слова больше не печатать о Крупской»[41].

Единственным, кто продолжал отстаивать историю старого большевизма, оставался Троцкий в своем вечном изгнании. По сравнению со сталинскими фальсификациями, его реконструкция истории, даже будучи связанной со специфическим взглядом на вещи, неизменно отличалась скрупулезной верностью фактам и обстоятельствам. Покинув Принцевы острова у берегов Турции, Троцкий последовательно менял прибежища во Франции, Норвегии и Мексике. После 1932 г. его последние контакты с СССР мало-помалу сокращались и наконец совсем прекратились. В годы, когда охота на троцкистов превратилась в навязчивую до наваждения тему советской политической жизни, у него практически не осталось никаких реальных возможностей воздействовать на ход событий в СССР. Бо́льшим был международный эффект его пропагандистско-агитационной деятельности. Она тоже, впрочем, была отмечена серьезными слабостями.

Так, после резкой критики коминтерновских тезисов о «социал-фашизме» Троцкий не понял установки на «народные фронты» и повел с ними борьбу. IV Интернационал, который он пытался основать, «умер прежде, чем родился»[42]. Репрессии и процессы в Москве, на которых его имя неизменно называлось как имя наиглавнейшего злодея, скрывающегося от правосудия, дали Троцкому пищу для всей последней фазы его битвы в одиночку, вдохнули в нее новый пыл. С помощью неопровержимой логики он разрушил фальшивую конструкцию обвинений и посвятил себя систематическому разоблачению сталинских искажений истории. Хотя и эта его деятельность находила сравнительно ограниченный отклик в мире, сама весомость его аргументов не давала покоя Сталину. В СССР теперь о Троцком говорили не иначе как об «архивраге», воплощении всяческой мерзости. За границей советские секретные службы неотступно охотились за ним до тех пор, пока наконец их человеку не удалось смертельно ранить его в Мексике 20 августа 1940 г. На следующий день Троцкий умер[43].

Идеологическая ортодоксия

В СССР сразу же было отпечатано 12 млн. экземпляров «Краткого курса» на русском языке и еще 2 млн. — на языках других народов Советского Союза. На XVIII съезде Жданов уточнил: «Надо прямо сказать, что за время существования марксизма это первая марксистская книга, получившая столь широкое распространение»[44]. Том этот был положен в основу всей пропаганды и всех теоретических разработок. Его опубликование сопровождалось специальным постановлением Центрального Комитета, в котором цель издания определялась следующим образом: «...дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований». Это провозглашение догмы сопровождалось характеристикой книги как «энциклопедии основных знаний в области марксизма-ленинизма», а следовательно, «важнейшего средства» познания того, что отныне прямо и откровенно объявлялось официальной идеологией[45]. Штудирование «Краткого курса» стало обязательным. В этом месте, однако, напрашивается двоякое замечание. Нельзя отрицать, что благодаря этой книжке, как подчеркивает, например, английский историк Шлесинджер, марксизм тогда становился достоянием большей части тех политических работников, которые руководили шестой частью земного шара, а также немалого числа зарубежных коммунистов, как рядовых, так и руководителей (на иностранных языках было сразу же отпечатано 673 тыс. экземпляров книги). Столь же верно вместе с тем, как позже было объявлено авторитетными советскими источниками, что этот учебник «заслонил собой от исследова-

телей теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма, труды Маркса, Энгельса, Ленина»[46].

Для того чтобы определенная система идей могла играть роль официальной идеологии, требуется специальный аппарат, способный пропагандировать ее тезисы и отстаивать ее ортодоксальность, или — как отныне будут говорить в СССР — ее чистоту. Именно такой мощный и централизованный аппарат и был задуман. Предложенные Сталиным партийные школы были созданы, основным учебным текстом в них стал «Краткий курс». Школы были разных уровней и образовывали как бы пирамиду, на вершине которой находилась Высшая партийная школа. Все руководящие работники были подразделены на три категории, каждой из которых надлежало действовать на своем уровне идеологического образования; лишь на высшем уровне изучение «Краткого курса» дополнялось изучением соответствующих произведений классиков марксизма.

В аппарате Центрального Комитета были восстановлены функциональные отделы, упраздненные в 1934 г. XVII съездом, в частности отдел пропаганды и агитации и отдел кадров. В распоряжении первого имелось большое число профессиональных пропагандистов; инструментами, которыми он должен был пользоваться, были газеты, радио, кино. Журнал «Большевик» стал главным орудием насаждения и охраны доктрины. Почти полностью, напротив, была ликвидирована учеба в кружках, объявленных проявлением кустарщины, средством, свойственным «преимущественно нелегальному периоду», и имеющих тенденцию к превращению «в автономные и бесконтрольные организации, ведущие работу на свой риск и страх»[47]. Всякое самостоятельное исследование было сочтено неуместным: основная задача научного работника сводилась на практике к толкованию и правильному комментированию произведений Сталина[48].

Ни о какой свободной дискуссии в подобных условиях не могло быть речи. Сталин провозгласил, что социализм в СССР уже построен, и возвестил о начале перехода к коммунизму, когда каждый сможет удовлетворить все свои потребности[49]. Обсуждение великих творений марксизма вызвало бы немало сомнений насчет правильности подобных утверждений или по крайней мере насчет серьезных недочетов сталинского социалистического общества. На исторических факультетах вузов было поэтому практически упразднено чтение курса «истории социализма», или истории социалистических идей[50]. Анализ любых иных теорий, пусть даже единственно с целью полемики, рассматривался как дело предосудительное. Сам Сталин несколько лет спустя сказал, что сначала надо укрепиться в вере учения, а потом изобличать ересь[51]. Даже великолепный аппарат примечаний к третьему изданию Сочинений В. И. Ленина, по сей день весьма полезный для всякого, кто изучает советскую историю, был объявлен совокупностью «грубейших политических ошибок вредительского характера»[52]. Не допускалось больше и публичных исследований по тем или иным проблемам советского общества; исследо-

ваний, которые имели такое значение в 20-е гг. Речь в этом случае шла не о каком-то единовременно принятом решении, а скорее о процессе, постепенно развивавшемся на протяжении 30-х гг. Цензура печати все более усиливалась, так что без предварительного разрешения никакие данные, цифры больше невозможно было ни приводить в печати, ни публично оглашать. В обоснование необходимости такой секретности приводился отнюдь не пустячный довод: нельзя снабжать внешнего врага никакой информацией, которая может оказаться полезной для него[53]. Мало-помалу из обращения были изъяты и статистические материалы, за редким, тщательно проверенным исключением. В результате исчезли какие бы то ни было документальные данные о внутреннем положении страны, доступные публике за пределами узких официальных кругов. Так охранялось то «морально-политическое единство народа», которое стало отныне обязательной темой любой речи.

Тезисы Сталина о государстве

Если теперь, в заключение этого обзора, мы попытаемся одним взглядом охватить советскую коммунистическую партию в том виде, как она трансформировалась за годы сталинского правления, и в особенности какой она стала к концу 30-х гг., после жестоких репрессий, трудно, на мой взгляд, не заметить, насколько она приблизилась к тому образу «ордена меченосцев», который был задуман Сталиным еще в 1921 г.

На XVIII съезде ВКП(б) Жданов, кстати говоря, употребил одну формулировку, которая потом часто повторялась на протяжении этого периода. Объясняя отмену категории социального происхождения при рассмотрении заявлений о приеме в партию, он заявил, что критерием должен быть «отбор в партию действительно лучших людей из рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции». «Новый порядок, — добавил он, — облегчает отбор лучших людей в партию»[54]. Ленинская идея «авангарда» превращалась, таким образом, в понятие партии «лучшие». Эта партия к тому же имела теперь свой свод ортодоксальных положений, дисциплину военного типа, строгую систему продвижения кадров по распоряжению сверху и настолько абсолютную веру в вождя, что позже она будет названа культом. Она обзаводилась и собственным церемониалом: на XVIII съезде, где не было уже и тени дискуссии, при упоминании имени Сталина участники не просто хлопали в ладоши, а вставали и аплодировали стоя.

И все же, если мы можем на основании всего этого говорить об ордене, то это был весьма разветвленный орден, с многочисленными подразделениями и ступенями. В нем были высшие руководители, секретари, «кадры», рядовые члены, наконец, активы, с помощью которых партия пользовалась содействием тех сочувствующих, кото-

рые еще не вступили в ее ряды и для которых Сталин нашел определение «беспартийные большевики»[55].

Полное осуществление нашла и другая сталинская концепция — государство как совокупность «приводных ремней». Первым по значению среди них оставалась партия. Непосредственные обязанности по организации производства по-прежнему были одной из главных ее задач. XVIII съезд наделил партийные организации правом контролировать администрацию предприятий; некоторое время спустя было все же уточнено, что на всех уровнях они должны помогать хозяйственным ведомствам, начиная с отраслевых наркоматов, проверять исполнение предприятиями решений наркоматов. В районных и областных комитетах партии была введена должность секретаря по промышленности[56].

Под безраздельным руководством партии действовали в качестве «приводных ремней» другие массовые организации. По своему значению среди них особенно выделялись три: профсоюзы, комсомол и Советы. О первой уже говорилось, когда речь шла о промышленности. Что касается молодежной организации, то в годы чисток она тоже численно сократилась; но как бы то ни было, в ее рядах насчитывалось свыше 4 млн. человек[57] и она уже вполне научилась мобилизовывать молодежь на все кампании, объявленные наиболее важными в данный момент: шла ли речь о строительстве новых заводов и городов или о посылке учителей в деревню. Советы и их руководящие органы представляли собой, особенно после принятия новой Конституции, пирамиду административных органов с исполнительными функциями, соответствующих партийных комитетов того же уровня. Именно поэтому, однако, они были единственным «приводным ремнем», охватывающим все население: при составлении списков кандидатов, подлежащих избранию на выборах, использовалась любопытная сталинская формула «блока коммунистов и беспартийных». Наконец, не менее эффективными «приводными ремнями» были печать и наряду с ней кино, литература, искусство — все те виды деятельности, которые Жданов квалифицировал как «могучие средства» пропаганды. Из комплекса всех этих аппаратов слагалось государство, которое «направляет все отрасли хозяйства и культуры»[58].

Здесь возникало вопиющее противоречие между существованием столь могущественного государства и общеизвестным тезисом марксизма и ленинизма о том, что с установлением социалистического общества государство должно начать «отмирать». Процесс, который развивался ныне в СССР, шел в противоположном направлении. После опыта 1937—1938 гг. никто не взялся бы утверждать, что у государства в Советском Союзе отмирают карательные функции или органы, специально существующие для их отправления. Мало того. Начиная с 1933 г., когда Сталин выдвинул требование «максимального усиления» государства, он неоднократно возвращался к этой теме и полемизировал — правда, не без некоторой осторожности —

со сторонниками тезиса об отмирании или по крайней мере того, что он называл «неверным» толкованием этого тезиса. Настойчивость, с какой он обращался к нему, была настолько велика, что можно без преувеличения сказать, что именно в этом заключался один из ключевых моментов той подспудной полемики внутри руководства, которая развернулась в период непосредственно перед убийством Кирова и сразу же после него.

Как бы то ни было, на XVIII съезде партии Сталин решил взять быка за рога и открыто заявил, что высказывания Энгельса и Ленина по этому поводу не могут относиться к Советскому государству. Сохранение и упрочение этого государства он оправдывал международной изоляцией СССР, находящегося в кольце капиталистического окружения. На фоне общеизвестных марксистских положений его аргументация выглядела весьма запутанной. Она плохо согласовывалась даже с другими его собственными тезисами, начиная с тезиса о «социализме в одной стране» (ведь именно на невозможность отмирания государства, пока остается окружение, и ссылались в 1926 г. его противники, доказывая, что речь не может идти о подлинном социализме) и кончая тезисом о непрерывном обострении классовой борьбы (Сталин теперь утверждал, что, поскольку народ «един», государственная сила требуется только для подавления врагов, засылаемых извне)[59]. Но там, где сталинским тезисам не хватало логической стройности, недостаток убедительности возмещал как раз могущественный аппарат Советского государства, стоявший за его плечами. Его слова на XVIII съезде были подхвачены многочисленными ораторами и названы «гениальным» развитием марксистской теории. Берия с величайшей развязностью позволил себе говорить даже об «антиленинской теории отмирания государства рабочего класса»[60]. С тех пор все издания знаменитой ленинской работы по этому вопросу — «Государство и революция» — выходили с обязательным добавлением-поправкой в виде сталинского текста.

Провозглашение сталинской доктрины государства положило начало переоценке существенных моментов истории русского государства. Именно государства, а не только нации. Более или менее отчетливо сформулированный мотив национальной гордости постоянно, на протяжении всех пятилеток, сопутствовал развитию советского общества после тезиса о «социализме в одной стране». Некоторые старые идеи «сменовеховства», сначала отвергнутые, а потом забытые, молчаливо внедрялись в ткань советского общества[61]. Слово «отечество» возвращало себе в 30-е гг. все более торжественное звучание. Враждебность внешнего мира питала настроения коллективного самоупоения. Сталин в 1939 г. сказал: «...последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши»[62]. И вот теперь среди мотивов национальной гордости начали подниматься на щит — с большей или меньшей обоснованностью — такие моменты прошлого России, которые отнюдь нельзя причислять к моментам ее револю-

ционной истории. Эпизод с Иваном IV был лишь одним примером этого, хотя, пожалуй, и самым типичным.

С утверждением тезисов Сталина о государстве явление, которое мы можем с полным правом назвать сталинизмом, приобретало полный и окончательный облик. Оно выступало как комплекс политических концепций, правительственной практики и авторитарных отношений с массами населения. Сам термин, однако, никогда не применялся в СССР. Официальная идеология по-прежнему носила название «марксизм-ленинизм». Между тем многими своими отличительными чертами эта идеология — в том виде, как она преподносилась в конце 30-х гг. и еще будет преподноситься на протяжении долгого времени, — была обязана больше Сталину и его переработанным тезисам, нежели Марксу и Ленину.

VII. МЕЖДУ МЮНХЕНОМ И ВОЙНОЙ

Англо-французское соглашение с Гитлером

Тщетно искать причину, побудившую Сталина начать репрессии в период напряженного международного положения. Вместе с тем очевидно, что эта напряженность немало способствовала созданию в СССР той политической обстановки, которая сделала возможным сталинское наступление и парализовала любую, даже самую малую способность к сопротивлению. Продвижение фашизма в Европе, угроза на границах, страх перед надвигавшейся войной после долгой привычки к «капиталистическому окружению» — все это служило питательной средой для того массового настроения неуверенности, тревоги и подозрительности, которая стала фоном трагедии 1937—1938 гг. Сталин, в свою очередь, ловко воспользовался этим обстоятельством. С самого начала он делал акцент на этом для оправдания террора[1].

Советские люди жили в изоляции. Враждебное окружение их страны продолжало быть реальностью. Более того, в 30-е гг. контакты с внешним миром, поездки за границу, обмены с другими странами становились все труднее, все больше контролировались, замыкаясь в рамках одних только официальных мероприятий[2]. Когда начались репрессии, на каждого иностранца стали смотреть с недоверием, как на потенциального вражеского агента; аналогичное отношение распространилось и на многих советских граждан, которые когда-либо имели какие бы то ни было дела с иностранцами, официальные или неофициальные. Языки пламени, охватывавшие сотрясавшийся в конвульсиях мир, отбрасывали зловещий отблеск на внутреннее положение СССР.

В сентябре 1938 г. англо-французские уступки фашистским державам увенчались печально знаменитым соглашением. История мюнхенской капитуляции рассказана слишком много раз, чтобы подробно излагать ее здесь. Она поощрила экспансионистские притязания нацизма и явилась в этом смысле тем роковым импульсом, который привел в движение всю цепь событий и факторов, толкавших Европу к войне.

Едва аннексировав Австрию, Гитлер обратил взоры на Чехословакию, где довольно внушительное немецкое меньшинство проживало в Судетах, вдоль границы; среди этого меньшинства нацисты разжигали яростную сепаратистскую кампанию. На протяжении весны и лета напряженность в отношениях между Берлином и Прагой нарастала и достигла наконец взрывоопасного уровня. Несмотря на многочисленные доказательства агрессивных намерений фашистских государств, английское правительство во главе с Чемберленом старалось прежде всего угодить нацистам. Более щекотливым было положение Франции. Чехословакия служила стержнем всей системы ее союзов в Восточной

Европе. Мало того что Прага была связана с Парижем договором о взаимопомощи — в 1935 г. она, по примеру французов, заключила соглашение с СССР и одновременно продолжала наряду с Югославией и Румынией входить в «Малую Антанту», вдохновителем которой являлась как раз Франция. И все же французская дипломатия, как на буксире, последовала за английской.

Гитлер открыто угрожал пустить в ход свою армию. Чехословацкое правительство готово было оказать вооруженное сопротивление. Лондон и Париж предпочли соглашение с Берлином. Обе державы согласились с самыми наглыми немецкими притязаниями и в свою очередь принудили чехословаков склониться перед ними. Премьер-министры Чемберлен и Даладье встретились в Мюнхене с Гитлером и Муссолини и предоставили Германии все запрашиваемые ею территории, собственноручно начав тем самым расчленение Чехословакии.

На протяжении всего кризиса СССР оставался единственной страной, поддерживавшей Прагу. У него тогда не было общих границ с Чехословакией. Договор 1935 г. обязывал его прийти ей на помощь только в случае, если аналогичным образом поступит Франция; таково было желание самих чехословаков. В сентябре 1938 г. Москва заявила о своей готовности выполнить условия договора: если Франция выступит, выступит и СССР. Советские дивизии были двинуты к границе[3]. Польша была предупреждена, что, если ее войска нападут на Чехословакию, Советский Союз будет считать автоматически расторгнутым пакт о ненападении между двумя странами. Однако СССР остался неуслышанным и изолированным. Его обращения к Лиге Наций также не были услышаны. Его не пригласили в Мюнхен, с ним не проконсультировались насчет готовившегося соглашения. Оно было подписано в ночь с 29 на 30 сентября. 1 октября германские части вступили в Судетскую область.

Мюнхенская капитуляция, которую советские авторы не без основания всегда рассматривали как подлинный сговор против их страны, покрыла французских и английских участников этого акта несмываемым позором. Этой оценкой, однако, не исчерпываются ее результаты. Мюнхен одним махом изменил всю европейскую ситуацию. Уже значительно ослабленная ранее, вся Версальская система рассыпалась на части. Система французских союзов развалилась. Чехословакия со своими оборонительными сооружениями на границе и хорошо вооруженными 35 дивизиями представляла собой самую серьезную военную силу на восточных границах нацистской Германии; и вот теперь этот барьер внезапно перестал существовать. Чтобы достичь всего этого, Гитлеру не пришлось сделать ни единого выстрела. Достаточно оказалось одной угрозы. После Абиссинии, Рейнской области, Австрии, Испании фашистские державы как бы намеренно демонстрировали, что могут получить все, чего хотят. Последний удар был нанесен тем временем и сопротивлявшейся Испанской республике: после двух с лишним лет героической борьбы началась агония, которой суждено было затянуться еще на шесть отчаянных месяцев.

Никто тогда не знал в точности, какие замыслы зреют в голове Гитлера. Одно обстоятельство, однако, было самоочевидным: главное препятствие на пути его экспансионистских притязаний на Востоке было ликвидировано. Чтобы понять все значение этого факта, нужно знать, что представляла собой Восточная Европа накануне второй мировой войны.

От Балтики до Балкан тянулась череда малых стран, весьма слабых как с точки зрения внутреннего режима, так и с точки зрения веса на международной арене. Лишь немногие из них обладали национальной однородностью, причем как раз те, которые ею обладали, — Болгария, Венгрия — предъявляли территориальные претензии соседним государствам, где проживало меньшинство их соплеменников. Отсюда вспышки ненависти и соперничества. Сама Чехословакия — самое прочное из этих государств — так и не сумела обеспечить гармоничное сожительство разных народов на своей территории: именно эта слабость и стала роковой для нее. Все эти страны раздирались глубокими социальными противоречиями: нищета крестьян на огромных латифундиях в Венгрии, излишек рабочей силы в деревне многих других стран, чванливость правящих кругов Польши — все это были лишь наиболее зримые проявления подобных контрастов. Хотя уровень развития этих государств был весьма различен, для всех была характерна отсталость и неустойчивость национальной экономики (и в этом отношении Чехословакия благодаря индустрии Чехии тоже представляла исключение). Мировой кризис усугубил повсюду застойные явления в производстве. Практически ни в одной из этих стран правительству не удалось заручиться подлинной опорой в народе: отсюда преобладание у власти реакционных или профашистских коалиций либо неустойчивых коалиций слаборазвитой буржуазии с консервативными представителями землевладельческих групп. С утратой покровительства Запада эти страны практически сделались добычей Германии. Эффект Мюнхена сказался мгновенно: все восточноевропейские столицы наперебой старались заручиться дружбой нацистов.

Территориальный заслон между СССР и Германией становился, следовательно, все более шатким. В последовавшие за Мюнхеном месяцы в печати и в европейских правительственных офисах велось много разговоров о предстоявшей со дня на день гитлеровской операции против советской Украины. Берлин всегда держал на службе группы украинских эмигрантов. К тому же на восточной оконечности Чехословакии немцы объявили небольшую зону Карпат автономной областью: предполагалось, что оттуда будет развернуто подрывное движение с целью отторжения от СССР всей Украины.

Значит, в Мюнхене англичане и французы намеренно попытались ориентировать и поощрить немецкую агрессивную политику в восточном направлении? Советские историки неизменно отвечают на этот вопрос утвердительно[4]. На Западе писалось, что не в этом вовсе состояло намерение двух правительств, как по крайней мере явствует из документов[5]. На самом же деле подобный замысел, конечно, сущест-

вовал, по меньшей мере в том смысле, чтобы не предпринимать ничего такого, что могло бы помешать нацистскому натиску на СССР: он обрисовался, в частности, во время франко-английских переговоров в Париже в ноябре 1938 г.[6] Еще важнее, впрочем, то, что, даже не получив никакого документального оформления, эта политика — так называемой свободы рук Германии на Востоке — проводилась на деле. Мюнхенская сделка была, особенно в планах английского правительства, частью более обширного замысла заключить общий союз с Германией. Чемберлен заставил Гитлера подписать краткое заявление в этом смысле (абсолютно необязательное, но кто тогда мог в точности знать это?). Франция поспешила поступить так же. Более чем обоснованно выглядело в этих условиях предположение, что в Париже и Лондоне одобрительно ожидали если не уничтожения СССР немцами, то по крайней мере такого столкновения между двумя странами, в котором обе они были бы обескровлены и дали бы возможность Великобритании и Франции вмешаться в качестве арбитров: и во французской, и в английской столицах, и в Вашингтоне находились люди, которые даже не считали нужным скрывать подобные надежды. Для того чтобы проникнуться подозрением, не требовалось и того постоянного недоверия, которое советские деятели испытывали к капиталистическим державам. Любой сколько-нибудь сообразительный политик именно так истолковал бы последние события. Несколько месяцев спустя Сталин на съезде партии изложил эту гипотезу[7].

Ответ Москвы на XVIII съезде

Положение СССР к концу 1938 г. внушало нечто большее, чем просто беспокойство. Хотя его руководители старались создать впечатление полнейшего спокойствия и уверенности в своих силах, они не могли не знать этого. Ни разу еще после 1922 г. их страна не попадала в подобную осадную ситуацию. Даже увязнув в войне с Китаем, Япония продолжала оказывать нажим на советские границы: летом 1938 г. на Дальнем Востоке, на озере Хасан, южнее Владивостока, конфликт из пограничного инцидента разросся до масштабов вооруженного столкновения с участием целых дивизий[8]. В Европе надвигалась немецкая угроза. После чехословацкого опыта Москва уже не могла полагаться на договор с Францией. Среди сопредельных государств на Западе было мало таких, которые относились бы к СССР благожелательно, а если такие и находились, то их влияние было невелико. Особенно враждебной была позиция Польши. Пилсудский умер, но в Варшаве продолжали править те полковники, которые в 1920 г. участвовали вместе с ним в походе на Советскую Украину и сохранили честолюбивые замыслы завоевания территорий вплоть до Черного моря. После Мюнхена они поспешили выклянчить у Гитлера кусочек Чехословакии, значит, они могли прийти ему на помощь и в случае нападения на СССР.

Новая жестокая изоляция наступила в такой момент, когда только

что закончившаяся кампания истребления руководящих работников дезорганизовала как промышленность, так и армию. Она прибавила дерзости всем зарубежным противникам Москвы. Объяснять подобной обстановкой капитуляцию английских и французских лидеров перед Гитлером значило бы совершать насилие над истиной. Совсем иными мотивами было продиктовано их поведение, и первым среди них была застарелая злоба к СССР и революционному движению (по формуле «лучше Гитлер, чем народный фронт»). Не подлежит сомнению вместе с тем, что репрессии, являя миру образ общества, настолько раздираемого противоречиями по вопросам внутренней и внешней политики, что для их разрешения необходимыми оказываются темные заговоры и массовые казни, дали дополнительный аргумент всем противникам союза с СССР. Теперь им легче было утверждать, что на Советский Союз нельзя полагаться как на твердого союзника, и они высказывали сомнения относительно боевых качеств Красной Армии и ее способности к наступательным операциям. Об этом твердили не только военные атташе из Москвы и специалисты в штабах западных стран, но и сам Чемберлен, которого поддерживала часть прессы; твердили, заведомо отстаивая неправую линию, но имея в то же время большие возможности убеждать других, особенно тех, кто ничего иного и не хотел, как быть убежденным[9]. Масштабы арестов потрясли в 1938 г. даже американского посла Дэвиса, сторонника антигитлеровского соглашения с СССР[10].

На XVIII съезде ВКП(б) Сталин и Ворошилов сочли необходимым вступить в публичную полемику с авторами подобных оценок, справедливо расценив их как поощрение нападения на СССР[11]. Сам Сталин вместе с тем не мог не знать, что в тот период, то есть до момента, когда новые руководители освоятся со своими обязанностями, страна и армия остаются весьма уязвимыми.

В исторической литературе Запада есть немало работ, утверждающих, будто Сталин издавна, если не всегда, стремился к соглашению с Германией. В них говорится, что именно это якобы явилось главной причиной политической борьбы между советскими руководителями в 30-е гг. и что сами репрессии будто бы ставили целью подавить фракции противников такого союза[12]. Утверждалось также, что и решение оказать помощь Испанской республике было вроде бы навязано Сталину оппозиционерами осенью 1936 г., то есть до того, как он развязал против них кампанию террора[13]. Много споров, наконец, велось между историками по поводу одного интервью Молотова в 1936 г. Среди прочего Молотов в нем говорит о том, что тенденции, выражающей «совершенную непримиримость» к гитлеровской Германии, в советской общественности противостоит другое, более влиятельное течение, считающее «возможным улучшение отношений между Германией и СССР»[14]. Самое меньшее, что можно сказать обо всех этих домыслах, — они не имеют никаких документальных доказательств. Те же слова Молотова, например, прекрасно могут быть истолкованы — и уже были истолкованы — как простая, принятая в дипломатической

игре уловка с целью оказать давление на партнеров, в данном случае на Францию[15]. Единственный реально доказуемый тезис состоит в том, что лишь репрессии дали Сталину такую власть, которая позже позволила ему подписать по собственной инициативе соглашение с Гитлером, не встречая никакого внутреннего сопротивления. Но между этой констатацией и утверждением, что репрессии были развязаны именно для достижения этой цели, лежит немалое расстояние, преодолеть которое ничто — по крайней мере до сегодняшнего дня — не позволяет.

Вся совокупность фактов и документов побуждает вести поиск в противоположном направлении. С 1934 по 1938 г. антигитлеровская политика Москвы была последовательной и систематической, чему соответствовала, кстати сказать, злобность нацистской пропаганды против СССР. Эта политика находила выражение в советских демаршах в Лиге Наций, на полях сражений в Испании, в дебатах лондонского Комитета по невмешательству, в текущей дипломатической деятельности и деятельности международного коммунистического движения. Трудно, по-видимому, предполагать, что подобный курс проводился без согласия Сталина. Литвинов, чье имя исторически связано с этой политикой, мог вносить в ее проведение свое незаурядное дипломатическое искусство, но действовал-то он неизменно под руководством Сталина. Более правомерно, пожалуй, подчеркнуть на базе анализа самих сталинских речей, что он был достаточно осторожен, чтобы ни при каких условиях не связывать себе руки этой политикой в отличие от того, как это сделал Бухарин, открыто указывавший в своих статьях и выступлениях на фашизм как на истинного смертельного врага СССР.

Однако, даже восхищаясь дальновидностью Бухарина, нельзя, имея в виду опыт развития событий в 30-е гг., сказать, что Сталин был неправ. Доказательством тому был Мюнхен. Англо-французский сговор с Гитлером должен был, естественно, побудить Сталина, как и других советских руководителей, к отступлению на позиции традиционного недоверия к капиталистическому миру в целом, без разделения на фашистов или демократов. Этот сговор должен был возродить у них прежнюю склонность видеть в конфликтах внутри этого мира лишь проявление соперничества в борьбе между империалистическими коалициями и сделать из этого прежний вывод о том, что СССР следует по возможности извлекать выгоду из подобных конфликтов и придерживаться старой доктрины, рекомендующей держаться в стороне от вооруженной борьбы возможно более долгое время. Вот на этой-то основе Москва и принялась очень хладнокровно действовать в сложившейся, такой трудной для нее обстановке.

Из Мюнхенского соглашения советские руководители сделали вывод, что «новая империалистическая война» за передел мира уже началась, «стала фактом», хотя, как уточнил Сталин, «не стала еще всеобщей, мировой войной». Этот вывод был сформулирован Молотовым в ноябре 1938 г., затем развит Сталиным в марте 1939 г. на

XVIII съезде ВКП (б)[16]. Его доклад на съезде был примечателен именно новой, явственно различимой расстановкой акцентов, предвещающей изменения во внешней политике. Он не ставил все капиталистические государства на одну доску; напротив, он провел разграничительную черту между «агрессорами», прямо названными Германией, Японией и Италией, и «неагрессивными, демократическими государствами», которые, вместе взятые, оставались более сильными. Эти государства Сталин упрекал за отказ от идеи «коллективной безопасности», за то, что они предпочли ей «позицию невмешательства», «позицию "нейтралитета"» в надежде на то, что агрессия пойдет в другом направлении, а именно против СССР. Но из констатации факта уже начавшегося нового передела мира Сталин делал тот вывод, что расплачиваться за развязывание агрессии придется именно Великобритании и Франции. Он позволил себе даже иронизировать по поводу антикоммунистического характера «антикоминтерновского пакта», в действительности представлявшего собой коалицию, угрожающую интересам англичан, французов и американцев[17].

Современная документация не позволяет установить, какие именно из намерений Гитлера были известны Москве. Кое-какие признаки все же уловлены. После нескольких месяцев колебаний Берлин поощрил Венгрию на аннексию Карпатской Украины, отложив пока экспансионистские замыслы в отношении Советской Украины. Нацистская пресса требовала возвращения прежних немецких колоний. Фашистская Италия притязала на французские территории. Одним словом, заключал Сталин, Чехословакию бросили на произвол судьбы, отдали ее Гитлеру, чтобы подтолкнуть его к нападению на СССР, но он, похоже, не собирается «платить по векселю». «Большая и опасная политическая игра», затеянная Парижем и Лондоном, могла, таким образом, окончиться весьма печально для них. Сталин добавлял, что бесполезно «читать мораль людям, не признающим человеческой морали». В число задач внешней политики Советского правительства он включал поэтому одну довольно необычную задачу: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»[18]. То был первый, пока загадочный намек на его намерение расплатиться с англичанами и французами их же собственной монетой.

Трехсторонние переговоры

Московский съезд еще продолжал работу, когда Гитлер разорвал в клочки и Мюнхенское соглашение, решив вовсе ликвидировать чехословацкое государство. В ночь с 14 на 15 марта 1939 г. он провозгласил независимость Словакии под властью марионеточного правительства, а Богемию и Моравию включил в состав рейха в качестве протектората. Гитлеровские войска вступили в Прагу. То был сигнал к новому ряду агрессий. Неделей позже Германия аннексировала литовский город Клайпеду (Мемель). В апреле Италия оккупировала Ал-

банию. Меньше чем за полгода мюнхенская политика Англии и Франции, неосторожно объявленная началом новой эры мира, потерпела полный провал.

Окончательное уничтожение чехословацкого государства вызвало наконец благотворную реакцию общественности во Франции и, возможно, даже в еще большей мере в Англии. Если Чемберлен и в этом случае склонялся к тому, чтобы предоставить событиям идти своим чередом, то значительная часть прессы, вся оппозиция, одно крыло его партии и даже его собственного кабинета требовали, напротив, энергичного ответа. Французские руководители именно потому, что они во всем следовали за англичанами, тоже добивались от Лондона каких-нибудь заверений. Вырисовывались новые угрозы, на этот раз против Польши и Румынии. Под нажимом всех этих разнообразных факторов Лондон вынужден был возобновить зондаж советских намерений насчет совместных антигитлеровских акций. Такой зондаж был предпринят дважды на протяжении марта. В обоих случаях ответ Москвы был положительным. Литвинов предложил созвать конференцию всех стран, подвергшихся угрозе со стороны Германии: СССР, Великобритании, Франции, Польши, Румынии и Турции. Но английское правительство не воспользовалось благоприятной советской реакцией.

Чемберлен предпочел предпринять иную инициативу, все последствия которой он далеко не в состоянии был предвидеть. 31 марта он объявил в палате общин, что Англия и Франция окажут всяческую помощь Польше в случае, если ее независимость окажется под угрозой и если она примет решение сопротивляться. В самом деле, хотя варшавское правительство пока скрывало всю серьезность конфликта, возникшего в эти месяцы в его отношениях с Берлином, уже можно было предугадать вероятность того, что именно поляки станут очередной жертвой Гитлера. Этот последний требовал, чтобы ему вернули вольный город Данциг и предоставили право экстерриториального транзита через ту полоску польской земли, которая по Версальскому договору отделила Восточную Пруссию от остальной Германии. Он начинал, иными словами, против своего восточного соседа, который испытывал теперь давление и с юга, ту же операцию постепенного расчленения, которая удалась ему с Чехословакией.

Но и новое решение Англии не выдержало проверки историей[19]. Оно положило начало своеобразному периоду политики односторонних гарантий. После того как Италия аннексировала Албанию, аналогичные обязательства были взяты на себя Лондоном по отношению к Румынии, Греции и Турции. Ключевым пунктом оставалась по-прежнему Польша. Трудно было, однако, понять, с помощью каких средств Англия и Франция стали бы бороться за независимость этой страны в случае, если бы Гитлер напал на нее. Здесь заключалась главная слабость британского демарша. Но какой бы ни была неосмотрительность правительства Лондона, его шаг все же был не просто ошибкой, а скорее рассчитанным жестом: гарантии Польше призваны были заменить собой союз с СССР, которого требовала английская общест-

венность. Между тем без советского содействия эти гарантии были бы неэффективны. Британская дипломатия обратилась поэтому к Москве с просьбой взять на себя в свою очередь аналогичные односторонние гарантии по отношению ко всем странам, уже ставшим предметом покровительства Лондона.

СССР ответил контрпредложением, которое заслуживает внимания не только в силу той важной роли, какую оно сыграло в событиях 1939 г., но и потому, что в нем содержались уже многие из тех мотивов, которые властно повлияют и на формирование великой антифашистской коалиции во второй мировой войне. Представленные 17 апреля советские предложения сводились, по сути дела, к следующему: СССР, Англия и Франция должны заключить союз с обязательством оказания друг другу помощи в случае, если одна из держав подвергнется агрессии; вместо односторонних гарантий должен быть принят принцип автоматического вступления в действие пакта также в случае нападения на любую из восточноевропейских стран, граничащих с СССР на всем протяжении от Балтийского до Черного моря; договор должен быть подписан одновременно с военной конвенцией, которая установит формы и размеры взаимной помощи; все три правительства должны принять на себя обязательство не заключать никакого сепаратного мира в случае войны[20].

В этой советской позиции был один принципиально новый аспект. Как и в предыдущие годы, СССР по-прежнему проявлял готовность к проведению антигитлеровской политики, согласованной с Лондоном и Парижем, но заявлял о своей решимости избегать расплывчатых соглашений, никого ни к чему не обязывавших, либо, пуще того, обязательств, которые могли бы подставить его под удары Германии, не давая гарантии того, что в решающий момент великие державы Запада придут ему на помощь. Иными словами, СССР, как говорили его представители, намерен действовать на условиях равноправия со своими союзниками: обязательства должны быть взаимными и паритетными.

Одно событие было воспринято как сигнал о каких-то переменах в позиции Москвы. В первых числах мая два маленьких сообщения в советских газетах возвестили, что Литвинов оставил свой пост и что Молотов, уже возглавлявший правительство, взял на себя также руководство Наркоминделом. Ни тогда, ни позже в Советском Союзе не было опубликовано каких-либо материалов, способных пролить свет на причины, обусловившие столь важную перемену. Впоследствии за пределами СССР было сказано, что отстранение человека, который на протяжении многих лет был настойчивым поборником коллективной безопасности, следовало воспринимать как прилюдию к новой, пронемецкой ориентации советской дипломатии[21]. По сей день у нас нет документов, подтверждающих правильность такого толкования. Единственное, что сразу же должны были констатировать английские и французские дипломаты в Москве, — это иной тон в разговоре с ними. СССР сделался теперь куда более требовательным: либо союз с серьезными обязательствами и без каких бы то ни было уверток, либо ничего.

Более месяца советское предложение о тройственном союзе не принималось во внимание западными правительствами. Затем из-за твердой советской позиции сначала Париж, потом Лондон решили в конце мая поддержать идею коалиции. Оба правительства представили свой проект договора, куда менее обязывающего, чем советский, то есть не содержащего гарантий автоматического и эффективного применения при любой агрессии. На этот раз их представители в Москве услышали от Молотова, что предложенный ими текст своей двусмысленностью вызывает подозрение, что Англия и Франция хотят не заключения пакта, а лишь разговоров вокруг проектов пакта. Тон Молотова был весьма суров: «Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, Советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнерами»[22]. Несколько недель спустя та же самая позиция была высказана Лондону и Парижу в чуть смягченных выражениях Ждановым, то есть другим представителем высшего советского руководства, на этот раз публично, со страниц «Правды»[23].

Начались переговоры. Их история также рассказана уже не один раз[24]. Нет нужды поэтому восстанавливать их перипетии во всех разочаровывающих подробностях. Они медленно тянулись на протяжении двух с половиной месяцев без каких-либо существенных достижений, между тем как германско-польский конфликт придвигался все ближе. Согласие, в частности, так и не было достигнуто по двум пунктам, рассматривавшимся советской стороной как абсолютно необходимые. Речь шла о требовании подписать одновременно с договором также военную конвенцию, без которой он оставался бы неэффективным, как это уже произошло с франко-советским пактом в случае с Чехословакией. Вторым требованием было распространение гарантий на малые Прибалтийские республики в случае прямой или косвенной агрессии против них (отказ от их включения в договор рассматривался Москвой как подлинная провокация, почти что указание Гитлеру того пути, идя по которому он может безнаказанно напасть на СССР[25]). В системе обороны не должно оставаться «целей», говорили советские представители.

Настороженность Москвы усугублялась тем, что вести переговоры с Советским правительством были уполномочены английские и французские дипломаты весьма скромного ранга, а также тем, что эти вечно сомневающиеся, как Гамлет, собеседники действовали в высшей степени медлительно. Отсутствие серьезного подхода двух западных столиц к выработке пакта особенно рельефно проявилось в августе, когда по предложению советской стороны в Москве открылись переговоры между военными делегациями трех стран: западные представители

не были готовы даже к ответу на самоочевидный вопрос Ворошилова, будет ли разрешен советским войскам в случае начала военных действий проход через Польшу для вступления в соприкосновение с немецкой армией[26].

Но все же не разногласия по отдельным вопросам обусловили провал переговоров: их участь была предрешена отсутствием политического стремления двух западных столиц заключить пакт того типа, который предлагал СССР. В своем кругу Чемберлен не скрывал надежды на то, что дело не дойдет до подписания договора. Как всегда подозревали советские деятели и как подтвердили потом документы, английская дипломатия намерена была прежде всего воспользоваться угрозой союза с СССР для того, чтобы сдержать гитлеровские притязания и создать тем самым предпосылки того общего англо-германского соглашения, которого Чемберлен уже домогался в Мюнхене. Летом 1939 г. Чемберлен через своего главного советника Хораса Вильсона переслал по конфиденциальным каналам в Берлин свое послание, содержавшее это предложение. При этом делался намек на возможность некоторых уступок за счет Польши. Более непосредственно ощущая угрозу, французы выражали и бóльшую склонность к заключению договора с СССР, но практически так и не в состоянии были изменить позицию англичан. Наконец, образованию коалиции препятствовали все эти государства и псевдогосударства Восточной Европы; особенно пагубным было поведение польского правительства, которое даже в преддверии катастрофы не только отказалось от предоставления советским войскам права на проход через польскую территорию, но и воспротивилось любому союзу с Москвой. Лондон и Париж в свою очередь, вместо того чтобы использовать имевшиеся у них возможности и оказать давление на Варшаву и другие восточноевропейские столицы, прикрылись этим отказом, как щитом.

Часть западной историографии впоследствии пыталась доказать, что и советская сторона на переговорах вела себя неискренно. Однако ничего, кроме суда над намерениями, эти попытки не дали. Документы, обнародованные до сего дня, не дают возможности доказать подобное обвинение. Советские руководители были неизменно категоричны в постановке своей альтернативы: либо действительно надежные взаимные гарантии, либо никакого союза. Нет, однако, ни малейших оснований утверждать, что в случае согласия англичан и французов на тот вариант договора, который предлагала советская сторона и который диктовался, видимо, самой надвигавшейся угрозой, Советский Союз не подписал бы его. В каждый момент переговоров Москва оперативно отвечала на все предложения партнеров, как бы подчеркивая, что нельзя терять времени. Подсчитано, что из 75 дней переговоров лишь 16 ушли на подготовку и ожидание различных советских ответов, между тем как ожидание англо-французских ответов заняло в общей сложности целых 59 дней[27]. Остается заключить, что советские участники переговоров либо были искренни, либо были превосходными дипломатами.

Правдой является то, что московские руководители неизменно питали крайне мало доверия к своим собеседникам. В то время как шли переговоры, Молотов писал советскому послу в Лондоне: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя»[28]. Трудно, впрочем, представить себе, каким образом его позиция могла бы быть иной после Мюнхена. В этом свете более понятным становится и стремление Сталина не закрывать дверь и перед другими гипотезами. Как мы видели, англичане ведь тоже не переставали с величайшим упорством искать иных решений. Но иных возможных путей у Москвы было не так уж много. Один из них, по всей видимости наиболее трудный, вел к соглашению с Германией, несмотря на преграду в виде противостояния двух правительств по всем пунктам на протяжении предыдущих лет.

Советско-германский пакт

О переговорах между Москвой и Берлином также много писалось; тщательному изучению подверглись все имеющиеся в распоряжении исследователей документы[29]. Весной с той и другой стороны был предпринят осторожный зондаж. Дело, однако, не шло дальше мало к чему обязывающих намеков на возможность улучшения отношений между двумя странами и расширения их экономических связей, то есть на такие вещи, которые в соответствии с обычной дипломатической практикой могут быть реализованы даже без обещания крупных перемен. Из доклада Сталина на XVIII съезде, как и из осторожных высказываний советских дипломатов, немцы вполне могли понять, что московские руководители не намерены идти на поводу у англичан. Они могли это понять и из поведения СССР на трехсторонних переговорах, которые носили большей частью публичный характер в том смысле, что бо́льшая часть спорных проблем между Лондоном, Парижем и Москвой открыто обсуждалась и упоминалась в печати и выступлениях политических деятелей. В отношениях между Советским Союзом и нацистами преобладала тем не менее крайняя недоверчивость друг к другу.

Как явствует из немецких документов (соответствующие советские документы пока не опубликованы), Молотов в особенности вел себя с настороженной подозрительностью при встречах с послом «третьего рейха» Шуленбургом, несмотря на то что в Москве его верно охарактеризовали как одного из уцелевших сторонников старой политики Рапалло. Тот факт, что уже в мае некоторые дипломаты в Берлине, и в том числе посол Франции Кулондер, уловили слухи о возможности заключения договора, сам по себе не является еще признаком реального прогресса в переговорах между двумя странами в этот период. Речь могла идти просто о проявлении встревоженности, намеренном выдвижении гипотезы, на первый взгляд парадоксальной и мало опирающейся на факты, но все же такой, которую не следовало исключать в драматически острой политической борьбе тех дней. В любом случае то

был сигнал опасности, к которому обеим западным столицам ради собственного их блага следовало прислушаться более внимательно.

Внезапно усилия по сближению с немецкой стороны сделались настойчивыми и четкими; активность нарастала по мере того, как приближалась назначенная Гитлером дата нападения на Польшу: 1 сентября. В последнюю декаду июля немецкие дипломаты стали проявлять нетерпение в своих контактах с советскими представителями. 3 августа нацистский министр иностранных дел Риббентроп сделал в Москве предложение урегулировать «ко взаимному удовлетворению» все проблемы на пространстве «между Балтикой и Черным морем», то есть как раз во всей той зоне, которая была одним из главных препятствий на переговорах СССР с Лондоном и Парижем. Советская реакция была пока осторожной: принципиальное согласие на ведение переговоров, но постепенность в улучшении отношений. Продвигаться следовало шаг за шагом. Все еще трудно было понять, стремится ли Берлин лишь к тому, чтобы окончательно торпедировать союз СССР с Англией и Францией, или же у него были серьезные намерения добиться сближения с Москвой.

У Гитлера уже не было времени. Он хотел соглашения сейчас же, с тем чтобы избежать риска войны на два фронта, преследовавшего, как кошмар, многих его генералов, сохранивших в памяти уроки первой мировой войны. Он был поэтому согласен удовлетворить все советские запросы: от заключения пакта о ненападении до требования ослабить давление японцев на дальневосточных границах Советского Союза. Его настойчивость приобретала все более лихорадочный характер и в конце концов приняла форму известной телеграммы, посланной 20 августа непосредственно Сталину, с просьбой немедленно принять Риббентропа. Примерно в этот же день Сталин решил ответить согласием. Какие соображения руководили его действиями, остается в значительной мере загадкой. Можно только констатировать, что именно к этому моменту советско-французские военные переговоры также зашли в тупик.

Риббентроп прибыл в Москву 23 августа. В тот же вечер соглашения между двумя правительствами были подписаны. Они состояли из пакта о ненападении и секретного протокола, устанавливавшего границы сфер влияния двух стран на случай территориальных изменений в Восточной Европе. Пакт предусматривал, что ни одна из подписавших его сторон не будет участвовать в соглашениях, направленных против другой стороны, и не поддержит враждебных действий против нее. Протоколом уже устанавливалось, что Прибалтийские государства, за исключением Литвы, входят в советскую «сферу интересов». Что касается Польши, то советско-германская демаркационная линия была проведена по рекам Нарев, Висла и Сан; вопрос о целесообразности сохранения независимого польского государства должен был стать предметом дальнейшей договоренности между двумя сторонами в удобное для них время. Наконец, Германия заявляла о своем безразличии к судьбам Бессарабии, присоединение которой к Румынии в

1918 г. никогда не признавалось Советским Союзом[30]. На следующий день Риббентроп вернулся в Берлин.

Совершенный Сталиным в августе 1939 г. резкий поворот на многие десятилетия сделался предметом ожесточенных политических и исторических споров. Совершенно неуместными, однако, были обвинения в безнравственности и коварстве, раздавшиеся сразу же в Лондоне и Париже и повторявшиеся затем долгое время определенной частью западной прессы: после Мюнхена эти столицы утратили всякое право читать проповеди другим. В свою очередь Соединенные Штаты с их отдаленностью и упорной привязанностью к изоляционизму тоже находились не в самой лучшей позиции для того, чтобы учить другие страны, над которыми нависла смертельная угроза, как им вести себя: послы США в главных европейских столицах, кстати говоря, поощряли мюнхенскую политику. Речь идет, скорее, о других оставшихся без ответов вопросах. Первым по важности среди них остается вопрос о том, было ли решение, избранное Москвой, действительно самым лучшим с точки зрения обеспечения безопасности Советского государства, которой со всей очевидностью было отдано предпочтение перед любым другим соображением. Учитывая тот оборот, какой приняли трехсторонние переговоры, следует, по-видимому, согласиться с мнением, высказанным бывшим послом СССР в Лондоне Майским, по словам которого единственной альтернативой, остававшейся открытой перед Советским правительством в августе 1939 г., было либо соглашение с Гитлером, либо риск изоляции перед самым началом войны[31]. Сталин предпочел первое.

В последние годы советские историки не раз подчеркивали те выгоды, которые получил Советский Союз в результате этого шага[32]. Эти выгоды вкратце таковы. Москва избавлялась — по крайней мере на ближайшее время — от не оставлявшей ее со дня революции кошмарной угрозы единого фронта капиталистических стран против СССР: если бы мировая война началась из-за Польши (Гитлер не скрывал своего намерения напасть на нее), то она началась бы на Западе, а не на Востоке. С шаткой Версальской системой в Восточной Европе было отныне покончено. СССР никогда не был высокого мнения об этой системе. Он, правда, все равно защищал ее все то время, когда пытался добиться «коллективной безопасности»: защита Версальской системы была как бы ценой, которую он платил ради достижения этой цели. Но теперь и последний остаток этой системы — территориальный статус-кво — прекратил существование. Москва не была приглашена в Мюнхен для участия в улаживании европейских дел — теперь она получила право сказать свое слово на востоке континента. Разумеется, при этом было отставлено в сторону старое требование самоопределения народов. Но ведь его не принимали во внимание и при создании Версальской системы. В любом случае Советское правительство могло оправдываться — и неизменно оправдывалось — тем, что все территории, на которые оно собиралось ныне распространить свою власть, — Прибалтийские государства, восточные районы Польши, населенные

большей частью украинцами и белорусами, Бессарабия — были отняты у него ранее не по свободному волеизъявлению их населения, но исключительно из-за его слабости в 1918—1920 гг., во время и после гражданской войны и иностранной военной интервенции. Да и конечно, их жители не стали бы более свободными, если бы попали под власть нацистской Германии.

Наконец, СССР гарантировал себя пока от одновременного нападения немцев и японцев. Летом 1939 г., в то самое время, когда дипломатическая борьба в Европе подошла к решающим рубежам, на Дальнем Востоке вновь, как годом раньше, вспыхнул вооруженный конфликт, затянувшийся до осени и разросшийся до масштабов небольшой войны. Театром военных действий служила на этот раз почти пустынная местность на крайней восточной оконечности союзника СССР, Монгольской Народной Республики: здесь столкнулись уже не дивизии, а целые армии. Главное сражение разыгралось на реке Халхин-Гол, и его выиграли советские войска[33]. После понесенного поражения и после заключения договора между СССР и Германией японцы предпочли урегулировать конфликт мирным путем. Они заявили, однако, протест Берлину по поводу того, что договор в Москве был подписан без предварительной консультации с Токио: этот договор, по их оценке, противоречил антикоминтерновскому пакту и его секретным статьям.

Выгоды, таким образом, были внушительными. Этим объясняется тот факт, что в СССР даже самые суровые критики сталинской политики никогда не пытались отрицать целесообразности соглашения, заключенного в Москве[34]. В то же время противоположная гипотеза о временной изоляции СССР — притом, разумеется, что история не дала никаких практических доводов в ее пользу — все же не может рассматриваться как наверняка пагубная для судеб страны. Когда менее чем через два года Гитлер все равно напал на Советский Союз, он был уже хозяином почти всех ресурсов Европы и смог сосредоточить их против своего нового противника. Вдобавок, благодаря пакту, ему удалось напасть на СССР внезапно. Правда, уже с 1941 г. советские люди были уверены, что на их стороне англичане, а потом и американцы; но ведь Франция к этому времени как бы исчезла с карты Европы, и открытие второго фронта на континенте потребовало нескольких лет дискуссии. Конечно, никто в Москве или иной столице не мог в 1939 г. предвидеть все эти последствия. Но ведь никто не мог с точностью учесть — и тем менее это возможно ныне — все последствия, которые повлек за собой выбор, отличный от того, какой был сделан. Изоляция в ожидании следующих акций Гитлера и в условиях недостаточной пока антинацистской зрелости мирового общественного мнения, несомненно, заключала в себе серьезный риск. Но ведь то же самое можно сказать и о соглашении с Германией. Здесь правомерно будет предположить, что на принятие решения в 1939 г. повлияла также та дезорганизация, в которой находились Красная Армия и советская экономика после репрессий: состояние, которое наглядно продемонстри-

ровала несколько месяцев спустя война с Финляндией. СССР в 1939 г. непременно нуждался в «передышке», причем по внутренним причинам не менее, чем по мотивам международного характера. Такова была огромная, едва ли не самая большая часть той цены, которой пришлось расплачиваться за чудовищную операцию, проведенную Сталиным в 1937—1938 гг.

Кризис Коминтерна

Говоря о последствиях германо-советского пакта для СССР, нельзя обойти молчанием то воздействие, которое он оказал на международное коммунистическое движение. После VII конгресса Коминтерна сила и влияние многих партий Интернационала возросли благодаря антифашистской политике народных фронтов. В своем традиционном докладе о деятельности Коминтерна Мануильский на XVIII съезде ВКП(б) имел возможность объявить, что за пределами Советского Союза насчитывается 1200 тыс. коммунистов. Этот численный рост был достигнут главным образом за счет тех партий, которые, действуя в условиях легальности, сумели воплотить на практике идею народного фронта[35]. В особенности это относилось к французской партии, которая не только выросла, но и заняла прочное место в национальной жизни Франции. Испанская партия на протяжении всей гражданской войны была подлинной душой сопротивления франкизму. Даже в далеких Соединенных Штатах компартия стала более многочисленной (90 тыс. человек, сказал Мануильский) и оказывала пусть ограниченное, но несопоставимо большее в сравнении со своим удельным весом влияние во многих сферах общественной жизни: правящие круги уже не могли просто игнорировать ее. Совершенно особым было положение китайской партии, но и она после жесточайших битв 20—30-х гг. вступила в период консолидации своих сил. С одной стороны, она стабилизировала свои территориальные опорные базы на северо-западе страны, а с другой — использовала антияпонскую войну, особенно после частичного соглашения с Чан Кайши, для установления новых связей с широкими народными массами.

Это не значит, что после 1935 г. коммунистическое движение знало одни лишь успехи. В самом деле, между политическим курсом, принятым Коминтерном на VII конгрессе, и советской внутренней политикой периода массовых репрессий возникло глубокое противоречие[36]. Прежде всего, как уже говорилось, от репрессий жестоко пострадали как аппарат самого Коминтерна, так и зарубежные компартии, в особенности те из них, которые, действуя в подполье в странах, соседствующих с СССР, имели в Москве наиболее многочисленные группы руководителей и активистов-подпольщиков. Мало того, что была упразднена и уничтожена польская партия. Почти в таком же положении находились эстонская и латышская партии: их руководящие органы были распущены, а связи с Коминтерном

прерваны[37]. Югославскую партию с минуты на минуту ожидала та же участь, что и польскую[38]. Центральный Комитет итальянской партии был тоже распущен решением сверху[39]. Но и те партии, которых не коснулись либо только частично коснулись подобные невзгоды, при проведении своей политики народного фронта оказывались связаны, как путами, тем, что происходило в Москве. В Испании «охота на троцкистов», развернутая советскими секретными службами, вносила в политическую борьбу в республиканских рядах чрезвычайно негативные по своим последствиям элементы сектантской исступленности.

Если сталинские репрессии не возымели еще более тяжких последствий для унитарной политики некоторых компартий, то произошло это не только потому, что за границей относительно плохо представляли себе их подлинные масштабы (внимание неизменно приковывали к себе крупные публичные процессы). Еще большее значение имело присущее коммунистам сознание той важной роли, которая принадлежала СССР в общей битве с фашизмом, — сознание, неизбежно затушевывавшее те не укладывавшиеся в уме вещи, которые происходили во внутренней жизни Советского Союза. Именно этот-то фактор сплочения и был подорван советско-германским пактом.

После того как на протяжении нескольких лет коммунисты Европы и Америки считали борьбу с фашистскими режимами стержнем и сердцевиной всей своей деятельности, советское решение захватило их врасплох: внезапно они оказались изолированными, поток брани и проклятий хлынул на них со стороны всех тех демократических сил, которые еще днем раньше сражались бок о бок с ними. Ослабленные, не успев прийти в себя, они подверглись жестоким ударам классового врага. Во Франции были объявлены вне закона сначала коммунистическая печать, а затем и сама компартия; против московского пакта выступили профсоюзы и левая интеллигенция. В Великобритании и Соединенных Штатах хотя дело и не дошло до этого, коммунисты равным образом оказались предметом атак со всех сторон. В подобном положении оказались самые небольшие партии, в том числе и те, которые действовали в подполье. Все они испытали кризисы и расколы; более других пострадали французы.

Чаще всего в литературе подчеркивается тот факт, что на протяжении нескольких недель, последовавших за августом 1939 г., все компартии в конечном счете все равно присоединились к советской позиции. В самом деле, в обстановке внезапной драматической изоляции верх взяли старый рефлекс солидарности, вера в СССР и Сталина в сочетании с соображениями высшей необходимости, которыми каждая из партий оправдывала решение правительства в Москве. И все же не это было наиболее примечательным и новым в реакции коммунистических партий. Почти во всех — во французской, английской, итальянской, германской, испанской — были предприняты попытки нащупать свою собственную, пусть даже и не связанную с осуждением СССР, но самостоятельную линию поведения. Так, французы вначале избрали позицию поддержки войны с Гитлером, в кото-

рую с первых чисел сентября вступила их страна. Они проголосовали за военные кредиты, запрошенные правительством. Лишь позже, после вмешательства Коминтерна из Москвы, они сменили курс и подвергли критике свое первоначальное решение[40]. Взаимоотношения между политикой Советского государства и позицией коммунистических партий представляли собой не новую проблему. Проблема эта существовала с 20-х гг. Однако никогда еще она не стояла так остро.

Коминтерн вступил в полосу кризиса. Констатация советскими руководителями после Мюнхена того факта, что новая империалистическая война уже началась, была равноценна признанию того, что задача защиты мира, с такой силой поставленная VII конгрессом, также потерпела неудачу. В руководящих кругах Коминтерна в Москве высказывались, по крайней мере в частных разговорах (например, Мануильским), пессимистические суждения насчет способности к сопротивлению других народов и даже самих пролетарских масс: значит, Советскому Союзу со своей Красной Армией придется биться в одиночку против всех[41]. Подобные настроения не просто будет искоренить в советской общественности.

Для международной организации трудящихся начало мировой войны не может не явиться наиболее критическим моментом. 1 сентября гитлеровская армия вторглась в Польшу. Два дня спустя Англия и Франция открыли в свою очередь военные действия против немцев. Вторая мировая война началась. Трудности, которые испытывал Коминтерн после Мюнхена и московского пакта, были связаны как раз с определением характера этой новой войны[42]. Широкие народные массы видели в ней антифашистскую войну. Так же воспринимало ее немалое число коммунистов. Однако Интернационал через несколько недель после начала военных действий охарактеризовал ее как «империалистическую войну» между державами, соперничающими из-за передела мира. Вместе с тем Коминтерн не осмелился пойти дальше и открыто потребовать, подобно тому как это 25 годами раньше сделал Ленин, ее превращения в гражданскую войну внутри каждой из стран-участниц. Через полтора года, когда в войну оказался втянутым и СССР, оценка претерпела изменения.

В 1939 г. Коминтерн продолжал еще быть «приводным ремнем». Правда, дальнейшее пребывание в этой роли стоило ему жизни. Позже Тольятти заметил как-то, что решение о роспуске Интернационала «в известном смысле уже внутренне содержалось» в решениях его VII конгресса[43]. Так что после 1939 г. эта организация вела уже жалкое существование. Такое положение продлится еще несколько лет; но ее кончина или по меньшей мере радикальная реформа фактически уже были предопределены самими обстоятельствами возникновения новой мировой войны. Мало что изменилось в тот момент в отношениях между СССР и ослабленным коммунистическим движением, плотно сомкнувшим свои поредевшие ряды вокруг советской крепости. Но в том решающем опыте, который пережили тогда коммунисты, уже содержались семена важных будущих перемен.

VIII. НАВСТРЕЧУ ИСПЫТАНИЮ

Аннексии и война с Финляндией

СССР остался временно в стороне от второй мировой войны, вспыхнувшей в Европе в первых числах сентября 1939 г. Советские города не знали затемнения. Граждане получили заверения, что карточки на продовольствие вводиться не будут. Несмотря на незаметный осадок горечи, вызванный у советской общественности заключением пакта с нацистской Германией, такое относительно спокойное существование поодаль от охваченной пламенем Европы выступало как еще одна заслуга сталинского правительства. Однако видимость мирной жизни скрывала конвульсивное напряжение, которое продолжалось двадцать месяцев.

Международная политика Советского правительства в этот период настолько переплетена с событиями начальной фазы войны и, следовательно, с подготовкой Гитлера к нападению на СССР, что сколько-нибудь полно ее можно рассмотреть только в контексте самой войны. Это — задача продолжения, задуманного в качестве второй части настоящей работы. Но один аспект тем не менее мы хотели бы сразу же выделить: речь идет о территориальных приобретениях СССР. Связав себя войной на Западе, Гитлер не мог не соблюдать взятых на себя в Москве обязательств относительно «сферы влияния» СССР. Советское правительство воспользовалось этим, чтобы продвинуть свои границы на запад. Почти все присоединенные территории до революции входили в состав России. Их возвращение было изображено поэтому, особенно в исторической литературе, как восстановление прерванного процесса, как воссоединительная операция, призванная в то же время обеспечить Советскому Союзу более безопасные границы[1]. Сделано это было, правда, не революционным путем. Процедура повсюду была одинаковой. Сначала советские войска оккупировали эти территории, устанавливая там свой порядок и распустив все враждебные политические организации. Затем плебисциты разных типов санкционировали присоединение этих земель к СССР.

Операция была проведена в два приема. Крах Польши под ударами немецкой агрессии произошел молниеносно, несмотря на некоторые героические, но плохо организованные случаи сопротивления. Предотвратить его были не в состоянии и вступившие сразу в войну Англия и Франция. Тогда по соглашению с правительством Берлина советские войска вступили в Польшу и продвинулись до демаркационной линии, согласованной ранее с немцами. Население занятых ими территорий в большинстве своем состояло из украинцев и белорусов (включая значительные группы еврейского населения в городах). При подписании 28 сентября в Москве нового договора о

дружбе и установлении границ между СССР и Германией Сталин потребовал изменения августовской договоренности, с тем чтобы за Германией оставались все области с преобладанием польского населения; взамен он добился того, чтобы Литва перешла в советскую «сферу интересов»[2]. Земли, которые Польша присоединила к себе в 1920 г. и которые перешли теперь под советский контроль, были включены в состав двух республик — Украины и Белоруссии. Что же касается трех Прибалтийских государств — Эстонии, Латвии и Литвы, то Москва потребовала и добилась того, чтобы они подписали договоры о взаимопомощи, по которым предоставляли СССР право пользования военными, воздушными и морскими базами на своей территории.

В июне 1940 г., после польской катастрофы и долгого затишья на западном фронте, получившего название «странная война», наступил крах Франции в результате считанных недель германского наступления. Так Гитлер, уже оккупировавший к этому времени Данию, Норвегию, Голландию и Бельгию, стал хозяином большей части Европы. СССР тогда поспешил положить конец всем отсрочкам в отношении Прибалтийских стран. Москва объявила о нарушении ими ранее заключенных договоров о взаимопомощи и приказала своим войскам оккупировать целиком их территории. В Таллинне, Риге и Каунасе были образованы новые правительства. Они организовали плебисцитарного типа выборы парламентов, которые месяц спустя провозгласили эти три государства Советскими республиками и в качестве таковых попросили принять их в состав Советского Союза на правах союзных республик, что и было немедленно сделано. Одновременно румынскому правительству был предъявлен ультиматум о передаче Советскому Союзу в 24-часовой срок Бессарабии и Северной Буковины, принадлежавшей в прошлом Австро-Венгерской империи и населенной в значительной мере украинцами. Бухаресту не оставалось ничего иного, как выполнить требование. Бессарабия была включена в СССР в качестве Молдавской Советской Социалистической Республики.

Ни в одной из этих стран советское наступление не встретило сопротивления. Политическая слабость режимов, установленных здесь в период между двумя войнами, теперь, когда пробил роковой час, становилась совершенно очевидной. Советский Союз мог рассчитывать на симпатии определенных сил, хотя не всюду и не в одинаковой степени. Украинцы и белорусы, населявшие бывшие восточные районы Польши, в прошлом были предметом национального угнетения: каково бы ни было их отношение к советскому строю, ныне они воссоединялись с собственной нацией, и это представляло собой мощный довод в пользу аннексии. В Прибалтийских странах не совсем еще стерлись следы революционных битв 1917—1918 гг.: особенно сильны были антибуржуазные стремления среди латышских рабочих. В значительно меньшей мере это могло относиться к Литве, но Советское правительство сделало выигрышный жест, передав ей

в октябре 1939 г. город Вильно, который поляки неизменно удерживали под своей властью и который служил мотивом вековечного конфликта между Польшей и Литвой. Если приход советских войск не был революционным сам по себе, то повсюду он тем не менее сопровождался революционными мерами: национализацией и аграрными реформами. Некоторое перераспределение земель было осуществлено даже в Прибалтийских странах, где к тому времени преобладала средняя и мелкая крестьянская земельная собственность[3]. Противодействие этому было нешуточным. Но все деятели буржуазных слоев или руководители потенциального сопротивления были арестованы и депортированы в СССР.

Советскому наступлению были присущи и серьезные политические слабости. Как раз те коммунистические организации, которые могли бы оказать ему революционную поддержку, были обезглавлены в СССР во время сталинских репрессий, оказавшихся для них тем более разгромными, что обрушились на коммунистов этих стран после длительного периода работы в подполье у себя на родине. О компартиях Прибалтийских стран уже было сказано в предыдущей главе: к приходу советских войск они насчитывали лишь несколько сотен человек[4]. Что же касается коммунистических организаций Западной Украины и Западной Белоруссии — земель, принадлежавших ранее Польше, то они в течение многих лет входили в состав польской партии, сохраняя в ней, правда, определенную автономию: в 1938 г. они были распущены вместе с компартией Польши. Репрессии по отношению к ним были тем более жестокими, что еще с конца 20-х гг. они находились на подозрении у Сталина и Кагановича как рассадники националистического уклона на Украине[5].

В промежутке между двумя фазами территориальной экспансии советская история пополнилась также одним отрицательным эпизодом, обнаружившим степень военной неподготовленности СССР. Это была война с Финляндией. Она началась в конце ноября 1939 г. после длительных переговоров между двумя странами. Советское правительство добивалось предоставления нескольких военных баз в Финском заливе и территориальных изменений, которые позволили бы перенести на несколько десятков километров границу, проходившую чересчур близко к Ленинграду. Натолкнувшись на отказ Хельсинки, Москва объявила о пограничных инцидентах и перешла к военным действиям. Советские требования были, по правде говоря, довольно разумными, ибо целью их было обеспечить оборону одного из самых важных и наиболее уязвимых районов страны. Среди самих финских политиков имелось течение, склонявшееся к удовлетворению этих требований. Сталин, однако, совершил серьезную политическую и военную ошибку. Он образовал так называемое финское народное правительство во главе с Отто Куусиненом, одним из главных руководителей Коминтерна, провел процедуру его официального признания и даже заключил с ним договор о дружбе[6]. Этот жест сразу

изменил характер только что начавшейся войны, превратив ее из ограниченного территориального конфликта в столкновение из-за внутреннего строя и международного статуса Финляндии. Сталин, помимо того, решил, что легко справится с финским сопротивлением; по обнародованным недавно данным, он отверг план подготовки операции крупными силами, будучи убежден, что для победы достаточно будет одних лишь войск Ленинградского военного округа, которому и были поручены подготовка и проведение всей кампании[7].

Но ход «малой» войны сразу же принес жестокое разочарование. Советские части, продвинувшись после жесточайших боев на несколько километров, были блокированы на Карельском перешейке оборонительными сооружениями линии Маннергейма. То же самое произошло и на других участках фронта. Войска оказались плохо обученными и, сколь бы странным это ни показалось, с трудом действовали в условиях суровой северной зимы. Многократные попытки штурма не смогли обеспечить решающего успеха. Транспортная система в стране переживала кризис, не справляясь с перегрузкой из-за доставки материалов и подкреплений на фронт, где военные операции затягивались все более. Международное положение СССР становилось опасным. Необходимо было организовать наступление значительно превосходящими силами при массированном применении артиллерии. Такое наступление могло начаться лишь 11 февраля 1940 г., но и после этого понадобился еще месяц кровопролитных боев, чтобы форсировать мощную линию финских заградительных сооружений[8].

11 марта Хельсинки вынужден был наконец признать поражение и подписать мирный договор, по которому Советскому Союзу делались более крупные территориальные уступки, нежели те, что первоначально были запрошены Москвой, но все же не такие, чтобы сколько-нибудь существенно изменить карту Финляндии. О правительстве же Куусинена никто больше не говорил. В столице СССР началась серия совещаний на высшем уровне с целью извлечь из только что законченной войны все те суровые уроки, которые диктовались обстановкой. По официальным заявлениям, потери с советской стороны составили 48 тыс. убитыми и втрое больше ранеными[9].

Наперегонки со временем

Бремя напряженного комплекса усилий, которое советское общество несло на себе с 1 сентября 1939 г. до немецкой агрессии, один из западных авторов назвал «бегом наперегонки со временем»[10]. Это точная формулировка. Начиная с войны с Финляндией, гонка стала драматической, лихорадочной, но началась она раньше, когда разразилась мировая война и СССР лишь в последний миг удалось остаться в стороне от нее. Война застала Советский Союз за выполнением третьего пятилетнего плана, который — по крайней мере теоретически — вступил в силу в январе 1938 г. Этот план с момента пер-

вого упоминания о нем на XVIII съезде ВКП(б)[11] и далее с течением времени все более испытывал на себе влияние требований, связанных с укреплением обороноспособности страны. При его оценке поэтому нельзя абстрагироваться от значения этого фактора, хотя на основании тех данных, которые имеются в распоряжении исследователей, отнюдь не легко определить его весомость и рост из года в год. В то же время специфика советской экономики этого периода не может быть просто сведена к последствиям растущего удельного веса оборонного фактора. В этой специфике отражаются некоторые типичные сталинские концепции либо традиционные для советских коммунистов приемы действия, сложившиеся на основе их опыта; а многое из этой специфики сохранится еще и долгое время после войны.

Отброшена была, например, попытка ликвидировать отставание легкой промышленности, о чем, напротив, говорилось как об императивном требовании в период утверждения второго пятилетнего плана. В третьей пятилетке вновь подтверждалось, что абсолютный приоритет принадлежит тяжелой индустрии. В этом отражался, среди прочего, рост запросов армии. Но то была не единственная причина произведенной перемены. Сталин и Молотов в своих докладах на XVIII съезде ни разу прямо не сослались на эти запросы. Мало того, решение отдать предпочтение тяжелой промышленности связывалось ими с так называемой основной экономической задачей СССР, поставленной на несколько пятилеток вперед: «догнать и перегнать» главные капиталистические страны по производству на душу населения. Сталин при этом ясно сказал, что для этого требуется «готовность пойти на жертвы»[12]. Не менее сталинским по своему характеру было другое решение — уже упоминавшееся выше и тоже выдвинутое на XVIII съезде — ограничить тенденцию колхозников уделять слишком много времени своему маленькому личному хозяйству. Приоритеты третьего пятилетнего плана отражали, таким образом, прежде всего господство сталинских концепций.

Если теперь перейти к анализу выполнения плана, то более всего обращает на себя внимание то, с каким огромным трудом страна справлялась с его заданиями. Самые последние советские статистические подсчеты утверждают, что за трехлетие 1938—1940 гг. выпуск промышленной продукции увеличился на 45 % при запланированном на всю пятилетку росте на 92 %[13]. Более полных данных, которые бы позволяли подтвердить или опровергнуть эти подсчеты, не существует. Можно тем не менее обратиться к абсолютным показателям производства таких важнейших видов продукции, как сталь, цемент, нефть, уголь, электроэнергия, строительные материалы. Эти цифры далеко не подтверждают вышеприведенный итоговый процент: они свидетельствуют о куда более скромном увеличении либо даже о настоящем застое производства. Единственным исключением, судя по официальным данным, в этом случае с трудом поддающимся проверке, была машиностроительная промышленность, продукция которой выросла на 76 %, то есть увеличивалась именно теми темпами, какие

изначально предусматривались планом (выпуск продукции оборонного назначения внутри этого подразделения вырос в 2,3 раза)[14]. Общее впечатление, следовательно, таково, что производство весьма отставало от установленных планом уровней[15].

Был ли то результат усилий, направленных на укрепление обороноспособности страны и требовавших, помимо всего прочего, срочного формирования стратегических запасов? Разумеется, такие усилия могли способствовать общему замедлению развития, но их одних недостаточно для исчерпывающего объяснения этого замедления. В самом деле, кризис переживали, в частности, и те отрасли, которые являлись жизненно важными именно для подготовки страны к войне, такие как металлургия, которая была едва ли не главным предметом гордости и забот советской промышленности в предыдущие пятилетки. В 1937—1940 гг. выпуск металлургической продукции сохранялся почти на одном и том же уровне, а в 1939 г. даже претерпел некоторое сокращение; при этом наряду с количественными ухудшились и качественные показатели [16]. В химической промышленности, которая по проектам должна была стать головной отраслью третьей пятилетки и важность которой для оборонных целей трудно переоценить, были отмечены скудные успехи[17]. Производство цемента, необходимого для возведения намеченных оборонительных сооружений на границах, претерпело даже сокращение[18].

С другой стороны, многочисленные признаки указывают на то, что основные причины, обусловившие это кризисное состояние советской экономики накануне войны, восходят к репрессиям 1937—1938 гг. Сама советская статистика отмечает, что в 1937 г. темпы роста промышленности понизились в два раза. К тому же совпадает мнение ряда советских историков, которые, пытаясь объяснить отставание как промышленности, так и транспорта в описываемый период, единодушно намекают именно на эту причину, хотя и стараются делать это без излишней настойчивости[19]. Писатель, имевший доступ к служебным документам той поры, свидетельствует: «В промышленности и на транспорте продолжалась еще (дело происходит в 1940 г. — *Дж. Б.*) фаза тяжелого расстройства, дезорганизации, причиненных арестами только что минувших лет... об этом, впрочем, лучше было не говорить»[20].

Следует добавить, что все те трудности и проблемы, существование которых на процессах и в прессе 1937—1938 гг. приписывалось «вредительству», не только не были устранены, но и напоминали о себе с еще большей остротой. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать документы той поры, красноречивые даже при всех их недомолвках: в качестве характерных укажем те трудности, на которые наталкивалась добыча угля в Донбассе[21]. Показательно также возобновление тенденции к распылению капиталовложений по многим объектам: число незаконченных строек, небольшое в годы второй пятилетки, вновь стало стремительно расти[22].

В обстановке подобных экономических трудностей и приходилось

советским людям вести ускоренную подготовку своей страны к грядущему испытанию войной. Нельзя сказать, чтобы для достижения этой цели делалось мало или недостаточно энергично. Совсем наоборот. Удельный вес расходов на оборону в государственном бюджете, равный 12,7 % в годы второй пятилетки, повысился в третьей пятилетке до 25,4 %; по отдельным годам военные ассигнования росли следующим образом: 25,6 % в 1939 г., 32,6—в 1940-м и 43,4 % в 1941 г.[23] В сентябре 1939 г. была введена всеобщая воинская обязанность: численность советских вооруженных сил выросла с 1433 тыс. человек в 1937 г. до 4207 тыс. к 1 января 1941 г. и превысила 5 млн. в июне этого года[24]. Производство вооружений расширялось и ускорялось. Особое развитие получила одна из тех инициатив, всю дальновидность которых можно будет оценить лишь позже. Во второй половине 30-х гг. советская оборонная промышленность размещалась еще большей частью вдоль оси, проходившей от Ленинграда через Центральный район к Харькову и Днепропетровску в восточной части Украины. Теперь началось ускоренное сооружение заводов-близнецов в восточных районах: в Поволжье, на Урале, в Сибири. Этим стремились уберечь оборонную промышленность от возможных ударов вражеской авиации[25]. Как выяснится позже, опасаться следовало не только одной авиации.

Советский историк Медведев упрекнул Сталина и других советских руководителей, что они планировали завершить подготовку обороны страны лишь на конец 1942 г. То, что советские руководители думали тогда именно об этом сроке, подтверждается и другими источниками. Убедительными вместе с тем выглядят по этому специфическому пункту объяснения, которые дает в своих мемуарах маршал Жуков. Он пишет, что в тех условиях физически невозможно было сделать больше того, что делалось, не переводя всю экономику страны на военные рельсы, с теми серьезными последствиями, какие повлек бы за собой этой шаг[26]. Изучение имеющихся документов не дает оснований утверждать, что в период с 1939 по 1941 г. имелась возможность действовать быстрее, чем действовали участники этой гонки, по крайней мере в тех пределах, которые могли реально повлиять на ход последующих событий. Корень зла и в этом случае следует искать в другом.

Самые различные свидетельства сходятся на том, что в середине 30-х гг. (точнее, в 1936 г.) вооружение и тактико-стратегические концепции Красной Армии, оснащавшейся по мере успехов индустриализации, соответствовали самым передовым представлениям в этой области, какие только существовали в тогдашнем мире. Самолеты, которые посылались в первое время Испанской республике, победоносно выдерживали противоборство с немецкими машинами, на которых летали фашисты. То же можно сказать о танках. Благодаря творческой мысли Тухачевского советская военная теория верно предугадала новые характерные черты современной войны с широким применением техники: СССР первым приступил к формированию мо-

томеханизированных корпусов. Экспериментальные радарные установки были созданы советскими специалистами и начали использоваться в армии раньше, чем в Америке и Англии.

Во всех этих областях Советские Вооруженные Силы три года спустя сильно отстали. Немецкие «мессершмитты» и «юнкерсы» явно превосходили теперь советские самолеты, оставшиеся теми же самыми. Аналогичную ситуацию можно было констатировать и в танковом деле. Мотомеханизированные корпуса были расформированы. Танкам, как и авиации, отводилась лишь задача тактической поддержки. Работы над радаром были заморожены. Сами уроки испанской войны были истолкованы неверно[27]. В конце 1939 г. контраст между немецким «блицкригом» в Польше и затяжной советской кампанией в Финляндии со всей очевидностью поставил московских руководителей перед лицом тревожной действительности. Специальная комиссия во главе со Ждановым и Вознесенским не смогла сделать ничего иного, как констатировать непредвиденное отставание «в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне», а также «в ряде вопросов подготовки армии к войне»[28].

Для подобного положения нельзя найти убедительного объяснения, если не вспомнить об опустошениях, оставленных сталинскими репрессиями в рядах военачальников, научных исследователей, руководителей народного хозяйства. Например, что касается упомянутого выше радара, который во время войны СССР пришлось покупать у англичан и американцев, причина была установлена точно: изобретатель находился в тюрьме[29]. Да и во всех остальных случаях трудно не усмотреть подобной связи: годы отставания в точности совпадают с годами, когда прямые и косвенные последствия репрессий дали знать о себе с наибольшей силой. Это были, помимо всего прочего, годы чрезвычайно интенсивного развития военной техники повсюду в мире. Сама комиссия Жданова — Вознесенского вынуждена была указать среди причин советской неподготовленности к войне «наличие молодых и недостаточно опытных кадров»[30].

Задыхаясь от спешки и напряжения, вызванных ростом внешних опасностей, советские люди продемонстрировали в предвоенные месяцы, даже в тех труднейших условиях, в которые они были поставлены, свою способность к свершениям, достойным восхищения. Довольно обширная ныне мемуарная литература, принадлежащая перу непосредственных участников этой ускоренной подготовки, весьма поучительна на этот счет[31]. Именно в этот период — с конца 1939 г. до лета 1941 г. — были созданы многочисленные образцы простой в обращении и высокоэффективной военной техники, зачастую превосходившие соответствующие немецкие модели и оказавшиеся такими нужными в ходе войны. К этому времени относится создание истребителей Яковлева и Микояна, новых самолетов Туполева и Ильюшина, пикирующих бомбардировщиков Петлякова, знаменитых танков КВ и Т-34, прекрасного автомата Шпагина, некоторых усовершенствованных типов минометов и другой военной техники, не гово-

ря уже о прославленных «катюшах» — новейшей реактивной артиллерии. Налажено было даже серийное производство этих образцов (за исключением «катюш»). Именно в 1939—1941 гг. было построено много авиационных заводов. Потребовались чудеса самоотверженности, преданности своему делу и обществу, чтобы добиться этих результатов. К сожалению, в июне 1941 г., к моменту гитлеровского нападения, массовое производство новых видов вооружений только еще начиналось[32]. Вот тогда-то и сказалась вся тяжесть трех потерянных лет.

Не свободны были от ошибок и решения, принимавшиеся в этот период, как это явствует, по крайней мере, из самокритичных оценок, высказанных рядом непосредственных участников событий. Были ошибки, объяснявшиеся неопытностью одних и страхом других перед необходимостью принимать ответственные решения, страхом, который питали именно трагические обстоятельства 1937—1938 гг. Были ошибки, обусловленные методами руководства, к которым прибегали иные из деятелей нового сталинского призыва. Единодушными были много лет спустя крайне отрицательные отзывы о таких некомпетентных работниках и интригах, как новый начальник Главного политического управления армии Мехлис, который насаждал повсюду атмосферу инквизиторской подозрительности; или о начальнике артиллерии маршале Кулике, авторе некоторых необдуманных решений, например о прекращении производства 76-миллиметровой пушки — одного из наиболее эффективных орудий, состоявших на вооружении армии. Делались, наконец, ошибки просто потому, что люди не могут не ошибаться. Наиболее характерной чертой периода было, во всяком случае, не это. Главным было то, что концентрированные усилия по подготовке к войне были в целом высокоположительным явлением и приносили блестящие результаты: они позволили закрыть наиболее опасные бреши и сыграли решающую роль в создании предпосылок для последующих побед советского оружия.

Подлинное возобновление роста промышленности, в том числе и в наиболее кризисных отраслях, вроде черной металлургии, было отмечено к концу 1940 г.[33]. Благотворное воздействие этого обстоятельства почувствовала на себе и оборонная промышленность. В феврале 1941 г. в Москве собралась XVIII партконференция. Она была целиком посвящена вопросам развития промышленности, которые были основой содержания обоих докладов — Маленкова и Вознесенского. Для осуществления новых программ снова требовалось максимальное напряжение сил всего общества. Не удивительно поэтому, что для решения соответствующих проблем было и на этот раз необходимо обратиться к методам, уже опробованным на протяжении истории СССР, — угроза извне давала им как бы дополнительное оправдание.

Произошел возврат к некоторым формам милитаризации труда. Уже в конце 1938 г., после настойчивой кампании в печати и на собраниях, для обеспечения строгой дисциплины на предприятиях и в учреждениях были введены весьма строгие правила. Для каждого работника была заведена трудовая книжка, в которой регист-

рировались сведения о найме, увольнениях и причинах, их обусловивших. За 20-минутное опоздание накладывался крупный штраф; после трехкратного опоздания в течение одного месяца работник подлежал увольнению и подвергался суровым судебным санкциям[34]. Еще более драконовские законы были приняты в июне 1940 г., после финской войны и капитуляции Франции на западе. Рабочий день был продлен с семи до восьми часов, а рабочая неделя вновь стала семидневной (шесть рабочих дней и один выходной). Никто не имел права отказываться от сверхурочных. Под угрозой тюремного заключения никто не имел права переходить с одного места работы на другое без официального разрешения дирекции предприятия. Вместе с тем несколько месяцев спустя промышленные наркоматы получили право своей властью перемещать инженерно-технических работников, административный персонал и квалифицированных рабочих с одного предприятия на другое, в том числе и в другие районы страны, причем соответствующий работник не имел права отказаться от выполнения этого приказа[35].

В октябре 1940 г. для вербовки рабочей силы была учреждена система трудовых резервов. Уже в самом названии слышался отзвук военной терминологии. Указ уполномочивал правительство ежегодно мобилизовывать от 800 тыс. до 1 млн. юношей и девушек для обучения их в специальных ремесленных училищах промышленным профессиям: постоянные квоты устанавливались для каждого города и каждого колхоза. Обучение длилось полгода для наиболее простых профессий и два года — для более специализированных работ. Ученики содержались целиком за счет государства. Взамен они должны были отработать в обязательном порядке 4 года там, куда их направляли по распределению. Распределением же резервов занималось правительство. Как и в военных частях, в училищах имелся заместитель директора по политической части, обязанностью которого было идеологическое воспитание будущих рабочих. Сразу же было создано около 2 тыс. таких училищ; некоторые с ускоренным — под давлением обстоятельств — курсом обучения. Первый выпуск трудовых резервов состоялся в мае — июне 1941 г. и насчитывал 439 тыс. молодых рабочих[36]. Широкое развитие система получит позже, в военные и послевоенные годы.

Другим, тоже не новым методом было распространение прямой партийной ответственности за руководство хозяйственной работой. Во время индустриализации, как мы уже видели, хозяйственная функция всех партийных органов получала все большее развитие за счет их собственно политических прерогатив. Начало этого процесса, как известно, восходило к давним временам; после репрессий и в еще большей мере в непосредственно предвоенные месяцы он достиг высшего развития. В ходе подготовки к высшим партийным форумам — XVIII съезду в марте 1939 г. и XVIII партконференции в феврале 1941 г. — обычную политическую дискуссию полностью вытеснила волна производственного рвения. В первичных партийных

организациях не обсуждали политику партии, а брали обязательства улучшить работу предприятия. Обещания увеличить выпуск продукции изображались как «подарки», которые рабочие того или иного предприятия делают партии, партийному съезду. Наконец, в связи со съездом было организовано специальное соревнование между различными производственными коллективами. На эти же, а не на политические темы шел в основном разговор и на партийных форумах, как центральных, так и местных.

Упраздненные в марте 1939 г. промышленные отделы партийных комитетов были восстановлены несколько месяцев спустя. В сентябре 1940 г. первым секретарям этих производственно-отраслевых отделов было дано указание «повернуть внимание... в сторону работы промышленности и железнодорожного транспорта»[37]. Примером, впрочем, служило само высшее руководство. Как явствует из многочисленных мемуаров, Сталин в тот период лично и повседневно руководил осуществлением программы вооружений. Почти ежедневно у него бывал новый министр авиационной промышленности Шахурин[38]. Все наиболее важные решения принимались им самим, что было не лишено серьезных неудобств, ибо его суждения обжалованию не подлежали и очень немного находилось людей, осмеливавшихся выдвигать доводы в пользу иных решений[39] (это пытался делать, например, опытный нарком вооружений Ванников, но в июне 1941 г. он был арестован; его пришлось выпустить и вернуть на прежний пост месяц спустя, когда война была уже в разгаре[40]).

Как бы то ни было, секретари периферийных партийных комитетов также обязаны были заниматься теми же вопросами, включая и собственно оборонные, правда, лишь в чисто исполнительном плане. Наиболее прямо эти директивы были сформулированы XVIII партконференцией (февраль 1941 г.), которая вменяла в обязанность секретарям по промышленности и транспорту «хорошо знать, что делается на предприятиях, регулярно бывать на них». Секретари, говорилось далее в решении конференции, «должны быть лично связаны как с работниками предприятий, так и с соответствующими наркоматами, должны помогать им в выполнении планов и решений партии по промышленности и транспорту, систематически проверять исполнение этих решений, вскрывать недостатки в работе предприятий и добиваться ликвидации этих недостатков»[41].

Вновь подтвержден был также принцип единоначалия. В особенности это касалось армии, поскольку война с Финляндией показала, насколько необходимо восстановить авторитет командиров, подорванный, в частности, волной репрессий в вооруженных силах. Должность политического комиссара, вновь введенная в 1937 г., была опять упразднена в 1940 г.: вместо нее появилась должность заместителя командира по политической части, полностью подчиненного, впрочем, соответствующему начальнику. Этот последний, кстати говоря, особенно на высших ступенях военной иерархии, практически

сам являлся членом партии, хотя во многих случаях, быть может, совсем недавно принятым. В том же 1940 г. были наконец вновь введены звания генерала и адмирала, упраздненные в годы революции (соответствующие ранги были восстановлены раньше). Под командованием этих военачальников формировались новые части: началась, в частности, реконструкция тех мотомеханизированных корпусов, которые были распущены несколькими годами ранее. Все это происходило, когда война уже была у порога.

Итак, что же представлял собой Советский Союз в то время, когда наступал час самого ужасного испытания? Экзамен на полях сражений, которому суждено было вот-вот начаться, сыграл слишком важную роль в формировании того облика СССР, какой известен нынешним поколениям, чтобы можно было исключить его из совокупного итога пройденного страной исторического пути. Поэтому 22 июня 1941 г. было своего рода водоразделом в развитии страны. В заключение напомним некоторые основные характерные особенности СССР того переломного момента, как они представляются взору наблюдателя.

Страна сильно отличалась от той, которая вступала в первую мировую войну под обветшавшей властью царей. В 1941 г. ее территория вновь стала примерно такой же, какой была в дореволюционную эпоху, и уже немногим отличалась от той, какой стала после войны. Границы, правда, были несколько иными: они будут изменены впоследствии. Площадь же мало отличалась и от прошлой, и от будущей — 22,1 млн. *кв. км.* До сентября 1939 г. она равнялась 21,7 млн. *кв. км*; прирост произошел за счет недавних территориальных приобретений.

Весьма сложным выглядело политико-административное деление СССР. В него входило 16 государственных формирований первого ранга, или союзных республик: Российская (представляющая в свою очередь федеративное объединение), Украинская, Белорусская, Грузинская, Армянская, Азербайджанская, Казахская, Узбекская, Таджикская, Туркменская. Киргизская, Молдавская, Литовская, Латвийская, Эстонская и Карело-Финская, образованная на территориях, только что отторгнутых у Финляндии. Затем шли 20 автономных республик, из которых 16 — в РСФСР, 2 — в Грузии и по одной — в Узбекистане и Азербайджане. В стране было 105 областей и краев, подразделявшихся в свою очередь на 4007 районов. Некоторые из районов, населенные небольшими этническими группами, носили название национальных округов.

У читателя, знакомого с предыдущими частями нашей книги, подобная пестрота административного устройства не может, однако, вызвать мысли о большой разнородности или раздробленности. Администрация повсеместно была единообразной и централизованной и основывалась на иерархической субординации каждого периферийного органа власти вышестоящему при сохранении каждым преимущественно исполнительных функций и ответственности за свою дея-

37 Зак. № 380

тельность скорее перед центром, нежели перед теми выборными органами (Советами), представителями которых они теоретически являлись. Это относилось ко всем органам такого рода, вплоть до Верховного Совета, высшей законодательной ассамблеи СССР, которая собиралась лишь два-три раза в год на кратчайшие сессии обычно для того, чтобы единогласно одобрить решения и установки, уже принятые в ином месте. Подлинным костяком этого аппарата власти была партия с соответствующей иерархией комитетов и секретарей — истинный несущий каркас нового могущества Советского государства.

По оценке 1941 г., в стране насчитывалось 190 млн. человек, то есть примерно на 20 млн. больше, чем до революции. Прирост сверх 170 млн., зафиксированных переписью 1939 г., следует отнести за счет населения недавно присоединенных областей. Больше половины населения проживало на территории РСФСР[42]. На втором по численности месте стояла Украина. Собственно русские составляли около половины всего советского населения (в 1939 г., до территориальных приобретений, — 58,4 %).

По сравнению с царской империей население было более однородным. Классовые и национальные различия были сильно сглажены. Это не значит, что определенные категории не пользовались привилегиями по сравнению с другими. Но не это было наиболее примечательным и характерным. Благодаря распространению образования, промышленному развитию, единообразию производственных укладов и форм правления различия между русским и киргизом, например, стали неизмеримо меньше, чем четверть века назад. То же можно сказать и о различиях между разными социальными слоями.

Самая радикальная перемена заключалась в новой экономической мощи страны. Конечно, Сталин и Молотов были правы, когда подчеркивали, что СССР еще далеко не достиг уровня экономического развития Германии или Великобритании, не говоря уже о Соединенных Штатах. Но верным было и то, что промышленное производство выросло в 8,5 раза (почти в 12 раз, если взять только крупную промышленность) по сравнению с 1913 г., кануном первой мировой войны[43]. Эти данные можно было оспаривать, что и делалось, с точки зрения точности статистических подсчетов, но их подлинный смысл не меняется и после самого критического анализа: индустриализация была реальностью; она обеспечила стране новое могущество и преобразовала образ жизни и условия труда десятков миллионов человек. Куда менее радужную картину являло собой сельское хозяйство, где производство топталось на дореволюционном уровне, а в некоторых отраслях — например, животноводстве — даже не достигало его.

В СССР имелось 90 городов с населением свыше 100 тыс. человек (в 1926 г. — лишь 31, включая новоприобретенные территории)[44]. Во многих случаях их развитие было хаотичным, но все же в нравах, обычаях, в «человеческом пейзаже» страны они представляли собой нечто совершенно новое. Символом такого развития была Москва —

эта бывшая «большая деревня», которая ныне насчитывала более 4 млн. жителей[45] и которая окончательно затмила Ленинград не только как столица, центр политической и культурной жизни страны, но и как самый крупный город государства. Ее новые дворцы, выросшие в центре, на месте домишек старых снесенных кварталов, ее парк культуры, ее роскошные станции первых двух построенных и других еще только строящихся линий метрополитена, которые послужат бомбоубежищами во время войны, — все то, что было сооружено и воздвигнуто по Генеральному плану реконструкции, принятому в 1935 г., призвано было служить образцом для других советских городов. Это были, в сущности, единственные декоративные элементы, предназначенные разнообразить стиль жизни, продолжавшей оставаться суровой и аскетической, несмотря на рост благосостояния в 1932—1040 гг.; в этот период он шел непрерывно и, пожалуй, несколько ускоренно в годы репрессий.

Общественной была любая хозяйственная деятельность, общественным достоянием — все богатство. И все же спорным — и оспариваемым — оставался социалистический характер этого общества, несмотря на то что провозглашение его Сталиным не допускало даже тени сомнения на сей счет. Трудно сказать, многие ли из тех, кто в 1917 г. пошел на штурм старых порядков, смогли бы узнать в этом обществе тот идеал, который воодушевил их на дерзкую революционную атаку. Большинство их исчезло на протяжении этой четверти века, заполненной непрерывной борьбой. Наряду с несомненными достижениями у этого нового общества имелись такие авторитарные, казарменные, полицейские черты, которые не могли не претить человеку социалистических убеждений. Вместе с тем колоссальные национальные задачи — индустриализация, просвещение — были поставлены и решены.

Советский опыт, кто бы и что бы о нем ни говорил, продолжал представлять собой нечто совершенно небывалое в мировой истории. В этой его необычности заключался один из главных факторов идейной притягательности СССР, один из главных побудительных мотивов борьбы и надежд для людей внутри и за его пределами. Это правда, что в ближайшие несколько месяцев после заключения договора с нацистской Германией степень советского магнетизма упала, пожалуй, до самого низкого уровня. Его продолжали ревниво и фанатично отстаивать лишь группы коммунистов, большей частью изолированные и подвергавшиеся преследованиям. Но потенциальная притягательность советского опыта не исчезла; она сохранилась и в наступившие затем трудные годы обнаружила всю свою огромную ценность.

Во имя этой революционной самобытности советской истории даже Троцкий, самый непреклонный обвинитель сталинской власти, вплоть до своего последнего часа продолжал доказывать, что по характеру своему СССР является «рабочим государством» и что его при любых обстоятельствах нужно защищать от капиталистических

врагов. Он продолжал проповедовать это и после соглашения между Берлином и Москвой, то есть на протяжении последних месяцев перед собственной гибелью, полемизируя с некоторыми своими сторонниками, считавшими, что Советский Союз окончательно потерян для дела социализма[46]. Он делал это, невзирая на то что все друзья СССР считали своим долгом обрушивать на него самые порочащие обвинения. Подобная его позиция была продиктована не просто привязанностью к тому революционному делу, которое продолжало составлять существо его жизни. Скорее, здесь сказывалась присущая каждому марксисту неистребимая вера в освободительную историческую миссию рабочего класса. В СССР, считал Троцкий, эта миссия в конечном счете возьмет верх над перерождением сталинского режима.

В своем последнем послании Бухарин написал: «Если я не раз ошибался в методах построения социализма, то пусть потомки судят меня за это не более сурово, чем Владимир Ильич. Ведь это впервые мы вместе пошли к единой цели по еще не хоженному пути»[47]. На этот мотив — нехоженность пути, которым пошли советские народы, — не раз ссылались и в СССР, и за его пределами для объяснения особенностей (в том числе и самых трагических) этого первого опыта строительства социализма. Вряд ли такое объяснение можно принять за верный критерий исторического исследования, особенно если к нему прибегают, что нередко случается, как к оправданию, позволяющему просто перевернуть страницу, не затрагивая тех многочисленных проблем, которые ставит советская история. Эта оговорка вместе с тем не умаляет верности замечания Бухарина: путь, по которому пошли советские люди, действительно представлял собой маршрут по бездорожью, где никогда никто не ходил раньше.

Именно поэтому наиболее творческими моментами советской истории, если говорить о существе дела, а не о внешнем проявлении, были не те моменты, когда единообразие мнений выступало как навязанная обязанность, а, наоборот, те, когда так или иначе находили выход борьба идей, сопоставление разных и порой противоречащих друг другу проектов, наконец, политические конфликты, пусть даже приглушенные и подспудные, как в 1933—1934 гг. В равной мере это относится и к периоду сразу после гражданской войны, и к 20-м гг., когда были выбраны пути дальнейшего развития, и даже ко времени тяжкого кризиса, последовавшего за первой пятилеткой. Но в любом случае впоследствии, в фазе исполнения, верх брало единоначалие, и результатом становилось проведение единой воли, осуществлявшееся деспотическими методами.

«Тяжел и невероятно труден» был этот путь, по оценке, высказанной Хрущевым многие годы спустя[48]. Свое продвижение вперед страна оплатила кровопролитной борьбой и жесточайшими лишениями. И все же на рубеже 30—40-х гг. все то, что было достигнуто, вновь оказалось под вопросом. Каким бы тернистым ни был пройденный путь, самое суровое испытание было еще впереди. Для советского народа в этом испытании решался вопрос жизни или смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга первая

РЕВОЛЮЦИЯ

I. *Россия накануне революции*

[1] *К. Каутский.* Славяне и революция. — «Искра», 10 марта 1902 г.
[2] *P. Bairoch.* Niveaux de développement économique au XIX siècle. — «Annales», nov.-dic. 1965, p. 1111.
[3] *И. И. Минц.* История Великого Октября. Свержение самодержавия. М., 1967, т. I, с. 59—64.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 318.
[5] *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР. М., 1952, т. 2, с. 359.
[6] *И. И. Минц.* Указ. соч., с. 53.
[7] *П. И. Лященко.* Указ. соч., с. 267.
[8] История СССР с древнейших времен до наших дней (далее: История СССР). М., 1968—1973, т. 6, с. 312.
[9] Плановое хозяйство, 1935, № 3 (статья Д. Прянишникова, А. Лебедянцева).
[10] История СССР, т. 6, с. 318.
[11] *В. С. Немчинов.* Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967, с. 65.
[12] Цифры, относящиеся к 1917 г., ко времени накануне революции, заимствованы из самых последних исследований; см. *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России накануне Великого Октября. — «Исторические записки», т. 73, с. 51.
[13] История СССР, т. 6, с. 321.
[14] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.
[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 10.
[16] *И. И. Минц.* Указ. соч., с. 97.

II. *Ленин и большевизм*

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
[3] Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958, с. 81, 212—213.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.
[5] *М. Е. Найденов.* О ленинском этапе в исторической науке. — «Вопросы истории», 1966, № 2, с. 28—29.
[6] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 80.
[7] История СССР, т. 6, с. 54, 56.
[8] *Franco Venturi.* Il populismo russo. Torino, 1972, v. 3, p. 84—85, 144, 138—139.
[9] Подсчеты сделаны советскими историками на основании архивных данных. История Коммунистической партии Советского Союза (далее: История КПСС). М., 1964—1970, т. 1, с. 274, 357.
[10] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 376.
[11] *М. Я. Гефтер.* Страница из истории марксизма начала XX века. — Сб. «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., 1969, с. 38.
[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.
[13] Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963, с. 370—373.
[14] Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 128.
[15] Там же, с. 140.
[16] *Л. Троцкий.* Наши политические задачи. Женева, 1904, с. 54.

III. *1917 год: Февраль и Октябрь*

[1] *Э. Н. Бурджалов*. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; *M. Ferro*. La revolution de 1917. La chute du tsarisme et les orgines d'octobre. Paris, 1967.

[2] *Э. Н. Бурджалов*. Указ. соч., с. 96.

[3] *L. Trotsky*. Storia della rivoluzione russa. Milano, 1972, v. 1, p. 177.

[4] Цит. по *M. Ferro*. Op. cit., p. 497.

[5] *Nikolaj Suchanov*. Cronache della rivoluzione russa. Roma, 1967, v. 1, p. 6—9.

[6] *И. И. Минц*. Указ. соч., с. 918—919.

[7] *M. Ferro*. Op. cit., p. 170—203; The aspirations of Russian society in Revolutionary Russia. A. Sumposium, ed. by Richard Pipes. New York, 1969, p. 183—199.

[8] «Речь», газета кадетской партии, 28 и 29 марта 1917 г.

[9] *Vd. Oliver H. Radkey*. The Agrarian Foes of the Bolshevism; Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionnaries. February to October 1917. New York, 1958; *L. Trotsky*. Op. cit., v. 1, p. 249—252.

[10] История КПСС, т. 3, кн. 1, с. 26—29; *И. И. Минц*. История Великого Октября. Свержение временного правительства. М., 1968, т. 2, с. 29—35.

[11] Протоколы Всероссийского (мартовского) совещания партийных работников (27 марта — 2 апреля 1917 г.). — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, с. 139—140.

[12] Там же, с. 141. Документацию о мартовских спорах 1917 г. между руководителями большевиков см. в: Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП (март 1917 г.). — «Вопросы истории КПСС», М., 1962, № 3.

[13] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 30, с. 306—328.

[14] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 237—265.

[15] Там же, с. 113—118.

[16] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы [далее: Седьмая (Апрельская)...]. М., 1958, с. 103—104.

[17] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 342—350.

[18] Седьмая (Апрельская)... с. 34—35.

[19] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 55.

[20] Третий съезд партии социалистов-революционеров. Петроград, 1917, с. 478; *И. И. Минц*. Указ. соч., т. 2, с. 138.

[21] О численности и распространенности Красной гвардии в 1917 г. см. *И. И. Минц*. Указ. соч., т. 2, с. 1123—1134.

[22] Там же, с. 1124—1125.

[23] *Suchanov*. Op. cit., v. 1, p. 163; *Lev Trotsky*. Op. cit., v. 2, p. 673—679.

[24] После июля число революционных или «нелегальных» выступлений в деревне сократилось, но гораздо более частыми стали эпизоды стихийных крестьянских выступлений с применением насилия, которые не регистрировались в предыдущие месяцы. *И. И. Минц*. Указ. соч., т. 2, с. 837—839.

[25] *Е. Н. Городецкий*. Рождение Советского государства (1917—1918 гг.). М., 1965, с. 46—60.

[26] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 32, с. 374.

[27] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 2—5.

[28] Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 256.

[29] Там же, с. 257.

[30] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 200—207.

[31] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1929, с. 86 [далее: Протоколы ЦК РСДРП(б)]. О напряженных спорах большевиков по поводу восстания в период сентября — октября 1917 г. см. основную документацию в этом томе и в статьях В. И. Ленина за это время. В обобщенном виде суть этой дискуссии хорошо изложена в: *Michal Reiman*. La rivoluzione russa dal 23 febbraio al 25 ottobre. Bari, 1969, p. 294—353.

[32] Протоколы ЦК РСДРП(б).

[33] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 275.

[34] Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 100.

[35] *Isaac Deutscher*. Il profeta armato. Milano, 1956, p. 399.

[36] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 11.
[37] *Е. Н. Городецкий*. Указ. соч.

IV. Советы и власть

[1] Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, с. 11.
[2] L. Trotsky. Les crimes de Stalin. Paris, 1973, v. 1, p. 62.
[3] *И. И. Минц*. История Великого Октября. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1969, т. 3, с. 227.
[4] *М. С. Лазарев*. Ликвидация Ставки старой армии как очага контрреволюции. — «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 46.
[5] *W. S. Woytinsky*. Dalla rivoluzione russa all'economia rooseveltiana. Milano, 1966, p. 494—513.
[6] *L. Trotsky*. Storia della rivoluzione russa, p. 252.
[7] *Е. Н. Городецкий*. Указ. соч., 437.
[8] Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 88.
[9] Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. I с. 11, 12—13.
[10] Декреты Советской власти, с. 17—20.
[11] Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962, с. 34 [далее: Седьмой (экстренный) съезд РКП(б)]; *Victor Serge*. L'anno primo della rivoluzione russa. Torino, 1967, p. 61—63.
[12] Долго остававшаяся в загоне тема развития Октябрьской революции на местах на протяжении последних 15 лет сделалась предметом интенсивного изучения со стороны советских историков. «Без преувеличения можно сказать, что нет ни одной национальной республики или области, в которой не вышла бы книга, а то и несколько, по истории установления Советской власти» (*И. И. Минц*. Указ. соч., т. 3, с. 429).
[13] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 66.
[14] *И. И. Минц*. Указ. соч., т. 3, с. 438.
[15] *R. Pethybridge*. The Significance of Communications in 1917. — «Soviet Studies», v. XIX, n. 1, p. 114.
[16] *Я. М. Свердлов*. Избранные статьи и речи. М., 1944, с. 39.
[17] Анкеты Советов Центральнопромышленного района (октябрь 1917 — январь 1918 гг). — «Исторический архив», 1960, № 5, с. 52—77.
[18] *Г. Н. Зверев*. О некоторых вопросах изучения триумфального шествия социалистической революции. — «Вопросы истории», 1963, № 4, с. 204—213; История СССР, т. 7, с. 240—245; *И. И. Минц*. Указ. соч. т. 3, с. 427—429.
[19] *М. Д. Бонч-Бруевич*. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1958, с. 206—220.
[20] Попытки схематизировать процесс в соответствии с социально-территориальными критериями классификации предпринимались в последние годы некоторыми историками. Однако сами авторы при этом оговаривались, что подобная операция содержит значительную долю условности. *И. И. Минц* (указ. соч., т. 3, с. 430—431) различает в стране 11 районов, внутренне объединенных более или менее сходными чертами. Английский историк Дж. Кип (*John Keep*. October in the provinces. — «Revolutionary Russia», p. 229—275) подразделяет всю местную типологию на 5 «категорий», но его анализ охватывает не всю страну.
[21] История СССР, т. 7, с. 243.
[22] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 219.
[23] Советская историческая энциклопедия, т. 6.
[24] Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 135—136.
[25] Правда, 6 ноября 1917 г.
[26] *К. Гусев*. Крах партии левых эсеров. М., 1963, с. 97.
[27] *И. И. Минц*. Указ. соч., т. 3, с. 783.
[28] Декреты Советской власти, т. 1, с. 17.
[29] *И. И. Минц*. Указ. соч., т. 3, с. 647.
[30] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 242.
[31] *Х. А. Ерицян*. Слияние Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов в период триумфального шествия Советской власти. — «История СССР», 1957, № 3, с. 9—37.

[32] *Е. Н. Городецкий.* Указ. соч., с. 484.

[33] История Советской Конституции. Сборник документов. М., 1957, с. 143 (далее: История Советской Конституции).

[34] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 39.

[35] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 102.

[36] Revolutionary Russia. Op. cit., p. 273.

[37] Наиболее полная документация в кн.: Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы в 3-х томах. М., 1966—1967.

[38] *Е. Н. Городецкий.* Указ. соч., с. 212—252.

[39] Там же, с. 194.

[40] *П. Г. Софинов.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917—1922 гг.). М., 1960, с. 18.

[41] Исторический архив, 1958, № 1 с. 5—6.

[42] *Б. Д. Гальперина, В. И. Старцев.* К истории ликвидации городских дум в 1918 г. — «История СССР», 1966, № 3, с. 124—130; *И. И. Минц.* Указ. соч., т. 3, с. 765—780.

[43] Доклад о деятельности Народного комиссариата внутренних дел. — «Исторический архив», 1956, № 5, с. 75.

[44] Правда, 13 января 1918 г.

[45] *Ф. В. Чебаевский.* Строительство местных Советов в конце 1917 и первой половине 1918 г. — «Исторические записки», № 61, с. 224—261.

[46] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 21.

[47] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 184.

[48] *Е. Н. Городецкий.* Указ. соч., с. 474.

[49] Исторический архив, 1956, № 5, с. 66—87.

[50] Там же, с. 75.

[51] Там же, с. 79.

[52] Декреты Советской власти, т. 1, с. 8.

[53] *П. Н. Абрамов.* Опросный лист волостного Совета (1918 г.). — «Исторический архив», 1960, № 3, с. 199.

[54] *E. H. Carr.* La rivoluzione bolscevica, 1917—1923. Torino, 1964, p. 124—140; *Oskar Anweiler.* Storia dei Soviet. Bari, 1972, p. 409—418.

[55] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 1—119.

[56] История Советской Конституции, с. 145.

[57] Там же, с. 147—152.

[58] *В. С. Орлов.* В. И. Ленин и создание аппарата первого в мире рабоче-крестьянского правительства. — «Вопросы истории», 1963, №. 4, с. 20.

V. *Земля и фабрики*

[1] Декреты Советской власти, т. 1, с. 72.

[2] Там же, с. 237—239 и 247—249.

[3] Там же, с. 371—373.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 144.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 199.

[6] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. М., 1957, т. 2, с. 163; М., 1967, т. 3, с. 18.

[7] Относительно масштабов и форм этих грабежей имеются разногласия между первыми советскими исследователями революции в деревне (Книпович, Кириллов) и теми, кто проводил исследования в сравнительно более позднее время (в особенности Е. А. Луцкий) и мог широко обращаться к архивным источникам. *И. И. Минц.* Указ. соч., т. 3, с. 890—895.

[8] *Е. А. Луцкий.* Крестьянские наказы 1917 г. о земле. — «Источниковедение истории советского общества» (далее: «Источниковедение»). М., 1968, вып. 2, с. 118.

[9] Декреты Советской власти, т. 1, с. 407—419.

[10] *И. Е. Зеленин.* Совхозы в первое десятилетие Советской власти. — «Вопросы истории», 1970, № 2, с. 18—33.

[11] *П. Н. Абрамов.* Советское строительство на селе в докомбедовский период (октябрь 1917 — июль 1918). — «Вопросы истории», 1960, № 6, с. 65.

[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.
[13] Декреты Советской власти, т. 1, с. 77—85.
[14] *Е. Н. Городецкий.* Указ. соч., с. 214—230.
[15] Там же, с. 226.
[16] *В. З. Дробижев.* Социалистическое обобществление промышленности в СССР. — «Вопросы истории», 1964, № 6, с. 43—64.
[17] Там же, с. 55.
[18] Материалы по истории СССР, т. 3, с. 99—100 и 156—162.
[19] *И. И. Минц.* Указ. соч., т. 3, с. 818—819; *Е. Н. Городецкий.* Указ. соч.
[20] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 177.
[21] Декреты Советской власти, т. 1, с. 83.
[22] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 160.
[23] *В. З. Дробижев.* К истории органов рабочего управления на промышленных предприятиях в 1917—1918 гг. — «История СССР», 1957, № 3, с. 38—56.
[24] История СССР, т. 7, с. 380.
[25] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 189.
[26] Там же, с. 196.
[27] Там же, с. 7.
[28] Там же, с. 184.
[29] О самых важных из числа таких переговоров — с группой А. П. Мещерского — см. *П. В. Волобуев, В. З. Дробижев.* Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР. — «Вопросы истории», 1957, № 9, с. 107—122.
[30] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 258.
[31] *В. З. Дробижев.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1964, № 6, с. 56—64.
[32] Там же, с. 56.
[33] *А. М. Конев.* Из истории деятельности В. И. Ленина по преодолению продовольственного кризиса (весна и лето 1918 г.). — «Вопросы истории КПСС», 1971, № 8, с. 68—77.
[34] *Д. С. Бабурин.* Наркомпрод в первые годы Советской власти. — «Исторические записки», № 61, с. 346.
[35] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 374.
[36] *Ю. К. Стрижков, В. Д. Шмитков.* Новый источник по истории деятельности продовольственной армии в 1918 г. — «Источниковедение», т. 2, с. 248—258.
[37] Правда, 25 мая 1918 г.
[38] *П. Н. Абрамов.* К истории первого этапа Октябрьской революции в деревне (октябрь 1917 — май 1918 г.). — «Исторические записки», № 81, с. 14.

VI. *Революционный остров*

[1] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 12.
[2] Там же, с. 13.
[3] *Л. И. Трофимова.* Первые шаги советской дипломатии. — «Новая и новейшая история», 1971, № 6, с. 40.
[4] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 14—15.
[5] Там же, с. 34—35.
[6] Седьмая (Апрельская)..., с. 208—227.
[7] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 71.
[8] Численность старой армии не устанавливается архивными источниками: сами советские историки приводят поэтому разные цифры. Цифры, приведенные нами, считаются в настоящее время наиболее достоверными. О состоянии фронта см. *Л. М. Гаврилов, В. В. Кутузов.* Перепись русской армии 25 октября 1917 г. — «История СССР», 1964, № 2, с. 89—91; *Е. Н. Городецкий.* Указ. соч., с. 382; *М. С. Лазарев.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1963, № 3.
[9] Военно-исторический журнал, 1964, № 12, с. 50—51; *В. Д. Поликарпов.* Революционные органы при Ставке Верховного главнокомандующего (ноябрь 1917 — март 1918 г.). — «Исторические записки», № 86, с. 7—56.
[10] *Е. Н. Городецкий.* Демобилизация армии в 1917—1918 гг. — «История СССР», 1958, № 1, с. 26—27.

[11] История СССР, т. 7, с. 335.
[12] *Е. Н. Городецкий.* Указ. соч. — «История СССР», 1958, № 1, с. 13—25.
[13] Исторический архив, 1962, № 1, с. 87; *Е. Н. Городецкий.* Указ. соч., с. 262—285.
[14] Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 7—114, 181—353; *Vittorio Strada.* La pace di Brest-Litovsk e il dibattito nel partito bolscevico. — «Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa». Torino, 1969.
[15] Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 299—345. *З. Н. Берлина, Н. Т. Горбунова.* Брестский мир и местные партийные организации. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 9, с. 38—47.
[16] Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 226—228; *Д. В. Ознобишин.* Ленинский свод ответов на запрос СНК о заключении Брестского мира. — «Источниковедение», с. 189—243.
[17] Большевистские организации накануне VII съезда РКП(б). — «Исторический архив», 1958, № 3, с. 31.
[18] Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), с. 339.
[19] *К. Гусев.* Указ. соч., с. 158.
[20] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 36—213; Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920; *John W. Wheeler-Bennet.* Brest-Litovsk: The Forgotten Peace. New York, 1971; *А. А. Ахтамзян.* О Брест-Литовских переговорах 1918 года. — «Вопросы истории», 1966, № 11, с. 32—46; здесь же советская библиография по данному вопросу.
[21] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сборник документов: 1917—1922. М., 1959, с. 53—54 (далее: Съезды Советов РСФСР...).
[22] Там же, с. 56.
[23] *Д. В. Ознобишин.* К истории борьбы партии против «левых коммунистов» после VII съезда РКП(б). — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 10, с. 37.
[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 8—15.
[25] Декреты Советской власти, т. 1, с. 503—510.
[26] Съезд Советов РСФСР.., с. 31.
[27] Там же, с. 30.
[28] История Советской Конституции, с. 76.
[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 341.
[30] Протоколы ЦК РСДРП(б), табл. 1, с. 190—191.
[31] Наиболее интересным предствителем этого течения является американский историк и дипломат Джордж Кеннан. *George Kennan.* Soviet-American Relations, 1917—1920. New York, 1967 v. 1—2; Russia and the West under Lenin and Stalin. New York, 1960; *Richard H. Ullman.* Anglo-Soviet Relations 1917—1921. New York, 1961; v. 1—2; *J. F. N. Bradley.* The Allies and Russia in the Light of French Archives (7 november 1917 — 15 march 1918). — «Soviet Studies», v. XVI, n. 2.
[32] Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First series. London, 1949, v. 3, p. 369—370.
[33] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 9.
[34] Документы германского посла в Москве Мирбаха. — «Вопросы истории», 1971, № 9, с. 126 (далее: Документы германского посла...).
[35] Ленинский сборник, т. 11, с. 79.
[36] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 323—324.
[37] Документы германского посла.., с. 126.
[38] *К. Гусев.* Указ. соч., с. 155.
[39] *К. Гусев.* Указ. соч., с. 156—157; *П. Н. Соболев.* К вопросу о возникновении однопартийной системы в СССР. — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 8, с. 25—26.
[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 213.
[41] *L. Trotsky.* Comment la révolution s'est armée. Paris, 1967, p. 35.
[42] *К. Гусев.* Указ. соч., с. 167—170.
[43] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 385; *Roy A. Medvedev.* Lo stalinismo. Milano, 1972, p. 655.

VII. Красная Армия и белые генералы

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 233—234.

[2] *П. Виноградская.* Последний рейс. Воспоминания о Я. М. Свердлове. — «Новый мир», 1963, № 8, с. 216.

[3] История СССР, т. 7, с. 412.

[4] Ныне по этому вопросу, получившему широкую известность благодаря страницам шолоховского «Тихого Дона», мнения советских историков совпадают. История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 301; *Л. М. Спирин.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М., 1968, с. 242.

[5] *П. Г. Софинов.* Указ. соч., с. 88.

[6] История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 88.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 15.

[8] Декреты Советской власти, т. 3, с. 108.

[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

[10] В своей известной биографии Троцкого Исаак Дойчер с сомнением относится к этой версии на основании записи, оставленной самим Троцким; *L. Trotsky.* Diario d'esilio, 1935. Milano, 1960, p. 84—85.

[11] *V. Serge.* Op. cit., p. 268.

[12] *L. Trotsky.* Lenin. Roma, 1964, p. 126.

[13] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 472—475.

[14] *Е. Д. Стасова.* Воспоминания. М., 1969, с. 173; *Ю. А. Поляков.* Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 г. М., 1958, с. 84.

[15] Декреты Советской власти, т. 1, с. 356—357.

[16] Ленинский сборник, т. 37, с. 139.

[17] О дискуссии, там же, с. 135—142; Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959, с. 143—159. О тезисах Троцкого, там же, с. 412—423 и *L. Trotsky.* Comment la révolution s'est armée, p. 220—223.

[18] История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 102, 103.

[19] *Ю. П. Петров.* Коммунистическая партия — организатор победы в годы военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). — «Вопросы истории», 1972, № 10, с. 27.

[20] *С. М. Кляцкин.* Некоторые статистические данные о мобилизации трудящихся в Красную Армию в 1918—1920 годах. — «Вопросы истории», 1964, № 7, с. 207—211. Что касается оценки численности реально боеспособных частей, см. *John Erickson.* Storia dello stato maggiore sovietico. Milano, 1963, p. 721.

[21] Выражение было удачно найдено одним из видных деятелей этого движения, Майским, в тот период меньшевиком, позже ставшим большевиком, известным советским дипломатом и академиком. См. *И. М. Майский.* Демократическая контрреволюция. М., 1923.

[22] Об этом важном эпизоде политической борьбы в России, упоминающемся во многих мемуарах, см. недавно вышедший отличный очерк: *В. В. Гармиза.* Банкротство политики «третьего пути» в революции. Уфимское государственное совещание 1918 г. — «История СССР». 1965, № 6, с. 3—25.

[23] *L. Trotsky.* La mia vita. Milano, 1961, p. 335; *Л. М. Спирин.* Указ. соч., с. 205.

[24] *Л. М. Спирин.* Указ. соч., с. 256.

[25] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 324.

[26] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 316—317.

[27] Ленинский сборник, т. 37, с. 137.

[28] Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1961, с. 97 [далее: Восьмая конференция РКП(б)].

[29] Там же, с. 97.

[30] Среди последних советских работ о Махно выделяется обилием информации очерк: *С. Н. Семанов.* Махновщина и ее крах. — «Вопросы истории», 1966, № 9, с. 37—60; здесь же приведена основная литература по вопросу.

[31] *Л. М. Спирин.* О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, с. 110—112.

[32] *L. Trotsky.* Comment la révolution s'est armée, p. 28.

[33] История СССР, т. 7, с. 671.

[34] История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 289.

Примечания

VIII. *Схватка с империализмом*

[1] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 40, с. 243.

[2] ***А. С. Покровский.*** Первые отклики Советского правительства на революцию в Германии 9 ноября 1918 г. — «История СССР», 1966, № 5, с. 26—35.

[3] Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в 3-х томах. 1918—1922 гг. М., 1960, т. I с. 83 (далее: Из истории гражданской войны...).

[4] ***John Silverlight.*** The Victors' Dilemma. Allied Intervention in the Russian Civil War. London — New York, 1970, p. 130.

[5] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 36, с. 277; т. 42, с. 69, 94—95.

[6] Восьмая конференция РКП(б), с. 52.

[7] ***John Silverlight.*** Op. cit., p. 113.

[8] ***В. Ф. Федотов.*** О малоизвестных источниках периода гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. — «Вопросы истории», 1968, № 8, с. 23—24.

[9] Из истории гражданской войны.., т. 2, с. 409—410.

[10] ***George F. Kennan.*** La Russie soviétique et l'Occident. Paris, 1962, p. 90—91.

[11] Исторический архив, 1961, № 6, с. 68.

[12] Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 81, 736—737, 739—740.

[13] История внешней политики СССР. Часть I (1917—1945). М., 1976, с. 76; ***Г. В. Чичерин.*** Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 266—267.

[14] Об ухищрениях, которые понадобились, чтобы доставить в США «Письмо к американским рабочим», написанное Лениным в августе 1918 г., см. «Международная жизнь», 1969, № 3, с. 129—130.

[15] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 531—539.

[16] Там же, с. 299—301.

[17] Восьмой съезд РКП(б), с. 192.

[18] Декреты Советской власти, т. 1, с. 356.

[19] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 39, с. 387—388.

[20] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 38, с. 59.

[21] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 38, с. 43—45; т. 40, с. 235—236.

[22] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 37, с. 491—502, 510.

[23] О препятствиях, которые пришлось преодолевать итальянцам, см. ***Paolo Spriano.*** Storia del Partito comunista italiano. Torino, 1967, v. 1, p. 22—23.

[24] История Советской Конституции, с. 79.

[25] Восьмой съезд РКП(б), с. 46—47, 52—53.

[26] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 37, с. 514.

[27] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 38, с. 303.

[28] Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972, с. 101—103 (далее: Образование СССР).

[29] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 39, с. 56.

[30] ***Г. В. Чичерин.*** Указ. соч., с. 282.

[31] Из истории гражданской войны.., т. 3, с. 82—84.

[32] Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972, с. 36 [далее: Девятая конференция РКП(б)].

[33] Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 137.

[34] Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 80.

[35] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 41, с. 3, 77.

[36] Там же, с. 204.

[37] Вопросы истории КПСС, 1969, № 2, с. 62.

[38] ***В. И. Ленин.*** Полн. собр. соч., т. 41, с. 206, 209.

[39] Восьмой съезд РКП(б), с. 136.

[40] ***А. Н. Хейфец.*** Советские республики и народы Востока (1918—1922). — «Вопросы истории», 1972, № 11, с. 18—32.

[41] ***Т. А. Соболь-Смолянинова.*** Подвиг посла. — «Вопросы истории», 1969, № 5, с. 123—142.

[42] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 415 (текст письма Чичерина от 1 августа 1918 г.); *Е. Н. Carr.* Op. cit., p. 1270.

[43] История внешней политики СССР, с. 153—154.

[44] *Enrica Collotti Pischel.* Le origini ideologiche della rivoluzione cinese. Torino, 1958, p. 163.

[45] Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 174.

[46] Le premier congrès des peuples de l'Orient. Compte rendu sténografique. Paris, 1971, p. 66, 178, 220.

IX. *Военный коммунизм*

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 219.

[2] *Alec Nove.* Storia economica dell'Unione Sovietica. Torino, 1970, p. 47, где проблема, на наш взгляд, поставлена не самым удачным образом. Дискуссия между тем велась не только на Западе, но и среди советских историков. См., в частности, спор между Билликом и Гимпельсоном: *В. И. Биллик.* В. И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917—1921 гг. и о повороте к нэпу. — «Исторические записки», т. 80; *Е. Г. Гимпельсон.* Заработная плата и материальное обеспечение рабочих в 1918—1920 гг. — «Исторические записки», т. 87, с. 58—90; его же — В. И. Ленин и материальное стимулирование труда в годы гражданской войны. — «Вопросы истории КПСС», 1971, № 10, с. 58—67.

[3] По утверждению М. Л. Иткина, число их равнялось 131 637. (Некоторые статистические данные о комбедах РСФСР. — «Вопросы истории», 1963, 6, с. 209.) Округленные цифры — соответственно 100 000 и 105 000 — приводятся в «Истории КПСС», т. 3, кн. 2, с. 85, и «Истории СССР», т. 7, с. 424.

[4] *С. С. Коркин.* Из истории партийного руководства комбедами. — «Вопросы истории КПСС», 1959, № 6, с. 66—79.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 353.

[6] *П. Г. Софинов.* Указ. соч., с. 89—90; *Л. М. Спирин.* Указ. соч., с. 180.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 40.

[8] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов в трех томах. М., 1959, т. I с. 94—96 (далее: Съезды Советов СССР).

[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 195.

[10] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957, т. I, с. 87—88 (далее: Директивы...).

[11] Декреты Советской власти, т. 4, с. 371—389.

[12] Восьмой съезд РКП(б), с. 267.

[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 199.

[14] Там же, с. 201.

[15] Местные компартии потом подвергли самокритике свое поведение в 1918—1919 гг. См. *И. Е. Зеленин.* Совхозы в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. М., 1972, с. 143.

[16] *А. Ф. Чмыга.* О решении III съезда КП(б)У по земельному вопросу. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, с. 97—105; *А. А. Бородин, П. П. Бачинский.* Компартия Украины в борьбе за осуществление решений VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу. — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 1, с. 71—90.

[17] Восьмая конференция РКП(б), с. 95—96.

[18] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 371.

[19] *И. Е. Зеленин.* Указ. соч., с. 175.

[20] *С. П. Трапезников.* Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1963, с. 424—425.

[21] *А. Ф. Данилевский.* О числе коллективных хозяйств в 1918—1920 гг. — «История СССР», 1971, № 3, с. 136; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч., с. 189.

[22] *А. Ф. Данилевский.* О борьбе с топливным кризисом в 1919—1920 гг. — «История СССР», 1968, № 4, с. 229.

[23] Mémoires de Jules Humbert-Droz. Neuchatel, 1969, v. 1, p. 363.

[24] *Т. В. Кузнецова.* К вопросу о путях решения жилищной проблемы в СССР.

Революционный жилищный передел в Москве (1918—1920 гг.). — «История СССР», 1963, № 5, с. 142.

[25] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 410.

[26] *Е. Г. Гимпельсон.* О политике «военного коммунизма» (1918—1920 гг.). — «Вопросы истории», 1963, № 5, с. 40.

[27] История СССР, т. 7, с. 660.

[28] *В. М. Селюнская.* Руководящая роль рабочего класса в социалистической революции в деревне (1918 г.). — «Вопросы истории», 1958, № 3, с. 6, 10.

[29] История СССР, т. 7, с. 660—661.

[30] *Е. Г. Гимпельсон.* Указ. соч. — «Исторические записки», т. 87, с. 60.

[31] Там же, с. 64.

[32] *С. Г. Струмилин.* Избранные произведения в 5-ти томах. М., 1964, т. 3, с. 382—386.

[33] *Е. Г. Гимпельсон.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1963, № 5, с. 45.

[34] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 36.

[35] История ВКП(б). Под ред. Е. М. Ярославского. М., 1930; *Л. Крицман.* Героический период Великой русской революции. М., 1925.

[36] Декреты Советской власти, т. 4, с. 168.

[37] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 407; т. 40, с. 255—256.

[38] *П. К. Щербаков.* Три встречи с В. И. Лениным. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 4, с. 87—93.

[39] Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960, с. 532 [далее: Девятый съезд РКП(б)].

[40] Там же, с. 91—115, 533—538, 553—558.

[41] Там же, с. 98—101, 407—408.

[42] *Maurice Dobb.* Op. cit., p. 115.

[43] Девятый съезд РКП(б), с. 431.

[44] *С. Г. Струмилин.* Указ. соч., т. 3, с. 402; *Е. Г. Гимпельсон.* Указ. соч. — «Исторические записки», т. 87, с. 75.

X. *Партия*

[1] Вопрос о том, когда возникла однопартийная система в Советской России, является предметом интересной дискуссии между советскими историками с тех пор, как они стали уделять большее внимание этому вопросу прошлого своей страны. По мнению Е. Г. Гимпельсона (см. Из истории образования однопартийной системы в СССР. — «Вопросы истории», 1965, № 11), начало следует датировать 1920—1921 гг. По мнению же полемизирующего с ним П. Н. Соболева (К вопросу о возникновении однопартийной системы в СССР. — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 8), началом был март 1918 г. Для ознакомления с дискуссией см. Материалы исторического семинара. — «Вопросы истории КПСС». 1966, № 4; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970 (далее: В. И. Ленин и история классов...).

[2] *Leonard Schapiro.* L'opposizione nello Stato sovietico (1917—1922). Firenze, 1962.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 191; т. 37, с. 217.

[4] Вопросы истории КПСС, 1966, № 4, с. 102.

[5] Декреты Советской власти, т. 4, с. 436—437, 95—97.

[6] *Л. М. Спирин.* Указ. соч., с. 251—252.

[7] Там же, с. 299—304; *Е. Г. Гимпельсон.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 11, с. 27; *Leonardo Schapiro.* Op. cit., p. 192—196.

[8] Вопросы истории КПСС, 1966, № 4, с. 107.

[9] *Julij Martov, Fjodor Dan.* Storia della socialdemocrazia russa. Milano, 1973, p. 249—254.

[10] *И. Вердин.* Революция и меньшевизм. — В кн.: В. И. Ленин и история классов., с. 359.

[11] *Л. М. Спирин.* Указ. соч., с. 309.

[12] Там же, с. 103.

[13] *С. Н. Канев.* Крах русского анархизма. — «Вопросы истории», 1968, № 9, с. 53 и 61.

[14] *П. Аршинов.* История махновского движения (1918—1921 гг.). Берлин, 1923. Мемуары Махно в трех томах были изданы в Париже в 1929 и 1937 гг.

[15] *Paul Avrich, ed.* The anarchists in the Russian Revolution. Ithaka, 1973, p. 110.

[16] *Victor Serge.* Les anarchistes et l'expérience de la révolution russe. Paris, 1921, p. 3.

[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 241.

[18] Вывести точные цифры, по крайней мере до 1919 г., представляется весьма трудным делом. Здесь мы воспользовались данными из «Истории КПСС», т. 3, кн. 2, которые дают хотя бы некоторое представление о росте партии. Ср. с данными в: *T. H. Rigby.* Communist Party Membership in the USSR. 1917—1967. Princeton, 1968.

[19] *И. И. Минц.* Указ. соч., т. 3, с. 712—728.

[20] Из истории гражданской войны.., т. 1, с. 189.

[21] Выражение принадлежит Бухарину: Восьмая конференция РКП(б), с. 158. Что касается цифр, см. Девятый съезд РКП(б), с. 574—578; История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 343—344.

[22] Восьмой съезд РКП(б), с. 423—427.

[23] Там же, с. 309—411.

[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 75.

[25] Восьмая конференция РКП(б), с. 192.

[26] История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 493.

[27] Там же, с. 554; История СССР, т. 7, с. 673. Такая цифра обычно приводится в работах советских авторов. Но один из виднейших исследователей этого периода говорит о 200 тыс. убитых. *Ю. П. Петров.* Коммунистическая партия — организатор победы в годы военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.) — «Вопросы истории», 1972, № 10, с. 18—40.

[28] Из истории гражданской войны.., т. 2, с. 115—116.

[29] Девятый съезд РКП(б), с. 124.

[30] Правда, 30 декабря 1918 г.

[31] Съезды Советов СССР, т. I, с. 111—117.

[32] По поводу распространенности и значения этого явления, а также вызванных им дискуссий среди советских историков см. *Н. Ф. Бугай.* Проблема революционных комитетов периода гражданской войны в советской историографии. — «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 138—145.

[33] Соответствующие статистические данные приводятся в: *Л. М. Спирин.* Указ. соч., с. 175; *Е. Г. Гимпельсон.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 11, с. 29; *Б. М. Морозов.* Большевики во главе Советов (1917—1920 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 12, с. 89.

[34] Восьмой съезд РКП(б), с. 428.

[35] Там же, с. 292.

[36] *П. Г. Софинов.* Указ. соч., с. 155.

[37] Там же, с. 142.

[38] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 73—74.

[39] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения. М., 1967, т. 1, с. 538.

[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 254.

[41] Девятая конференция РКП(б), с. 276—282.

[42] Правда, 14 марта 1923 г.

[43] Девятый съезд РКП(б), с. 572.

[44] История КПСС, т. 3, кн, 2, с. 557.

[45] Девятая конференция РКП(б), с. 188.

Примечания

Книга вторая

ГОДЫ НЭПА

I. *Тяжелый кризис 1921 г.*

[1] История СССР, т. 8, с. 23.

[2] *Герберт Уэллс.* Россия во мгле. М., 1958, с. 10.

[3] История СССР, т. 8, с. 23—26; Народное хозяйство СССР в 1961 г. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 7.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 282; Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 346 [далее: Десятый съезд РКП(б)].

[5] Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М., 1922, с. 18.

[6] Исторический архив, 1962, № 2, с. 66—67.

[7] *И. П. Донков.* Организация разгрома антоновщины. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 6; *И. Трифонов.* Из истории разгрома антоновщины в 1920—1921 годах. — «Военно-исторический журнал», 1968, № 9, с. 27—35.

[8] *А. И. Микоян.* В Нижнем Новгороде. — «Новый мир», 1972, № 9, с. 189—196; *Merle Fainsod.* Smolensk under Soviet Rule. New York, 1963; p. 40—41 (далее: Smolensk...).

[9] *Э. Б. Генкина.* Государственная деятельность В. И. Ленина (1921—1923 гг.). М., 1969, с. 81.

[10] Там же, с. 69—70.

[11] Десятый съезд РКП(б), с. 253.

[12] *С. Н. Семанов.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года.— «Вопросы истории», 1971, № 3; *И. Трифонов, О. Сувениров.* Разгром кронштадского контрреволюционного мятежа 1921 года. — «Военно-исторический журнал», 1971, № 3; *Paul Avrich.* Kronstadt 1921. Princeton, 1970.

[13] *А. И. Микоян.* Указ. соч., с. 191; *M. Fainsod.* Smolensk.., p. 40.

[14] *Paul Avrich.* The anarchists in the Russian Revolution, p. 158; *Daniel Guérin.* Né dio, né padrone. Antologia del pensiero anarchico. Milano, 1971, v. 2, p. 255.

[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 240—241.

[16] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 32; т. 43, с. 26—27, 132.

[17] Восьмой съезд РКП(б), с. 403.

[18] Все три платформы см. в: Десятый съезд РКП(б), с. 663—691; ср. с основными документами предсъездовской дискуссии, там же, с. 813—838.

[19] Там же, с. 832—833.

[20] *А. И. Микоян.* Указ. соч., с. 202.

[21] Десятый съезд РКП(б), с. 390.

[22] Съезды Советов СССР, т. I, с. 136. О переходе от военного коммунизма к нэпу советские историки опубликовали в последние годы немало интересных работ, вызвавших оживленные дискуссии. См., помимо Э. Б. Генкиной. Указ. соч., также: *Ю. А. Поляков.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. Широкая дискуссия велась на страницах журнала «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10, 11, 12; 1967, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, и 1968, № 1, 2, 8, 12.

[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 57, 59.

[24] Десятый съезд РКП(б), с. 575.

[25] Там же, с. 572.

[26] Там же, с. 533—534 и 536, 571—573.

[27] Там же, с. 559—571; Девятая конференция РКП(б), с. 281.

[28] *В. А. Цыбульский.* Товарообмен между городом и деревней в первые месяцы нэпа. — «История СССР», 1968, № 4.

[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 221—223.

[30] История СССР, т. 8. с. 57—58; *А. И. Микоян.* Указ. соч. — «Новый мир», 1972, № 10, с. 172; *А. И. Чугунов.* Органы социалистического контроля РСФСР (1923—1934 гг.). М., 1972, с. 430 (подсчеты автора. — *Прим. ред.*).

[31] Исторический архив, 1962, № 2, с. 68; *П. А. Агриков, А. С. Башкиров,*

И. А. Лычев. Война с голодом в Поволжье в 1921—1922 гг. — «История СССР», 1963, № 1.

[32] *André Morizet.* Chez Lénine et Trotsky. Paris, 1922, p. 16.

[33] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 266—291.

[34] *Н. И. Бухарин.* Путь к социализму в России. Избранные произведения. Нью-Йорк, 1967, с. 177.

[35] *И. А. Черемисский.* Из истории классовой борьбы в 1921 г. — «Исторические записки», № 77, с. 190—209.

[36] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953, ч. I, с. 670 (далее: КПСС в резолюциях...).

[37] *Leonard Schapiro.* Storia del Partito communista sovietico. Milano, 1962, p. 287—288.

[38] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962 с. 635 [далее: Одиннадцатый съезд РКП(б)].

[39] *И. П. Донков.* Указ. соч., с. 68.

[40] Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 545.

[41] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 189.

[42] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 199, 201.

[43] *В. М. Курицын.* Проблемы демократии и законности в первые годы нэпа. — «Вопросы истории», 1972, № 4, с. 56.

[44] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 189—190.

[45] *Umberto Cerroni.* Il pensiero giuridico sovietico. Roma, 1969.

[46] Mémoires de Jules Humbert-Droz, v. 2, p. 18.

[47] *В. М. Курицын.* Указ. соч., с. 55.

[48] Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 286—287.

[49] Там же, с. 743—747.

[50] КПСС в резолюциях, ч. I, с. 654—664.

[51] Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 748—756; *Roberto Sinigaglia.* Mjasnikov e la rivoluzione russa. Milano, s. d.

[52] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 130.

[53] Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 262—264.

[54] Там же, с. 528—537.

[55] Там же, с. 246—252 и 537—538.

[56] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 86—89.

[57] Там же, с. 78.

II. *Образование СССР*

[1] *A. Tokarev.* URSS: popoli e costomi. Bari, 1969.

[2] Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. с. 576 [далее: Двенадцатый съезд РКП(б)].

[3] Среди многочисленных советских работ по этой теме рекомендуем в особенности «Историю национально-государственного строительства в СССР», в 2-х томах. М., 1972 — коллективный труд, в котором участвовали ведущие советские исследователи. Из числа западных работ, помимо уже упомянутой монографии Э. Карра, полнотой исследования отличается книга Ричарда Пайпса (*Richard Pipes.* The Formation of the Soviet Union. Cambridge, Massachusettes, 1964). Весьма насыщенная информацией, эта книга неоднократно подвергалась критике в СССР. См., например: *И. С. Зенушкина.* Советская национальная политика 1917—1922 гг. в современной буржуазной историографии США. — «Вопросы истории», 1970, № 11; *Н. В. Романовский.* Некоторые проблемы образования СССР в новейшей буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1972, № 12, с. 26—39. Для ознакомления с западной критикой позиций Пайпса можно рекомендовать работу: *E. H. Carr.* Some Notes on Soviet Baskiria. — «Soviet Studies», v. 8, p. 217—235. Она представляет интерес и как вклад в изучение событий той поры в Башкирии.

[4] *С. И. Елкина.* К истории совещаний ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (1918—1923 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 3, с. 55—56.

[5] История национально-государственного строительства в СССР, т. 1, с. 271—272.

38 Зак. № 380

[6] *А. М. Матвеев.* Иностранные коммунисты в Туркестане. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 3, с. 114—126.

[7] Один из этих агентов позже издал свои мемуары: *F. N. Bailey.* Mission to Tashkent. London. 1946. Неопубликованные документы из индийских архивов проанализированы в: *К. А. Гафуров.* Документы разоблачают. — «Вопросы истории», 1970, № 8.

[8] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

[9] *Richard Pipes.* Op. cit., p. 178.

[10] *А. И. Микоян.* На Северном Кавказе. — «Новый мир», 1973, № 11, с. 218—253.

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 198—200.

[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 367.

[13] Восьмой съезд РКП(б), с. 425.

[14] История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 127—132, 281.

[15] *А. И. Зевелев, В. М. Устинов.* О некоторых особенностях партийного строительства в Средней Азии (1918—1924 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1967, № 10, с. 112—121.

[16] Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972, с. 166, 168, 173 (далее: Образование СССР).

[17] *В. В. Паркосадзе.* Историческая роль Закавказской федерации. — «Вопросы истории», 1968, № 7, с. 3—17.

[18] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 255.

[19] Образование СССР, с. 257—259 и 349—359.

[20] *С. В. Хармандарьян.* Объединительное движение за образование СССР. В кн.: СССР — великое содружество народов-братьев. М., 1972, с. 90.

[21] Образование СССР, с. 296.

[22] *С. В. Хармандарьян.* Указ. соч., с. 92; *С. И. Якубовская.* Строительство союзного советского социалистического государства. М., 1960, с. 152.

[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 214.

[24] Ответ Сталина нигде не публиковался. Однако он помещен в архивных бумагах Троцкого и пересказан в: *Adam B. Ulam.* Stalin. The Man and his Era. New York, 1973, p. 213—214. Наше утверждение, впрочем, может быть проверено и без обращения к источникам; см. *М. С. Ахмедов.* В. И. Ленин и образование Союза ССР. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, с. 34.

[25] *С. И. Якубовская.* Развитие СССР как союзного государства (1922—1936 гг.). М., 1972, с. 26.

[26] Образование СССР, с. 386.

[27] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 356—362.

[28] *Л. А. Фотиева.* Из воспоминаний о В. И. Ленине. — «Вопросы истории КПСС», 1957, № 4, с. 161—167.

[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 329.

[30] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 614.

[31] Там же, с. 650.

[32] Там же, с. 691—697.

[33] *Richard Pipes.* Op. cit., p. 270—271.

[34] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 483.

[35] Резюме дискуссии в: История национально-государственного строительства в СССР, с. 386—387.

[36] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 323—324.

[37] История Советской Конституции, с. 424, 460—466.

[38] Там же, с. 458—473.

[39] КПСС в резолюциях, т. 2, с. 487.

[40] *Richard Pipes.* Op. cit., p. 277—279.

III. *Капиталистическое окружение*

[1] Десятый съезд РКП(б), с. 610—612.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 160.

[3] *В. А. Шишкин.* В. И. Ленин и разработка советской концессионной политики (1918—1921 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6, с. 33—35.

[4] *Э. Б. Генкина.* Указ. соч., с. 337—352.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 165—182; т. 44, с. 49.

[6] Документация о военном сотрудничестве между СССР и Германией остается пока скудной. Некоторые сведения, однако, можно почерпнуть в работах: *J. Erickson.* Op. cit., p. 157—175; *E. H. Carr.* La rivoluzione bolscevica, p. 1137—1140.

[7] Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 58, 62.

[8] Там же, с. 191—192.

[9] *Louis Fischer.* I sovieti nella politica mondiale — 1917—1920. Firenze, 1957, p. 382—385; в работе можно найти обстоятельный анализ так называемого лондонского меморандума и источники.

[10] Документы внешней политики СССР, т. 5.

[11] *L. Fischer.* Op. cit., p. 358—371; История внешней политики СССР, с. 174—175, 218—220.

[12] *William Appleman Williams.* American-Russian Relations. 1781—1947. New York, 1952, p. 177—229.

[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 136.

[14] Основная документация содержится в: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, 45 и 54. См. также: *Э. Б. Генкина.* Указ. соч., с. 352—364. Полезны, хотя и мало объективны: *Д. М. Кукин.* Борьба В. И. Ленина за незыблемость государственной монополии внешней торговли. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 10, с. 26—40 и уже упоминавшиеся мемуары: *А. М. Микоян.* Указ. соч. — «Новый мир», 1973, № 9, 11.

[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 429.

[16] Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933. с. 129.

[17] *Б. М. Шерешевский.* Создание Дальневосточной республики. — «Вопросы истории», 1966, № 3; *А. П. Шурыгин.* Дальбюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны (1920—1922 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8.

[18] *Jacques Guillermaz.* Storia del partito communista cinese, 1921—1949. Milano, 1970, p. 94.

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 19.

[20] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 4, 38.

[21] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 211.

[22] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 264.

[23] Девятая конференция РКП(б), с. 205.

[24] Коммунистический Интернационал в документах, с. 102, 110.

[25] Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 222.

[26] Коммунистический Интернационал в документах, с. 181.

[27] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 32.

[28] *Milos Hayek.* Storia dell'Internazionale comunista (1921—1935). La politica del fronte unico. Roma, 1969, p. 26—55.

[29] *А. Грамши.* Избранные произведения в 3-х томах. М., 1959, т. 3, с. 199—200.

[30] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 37.

[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 292.

[32] Там же, с. 293.

[33] *Milos Hayek.* Op. cit., p. 36.

[34] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 233.

[35] *Г. Р. Тарле.* Друзья Страны Советов. М., 1968, с. 287—319.

[36] Документы внешней политики, т. 6, с. 288—302.

[37] *Louis Fischer.* Op. cit., p. XV.

[38] La Correspondance internationale, 1922, suppl. № 25, p. 2.

[39] Mémoires de Jules Humbert-Droz, v. 2, p. 248—249.

IV. *Завещание Ленина*

[1] *Hélène Carrère d'Encausse.* Est-ce seulement le fait d'un homme? — «Le Monde», 1972, 3 nov.

[2] *А. Грамши.* Избранные произведения, т. 3, с. 185—186.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 344, 387.

[4] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 817.
[5] *И. В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 250.
[6] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 125.
[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 308.
[8] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 147.
[9] Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года. М., 1923, вып. 4, с. 44. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 4, с. 107.
[10] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 109—112; КПСС в резолюциях, ч. I, с. 654—664.
[11] *И. С. Уншлихт.* Воспоминания о Владимире Ильиче. — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 4, с. 102.
[12] *Isaak Deutscher.* Stalin. Una biografia politica. Milano, 1969, p. 367.
[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 224.
[14] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 378—382.
[15] Там же, с. 411.
[16] Там же, с. 364.
[17] Там же, с. 95—96.
[18] Там же, с. 20.
[19] Там же, с. 440.
[20] Там же, с. 390.
[21] Там же, с. 350, 352.
[22] Там же, с. 367.
[23] Съезды Советов СССР, т. I, с. 193—194; *Э. Б. Генкина.* Указ. соч., с. 324—325.
[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 370, 373, 371, 372.
[25] *А. И. Чугунов.* Органы социалистического контроля РСФСР (1923—1934 гг.). М., 1972, с. 20—40.
[26] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 449.
[27] Там же, с. 347.
[28] *E. H. Carr.* La morte di Lenin. L'interregno 1923—1924. Torino, 1965, p. 245.
[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.
[30] *А. И. Микоян.* Указ. соч. — «Новый мир», 1973, № 11, с. 232.
[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 329—330.
[32] *Moshe Lewin.* L'ultima battaglia di Lenin. Bari, 1969, p. 99—104; cfr. anche: *Hélène Carrère d'Encausse.* L'Union Soviétique de Lénine á Staline. 1917—1953. Paris, 1972, p. 157.
[33] *L. Trotsky.* Stalin. Milano, 1962, p. 396.
[34] Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1960, с. 553.
[35] *В. Смирнов.* Нечто о борьбе против ревизионизма и о реорганизации нашего партийного и советского аппарата. — «Правда», 5 апреля 1923 г.
[36] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 105.
[37] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 45.
[38] По подсчетам, сообщенным автору советскими историками, они составляли 55 % делегатов.
[39] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 52.
[40] Там же, с. 201.
[41] *I. Deutscher.* Il profeta disarmato. Milano, 1959, p. 131—132.
[42] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 198—199, 398; *I. Deutscher.* Op. cit., p. 62; *Robert V. Daniels.* La coscienza della rivoluzione. L'opposizione comunista nella Russia sovietica. Firenze, 1970, p. 330.
[43] Archivio Trotsky (Houghton Library, Harvard University) documento T—2963; *R. V. Daniels.* Op. cit., p. 292; *В. К. Габуния.* Ленинский курс XII съезд РКП(б). — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 4, с. 27.
[44] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 816—819.
[45] Там же, с. 309—352; О дискуссии, см. с. 354—417; *R. V. Daniels.* Op. cit., p. 330.
[46] *А. И. Микоян.* Указ. соч. — «Новый мир», 1973, № 11, с. 237—238.
[47] Такая характеристика Троцкого, совпадающая со свидетельствами, которые автор смог получить от людей, лично знавших его, содержится в: *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 58; Mémoires de Jules Humbert-Droz, v. 2, p. 199.
[48] *E. H. Carr.* La morte di Lenin, p. 343—348.
[49] КПСС в резолюциях, ч. I, с. 768.

[50] Там же, с. 771—778.
[51] *L. Trotsky*. Nuovo corso. Roma, 1965, p. 39, 50—51, 55, 57, 60.
[52] Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М., 1969, с. 141.
[53] Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 105 [далее: Тринадцатый съезд РКП(б)].
[54] *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 5—26.
[55] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 392.
[56] Там же, с. 716—717.
[57] *Илья Эренбург*. Собр. соч., т. 8, с. 467.
[58] Жан Элленстейн (*Jean Ellenstein*. Histoire de l'URSS, v. 2, «Le socialisme dans un seul pays», Paris, 1973, p. 59) отмечает, что уже в 1923 г. город Гатчина, где в 1919 г. проходил передний рубеж обороны Петрограда, был переименован в г. Троцкий.
[59] *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 46—51.

V. *Экономика: подъем и проблемы развития*

[1] Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. М., 1960; *П. И. Лященко*. Указ. соч., т. 3, с. 165—171, 226; *A. Nove*. Op. cit., p. 99; *Serghei N. Prokopovic*. Storia economica dell'URSS. Bari, 1957.
[2] Изменения в численности и составе советского рабочего класса. Сборник статей. М., 1961, с. 13.
[3] Первые шаги индустриализации СССР (1926—1927 гг.). Сборник документов. М., 1959, с. 67.
[4] История СССР, т. 8, с. 180.
[5] Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический ежегодник. М., 1959, с. 350.
[6] Советское народное хозяйство в 1921—1926 гг., с. 319—336.
[7] *M. Dobb*. Op. cit., p. 187—197.
[8] *Ю. А. Поляков*. Недород 1924 г. и борьба с его последствиями. — «История СССР», 1958, № 1; *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 316.
[9] Директивы.., т. I, с. 446.
[10] *E. H. Carr*. La morte di Lenin, p. 128—129.
[11] *L. Trotsky*. Nuovo corso, p. 110.
[12] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 383—387.
[13] *В. И. Касьяненко, Л. Ф. Морозов, Л. К. Шкаренков*. Из истории концессионной политики Советского государства. — «История СССР», 1959, № 4, с. 32—59.
[14] Внешняя торговля СССР (1918—1966). Статистический сборник. М., 1967, с. 8—9; *П. И. Лященко*. Указ. соч., с. 184; *E. H. Carr, R. W. Davies*. Le origini della pianificatione sovietica. Torino, 1974, v. II, p. 262. Более разительное сравнение с Америкой сделал Троцкий в 1923 г., см. Двенадцатый съезд РКП(б), с. 334.
[15] *Nicolas Spulber*. La strategia sovietica per lo sviluppo economico. Torino, 1970, p. 10.
[16] История СССР, т. 8, с. 393—395.
[17] *Л. С. Рогачевская*. Ликвидация безработицы в СССР (1917—1930). М., 1973, с. 76, с. 142.
[18] Большевик, 1927, № 19—20, с. 130.
[19] Советское крестьянство. Краткий очерк истории. 1917—1970 гг. Под ред. В. П. Данилова, М. П. Кима, Н. В. Тропкина. М., 1973 с. 137 (далее: Советское крестьянство).
[20] Там же, с. 140.
[21] *В. П. Данилов*. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. — «История СССР», 1958, № 3; *E. H. Carr*. Il socialismo in un paese solo. Torino, 1968, v. I, p. 202—203; *M. Lewin*. Contadini e potere sovietica dal 1928 al 1930. Milano, 1972, p. 76—85.
[22] *В. П. Данилов*. Указ. соч. — «История СССР», 1958, № 3, с. 101—102.
[23] Советское крестьянство, с. 172; *D. J. Male*. The village Community in the USSR: 1925—1930. — «Soviet Studies», v. XVI, n. 3. p. 239.
[24] Советское крестьянство, с. 144—145.

[25] *M. Lewin*. Op. cit., p. 43—49.
[26] Советское крестьянство, с. 160—161.
[27] Там же, с. 155.
[28] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 442—444.
[29] Советское крестьянство, с. 161.
[30] Там же, с. 149.
[31] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1962, с. 1184 [далее: Пятнадцатый съезд ВКП(б)].
[32] Soviet Studies, XVI, n. 3, p. 295—296; *И. Е. Зеленин*. Указ. соч., с. 263, 284—305; Советское крестьянство, с. 230—232; Директивы.., т. 1, с. 652.
[33] Советское крестьянство, с. 185—205; *Г. Ф. Дахшлейгер*. О характере социально-экономических преобразований в казахском ауле в 1921—1928 гг. — «История СССР», 1961, № 6; *Г. Ф. Дахшлейгер*. Казахстан накануне нэпа. — «Вопросы истории», 1966, № 8; *В. П. Данилов*. Аграрные реформы 20-х гг. в республиках Советского Востока. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 6. См. также дискуссию, открытую статьей: *М. С. Джунусов*. Из опыта борьбы КПСС за осуществление некапиталистического развития ранее отсталых народов СССР. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1, 3—11; 1965, № 6.
[34] *П. И. Лященко*. Указ. соч., с. 257; Советское крестьянство, с. 153; *A. Nove*. Op. cit., p. 124.
[35] Советское крестьянство, с. 165.
[36] *А. Н. Малафеев*. История ценообразования в СССР (1917—1963), М., 1964, с. 104.
[37] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 90.
[38] История СССР, т. 8, с. 213; *П. И. Лященко*. Указ. соч., с. 164; *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 134.
[39] *A. Nove*. Op. cit., p. 145; *Alexander Erlich*. Il dibattito sovietico sull'industrializzazione, 1924—1928. Bari, 1969; *Nicolas Spulber*. Op. cit.; *N. Bucharin, E. Preobraženskij*. L'accummulazione socialista. A cura di Lisa Foa. Roma, 1969.
[40] *N. Bucharin, E. Preobraženskij*. Op. cit., p. 7—72. *E. Preobraženskij*. La nuova economia. Milano, 1971.
[41] *Н. И. Бухарин*. Путь к социализму в России. Избранные произведения. Нью-Йорк, 1967. Том представляет собой превосходную антологию с предисловием С. Хейтмена. См. также: *N. Bucharin, E. Preobraženskij*. Op. cit.; *Stephen F. Cohen*. Bucharin and the Bolshevik Revolution. A. Political Biography, 1888—1938. New York, 1973.
[42] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 153—156, 184—194.
[43] *Stephen F. Cohen*. Op. cit., p. 174; *A. Erlich*. Op. cit., cap. IV.
[44] КПСС в резолюциях, ч. I, с. 797—798.
[45] Там же, ч. II, с. 29, 28.
[46] Там же, с. 77, 139.
[47] *M. Dobb*. Op. cit., p. 185.
[48] *З. К. Звездин*. Из истории деятельности Госплана в 1921—1924 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1967, № 3, с. 55.
[49] *Naum Jasny*. Soviet Economists of the Twenties. Names to be remembered. Cambridge, 1972.
[50] *Nicolas Spulber*. Op. cit., p. 13.
[51] КПСС в резолюциях, ч. II, с. 278—279.

VI. *Великое выдвижение*

[1] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 117.
[2] История КПСС, т. 4, кн 1, с. 316; КПСС в резолюциях, ч. I, с. 772.
[3] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 317—318; Тринадцатый съезд РКП(б), с. 116; *Е. К. Соколова*. Ленинский призыв и его роль в укреплении РКП(б). — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1; *Merle Fainsod*. How Russia is Ruled. Cambridge (Mass.), 1963, p. 249. Этот автор на основе других советских источников приводит несколько иные цифры, которые, однако, не меняют существа дела.
[4] КПСС в резолюциях, ч. II, с. 22—23; *T. H. Rigby*. Op. cit., p. 139.
[5] Советское крестьянство, с. 171.

[6] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 479—481.
[7] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 606; КПСС в резолюциях, ч. II, с. 22; *T. H. Rigby*. Op. cit., p. 154—155, 162.
[8] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 125.
[9] *Е. К. Соколова*. Указ. соч., с. 51.
[10] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 122, 157.
[11] Там же, с. 126, 607—608.
[12] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 322; *Е. К. Соколова*. Указ. соч., с. 54.
[13] *И. М. Москаленко*. Тезисы ЦКК РКП(б) о партийной этике. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, с. 155.
[14] *Merle Fainsod*. Smolensk.., p. 45.
[15] *E. H. Carr*. Il socialismo in un solo paese, v. 1, p. 589—595.
[16] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 112; История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 319, 493.
[17] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 608—609.
[18] Там же, с. 123.
[19] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 491.
[20] Там же, с. 318; Советское крестьянство, с. 171.
[21] *Илья Эренбург*, т. 8, с. 490, 454, 456; *Victor Serge*. Memorie di un rivoluzionario. Firenze, 1956, p. 283—300.
[22] *B. L. Pasternak*. Il dottor Živago. Milano, 1957, p. 605.
[23] *С. А. Федюкин*. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. с. 204.
[24] Смена вех. Сборник статей. Прага, 1921, с. 48, 56, 58, 159, 160, 183.
[25] *К. Чуковский*. Воспоминания об А. Ф. Кони. — «Новый мир», 1957, № 12, с. 172.
[26] Первые комментарии печати и советских властей в еженедельном журнале «Смена вех». Париж, 1922, № 20.
[27] *С. А. Федюкин*. Указ. соч., с. 260—294; *И. Я. Трифонов*. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства. — «История СССР», 1959, № 3, с. 64—82.
[28] Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 74—75; Двенадцатый съезд РКП(б), с. 484.
[29] *L. Trotsky*. Letteratura e rivoluzione. Torino, 1973, p. 482, 535—616, 622. Vd. anche l'introduzione di Vittorio Strada.
[30] Ibid., p. 532.
[31] *С. А. Федюкин*. Указ. соч., с. 329.
[32] *И. Эренбург*. Указ. соч., т. 8.
[33] *L. Martov, F. Dan*. Op. cit., p. 259—260.
[34] КПСС в резолюциях, т. 1, с. 674; Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 1175.
[35] КПСС в резолюциях, т. 1, с. 672.
[36] Советское крестьянство, с. 164.
[37] *N. Bucharin, E. Preobraženskij*. Op. cit., p. 104.
[38] *E. H. Carr*. Il socialismo in un solo paese, v. 1, p. 37—44; *Pierre Sorlin*. Breve storia della societa sovietica. Bari, 1966, p. 134—136.
[39] История СССР, т. 8, с. 265.
[40] *С. А. Федюкин*. Указ. соч., с. 297.
[41] Там же, с. 320—347; *Н. X. Катунцева*. Возникновение рабочих факультетов и их роль в формировании кадров новой советской интеллигенции (1919—1925 гг.) — «Исторические записки», № 51.
[42] *E. H. Carr, R. W. Davies*. Le origini della pianificazione sovietica. Torino, 1974, v. 2, p. 95.
[43] *С. Н. Иконников*. Создание и деятельность объединенных органов ЦКК — РКИ в 1923—1934 гг. М., 1971; *А. И. Чугунов*. Указ. соч.
[44] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 316—317.

VII. *Сталин: возвышение, взгляды и социализм в одной стране*

[1] Тринадцатый съезд РКП(б), с. XXII; *I. Deutcher*. Il profeta disarmato, p. 182—183; *R. V. Daniels*. Op. cit., p. 360—361; *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 192.
[2] *L. Trotsky*. Stalin, p. 92; stesso aut. La mia vita, p. 430.

[3] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1, с. 116—117.
[4] *E. H. Carr.* Socialismo in un solo paese, v. 1, p. 167.
[5] *А. И. Микоян.* Указ. соч. — «Новый мир», 1973, № 7, с. 202.
[6] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., cap. I, IX.
[7] *Svetlana Allilueva.* Venti lettere a un amico. Milano, 1967, p. 23.
[8] Десятый съезд РКП(б), с. 98.
[9] *А. И. Микоян.* Указ. соч. — «Новый мир», 1972, № 11, с. 188—189.
[10] *Giuliano Procacci.* Il partito nell'Unione Sovietica, 1917—1945. Bari, 1974, p. 77.
[11] *E. H. Carr.* Socialismo in un solo paese, v. 1, p. 171; Nuovi Argomenti. Roma, n. 57—58, p. 120—121.
[12] XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962. т. 2, с. 583.
[13] *И. В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 37, 366.
[14] Там же, т. 6, с. 108—122; т. 8, с. 17; *Н. Бухарин.* Путь к социализму, с. 319.
[15] *И. В. Сталин.* Соч., т. 6, с. 109; *Valentino Gerratana.* Ricerche di storia del marxismo. Roma, 1972, cap. V; *Luciano Gruppi.* Socialismo e democrazia. La teoria marxista dello Stato. Milano, 1969, cap. IX.
[16] *L. Trotsky.* Stalin, p. 388. *И. В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 305—315.
[17] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 71, 727
[18] Там же, с. 170.
[19] Там же, с. 198.
[20] Там же, с. 374—377, 388—391.
[21] Там же, с. 198.
[22] Там же, с. 199—206.
[23] *И. В. Сталин.* Соч., т. 8, с. 39.
[24] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 198.
[25] Там же, с. 210.
[26] Там же, с. 215—217.
[27] *И. В. Сталин.* Соч., т. 6, с. 44.
[28] *Ю. Карякин.* Антикоммунизм, Достоевский и «достоевщина». — «Проблемы мира и социализма», 1963, № 5. (Интерпретация автора. — *Прим. ред.*)
[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 205; т. 41, с. 29—39.
[30] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 207—208; т. 10, с. 319.
[31] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 158, 224—225.
[32] Там же, с. 161. Выступление Угланова особенно показательно, но есть много других аналогичных.
[33] *И. В. Сталин.* Соч., т. 8, с. 52.
[34] Там же, т. 5, с. 66.
[35] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 216—217.
[36] *E. H. Carr.* Socialismo in un solo paese, v. 1, p. 546.
[37] *И. В. Сталин.* т. 6, с. 368—377.
[38] Эта мысль была высказана им в первой редакции его наиболее известной работы «Об основах ленинизма». См. *Leone Trotsky.* La Terza Internationale dopo Lenin. Milano, 1957, p. 71; *I. Deutscher.* Stalin. Op. cit., p. 411. Ср. с текстом, позже пересмотренным автором; *И. В. Сталин.* Соч., т. 6. Тем не менее утверждалось, что эта работа Сталина в основном является плагиатом, см. *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 614—615.
[39] История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938 г., с. 262, 263; КПСС в резолюциях, ч. II, с. 10, 43—52; *И. В. Сталин.* Соч., т. 8, с. 266—269.
[40] КПСС в резолюциях, т. 2, с. 75—77.
[41] История СССР, т. 8, с. 177.
[42] *E. H. Carr.* Socialismo in un solo paese, v. I, p. 551.
[43] *Palmiro Togliatti.* Opere, v. 2 (1926—1929). Roma, 1972, p. 179—180. Vd. anche la prefazione di Ernesto Ragionieri, p. IV—LVI.
[44] История ВКП(б). Краткий курс, с. 262.
[45] *E. H. Carr.* Socialismo in un solo paese, v. 1, p. 550—554; *I. Deutscher.* Stalin, p. 414—427.
[46] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, с. 349; КПСС в резолюциях, т. 2, с. 276.
[47] *И. В. Сталин.* Соч., т. 3, с. 186—187; т. 5, с. 67—69; т. 6, с. 371.

[48] *L. Trotsky.* La Terza Internazionale dopo Lenin, p. 59—60, 77, 84, 97—102.
[49] Ibid., p. 99; *Lev Trotsky.* I problemi della rivoluzione cinese e altri scritti su questioni internazionali. Torino, 1970, p. 177—179; Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 287.
[50] *Ю. Либединский.* Серго. — «Новый мир», 1957, № 7, с. 216.
[51] *С. И. Дмитренко.* Состав местных партийных комитетов в 1924—1927 гг. — «Исторические записки», № 79.
[52] *Palmiro Togliatti.* Problemi del movimento operaio internazionale. Roma, 1962, p. 106.

VIII. *Распад «старой гвардии»*

[1] Rinascita, 1970, n. 17, p. 19.
[2] Наиболее подробное описание всех перемен в руководстве Советской компартии, насколько нам известно, содержится в: *T. e M. Reimonovi.* Prehled e složeni nejvyššich organů KSSS. — «Revue dejin socializmu». Praga, 1968, n. 3.
[3] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 400; Эриксон в вышеуказанной книге приводит несколько бо́льшую цифру.
[4] *E. H. Carr.* Socialismo in un solo paese, v. I, p. 841—860; *J. Erickson.* Op. cit., p. 138—151.
[5] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 400—401.
[6] *И. Б. Берхин.* Военная реформа в СССР. 1924—1925 гг. В этой работе широко использованы архивные источники, которыми часто пользуется и Дж. Эриксон в своей книге. Тем не менее ее подвергли критике за тенденциозное изображение милиции в: *П. С. Смирнов.* О некоторых вопросах политики партии в военном строительстве 1918—1925 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, с. 42—53.
[7] Тринадцатый съезд РКП(б), с. 219.
[8] *И. В. Сталин.* Соч., т. 6, с. 268.
[9] La «rivoluzione permanente» e il socialismo in un paese solo. Scritti di N. Bucharin, I. Stalin. L. Trotsky, G. Zinoviev, a cura di Giuliano Procacci. Roma, 1963, p. 62.
[10] За ленинизм. Сборник статей. М. — Л., 1925, с. 152—156.
[11] Там же, с. 3—4.
[12] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, с. 31.
[13] La «rivoluzione permanente» e il socialismo in un paese solo, p. 218—226.
[14] *А. И. Микоян.* Указ. соч. — «Новый мир», 1972, № 11, с. 191.
[15] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л., 1926, с. 94, 166, 274—275, 335.
[16] Там же, с. 254.
[17] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, с. 379—380.
[18] XIV съезд ВКП(б), с. 333.
[19] Очерки истории ленинградской организации КПСС. Л., 1968, т. 2, с. 279.
[20] Там же, с. 281. О комсомоле см. *Ю. В. Воскресенский.* К истории разгрома зиновьевской новой оппозиции. — «Вопросы истории КПСС», 1967, № 5, с. 62—71.
[21] Путь к социализму, с. 351—352.
[22] *E. H. Carr.* Socialismo in un solo paese, v. 1, p. 608—610 e lo scritto dello stesso autore. — «Soviet Studies», v. X, n. 2.
[23] *V. Serge.* Memorie di un rivoluzionario, p. 342.
[24] *I. Deutscher.* Profeta disarmato, p. 317; *E. H. Carr.* Foundations of a planned economy, 1926—1929. London, 1971, v. 2, p. 41—42.
[25] Ibid., p. 349—351.
[26] КПСС в резолюциях, ч. II, с. 160—166.
[27] Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 287.
[28] *I. Deuischer.* Profeta disarmato, p. 356, 363.
[29] Ibid., p. 396.
[30] Правда, 17 октября. 1926 г.
[31] См. его переписку с Тольятти в: «Rinascita», 1970, n. 17.
[32] КПСС в резолюциях, ч. II, с. 209—220.
[33] Коммунистический Интернационал в документах, с. 209.
[34] La «rivoluzione permanente» e il socialismo in un paese solo, p. 34.
[35] Коммунистический Интернационал в документах, с. 391.

[36] *P. Spriano.* Storia del Partito comunista italiano, v. 2—3.
[37] *L. Trotsky.* Terza Intenrazionale dopo Lenin, p. 92.
[38] *T. e M. Reimanovi.* Op. cit., p. 382, 389, 412—413.
[39] Большевик, 1924, № 9; 1926, № 11, с. 88.
[40] Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 5.

Книга третья

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

I. *Битва Бухарина*

[1] *Stephen F. Cohen.* Op. cit., p. 266—267.
[2] Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 1324.
[3] *И. В. Сталин.* Соч., т. 10, с. 305.
[4] Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 1206—1214.
[5] Там же, с. 1456; *И. В. Сталин.* Соч., т. 10, с. 311—312.
[6] По статистическим данным того времени, сбор зерна увеличился, см. Шестнадцатая конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1962, с. 19 [далее Шестнадцатая конференция ВКП(б)]. В статистических сборниках последних лет отмечается некоторое уменьшение сборов. См. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 196.
[7] *Г. А. Конюхов.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928—1929). М., 1960, с. 66.
[8] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, с. 11—12, 17.
[9] Советское крестьянство, с. 179.
[10] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, с. 11.
[11] Там же, с. 42—43.
[12] *M. Lewin.* Contadini e potere sovietico, cap. 9.
[13] *Ф. М. Ваганов.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930). М., 1970, с. 128.
[14] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 79 (далее цитаты приводятся по изд. 70-х гг. в 10 томах).
[15] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11. с. 205—206.
[16] *M. Lewin.* Op. cit., cap. 2—3.
[17] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 544.
[18] *R. V. Daniels.* Op. cit., p. 504; *Г. А. Конюхов.* Указ. соч., с. 158—159.
[19] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 20.
[20] *M. Lewin.* Op. cit., p. 188—189.
[21] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, с. 159.
[22] XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 238.
[23] Очерки истории Московской организации КПСС (1883—1965). М., 1966, с. 445.
[24] История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 551; *Ф. М. Ваганов.* Указ. соч., с. 125.
[25] *Ф. М. Ваганов.* Указ. соч., с. 112; История КПСС, т. 4, кн. 1, с. 552.
[26] *B. Nikolaevsky.* Power and the Soviet Elite. New York, 1965, p. 12—13; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 90; *S. F. Cohen.* Op. cit., p. 151—153.
[27] *I. Deutscher.* Il profeta disarmato, p. 327—328.
[28] Неубедительным выглядит мнение об этом его биографа: *S. F. Cohen.* Op. cit., p. 147—148; *E. Ragionieri.* Il problema Bucharin. — «Studi storici», 1972, n. 1.
[29] Большевик, 1925, № 3—4, с. 3—17. Многие годы спустя и совсем в ином историческом контексте этот образ снова был поднят на щит в Китае: *Lin Piao.* Long live the Victory of People's War. — «Peking Review», 1965, n. 36, p. 24.
[30] *Н. И. Бухарин.* Путь к социализму в России, с. 280.
[31] Там же, с. 375—396.
[32] Там же, с. 400—415; Правда, 20 января 1929 г.
[33] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 23, 26—27.

[34] Отчеты о процессе в газете «Правда» за период с 22 мая по 4 июля 1928 г.; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 146—148.
[35] *Ф. М. Ваганов*. Указ. соч., с. 102; XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930, с. 147.
[36] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 84—93.
[37] *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 31—34.
[38] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 104—110.
[39] Социалистический вестник, № 18, 27 сентября 1928 г.; *I. Deutscher*. Il profeta disarmato, p. 536—537.
[40] Archivio Trotsky, doc. T 1897.
[41] Annali Feltrinelli, 1966, p. 657—658.
[42] *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 270.
[43] *Ф. М. Ваганов*. Указ. соч., с. 174—175.
[44] *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 149—154.
[45] Annali Feltrinelli, 1966, p. 550.
[46] XVI съезд ВКП(б), с. 58—64.
[47] *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 248—249.
[48] Annali Feltrinelli, 1966, p. 551—560.
[49] *Ф. М. Ваганов*. Указ. соч., с. 147—149, 179—183, 211—213.
[50] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 214.
[51] См. дискуссию в «Soviet Studies», начатую статьей: *R. Schlesinger*. Note on the Context of Early Soviet Planning, v. XVI, n. 1, и продолженную в последующие годы.
[52] *Н. И. Бухарин*. Путь к социализму в России, с. 396.
[53] Плановое хозяйство, 1927, № 11; *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 58.
[54] *Л. С. Озеров*. Борьба партии с троцкизмом в 1928—1930 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3, с. 48—51.
[55] *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 313—317; *Л. С. Озеров*. Указ. соч., с. 53.
[56] Annali Feltrinelli, 1966, p. 899.
[57] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 745—752.
[58] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 100—101.
[59] Mémoires de Jules Humbert-Droz, v. 2, p. 378—379.
[60] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 2, 13—14.
[61] История ВКП(б). Краткий курс, с. 291.

II. *Призрак войны*

[1] *E. H. Carr*. 1917. Illusioni e realtà della rivoluzione russa. Torino, 1970, p. 145.
[2] Большевик, 1925, № 15, с. 3.
[3] *L. Fischer*. Op. cit., p. 899—901.
[4] *I. Deutscher*. Il profeta disarmato, p. 438—446.
[5] *L. Fischer*. Op. cit., p. 899—900.
[6] *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 281, 288.
[7] Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 457.
[8] Коммунистический Интернационал в документах, с. 881—882; *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 248. (Интерпретация автора. — *Прим. ред.*)
[9] Двенадцатый съезд РКП(б), с. 16; *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 23.
[10] *I. Deutscher*. Il profeta disarmato, p. 273—279, 545; *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 294—301.
[11] Документы внешней политики СССР, т. 11, с. 436.
[12] Там же, т. 13, с. 485.
[13] Имеются в виду многократно цитированные нами «Документы внешней политики СССР». До настоящего времени выпущено 19 томов, охватывающих период до 31 декабря 1936 г.
[14] Документы внешней политики СССР, т. 11, с. 463, 493—498, 503—506; Коммунистический Интернационал в документах, с. 877.
[15] Документы внешней политики СССР, т. 11, с. 90—111, 218—229.
[16] Baltimore Sun, 2 dec. 1927; цит. по История внешней политики СССР, т. 1, с. 243.
[17] Документы внешней политики СССР, т. 14, с. 383.
[18] Там же, т. 12, с. 613.

[19] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, с. 11—14.
[20] КПСС в резолюциях, т. 3, с. 507.
[21] *И. В. Сталин.* Соч., т. 10, с. 284.
[22] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, с. 265.
[23] Коммунистический Интернационал в документах, с. 769.
[24] Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 722—741.
[25] *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, с. 19—26; Mémoires de Jules Humbert-Droz, v. 2, p. 305—316; *P. Spriano.* Op. cit., v. 2, p. 169.
[26] Коммунистический Интернационал в документах, с. 911—913.
[27] *P. Togliatti.* Problemi del movimento operaio internazionale, p. 323—325; *P. Spriano.* Op. cit., v. 2, cap. IX e XII; *M. Hayek.* Op. cit., p. 183—188. Из работ советских авторов назовем: *Б. М. Лейбзон, К. К. Ширина.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1965, с. 39—46; Коммунистический Интернационал в документах, с. 283—286.
[28] Коммунистический Интернационал в документах, с. 777, 882.
[29] Там же, с. 782; *M. Hayek.* Op. cit., p. 219—220.
[30] *E. Fischer.* Ricordi e riflessioni. Roma, 1973, p. 190—222.
[31] Социалистический вестник, 1925, № 6; *P. Spriano.* Op. cit., v. 2, p. 164.
[32] *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, с. 236—237.
[33] Коммунистический Интернационал в документах, с. 779, 960; *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, с. 252.
[34] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 741.
[35] Это явствует из телеграммы Литвинова Сталину. Документы внешней политики СССР, т. 15, с. 554—555.
[36] Внешняя торговля СССР, с. 8—9; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 14—15.
[37] *W. A. Williams.* Op. cit., p. 218.
[38] *M. Dobb.* Op. cit., p. 272—273.
[39] *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, с. 317—324.
[40] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 27.
[41] *André Gide.* Journal, 1889—1939. Paris, 1951, p. 1066; *François Fonvieille-Alguier.* Andre Gide. Paris, 1972.
[42] *W. A. Williams.* Op. cit., p. 223—224.
[43] Osservatore romano, 9, 17—18, 27 febbraio 1930.
[44] *W. A. Williams.* Op. cit., p. 226.
[45] Документы внешней политики СССР, т. 15, с. 16, 63, 180—181, 292, 447—448.
[46] Там же, т. 14, с. 746—748.
[47] История внешней политики СССР, с. 260.
[48] Документы внешней политики СССР, т. 15, с. 287—288.

III. *Первый пятилетний план*

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, с. 306—307.
[2] Материалы по истории СССР, т. 7, с. 164—166.
[3] Там же, с. 121—125.
[4] История СССР, т. 8, с. 423.
[5] *E. H. Carr, R. W. Davies.* Le origini della pianificazione sovietica, v. 2, p. 398—443.
[6] *Н. И. Бухарин.* Путь к социализму в России, с. 389, 392.
[7] Построение фундамента социалистической экономики в СССР (1926—1932 гг.). М., 1960, с. 12 (далее: Построение фундамента...).
[8] *Ф. М. Ваганов.* Указ. соч., с. 119—120; *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, с. 81—82.
[9] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 621—625.
[10] Там же, с. 625.
[11] Там же, с. 624—626.
[12] *P. Togliatti.* Problemi del movimento operaio internazionale, p. 111.
[13] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 59.
[14] Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 895—896; Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 26—32.
[15] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 56.

[16] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 418.

[17] *М. Dobb*. Op. cit., p. 268—269, 272—274.

[18] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 49.

[19] В борьбе за индустриализацию СССР. (Говорят участники событий.) — «Вопросы истории», 1968, № 11, с. 119, 121, 124.

[20] *И. В. Антипова, М. И. Школьник*. Из истории создания Магнитогорского металлургического комбината (1929—1931 гг.). — «История СССР», 1958, № 5, с. 31.

[21] Новый мир, 1967, № 8, с. 4.

[22] *Эм. Казакевич*. В столице черной металлургии. — «Новый мир», 1959, № 1, с. 6—8.

[23] *А. И. Митрофанов*. Из истории партийной организации Кузнецкстроя (1931—1932). — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 2, с. 112.

[24] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 354—355.

[25] *М. Dobb*. Op. cit., p. 272.

[26] Исторический архив, 1956, с. 73—74.

[27] История СССР, т. 8, с. 473—474.

[28] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 137.

[29] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 270, 332, 345—346.

[30] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 29—30; *Г. К. Орджоникидзе*. Статьи и речи. М., 1957, т. 2, с. 259—261. Как подтверждается и другими источниками, эти два руководителя говорили в тот момент о 25 %-ном увеличении промышленного производства в 1930 г. Ссылка на 22 % взята из современных источников: Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1964, с. 34; История СССР, т. 8, с. 488.

[31] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 38—40.

[32] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 36—37; XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1932, с. 167, 278—279; Промышленность СССР, с. 106, 140, 153, 171; *N. Jasny*. Op. cit., p. 75.

[33] *В. С. Лельчук*. Развитие химической промышленности и народное хозяйство СССР. — «Вопросы истории», 1964, № 8, с. 38—39.

[34] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 106.

[35] XXII съезд КПСС, т. 3, с. 236; История СССР, т. 8, с. 497.

[36] *М. Dobb*. Op. cit., p. 299; *N. Jasny*. Op. cit., p. 86.

[37] *А. А. Барсов*. Сельское хозяйство и источники социалистического накопления в годы первой пятилетки (1928—1932). — «История СССР», 1968, № 3.

[38] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 192—194.

[39] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 404.

[40] Там же, с. 158.

[41] Индустриализация СССР (1929—1932 гг.). Документы и материалы. М., 1970, док. № 1—4, с. 19—24, 26 (далее: Индустриализация СССР).

[42] Archivio Smolensk, WKP 162, ff. 6, 11—12, 14.

[43] Индустриализация СССР, док. № 3—4, с. 24, 26.

[44] *Г. К. Орджоникидзе*. Указ. соч., т. 2, с. 295; Archivio Smolensk, WKP 176, f. 60.

[45] Индустриализация СССР, с. 104.

[46] Archivio Feltrinelli, v. 8, p. 539; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 176.

[47] *В. И. Касьяненко*. Завоевание экономической независимости СССР (1917—1940 гг.). М., 1972, с. 159; История СССР, т. 8, с. 503.

[48] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 137—138.

[49] История СССР, т. 8, с. 478.

[50] Там же, с. 505.

[51] *H. Knickerbocker*. Il piano quinquennale sovietico. Milano, 1931, p. 195—196.

[52] Построение фундамента.., с. 374—428.

[53] О состоянии транспорта той поры см. *H. Knickerbocker*. Op. cit., p. 74—82.

[54] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 49.

[55] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 106.

[56] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 180; *В. И. Касьяненко*. Указ. соч., с. 127; *В. И. Касьяненко*. Некоторые вопросы освещения истории борьбы КПСС и Советского государства за экономическую независимость страны. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 11, с. 26.

[57] Для сопоставления советских и иностранных оценок см. Построение фундамен-

та.., с. 112; *Eugène Zaleski*. Planification de la croissanse et fluctuations économiques en URSS. Paris, 1962, v. 1, p. 252.

[58] Промышленность СССР, с. 32; Построение фундамента.., с. 105; *И. А. Гладков*. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956, с. 164.

[59] Промышленность СССР, с. 106, 140, 155, 171, 192, 226.

[60] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 107; Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 621; *В. С. Лельчук*. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975, с. 135—136.

[61] *И. Г. Эренбург* Указ. соч., т. 8, с. 608.

[62] *A. Gerschenkron*. Il problema storico dell'arretratezza economica. Torino, 1965, p. 143.

[63] История СССР, т. 8, с. 529; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 207—211.

[64] Комментарий «Файнэшнл таймс», приведенный в: *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 166.

[65] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 181—183.

[66] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 241, 249—351; т. 13, с. 186—188.

IV. *Крестьяне в колхозах*

[1] *Н. А. Ивницкий*. О начальном этапе сплошной коллективизации. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, с. 56.

[2] Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 1320—1321.

[3] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 328, 623; История СССР, т. 8, с. 464.

[4] Там же, с. 341—351.

[5] *Б. А. Абрамов*. Коллективизация сельского хозяйства в СССР. — «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». М., 1963, с. 90; История СССР, т. 8, с. 542.

[6] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 629.

[7] Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 1364; *В. А. Сидоров*. Ликвидация в СССР кулачества как класса. — «Вопросы истории», 1968, № 7, с. 22—23.

[8] *Н. А. Ивницкий*. Указ. соч., с. 56—57; *В. П. Данилов*. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. — «Исторические записки», № 55, с. 132; *М. Л. Богденко*. К истории начального этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. — «Вопросы истории», 1963, № 5, с. 28.

[9] Материалы по истории СССР, т. 7, с. 245; *M. Fainsod*. Smolensk.., p. 240—241.

[10] Материалы по истории СССР, т. 7, с. 242—243, 268—270; *Н. А. Ивницкий*. Указ. соч., с. 64—65; «Правда» за август и сентябрь 1929 г. содержит немало аналогичных сведений.

[11] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 124—125, 132.

[12] *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР. — «Очерки...», с. 43; *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 97; *М. Л. Богденко*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1963, № 5, с. 24.

[13] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 60; КПСС в резолюциях, т. 4, с. 346—347.

[14] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 147—169.

[15] *С. Трапезников*. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959, с. 175—176.

[16] Наиболее обширные сведения о работе комиссии помещены в: *Н. А. Ивницкий*. История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г. — «Источниковедение истории советского общества». М., 1964, с. 265—288. Другие сведения содержатся в указанных произведениях того же автора: Вопросы истории КПСС, 1962, № 4; а также: *М. Л. Богденко*. — «Вопросы истории», 1963, № 5.

[17] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 385.

[18] *A. Solženicyn*. Arcipelago Gulag. Milano, 1974, v. 1, p. 67; *A. Nove*. Op. cit., p. 192.

[19] *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 102; История СССР, т. 8, с. 547; Исторический архив, 1956, № 1, с. 107—110; *M. Fainsod*. Smolensk.., p. 254—255.

[20] Материалы по истории СССР, т. 7, с. 243.

[21] Правда, 29 августа 1929 г.

[22] Промышленность СССР, с. 226.

[23] *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 31—32.

[24] Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935. М., 1957, с. 267 (далее: Коллективизация...); *В. А. Сидоров*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1968, № 7, с. 28—29; Советское крестьянство, с. 285.

[25] *Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Источниковедение...», с. 283 (примечание).

[26] Советское крестьянство, с. 285—286; *M. Fainsod*. Smolensk.., p. 242.

[27] *М. Л. Богденко*. Колхозное строительство весной и летом 1930 г. — «Исторические записки», № 76, с. 21, 25—26.

[28] *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 96.

[29] Архивные документы, приведенные В. П. Даниловым, Н. А. Ивницким в указ. соч. — «Очерки...», с. 41; *Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Источниковедение...», с. 284; его же произв. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, с. 65—66.

[30] *М. А. Вылцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков*. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР. — «Вопросы истории», 1965, № 3, с. 7; *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 95; История СССР, т. 8, с. 553.

[31] *В. К. Медведев*. Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае. — «История СССР», 1958, № 6, с. 26; *В. А. Сидоров*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1968, № 7, с. 30—31; *Ф. А. Каревский*. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье. — «Исторические записки», № 80, с. 98; *M. Fainsod*. Smolensk.., p. 251—253.

[32] Коллективизация.., с. 260—261.

[33] История СССР, т. 8, с. 549.

[34] Советское крестьянство, с. 280—281; Проблемы аграрной истории, с. 206.

[35] *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 103; Советское крестьянство, с. 281—282; *A. Solženicyn*. Op. cit., p. 63.

[36] *Б. А. Абрамов, Ф. М. Ваганов, В. А. Голиков*. О некоторых вопросах истории первого этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства. — «Вопросы истории КПСС», 1972, № 4, с. 34—35.

[37] *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. и *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 44, 110.

[38] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 188.

[39] *М. Л. Богденко*. Указ. соч. — «Исторические записки», № 76, с. 22; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917—1961 гг. Новосибирск. 1965, с. 75. Во втором источнике указывается для данного периода несколько более высокий уровень коллективизации (19,6 %), что, впрочем, не меняет сути дела.

[40] *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 109—110; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, с. 404.

[41] О позиции Косиора см. История СССР, т. 8, с. 544.

[42] *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. и *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 45—46, 110—111; История СССР, т. 8, с. 555, 578.

[43] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 191—199.

[44] История СССР, т. 8, с. 557—558; *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 46—47; *М. Л. Богденко*. Указ. соч. — «Исторические записки», № 76, с. 27—29; *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 231—232; *M. Fainsod*. Smolensk.., p. 257—258.

[45] *Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, с. 66; *М. А. Вылцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 3, с. 8.

[46] *М. Л. Богденко*. Указ. соч. — «Исторические записки», № 76, с. 30—33.

[47] Советское крестьянство, с. 262.

[48] Коллективизация.., с. 290—293, 295—296.

[49] 34,4 % согласно: *В. А. Сидоров*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1968, № 7, с. 30.

[50] XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930, с. 222.

[51] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 333—334.

[52] XVI съезд ВКП(б), с. 226, 997—1049.

[53] *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 37; КПСС в резолюциях, т. 4, с. 493—494; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 158; *M. Fainsod*. Smolensk, p. 258.

[54] *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 51.

[55] Коллективизация.., с. 378.

[56] *И. Е. Зеленин*. Колхозное строительство в СССР в 1931—1932 гг. — «История

СССР», 1960, № 6, с. 23; *М. А. Вылцан* и др. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 3, с. 9—10; КПСС в резолюциях, т. 4, с. 559—560.

[57] *И. Е. Зеленин*. Колхозы и сельское хозяйство СССР в 1933—1935 гг. — «История СССР», 1964, № 5, с. 6.

[58] Коллективизация.., с. 282—287.

[59] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 131—132, 196.

[60] Сельское хозяйство СССР, с. 196.

[61] *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 105.

[62] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 136.

[63] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 333.

[64] *A. Solženicyn*. Op. cit., v. 1, p. 67.

[65] Большая часть приводимых сведений взята из двух интересных работ по этому вопросу: *С. С. Ивашкин*. Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании Казахстана (1918—1958). — «Вопросы истории», 1968, № 11; *Ш. Юсупов*. Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости. — «Вопросы истории», 1960, № 3; *A. Nove*. Op. cit, p. 201.

[66] *А. Н. Малафеев*. Указ. соч., с. 112.

[67] *М. Л. Богденко*. Из истории строительства зерновых совхозов в 1928—1931 гг. — «Исторические записки», № 56, с. 24.

[68] Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 304—307; *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 89—90.

[69] *С. Трапезников*. Указ. соч., с. 262—263.

[70] История СССР, т. 8, с. 590.

[71] Коллективизация.., с. 423—424; *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 209.

[72] История СССР, т. 8, с. 584; *Dante Corneli*. 50 anni in Russia, s. 1, s. d, v. 2, p. 75.

[73] *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Очерки..», с. 54—55; История СССР, т. 8, с. 589—590; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 124—126, 484—485.

[74] Текст приводится в книге: *Н. С. Хрущев*. Высокая идейность и художественное мастерство — великая сила советской литературы и искусства. — «О коммунистическом воспитании». М., 1964, с. 223—224.

V. *Общество и классы в ходе «революции сверху»*

[1] История СССР, т. 8, с. 668; Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937). М., 1934, т. 1, с. 427; *Г. М. Максимов*. Движение и состав населения СССР. — «История СССР», 1961, № 1, с. 31—33.

[2] Промышленность СССР, с. 23; *А. Г. Ражин*. Динамика промышленных кадров СССР за 1917—1958 гг.; *М. Т. Гольцман*. Состав строительных рабочих в годы первой пятилетки. — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса», с. 15, 132.

[3] Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. М., 1973, с. 79 (далее: Ведущая роль...); История СССР, т. 8, с. 504.

[4] *Л. С. Рогачевская*. Ликвидация безработицы в СССР, 1917—1930 гг. М., 1973, с. 249.

[5] *А. П. Финаров*. Перевод промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день в 1928—1932 гг. — «История СССР», 1959, № 6.

[6] *Л. С. Рогачевская*. Указ. соч., с. 274—284; *Е. П. Иванов*. Отечественная историография аграрного перенаселения. — «Вопросы истории», 1971, № 12, с. 38.

[7] *Л. С. Рогачевская*. Указ. соч., с. 203—205.

[8] Ведущая роль.., с. 196.

[9] История СССР, т. 8, с. 593; *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 236—237.

[10] История СССР, т. 8, с. 585, 595.

[11] *З. К. Звездин*. Материалы обследования денежных доходов и расходов сельского населения в 1931—1932 гг. — «Источниковедение...», т. 2, с. 332—337.

[12] Директивы.., с. 348—349.

[13] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 164.

[14] *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 104—105.

[15] XVI съезд ВКП(б), с. 476.

[16] Archivio Smolensk, WKP 178, f. 134.

[17] Советское крестьянство, с. 289; *А. Ф. Хавин.* Капитаны советской индустрии (1926—1940 гг.). — «Вопросы истории», 1966, № 5, с. 11; *A. Solženicyn.* Op. cit., v. 2, p. 85—99.

[18] *Sidney and Beatrice Webb.* Soviet Communism: a New Civilization. London, 1944, p. 199—209; *Dana G. Darlymple.* The Soviet Famine of 1932—1934. — «Soviet Studies», v. XV, p. 250—284.

[19] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 216—233. См. также письмо Шолохову. *S. and B. Webb.* Op., cit., p. 206; История СССР, т. 8, с. 590.

[20] *И. Стаднюк.* Люди не ангелы. — «Нева», 1962, № 12; *В. Тендряков.* Кончина. — «Москва», 1968, № 3; *Vasilij Grossman.* Tutto scorre. Milano, 1971, p. 154—168; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 126—128.

[21] *Dana G. Darlymple.* Op. cit., p. 259.

[22] Народное хозяйство СССР в 1962 г. Статистический ежегодник. М., 1963, с. 7; Второй пятилетний план, с. 427.

[23] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 53—55; *Р. П. Дадыкин.* О численности и источниках пополнения рабочего класса СССР (1928—1937 гг.). — «Исторические записки», № 87, с. 44—46.

[24] Изменения.., с. 17, 20.

[25] *Р. П. Дадыкин.* Указ. соч., с. 47—48.

[26] Построение фундамента.., с. 211—212; *А. И. Маликова.* О социалистическом преобразовании мелкотоварного уклада в промышленности СССР. — «История СССР», 1963, № 5; *А. Ф. Чумак.* Коммунистическая партия в борьбе за вовлечение сельских кустарей в социалистическое строительство. — «Вопросы истории КПСС», 1971, № 7, с. 81—91.

[27] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 218.

[28] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 171—174; *О. И. Шкаратан.* Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму. — «История СССР», 1964, № 4, с. 33—36.

[29] История СССР, т. 8, с. 513; Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.). Л., 1969, с. 300—301.

[30] Начало положил Кржижановский еще в конце 1927 г., представив первый, пока еще осторожный вариант пятилетнего плана. Пятнадцатый съезд ВКП(б), с. 881—914.

[31] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 148—149; КПСС в резолюциях, т. 5, с. 40.

[32] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 158—161, 169—175; *В. В. Куйбышев.* Избранные произведения. М., 1958, с. 155.

[33] *Alec Nove.* Op. cit., p. 229.

[34] XVI съезд ВКП(б), с. 61; *В. В. Куйбышев.* Указ. соч., с. 154—155; История СССР, т. 8, с. 473. О некоторых более общих аспектах этой проблемы см. *I. Deutscher.* I sindacati sovietici. Bari, 1968, p. 147—152.

[35] XVI съезд ВКП(б), с. 119; *Dante Corneli.* Op. cit., v. 2, p. 67.

[36] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 310—317; *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, с. 332—333.

[37] *А. Ф. Хавин.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1966, № 5; с. 11—12.

[38] История СССР, т. 8, с. 606; XVI съезд ВКП(б), с. 1132—1169; КПСС в резолюциях, т. 4, с. 461.

[39] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 55—60.

[40] *В. З. Дробижев.* Совершенствование управления промышленностью в годы первой пятилетки. — «Вопросы истории», 1966, № 6, с. 13—16 (приводятся многочисленные архивные документы).

[41] *В. З. Дробижев.* Некоторые особенности методов управления промышленностью в СССР в 1926—1932 гг. — «Вопросы истории», 1968, № 12, с. 38—39.

[42] *А. Ф. Хавин.* От ВСНХ к совнархозам наших дней. — «История СССР», 1960, № 5, с. 11—12.

[43] *И. В. Сталин.* Соч., т. 12, с. 299; КПСС в резолюциях, т. 4. с. 415, 473—476.

[44] *Л. С. Рогачевская.* Указ. соч., с. 220.

[45] *М. А. Вылцан, М. П. Ким.* Культурное строительство в советской деревне (1933—1940 гг.). — «Вопросы истории», 1966, № 5, с. 19—21.

[46] Это мнение является общим в советской историографии последнего времени: История СССР, т. 8, с. 631.

[47] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 389.
[48] *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 74—77; т. 13, с. 41, 65—69.
[49] См. выступления Лугового и Косарева: Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 123—127, 210—214.
[50] КПСС в резолюциях, т. 4, с. 411.
[51] *Г. К. Орджоникидзе*. Указ. соч., с. 222—223; История СССР, т. 8, с. 621.
[52] Правда, 21 июля 1929 г. и 16 марта 1930 г.
[53] XVI съезд ВКП(б), с. 146—148.
[54] История СССР, т. 8, с. 641.
[55] *Г. К. Орджоникидзе*. Указ. соч., с. 224—225; *Р. П. Дадыкин*. Указ. соч., с. 38—39.
[56] *В. З. Дробижев*. Роль рабочего класса СССР в формировании командных кадров социалистической промышленности (1917—1936 гг.). — «История СССР», 1961, № 4, с. 70; *А. И. Лутченко*. Руководство КПСС формированием кадров технической интеллигенции (1926—1933 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 2, с. 41.

VI. *Политическая борьба «в верхах» и «на местах»*

[1] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 87—88, 505; *M. Fainsod*. How Russia is ruled, p. 240; Большевик, 1932, № 7, с. 9.
[2] Если верить Кагановичу, этот показатель составлял 48,6 %: XVI съезд ВКП(б), с. 157—158.
[3] Там же, с. 83—84; *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 185, 189; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 88—89; *T. H. Rigby*. Op. cit., p. 195.
[4] XVI съезд ВКП(б), с. 339—340; *Ф. М. Ваганов*. Указ. соч., с. 238—241; *T. H. Rigby*. Op. cit., p. 176—183; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 120; *И. И. Коломийченко*. Вторая генеральная чистка рядов КП(б)У (1929—1930 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1974, № 10, с. 65—74.
[5] *E. H. Carr*. Foundations of a planned economy, 1926—1929, v. 2. London, 1971, p. 125—126. В свое время он был интерпретирован в полемическом ключе Троцким: Бюллетень оппозиции, № 10, с. 10.
[6] История СССР, т. 8, с. 601; Archivio Smolensk, WKP 162, f. 36.
[7] XVI съезд ВКП(б), с. 1288—1290; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 34; *M. Fainsod*. How Russia is ruled, p. 190—195.
[8] *И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 11—12. Автору довелось неоднократно слышать рассказы ветеранов партии, в которых упоминались это выражение и эти методы.
[9] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с, 37.
[10] Archivio Smolensk, WKP 162, f. 81—83. О значении «партмаксимума» см. *Rudolf Schlesinger*. Il partito comunista nell'URSS. Milano, 1962, p. 184—185.
[11] Большевик, 1930, № 2, с. 21.
[12] Об эпизоде рассказывается в мемуарах Микояна: «Новый мир», 1972, № 9, с. 181. О презрительных оценках, которые Сталин давал многим партийным деятелям старшего поколения, в том числе и тем, которые здесь перечислены, см. его письмо от 1925 г., опубликованное лишь много лет спустя: *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 43.
[13] Бюллетень оппозиции, № 3—4, 6, с. 4—5.
[14] *А. И. Чугунов*. Указ соч., с. 171—178.
[15] XVI съезд ВКП(б), с. 228.
[16] *L. Shapiro*. Storia del partito comunista sovietico, p. 475.
[17] *В. П. Данилов*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 45.
[18] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 186; *Д. К. Шелестов*. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР. — «Вопросы истории», 1964, № 2, с. 37.
[19] Правда, 23 декабря 1929 г.
[20] XVI съезд ВКП(б), с. 513, 946—947.
[21] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 192.
[22] *С. А. Федюкин*. Указ. соч., с. 385—390; этот автор тоже придерживается версии о вредительстве.
[23] Большевик, 1930, № 10, с. 179—184.
[24] *С. А. Федюкин*. В. И. Ленин и проблема привлечения буржуазных специалистов

к социалистическому строительству в первые годы Советской власти. — «История СССР», 1960, № 2, с. 96; *A. Solženicyn*. Op. cit., v. 1, p. 377, v. 2, p. 306—308.

[25] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 37, 69.

[26] Там же, с. 73.

[27] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 141—172; т. 13, с. 30—38; *L. Trotsky*. Scritti (1929—1936). Torino, 1962, p. 39.

[28] В тех случаях, когда советская историография говорит об этих процессах 1930—1931 гг., она по-прежнему отстаивает тезис о том, что это был справедливый суд (см. многократно цит. Историю КПСС и Историю СССР). В работах советских историков, однако, ни разу не были рассмотрены возражения, которые выдвигались уже в те годы, а также документально обоснованные возражения в недавно вышедших работах Медведева, Солженицына, Н. Ясного.

[29] Процесс «Промпартии». Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931, с. 32—33.

[30] Бюллетень оппозиции, № 17/18, с. 20—21 и № 21/22, с. 19—22.

[31] *H. R. Knickerbocker*. Op. cit., p. 42. В «бюллетене» Троцкого, который тогда еще получал корреспонденцию из СССР, также содержатся многочисленные сигналы о подобных выступлениях.

[32] Коллективизация.., с. 263—264; КПСС в резолюциях, т. 4, с. 505—510; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 57, 102.

[33] Большевик, 1930, № 19/20, с. 92—93.

[34] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 309.

[35] Archivio Smolensk, WKP 178, f. 134.

[36] *Г. К. Орджоникидзе*. Указ. соч., с. 230.

[37] *A. Solženicyn*. Op. cit., v. 2, p. 70—77.

[38] *Г. К. Орджоникидзе*. Указ. соч., т. 2, с. 230.

[39] Правда, 26 ноября 1929.

[40] Правда, 15 января 1930; Безбожник, 6 февраля 1930.

[41] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 372.

[42] XVI съезд ВКП(б), с. 169, 241.

[43] См. выше, раздел «Изгнание Троцкого».

[44] Большевик, 1930, № 2, с. 8—9.

[45] XVI съезд ВКП(б), с. 259—281; *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 360—361.

[46] XVI съезд ВКП(б), с. 314, 488, 207, 303, 298.

[47] Там же, с. 248, 324.

[48] Там же, с. 214; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 119—120.

[49] *А. И. Чугунов*. Борьба с басмачеством в Средней Азии в 1931—1933 гг. — «История СССР», 1972, № 2, с. 97—107.

[50] XVI съезд ВКП(б), с. 179; Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М., 1963, с. 110—111 (далее: Командарм Якир). Здесь же упоминается, что эти репрессированные командиры многие годы спустя были реабилитированы.

[51] *И. В. Сталин*. Соч., т. 12, с. 362—373.

[52] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 91, 103—104; История СССР т. 8, с. 628.

[53] XVI съезд ВКП(б), с. 263—266; *S. F. Cohen*. Op. cit., p. 323—325.

[54] Правда, 2 декабря 1930 г.; Большевик, 1930, № 21, с. 1—9, и 1931, № 3, с. 13, 81; *Margarete Bubez Neumann*. Da Potsdam a Mosca. Milano, 1966, p. 243—244, 313—314; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 180—181.

[55] Большевик, 1930, № 21, с. 2—5.

[56] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 84—102; Всесоюзное совещание историков, с. 363.

[57] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 170, 172—173, 177.

[58] Всесоюзное совещание историков, с. 363.

[59] Большевик, 1930, № 21, с. 1—7.

[60] Бюллетень оппозиции, № 27, с. 5—6.

[61] *B. I. Nikolaevsky*. Op. cit., p. 28—30 (это широкоизвестное свидетельство, принадлежащее меньшевику, прожившему в изгнании, было написано, по его собственному заявлению, на основе рассказов Бухарина во время его последней поездки за границу); *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 177—178, 181.

[62] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 90; Всесоюзное совещание историков, с. 291.

[63] *Svetlana Allilueva*. Op. cit., p. 147—149.

[64] Командарм Якир, с. 111—112.
[65] Всесоюзное совещание историков, с. 364; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 195.
[66] Правда, 12 января 1933 г.

VII. *Попытка поворота: (1) самый критический год*

[1] Бюллетень оппозиции, № 35, с. 26—27.
[2] *Г. К. Орджоникидзе*. Указ. соч., т. 2, с. 466—468; История СССР, т. 9, с. 79, 92; КПСС в резолюциях, т. 5, с. 118.
[3] Так по крайней мере говорилось в одном из плакатов на местах: Archivio Smolensk, WKP 227.
[4] *И. Е. Зеленин*. Политотделы МТС (1933—1934 гг.). — «Исторические записки», № 76, с. 47.
[5] Материалы по истории СССР, т. 7, с. 364—366.
[6] Большевик, 1933, № 1—2, с. 32.
[7] См. советскую реакцию на так называемый меморандум Гугенберга: представленный германской делегацией на Лондонской экономической конференции, он призывал к колонизации русских просторов; Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 359—360.
[8] Известия, 12 января 1933; КПСС в резолюциях, т. 5, с. 74; *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 186.
[9] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 216.
[10] Там же, с 218—230.
[11] Большевик, 1933, № 1—2, с. 23—24.
[12] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 207—212.
[13] Цитата содержится в так называемом секретном докладе, сделанном Хрущевым в 1956 г. на XX съезде КПСС; *Nikita S. Kruscev*. Kruscev ricorda. Milano, s. d., p. 592. Хотя в опубликованном виде этот документ имеется только за пределами СССР, существование его косвенно подтверждено Москвой в форме обнародования резолюции XX съезда — вначале также секретной — об одобрении этого доклада: КПСС в резолюциях, т. 7, с. 181.
[14] XVII съезд ВКП(б), с. 561; Большевик, 1933, № 1—2, с. 25.
[15] Известия, 14 января 1933 г.
[16] Об этом эпизоде см. в предыдущей главе.
[17] Большевик, 1933, № 1—2, с. 27.
[18] О политотделах см. *И. Е. Зеленин*. Указ. соч. — «Исторические записки», № 76; *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 54—58; *Б. А. Абрамов*. Указ. соч. — Там же, с. 136—146; *С. Трапезников*. Указ. соч. с. 300—305.
[19] История СССР, т. 9, с. 142.
[20] *И. Е. Зеленин*. Указ. соч. — «Исторические записки», № 76, с. 50—51; *В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Очерки...», с. 58.
[21] Коллективизация.., с. 452—455, 463—464.
[22] XVII съезд ВКП(б), (доклад Кагановича), с. 530.
[23] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 108—111; *И. Е. Зеленин*. Указ. соч. — «Исторические записки», № 76, с. 45.
[24] XVII съезд ВКП(б), с. 65—71.
[25] Известия, 25 января 1962; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 178—179.
[26] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 98—103.
[27] XVII конференция ВКП(б), с. 157.
[28] *А. И. Микоян*. Указ. соч. — «Новый мир», 1972, № 9, с. 183.
[29] XVI съезд ВКП(б), с. 122; Большевик, 1933, № 1—2, с. 30, 34.
[30] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13; с. 247—249, 359; XVII съезд ВКП(б), с. 373.
[31] Коллективизация.., с. 441—445.
[32] *И. Е. Зеленин*. Указ. соч. — «Исторические записки», № 76, с. 59.
[33] Промышленность СССР, с. 36.
[34] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 245.
[35] Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 782—783.
[36] Там же, с. 785; *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, с. 302 (Сталин говорил о сохранении мира. — *Прим. ред.*)

[37] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 280; Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 783.
[38] Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 609—610.
[39] Там же, с. 610.

VIII. *Попытка поворота: (2) сталинские секретари*

[1] XVII съезд ВКП(б), с. 252—253.
[2] Там же, с. 305—350.
[3] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 131.
[4] XVII съезд ВКП(б), с. 456—457.
[5] *N. Jasny.* Soviet Industrialisation, p. 126—129.
[6] XVII съезд ВКП(б), с. 435—436.
[7] Там же, с. 290—291.
[8] *Г. А. Трукан.* Ян Рудзутак. М., 1963, с. 92.
[9] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 167.
[10] *E. S. Ginzburg.* Viaggio nella vertigine. Milano, 1967, p. 52.
[11] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 374—375.
[12] Текст Устава см. КПСС в резолюциях, т. 5, с. 160—173; весьма тщательный и проницательный анализ его см. *Giuliano Procacci.* Lo statuto del PC dell'URSS del 1934. Contributo allo studio dello stalinismo. — «Studi storici», 1971, n. 3.
[13] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 197—198.
[14] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, с. 486. В предыдущем издании этого официального учебника (М., 1959, с. 462) данного абзаца не было; в последующем издании (М., 1969, с. 487) он был изъят.
[15] *B. I. Nikolaevsky.* Op. cit., p. 44—50.
[16] The Great Purge Trial, edited and with notes by *Robert C. Tucker* and *Stephen F. Cohen.* N. Y., 1965, p. 348—353. Эта гипотеза поддерживается в: *Rudolf Schlesinger.* Op. cit., p. 255.
[17] *A. B. Ulam.* Stalin, p. 372—375.
[18] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 197.
[19] *L. Trotsky.* Les crimes de Staline, v. 2, p. 152.
[20] Эти сведения были сообщены автору советскими коммунистами, игравшими весьма активную роль в тот период.
[21] *E. S. Ginzburg.* Op. cit., p. 25—26; *M. Fainsod.* Smolensk.., p. 59—61; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 186.
[22] Краткая биография есть в: Вопросы истории КПСС, 1963, № 11, с. 100—105.
[23] XVII съезд ВКП(б), с. 92—93.
[24] *M. Fainsod.* Smolensk.., p. 74—86.
[25] *T. e M. Reimanovi.* Op. cit., p. 395—396.
[26] XVII съезд ВКП(б), с. 78, 422—423, 425—426.
[27] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 347.
[28] Там же, с. 350—362, 370—372.
[29] *G. Procacci.* Il partito nell'Unione Sovietica, p. 146.
[30] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 362—363. (Интерпретация автора. — *Прим. ред.).*
[31] *M. B. Neumann.* Op. cit., p. 425—427; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 175—176, 199; *Robert Conquest.* The Great Terror. London, 1968, p. 41; *B. I, Nikolaevsky.* Op. cit., p. 43—44.
[32] XVII съезд ВКП(б), с. 252—253.
[33] См. его статьи: Известия, 12 мая и 22 декабря 1934 г.
[34] Бюллетень оппозиции, № 40, с. 1.
[35] См. суждения Бухарина: Известия, 22 декабря 1934 г.
[36] XVI съезд ВКП(б), с. 277—282.
[37] О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954, с. 431.
[38] *B. I. Nikolaevsky.* Op. cit., p. 45.
[39] См. анализ значения этого события в предисловии В. Страды к книге: Rivoluzione e letteratura. Il dibattito al 1°congresso degli scrittori sovietici, a cura di Giorgio Kraiski. Bari, 1967.

[40] Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934, с. 2—5; Rivoluzione e letterature, p. 5—14.

[41] Ibid., p. 59—60, 345—346, 350.

[42] *А. Дементьев.* На первом съезде писателей. — «Новый мир», 1966, № 10; *Paul M. Austin.* An Interview with Ilya Ehrenburg. — «Soviet Studies», v. XXI, p. 98.

[43] Первый всесоюзный съезд советских писателей, с. 497—503.

[44] Там же, с. 574.

[45] *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «Исторические записки», № 76, с. 56—57; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 199.

[46] *И. Е. Зеленин.* Указ. соч., с. 57—58.

[47] *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 13—15; *М. А. Вылцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1965, № 3, с. 7; Командарм Якир, с. 111—112.

[48] Коллективизация.., с. 517—519; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 8.

[49] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 194.

[50] Там же, с. 198—204.

[51] *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957, с. 701—702.

[52] *B. I. Nikolaevsky.* Op. cit., p. 222—223.

[53] Бюллетень оппозиции, № 42, с. 1.

Книга четвертая

ЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ

I. *Коллективная безопасность и народные фронты*

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 292—298.

[2] XVII съезд ВКП(б), с. 127—129.

[3] Об этом, в частности, см. *Г. И. Чернявский.* Встреча Георгия Димитрова на советской земле. — «Вопросы истории», 1964, № 2.

[4] Текст документа см. *Г. Димитров.* Письма (1905—1949). София, 1962, с. 297. Русский текст письма вместе с другими документами того же периода (схема доклада и речь в комиссии по подготовке конгресса) опубликован в: «Вопросы истории КПСС», 1965, № 7, с. 83—88.

[5] *Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня.* Указ. соч., с. 119.

[6] Георгий Димитров. Биографический очерк. М., 1973, с. 97—99. По поводу «упорного» характера дискуссии см. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 380.

[7] *M. Hayek.* Op. cit., p. 253—255, 267—272.

[8] Об этом эпизоде см. *Maurice Thorez.* Fils du peuple. Paris, 1960, p. 102; *Jacques Duclos.* Mémoires. Paris, 1968, v. 1, p. 420—421. *Giulio Cerreti.* Con Togliatti e Thorez. Milano, 1973, p. 168—172.

[9] *Julius Braunthal.* History of the International (1914—1943). London, 1967, v. 2, p. 423—429; *Hugh Seton-Watson.* From Lenin to Malenkov. The History of World Communism. N. Y., 1953, p. 178, 179.

[10] Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 134—136.

[11] Заявления Литвинова Идену см. Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 236.

[12] Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 309—312.

[13] Об англо-советских отношениях того периода см. История внешней политики СССР, т. 1, с. 293—295; *И. М. Майский.* Воспоминания советского посла. М., 1964, т. 2, с. 255—284.

[14] Коммунистический Интернационал в документах, с. 391—392; *Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня.* Указ. соч., с. 103—104.

[15] Выступления Димитрова на VII конгрессе; *Г. Димитров.* Соч. т. 10, с. 27—192;

Г. Димитров. Избранные произведения. М., 1957, т. 1, с. 375—484; *Franco De Felice*. Op. cit., p. 101—167, 483—520.

[16] *P. Togliatti*. Opere. Roma, 1973, v. 3, t. 2, p. 730—805.

[17] *Franco De Felice*. Op. cit., p. 485. Ныне коммунистическая историография, в том числе советская, без колебаний говорит о «повороте в стратегии и тактике»; Коммунистический Интернационал в документах, с. 368.

[18] *P. Togliatti*. Opere, v. 3, t. 2, p. 763.

[19] Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 474, 476—477.

[20] Вопросы истории КПСС, 1965, № 7, с. 84—85; *Franco De Felice*. Op. cit., p. 272.

[21] Коммунистический Интернационал в документах, с. 393.

[22] *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale, p. 330; *M. Thorez*. Op. cit., p. 102; *Г. Димитров*. Указ. соч., с. 143.

[23] *Б. М. Лейбзон, К. К. Ширинян*. Указ. соч., с. 308—309.

[24] Там же, с. 308.

[25] *Giuseppe Berti*. Problemi di storia del PCI e dell'Internazionale Comunista. — «Rivista storica italiana», A. LXXVII, fasc. 1, p. 189—192.

[26] Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 248.

[27] *И. М. Майский*. Указ. соч., т. 2, с. 314; Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 514; *David T. Cattell*. La diplomazia sovietica e la guerra civile spagnola. Milano, 1963, p. 51—64.

[28] Правда, 16 октября. 1936; *И. В. Сталин*. Сочинения. Стэнфорд, 1967, т. 1 [14], с. 135. Советское издание сочинений Сталина, прерванное после смерти автора, заканчивается т. 13, который включает доклад на XVII съезде ВКП(б), 1934 г. Опубликованные позднее статьи и речи Сталина были собраны в США Гуверовским институтом войны, революции и мира и изданы в трех томах, придающих законченный вид советскому изданию. Последующие цитаты из работ Сталина приводятся по этому изданию.

[29] История Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945) в 6-ти т. М., 1960—1965, т. 1, с. 113.

[30] *Хосе Гарсия*. Интернациональные бригады в Испании (1936—1938 гг.). — «Вопросы истории», 1956, № 7, с. 38; *Luigi Longo*. Le brigate internazionali in Spagna. Roma, 1956.

[31] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 111; *David T. Cattell*. I comunisti e la guerra civile spagnola. Milano, 1962, p. 99—101. Частичные данные в: История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 345—346; История СССР, т. 9, с. 50—51.

[32] *М. Кольцов*. Испанский дневник. М., 1958, с. 530.

[33] *И. М. Майский*. Указ. соч., т. 2, с. 386; *David T. Cattell*. La diplomazia sovietica, p. 124.

[34] Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 337; *P. Toglialli*. Opere, v. 3, t. 2, p. 772—780. Архивные документы по поводу необнародованной дискуссии между Димитровым и Готвальдом приводятся в: *К. К. Ширинян*. Из истории борьбы Коммунистического Интернационала против войны (1935—1936 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1972, № 2, с. 40—41.

[35] Советское исследование о дипломатической борьбе за подписание новой конвенции: *В. И. Попов*. Конференция в Монтрё 1936 г. — «Вопросы истории», 1963, № 11, с. 45—61.

[36] История внешней политики СССР, т. I, с. 299—302.

II. *От убийства Кирова к Конституции 1936 г.*

[1] Kruscev ricorda, p. 591; XXII съезд КПСС, т. 2, с. 583—584.

[2] *R. Conquest*. Op. cit., p. 46—61; *A. B. Ulam*. Stalin, p. 382—388.

[3] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 210.

[4] Kruscev ricorda, p. 591; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 204—205.

[5] Документы об учреждении Генеральной прокуратуры СССР см. История Советской Конституции, с. 676.

[6] Kruscev ricorda, p. 591.

[7] *B. I. Nikolaevsky*. Op. cit., p. 29, 35—36; *M. Fainsod*. Smolensk.., p. 422—423.

[8] Эта маловероятная гипотеза исследуется в: *R. Conguest*. Op. cit., p. 120.

[9] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 207.

[10] Большевик, 1934, № 23, с. 52—64.
[11] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 204.
[12] *T. & M. Reimanovi*. Op. cit., p. 394.
[13] XXII съезд КПСС, т. 2, с. 402—403.
[14] При устной передаче указанных эпизодов И. Эренбург был более откровенен. См. также статью Бухарина: Известия, 22 декабря 1934 г.
[15] *M. B. Neumann*. Op. cit., p. 426.
[16] *B. I. Nikolaevsky*. Op. cit., p. 51—52.
[17] Ibid., p. 95—96.
[18] История Советской Конституции, с. 695—700.
[19] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 205 (интерпретация автора. — *Прим. ред.*).
[20] Правда, 7 февраля 1935 г.
[21] Правда, 8 февраля 1935 г.
[22] Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников 11—17 февраля 1935 г. Стенографический отчет. М., 1935, с. 107—108.
[23] Mémoires de Jules Humbert-Droz, v. 3, p. 130—132.
[24] Новый мир, 1964 № 11, с. 173.
[25] Правда, 16 октября 1935 г.
[26] *И. В. Сталин*. Соч., т. 1[14], с. 56—64. (*И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма. ОГИЗ, 1946, с. 487, 490).
[27] Там же, с. 58. (Там же, с. 448).
[28] Там же, с. 89 (Там же.)
[29] Большевик, 1933, № 7—8, с. 12.
[30] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 283.
[31] *T. H. Rigby*. Op. cit., p. 202—205; *M. Fainsod*. How Russia is ruled, p. 429.
[32] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 283; см. также доклад Жданова на XVIII съезде ВКП(б).
[33] *M. Fainsod*. Smolensk.., p. 222. Существование документа подтверждается в: *И. В. Сталин*. Соч., т. 1(14), с. 191—192. Отсюда взята цитата.
[34] *E. S. Ginzburg*. Op. cit., p. 22.
[35] Правда, 8 июня 1935. Ср.: КПСС в резолюциях, т. 5, с. 172—173. К сожалению, резолюция по этому пункту, обнародованная в тот период, больше не воспроизводится в сборниках официальных документов ЦК КПСС.
[36] *B. I. Nikolaevsky*. Op. cit., p. 57—58, 223—224; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 211.
[37] *B. I. Nikolaevsky*. Op. cit., p. 221.
[38] Archivio Smolensk, WKP 499, f. 308—309.
[39] Правда, 27 июня 1935 г.; *M. Fainsod*. Smolensk, p. 222--237.
[40] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 285.
[41] *B. I. Nikolaevsky*. Op. cit., p. 63.
[42] Отчет о процессе был тогда опубликован, хотя и не целиком, на нескольких языках. Цитаты приводятся по газете «Правда», обвинительную речь см. *А. Я. Вышинский*. Судебные речи. М., 1956.
[43] *P. L. Contessi*. Op. cit., p. 87.
[44] Ibid., p. 88.
[45] Archivio Smolensk, WKP 499, f. 322—328.
[46] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 285; КПСС в резолюциях, т. 5. с. 253.
[47] История СССР, т. 9, с. 210.
[48] *B. I. Nikolaevsky*. Op. cit., p. 22.
[49] *И. В. Сталин*. Соч., т. 1(14), с. 167. (*И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма. ОГИЗ, 1946, с. 515.)
[50] История Советской Конституции, с. 730—731.
[51] Там же, с. 733—736, 740—741, 745—746.
[52] Там же, с. 683.
[53] Там же, с. 733. *И. В. Сталин*. Соч., т. 1(14), с. 177. (*И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма. ОГИЗ, 1946, с. 530.)
[54] История национально-государственного строительства в СССР т. 1, с. 477; *В. В. Паркосадзе*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1968, № 7, с. 15—17.
[55] История Советской Конституции, с. 743.
[56] Там же, с. 742, 744.

[57] Там же, с. 744.
[58] *B. I. Nikolaevsky*. Op. cit., p. 15—16.
[59] История СССР, т. 9, с. 213.
[60] *И. В. Сталин*. Соч., т. 1(14), с. 149. (*И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма. ОГИЗ, 1946, с. 510—514.)
[61] Там же, с. 142—146, 346. (Там же, с. 514, 575.)

III. *Крупная промышленность и стахановцы*

[1] Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. М., 1963, с. 173—175.
[2] История СССР, т. 9, с. 108.
[3] Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. с. 7—12; Промышленность СССР, с. 34, 164, 205, 232, 255. Для критического сопоставления см. *N. Jasny*. Soviet Industrialisation, p. 142—144.
[4] Индустриализация СССР, 1933—1937 гг. Документы и материалы. М., 1971, с. 611—631.
[5] Социалистическое народное хозяйство, с. 609—610.
[6] Там же, с. 12; История СССР, т. 9, с. 115—116, 119; Промышленность СССР, с. 279.
[7] Хороший анализ явления содержится в: *В. С. Лельчук*. Индустриализация СССР в годы второй пятилетки: 1933—1937 гг. — «Вопросы истории», 1973, № 3, с. 20—21.
[8] Социалистическое народное хозяйство.., с. 289—290.
[9] Там же, с. 491; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 251; XXII съезд КПСС, т. 2, с. 215, 497.
[10] Социалистическое народное хозяйство.., с. 494.
[11] Там же, с. 624.
[12] Там же, с. 631; Внешняя торговля СССР, с. 8—9.
[13] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 340.
[14] *И. В. Сталин*. Соч., т. 1(14), с. 349—351. (*И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма. ОГИЗ, 1946, с. 577—579.)
[15] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 344—345; Социалистическое народное хозяйство.., с. 17—18.
[16] Социалистическое народное хозяйство.., с. 320.
[17] История СССР, т. 9, с. 124.
[18] Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 8.
[19] *В. С. Лельчук*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1973, № 3, с. 12.
[20] История СССР, т. 9, с. 116, 322; Социалистическое народное хозяйство.., с. 636.
[21] Индустриализация СССР, 1933—1937 гг., с. 516; *А. Г. Ражин*. Указ. соч. — «Изменения», с. 15.
[22] Индустриализация СССР, 1938—1941 гг. Документы и материалы. М., 1973, с. 248.
[23] Там же, с. 214; История СССР, т. 9, с. 117—118; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 290—291.
[24] История СССР, т. 9, с. 116, 322; *А. А. Матюгин*. Указ. соч. — «Изменения», с. 159—160.
[25] Социалистическое народное хозяйство.., с. 56—57.
[26] Индустриализация СССР, 1933—1937 гг., с. 213, 249.
[27] Директивы.., т. 2, с. 653—655.
[28] Социалистическое народное хозяйство.., с. 158; *M. Dobb*. Op. cit., p. 317; *N. Jasny*. Op. cit., p. 146—148.
[29] Индустриализация СССР, 1933—1937 гг., с. 284—285.
[30] *А. Г. Стаханов*. Труд — Родине. — «Вопросы истории», 1971, № 3.
[31] *И. В. Сталин*. Соч., т. 1(14), с. 85. (*И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма. ОГИЗ, 1946, с. 496.) О явлении в целом см. *З. Г. Лихолобова*. Стахановское движение в Донбассе в 1935—1937 гг. — «Вопросы истории», 1973, № 12; *I. Deutscher*. I sindacati sovietici, p. 163—172.

[32] *Г. К. Орджоникидзе.* Указ. соч., т. 2, с. 740—743.
[33] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 231—235.
[34] История Советской Конституции, с. 340—341, 373.
[35] Индустриализация СССР, 1933—1937 гг., с. 598.
[36] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 233; *З. Г. Лихолобова.* Указ. соч., с. 27.
[37] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 81—82.
[38] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 208, 407; *О. И. Шкаратан.* Указ. соч., с. 35.
[39] Число занятых на одну семью в Ленинграде выросло с 1,18 до 1,55. — *О. И. Шкаратан.* Указ. соч., с. 39.
[40] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 199—204.
[41] Социалистическое народное хозяйство.., с. 554.
[42] Там же, с. 541—543.
[43] *О. И. Шкаратан.* Указ. соч., с. 39, 42.
[44] Социалистическое народное хозяйство.., с. 560.
[45] *А. Е. Харитонова.* Основные этапы жилищного строительства в СССР. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 54; *А. А. Левский.* На путях решения жилищного вопроса в СССР. — «История СССР», 1962, № 4, с. 9—14.
[46] Социалистическое народное хозяйство.., с. 13, 149.
[47] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 505.
[48] *А. Ф. Хавин.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1966, № 5, с. 13—14.
[49] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., 185—188.
[50] О доле налоговых поступлений в доходах бюджета см. Индустриализация СССР. 1933—1937 гг. и Индустриализация СССР. 1938—1941 гг., гл. 1 и в том и в другом случае.
[51] *Alec Nove.* Op. cit., p. 311.
[52] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 90.
[53] История Советской Конституции, с. 745.
[54] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 94; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 406.
[55] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 90—93.
[56] *М. Х. Тухачевский.* Избранные произведения. М., 1964, т. 2.
[57] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 409.
[58] *Л. П. Борисов.* Осоавиахим. Страницы истории (1927—1941 гг.). — «Вопросы истории», 1965, № 6; *Л. П. Борисов, А. Н. Сахаров.* На пути к освоению космоса. — «Вопросы истории», 1963, № 4, с. 43—45; История СССР, т. 9, с. 256.

IV. *Компромисс в деревне*

[1] История СССР, т. 9, с. 135, 167; Социалистическое народное хозяйство.., с. 355; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 26—28; *М. А. Вылцан.* Трудовые ресурсы колхозов в довоенные годы (1935—1940). — «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 22.
[2] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 432—433; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 23—24.
[3] История СССР, т. 9, с. 159—160; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 24.
[4] Коллективизация.., с. 531—533.
[5] Там же, с 538—539.
[6] Там же, с. 535—536.
[7] Второй съезд колхозников-ударников, с. 145—153.
[8] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 53—54.
[9] Социалистическое народное хозяйство.., с. 435—436, 448—449.
[10] Коллективизация.., с. 533.
[11] *В. И. Злобин.* Организаторская работа Коммунистической партии по проведению в жизнь нового колхозного Устава (1935—1937.) — «КПСС в борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства». М., 1961.
[12] Социалистическое народное хозяйство.., с. 355—357; Советское крестьянство, с. 335; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 442; *М. А. Вылцан.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 22; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 424—425.

[13] Второй съезд колхозников-ударников, с. 28; *M. Fainsod.* Smolensk.., p. 269—276; *В. И. Злобин.* Указ. соч., с. 116—117.
[14] История Советской Конституции, с. 729.
[15] Социалистическое народное хозяйство.., с. 362—363.
[16] История СССР, т. 9, с. 168—169; Социалистическое народное хозяйство.., с. 365—369.
[17] Коллективизация.., с. 533.
[18] Социалистическое народное хозяйство.., с. 374.
[19] Там же, с. 391—392.
[20] История СССР, т. 9, с. 156.
[21] *J. Broz Tito.* Autogestione e socialismo. Roma, 1974, p. 77. Об ограниченности капиталовложений в сельское хозяйство см. *М. А. Вылцан.* Победа колхозного строя и мероприятия партии и государства по улучшению жизни советского крестьянства (1933—1940 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6, с. 43.
[22] Социалистическое народное хозяйство.., с. 455—458.
[23] Там же, с. 370.
[24] Советское крестьянство, с. 331.
[25] Социалистическое народное хозяйство.., с. 466.
[26] *Zores A. Medvedev.* L'ascesa e la caduta di T. D. Lysenko. Milano, 1961, p. 98—111; *А. Жаров.* Заметки о генетике. — «Знамя», 1965, № 4; Социалистическое народное хозяйство.., с. 375, 467—469; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 12—13; *В. С. Лельчук.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1964, № 8, с. 44.
[27] Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 350; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 14.
[28] Шестнадцатая конференция ВКП(б) с. 622, 625.
[29] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 358; *М. А. Вылцан.* Борьба за хлеб накануне войны. — «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 42. Отрицательная оценка дается в: История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 423.
[30] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 107; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 352; Советское крестьянство, с. 344; Социалистическое народное хозяйство.., с. 376.
[31] *Б. А. Туленбаев.* Решение хлопковой проблемы в СССР. — «Вопросы истории», 1966, № 9; *В. И. Касьяненко.* Указ. соч., с. 230—237; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 353.
[32] Социалистическое народное хозяйство.., с. 476, 478; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 354.
[33] Сельское хозяйство СССР, с. 263.
[34] Народное хозяйство СССР в 1961 г., с. 382—383; Социалистическое народное хозяйство.., с. 380, 390, 482; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 16.
[35] Советское крестьянство, с. 334.
[36] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 357—359. (*И. В. Сталин.* Вопросы ленинизма. ОГИЗ, 1946, с. 582—583.)
[37] История СССР, т. 9, с. 181; *М. А. Вылцан.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1968, № 3, с. 39.
[38] Сельское хозяйство СССР, с. 90—196.
[39] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 177—179, 396—397, 407.
[40] *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 19; Социалистическое народное хозяйство.., с. 383; *М. А. Вылцан.* Материальное положение колхозного крестьянства в довоенные годы. — «Вопросы истории», 1963, № 9, с. 16.
[41] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 178, 396.
[42] История СССР, т. 9, с. 180—181.
[43] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 181; Индустриализация СССР, 1933—1937 гг., с. 87.
[44] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., с. 181—182, 393; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 20.
[45] Социалистическое народное хозяйство.., с. 377—378.
[46] Там же, с. 381.
[47] *М. А. Вылцан.* Колхозный строй накануне Великой Отечественной войны. — «История СССР», 1962, № 1, с. 46—47.

[48] Второй съезд колхозников-ударников, с. 26—27; История СССР, т. 9, с. 181—182; Социалистическое народное хозяйство.., с. 387—388; *М. А. Вылцан.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1963, № 9, с. 20; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 21—22.

[49] Советское крестьянство, с. 335—336; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 9; *М. А. Вылцан.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 22.

[50] Советское крестьянство, с. 336; *М. А. Вылцан.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 14; *Ю. С. Борисов.* Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960.

[51] Индустриализация СССР, 1933—1937 гг., с. 513.

[52] *А. Н. Малафеев.* Указ. соч., 194—195.

[53] Социалистическое народное хозяйство.., с. 146—147; *И. Е. Зеленин.* Указ. соч. — «История СССР», 1964, № 5, с. 17; Народное хозяйство СССР в 1961 г., с. 632; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 447.

[54] Социалистическое народное хозяйство.., с. 479.

[55] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, с. 251—252.

[56] *Г. Б. Антонов.* Бригадир женской тракторной. — «Вопросы истории», 1972, № 2, с. 204—207.

[57] Индустриализация СССР, 1933—1937 гг., с. 513—515; *Г. А. Чиргинов.* Мероприятия партии по развитию сельскохозяйственного производства в предвоенные годы. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 1, с. 133.

[58] *М. А. Вылцан.* Указ. соч. — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6, с. 47.

[59] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 398—404; Советское крестьянство, с. 341.

[60] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 404.

V. *Массовый террор против партии*

[1] Этот тезис поддерживался и сталинской историографией [см. соответствующие главы уже упоминавшегося краткого курса истории ВКП(б)]. Ныне его выдвигают — в противоположном смысле — те, кто осуждает весь советский опыт целиком: *A. Solženicyn.* Op. cit., p. 40—41.

[2] Правда, 2 сентября 1936; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 215; *S. Cohen.* Op. cit., p. 368; *R. Conquest.* Op. cit., p. 152.

[3] XXII съезд КПСС, т. 1, с. 291; *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 240—241; *Г. Марягин.* Постышев. М., 1965, с. 291—298; *R. Conquest.* Op. cit., p. 160—164.

[4] Партийное строительство, 1937, № 8, с. 14, 16, 21, 24.

[5] XXII съезд КПСС, т. 2, с. 587; Известия, 22 ноября 1963 г.; *И. Дубинский-Мухадзе.* Орджоникидзе. М., 1963, с. 5—7; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 421—422; *Aleksandr Bek.* La nuova nomina. Milano, 1973, p. 48—52. Последняя представляет собой литературную реконструкцию фактов на документальной основе. О том, как Орджоникидзе защищал Пятакова, см. *R. Conquest.* Op. cit., p. 157.

[6] Kruscev ricorda, p. 592.

[7] *Т. Гладков, М. Смирнов.* Менжинский. М., 1969, с. 327. Эта цитата воспроизводится в: *Р. А. Медведев.* К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974, с. 417. Речь идет о дополненном и обновленном издании на русском языке книги, которая многократно цитируется на страницах настоящего тома.

[8] Il processo antitrotskista del 1937. Roma, 1946, p. 10—32.

[9] Ibid., p. 340—341.

[10] *L. Trotsky.* Les crimes de Staline, v. 2, p. 5—139.

[11] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 286; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 243—245; XXII съезд КПСС т. 2, с. 587.

[12] Kruscev ricorda, p. 592. Доклады Жданова и Молотова были опубликованы в газете «Правда» соответственно 10 марта и 21 апреля 1937 г., а также в журналах «Большевик», и «Партийное строительство».

[13] Партийное строительство, 1937, № 5, с. 7—8; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., 219—220.

[14] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 189—210.

[15] Там же, с. 228.

[16] Партийное строительство, 1937, № 8, с. 9—18; *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 214.

[17] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1 (14), с. 213—214. Член Политбюро Косиор, например, вряд ли мог разделять подобный тезис, решительно отвергнув его несколькими годами ранее; см. Вопросы истории КПСС, 1964, № 11, с. 92.

[18] Партийное строительство, 1937, № 5, с. 9—14; КПСС в резолюциях, т. 5, с. 286—289.

[19] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 230—241; *Г. Марягин.* Указ. соч., с. 291.

[20] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14) с. 220—221.

[21] Kruscev ricorda, p. 593—594.

[22] Ibid., p. 593. Некоторые гипотезы, построенные на основе разрозненных свидетельств эмигрантов, см. *R. Conquest.* Op. cit., p. 191—197.

[23] Выражение принадлежит Хрущеву. Kruscev ricorda, p. 592—593.

[24] Ibid., p. 594, 601.

[25] Ibiv., p. 598—599.

[26] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 251—253.

[27] XXII съезд КПСС, т. 1, с. 284; т. 3, с. 114; Kruscev ricorda, p. 598; *Р. А. Медведев.* Указ. соч., с. 396.

[28] Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1963, т. 2, с. 160—161.

[29] XXII съезд КПСС, т. 1, с. 291; т. 2, с. 214; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 254.

[30] *Roy A. Medvedew.* Op. cit., p. 240—241, 245—247, 253—257.

[31] *В. С. Лельчук.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1964, № 8, с. 43.

[32] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 281—283.

[33] XXII съезд КПСС, т. 2, с. 215.

[34] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 220—221.

[35] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 361.

[36] XXII съезд КПСС, с. 2, с. 585—586; *W. Churchill.* La seconda guerra mondiale. Milano, 1970, v. 1, t. 1, p. 320; *E. Beneš.* Memoires. London, 1954, p. 19—20.

[37] *А. М. Некрич.* 1941, 22 июня. М., 1965, с. 85—88; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 365—366; *J. Erickson.* Op. cit., p. 456—463; *R. Conquest.* Op. sit., p. 219—224.

[38] *Piotr Yakir.* Une enfance russe. Paris, 1972, p. 122—124.

[39] *Ю. П. Петров.* Партийное строительство в Советской Армии и флоте, 1918—1961 гг. М., 1964, с. 299—300.

[40] *Н. Кондратьев.* Маршал Блюхер. М., 1965, с. 292—293; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 257—264; Правда, 23 февраля 1963 г. — статья маршала Малиновского.

[41] XXII съезд КПСС, т. 2, с. 403.

[42] Kruscev ricorda, p. 589—590; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 240.

[43] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 264—269.

[44] Ibid., p. 257—258; Александр Косарев. Сборник воспоминаний. М., 1963, с. 108—112.

[45] Подсчитано автором.

[46] Kruscev ricorda, p. 590; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 288.

[47] *А. Толмачев.* Калинин. М., 1963, с. 226; *S. Allilueva.* Op. cit., p. 74—112.

[48] XXII съезд КПСС, т. 2, с. 404.

[49] *Nadezda Mandelstam.* L'epoca e i lupi. Milano, 1971; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 283—287.

[50] Об участи итальянских политэмигрантов см. *Paolo Spriano.* Op. cit., v. 3, p. 241—245.

[51] Новый мир, 1964, № 11, с. 212.

[52] Коллективизация.., с. 505.

[53] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 303—312.

[54] XXII съезд КПСС, т. 3, с. 152; Kruscev ricorda, p. 599; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 356—359.

[55] The Great Purge Trial, edited, and with notes, by *S. Tucker and Stephen F. Cohen.* New York, 1965, p. 5—35.

[56] Ibid., p. 36, 49—60, 66, 72—74, 157—158, 327—397.

[57] *E. S. Ginzburg.* Op. cit., p. 546—549.

[58] Ibid., p. 56; *Vladimir Dedijer.* Tito contro Mosca. Milano, 1953, p. 107; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 294—295; *R. Conquest.* Op. cit., p. 527—531.

[59] О том, как репрессии 1937 г. парализовали сознание своих жертв, лишая их способности мыслить сколько-нибудь привычными для них категориями, убедительно рассказывается в аналитическом дневнике П. И. Шабалкина, свидетельства которого приводятся в: *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 331—332.

[60] О смерти троцкистов в лагерях Воркуты рассказано в: *Isaac Deutscher*. Il profeta esiliato. Milano, 1963, p. 524—528. Об этом же говорится в: Samizdat. Voices of the Soviet Opposition. New York, 1974, p. 160—182, 206—217. Позже эти сведения были подтверждены другими источниками.

[61] *E. S. Ginzburg*. Op. cit., p. 400; XXII съезд КПСС, т. 3, с. 119.

[62] XXII съезд КПСС, т. 2, с. 586; Kruscev ricorda, p. 595—597; см. рассказ о поведении Арона Сольца в: *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 268—269.

[63] Выученное наизусть от первой до последней строки женой Бухарина, А. М. Лариной, это письмо воспроизведено в: *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 229—231. О мнении Бухарина по поводу намерений Сталина см. «Новый журнал», Нью-Йорк, 1964, № 75, с. 181—182.

[64] The Great Purge Trial, p. 656—668. Что касается методов подготовки процессов, то самым исчерпывающим, хотя и относящимся к более позднему периоду свидетельством продолжает оставаться: *Arthur London*. L'aveu. Paris, 1968.

[65] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 289—293.

[66] См. доклад П. Н. Поспелова в: Всесоюзное совещание историков, с. 201.

VI. *Сталинизм*

[1] *Н. К. Черкасов.* Записки советского актера. М., 1953, с. 380—382. Всесоюзное совещание историков, с. 160—161, *О. Л. Вайнштейн.* Становление советской исторической науки. — «Вопросы истории», 1966, № 7, с. 37.

[2] *Александр Чаковский.* Блокада. — «Знамя», 1975, № 2, с. 32.

[3] *А. Толмачев.* Указ. соч., с. 230—231; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., п. 377—379.

[4] The Great Purge Trial, p. 665—666.

[5] Социалистическое народное хозяйство.., с. 659—660; История СССР, т. 9, с. 228—232; История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 465.

[6] История СССР, т. 9, с. 236—239.

[7] Там же, с. 237—238; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 831—832.

[8] *Л. М. Зак, М. И. Исаев.* Проблемы письменности народов СССР в культурной революции. — «Вопросы истории», 1966, № 2, с. 3—20.

[9] XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 310.

[10] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 493; Социалистическое народное хозяйство.., с. 661—662.

[11] XVIII съезд ВКП(б), с. 529.

[12] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 366, 398. (*И. В. Сталин.* Вопросы ленинизма. ОГИЗ, 1946, с. 589, 608.)

[13] Kruscev ricorda, p. 600.

[14] *Aleksandr Bek*. Op. cit., p. 229.

[15] Социалистическое народное хозяйство.., с. 27, 157; *В. С. Лельчук.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1964, № 8, с. 43; *Н. Ф. Хавин.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1966, № 5, с. 14; *А. Е. Экштейн.* О партийном руководстве развитием черной металлургии в предвоенный период. 1937—1941 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 11, с. 72—73; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 282—283.

[16] Всесоюзное совещание историков, с. 64; История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 100; т. 6, с. 125; *Ю. П. Петров.* Некоторые вопросы партийно-политической работы в Вооруженных силах в предвоенные годы. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 11.

[17] *И. М. Майский.* Указ. соч., т. 2, с. 276; *A. Charaguine*. En prison avec Tupolev. Paris, 1973 (Шарагин — псевдоним автора, сидевшего в тюрьме вместе с Туполевым).

[18] Вопросы истории КПСС, 1963, № 6, с. 94—95; *В. С. Лельчук.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1964, № 8, с. 43; *А. Г. Зверев.* О некоторых сторонах истории советской финансовой системы. — «Вопросы истории», 1969, № 2, с. 139—140.

[19] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 379; XVIII съезд ВКП(б), с. 30.

[20] XVIII съезд ВКП(б), с. 529.

[21] *A. Bek.* Op. cit., p. 218—219; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 383; *I. Deutscher.* Il profeta esiliato, p. 393—394.

[22] *A. Bek.* Op. cit., p. 63—64, 93, 129, 131, 218.

[23] *E. S. Ginzburg.* Op. cit., p. 51; см. доклад Жданова в: XVIII съезд ВКП(б), с. 516—517.

[24] История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 25—26; История СССР, т. 9, с. 392—393; *T. H. Rigby.* Op. cit., p. 217—220.

[25] *Ю. П. Петров* Указ. соч. — «Вопросы истории КПСС». 1963, № 11, с. 61, 64—65.

[26] XVIII съезд ВКП(б), с. 514—517; КПСС в резолюциях, т. 5, с. 375.

[27] XVIII съезд ВКП(б), с. 517—519, 525—527; КПСС в резолюциях, т. 5, с. 366, 385.

[28] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 302—307; XVIII съезд ВКП(б), с. 519—524.

[29] *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 302—307.

[30] *A. Bek.* Op. cit., p. 63.

[31] Kruscev ricorda, p. 601.

[32] XVIII съезд ВКП(б), с. 145.

[33] Kruscev ricorda, p. 616—618; *Roy A. Medvedev.* Op. cit., p. 297—301.

[34] История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 27; *T. H. Rigby.* Op. cit., p. 199, 221—227.

[35] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 37—45; (История ВКП(б). Краткий курс. Гос. изд-во полит. лит., 1938, с. 4.)

[36] Там же, с. 221—222.

[37] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1949, с. 163; Kruscev ricorda, p. 620; Всесоюзное совещание историков, с. 289; *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 248—252.

[38] Правда, 12 сентября 1938.

[39] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1 (14), с. 249—250.

[40] История ВКП(б). Краткий курс, с. 331—332.

[41] Всесоюзное совещание историков, с. 260.

[42] *I. Deutscher.* Il profeta esiliato, p. 367. Этот вывод нисколько не может поколебать: *Pierre Frank.* La Quatrième Internationale. Paris, 1973. Сталина тем не менее IV Интернационал все равно тревожил, см. *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 217.

[43] Самый подробный рассказ о гибели Троцкого содержится в ставшем классическим труде: *I. Deutscher.* Il profeta esiliato, p. 607—640; свидетельство его жены см. *Victor Serge.* Vita e morte di Trotsky. Bari, 1973.

[44] XVIII съезд ВКП(б), с. 531.

[45] КПСС в резолюциях, М., 1953, ч. II, с. 859.

[46] *R. Schlesinger.* Op. cit., p. 272; XVIII съезд ВКП(б), с. 531; Всесоюзное совещание историков (доклад Б. Н. Пономарева), с. 19.

[47] XVIII съезд ВКП(б), с. 531; КПСС в резолюциях, ч. II, с. 862—863.

[48] Всесоюзное совещание историков, с. 19.

[49] История ВКП(б). Краткий курс, с. 331.

[50] Всесоюзное совещание историков, с. 86.

[51] О методологических вопросах исторической науки. — «Вопросы истории», 1964, № 3, с. 58.

[52] КПСС в резолюциях, ч. II, с. 872.

[53] *M. Fainsod.* Smolensk.., p. 364—374.

[54] XVIII съезд ВКП(б), с. 517; *T. H. Rigby.* Op. cit., p. 222.

[55] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 210.

[56] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 380, 462—468.

[57] История КПСС, т. 4, кн. 2, с. 505.

[58] XVIII съезд ВКП(б), с. 531; КПСС в резолюциях, ч. II, с. 866.

[59] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 387—395. (*И. В. Сталин.* Вопросы ленинизма, с. 601—606.) Глубокую критику тезисов, изложенных Сталиным в этом докладе, см. *V. Gerratana.* Op. cit., p. 173—181. В советской литературе критика содержится в: *П. П. Никифорак.* Историография создания и развития советской государственности (1917—1920 гг.). — «Некоторые проблемы истории советского общества», с. 59—60.

[60] XVIII съезд ВКП(б), с. 144—145.

[61] См. книгу вторую, гл. VI, раздел «Интеллигенция» этой книги.

[62] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 368. (*И. В. Сталин.* Вопросы ленинизма, с. 590.)

Примечания

VII. *Между Мюнхеном и войной*

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 194—197.

[2] Об этом см. *Ж. А. Медведев.* Международное сотрудничество ученых и национальные границы. Лондон, 1970, с. 282—283.

[3] *М. В. Захаров.* Накануне второй мировой войны: май 1938 г. — сентябрь 1939 г. — «Новая и новейшая история», 1970, № 5, с. 5—9.

[4] *Vladimir Potiemkine, et. al.* Histoire de la diplomatie. Paris, 1974, v. 3, p. 670; История внешней политики СССР, т. 1, с. 321; История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 69; История СССР, т. 9, с. 417.

[5] *A. J. P. Taylor.* Le origini della seconda guerra mondiale. Bari, 1961, p. 235.

[6] *A. Scheren.* Le problème des «mains libres a l'Est». — «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1958, p. 7—9.

[7] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 338—339, 341 (*И. В. Сталин.* Вопросы ленинизма, с. 570—571.)

[8] Об этом конфликте см. История Великой Отечественной войны т. 1, с. 231—236; *М. В. Новиков.* У озера Хасан. — «Вопросы истории», 1968, № 8.

[9] *W. Churchill.* Op. cit., v. 1, p. 32; Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Third series, I, n. 222; ibid., IV, n. 183. Ср. по этому вопросу: *E. H. Carr.* From Munich to Moscow. — «Soviet Studies», v. 1, p. 1, 2.

[10] *Joseph E. Davies.* Missione a Mosca. Roma, 1944, p. 234—235. Но этот же самый автор в конечном счете поддержал тезис, будто с помощью репрессий 1937—1938 гг. Сталин расправился с «пятой колонной» внутри страны: ibid., p. 214—219.

[11] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 339, 368—369; XVIII съезд ВКП(б), с. 196.

[12] См. предисловие: Robert C. Tucker in: The Great Purge Trial, p. XXXIV—XL.

[13] *Stephen F. Cohen.* Op. cit., p. 368.

[14] Soviet Documents on Foreign Policy, selected and edited by Jane Degras. London, 1953, v. 3, p. 184.

[15] *Adam B. Ulam.* Storia della politica estera sovietica, p. 341.

[16] Правда, 7 ноября 1938 г.; *И. В. Сталин.* Соч., т. 1(14), с. 328, 335, 337. (*И. В. Сталин.* Вопросы ленинизма, с. 568—569.)

[17] Там же, с. 335—339. (Там же, с. 569.)

[18] Там же, с. 340—341. (Там же, с. 571, 574.)

[19] Две критические оценки из весьма разных источников: *A. J. P. Taylor.* Op. cit., p. 306—307, и *И. М. Майский.* Указ. соч., т. 2, с. 459—463.

[20] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны: сентябрь 1938 — август 1939 г. Документы и материалы. М., 1971, с. 336; Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. Документальный обзор. — «Международная жизнь», 1969, № 7, с. 94.

[21] Такое же мнение высказал Гитлер: *William L. Shirer.* Storia del Terzo Reich. Torino, 1962, p. 576. Обоснованную критику этого тезиса см. *Alexander Werth.* Russia at War. New York, 1964, p. 4.

[22] СССР в борьбе за мир.., с. 418; Московские переговоры... — «Международная жизнь», 1969, № 8, с. 95.

[23] Правда, 29 июня 1939 г.

[24] Подробный советский анализ помещен в уже упоминавшемся обзоре «Московские переговоры...». — «Международная жизнь», 1969, № 8, 9, 10, 11.

[25] Там же, № 8, с. 93.

[26] Советские протоколы переговоров военных делегаций см. «Международная жизнь», 1959, № 2—3.

[27] *И. М. Майский.* Указ. соч., с. 490; *A. J. P. Taylor.* Op. cit., p. 335.

[28] СССР в борьбе за мир, с. 496.

[29] Документы, которыми располагают исследователи, в основном из немецких архивов, поскольку советская сторона пока не предала гласности свои. Советскую версию значения переговоров см. История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 174—178; *И. М. Майский.* Указ. соч., с. 508—527. Подробный анализ немецкой оценки переговоров см. *W. L. Shirer.* Op. cit., p. 519—525, 533—539, 543—550, 559—590.

[30] Documents on German Foreign Policy, v. VII, p. 245—247.

[31] *И. М. Майский,* т. 2, с. 511.

[32] Там же, с. 525—526; История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 176—177.

[33] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 236—245; *В. Г. Клевцов*. Подвиг двух дружественных армий на Халхин-Голе. — «Вопросы истории», 1969, № 9. Интересны, но неполны в освещении роли и имен командиров воспоминания Г. К. Жукова (*Г. К. Жуков*. Воспоминания и размышления. В двух томах. М., 1975.). Из несоветских работ см. *I. Erickson*. Op. cit., p. 517—525, 531—535.

[34] См. по этому вопросу мнение двух таких различных критиков, как Н. С. Хрущев (Правда, 27 мая 1960 г.) и *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 532—534.

[35] XVIII съезд ВКП(б), с. 59.

[36] По этому поводу см. *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale, p. 330.

[37] Очерки по истории Компартии Эстонии. Таллин, 1963, т. 2; Очерки по истории Коммунистической партии Латвии. Рига, 1966, т. 2 — приведено в: *Рой А. Медведев*. Указ. соч., с. 426—427; Всесоюзное совещание историков, с. 286.

[38] *J. Broz Tito*. Op. cit., p. 77—78; *Phyllis Auty*. Tito: Biografia, p. 147—148, 155.

[39] *P. Spriano*. Op. cit., v. 3, p. 246—261.

[40] Ibid., p. 309—335; *Jacques Fauvet*. Histoire du Parti communiste français. Paris, 1964, v. 1, p. 249—259; v. 2, p. 13—27.

[41] *Ernst Fischer*. Ricordi e riflessioni, p. 485—486.

[42] Интересное свидетельство об атмосфере и спорах той поры см. ibid., p. 483—515.

[43] *P. Togliatti*. Problemi del movimento operaio internazionale, p. 331.

VIII. *Навстречу испытанию*

[1] История Великой Отечественной войны, т. 1, гл. VI; *В. А. Маамяги*. О некоторых особенностях перехода Прибалтийских советских республик к строительству социализма (1940—1941 гг.). — «История СССР», 1962, № 6; *И. А. Штейман*. Социалистическая революция 1940 г. в Прибалтике. — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6, с. 55—69.

[2] *W. L. Shirer*. Op. cit., v. 2, p. 683—684; *J. Ellenstein*. Op. cit., v. 3, p. 28—29; Documents on German Foreign Policy, v. VIII, p. 164—168.

[3] Исторический архив, 1960, № 3, с. 35—60.

[4] История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 93, 98, 101 (Интерпретация автора. — *Прим. ред.*).

[5] Там же, с. 78—81 (Интерпретация автора. — *Прим. ред.*); Всесоюзное совещание историков, с. 69, 151, 172; *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 270.

[6] Правда, 3 декабря 1939.

[7] *А. Чаковский*. Блокада. — «Знамя», 1968, № 10, с. 14—15.

[8] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 263—271; Социалистическое народное хозяйство.., с. 490, 517.

[9] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 276—277; *A. Werth*. Op. cit., p. 79.

[10] *J. Erickson*. Op. cit., p. 509.

[11] XVIII съезд ВКП(б), с. 282—315; КПСС в резолюциях, т. 5, с. 335—366.

[12] *И. В. Сталин*. Соч., т. 1(14), с. 352 (*И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма, с. 579.)

[13] Промышленность СССР, с. 36; Социалистическое народное хозяйство, с. 168.

[14] Там же, с. 168; История СССР, т. 9, с. 348.

[15] Впервые это тщательно проанализировано в *N. Jasny*. Op. cit., p. 177—205.

[16] Промышленность СССР, с. 164; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 188, 193, 197—198.

[17] Социалистическое народное хозяйство, с. 247; *В. С. Лельчук*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1968, № 8, с. 43—44.

[18] Промышленность СССР, с. 318.

[19] Там же, с. 34; Социалистическое народное хозяйство, с. 21, 514—515.

[20] *A. Bek*. Op. cit., p. 229—230.

[21] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 461—463. История СССР, т. 9, с. 342—343.

[22] Социалистическое народное хозяйство, с. 188.

[23] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 413; История СССР, т. 9, с. 505.

[24] История СССР, т. 9, с. 510; История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 130.

[25] Там же, т. 5, с. 117.

40 Зак. № 380

[26] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 540; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 255—256.

[27] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 439—440; История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 122, 127.

[28] Там же, с. 127.

[29] Многие годы спустя в СССР вышли воспоминания автора изобретения: *П. К. Ощепков*. Жизнь и мечта. М., 1965. См. об этом эпизоде: *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 281—282.

[30] История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 127.

[31] Помимо указ. соч. Г. К. Жукова, см. также: *Б. Л. Ванников*. Из записок наркома вооружения. — «Военно-исторический журнал», 1962, № 2; Оборонная промышленность СССР накануне войны (Из записок наркома). — «Вопросы истории», 1968, № 10 и 1969, № 1 *А. И. Шахурин*. Авиационная промышленность накануне Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории», 1974, № 2.

[32] История Великой Отечественной войны, т. 1, с. 414—415; История СССР, т. 9, с. 508—509.

[33] Там же, т. 9, с. 345.

[34] См. газету «Правда» за декабрь 1938 г.

[35] Правда, 25, 26 июня 1940 г.; История СССР, т. 9, с. 334—335.

[36] Директивы.., с. 653—655; История СССР, т. 9, с. 325—326; История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 34—35.

[37] Там же, с. 34.

[38] *Б. Л. Ванников*. Указ. соч. — «Вопросы истории», 1968, № 10, с. 117; *Г. К. Жуков*. Указ. соч., с. 218.

[39] *Г. К. Жуков*. Указ. соч., т. 1, с. 240.

[40] *Б. Л. Ванников*. Указ. соч. — «Военно-исторический журнал», 1962, № 2, с. 85—86.

[41] КПСС в резолюциях, т. 5, с. 468; История КПСС, т. 5, кн. 1, с. 128.

[42] Народное хозяйство СССР в 1963 г., с. 8; История СССР, т. 9, с. 489.

[43] Промышленность СССР, с. 32.

[44] Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. М., 1962, с. 30—35.

[45] Там же, с. 30.

[46] *I. Deutscher*. Il profeta esiliato, p. 577—593.

[47] *Roy A. Medvedev*. Op. cit., p. 230.

[48] XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956, т. 1, с. 118.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание

Монография

Джузеппе Боффа

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Том 1

От революции до второй мировой войны.
Ленин и Сталин. 1917—1941

Редактор *Т. Б. Романова*

Оформление художника *Ю. С. Саевича*

Художественный редактор *Н. Д. Смольникова*

Технический редактор *Г. В. Лазарева*

Корректор *С. Ю. Чупахина*

ИБ № 1875

Подписано в печать 13.12.93. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,5. Усл. кр.-отт. 40,3. Уч.-изд. л. 47,55. Тираж 25000. Заказ 380. Изд. № 19-и/90.

Издательство «Международные отношения». 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20.

Отпечатано с готовых пленок в Тульской типографии. 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.

Боффа Дж.

Б72 История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917—1941 гг./Пер. с итал. И. Б. Левина.—2-е изд.— М., Междунар. отношения, 1994.— 632 с.

ISBN 5-7133-0544-9

Впервые на русском языке издается большая исследовательская работа «История Советского Союза» (в двух томах), написанная одним из самых авторитетных специалистов по проблемам развития социалистических стран Джузеппе Боффа. Итальянский ученый дает комплексный анализ истории Советского государства. По охвату событий, по оригинальности подхода этот труд не имеет аналогов в мировой историографии. Автор раскрывает трудности становления Советской власти и вместе с тем показывает полную неприемлемость сталинской модели социализма. Первый том включает события 1917—1941 годов.

Для читателей, интересующихся историей СССР.

Б $\frac{0503020000—037}{003(01)—94}$ Без объявл. **ББК 63.3(2)**

орой
итал.
4.—

тского
звития
стории
алогов
вместе
ючает

.3(2)

